РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Аверкиев Д. В.
Айвазов И. Г.
Аквилонов Е. П.
Аксаков И. С.
Антоний (Храповицкий), митр.
Аракчеев А. А.
Бабурин С. Н.
Башилов Б.
Бондаренко В. Г.
Бородин Л. И.
Булацель П. Ф.
Буткевич Т. И.
Бутми Г. В.
Величко В. Л.
Винберг Ф. В.
Воробьевский Ю. Ю.
Восторгов И. И.
Вязигин А. С.
Голицын Д. П.
Грингмут В. А.
Державин Г. Р.
Достоевский Ф. М.
Дубровин А. И.
Дудко Д. С.
Жевахов Н. Д.
Жеденов Н. Н.
Замысловский Г. Г.
Иванов В. Ф.
Ильин И. А.
Книга русской скорби
Крупин В. Н.
Крушеван П. А.
Кузьмин А. Г.
Куняев С. Ю.
Любомудров М. Н.
Марков Н. Е.
Меньшиков М. О.
Мержеевский В. Д.
Миронов Б. С.
Нечволодов А. Д.
Никольский Б. В.
Нилов В.
Нилус С. А.
Осипов В. Н.
Пасхалов К. Н.
Проханов А. А.
Рогозин Д. О.
Розанов В. В.
Ростопчин Ф. В.
Семанов С. Н.
Сенин А. А.
Солоухин В. А.
Суворин А. С.
Фотий (Спасский), архим.
Хатюшин В. В.
Цикунов А. К.
Чванов М. А.
Чивилихин В. А.
Шарапов С. Ф.
Шафаревич И. Р.
Шевцов И. М.
Шиманов Г. М.
Шипунов Ф. Я.
Шмаков А. С.

НИКОЛАЙ ЖЕДЕНОВ

ГРОЗА ВРАГОВ РУССКОГО НАРОДА

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

УДК 947.083.76
ББК 66.1(2)5 Я44
Ж 47

Жеденов Н. Н.

Ж 47 Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 704 с.

В книге публикуются труды Николая Ивановича Жеденова, русского педагога, публициста, одного из основателей Союза Русского Народа, издателя монархической газеты «Гроза», руководителя «Общества по изучению иудейского племени».

Как русский общественный деятель Жеденов проделал характерную для своего времени эволюцию от участника революционного (народнического) движения до последовательного монархиста, активного борца против иудейского засилья в русских экономике и культуре.

Труды Жеденова отвечают национальным интересам русского народа. Их изучение способствует возрождению России на исторических началах – Православия, Самодержавия и Народности.

Все опубликованные в настоящем издании произведения Жеденова издаются впервые после 1917 года.

ISBN 978-5-4261-0048-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Николаевич Жеденов[1] – чиновник, талантливый публицист, педагог, много потрудившийся на ниве национального просвещения русского народа, издатель, активный деятель правомонархического движения.

К сожалению, до сих пор неизвестна точная дата рождения Н. Н. Жеденова. В биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» сказано, однако, что он родился около 1861 года.

Потомственный дворянин Мокшанского уезда Пензенской губернии, пензенский помещик, сын отставного подполковника, Жеденов принадлежал к старинному дворянскому роду, который был внесен в VI часть родословной книги Курской губернии.

В словаре «Деятели революционного движения России» содержится информация о том, что в молодости Жеденов участвовал в революционном (народническом) движении. Согласно этому словарю, в начале 1880-х гг., будучи студентом Московского университета, Жеденов за участие в студенческих беспорядках, происходивших в апреле 1881 года, был исключен из университета на один год. Затем Жеденов уехал в имение отца в Пензенскую губернию. В августе 1881 года

---

[1] В некоторых источниках встречается другой вариант написания фамилии «Жеденов» – «Жеденев» (См., напр.: Ответ [Н. Н.] Маркова 2-го на статью Жеденева в «Русском Знамени». СПб., 1910). – *Здесь и далее примечания составителя, если не указано иное.*

он поступил в Казанский университет. Осенью 1881 года, вследствие полученных Московским жандармским управлением негласным путем сведений о «преступной» переписке Жеденова со своим товарищем, студентом Московского университета Н. К. Цветаевым, Николай Николаевич был подвергнут в Казани обыску. При обыске у него были найдены письма, изобличающие обоих в политической неблагонадежности и взаимной пересылке прокламаций.

Жеденов был арестован 27 ноября 1881 года и привлечен к дознанию при Московском жандармском управлении по делу Н. К. Цветаева. По Высочайшему повелению от 5 мая 1882 года Жеденов был подвергнут тюремному заключению на шесть месяцев, считая срок со дня его ареста, с последующим подчинением гласному надзору на три года. С 27 мая 1882 г. Жеденов был подчинен гласному надзору в Казани. По сведениям Казанского жандармского управления от июля 1882 года, Жеденов продолжал знакомства с политически неблагонадежными лицами.

Жеденова заподозрили в числе многих других в распространении народовольческих прокламаций и газет, рассылавшихся из Казани по почте на адрес разных лиц в период с 11 ноября 1881 по 19 августа 1882 года; но так как при сличении его почерка с почерком адресов на конвертах, в которых рассылались эти прокламации, сходства не было обнаружено, то к дознанию по этому делу он привлечен не был. В начале 1884 года Жеденов состоял под гласным надзором в г. Цивильске Казанской губернии. По Высочайшему повелению от 22 марта 1884 г. Жеденов был освобожден от гласного надзора, а 8 мая 1884 г. он переехал на постоянное жительство в Казань, где был подчинен негласному надзору[1].

[1] Деятели революционного движения России. Биобиблиографический словарь. Т. III. Восьмидесятые годы. Вып. 2. Г–З. Сост. Р. М. Кантором, П. Г. Любомировым, А. А. Шиловым и Е. Н. Кушевой. [М.], 1934. С. 1396–1397. В словаре имеется ссылка на соответствующие источники: Справка (Н. Н. Жеденев). – МЮ. 1882. № 9129; 1882. № 9432. – ДП. III. 1883. № 1335; 1884. №

Однако к концу 1880-х годов Жеденов, как и другой более известный правый политический деятель, Л. А. Тихомиров, полностью порвал со своим революционным прошлым. В 1890-е годы он служил земским начальником в Камышинском уезде Саратовской губернии, внедрял различные новшества в своем хозяйстве. В частности, он создавал сельские пожарные команды, устраивал ясли для крестьянских детей.

Также он профессионально занимался вопросами социальной адаптации беспризорников и сирот. Жеденов являлся, по сути дела, разработчиком проекта создания детских «приютов самопомощи». Талантливый писатель и публицист написал ряд книг и брошюр с целью «дать движение к развитию сельскохозяйственных приютов». Он считал, что «найти способ к возможно дешевому содержанию детей составляет нравственную обязанность каждого гражданина» и что данное намерение можно достойно осуществить путем «повсеместного учреждения сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи, дающих возможность содержать детей без малейшей на текущее содержание их траты со стороны государства и населения», причем «нуждающиеся в призрении дети будут все избавлены от нищеты и пороков».

Поскольку педагогические идеи Жеденова во многом предвосхитили последующие направления в развитии отечественной педагогической мысли, в том числе известную «теорию коллективного воспитания» А. С. Макаренко, познакомимся с педагогикой Жеденова подробнее. Кроме того, даже самое поверхностное ознакомление с педагогическими идеями Жеденова полностью опровергает созданный вра-

---

433. – Обзор II. 60, 39. – Список поднадзорных (Ук.). Участники народовольческого движения. Сб. «Народовольцы». III. 297. О Жеденеве-черносотенце ср. Адрес-календарь (1890-е гг.). – Венгеров С. [А.] Список. – Падение царского режима. Т. VI. М.; Л., 1926. С. 193; Т. VII. М.; Л., 1927. С. 339. – Поссе В. [А.] Мой жизненный путь (Ук.).

гами русского народа миф о «человеконенавистнической» сущности черносотенцев, об их «отсталости», «грубости» и «мракобесии». Напротив, Николай Николаевич вводил в систему воспитания и образования самые передовые по тому времени идеи и далеко не всегда встречал одобрение своих инициатив со стороны властей предержащих.

Строй жизни в приютах, по утверждению Н. Н. Жеденова, должен зиждиться на следующих основных принципах:

1) Сельское начало;

2) Крестьянская простота жизни;

3) Усовершенствованная техника.

Кроме того, должны неизменно соблюдаться следующие правила:

1) Приюты должны быть вне зависимости от рынка, потребляя только то, что производится ими самостоятельно;

2) Обработка сырых продуктов хозяйства приютов должна совершаться их же собственными силами[1].

По мысли Жеденова, грамотность и ремесла в приютах должны являться лишь дополнением к основному занятию – сельскому хозяйству. Приюты являлись как бы образцовыми фермами и должны были, по мнению публициста, кроме всего прочего, обучать крестьян землестроению.

Жеденов не без основания считал, что существовавшие в то время «филантропические учреждения» требовали весьма солидных финансовых расходов как на их первоначальное существование, так и на постоянное содержание. Публицист особо отмечал, что «призреваемые принимаются за совершенно беспомощных и труд их на пользу тех учреждений, которые содержат их, эксплуатируется в самых ничтожных размерах в виде исполнения в мастерских заказов, дающих сравнительно малый доход». Соответственно, приютам требуются деньги в виде различных

---

1 Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. СПб., 1896. С. 133.

пожертвований. Жеденов предложил организовать в приютах систему общественных работ для детей всех возрастов. По его мнению, из хозяйственных работ наиболее важные для девочек – приготовление пищи, стирка белья и полов, доение коров, уход за малолетними детьми до четырехлетнего возраста, за телятами, ягнятами, птицей и стрижка овец, обработка конопли, льна и шерсти; прядение из кудели и шерсти ниток (достаточно легкая, чисто механическая работа). Конечно, при этом в приютах должно быть достаточное количество современных прялок и ткацких станков. Для мальчиков полезны чистка хлевов и двора, рубка дров и уход за взрослым скотом, изготовление кож и валяной обуви, полушубков, свитков, щепных изделий в виде чашек, ложек, колес; осуществление плотничьих и столярных работ, починка мелких принадлежностей хозяйства, а также исполнение самых необходимых кузнечно-слесарных работ. Кроме того, мальчики являются прекрасными пастухами. Таким образом, каждый воспитанник должен обучаться соответствующим ремеслам, «утилизируя все сырые продукты приютского хозяйства»[1].

По мнению Жеденова, «вся жизнь приюта должна быть проста и приноровлена к обычной земледельческой жизни: в приюте должны быть введены обычные крестьянские ку-

---

[1] Жеденов Н. Н. Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Саратов, 1894. С. 12. Следуя этому правилу, Жеденов также выпустил несколько брошюр, посвященных правильному ведению сельского хозяйства: Жеденов Н. Н. Дети работники: Рассказ. СПб., 1896; Он же. Краткие сведения по огородничеству: Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. СПб., 1898; Он же. Огурцы, как они растут и как их сажать: Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. СПб., 1898 и др. Кроме того, он же издал ряд работ, посвященных разным сторонам сельской жизни и благотворительности: Жеденов Н. Н. Крестьянские деловые и частные бумаги: 32 формы. СПб., 1897; Он же. Сельские пожарные команды: Руководство к организации их без особых денежных затрат / [Соч.] Н. Жеденова. СПб., 1896; Он же. Кому и как помогать? / [Соч.] Н. Н. Жеденова. СПб., 1898; Он же. Сельскохозяйственные приюты самопомощи для детей воинов-земледельцев. М., 1904 и др.

шанья, носиться крестьянское же платье и обувь, и только с поднятием культуры сельского хозяйства приюта последний имеет право улучшить обстановку своей жизни». С другой стороны, «чего же он не может достичь собственными силами, то и не должно числиться в обычном обиходе приюта». Иначе, по словам Жеденова, самостоятельное его существование окажется немыслимым. Вообще, заключает публицист, «приют должен вести свою жизнь по возможности без посторонней помощи»[1].

Среди всего прочего в кустарно-ремесленном деле приют должен преследовать цель приспособления воспитанника к той среде, в которой ему придется жить. Приюты-школы должны исполнять не только свое образовательное назначение, но воспитательное, и последнее еще в большей степени. Занятые трудом, избавленные от влияния развращающих пороков взрослых, воспитанники приютов станут, по мысли Жеденова, мощным противовесом деятельности разрушительных элементов и принесут прогрессивные веяния в инертную народную массу. Практика создания и работы волостных сельскохозяйственных приютов в Камышинском уезде Саратовской губернии (Тарасовского, Красноярского, Лопуховского и Бурлукского) показала, что их деятельность была встречена с большим одобрением; они были премированы и даже взяты за образец в некоторых учреждениях. Жеденов надеялся, что, после всеобщего признания, «Россия быстро покроется десятками тысяч подобных школ-приютов, и беспризорные дети, сотнями тысяч голосов по необъятной нашей родине тщетно взывающие теперь к общественной помощи, найдут, наконец, себе убежище, а дело народного сельскохозяйственного образования сделает громадный шаг вперед»[2].

[1] Жеденов Н. Н. Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. С. 13.

[2] Там же. С. 24.

Также коснемся вопроса, связанного с историей возникновения и развития первых сельскохозяйственных приютов в 1890-е годы. Первые детские приюты стали появляться в странах Западной Европы (в Голландии, Франции, Швейцарии), а затем и в России еще в конце XVIII – начале XIX столетия. Однако их повсеместное распространение в нашей стране имело место после печальных событий, связанных с голодом в Поволжье в начале 1890-х годов, когда количество беспризорных детей резко увеличилось. В 1891 году начал действовать Благотворительный Комитет, работавший под председательством Наследника Цесаревича Николая Александровича (будущего Императора Николая II). Тогда же в Саратове было открыто его губернское отделение, а от последнего чуть позже возникли участковые и волостные отделения. Крестьянские общины (сельские общества) часто на своих сходах принимали решение об учреждении приютов для детей, которые содержались за счет общины. Типичный пример – создание в Саратовской губернии, в слободе Тарасова сельскохозяйственного приюта самопомощи.

Постройка одноэтажных зданий в этом учреждении осуществлялась из так называемого самана (земляного кирпича), который совершенно безопасен в пожарном отношении. К тому же постройки из такого материала дешевле и теплее, чем из дерева. Крыши зданий крылись железом. Приют был разделен на мужскую и женскую половины. Кроме того, жилое здание приюта включало в себя коридор, кухню, помещение смотрителей, залу, канцелярию, общую мастерскую, чулан, сени, мужской и женский лазареты. Каждый приют располагал большим двором, гумном и коноплянниками. Поля, значившиеся за приютами, расширялись из года в год и располагались на территории отдельными участками, полосами и чередовались с крестьянскими деревенскими полями.

Мебель в учреждении использовалась только самая необходимая, в виде столов в мастерской и в классной комнате, шкафов для книг, коек, которые поднимались у изголовья на петлях к стене, а к ней они, в свою очередь, пристегивались маленькими крючками.

В основу материального существования приюта были положены так называемые общественные запашки. Воспитанники осуществляли систематический уход за огородами. При этом мальчики пахали землю, девочки сгребали сено. Уже осенью 1893 года на Саратовской областной выставке ее комитет наградил Тарасовский приют большой серебряной медалью «за идею самостоятельного существования» и похвальным листом за огородные овощи. К весне 1894 года три существовавших к тому времени приюта (кроме Бурлукского) помещались уже в собственных зданиях. Они тотчас же приступили к расширению своего хозяйства. Воспитанники активно участвовали в сенокосе. При сельскохозяйственных работах начали активно использовать машины-сеялки работы г-на Эрта, позже – жнейки, четырехконные молотилки с керосиновым двигателем для молотьбы хлеба. Примерно в это же время начали активно использоваться двухколесные плуги Воронежского Товарищества «Столль и К°», № 5. Для сенокошения применялись сенокосилки Вуда и конные грабли.

Борьба с засухой осуществлялась путем искусственного орошения. Активно применялись щиты для задерживания снега. С 1895 года начали внедрять пчеловодство в Красноярском и Тарасовском приютах. Кроме того, в Красноярском приюте сажали яблони, ягодные кусты, однако засуха помешала успеху в этом начинании. Состав и количество рабочего скота находились в прямой зависимости от качества и количества лугов. Еще через год работы все три приюта имели от 50 до 70 десятин земли в запашке, а летом подняли пар, засеяли рожью; осенью же приготовили под

яр на 1896 год то количество земли, которое каждым из них было установлено сообразно ее качеству. Сев культур осуществлялся и руками, и рядовою сеялкой. На сенокошение и на вязку снопов отправляли и «женский элемент».

В сочинении Жеденова «Детские сельскохозяйственные приюты самопомощи» подробно расписан распорядок дня воспитанников. Главный принцип работы приютов – распределение работ по половому признаку, когда каждый воспитанник получает конкретное задание. Дети поднимались с рассветом, а зимою – «с огнем». Сразу же мальчики направлялись на чистку хлевов, кормление скота, заготовку дров; девочки кормили кур, доили коров, готовили завтрак. Пища в приютах готовилась в зависимости от народности воспитанников. В великорусских приютах – Лопуховском и Бурлукском – варили щи, кашу с салом и постным маслом, употребляли вареное мясо, пили кислое молоко, ели пшенник, сальник с кашею и ливером, свекольник, студень и другие традиционные великорусские блюда. В малорусских же заведениях – Тарасовском и Красноярском – галушки, борщ, вареники, кабанье сало и также каша, мясо и прочее. На завтрак готовилось одно блюдо, на обед и ужин по два; по праздникам завтрака не было, но зато пекли пироги с разной начинкой – с мясом, капустой, творогом, горохом, кашей, морковью, а иногда и ягодами.

Сразу после завтрака осуществлялись ремесленные работы до обеда. Если день был уже достаточно долгим, то около четырех-пяти часов полдничали: закусывали хлебом с молоком или огурцом, кашей, капустой. После полдника снова задавали скоту корм. И, когда девушки заканчивали дойку коров, садились за грамоту. Затем ужинали и общею молитвою заканчивали день. Мальчики задавали скоту корм на ночь и ложились спать, а девушки пряли до первых петухов, напевая песни. Руководство приютов постепенно обеспечило воспитанников прялками с колесами (само-

прялками) вместо старых ручных прялок. Ночью старшие мальчики вставали один раз и осматривали скот. Летом обучение грамоте и ремеслам отсутствовало. В это время приютам было не до них – разве только случится какая-нибудь починка. Спали, как уже отмечалось, в разных комнатах – по половому признаку. В поле ночевали в холщовых палатках, подстилая войлочные полости.

Одежда изготовлялась в приютах согласно местным обычаям. С наступлением летнего времени дети ходили босиком. Для работ на поле выдавались сандалии или так называемые опорки вроде туфель. Каждую субботу обязательно топилась баня. Топка печей производилась дровами или кизяком (кирпич из навоза)[1].

Особое внимание в книгах и брошюрах Н. Н. Жеденова уделено вопросу, связанному с финансовым обеспечением приютов. По его мнению, приюты должны существовать самостоятельно, практически без субсидирования со стороны кого бы то ни было, и вести самостоятельную хозяйственную жизнь. Вместе с тем публицист считал, что заказы на изделия, выполненные воспитанниками, отнюдь не должны быть принимаемы в этих заведениях, так как на заказах можно прогадать и в ценах, и в продолжительности работ. Таким образом, данное обстоятельство может стать бременем для приютов. Можно, конечно, с точки зрения Н. Н. Жеденова, изготовлять изделия и на продажу – но только не на определенного покупателя.

Обучение грамоте воспитанников приютов осуществлялось с окончанием полевых работ (с 1 ноября) до их начала (по 1 марта). Мальчики и девочки обучались чтению, письму и рисованию. Кроме того, их обучали молитве в классных комнатах. Изучение арифметики, решение задач на счисление и «умственных задач» осуществлялось

[1] Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи… С. 70–71.

в приютах за нешумною работою, тесным кружком. При этом мальчики участвовали в шитье обуви, резали ложки, девочки вязали и шили. Учитель задавал вопросы, поправлял ошибки, объяснял трудные задачи. По словам Жеденова, детям нравилась такая система обучения. Посредством этой методики они отвлекались от шалостей и беспечных забав, увлекались обучением. От воодушевленности и радости при достижении положительных результатов в учебе у них начинали блестеть глаза. По праздникам в обязательном порядке воспитанники по очереди читали по главе из Священной истории, после чего законоучитель или священник задавал им вопросы на закрепление пройденного материала. Кроме того, в минуты отдыха осуществлялось чтение небольших светских рассказов в течение часа, после чего велась оживленная беседа.

При приютах создавались для воспитанников библиотеки. Хотя перед учреждениями остро стояла проблема нехватки книг, тем не менее в их распоряжении находилась хорошая подборка церковной и богословской литературы, а также специальной литературы по агрономии (сочинения Е. Г. Аверкиевой о свекле, огурцах, капусте и т.д.), сборники рассказов из жизни крестьян.

Помимо теоретического обучения воспитанники под руководством смотрителей осуществляли практические опыты. Так, к примеру, в период осени–зимы 1894 года в Красноярском и Тарасовском приютах ежедневно осуществлялись троекратные наблюдения за температурой воздуха, измерения атмосферного давления с помощью барометра, определение направления и скорости ветра[1].

Коснемся вопроса, связанного с воспитанием детей в приютах самопомощи. Главный принцип, который был положен в основу работы приютов, – это семейная форма воспитания. Жизнь приютов текла в религиозно-нравственном

---

1 Там же. С. 84.

духе. Обязательной была общая молитва, в которой участвовали все дети; начиная с шести лет каждый знал обычные молитвы. По праздникам воспитанники совместно посещали церковь, при этом хорошо поющих ставили на левый клирос. Обращение смотрителей с детьми предполагалось «совершенно отеческое»; дети же именовали друг друга не иначе как братьями и сестрами. Кроме того, общая совместная работа накрепко спаивала воедино детский коллектив. Каждая девушка старше десяти лет избирала себе сестру или брата, воспитывала их (до шести лет) на женской половине. При этом малышей они именовали сынками или дочками, мыли их, чесали, стирали им белье. Те, естественно, крепко привязывались к ним, плакали при расставании, кидались при встрече на руки и т.д. Крепкими поцелуями обменивались дети между собою после долгой разлуки, ежели таковая случалась[1].

Детям изначально внушалось, что все находящееся в приюте составляет их собственность, а не чью-либо другую. Если требовалась починка плуга, то покупка для этого специального материала совершалась на их собственные средства, так как для уплаты денег необходимо продать хлеб, добытый таким тяжелым, их же трудом; следовательно, всем становилось очевидно, что необходимо бережно относиться к имуществу.

Кухней и кладовой заведовали девушки. Они рассчитывали количество необходимых продуктов для приготовления пищи. Мелкое воровство (а эта проблема первоначально остро стояла) постепенно сошло на нет, так как сами дети поняли, что малейший утаенный кусок хлеба отнят соответственно у всех. Каждый такой случай неизменно выставлялся на всеобщее обсуждение и порицался.

Основные меры наказания – постановка провинившегося в угол для младших ребят, а для старших – смещение

[1] Там же. С. 87, 90.

с главной работы на второстепенную. Телесное наказание (расправа за вихор, дранье ушей и пр., широко практиковавшиеся в крестьянской среде того времени) строжайше запрещалось.

Среди популярных развлечений следует в первую очередь отметить охоту, рыболовство, посещение родственников в деревнях и селах, пение великорусских и малорусских песен, пляски, хороводы, организацию оркестров из рожков, свирелок, гармоники, треугольника, балалайки, флажолета, окарин, бубнов, тарелок, скрипки. Смотрители специально обучали воспитанников этим искусствам. По зимним вечерам на женскую половину приходили бабы и девушки со своими гребнями и прялками на посиделки. Они пряли и пели песни до первых, а то и до вторых петухов.

Буквально через два-три года после создания первых приютов произошли первые выпуски. В шестнадцать лет девушки фактически становились потенциальными невестами, а мальчики в семнадцать лет – женихами. Начинали заезжать в приюты сваты, там же вскоре состоялись первые свадьбы. Организовывались нарядные свадебные поезда. Юноши-выпускники, в отличие от своих сверстников, не употребляли спиртных напитков и, кроме того, являлись хорошими добросовестными работниками. В связи с этим они выгодно отличались от деревенских парней. Свадьбы в приютах становились всеобщими праздниками, в которых принимали деятельное участие все воспитанники. Мало того, каждый год, в день открытия приютов, организовывались так называемые годичные акты, на которые стекалось население со всей окружающей местности. В большой зале вешались портреты Государя и Императрицы; на мероприятии присутствовали смотрители приютов и старшина, семь священников и диакон. Торжественное собрание начиналось с молитвы и водосвятия. Кроме того, следовало исполнение гимнов и патриотических песен (хоровым пением),

таких как «Славься! Славься!», «Многая лета» Государю Императору, Императрице, Наследникам Цесаревичам, народных великорусских и малорусских песен. Непреклонно исповедовался принцип всецелой любви к Царю земному (члены совета приюта постоянно напоминали об этом)[1].

Как правило, выпускники приютов производили на народ значительное положительное впечатление. Бывшие питомцы приютов поддерживали с ними постоянные сношения. Они смотрели на приют как на родительский дом.

Кроме того, приюты познакомили крестьян с невиданными дотоле растениями – редисом, двухпудовою тыквою, гаоляном, прекрасной свеклою, различными сортами огурцов, капусты. Вскоре после появления приютов крестьяне в деревнях и селах также начали систематически высаживать редис, овладели приемами травосеяния и организации искусственного орошения полей.

Управление приютами самопомощи осуществлялось следующим образом. Обучением и воспитанием детей в приютах занимался смотритель. В качестве смотрителей подбирались люди умные, добрые, честные, старательные, стоящие на более высоком, нежели средний крестьянский, уровне развития. По социальному положению они являлись, как правило, выходцами либо из разночинцев, либо из крестьян. Предпочтение отдавалось лицам старше двадцати пяти – тридцати лет, то есть уже достаточно опытным; к тому же людям ровного характера, не употребляющим спиртное. Приюты, по словам Жеденова, не могли обеспечить смотрителей жалованием большим чем триста рублей в год, однако в то же время ставили их на готовое содержание. Смотритель вел специальные книги: кассовую на расходование денег (форма 6), амбарную на запись зерна (форма 7), продовольственную на запись обыденного расходования продуктов (форма 8), овощную (форма 9), книгу

1 Там же. С. 123.

животных (форма 10), книгу материалов для обуви и одежды (форма 11), книгу одежды и обуви (форма 12), книгу упряжи и другого инвентаря (форма 13), книгу кормовых продуктов (форма 14)[1]. Для преподавания ремесел смотрители приглашали местных мастеров за плату размером в две, три, четыре копейки в час. Они утверждались в должности с одобрения двух членов совета, избираемых для заведования приютом.

Советы приютов, являвшиеся высшими органами управления, состояли из крестьян, священников, фельдшеров, учителей и других лиц, желавших работать на пользу сирот. Жеденов в своей книге приводит состав одного из таких советов: старшина, председатель суда, шесть сельских старост, четыре священника, волостной писарь, участковый врач, фельдшер и учитель местной земской школы. Общее наблюдение за приютами входило в компетенцию земского начальника, который иногда председательствовал на заседаниях.

Жеденов в своей книге ознакомил читателей и с документами, касающимися деятельности приютов. Так, в приложении к книге «Детские сельскохозяйственные приюты самопомощи» он привел текст устава Тарасовского (Красноярского, Лопуховского и Бурлукского) волостного сельскохозяйственного приюта из 57 пунктов; таблицы, содержащие финансовую отчетность приютов, образцы ведения кассовых, амбарных, кормовых и прочих книг, схематический план приюта, план полей Лопуховского детского сельскохозяйственного приюта[2].

Итак, первая половина 1890-х годов ознаменовалась созданием и развитием, согласно идеям и предложениям Жеденова, детских приютов самопомощи в Саратовской губернии. Вскоре произошел значительный прорыв в организации приютов по всей России. 13 ноября 1895 года после-

---

[1] Там же. С. 146.

[2] Там же. С. 183–212.

довало Высочайшее повеление об учреждении Ольгинского работного дома для нищенствующих детей, в разрабатываемое положение о котором были внесены такие пункты, как семейное начало, простота жизни и сельскохозяйственно-ремесленные занятия при наличии усовершенствованной техники, «составляющие, при религиозно-нравственном воспитании, характерные отличия приютов самопомощи». С этого момента подобные приюты стали учреждаться по всей необъятной России один за другим.

Вместе с тем организация приютов самопомощи вызвала ожесточенную критику со стороны части либерально настроенной интеллигенции, которая, как правило, считала этот проект утопическим. Кроме того, в числе недовольных деятельностью приютов оказались кулаки и руководство крестьянских общин, так как они лишились возможности использовать дешевый детский труд, ибо после организации приютов спрос на детские рабочие руки резко повысился и, соответственно, повысилась и цена на них. Началась критика интеллигенцией деятельности Жеденова в литературе и в периодической печати. Ее аргументы сводились буквально к следующему: «Бегают же собаки по улицам и кормятся; почему же так же не кормиться и сиротам? Если дети подчас и голодают, а девушки пропадают в различных притонах, то это вполне естественно – на то они и сироты»[1].

Известный публицист Д. А. Линев (Далин) оставил нам воспоминания о деятельности Жеденова на педагогическом поприще, содержащие традиционную для либерально настроенной интеллигенции критику: «Я видел хорошего человека (Н. Н. Жеденова. – *Д. С.*) и несколько часов подряд слушал его хорошие речи. Он говорил о деревенских сиротах, о необходимости призреть их, образовать и воспитать, говорил, что из них следует приготовить пионеров в деле распространения в деревне сельскохозяйственных знаний, и

[1] Там же. С. 106.

больше всего горячо убеждал, что все это не только должно сделать, но и можно... *без гроша денег* (Здесь и далее – курсив автора. – *Д. С.*) [...] Это было в Вольно-Экономическом Обществе. За длинным столом, за которым могли бы поместиться сорок, пятьдесят человек, сидело всего человек десять членов этого почтенного учреждения. Две дамы, один офицер, один студент и два журналиста составляли “публику”. Именно перед этой очень уж небольшой аудиторией и говорил хороший человек. Он говорил, имея перед собой целую кипу тетрадей и записок, говорил лихорадочно, то и дело перебегал от одной тетради к другой и, очевидно, тщетно старался быть кратким. Он явился в Вольно-Экономическое Общество из Саратовской губернии, явился с результатом своих многолетних дум и однолетнего практического опыта, явился с верой и надеждой...»[1].

Мнение Д. А. Линева (Далина) категорично: для борьбы со злом нужны деньги, и только деньги. Мало того, «хороший человек», говоря «почти исключительно о деревенских сиротах», тем самым, по мнению Линева, «значительно ослабил значение своего доклада», ибо, считает он, «сироты – только часть целого, того целого, которое представляет собою бесприютное и беспризорное детство вообще». И далее автор развивает свою точку зрения относительно вопроса, связанного с возможностью функционирования детских приютов: «А между тем, г. Жеденов (фамилия филантропа) несомненно добрый человек, человек искренно преданный делу помощи и образованию деревенских детишек, во всяком случае, немало для них поработавший в Камышинском уезде. Он только [...] смешал немного фантазию с действительностью, взвел нечто *случайное*, *непрочное* в общее правило, в фундаментальное. [...] Дети, хотя бы и деревенские дети, от одного до пятнадцати-шестнадцати лет, слишком плохие кормильцы и поильцы. Что бы ни говорил г. Жеденов, а этих

[1] Линев Д. А. (Далин). Не сказки. СПб., 1895. С. 86–87.

детей, раз они почему-либо лишены естественного попечительства – родительского, должно содержать и воспитывать общество. *И незачем истощать их неокрепшие физически организмы в попытках преждевременного превращения их в работников*. Эти попытки, да еще возведенные в *общее правило*, – прямо-таки нехорошие, *вредные попытки*»[1].

Рассуждая теоретически, как будто трудно не согласиться с довольно убедительными доводами Д. А. Линева (Далина). Однако, принимая во внимание факты недостаточного финансирования со стороны государства системы образования, в том числе и в наши дни, нельзя не признать опыт организации приютов самопомощи в Саратовской губернии положительным.

Автору сих строк самому довелось несколько лет поработать учителем истории в одной из школ-интернатов Петербурга и познакомиться с проблемой функционирования подобных заведений не понаслышке. Даже при вполне неплохом финансовом обеспечении школы и при наличии богатых спонсоров тем не менее перед педагогами встает острая проблема воспитания детей и приобщения их к труду. Детей в сегодняшней школе просто необходимо занять чем-то полезным, чтобы они не были предоставлены самим себе, то есть фактически улице. Иначе подрастающее поколение рискует существенно пополнить ряды преступников, наркоманов, алкоголиков и прочих асоциальных общностей. Это прекрасно понимали и классики советской педагогики – например, всем нам хорошо известный А. С. Макаренко, который, по сути дела, через тридцать лет после Жеденова развил многие его идеи и разработал принцип коллективного трудового воспитания, во многом перекликающийся с предложениями Жеденова. Однако, конечно, духовные, идеологические основы их трудов разительно отличались друг от друга.

1 Там же. С. 88, 95–96.

В наше же время, время небывалого падения нравственности в обществе, именно обращение подрастающего поколения к истокам, к корням русского народа, к Православию становится задачей особой важности, и как раз разработки Жеденова в этой области могут, по нашему мнению, сыграть огромную положительную роль.

Вернемся к рассмотрению его биографии. Следует отметить, что отношения Жеденова с коллегами по перу складывались далеко не просто. Это во многом объяснялось тем, что педагог и публицист обладал вспыльчивым и неуравновешенным характером. 20 марта 1896 года он вызвал известного публициста М. О. Меньшикова на дуэль в связи с оскорблениями, нанесенными ему в «Неделе» В. П. Гайдебурова (Меньшиков в тот день замещал редактора). Однако Меньшиков отказался решать вопрос столь «варварским» способом. Поэтому Жеденов в порыве гнева выстрелил в него, ранил, по разным источникам, в грудь или в руку. Официально утверждалось, что журналист был ранен в предплечье, пуля прошла навылет (правда, сам Меньшиков впоследствии писал почему-то, что пуля прошла в четырех дюймах от сердца)[1].

Так или иначе, Жеденов попал под суд. В итоге Николай Николаевич был приговорен «к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке в Архангельскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для жительства, в течение одного года и четырех месяцев, с предоставлением ему, по истечении десяти лет, права свободного избрания места жительства в Европейской России, за исключением столиц и столичных губерний. Вместе с этим суд постановил ходатайствовать перед Государем о

---

[1] Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 202.

замене назначенного Жеденову наказания заключением его в тюрьму на один год, без лишения прав»[1].

В 1904 году, за два месяца до своей трагической гибели, министр внутренних дел В. К. Плеве по рекомендации видного правого деятеля А. С. Стишинского назначил Жеденова чиновником особых поручений в Западную Сибирь по устройству хлебохранилищ для выдачи ссуд крестьянам. Позже он перевелся в Уфу к губернатору И. Н. Соколовскому, однако того вскоре ранили революционеры-террористы, заменивший же его Б. Цехановецкий разделял либеральные убеждения. Вследствие этого 20 октября 1905 года Жеденов написал Государю донесение об измене в верности уфимского губернатора и был вынужден уехать из Уфы. Он перевелся в Тамбов, где служил вице-губернатором Николай Евгеньевич Богданович, сын известного покровителя черносотенцев, пламенного публициста, издателя «кафедры Исаакиевского собора», основателя крупнейшего правомонархического салона Евгения Васильевича Богдановича. Однако Н. Е. Богданович вскоре трагически погиб от рук террориста-убийцы (17 декабря 1905 года он скончался от ран)[2].

Евгений Васильевич знал Жеденова еще тогда, когда последний был земским начальником, и в данной ситуации оказал ему поддержку. В 1905–1907 годах по рекомендации Богдановича Жеденов служил делопроизводителем канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника В. Ф. фон дер Лауница. Однако 21 декабря 1906 года последний также трагически погиб от пули убийцы-революционера. Новым градоначальником стал Д. В. Драчевский. 3 февраля 1907 года Жеденов передал через флигель-адъютанта князя Долгорукова письмо на имя Царя о засилии в градоначаль-

[1] Там же. С материалами о суде над Н. Н. Жеденовым можно ознакомиться в сети Интернет. Режим доступа: http://zt1.narod.ru/vystrel9.htm.

[2] Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917… С. 203.

стве поляков и евреев, которые при попустительстве нового градоначальника готовят заговор. А 5 февраля 1907 года Жеденов был принят дворцовым комендантом генерал-адъютантом В. А. Дедюлиным. Реакция Драчевского была незамедлительной. Уже 19 февраля 1907 года Жеденов был уволен со службы. По жалобе на несправедливое увольнение Сенат 30 апреля назначил дознание, которое установило факты растрат, поборов и связей с революционерами. В декабре 1908 года управляющий канцелярией еврей Никифоров, польский еврей Калиш, поляк Галле и еще несколько чиновников были уволены и отданы под суд, а также было сделано представление о предании Драчевского суду, которое, впрочем, дальнейшего хода не имело[1].

В эти же годы Жеденов принимал активное участие в обсуждении вопросов выборного законодательства. Еще 18 июня 1905 г. он послал министру Императорского двора барону В. Б. Фредериксу свою брошюру «Государственная Дума. Будущее законоподготовительное Собрание» с просьбой передать это сочинение Императору. Главная мысль Жеденова заключалась в том, что при системе прямой, всеобщей, равной и тайной подачи голосов и при многоступенчатых выборах в Государственную думу попадут, в качестве представителей народа, люди, интересующиеся не хозяйством, а политическим руководством в данной местности, не имеющие определенных взглядов на местные нужды, а подчас и определенных занятий. Эти люди не в состоянии будут выражать истинные нужды и дух народа и не приведут к единению Царя с народом. Император Николай II повелел передать брошюру на рассмотрение в Совет министров[2].

Чуть позже, 8 июля 1905 г., Жеденов опубликовал в газете «Уфимские ведомости» статью «Об участии в вы-

[1] Там же. С. 203.

[2] Государственная Дума (Будущее законоподготовительное собрание). СПб., 1905. См. также: Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия… С. 203.

борах по национальностям», в которой разделял инородцев на лояльных Российской государственности, таких, которые «чувствовали себя сынами общего Отца Монарха, младшими братьями русской народности и детьми Великой России» (башкиры, татары, калмыки, грузины, чуваши, эстонцы, латыши и немцы), и нелояльных (евреи, финны, поляки, армяне и др.). Участие первых в выборах, считал Жеденов, пойдет «не во вред, но к благу коренной задаче Российской империи – соединению племен Европы и Азии под единым русским знаменем», а участие вторых – сочувствующих революции – должно быть отодвинуто на несколько десятилетий, до проявления их полной покорности русским законам[1].

После увольнения с государственной службы Жеденов целиком и полностью посвятил свою жизнь общественной работе. Он был членом Русского Собрания и как специалист по крестьянскому вопросу 21 января 1908 года читал в Собрании доклад на тему «Разрушение крестьянской общины – разложение России»[2]. Кроме того, известно, что он выступал в апреле 1907 года в стенах РС с докладом об отношении к революционной печати. По словам Ю. И. Кирьянова, Жеденов «охарактеризовал целую систему мер, энергично используемых революционерами для издания и распространения революционных брошюр, листков, календарей и т.п. Для дискредитации такой деятельности, по мнению выступавшего, необходимо бороться с революционерами тем же оружием: издавать и распространять популярные сочинения, разъясняющие всю злостность и коварство народных смутьянов»[3]. Кроме того, известно, что 2 декабря 1909 года Жеденов прочитал в РС доклад «Об иоаннитах»[4].

---

[1] Цит. по: Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия… С. 203.

[2] Там же.

[3] Кирьянов Ю. И. Русское Собрание 1900–1917. М., 2003. С. 145.

[4] Отчет по Русскому Собранию за 1909 г. СПб., 1910. С. 3–18.

Жеденов был одним из главных учредителей Союза Русского Народа. Его портрет (под номером 11), наряду с игуменом Арсением (Алексеевым), св. праведным Иоанном Кронштадтским, А. И. Дубровиным, В. А. Грингмутом, В. М. Пуришкевичем, П. Ф. Булацелем и другими монархистами, можно видеть на знаменитой картине «Дни отмщения постигоша нас... покаемся, да не истребит нас Господь», принадлежавшей настоятелю Воскресенского миссионерского монастыря, вдохновителю СРН игумену Арсению (Алексееву), уменьшенная копия которой ныне хранится в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге.

В 1908 году Жеденов возглавил издательский комитет Союза Русского Народа, начал сотрудничать в крупнейшей черносотенной газете «Русское знамя». В 1909 году стал членом редакционной комиссии «Книги Русской скорби». Примерно тогда же происходит сближение Жеденова с руководителем Союза Русского Народа А. И. Дубровиным. Жеденов становится одним из последовательных его сторонников.

Во время раскола в Союзе Русского Народа Жеденов, как и следовало ожидать, решительно встал на сторону Дубровина, и его имя в этом контексте мы уже упоминали в связи с рассмотрением деятельности Н. Е. Маркова. 6 августа 1910 года Жеденов опубликовал в «Русском знамени» открытое письмо Маркову и Пуришкевичу, в котором обвинил их в том, что они утверждают, подобно кадетам, будто депутаты Государственной думы – «народные представители», хотя на самом деле они – только «советчики Государя». В своем «Возражении на ответ г. Маркова» Жеденов указывал, что «в Союзе Русского Народа у значительной части членов появилось сомнение в искренности монархизма г. Маркова. Это сомнение выражается в фактах. Внешние факты заключаются в близости г. Маркова к политическим

заговорщикам, собирающимся совершить государственный переворот, в сближении с партиями, организованными этими заговорщиками, а внутренние – в особой идее ограничения Самодержавия под знаменем земско-соборности»[1].

Вскоре Жеденов стал делегатом Пятого Всероссийского Съезда Союза Русского Народа в Москве 21 ноября – 1 декабря 1911 года от Василеостровского отдела Союза Русского Народа в Петербурге. На съезде Жеденов был председателем первой секции, которая рассматривала ситуацию внутри Союза. Тогда же он был избран почетным членом этой организации с зачислением в число членов-учредителей и членом Главного совета Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа.

Жеденов также принял активное участие в конфликте между другим членом Главного совета Дубровинского Союза Русского Народа приват-доцентом римского права Б. В. Никольским и ярым противником Дубровина Н. Е. Марковым в стенах Русского Собрания. За это 12 апреля 1912 года Жеденов был исключен из рядов этой организации вместе с Б. В. Никольским и Н. И. Еремченко[2]. Он также был известен и как активный сторонник трезвеннического движения и лично поддерживал деятельность «братца Иоанна Чурикова», из-за чего у него произошел конфликт с игуменом Арсением по поводу отзыва на книгу Чурикова. Жеденов активно участвовал в работе Нижегородского Всероссийского Совещания уполномоченных монархических организаций и правых деятелей 26–28 ноября 1915 года (так называемое Нижегородское совещание), где выступал с докладом[3].

---

1 Жеденов Н. Н. Возражение на ответ г. Маркова. СПб., 1910. С. 15.

2 Кирьянов Ю. И. Русское Собрание 1900–1917. М., 2003. С. 58; Правые партии. 1905–1917. Т. 2. С. 98–104; ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1–2.

3 Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия… С. 204. О взглядах Н. Н. Жеденова по проблеме пьянства см.: Жеденов Н. Н. Казенная, общественная и частная продажа вина, их экономическое и нравственное значение. СПб., 1896.

В 1910-е гг. Жеденов получил известность прежде всего как редактор-издатель крайне правой, черносотенной газеты «Гроза». Первым редактором-издателем и учредителем «Грозы» был Николай Иванович Большаков (Артамонов-Большаков), который был широко известен как редактор-издатель журналов «Кронштадтский маяк», «Свет России» и как автор книг об Иоанне Кронштадтском. В период с 8 ноября 1909 г. (№ 33 «Грозы») по 4 июля 1910 г. (№ 34 «Грозы») выпуск газеты был приостановлен без указания причины санкт-петербургским градоначальником. 2 января 1910 г. Большаков скоропостижно скончался, и новым издателем газеты стал Жеденов.

С его появлением в качестве редактора-издателя «Грозы» стиль издания резко изменился – газета стала более едкой и беспощадной в критике политических противников. Принимая активное участие во внутримонархических распрях, издание Жеденова едко называло В. М. Пуришкевича и его сторонников «маргариновыми монархистами», подчеркивая тем самым разницу между ними и монархистами «истинными», к коим он, несомненно, причислял и себя самого[1].

В 1912 году Жеденов назвал в «Грозе» В. М. Пуришкевича государственным преступником, заявив, что ему известно о том, что тот в одном приличном доме произнес хулу на Государя. Эту тему начал развивать Н. И. Еремченко (псевдоним Полтавец) в «Русском знамени». Пуришкевич подал в суд, обвинив Жеденова и Еремченко в клевете. В суде Жеденов не смог доказать основательность своих обвинений, и 15 декабря 1912 года суд вынес приговор: Жеденов получил 7 месяцев тюрьмы, редактор «Грозы» Н. И. Щеглов, напечатавший материал, был осужден на 2 месяца, а Еремченко угодил в тюрьму на 6 месяцев.

[1] Жеденов Н. Н. Маргариновые монархисты. Предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела». (Критический разбор). СПб., 1912.

В 1914 г. Жеденов организовал и возглавил Общество изучения иудейского племени (устав организации был утвержден 14 августа 1914 г.), и газета стала фактически печатным органом этого Общества, публикуя многочисленные статьи по еврейскому вопросу (разумеется, антисемитского содержания). При Обществе также издавалась специальная серия брошюр под названием «Библиотека Общества изучения иудейского племени». Кроме Жеденова активное участие в деятельности этого Общества принимал известный деятель патриотического движения художник Л. Т. Злотников (печатался под псевдонимом Л. Зло). В октябре 1915 г. Обществом была открыта Русская книжная лавка в Петрограде по адресу: Пушкинская, 16, в которой, согласно рекламе, был представлен огромный выбор книг, журналов, картин и открыток, посвященных критике еврейства.

И в 1916 г., когда редактором газеты был Н. Г. Политов, а издателем – по-прежнему Жеденов, на страницах «Грозы» так же, как и ранее, подробно освещалась деятельность «Общества изучения иудейского племени». К примеру, в номере 4 (756) от 6 января 1916 г. можно прочитать, что Общество на своем заседании постановило: «Ныне всякому ясно, что жидовство – не племя инородческое, но всосавшийся в государственный организм элемент распада государственности и национальности Русской»[1].

С другой стороны, в «Грозе» широко освещалась также деятельность проеврейских организаций и обществ. Так, в № 7 (759) от 10 января 1916 г. находим информацию о работе так называемого Русского общества для изучения еврейской жизни, заседание которого проводилось, в

[1] Деятельность общества «Изучение иудейского племени» // Гроза. 1916. 6 января. № 4 (756). Здание, в котором располагалось это общество, находится по адресу: Петербург (Петроград), 3-я Рождественская (ныне 3-я Советская) улица, дом 16 (сохранился до наших дней). Сведения об этом имеются в сети Интернет. Режим доступа: http://rdp4v.livejournal.com/1259369.html.

частности, 12 декабря 1915 г. в помещении Русского географического общества[1]. На нем присутствовали: граф И. И. Толстой, академик Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. В. Карташев. С лекцией о целях и задачах Общества выступил Максим Горький. Естественно, деятельность подобных организаций подвергалась в «Грозе» ожесточенной и едкой критике.

Однако самое пристальное внимание в «Грозе» все-таки уделялось работе организаций, критиковавших иудаизм и масонство. К примеру, в № 11 (763) от 16 января 1916 г. была опубликована новая статья, посвященная деятельности Общества изучения иудейского племени[2]. Обсуждался очередной доклад, посвященный караимам. Было особо отмечено, что «с 60-х годов XIX века караимы стали сближаться с жидами-талмудистами на почве мистической, причем у караимов появились духовные лица в виде цадиков, а у талмудистов – цадики». Решили: «Признать это наблюдение за постепенным приближением караимов к жидам-талмудистам весьма важным и подтверждающимся гонением на иеромонаха Серапиона в Феодосии со стороны караимов за его обличение жидовской религии в изуверстве»[3]. Жеденов считался признанным в правой среде знатоком еврейского вопроса. В частности, его перу принадлежит ряд интересных научных и художественных сочинений, посвященных талмудическому иудаизму и еврейству[4].

---

1 Деятельность «Русского общества для изучения еврейской жизни» // Гроза. 1916. 10 января. № 7 (759).

2 Деятельность общества «Изучение иудейского племени» // Гроза. 1916. 16 января. № 11 (763).

3 Там же.

4 Жеденов Н. Н. Еврей, Израиль, иудей, жид (происхождение слова «жид»). СПб., 1914; Он же. Тайна крови. Историческая повесть. СПб., 1914; Он же. Убой скота жидами: Труды Общества изучения иудейского племени / Под ред. Н. Н. Жеденова. СПб., 1914.

После Февральского переворота газета «Гроза» была закрыта (последний номер перед закрытием вышел 26 февраля 1917 года, № 3 (891)), однако издание было возобновлено уже 26 марта 1917 года (№ 4 (892)), но выходило теперь всего раз в неделю.

Отметим, что в 1917 году газета «Гроза» выходила со следующей шапкой: «Задача газеты: говорить правду, отстаивать Православие, Самодержавие и первенство Руси, бороться со взяточничеством». Всего в период с 26 марта 1917 года по 5 ноября того же года вышло в свет 24 номера издания.

В ряде номеров «Грозы», видимо, по цензурным соображениям (газета выходила в революционное время) слово «Самодержавие» из шапки убиралось, при этом оставалось пустое место, и, судя по ниже приведенным в таблице данным, это вымарывание из шапки газеты слова «Самодержавие» производилось, за редкими исключениями, в каждом втором очередном номере издания. Краткие сведения в выпусках «Грозы» в период с марта по ноябрь 1917 года приведены в следующей таблице:

Дата выхода газеты (1917 год)	Номер газеты (в скобках указан номер за текущий 1917 год)	Наличие или отсутствие слова «Самодержавие» в шапке газеты	Количество страниц
26 марта	892 (4)	Есть	4
2 апреля	893 (5)	Есть	4
9 апреля	894 (6)	Есть	4
16 апреля	895 (7)	Нет	2
23 апреля	896 (8)	Есть	4
30 апреля	897 (9)	Нет	2
7 мая	898 (10)	Есть	2
14 мая	899 (11)	Есть	2

11 июня	900 (12)	Нет	2
18 июня	901 (13)	Есть	2
25 июня	902 (14)	Нет	2
9 июля	903 (15)	Есть	2
16 июля	904 (16)	Нет	2
15 августа	905 (17)	Есть	2
20 августа	906 (18)	Нет	2
27 августа	907 (19)	Есть	2
3 сентября	908 (20)	Нет	2
17 сентября	909 (21)	Есть	2
24 сентября	910 (22)	Нет	2
1 октября	911 (23)	Есть	2
8 октября	912 (24)	Нет	2
15 октября	913 (25)	Нет	2
22 октября	914 (26)	Есть	2
29 октября	915 (27)	Нет	2
5 ноября	916 (28)	Есть	2

Сам Жеденов вскоре подвергся репрессиям от новой власти. В ночь на 15 июля он был арестован Временным правительством и препровожден в Кресты, где оказался вместе с редактором закрытой еще после февраля 1917 года газеты «Земщина» С. К. Глинкой-Янчевским, сотрудником газет «Земщина» и «Вече» художником Л. Т. Злотниковым и тибетским врачом, организатором одного из правомонархических салонов П. А. Бадмаевым. Их обвиняли в существовании тайного общества, якобы группировавшегося вокруг газеты «Гроза»[1]. Продержав в заключении 18 дней, всех четверых отпустили за отсутствием состава преступления. Жеденову вновь удалось наладить выпуск «Грозы», в которой он остался редактором. И уже 15 августа 1917 года в «Грозе» была напечатана статья под

[1] Подробнее о «заговоре вокруг газеты "Гроза"» см.: Солдатская мысль. 1917. 30 апреля (13 мая); 20 июля (2 августа); Солдатское слово. 1917. 20 июля.

названием «Жидовский подвох», посвященная аресту Жеденова, Злотникова, Глинки-Янчевского и Бадмаева. Как значится в публикации, «жид Николай Стембо обвинил их в монархическом контрреволюционном заговоре, но за отсутствием состава преступления 1 августа они были освобождены»[1]. Вместе с тем события, связанные с июльским политическим кризисом 1917 года, в «Грозе» никак не рассматриваются, что объясняется, скорее всего, нерегулярностью выхода в свет этого издания.

Газета «Гроза» заняла особую, крайне радикальную позицию после выступления Л. Г. Корнилова, характеризующуюся резкой критикой как Временного правительства, так и «корниловщины». В статьях на страницах издания Н. Н. Жеденов, в отличие от других правых, видит своим союзником в борьбе против Временного правительства народные массы; поэтому порою своей риторикой «Гроза» была похожа на большевистскую прессу. В газете говорилось, что продолжать войну – безумие и преступление, ставящее всю Россию на край пропасти; что война ведется ради интересов евреев, инородцев и западных союзников; что русские войска обречены на поражение, после которого все равно будет заключен сепаратный мир, однако уже на позорных условиях. Газета обвиняла Временное правительство в том, что оно «напустило голод», что раньше народ питался только «чечевицей с рыбой да хлебом вдосталь», а ныне «не достает у него и хлеба». Хотя забастовки и осуждались как грех, однако особо отмечалось, что рабочий «голоден, бос и оборвался». Газета выступала за решительное наведение порядка в стране, замечая, что главные деятели «великой русской революции» совершенно не способны навести порядок, всякая власть исчезла, общественная безопасность под угрозой. Предпочтительной формой правления для России называлась мо-

[1] Жидовский подвох // Гроза. 1917. 15 августа.

нархия. Особо отмечалось, что власть Временного правительства ответа перед Богом не несет; к тому же при Царе безбожники православных святынь не трогали, а теперь торжествуют «явное безверие и богохульство, отвержение всяких истинных начал веры». Кроме того, газета много писала о тех проблемах, которые волновали народ[1].

Подобные высказывания, имевшие некоторую внешнюю схожесть с предреволюционной пораженческой большевистской риторикой, часто вызывали подозрения со стороны отдельных публицистов и политиков в связи авторов этих высказываний с немцами и с большевиками. Так, в частности, газета «Южный край» опубликовала на своих страницах статью известного журналиста «Южного края» А. Суражского «Спасатель России Злотников», в которой утверждалось, что близкий к «Грозе» публицист и художник Л. Т. Злотников служит большевикам[2]: «Злотников избирается членом комиссии по выработке резолюции об отношении к Временному правительству. […] И это в Гельсингфорсе, […] в дни “работы” германского флота. […] Да, Злотников во многом подходит. Он искренно ненавидит Керенского, ибо и Милюкова, и Родзянко, и даже Шульгина он ненавидел и поносил»[3]. Кроме того, по словам автора публикации, Злотников всегда отрицательно относился к Англии и с симпатией – к Германии. «Да, Злотников прекрасно себя чувствует на новом месте», – заявляет А. Суражский[4].

Примечательно, что в своей публикации о Злотникове журналист «Южного края», всегда до 1917 года считав-

---

1 Стогов Д. И. Гроза врагов русского народа. Черносотенная газета «Гроза» и ее главный редактор Николай Николаевич Жеденов // Режим доступа: http://www.rusk.ru/st.php?idar=103983; http://ruskline.ru/analitika/2005/12/24/groza_vragov_russkogo_naroda/.

2 Суражский А. Спасатель России Злотников // Южный край. 1917. 24 октября (6 ноября). № 14295. С. 3.

3 Там же.

4 Там же.

шийся убежденным «правым» (вспомним хотя бы его некролог, посвященный памяти известного консервативного публициста князя В. П. Мещерского[1]), рассуждает как совершеннейший либерал и демократ, изрыгая потоки грязи на Черную сотню, называя черносотенцев «провокаторами, реакционерами, в лучшем случае – крикливыми шовинистами», а самого Злотникова – «черносотенным циником, потерявшим всякие пределы»[2]. И в этой связи возникает резонный вопрос: насколько можно доверять свидетельствам такого человека? И поскольку мы не располагаем документальными источниками о прямых фактах сотрудничества Н. Н. Жеденова и Л. Т. Злотникова с большевистской партией, то, как говорится, вопрос остается открытым и требует дополнительных источниковедческих изысканий.

В последнем номере газеты, увидевшем свет уже после Октябрьского переворота, 5 ноября 1917 года (№ 916 (28)), в передовой статье, составленной, судя по всему, самим Жеденовым, выражалась, как это ни покажется странным, прямая симпатия к захватившим власть большевикам: «Порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий». Более того, антисемитская «Гроза» заверяла своих читателей, что «большевики имеют врагов в лице жидовского кагала, предателей и изменников из помещиков, генералов, купцов и чиновников», а «в войске против них лишь солдаты, проникшие в комитеты и заразившиеся властью». «В уездах к ним повсюду присоединяются. В Москве противники большевиков – городская дума с купцами, жидами и юнкерами, образовали комитет спасения. […] Руководители социалистов-меньшевиков, состоящие лазутчиками среди социалистов от кагала, А. Р. Гоц, Ф. И. Дан и др., – подверглись при аресте их за устройство

1 Суражский А. Кн. В. П. Мещерский. Политический портрет // Южный край. 1914. 12 (25) июля. № 12155. С. 4.

2 Суражский А. Спасатель России Злотников // Южный край. 1917. 24 октября. С. 3.

комитета спасения, занявшегося избиением большевиков, со стороны матросов и солдат побоям…»[1]. При этом, по утверждению «Грозы», матросы бранились и угрожали меньшевикам: «Вскоре уберем всех жидов»[2].

Трудно сказать, чем мотивировала редакция газеты такой подход к освещению октябрьских событий – заискиванием перед большевистской властью или искренней верой в вышеизложенное. Однако несмотря на все это «Гроза» была закрыта решением новых властей уже в ноябре 1917 года.

До настоящего времени судьба Жеденова после Октябрьского переворота оставалась неизвестной историкам. В 2008 году на форуме православного информационного агентства «Русская линия» под моей статьей «Гроза врагов русского народа», посвященной газете «Гроза», оставил свой комментарий о Жеденове его внук, житель Москвы Игорь Александрович Обух[3]. Он сообщил, что последние годы жизни Жеденов провел в станице Багаевской. Скончался он в Ростове в 1933 году. В общем, как оказалось, Жеденов после революции поселился на Дону. Так, по крайней мере, указывали в своих автобиографиях родители И. Обуха. О том, что делал такой человек, как Жеденов, в то время на Дону, можно только догадываться. Хотя Жеденов с 1903 года с семьей не жил, но связь с ней он всегда поддерживал. Мать И. А. Обуха, Ольга Николаевна, переписывалась с отцом практически до его смерти (об этом свидетельствует надпись на обороте одной из присланных мне в отсканированном виде фотографий: «Дорогой дочери Оле, зятю Саше и внуку Алеше Обух. От отца и деда. 1930 г. 10 июля. Ст. Багаевская»). Видимо, поддерживала с ним отношения

[1] Гроза. 1917. 5 ноября. № 916 (28).

[2] Там же.

[3] Стогов Д. И. Гроза врагов русского народа. Черносотенная газета «Гроза» и ее главный редактор Николай Николаевич Жеденов // Режим доступа: http://www.rusk.ru/st.php?idar=103983; http://ruskline.ru/analitika/2005/12/24/groza_vragov_russkogo_naroda/.

и бабушка И. А. Обуха – Жеденова (Лаврова) Пелагея Михайловна, которая скончалась в 1928 году в Воронеже, т.е. сравнительно недалеко от тех мест, где жил Н. Н. Жеденов.

Известно также, что у Жеденова было три сына и две дочери. Кроме того, со слов И. Обуха, еще в 1880-х гг. Николай Николаевич жил в разных местах – в Цивильске, Казани, Пензе и в других населенных пунктах. Младший сын Жеденова, Станислав Николаевич, родился в Польше. Еще один сын, Владимир Николаевич, родился в 1908 году в одном из пригородов Петербурга. Он был известным ученым[1]. Вот и все скудные сведения, которые удалось получить о Н. Н. Жеденове от И. Обуха. Также И. А. Обуха предоставил мне две фотографии Н. Н. Жеденова в пожилом возрасте, которые в настоящее время опубликованы в сети Интернет.

Однако память о выдающемся черносотенце осталась прежде всего в его литературно-публицистических произведениях.

* * *

В предлагаемой читателю книге представлены избранные произведения Жеденова, посвященные разным сферам общественной жизни. При этом мы стремились показать творчество автора во всей его полноте. Приведенные в книге произведения Жеденова ярко характеризуют его как человека разносторонних дарований, неординарного, весьма талантливого. Отметим, что все они публикуются в печатном виде впервые после 1917 года, а некоторые – извлечены из архивных фондов.

В разделе «Педагогическая деятельность Н. Н. Жеденова» опубликованы сочинения, относящиеся к раннему

---

1 Подробнее о В. Н. Жеденове см. в сети Интернет. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2.

периоду деятельности автора. В 1890-е годы Жеденов уже стоял на правоконсервативных позициях, полностью порвав со своим революционным прошлым, но, с другой стороны, еще не начал активной политической деятельности в рамках правых организаций. Именно тогда, в самом конце XIX века, он создает свои лучшие труды по педагогике. В настоящей книге опубликован доклад Жеденова, сделанный им в 1894 году в Вольном Экономическом Обществе и посвященный общественному призрению детей-сирот. Книга Жеденова «Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи», содержание которой мы уже подробно рассмотрели, также представлена в данном томе (с незначительными сокращениями).

Отметим, что, кроме всего прочего, именно в 1890-е годы Жеденов принимал деятельное участие в издании «Вестника благотворительности». Этот журнал, посвященный благотворительности и общественному призрению, является на сегодня одним из наиболее ценных источников по истории русской благотворительности. Издание являлось официальным органом Ведомства учреждений Императрицы Марии. Оно выходило в Санкт-Петербурге с 1897 по 1902 гг. ежемесячно, а печаталось в типографии Центрального управления детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии[1].

В разделе «Дело Н. Н. Жеденова» публикуются отдельные материалы, связанные с неоднозначным судебным процессом, о котором мы уже упоминали. Речь идет о конфликте Жеденова с М. О. Меньшиковым, в ходе которого последний был ранен Жеденовым из револьвера. В настоящей книге мы специально публикуем статью «Красноярский “бунт”» из «Недели», в которой содержались непроверенные лживые сведения о деятельности Жеденова по организации

[1] Энциклопедия благотворительности. Санкт-Петербург. Электронный ресурс. Режим доступа: http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853437759.

приюта самопомощи и общественной виноторговли. Необходимость публикации этой заметки продиктована, прежде всего, стремлением к тому, чтобы читателю были понятны обстоятельства дела Жеденова, которое (со значительными сокращениями) также публикуется в сборнике. При этом, публикуя материалы дела, мы делаем акцент на показаниях самого обвиняемого, Жеденова, поскольку в данном случае нас интересуют именно его взгляды, мысли, идеи, точки зрения и т.д. Анализируя материалы суда (также впервые опубликованные в «Неделе»), мы неизбежно приходим к выводу, что у Николая Николаевича был очень тяжелый характер; он был непомерно вспыльчив и горяч, если не сказать – психически неуравновешен. Судя по всему, в ходе конфликта с Меньшиковым у Жеденова не выдержали нервы, и он ранил своего оппонента из револьвера. Суд присяжных, как свидетельствуют об этом материалы дела, вполне объективно пришел к выводу, что этот акт не был покушением на убийство, однако данный инцидент являлся «нанесением, тоже в запальчивости и раздражении, тяжкой раны Меньшикову». Николай Николаевич был приговорен «к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке в Архангельскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для жительства, в течение одного года и четырех месяцев, с предоставлением ему, по истечении 10 лет, права свободного избрания места жительства в Европейской России, за исключением столиц и столичных губерний. Вместе с сим суд постановил ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о замене назначенного Жеденову наказания заключением его в тюрьму на один год, без лишения прав»[1].

---

1 Дело Жеденова по обвинению в покушении на убийство г. Меньшикова, рассматривавшееся в III отделении Санкт-Петербургского окружного суда, с участием присяжных заседателей. Председательствовал председатель суда г. Чагин, обвинял прокурор А. Н. Познанский. Защищал присяжный поверенный П. Г. Миронов // Неделя. 1896. № 24. Колонка 859.

Для современного читателя показания Жеденова в суде будут, несомненно, интересны, как хорошее дополнение к его педагогическим произведениям, ибо именно в суде он достаточно подробно раскрыл некоторые обстоятельства, связанные с жизнью и деятельностью приютов самопомощи, а также с организацией общественной продажи вина (подробнее о ней см. размещенный в настоящей книге очерк «Казенная, общественная и частная продажа вина»).

В разделе «Сочинения Н. Н. Жеденова по практическому ведению хозяйства» публикуются некоторые произведения автора, посвященные актуальным вопросам, связанным с огородничеством и экономикой. Брошюра «Огурцы, как они растут и как их сажать» была адресована прежде всего воспитанникам детских приютов самопомощи. В ней в доступной для юных читателей форме излагается технология выращивания огурцов. И несмотря на то, что с момента первого издания этой работы прошло уже более ста лет, технология выращивания огурцов за это время принципиально не изменилась, так что сочинение Жеденова может оказаться для современного читателя не только любопытным, но и полезным.

Очерк Жеденова «Казенная, общественная и частная продажа вина» посвящен проблеме введения винной монополии, которое осуществило Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте в 1896 году. По словам автора очерка, применяя только запретительные меры, совершенно пьянство искоренить невозможно, ибо, как писал он, запрещение продажи спиртных напитков приведет к росту подпольного шинкарства.

По мнению Жеденова, подкрепленному различными примерами из жизни, общественная продажа вина имеет значительное преимущество перед казенной. Автор очерка считал, что продажа вина в деревне должна производиться «из особых лавок и только в запечатанной посуде, без

права распития в лавке и, в предупреждение последнего насильственным образом, без права покупателя входа в лавку». При этом винные лавки должны составлять «принадлежность местного общества, сельского или городского», и подчиняться обществу (то есть общине, міру). В трактирах продажа водки должна совершаться также от общества и только в запечатанной посуде (до $^{1}/_{200}$ ведра). Автор очерка полагал, что такая «правильная», на его взгляд, постановка проблемы продажи питей будет выгодна всем – и казне, и администрации, и общине, и частным лицам[1]. По его мнению, подкрепленному практикой Тарасовского сельского общества (Саратовская губерния), такие меры способны значительно снизить народное пьянство. И хотя это зло совершенно искоренить невозможно, тем не менее, по мысли Жеденова, возможно минимизировать негативные последствия продажи крепких напитков. Думается, что, учитывая куда более тяжелое (по сравнению с концом XIX века), поистине катастрофическое положение относительно употребления алкоголя в современной России, мысли и предложения Жеденова представляются как никогда актуальными и не могут не вызвать как минимум неподдельного интереса у сегодняшнего читателя.

В разделе «Политическая деятельность Н. Н. Жеденова» опубликован ряд сочинений, относящихся к более позднему периоду жизни и деятельности автора. Как мы уже отмечали, в 1900-е гг. Николай Николаевич отошел от хозяйственной деятельности и целиком включился в политическую борьбу в рамках Союза Русского Народа. Открывает раздел «Прошение Н. Н. Жеденова министру внутренних дел», в котором резкой критике была подвергнута деятельность Петербургского градоначальника, генерал-майора Д. В. Драчевского. Его обвиняли в

[1] Жеденов Н. Н. Казенная, общественная и частная продажа вина, их экономическое и нравственное значение. СПб., 1896. С. 71–72.

лихоимстве при осуществлении контроля над игорными заведениями, во мздоимстве («полицейские чины Санкт-Петербургского градоначальства обложены систематическими поборами»[1]), в фактическом потворстве растратам чиновниками градоначальства казенных сумм и подлогов и т.д. Как мы уже отмечали, поводом для написания прошения явилось незаконное, по мнению Жеденова, его увольнение, осуществленное Драчевским. Факты, изложенные в прошении Николаем Николаевичем, практически полностью подтвердились. Сенатское дознание установило факты растрат, поборов и связей столичной администрации с революционерами, ряд городских чиновников лишились своих должностей и были отданы под суд, а также было сделано представление о предании суду самого Драчевского (но дальнейшего хода оно не имело).

«Открытое письмо Н. Е. Маркову», «Возражение на ответ г. Маркова», «Еще отповедь», «Непрошеные советчики» и «Маргариновые монархисты» представляют интерес как ценный источник, свидетельствующий о степени накала внутрипартийной борьбы в Союзе Русского Народа и других черносотенных организациях в 1910–1912 гг. Отметим, что, конечно, кое-где Николай Николаевич, что называется, перегибал палку (мы уже отмечали вспыльчивость и невыдержанность в характере Жеденова) и слишком уж жестко клеймил своих оппонентов, часто возводя против них совершенно нелепые обвинения, используя гнусные слухи и сплетни, распространявшиеся в крайне правой среде (впрочем, и не только и не столько в ней!) относительно деятельности В. М. Скворцова, протоиерея Иоанна Восторгова (ныне канонизированного Русской Православной Церковью) и других видных русских монархистов. Однако, рассуждая объективно, следует признать, что в целом

[1] Министру внутренних дел проживающего в С.-Петербурге, Лиговка, 29, дворянина Николая Николаевича Жеденова Прошение. [СПб., 1908]. С. 4.

главные обвинения в адрес П. А. Столыпина и шедших за ним на поводу Н. Е. Маркова, В. М. Пуришкевича и других деятелей Союза Русского Народа («обновленческого») и Союза Михаила Архангела в либерализме, в организации развала черносотенного движения представляются вполне справедливыми. В итоге в результате внутрипартийных неурядиц в начале 1910-х годов численность черносотенных организаций упала буквально в разы, что во многом и предопределило впоследствии политическое поражение русской правой в 1917 году.

Публикация «Возражение на ответ г. Маркова» представлена в книге в двух вариантах – кратком и полном. Полный вариант текста включает в себя некоторые подробности, которые опущены в изданном А. И. Дубровиным «Спутнике союзника», и представляет из себя, судя по всему, неотредактированный авторский текст самого Жеденова, когда как краткая редакция, видимо, вышла в свет после существенных редакторских правок, возможно, осуществленных самим лидером черносотенцев Дубровиным.

Особое место в настоящем сборнике занимают некоторые материалы газеты «Гроза», которую на протяжении значительного количества лет издавал Жеденов. Им посвящена отдельная часть настоящего тома. С января 1914 года и вплоть до февраля 1917 года «Гроза» имела подзаголовок «Вестник Общества изучения иудейского племени». До настоящего времени практически никто из современных исследователей изучением деятельности этого Общества всерьез не занимался. Имеется лишь небольшая обзорная статья историка А. Д. Степанова, посвященная этой общественной организации, в исторической энциклопедии «Черная сотня»[1]. Хотя Общество издавало специальную серию брошюр под общим названием «Би-

1 Степанов А. [Д.] Общество изучения иудейского племени // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008. С. 362.

блиотека Общества изучения иудейского племени» (в этой серии были изданы: «Еврей, Израиль, иудей, жид (происхождение слова “жид”)»; «Тайна крови. Историческая повесть» и др.), большинство этих изданий было изъято из библиотечных фондов в советское время. Об их былом наличии свидетельствуют, в частности, каталоги фондов Российской национальной библиотеки, составленные еще в дореволюционное время, однако сами брошюры «таинственным образом» исчезли – по некоторым данным, сразу после смерти И. В. Сталина.

Восполнить имеющийся пробел помогают публикации о деятельности Общества, извлеченные из газеты «Гроза». Судя по отчетам о деятельности Общества за 1914 год (они опубликованы в «Грозе» без указания авторства, но, видимо, Жеденов имел к их составлению непосредственное отношение), его члены подробно рассматривали проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью еврейства, с существованием в Российской империи черты оседлости, с уплатой иудеями специальных налоговых сборов и т.д. Особо кропотливо изучался вопрос о ритуальных убийствах – как христианских детей (члены Общества даже намеревались учредить специальную премию «за сочинения по ритуальным убийствам с судебно-медицинской точки зрения, для обеспечения ориентировки полицейских и судебных чинов при находке трупов»[1]), так и скота. В частности, вопреки мнению современных Жеденову еврейских религиозных деятелей о том, что забой скота с истечением крови у животных имеет исключительно утилитарный характер, члены Общества, ссылаясь на средневековую талмудическую литературу, доказывают, что забой скота у иудеев имеет *ритуальный*, религиозный характер. При этом в публикации газеты «Гроза» приводятся шокирующие

[1] Деятельность Общества изучения иудейского племени // Гроза. 1914. 16 марта. № 619 (14). С. 2–3.

любого нормального человека подробности осуществления этого ритуала талмудистами.

Острую дискуссию, судя по публикациям в «Грозе», вызвала среди членов Общества проблема должного отношения православных христиан к книгам Ветхого Завета. Так, на одном из заседаний Общества (публикация в «Грозе» от 6 апреля 1914 года) обсуждению была подвергнута книга «Библия и нравственность» известного правого ученого, публициста и общественного деятеля П. И. Ковалевского, который считал Моисеево Пятикнижие «вредным для чтения юношеству, ввиду особенно тенденции книги описывать безнравственные действия в качестве чего-то доблестного»[1].

Мнение же членов Общества на сей счет разделилось. Некоторые из них решительно отвергали в Библии какое-либо Боговдохновение, находя, что «Библия есть простое описание жизни еврейского народа, хотя и с вкрапленными в нем истинами о Боге, заимствованными от чужих народов, значительно ранее живших до появления на мировую сцену евреев, с их религиозными воззрениями». Другие подчеркивали, что Ветхий Завет «есть книга Боговдохновенная и написана Духом Святым»[2]. В результате, так и не придя к единому мнению, Общество приняло решение продолжить обсуждение этого острого вопроса на последующих заседаниях.

Отметим, что с критикой священных книг Ветхого Завета до революции выступали известные правые публицисты С. Ф. Шарапов, Г. В. Бутми, М. О. Меньшиков, М. И. Драгомиров, впоследствии, в 1930-е гг., Н. Е. Марков и др.[3].

---

[1] Деятельность Общества изучения иудейского племени // Гроза. 1914. 6 апреля. № 623 (18). С. 5.

[2] Там же.

[3] Подробнее см.: Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогова. М., 2011. С. 44 (предисловие Д. И. Стогова).

С другой стороны, в свое время один из активных участников черносотенного движения архиепископ Старорусский Димитрий (Сперовский) написал статью «Святою Библиею нужно пользоваться благоговейно и осторожно», основанную на выступлении владыки в общем собрании Одесского Союза Русских Людей 3 декабря 1906 г., в руководство которого и входил тогдашний епископ Новомиргородский. Владыка Димитрий вполне справедливо обращал внимание слишком ревностных русских патриотов на недопустимость смешивания идей Ветхозаветной Церкви с идеями талмудического жидовства: «Русские писатели, публицисты, горячо преданные Православной Церкви и русскому народу, не могут, конечно, обойти молчанием еврейский вопрос. Они ясно видят ту грозную опасность, которая надвигается на святую Церковь Христову и русское Царство со стороны воинствующего Израиля. Они спешат спасти своих дорогих соотечественников от погибели. А для сего они сочиняют статьи, выясняющие степень участия евреев во всех современных нам смутах и злоключениях. Такую деятельность русских патриотов можно только похвалить. Но дело вот в чем. При разъяснении и разработке еврейского вопроса патриоты нередко пользуются Священным Писанием, преимущественно Ветхого Завета. Это еще не беда. Почему же не обратиться и к Священному Писанию, когда оно значительно поможет нам в уяснении современного жгучего еврейского вопроса. Но горе наше в том, что и патриоты, ревнующие о славе Церкви Божией и о благоденствии русского народа, не умеют пользоваться Священным Писанием. Главная ошибка патриотических писателей в данном случае состоит в том, что они пятикнижие Моисеево, а также все прочие книги Ветхого Завета иногда смешивают с талмудом, а современных нам жидов отожествляют с ветхозаветными израильтянами и к последним предъявляют такие же нравственные требования,

какие обязательны только для нас, новозаветных последователей пришедшего в мир Христа Спасителя»[1].

Ряд публикаций, извлеченных нами из газеты «Гроза», посвящен политической ситуации в Петрограде в 1917 году, уже после Февральского переворота. В первоисточнике указание авторства этих публикаций также отсутствует, однако их стиль изложения и общая политическая направленность заставляют с большой долей уверенности утверждать, что данные заметки были написаны либо самим Жеденовым, либо его ближайшими сотрудниками и при этом, возможно, редактировались самим Николаем Николаевичем как главным редактором издания.

В заметке из газеты «Гроза» «Святая Русь» рассказывается о новом обществе, созданном крайне правыми весной 1917 года с целью отстаивания в условиях революционной вакханалии традиционных русских начал – Православия, Соборности, единства России. В заметках «Петроград, 15 августа 1917 года» и «Жидовский подвох», также опубликованных в настоящей книге, подробно излагается версия редакции газеты «Гроза» событий, связанных с обвинением ряда монархистов во главе с Жеденовым в организации «контрреволюционного заговора». Первое сообщение об этом «заговоре» появилось 19 июля в эсеровской газете «Дело народа»[2], оно изобиловало множеством фактических ошибок, неточностей, создавалось, судя по всему, наспех. И точно так же наспех заинтересованные лица, судя по всему эсеро-меньшевистские деятели, находившиеся в то время у власти в стране, пытались

1 Сперовский (Дмитрий), архиепископ. Святою Библиею нужно пользоваться благоговейно и осторожно. Предостережение ревнителям Православной веры и русского дела по поводу статьи ген. М. И. Драгомирова об Иосифе Прекрасном. Читано 3 декабря 1906 г. на общем Собрании Одесского Союза Русских Людей. – Одесса, 1907. С. 5. См. также электронную версию этой работы. Режим доступа: http://www.ruskline.ru/analitika/2008/04/19/svyatoyu_biblieyu_nuzhno_pol_zovat_sya_blagogovejno_i_ostorozhno/.

2 Черносотенный заговор // Дело народа. 1917. 19 июля. № 104. С. 3.

сфальсифицировать обвинения в адрес Жеденова и других правых, да еще и связать дело монархистов с большевистским выступлением 3–5 июля 1917 года в Петрограде.

Относительно этой связи представляется необходимым дать некоторые пояснения. Отметим, что именно в те дни, когда арестованные монархисты пребывали в тюрьме, Особая следственная комиссия расследовала обстоятельства, связанные с событиями 3–5 июля в Петрограде[1]. Как писала эсеровская газета «Дело народа», в штаб-квартире большевиков «были обнаружены разорванные членские билеты "Союза Русского Народа" и запакованные кипы черносотенных газет с адресами действующих полков»[2]. Чуть позже, 22 июля, подобное сообщение появилось также в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». В статье в «Известиях» говорится, что при обыске в здании ЦК РСДРП (б) были найдены: «1) Заметки о распределении воинских частей и "вооруженных рабочих" по районам […]. 2) Резолюция, принятая на заседании общегородской конференции Российской С[оциал]-Д[емократической] Раб[очей] Партии [(большевиков)] и делегатов от заводов и воинских частей 3 июля в 11 ч. 40 мин. вечера. В резолюции этой рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли. Резолюцию эту подтвердили Центральный комитет и Военная организация. 3) Телеграмма из Стокгольма от 20 апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга): "Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества, обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт". 4) Лите-

1 Подробнее см.: Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. М.; Л., 1967; Революционный Петроград. Год 1917. М; Л., 1977; Рабинович Л. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992 и др.

2 Черносотенный заговор // Дело народа. 1917. 19 июля. № 104. С. 3.

ратура Союза Русского Народа и большое количество писем издания журнала "Паук" с изображением ритуального убийства в Венгрии в 1882 году»[1].

И вновь обвинение в каких-то таинственных связях большевиков с черносотенцами содержится в издании, которое на тот момент, по сути дела, носило эсеро-меньшевистскую направленность. Общеизвестным фактом, характерным для политической жизни России 1917 года, было желание представителей тех или иных политических организаций опорочить своих оппонентов. В данном случае после событий 3–5 июля 1917 г. все обвинения со стороны тогдашних властей обрушились на большевистскую партию, которую обвинили в попытке захвата власти. Особенно сильно распространено было в то революционное время обвинение политических конкурентов в связях с черносотенцами, то есть монархистами, представителями, как тогда говорили, «отжившего», рухнувшего старого строя, одна лишь былая принадлежность к которому вызывала у их оппонентов бурную реакцию.

И вновь возникает вопрос о пресловутом «черносотенно-большевистском симбиозе»[2], о котором нам уже приходилось писать в связи с фактом послереволюционного сотрудничества с большевиками видного ученого-правоведа, в прошлом – одного из руководителей Союза Русского Народа Б. В. Никольского[3]. Современный автор Вячеслав Ферштман в недавно опубликованной в сети Интернет статье утверждает, приводя в качестве дока-

1 К делу Ленина и других // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 июля. № 124.

2 См., напр.: Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья. М.–СПб., 1992. С. 347.

3 Стогов Д. И. Революционные события 1917–1918 гг. в дневнике Б. В. Никольского // VIII Плехановские чтения. Россия в 1912–1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации. Материалы к конференции. СПб., 2008. С. 137.

зательств цитаты из публикаций в «Грозе», в которых о деятельности большевиков в 1917 году говорится с некоторой симпатией, что такой «симбиоз», несомненно, был[1]. С одной стороны, действительно, как мы уже отмечали, уже после Октябрьского переворота, 5 ноября 1917 года, в последнем перед окончательным закрытием номере «Грозы» выражалась, как это ни покажется странным, прямая симпатия к захватившим власть большевикам. Однако подчеркнем, что, так или иначе, существовать газете, несмотря на сделанные в адрес новой власти неуклюжие реверансы, оставалось недолго – в ноябре 1917 года «Гроза» окончательно была закрыта большевиками.

Думается все-таки, что, как и в упомянутом случае с Б. В. Никольским, и здесь утверждение о «черносотенно-большевистском симбиозе» голословное и надуманное. Подбросить литературу Союза Русского Народа в особняк Кшесинской вполне могли провокаторы со стороны политических оппонентов большевиков – тех же самых эсеров. С другой стороны, как известно, сами по себе монархисты после февраля 1917 года пребывали, мягко выражаясь, в депрессивном состоянии, большинство из них никакой активной политической деятельности не вело, и следствие совершенно справедливо указало на отсутствие состава преступления в действиях Жеденова, С. К. Глинки-Янчевского, Л. Т. Злотникова, П. А. Бадмаева. Напротив, уже в 1918 году, то есть при большевиках, Злотников проходит по делу так называемой «Каморры народной расправы» и, таким образом, стал открытым политическим оппонентом большевизма[2]. Как мы уже от-

---

[1] Ферштман В. С. Большевистско-черносотенный симбиоз? 1917 год. Попытка исторического расследования. Режим доступа: http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Fershtman1.php.

[2] См.: Степанов А. [Д.] «Каморра народной расправы» // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 239.

мечали, о деятельности Жеденова после 1917 г. практически не имеется никаких сведений; видимо, он совершенно отошел от политики. Что же касается еще одного обвиняемого по этому делу, П. А. Бадмаева[1], то известно, что он, хотя и был освобожден после установления советской власти (тибетский врач незадолго до октября 1917 г. был арестован в Финляндии, в Свеаборге), тем не менее впоследствии неоднократно арестовывался уже большевиками. Бадмаев пребывал под следствием, в том числе и в «Крестах». Вернувшись домой неизлечимо больным, он скончался 29 июля 1920 года от паралича сердца[2].

Из виднейших черносотенцев летом 1917 года вел активную деятельность Н. Е. Марков, создавший в Петрограде подпольную организацию «Великая единая Россия», которая ставила перед собой цель спасти Царскую семью (в эту организацию также входили видные правые деятели Г. Г. Замысловский, Н. Д. Тальберг, некоторые правые депутаты Государственной думы, гвардейские офицеры)[3], но в поле зрения следственных органов он не попал.

Исходя из всего выше сказанного, полагаем, что донос прапорщика Н. Стембо в адрес Жеденова, Бадмаева и других монархистов, имевший место как раз в период острейшей политической борьбы за власть (июль 1917 года), был использован политическими конкурентами большевиков – эсерами и меньшевиками – для дискредитации своих политических оппонентов путем создания мифа о некоем, на самом деле не существующем «черносотенно-большевистском заговоре».

[1] Сохранились дела о тибетском враче (документы, брошюры и т.д.) в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Д. 600–604.

[2] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2300. Опись фонда. Предисловие. Л. 3.

[3] См.: Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогова. М., 2011. С. 30.

Также в настоящей книге опубликовано два письма Жеденова, оригиналы которых хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). Это письмо Жеденова министру Императорского двора барону В. Б. Фредериксу и письмо Жеденова П. А. Столыпину по поводу ареста детей приверженцев Иоанна Кронштадтского («иоаннитов»). В первом из них выражается озабоченность в связи с «принятой во многих крупных городах и губернских земствах прямой, всеобщей, равной и тайной подачей голосов»[1]. «При такой системе выборов в Государственную Думу проникнут, на ужас любящих Россию людей, только политические интриганы», – полагал Николай Николаевич. Также в этом письме сообщается о присылке для возможной передачи Императору сочинения Жеденова «Государственная Дума. Будущее законоподготовительное Собрание».

В письме Жеденова П. А. Столыпину рассказывается о вопиющем случае, имевшем место летом 1909 года. У нескольких почитателей ныне прославленного Русской Православной Церковью святого праведного Иоанна Кронштадтского (так называемых «иоаннитов») полицейские органы насильственно отобрали малолетних детей, а у видного публициста, автора книг об Иоанне Кронштадтском[2] Николая Ивановича Артамонова-Большакова (1871–1910) из его квартиры «были также силою увезены две его родные племянницы, причем девушки были оскорблены в

---

[1] См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). [1905 г.] Ф. 472. Канцелярия Министерства Императорского Двора. Оп. 43 (493/2718). Д. 8. Л. 345–351.

[2] См.: Артамонов-Большаков Н. И. Голос истинной свободы. СПб. 1909; Он же. Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб.: Царское дело, 1997; Он же. Наши стражи благочестия // Красный Маяк. № 4, 1908; Он же. Правда о секте иоаннитов. Взгляд русского народа на о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1906; Он же. Российская слава протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского), СПб., 1908; Он же. Сборник стихов, в разное время посвященных настоятелю Кронштадтского Андреевского собора митрофорному протоиерею о. Иоанну Ильичу Сергееву. СПб., 1907.

полицейских участках насильственным осмотром, в присутствии мужчин, их половых органов». Жеденов требует от Столыпина разобраться в ситуации и «посодействовать скорейшему возвращению детям их родителей»[1]. Все это происходило более ста лет назад, но, как никогда, остается актуальным и сегодня. Мы видим, как усилиями западных «благодетелей» о детях, усилиями так называемой «прогрессивной общественности» повсюду в мире, в том числе и у нас в России, пытаются насаждать ювенальные технологии; огромное количество детей под надуманными предлогами отрывают от родителей и помещают в приюты. Кроме того, в последние годы в «демократической» России получили достаточно широкое распространение и такие гнусные явления, как насаждение в школах так называемого «сексуального просвещения» или проведение сомнительного рода медосмотров малолетних детей под предлогом «заботы об их здоровье».

Думается, что, несмотря на неоднозначность личности Николая Николаевича Жеденова, несмотря на некоторую противоречивость и спорность его взглядов и суждений по отдельным вопросам общественной и политической жизни, сочинения талантливого публициста окажутся востребованными в современном обществе и вызовут неподдельный интерес у всех, любящих Россию, радеющих о ее благополучии, мечтающих о ее возрождении на исконных русских началах – Православия, Самодержавия и русской Народности.

Дмитрий Стогов

---

1 См.: РГИА. [1909 г.] Ф. 954. Кауфманы, фон и Кауфманы. Оп. 1. Д. 334.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Доклад Н. Н. Жеденова в Собрании 1-го Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества, 27-го января 1894 года. Оттиск из Трудов Вольного Экономического Общества

М[илостивые] [государи]. Ежегодно увеличивающийся сельский пролетариат побуждает усиленно изыскивать меры к его прекращению. Довольно большой его процент дают крестьянские сироты, экономическое положение которых настолько тяжело, что давно требует самого серьезного к себе отношения.

В очень редких случаях вдова продолжает самостоятельно вести полевое хозяйство, особенно при отсутствии взрослых подростков; наем же батрака сопровождается настолько стеснительными условиями, что при забитости русской женщины вообще, даже и при наличности к тому средств, является для вдовы крайне нежелательным. В то же время со стороны мира отношения к сиротам далеко не симпатичные. Прежде всего, замечается стремление к пополнению недоимок умершего сочлена из имущества сирот, хотя бы ценою даже разорения, и затем совершен-

ный отказ вдове в наделе землею даже при отсутствии недоимок, из-за боязни одной только возможности их. Если при помощи администрации и удается вдове возвратить надел, то последний обязательно уменьшается сходом в размерах. Происходит это от слишком большого влияния на мир его эгоистических элементов – так называемых мироедов, стремящихся к возможному увеличению собственных наделов – хотя бы за счет благосостояния своих однообщественников, и отнимающих у сирот их земельные души под благовидным предлогом уменьшения тягла, сообразно уменьшившейся трудоспособности семьи с потерею главы ее. Между тем бо́льший размер надела дал бы возможность вдове вырученною за часть надела арендною платою принанять батрака для обработки остальной части земли. Лишенная оборотного капитала, осиротевшая семья не в состоянии выполнить лежащую на ней тяготу бездоимочно и, при следующей же раскладке, лишается, теперь уже на вполне законном основании – за недоимку, – и остального надела. Лишившись полевой земли, семья обрабатывает лишь усадебную землю под овощи, а хлеб добывает себе нищенством. Круглые же сироты не имеют возможности добывать себе даже овощей: их родительский домик или продается вместе с родною усадьбою за недоимки, или заколачивается наглухо, а сами сироты летом нанимаются, из-за хлеба и в лучшем случае еще пары худых сапог, погонщиками, подпасками, няньками, а зимою бродят, нищенствуя, из одной деревни в другую. Ночуют они иногда у опекунов, у родственников, а большей частью в различных нищенских притонах, воспитываясь в них в ненависти к обществу и с малых лет предаваясь порокам и разврату. В стремлении своем к легкой наживе стекаются они в город, страшно увеличивая числом и без них солидный городской пролетариат. Нормально ли, однако, такое явление и как смотрит на него закон? Закон,

м[илостивые] г[осудари], обязывает сельские общества к принятию нищенствующих, особенно детей, на свое содержание. Если же он не имеет практического приложения, то только потому, что между законом и жизнью лежит огромная пропасть, перейти которую оказывалось пока невозможным. Пропасть эта – отсутствие денежных средств. В последнее время стали, впрочем, перекладывать через нее жиденькие мостки в виде учреждения различных домов трудолюбия, приютов и т.п., но они могут существовать лишь при постоянном ремонте их посредством сбора различных пожертвований, и не в состоянии выдерживать напора всех нуждающихся в призрении, и, кроме того, слишком шатки, благодаря ненадежности устоев, на которых покоятся, в виде той или другой степени энергии лиц, стоящих у кормила благотворительных учреждений; при малейшем же неблагоприятном течении ветра мостки эти разрушаются. При дружной, однако, работе государства и общества можно с успехом засыпать эту пропасть и тем не только поддержать падающее экономическое положение сиротствующих крестьянских семей, но даже и поднять таковое, дав им более средств для борьбы за существование, в виде улучшенных знаний по сельскому хозяйству и ремеслам. Последнее стало теперь злобою дня, а между тем ни у правительства, ни у земства не имеется вовсе сил для быстрого поднятия упавшей народной сельскохозяйственной культуры, так как для учреждения сельскохозяйственных и ремесленных школ в сколько-нибудь значительном для поднятия культуры количестве требуется огромная единовременная затрата и значительные расходы на постоянное содержание. Со сторон же крестьянских не только не встречается содействия к развитию сельскохозяйственных школ, но даже антипатия, как, напр[имер], доказывает это приговор одного сельского схода в Сызранском уезде о прекращении преподавания в школе бездельного, по мне-

нию крестьян, садоводства, так как землю копать они и сами сумеют, а нужна им только грамота.

Тот балласт, которым можно засыпать пропасть, мешающую закону о призрении исполнить свое назначение, и который может оказать услугу и в деле кустарно-сельскохозяйственного образования, – это детские земледельческие колонии.

Мысль о них поднималась уже давно, и еще в 1775 году знаменитый педагог Песталоцци[1] основал в Швейцарии первую земледельческую колонию для не имеющих пристанища подростков от 10 до 18 лет, которые, по мысли основателя колонии, должны были изображать из себя работников заведовавшего фермою смотрителя и, при содержании себя на продукты от сельского хозяйства, еще и учиться рациональным приемам последнего. С легкой руки Песталоцци Швейцария в короткий срок покрылась сетью таких колоний. С нее пример взяли другие государства, особенно Голландия, в которой, по мысли губернатора Ван-дер-Боша, было учреждено благотворительное общество, задавшееся целью посредством земледельческих колоний призревать неимущих всякого возраста. В 1826 г. в местечке Дренте в такой колонии призревалось 3233 детей. В последующие годы число детей уменьшилось до 200, уступив напору массы взрослых нуждающихся, занявших их место. Содержание призреваемых в этих колониях не окупалось их работами и требовало членских взносов, равно как и во всех других колониях, развившихся по Германии, Италии и Англии, за исключением, однако, Франции, впервые приспособившей колонии к пенитенциарным целям. Некоторые французские колонии для малолетних преступников были поставлены так хорошо,

[1] Песталоцци Иоганн Генрих (12 января 1764, Цюрих – 17 февраля 1827, Бругг, Аргау) – швейцарский педагог и социальный реформатор, основоположник теории научного обучения.

что содержание их совершенно окупалось, вместе с большими довольно расходами на администрацию, исключительно продуктами [собственного] сельского хозяйства.

В России вопрос об учреждении земледельческих колоний для призреваемых был поднят Н. А. Крыловым, коим в Собрании 3-го Отделения Императорского Вольного Экономического Общества 24 ноября 1890 г. прочитан был доклад «О сельскохозяйственных колониях в связи с прекращением нищенства»[1]. Г. Крылов предлагал потребные для содержания дома трудолюбия пищевые материалы добывать трудом призреваемых путем обработки в летнее время земли. Такою постановкою дела г. Крылов надеялся достигнуть возможности трудом рабочих лиц из числа призреваемых содержать и неспособных к труду, в том числе и детей, эксплуатируя последних только на ремесленные изделия. Он полагал вполне возможным учредить такие колонии в каждой волости и для учреждения и заведования такими колониями выработал даже устав особого благотворительного общества. Для разработки вопроса избрана была комиссия, о результатах трудов которой сведений в моем распоряжении не имеется.

Описанные попытки к учреждению земледельческих колоний и формы их имеют те нежелательные особенности, что они по отношению к молодому поколению преследуют или образовательные цели, и, между прочим, цели призрения, или же цели исключительно призрения, без образовательных. В первом случае они избегают приема детей моложе школьного возраста, а во втором призревают таких лиц, кои являются для колонии постоянным только бременем, без возможности извлечь из них пользу даже в будущем, и, притом, по преклонному возрасту своему, не способных к развитию. Благодаря этому такие

[1] Крылов Н. [А.] Сельскохозяйственные колонии. Оттиск из Трудов Императорского вольного экономического общества. СПб., 1890. № 5–6. С. 105–116.

колонии совершенно не могут существовать без посторонних средств на их содержание. В то же время земледельческие колонии из взрослых лиц на время полевых работ не будут постоянными в своем составе вследствие того, что летом каждый способный к физическому труду может найти себе работу; и если подобного рода лица и будут находиться в колониях, то только из категории ленивых или проживающих в колонии временно, на случай безработицы. Большинство же способных к труду членов колонии представят из себя отбросы деревни и города, изленившиеся, спившиеся, склонные к порокам, держать которых в порядке можно лишь – или развитием в них умственных понятий, что вряд ли возможно в короткий срок, или же поддерживая дисциплину достаточно суровыми мерами, что вряд ли желательно… Иное дело дети: как мягкий гипс в руках скульптора, дадут они любые формы, – смотря по желанию ваятеля. Отлагая, поэтому, в сторону вопрос о призрении взрослых, коснусь лишь наиболее беспомощных в этом отношении – детского возраста. По отношению к ним можно достигнуть такого положения, что они будут содержать себя сами, без сторонних источников и, кроме того, не только не упадут в экономическом своем благосостоянии, но поддержат его status quo и даже получат более сил к ведению самостоятельной борьбы за существование, в виде большего, против массы, развития и образования, которым, оставаясь среди этой же массы, наделят и ее.

Не более полувека тому назад, когда ни фабричная, ни торговая жизнь не были еще так развиты, крестьянство обходилось всем решительно необходимым для жизни на месте: рубахи и сарафаны ткались из конопли и льна собственного посева, полушубки, поддевки и валенки добывались от собственного овцеводства; о покупке же хлеба, мяса и овощей не имели и понятия. В некоторых глухих местах и по всей даже области, как Сибирь, крестьянство продол-

жает жить по прежнему обычаю, добывая и производя все для себя потребное собственными силами каждой семьи, – так неприхотливы крестьянские требования. И только в последнее время ситец стал вытеснять холст, фабричное сукно – кустарное, щегольской сапог – лапоть, а чай – молоко. Материалы эти не могут быть получены дома, и потому крестьянин, к несчастью своему также следующий за модой, принужден добывать их променою на хлеб. В прежнее время хлеб ему нужен был только на пропитание и на уплату повинностей; теперь же, кроме того, – на одежду, на обувь и даже на пищу, расходы на каковые во много раз превышают повинности. Хлеб стал усиленно сбываться даже по цене, не оплачивающей труда крестьянина; в то же время культура его хозяйства не только не поднялась, чтобы излишними доходами пополнить недостающее для новой жизни, но даже упала, и в результате – его разорение.

Вследствие этой именно причины и трудно содержание сирот в городских приютах, где большею частью носят они одежду дорогую, едят пищу, не соответствующую интенсивности их труда, и работают не так продуктивно, как это могло бы быть, если бы жизнь их была поставлена на совершенно крестьянскую ногу. Если мы соберем в одну земледельческую колонию детей разных возрастов в соответствующей пропорции и обратим труд детей на обработку земли и добытых с нее продуктов, то если не добьемся возможности для детей самостоятельного существования, то уменьшим расход на содержание их до ничтожных размеров.

Мною уже сделаны вычисления ежегодных потребностей для приюта, при штате питомцев в 64 человека, в возрасте от одного года до 16 лет включительно и обоих полов поровну. […]

Все […] можно добыть с земли, путем ее обработки силами самих питомцев, и от побочных отраслей сельского

хозяйства, как скотоводства и птицеводства, без всякой необходимости покупать на стороне.

Наиболее трудною и притом главною работою в деле сельского хозяйства является пашня. Она была бы даже невозможною для юных сил 15–16-летнего возраста при примитивном способе ведения хозяйства, так как за тяжелой косулей гнется спина даже взрослого крестьянина, но при помощи науки, рекомендовавшей употребление плугов, конструкция которых доведена до такого совершенства, что избавляет плугаря ходить даже за плугом и низводит расход его сил на управление плугом до минимума, пашня не составит никакого затруднения даже для мальчиков 12-летнего возраста. Главное внимание должно быть обращено лишь на качество и количество плугов и на потребное для них, и соответствующее корму, количество скота.

[…]

Полагая в приюте лишь 4 двухлемешных плуга, с производительностью по одной десятине в день на плуг, при 12 пар быков и 6 запашниках, найдем, что озимое поле может быть обработано в 1 день и засеяно в 5 дней – сроки более чем достаточные. В тех же местах, где произрастает яровая пшеница, обработка поля под хлеб разделится во времени на два срока и таким образом облегчит работу вдвое. Что же касается засева 20 десятин под просо, гречу, картофель и коноплю, то это займет не более 5 дней, что при разновременности посева указанных растений не составит для колонии ни малейшего затруднения. Для правильного сева необходимо ввести в обиход колонии рядовую сеялку, с помощью которой достигается бóльшая продуктивность работы, чем ручным способом. Для обработки поля в приведенном штате питомцев имеем 4 плугаторов 15- и 16-летнего возраста и десятерых погонщиков до 14-летнего возраста, зауряд исполняющих такие же полевые работы в крестьянстве. С помощью же улучшенных

земледельческих орудий и более сильных пород скота труд их можно сделать даже приятным.

Несколько иначе представится уборка хлеба. При хорошем урожае для съема хлеба серпом мы имеем в распоряжении своем 16 жнецов от 13 до 16 лет при 8 помощниках 11- и 12-летнего возраста. Степень продуктивности их работы можно определить по 3 десятины в день, так что весь хлеб уберут они только в 18 дней. При одном озимом посеве срок этот долог, ввиду возможности осыпки хлеба при сухой погоде; при посеве же кроме ржи еще и яровой пшеницы, вследствие более позднего созревания яровых хлебов, срок является совершенно достаточным. При плохом урожае, когда хлеб снимается косою, рабочая сила представится у нас в лице 8 косцов 13–16-летнего возраста, 8 вязальщиц и 8 сгребальщиков. Съемка хлеба, благодаря большей быстроте при работе косою, совершится в тот же срок. Мальчики указанного возраста работают косою средних размеров вполне свободно, и хотя косьба составляет довольно трудную работу, но не невозможную для приюта.

Машины необходимо применить в колонии и к молотьбе хлеба, так как при ручной молотьбе – цепями и катками, кроме утомительности и нечистоты работы, ручная молотьба отнимает своей медлительностью крайне необходимое для остальных полевых работ время. Двуконная молотилка с соломотрясом и приводом к веялке будет достаточною для определенного нами размера запашки колонии. В работе этой могут принимать участие питомцы даже от 10-летнего возраста.

Для остальных полевых работ всевозможные приспособления, в виде окучников, лущильников и пр., не только облегчат их, но и дадут возможность поставить хозяйство приюта на рациональную почву.

Что же касается овощей, то таковые свободно добудутся с 0,5 десятины огорода. Распашка последнего со-

вершается плугами, а остальная обработка вместе с дальнейшим уходом – силами детей 10–12-летнего возраста, и особенно – женского элемента. Посадку растений надлежит совершать правильными грядами, дающими возможность выпалывать их американскими полольниками, а полив – самотеком, с накачиванием воды посредством легкого ручного насоса или же насоса, приводимого в движение ветряною или животною силою.

Таким образом, необходимейшие пищевые материалы вполне могут быть добыты силами самой колонии. Если даже по каким либо причинам, в виде болезни детей или отсутствия средств на приобретение земледельческих машин, часть необходимой работы и не одолевают собственные силы колонии, то таковые части работ могут быть совершены наемным трудом, как это и водится в малосильных крестьянских семьях, нанимающих поденщиков в страдную пору.

С 63 десятин озимого и ярового поля получится соломы не менее 220 возов. Для содержания 12 пар рабочих волов в течение 6 зимних месяцев потребно 144 воза соломы. Следовательно, от всего урожая остается еще 76 возов, могущих идти на содержание остального скота колонии. Для надобностей в молочных продуктах необходимо иметь 3 коровы, на содержание коих в течение 8 зимних месяцев требуется соломы 24 воза. Остальные же 52 воза пойдут на 6 телят и 80 голов овец. С введением же в колонии травосеяния или при наличности лугов приведенный штат скота явится вполне обеспеченным кормом.

С 220 возов корма получится у колонии достаточное количество навоза, могущего идти или на удобрение, или же – в степных местах – на топливо.

Содержанием указанного количества скота колония явится вполне обеспеченною в мясе, шерсти и коже. Полагая, что подрастающий ежегодно приплод будет заменять

взрослый скот, могущий пойти на убой, мы получим. – Мяса от 3 быков – 45 пуд. Мяса от 50 овец – 75 пуд. Всего – 120 пуд.

Остальные до потребности 30 пудов получатся колонией от содержания трех свиней, могущих дать по крайней мере 20 пудов мяса, и некоторое количество кур, уток, гусей и индюшек.

От 3 быков колония получит материала не менее как на 30 сапог и башмаков, что на время носки их весною и осенью является совершенно достаточным для детей рабочего возраста. В зимнее время для носки будут более пригодны валяные сапоги, материал на каковые, равно как на свитки, чулки, варежки и проч., получится от собственного овцеводства.

С 80 голов овец при весенней стрижке получим не менее 240 фунтов, а с 130 голов при осенней стрижке не мене 195 фунтов грязной шерсти, а всего 11 пудов, что совершенно соответствует сделанному нами вычислению. От 50 овец получится овчин не менее как на 12 полушубков. В виду же минимальной носки последних в течение трех лет, предполагая, что новые полушубки будут шиться на детей только старшего возраста, явится полная возможность одевать в полушубки детей уже от 9-летнего возраста.

Полученные от земли сырые продукты колония собственными силами должна обратить на свои надобности, а равным образом обходиться в домашней жизни своей также без посторонней помощи.

Женский элемент должен приготовлять пищу, мыть белье, доить коров, стричь овец, ухаживать за малыми детьми, а мужской – кормить скот, чистить хлева и двор, колоть дрова, возить на мельницу хлеб и, вообще, исполнять все хозяйственные работы. Равным образом и ремесленные [работы] должны исполняться колонией, соответственно возрасту и полу обоих ее элементов. На обязанности девочек должны

лежать приготовление из конопли пряжи, тканье холста, шитье белья, вязание чулков, варежек, шапок, а мальчики обязаны, в свою очередь, снабжать колонию обувью, как кожаною, так и валяною, полушубками, рукавицами, ложками, чашками, скамейками, столами, фурами, а если возможно, то даже сукном и мелкими слесарно-кузнечными поделками, в виде нарезки винтов, склепки расшатавшихся машинных орудий и т.п. Неприхотливость крестьянского быта, от которого не должна колония отступать ни на шаг, дает полную возможность исполнения самых мельчайших потребностей земледельческой жизни. Зимнего времени для успешной обработки материалов будет совершенно достаточно, чтобы удовлетворить всем потребностям колонии. 8 ткачих соткут холст по 2 аршина в день на каждую, в течение двух месяцев, если будут ткать не более 4 часов в день. При усиленной же работе тканье холста может быть доведено до 8 аршин в день. 30 пар сапог сошьются восемью мальчиками в течение четырех недель, опять-таки при четырехчасовой только работе в день. Остальные же работы – вязанье, столярничанье – будут лишь разнообразить труд детей, исполняясь между прочим.

При этом нужно стремиться в малейших деталях экономизировать рабочую силу постановкою жизни колонии по последнему слову науки. Так, например, чистка хлевов облегчается втрое, если полы будут деревянные или каменные, а для очистки их будет употребляться вода из насоса; стрижка овец ускорится в несколько раз, если будет совершаться машинками для стрижки, а не ножницами; шитье белья – швейною машиною; тканье холста – на улучшенных станках, и т.п. Для надобностей полевого, огородного, садового, ремесленного и домашнего хозяйства должны быть введены в употребление всевозможные приборы, могущие служить облегчением в работе и доступные, конечно, силам и способностям питомцев приюта.

Прежде чем перейти к реальному подтверждению изложенной мысли, считаю необходимым обратить благосклонное внимание, м[илостивые] г[осудари], на то, что урожайность полей колонии мною уменьшена до чрезвычайных размеров, а потребности ее чрезмерно увеличены. В действительности же, при урожае хотя бы сам восемь, труд может быть значительно облегчен как меньшим пространством подлежащего обработке поля, так и по времени, потребном на исполнение работ; так что управиться со своим хозяйством собственными силами не составит для колонии затруднения.

Как показал опыт, устройство детских колоний на началах самостоятельного существования не представляет из себя ничего трудного.

В 1892 году, весною, в четырех волостях Камышинского уезда Саратовской губернии – Тарасовской, Лопуховской, Красноярской и Бурлукской – возник вопрос о том, что делать с сиротами, кормившимися в столовых Красного Креста и с прекращением их лишившимися снова куска насущного хлеба? Тарасовский волостной сход 9 марта 1892 года, обсуждая вопрос об участи сирот, признал, что назначение на содержание их денежных сумм вызовет необычайно большой расход: на 100 заявивших о нужде своей сирот до 4 тысяч рублей ежегодно – вдвое более общей волостной сметы, едва выполняемой крестьянами, и, кроме того, при выдаче пособия деньгами трудно проследить, чтобы деньги выдавались действительно нуждающимся, так как охотников до пособия явится много; наконец, до малых детей пособия могут и не дойти, оставаясь в карманах их воспитателей; таким образом, огромная жертва волости явится бездельною. Опекуны сирот заявили о совершенной невозможности для них содержать детей на собственные средства или даже путем обработки их наделов. Тогда возникла мысль продолжать содержание сирот в столовых Красно-

го Креста, куда обратятся только действительно нуждающееся; хлеб на столовые собрать с общественных запашек, учредив их при каждом селении волости, и в то же время труд детей обратить на помощь волости по их содержанию. На устройство угла для сирот волость ассигновала 500 р. единовременно, штрафные суммы и третью часть доходов по волостной ссудосберегательной кассе.

Усадьбу для приюта отвело Тарасовское сельское общество в размере около трех десятин, и летом того же года из саманного кирпича было выстроено здание в 18 сажень длины покоем и 4 сажени ширины, заключающее в себе мужскую комнату, женскую, помещение для смотрителей и кухню. Приют рассчитан на 50 человек. К нему подстроены необходимые службы: хлева, баня, погреб, сарай и кузница.

Одновременно волостной сход озаботился организацией подлежащего управления приютом, с каковой целью постановил: поручить волостному правлению, заведывающему расходом волостных сумм, на совещания свои по делам приюта приглашать на правах заседателя председателя волостного суда и, в качестве попечителей, всех священников волости, земского участкового врача и волостного фельдшера. Организованный таким образом совет открыл заседания свои 10 ноября 1892 года, в день торжественного освящения здания приюта, и принял тогда десять круглых сирот обоего пола. Собравшимися на новоселье крестьянами подарены были приюту овцы, куры, гуси, коровы, свиньи, и, таким образом, приют сразу обзавелся хозяйством. Всю зиму дети содержались на хлебе, собранном с 20 десятин общественных запашек при 11 хуторах волости, и в то же время обучались шитью, вязанью, пряденью, исполняя все хозяйственные работы исключительно сами, под надзором смотрителя и смотрительницы – мужа с женою. В настоящее время в приюте воспитываются 29 человек детей,

следующих возрастов[1]. Всего 29 человек. Из них: имеющие одного отца – 1 (в каторжн[ых] работах). Одну мать – 16. Не имеющих ни отца, ни матери – 12.

Весною 1893 года решено было советом приюта более существенно эксплуатировать силы питомцев. Приобретен был однолемешный плуг системы Эккерта на трех колесах, и 31 марта сироты наглядным образом доказали полную свою способность к обработке земли. Управляли плугом мальчики 13-летнего возраста вполне свободно и с необычайным удовольствием. Результат был совершенно неожидан, почему весною, за отсутствием достаточного количества скота и плугов, было вспахано и засеяно яровыми хлебами только 7 десятин. В то же время на пространстве одной десятины был разбит на целине огород и насажано до 500 корней фруктовых деревьев.

Летом было убрано, кроме косьбы, исключительно сиротскими силами сено с двух сотенников лугов, снятых в аренду за 36 верст от приюта, а осенью скошен, убран и обмолочен не только весь посеянный сиротами хлеб, но даже частью и с общественных запашек. Косьба детьми производилась необычайно охотно, с особенною какою-то гордостью, и поле было у них убрано много чище соседнего крестьянского.

Зимнее время рукодельем, а лето полевыми работами доказали приюту полную возможность существования без посторонней помощи, и с осени 1894 года приют решил отказаться от общественных запашек, хотя не составлявших вовсе обременения для крестьян, так как на долю каждого домохозяина приходилось не более получаса работы, но все-таки вызывавших их неудовольствие.

Отсутствие средств на приобретение рабочего скота и инвентаря, а также отчасти и новизна дела снова задер-

1 В тексте дореволюционной публикации Н. Н. Жеденова данные изложены в виде таблицы.

жали полевую работу, почему приют успел подготовить землю под озими в начале уже августа и засеять только 4 десятины. Зато осенью, получив в подарок на саратовской областной выставке отличной конструкции плуги, приют успел приготовить под пшеницу 1894 года 14 десятин. Кроме того, около 23 десятин будут засеяны овсом, просом, чечевицей, картофелем, коноплею и арбузами. С этим количеством земли приют свободно управится, если только успеет приобрести необходимые ему еще три пары волов и хотя бы один запашник. Хозяйственный инвентарь, кроме плугов, у приюта самый обыкновенный: нет ни запашников, ни сеялки, ни молотилки; с приобретением же таковых не только будет облегчен труд детей, но и самая интенсивность его увеличится.

Уходом за огородом заняты были главным образом девочки, немало потрудившиеся при поливе, но с нынешнего года полив будет производиться самотеком, посредством двух деревянных помп, что даст возможность обратить освободившееся время на другие работы. Все хозяйственные и ремесленные работы производились исключительно самими питомцами. Хлебом, овощами и шерстью приют обеспечен до нового урожая; конопли, проса и бахчей уродилось у него недостаточно вследствие, во-первых, общего по местности неурожая и отчасти вследствие плохого качества земли; но от первого года земледельческой жизни приюта и нельзя ожидать успеха во всех деталях.

В нынешнем же году приют предполагает добыть сам с земли собственными силами все необходимое, если только удастся ему приобрести потребное количество скота.

В хозяйственных и ремесленных работах он успел уже настолько, что обувью, свитками, полушубками, чулками, шапками, рукавицами, варежками снабжает себя свободно; производство холста и щепное дело (резьба чашек, ложек и пр.) уже начались и по первым же результатам своим

показывают возможность успеха и на этих производствах; столярным и кузнечным работам мальчики серьезно пока не обучаются, дабы укрепиться первоначально в других изделиях, но краткое знакомство и с этими ремеслами не составит затруднения, так как цель приюта составляет не образование ремесленников, но обучение питомцев возможности обходиться в домашнем быту своем без посторонней помощи, почему и малые знания составят для них несомненную пользу.

Что же касается мясной пищи, то весь приплод свой, как рогатого скота, так и овец, приют обращает на увеличение самого состава скота, почему в пищу могут пойти лишь старый скот или мужского пола, а также приплод от птицы, каковой имеется в распоряжении приюта всякого рода в достаточном количестве.

Штат скота в настоящее время таков: лошадей 2, быков 6, коров 4, телят 4, овец 35, поросят 4, гусей 6, кур 40, уток 8, индюшек 2.

В текущем же году от приплода штат скота станет совершенно достаточным для приюта; недостаток будет ощущаться лишь в рабочем скоте. Приведенное количество скота может дать достаточное количество навоза для отопления 6 печей приюта, но навоз необходим на удобрение не только огорода, но и полей, почему топливо будет требовать, вместе с расходом на администрацию и освещение, денежных расходов.

Последние составляются из жалованья смотрителю и смотрительнице в сумме 300 р. в год, работнику с работницей (также муж с женою) 120 р., а всего до 600 р. Половину этих сумм приют заработает на учрежденном при нем складе земледельческих орудий и принадлежностей, а остальную часть получит из вышеуказанных источников по сберегательной кассе и штрафным суммам, если только хороший урожай не вознаградит его излишками противу

потребности и не даст тем возможности избавить крестьян вовсе от расходов на его содержание.

На изложенных началах организованы еще три приюта, поотставшие несколько в своем развитии от Тарасовского, но стремящиеся к той же цели – самостоятельному существованию.

Следующий по своему развитию – Красноярский – в текущем году также рассчитывает произвести полную запашку, но уборка поля, за слабосилием женского элемента, совершится с помощью наемных рук.

Во всех четырех приютах воспитываются 70 детей. Земли для обработки приюты получают из земельных душ воспитывающихся в приюте сирот, каковые для Тарасовского приюта представляются в сумме 100 десятин. Для большего удобства при обработке души сиротские отводятся к одному месту с тем, чтобы со временем образовать из них сплошные постоянные поля.

Кроме земледелия и ремесел дети в приютах обучаются и грамоте. На это в зимнее время назначены только по два часа в день, в том предположении, что за 8 лет школьного возраста питомцы успеют вполне пройти положенный курс для школ грамоты. Счисление преподается даже среди нешумных рукодельных работ. Учение и рисование составляют для детей самое любимое развлечение, вместе с пением молитв и народных песен. При приютах производятся ежедневные метеорологические наблюдения, доступные пониманию сирот, по которым они, согласно указаниям науки, составляют ежедневные предположения о грядущей погоде, что если не имеет иногда практического результата, то зато весьма интересует маленьких наблюдателей, являющихся для крестьян предсказателями, и вместе с тем такую сухую науку, как метеорология, делает занимательною.

Таким образом, приюты исполняют не одно только назначение как домов милосердия, но являются и рас-

садниками просвещения в народе, особенно по кустарно-сельскохозяйственным знаниям, и притом в тех только пределах, какие и нужны пока народу. Практически научаясь в приютах улучшенным приемам земледелия, скотоводства и ремесленных производств, воспитанники и вне стен приютов продолжат, несомненно, ту же культуру и, таким образом, займутся как травосеянием, удобрением, так и орошением; введут правильное плодосменное хозяйство; будут держать лучший скот и, во всяком случае, свободно освободятся от многих рутинных приемов крестьянского хозяйства; зимнее время они будут иметь возможность посвятить себя кустарным работам и если даже не станут производить изделия для продажи на сторону, то во всяком случае свободно удовлетворят своим семейным потребностям в обуви, одежде, утвари и некоторых земледельческих принадлежностях, так же как удовлетворяют они этим потребностям в приюте.

Описанные приюты имеют весь характер низших народных сельскохозяйственных школ с интернатом и рознятся от них только присутствием детей моложе школьного возраста; что же касается курса обучения, то никто не мешает повысить уровень проходимых в приютах предметов, но только при одном условии, чтобы это не шло в ущерб чисто хозяйственной стороне дела; с улучшением культуры приюта и повышением вместе с тем урожайности полей явится у детей более свободного времени и более у приюта, вследствие этого, средств к найму учителей. Теперь же учителя приютов получают не более 2–4 копеек в час.

Было бы чрезвычайно полезным поучить питомцев приюта землестроению, простейшей механике для лучшего понимания при починке земледельческих орудий, названию вредных насекомых и, особенно, рациональной обработке сырья.

Для местного крестьянства приюты являются образцовыми фермами, на которых крестьяне могут купить

прежде всего лучшие земледельческие орудия, семена, экземпляры племенного скота; затем поучиться лучшим приемам земледелия, познакомиться с культивировкой новых растений, что имело место на первых же шагах Тарасовского приюта, питомцев которого одолели крестьяне просьбами снабдить их семенами двухпудовой тыквы, отличных сортов капусты и гаоляна, впервые получившегося на тамошней почве и понравившегося крестьянам тем, что его не нужно обдирать, как обыкновенное просо.

Вернувшись с саратовской выставки, сироты привезли подаренные им плуги. Крестьяне поражены были легкостью и дешевизною их и обратились к местному земскому начальнику с просьбами об устройстве им посредничества по приобретению таких плугов, следствием чего и явилась мысль об учреждении при приютах складов земледельческих орудий и принадлежностей. Если казенные заводы откроют кредит приютам, для последних явится возможность приобретать земледельческие орудия и принадлежности из первых рук, что вызовет удешевление цен на них для крестьянина. Равным образом оказало бы большую пользу для народа снабжение приютов на льготных условиях из ближайших казенных ферм племенным скотом, которым, в свою очередь, могли бы позаимствоваться крестьяне уже от приютов.

Хозяйство приютов поведется хорошо, если для руководства ими по сельскому хозяйству, по мере повсеместного развития таких приютов, будут приглашаемы губернские или уездные агрономы.

Помимо значения своего как школ приюты окажут на крестьянство серьезное экономическое влияние. Они могут принимать вместе с сиротами на хранение имущества их, продаваемые теперь с торгов за бесценок, с обязательством возврата им таких же, и, во всяком случае, не меньшей ценности. В Тарасовском приюте принята была

таким образом на хранение лошадь 8-летнего мальчика Кантемирова. Ее совсем было продали за восемь рублей для уплаты числившихся на отце его недоимок, но недоимки могут смело подождать восемь лет, тем более, что процент на них не нарастает, а через 8 лет мальчик получит из приюта такую же лошадь обратно, и сразу сделается настоящим земледельцем, и с успехом заплатит недоимку.

В приложенном при сем проекте уставе о волостных сельскохозяйственных приютах введен параграф о снабжении оканчивающих воспитание сирот некоторым количеством мелкого скота, земледельческими и ремесленными орудиями, семенами и некоторым количеством хлеба и одежды, в виде якобы платы за труд во время пребывания в приюте, как это принято в крестьянстве по отношению к приемышам в семьях. Положение это, могущее быть исполнено свободно при правильной жизни приюта, даст возможность питомцу сразу стать на ноги по окончании воспитания, а сельское общество избавит от излишнего пролетария.

Народившиеся в Камышинском уезде четыре сельскохозяйственных сиротских приюта сильно возбудили общественное мнение. Крестьяне, хотя и постановили приговоры об их открытии, но потом стали к ним в недружелюбное отношение, во-первых, потому, что прошение сиротами милостыни на улице они признают вполне нормальным явлением, по Божьему Промыслу, не видя особенной надобности в изменении участи их, и если постановили приговоры о призрении детей, то уступая только предъявленным к ним требованиям закона; затем на устройство сиротам угла потребовались некоторые затраты, хотя и не составившие для них (крестьян. – *Д. С.*) обременения в платеже, но все-таки возбудившие в них сожаления о потраченных суммах, и, наконец, с открытием деятельности приютов сиротские земельные души, находившиеся ранее в распоряжении бо-

гатых крестьян, бравших их из платежа лишь повинностей, стали поступать в распоряжение приютов, что вызвало со стороны богатых крестьян сильное недовольство. При этом считаю необходимым отметить то обстоятельство, что все повинности, лежащие на сиротских пайках, с обработкою их приютами подлежат сложению на общем основании, как с земель, принадлежащих богоугодным и учебным заведениям, так что пользование в приютах сиротскими земельными душами не составит обременения для общества.

Самая организация приютов возбудила массу толков. Идее самостоятельного существования приютов верить никто не хотел, и потому о цели учреждения приютов ходили в народе самые невероятные слухи. Как и во время холерных нелепостей, вымыслы начались от заинтересованных в деле лиц. Крестьянство наше, особенно в том медвежьем углу, где возникли приюты, блещет своим невежеством. Сперва в народе был слух о том, что нищих детей набирают в приюты с тою целью, чтобы, откормив их там, отвозить затем в Камышин для продажи киргизам.

Затем дьячиха одной слободы объяснила мужикам на престольном празднике под строжайшим секретом, что цель здесь, как дозналась она, иная. – У земского начальника есть где-то имение, и вот он хлопочет набрать больше детей затем, чтобы, научив их ремеслам, отправить потом в свое имение, сделав их крепостными. Слух этот крепко держится и доныне.

Несколько дальше от приютов к ним проявляются уже бóльшие симпатии, хотя много находится недовольных и здесь. С учреждением приютов с рабочего рынка сняты были дешевые сиротские руки, нанимавшиеся на лето подпасками, погонщиками, няньками за пару сапог или платье. Цены на них теперь поднялись, а матери, не отдававшие в приюты детей, даже ссылаются на приюты: «Есть будет нечего, отдам лучше ребенка в приют, чем

тебе за такую цену...» Приюты объявлены были вредным экономическим явлением: камышинская земская управа весною 1893 года не удовлетворила даже просьбу снабдить приюты семенами овощей, присланными ей для снабжения школьных хозяйств; фельдшера отказы свои в[о] врачебной даже помощи приютам объясняют негласным запрещением той же управы.

Зато саратовская губернская земская управа на такую же просьбу о семенах ответила немедленною их присылкою, хотя в то же время отказала тогда в присылке дорогих семян кормовых трав, опасаясь произвести трату на казавшееся ей сомнительным сельское хозяйство приютов.

Осенью 1893 г. приюты экспонировали продукты своего полеводства, огородничества, садоводства и ремесленных изделий на саратовской областной выставке и здесь впервые обратили на себя внимание общества. Последнее поражено было и полевым хозяйством приютов, и их ремесленными изделиями. Областной съезд сельских хозяев Юго-Восточной России, которому сделан был доклад о жизни приютов, 27 сентября 1893 г. одобрил всю организацию приютов, признав за ними значение низших сельскохозяйственных школ, и постановил ходатайствовать пред правительством о повсеместном их учреждении, а комитет саратовской выставки наградил Тарасовский приют похвальным листом за огородные произведения и большою серебряною медалью за осуществление идеи самостоятельного существования приюта. С того времени симпатии к приютам все нарастают, выражаясь в солидном притоке пожертвований на обзаведение их хозяйственными потребностями.

Немало влияние приютов и на общественную нравственность. Помимо того что ряды крестьянства станут пополняться из них нравственно воспитанными, свободными от суеверных понятий земледельцами-кустарями, самим

фактом своего открытия приюты сняли с улицы 70 детей, добывавших себе кусок хлеба воровством и погрязавших в разврате по тем нищенским притонам, где они ранее ютились. Дети эти занялись теперь честными трудом. […]

Прения по докладу Н. Н. Жеденова

Н. В. Пономарев. Докладчик описал нам жизнь нескольких приютов; они просуществовали всего два года, и докладчик делает из своих наблюдений довольно широкие обобщения, высчитывает количество рабочих сил, инвентаря, продуктов и проч. Признаюсь, все это напоминает мне известную математическую задачу. Спрашивается: во сколько времени ядро долетит до Солнца? И математически верно решают, что оно долетит в 11057,5 часов. Но вся беда в том, что невозможно устроить такую пушку, из которой ядро могло бы быть пущено с такою силою, чтобы летать столько времени вверх.

У Вас все вычислено: столько-то нужно овец, которые дадут столько-то шерсти; столько-то будет коров, которые будут давать столько-то молока; уродится столько-то капусты, которой хватит на всех 64 детей. Эти дети у Вас так хорошо будут обучаться, что даже чуть не грудные младенцы будут знать метеорологию и предсказывать погоду, чего не в силах сделать и мудрецы науки.

Что ж, видно, недаром сказано: что сокрыто от мудрецов, то открыто младенцам.

У Вас младенцы от двух лет будут ходить за грибами. В Вашем приюте есть муж и жена, у которых 64 ребенка; а у нас муж и жена часто не в состоянии справиться и с одним ребенком, а с четырьмя детьми, особенно если половина их баловники, у нас муж с женой положительно не могут справиться; у вас же муж и жена успешно справляются с 64 детьми, хотя известно, что если в деревне оста-

вить ребенка на время без присмотра, то его, пожалуй, свиньи съедят.

В Вашем приюте все: и домашнее, и полевое хозяйство будут вести одни дети: мальчики наколют столько-то дров, младенцы будут обрабатывать 74 десятины земли, пахать плугами, косить и проч.

Хотя мы – петербуржцы – народ бывалый, однако же нам не приходилось видеть ничего подобного, если, конечно, не считать любых арифметических задачников, в которых можно найти решение подобного рода задач. Мы знаем, что во многих случаях крестьяне не умеют обращаться с плугом и потому приходится бросать его.

В настоящее время все стараются открыть панацею для поднятия уровня сельского хозяйства и предлагают для этого различные эксперименты. Но известно, что не все дороги ведут в Рим.

Вы предлагаете панацею в виде устройства детских приютов, в которых дети будут так хорошо вести хозяйство, что к ним будут приходить учиться 70-тилетние старики крестьяне. Может быть, – но только не в России: у нас никто не пойдет к ним учиться; да и нечему у них учиться: они, несомненно, будут пахать весьма плохо и, наверное, гораздо охотнее и скорее станут играть в горелки, чем пахать, косить, колоть дрова и т[ому] под[обное].

И кто будет обучать их всему этому? Все одни и те же муж с женой. Конечно, мы здесь сидим тихо: а там будет 64 человека, младенцы. Вы думаете, что девочки будут помогать; но это невозможно. У вас девочки все будут делать. Мы знаем, почему в школах не прививается обучение ремеслам? Да потому, что до 12–13-летнего возраста невозможно научить дитя какому-нибудь ремеслу, например, слесарному, скорняжному, кузнечному и проч. Я много лет занимаюсь этими вопросами по кустарному отделу и говорю на основании опыта. У Вас же чуть не грудные младенцы

обучаются всевозможным ремеслам. Говорить так – значит не знать нашего кустарного дела.

Ваша схема поразрядного деления детей по возрастам на отдельные группы также чисто абстрактная и очень напоминает то, что мы встречаем в учебниках математики. Представьте же себе, что все приютские дети окажутся грудными. У Вас это неважно, и непременно требуется, чтобы было столько-то детей такого-то возраста и столько-то другого и т.д.

Я думаю, что из двухлетней жизни нескольких детских приютов еще невозможно делать таких широких выводов. Мы большие скептики в Петербурге. Я с удовольствием приеду в Саратовскую губернию, чтобы посмотреть, как осуществляется там легенда, что сельскому хозяйству научится деревня при помощи грудных детей.

Вы весьма мало говорите о том, кто будет стоять во главе управления этими приютами. По-видимому, Вы призываете на помощь науку для облегчения труда; у Вас даже младенцы постигнут эту науку. И в то же время во главе этих фаланстер Вы не хотите ставить людей образованных: они небрежно относятся к своим обязанностям, поздно встают, вообще их не следует ставить во главе приютов. Тут очевидное противоречие: выходит, что образование никуда не годится, с чем, однако же, никто согласиться не может.

У Вас начальник приюта должен быть какой-нибудь простой ремесленник: столяр, кузнец, сапожник, огородник и т.д. Но несомненно, что, например, столяр, будучи во главе приюта, станет обучать детей только столярному ремеслу и никакому другому не станет, не может обучать, а тем более – земледелию.

Таким образом, при всем желании очень трудно указать на какие-нибудь хорошие практические стороны Вашего проекта.

Но, собственно, Ваша филантропическая задача очень привлекательна, и ее можно поддержать; хотя и в этом отношении практичность приютов сомнительна.

Положим, что на 2 тысячи населения придется устроить один приют в 70 человек; таким образом, оказывается 3% сирот, т.е. во всей России будет около 3 миллионов сирот; значит, нужно будет устроить более 40 тысяч сиротских приютов, во главе которых будут стоять столяры, сапожники, огородники и т[ому] под[обное].

Между прочим, Вы слишком рано заставляете девочек работать на швейных машинах: известно, что и более взрослые девушки наживают за этой работой женские болезни.

У Вас девочки занимаются разными работами, требующими известной физической значительной силы: а между тем кто же из нас не видел тысячи этих девочек – сироток, заморенных, малокровных, решительно не способных ни к какому труду, разве разматывать шерсть?

Можно очень много сказать в этом отношении; но все это ни к чему не поведет. Все Ваши дети разбегутся и ничему не научатся. Посмотрите, что делается в этой среде у нас, в Петербурге, где живет около 500 тысяч крестьян, и Вы убедитесь в справедливости того, что я говорю.

Все эти швейные машины, плуги, локомобили, которыми будут пользоваться 3-летние дети, никого ничему не научат.

Все это – утопия; может быть, она где-либо и осуществится, и хорошо.

Много можно говорить по этому поводу; но я предоставляю высказаться и другим нашим сочленам.

Д. А. Линев. Доклад произвел на меня то впечатление, что проектируемые Вами приюты без посторонней помощи не могут обойтись, и все, что мы сейчас выслушали от Н. В. Пономарева, то верно. Я сам вел хозяйство и видел детский труд. Думать, что мальчики 14–15 лет будут хоро-

шими землепашцами и косцами, – это один самообман. У меня такие подростки косили. Правда, попадались исключения, но большею частью такие подростки оказывались невозможными косцами. Дрова колоть или пилить они еще могут; а о том, чтобы они могли пахать плугами, – и говорить нечего. Может быть, в Саратовской губ[ернии] какие-нибудь особенные дети; но сомнительно, чтобы это повсюду было возможно. Наконец, если бы это было все, беда была бы не так велика; но тут встретятся затруднения гораздо более существенные. Мне припоминается при этом следующее: спрашивают помещика – велик ли его расход на ведение сельского хозяйства? Нет, отвечает он: у меня все свое. А между тем, когда я купил имение, то оказалось, что все нужно покупать, на все нужны деньги и деньги.

Я не буду касаться деталей доклада. Несомненно, что без сторонней помощи эти сиротские приюты не могут существовать. А раз нужны деньги, нужны и источники к их получению.

Но сама по себе мысль, что при помощи разумного воспитания детей мы можем оказать большую услугу в деле подъема сельского хозяйства, заслуживает самого серьезного внимания; и если мы можем питать надежду на поднятие сельскохозяйственной культуры в народе, то это возможно достигнуть только путем правильного воспитания детей.

При этом, конечно, следует обратить внимание и на сирот, и вообще на беспомощных детей.

Если мы желаем воспитать семью разумных людей, то это дело следует начать с семьи детей.

Повторяю, что стремление насадить основные сельскохозяйственные знания в народе путем разумного устройства детских приютов и школ заслуживает самого серьезного внимания. Дайте по крайней мере самые элементарные сведения по сельскому хозяйству.

О Камышинских колониях я слышал от ген[ерала] Косича, который говорил мне и о докладчике. Я с интересом следил за судьбою саратовских детских приютов, о которых порою печатались сообщения в «Саратовском листке», где развивались довольно подробно все те основные мысли, которые изложены докладчиком, и вообще излагались история и постепенный ход самого дела.

Меня потому собственно интересовала идея о том, чтобы учить народных детей в школах-приютах, с тем чтобы таким путем прививать в народной среде сельскохозяйственные знания, что я сам давно занимался этим делом, много думал о нем и в Новгородской губ[ернии] стал агитировать в пользу учреждения сельскохозяйственных приютов для беспомощных детей и сирот, доказывая, между прочим, что это дело будет полезно и самим помещикам, так как с течением времени они [будут] получать дельных приказчиков и знающих свое дело рабочих, особенно по части скотоводства. Более ста помещиков сочувственно отозвались на мой призыв. Был выработан устав и представлен куда следует. Туда Вы не представляли своего устава. У Вас дело вышло проще. Вы были местным земским начальником, и, конечно по Вашей инициативе, крестьяне решили это дело, согласно Вашим предположениям на волостном сходе. Но не везде бывает подобное благоприятное стечение обстоятельств. Вообще у нас трудно вести всякое дело. Наш проект устава потребовал много справок, перебывал во многих канцеляриях и ровно через год попал (куда бы вы думали!!) в Ученый Комитет Министерства народного просвещения!

В конце концов все сводится к тому, что частная инициатива в этом деле не скоро достигает своей цели.

А затем, для того чтобы при этом достигнуть существенных результатов, нужны средства. Ведь в каждом уезде придется обеспечивать детей беспомощных и сирот.

Как бы то ни было, но ваша мысль устроить в виде детских сельских приютов подготовительные курсы земледелия и вообще сельского хозяйства заслуживает серьезного внимания и полного сочувствия.

Г. П. Сазонов. Насколько я уясняю себе предмет только что выслушанного вами доклада, в нем есть две стороны: теоретическая – об идеальных стремлениях и задачах, и практическая – о самой постановка дела и осуществлении его на опыте докладчика. Что касается теоретической части, то в ней докладчик впадает нередко в противоречие с экономическою стороною и вообще разными знаниями. Лечить корень глубоко залегающей язвы подобными паллиативными средствами – мечта весьма наивная и не может встретить серьезной поддержки. И говорить по этому поводу я считаю совершенно излишним. – Но если отрешиться от этой неудовлетворительной постановки теоретической стороны этого дела и перейти к его практической постановке, то мы встретим здесь мысль в высшей степени симпатичную, прекрасную, которая вполне заслуживала бы внимания 1-го Отделения Имп[ераторского] Вольного Экономического Общества, если бы теоретическая постановка дела была иная. Нельзя, право, не удивляться тому, что высказано докладчиком. Подумайте, какие знания предполагаются давать, и каким способом, и все это – без всяких средств. Из ничего докладчик задумал сделать все и радикально излечить самые тяжелые язвы. И при этом сам же себя и бьет, говоря, что руководителей достать нельзя. Конечно, при добром желании и с хорошим сердцем возможно получить и в этом деле иногда хорошие результаты. Но это не дает права эти исключительные случаи обобщать для получения тех или иных результатов. Обратили ли Вы внимание на то, что, кроме того что невозможно отыскать хороших руководителей, нельзя иметь и верных средств для осуществления этого дела? Например, Вы предполагаете,

что приют будет иметь известное количество земли. Но как получить эту землю в одном месте? Вы считаете наилучшими руководителями приюта простых мастеров. Но, во-первых, как же эти мастера – разные плотники, сапожники, портные и т[ому] под[обное] – будут учить детей сельскому, для них совершенно непонятному, хозяйству? Да и где Вы найдете столько дельных мастеров? В Вашем уезде, быть может, их и в самом деле наберется довольно; но во всей России их нет, и рассчитывать на этих мастеров – это мечта совершенно непрактичная.

Что же касается возможности устройства подобных заведений во всей России, – то Вы сами раскритиковали эту мысль и признали ее неосуществимою.

Но если бы эта практическая постановка, без теоретических посылок, заинтересовала бы 1-е Отделение нашего общества, то я могу напомнить, что два года тому назад подобный вопрос, после трех отдельных докладов, много занимал 3-е Отделение Имп[ераторского] Вольного Экономического Общества; была образована комиссия из многих лиц; комиссия занималась этим делом довольно долго и окончилась (как и все наши комиссии) ничем. Быть может, участники той комиссии и другие компетентные лица могли бы что-нибудь сделать и по делу, возбужденному докладчиком.

Н. Н. Жеденов. Я вижу, что в принципе все более или менее согласны с постановкою учреждения – детских сиротских приютов на основаниях, мною изложенных.

Мне кажется, что меня не вполне поняли. Я не говорил о том, что можно сделать; я говорил только о том, что уже сделано.

Говорят, что дети не могут успешно пахать. А я говорю: в Тарасовском приюте подготовлено было 20 десятин земли одними силами сирот, которые с удовольствием пашут. В наших приютах ремесленные изделия настолько

развиты, что ребята сами себя одевают буквально с ног до головы. Холст добывают сами питомицы приюта. Особенно хорошо ткут холсты в Тарасовском приюте. Девочки 12–13 лет прекрасно ткут холсты, и этот труд представляется нисколько не обременительным. – Говорят, что приютские дети не могут косить. А я видел, что 12-летние мальчики прекрасно косят. – Если выразят сомнение в способности детей колоть дрова, то я скажу, что в наших приютах дети 10–12 лет пилят и колют дрова. Следует только давать пилу и топор, соответственные их возрасту и силам. Конечно, весьма существенное значение имеет группировка детей по возрастам. Говорят, что нельзя составить приют с такой идеальной группировкой, о которой я говорил в своем докладе. Но я прошу вас вспомнить, что все, что я говорил, я подтверждал указаниями опыта. Категория детей средних возрастов в приюте постоянно увеличивается. При 24 человеках расход ежегодный достигает 16 000 р.; конечно, при увеличении приюта до 200 человек расход будет необычайно велик.

Говорят, что подобные приюты не могут вместить всех сирот деревни, что нужно учредить особые дома для призрения сирот. В одном периодическом издании появилась небольшая статья о воспитательных домах. Там говорится, что в Москве масса детей ежегодно подкидывается и их разбирают направо и налево. Дети в огромном количестве забираются из деревень в города, здесь же они выкидываются на улицу. Вся суть в том, есть ли средства, чтобы содержать детей. Конечно, если средства есть, то их можно содержать и иным порядком; а если их нет, то нужно устраивать приюты. Нельзя же сказать сироте голодному: приди завтра, я подумаю, как тебя накормить. Что было бы, если бы сказали это в 1891 году голодному мужику? Тогда бы, наверное, так мирно и покойно мы с вами не беседовали. – Вопрос этот слишком серьезный, и невозможно отрицать необхо-

димость приступить к учреждению тех или иных приютов для призрения детей. В виде опыта вы имеете теперь историю 4 подобных приютов. Чтобы опыт был более поучителен, приюты устроены были при различных условиях. Один из них построен в рыболовном месте, другой в лесу и третий в степи. Приюты занялись обработкою земли, разведением огородов, с которых получалось овощей в 4 раза больше, чем сколько было нужно, так что бóльшая часть овощей была продана. Ремесленные изделия также пошли хорошо и настолько успешно, что стали получать много заказов от крестьян, и приюту приходилось отказывать многим крестьянам, чтобы не слишком отвлекаться сторонними работами; тем более что плата за исполнение сапожных работ не покрывала расходов. Вся суть не в том, что, быть может, приюты со временем будут производить прекрасные ремесленные изделия. – Я не говорю также, что эти приюты представляют панацею от всех бедствий; я говорил только, что они полезны и легко осуществимы и что с их помощью возможно было бы хоть сколько-нибудь улучшить сельскохозяйственную культуру. Кто будет отрицать пользу таких приютов, особенно если они будут в состоянии содержать сами себя? Говорят, что не найдется для подобных приютов ни подходящих руководителей, ни нужных работников. Разумеется, что их трудно будет найти, если вы будете стремиться поставить в этих приютах сельскохозяйственную культуру так высоко и совершенно, как бы вы того желали. Но мои приюты не задаются стремлением непременно поднять эту культуру на возможно более высокую точку. Конечно, очень возможно, что они будут указывать крестьянам на улучшенные приемы земледелия, но не непременно на самые усовершенствованные приемы.

Приюты стараются жить без сторонних ремесленников. Пусть дети сошьют себе и не по мерке и вообще не вполне удачно, особенно на первых порах; это ничего не

значит; все-таки они будут носить то, что сами себе сшили, как в деревне дети часто донашивают одежду и обувь взрослых. Но по мере дальнейших занятий этим ремеслом и воспитания в приюте 2–3–4 года дети несомненно усовершенствуются в шитье платья и обуви; и через несколько лет они будут шить прекрасно. Примеры тому налицо. Мальчик Дмитрий поступил в приют 13-ти лет и вовсе не умел даже сучить дратвы, а через два года уже настолько хорошо шил сапоги, что на саратовской выставке было обращено особенное внимание на изящество отделки его работ. Мы знаем, что ремесленники берут детей в ученье на 6–8 лет; а между тем оказывается, что дети в два года прекрасно шьют сапоги. Говорят, что если дети нашьют много обуви, то некому будет ее покупать. Но главная задача будет только в том, чтобы научить детей шить самим себе сапоги.

Нужно обратить особенное внимание на то, что много долгих зимних вечеров у крестьянина пропадает совершенно непроизводительно; крестьянин лежит на печи и проедает то, что припас детям. Нужно занять его на это время кустарными промыслами; необходимо поэтому приучать в приюте детей к разным ремеслам и приготовить их настолько, чтобы по выходе из приюта они могли бы заниматься, особенно в свободное от полевых работ время, различными ремеслами и не нуждались бы в ремесленниках. Если вы приучите их к этому, то тем самым уже принесете громадную пользу. Спрашивают: а кто же будет обучать детей всем этим ремеслам? Я ответил на этот вопрос примером доселешней жизни приютов. В них смотрителями состоят люди, знающие сапожное ремесло, а жена смотрителя учит девочек шитью. В приют приглашается также портной, обучающий детей своему ремеслу, за что получает вознаграждение по 3 копейки в час на приютском содержании. Конечно, тут нужен самый простой, обыкновенный портной, который научит детей, как нужно

шить полушубки. Что же касается замечания, что такие смотрители не будут знать сельского хозяйства, то я скажу на это, что тут и не потребуется никаких особенных знаний; его дело заключается только в добросовестном исполнении обязанностей смотрителя.

Говорят, что нужно дать приюту других руководителей. По моему проекту приюты известной волости должны состоять в заведовании общества призрения; в состав этого общества должны входить и крестьяне, и священники, и учителя. Крестьяне не дадут возможности интеллигентным членам чересчур увлекаться, а интеллигенция не дозволит слишком замедлять развитие этих учреждений.

Говорят, что швейные машины вредны. Собственно, вредны ножные машины. Но в таком случае можно завести ручные машины.

Говорят, что дети слабые, бессильные – не могут справиться с работою, требующей известного напряжения физических сил. Действительно, дети поступают в приют крайне истощенные, слабые, бледные, с большими животами, оттого что ели много хлеба и особенно его суррогатов. Но спустя полгода дети становятся здоровыми, крепкими в приюте. Я могу в доказательство привести статью одного саратовского врача по вопросу о санитарных условиях Саратовской губернии; в этой статье приводятся факты, доказывающие воспитательное значение приютов. К нам однажды в приют приведен был ребенок, потерявший отца и мать, всеми заброшенный и случайно питавшийся выпрашиваемыми кусками хлеба. Администрация сельская оставила его без всякого призора, на произвол судьбы. Дело было зимой, при 20 градусах мороза. Конечно, ребенок непременно должен был погибнуть. Совет приюта, благодаря энергическому голосу одного из его членов, местного священника, оказался на высоте своей задачи. Ребенка приняли в приют и таким образом спасли жизнь человека.

Говорят, что приюты не могут существовать самостоятельно, что, во всяком случае, это еще вопрос. Но это доказано и самою жизнью, и только что приведенными в моем докладе цифрами как непреложная истина и говорит совершенно обратное.

Говорят, что я воображаю какой-то несуществующий приют; что в действительности в приюты будут поступать совершенно беспомощные дети и что моя группировка детей и все расчеты о средствах приюта чересчур идеализированы. На все эти замечания самый обстоятельный ответ можно найти в моем докладе. Конечно, если в приют поступят совершенно беспомощные дети, то они не смогут работать. В Лопухинском приюте на 26 детей только 6 человек способны к работе, в 12–15-летнем возрасте; так что известная нормальная группировка детей может установиться лишь через 5–7 лет. Этот приют содержит в настоящее время двух работников; вероятно, придется взять и третьего. Почему же приюты, чтобы добиться самостоятельного существования, не могут держать, если это нужно, потребное количество батраков? Ведь это сплошь да рядом делается в больших крестьянских семьях, хотя по нормальному порядку вещей всякая крестьянская семья умеет обходиться без всякой сторонней помощи; она добывает собственным трудом, и главным образом из земли, все, что ей нужно для жизни ее членов.

Говорят, что земельные наделы приютов будут крайне разбросаны. Конечно, это возможно; разбросанность наделов не препятствует их обработке. В Тарасовском приюте три поля, и одно поле отстоит от другого на 5–8 верст. Конечно, это неудобство влияет на полный успех работы. Приют обыкновенно работает целым табором сперва на одном поле, потом переходит на второе и на третье. В настоящее время крестьяне уже склоняются к отводу участков для приютов в одном месте. Во всяком

случае, это не такое важное обстоятельство, которого никак нельзя было бы избегнуть.

Что эти приюты могут сразу образовать народ в сельскохозяйственном направлении, – этого я не говорил; а говорил только то, что путем практическим можно дать воспитанникам понятие о лучшем, более культурном труде. Я говорил также, что, раз крестьяне увидят, что приюты содержат сами себя, они найдут нужным помещать не только сирот, но даже и своих собственных детей, при существовании отца и матери. Сельский сход уже поставил на разрешение совета Тарасовского приюта вопрос: может ли приют принимать детей от вдовцов, которых дети почему-либо стесняют, напр[имер], в случае вторичного брака или необходимости уйти в отхожие промыслы? Администрация приюта полагала возможным принимать таких детей, причем соглашалась на принятие предложенной за это платы натурою, в виде коровы, овцы и проч. Волостной же сход сказал, что жизнь приюта идет так хорошо, что хотелось бы, чтобы в каждом селе были подобные приюты, куда все крестьяне могли бы помещать своих собственных детей, не говоря уже о детях вдовцов. И наплыв прошений о прием детей в приюты настолько велик, что приходится отказывать.

Я слышал сомнение по поводу моего заявления, что приюты могут достигнуть самостоятельного существования. Я указал цифровые данные и живые примеры. Можно проверить все это самым строгим вычислением, и нахожу, что здесь нет ничего невозможного. Я даже слишком увеличил цифру расхода и слишком сократил цифру дохода, допустив обработку поля при самой низкой культуре; и без преувеличения могу сказать, что при лучшей культуре приют будет существовать самостоятельно и безбедно и при 20 десятинах земли, а не при теперешних 74 десятинах.

Нет, тут нужны не средства для того, чтобы были воздвигнуты приюты; можно организовать их и без всяких

средств, и очень может быть, что они и организуются. В Тарасовском приюте всего капитала было 200 рублей. Чтобы устроить дом и постройки для приюта, решено было взять с каждого из 400 дворов по бревну. Затем многое можно получить из сиротского имущества. Не средства здесь нужны: нужны доброе сердце и более теплое отношение к народной нужде, и, если это есть, тогда мы в состоянии будем сделать многое без копейки денег.

Перехожу к последнему замечанию. Сиротские приюты – это явление в тамошнем крае совершенно новое. Там совершенно не знакомы с тем, что делают и говорят относительно приютов здесь, в Петербурге; не знают того, что в Императорском Вольном Экономическом Обществе этот предмет обстоятельно обсуждался уже два года тому назад; что для всестороннего исследования этого дела была образована специальная комиссия из восьми лиц, труды которой, впрочем, пока еще неизвестны. – Неудивительно, что в тамошнем крае относятся к подобным явлениям с величайшим недоверием и как будто не желают признать практическую пользу этих приютов. При этом замечается следующее странное явление: чем далее люди живут от приютов, тем более симпатично к ним относятся. Саратовское губернское земство относится к ним необычайно симпатично, помогает приютам всем, чем только может: присылает хорошие семена, удешевленные орудия, а на днях постановило прийти им на помощь и денежною субсидией на приобретение тех земледельческих орудий (как то – сеялок, молотилок и проч.), которых крестьяне сами не в состоянии пробрести. Саратовская областная выставка, на которой приюты экспонировали, наградила их похвальным листом за овощи и большою серебряною медалью за удачное стремление к самостоятельному существованию и к улучшению в народе сельскохозяйственной культуры, что замечено было уже в первый год существования прию-

тов. 27 сентября 1893 года областному сельскохозяйственному съезду Юго-Восточной России было представлено о жизни приютов и о продуктах, добытых ими. Можно было бы ко всему этому отнестись скептически; но присутствовавший 12-летний питомец приюта, который удивлял своими работами, служил наглядным подтверждением того, что докладывалось съезду, который на предложенный ему на разрешение вопрос: пригодны ли эти приюты для постепенного поднятия нашей сельскохозяйственной культуры в крестьянской среде и для уменьшения пролетариата, и если пригодны, то не выразить ли ходатайство перед правительством об организации таких приютов в каждой волости? – ответил утвердительно. Я должен напомнить, что на этом заседании съезда было большое число опытных агрономов и в числе их такое компетентное лицо, как П. А. Костычев. Съезд решительно высказался за такую организацию приютов, чтобы они служили местными образцовыми фермами.

В то время, когда и губернское земство, и выставка, и съезд высказались столь сочувственно в пользу этих приютов, на месте замечается совсем иное отношение к ним. Представляю в виде иллюстрации несколько примеров. Местная камышинская уездная земская управа имела в своем распоряжении массу огородных семян, а также саженцев для посадки молодых фруктовых деревьев; и тем не менее отказалась выслать приютам хоть сколько-нибудь этих семян и саженцев, когда приюты обратились к ней по этому поводу с просьбою. Эта управа решительно игнорирует существование в Камышинском уезде этих приютов, так, как будто они вовсе не существуют. Далее, со стороны лиц и экономий, владеющих крупными хозяйствами в месте расположения приютов, замечается весьма сочувственное к ним отношение: в приюты жертвуют массу земледельческих орудий (плугов, борон, сох и т[ому] под[обное]),

жертвуют и скот, и домашнюю птицу (быков, овец, поросят йоркширских, гусей, кур, уток); особенно массу всякой живности прислали на новоселье. – Но мелкие землевладельцы не сочувствуют приютам; особенно же кулаки и мироеды. Представитель мелких землевладельцев, даже скорее средних, сказал даже, что считает эти приюты вредным экономическим явлением. – Такой взгляд объясняется тем, что, пока не было приютов, подобные помещики брали в работники сиротских детей, подпасков, почти задаром; теперь же они этого не могут уже делать: крестьянин не так уже стал сговорчив в цене и отвечает: «Ну, что же делать; если высшей цены не дашь, помещу ребенка в приют». Пожалуй, приюты составляют для некоторых людей далеко не желательное явление. Со стороны же кулаков и мироедов, как и можно было ожидать, замечается положительно враждебное отношение к приютам. Сиротские земельные душевые наделы обыкновенно уходили из рук общества и поступали в пользование кулаков и мироедов. Предполагая, что каждый такой надел будет составлять 4 десятины и что сирот наберется 15–20 душ, к кулаку поступало почти в даровое пользование до 80 десятин земли; теперь же вся земля эта поступает в распоряжение приюта и от мироеда отнимается. Вряд ли возможно признать подобное явление нежелательным: когда не было приютов, сироты питались Христовым именем, а помещенные в приютах – они стали питаться тем, чем питались их отцы. Может быть, вследствие существования приютов хозяйство некоторых крестьян и мелких помещиков и пошатнулось; однако же подобные явления нельзя считать вредными экономическими явлениями. Все эти обстоятельства и возбудили некоторые толки и слухи по поводу устройства приютов, а люди легкомысленные внимательно прислушиваются к этим толкам и принимают на веру все, что ни говорится лицами, на деле не заслуживающими никакого доверия.

А толки и слухи распространялись до смешного нелепые. Так, сперва распространился слух, что приюты открыты для того, чтобы собирать сирот, воспитывать их и затем вывозить по машине и продавать в Камышине киргизам, особенно девочек. Но морозовская дьячиха разбила крестьян, заверив их, что администрация приюта ходит в церковь и потому не может быть, чтобы души человеческие продавались. Затем предполагалось, что все это одни пустые затеи местного земского начальника; а быть может, он извлекает себе из этого дела какую-нибудь пользу. И крестьяне сперва выражались неодобрительно по поводу учреждения приютов. А когда увидели на деле, что Тарасовский приют собрал на зиму все, что ему нужно, и не расходует никаких сумм для своего содержания, за исключением содержания администрации, и когда стала поступать в приют масса пожертвований и вознаграждений, тогда они совершенно переменили свой прежний взгляд на приюты.

10 ноября прошлого года, в день годовщины учреждения Тарасовского приюта, был устроен для крестьян престольный праздник и предложено угощение, чтобы наглядно убедить их в реальности той цели, которую приюты преследуют. Сошлась масса крестьян, даже из очень дальних мест. Всем было предложено угощение: пироги с капустою, с морковью и разною другою начинкою, – разные овощи, хлеб. Крестьяне наглядно убедились, что дети добыли все эти продукты собственными трудами, и настолько умилились и так порадовались, что через неделю после этого постановили единогласный приговор, чтобы в 1894 году, вместо доселешних разбросанных во многих местах малыми полосками сиротских земель приюта, образовать в одном месте одно трехсменное, так назыв[аемое] «Сиротское поле», чтобы дети с этого времени беспрепятственно могли обрабатывать землю и не терять дорогого рабочего времени.

Какое же влияние оказывают сиротские приюты на общественную нравственность?

В настоящее время в этих приютах воспитывается 69 детей, которые раньше были выброшены на улицу и там занимались воровством и развращались. В приюте есть один девятилетний мальчик, Колька, который был раньше чрезвычайно ловким вором и грозою для окрестных деревень. Данные судебной статистики показывают, что ряды сельских воров и конокрадов пополнялись главным образом этими беспризорными сиротами. И когда открыты были сиротские приюты, масса сирот подобрана была в них с улицы, и сразу же крестьяне заметили, что воровства стало меньше. Среди поступающих в приют сирот приходят с улицы и девочки 13–14 лет. Известно, что девочки-сиротки имеют крайне печальную судьбу; да это и не может быть иначе. Эта горькая нищета и беспризорность и есть настоящая колыбель всякого преступления и разврата! Пускай же, вместо того чтобы мальчик занимался воровством и убийством, а девочка развращалась в руках сластолюбца – деревенского ростовщика-мироеда, пускай мальчик и девочка будут подобраны с улицы в приют; пусть мальчик бросит лом и топор и возьмется за плуг; пусть девочка встанет с позорного ложа, пусть ее вырвут из рук полупьяного сластолюбца и она сядет за прялку! Пусть лучше эти несчастные, обиженные судьбой дети примутся за труд! И это не сказка, а быль: и эти дети принялись за труд, за честный труд!

Ф. Н. Королев. Мне остается прибавить всего лишь несколько слов к тому, что нами выслушано со стороны докладчика и его оппонентов.

Я скажу, что докладчик задумал и сделал в высшей степени симпатичное дело. Все г[оспода], возражавшие ему, ошибаются, рассматривая это дело с одной только чисто экономической стороны. Но это дело скорее благотвори-

тельности; все же экономически последствия составляют как бы придаток к нему. Возможность безбедного существования построенных по мысли докладчика приютов совершенно ясна. Приют его – это есть, в сущности, та же большая крестьянская семья; они пользуются всем, что можно извлечь из крестьянских наделов. Отрицать возможность существования приютов на средства этой земли – значит отрицать возможность существования крестьянской семьи на данном наделе; и наоборот: если – как это очевидно – крестьянская семья может существовать на данном наделе, то могут существовать таким же способом и приюты; особенно же когда будут приняты необходимые миры к тому, чтобы отводимые для приютов участки земли находились в одном месте или по крайней мере в нескольких местах, не удаленных друг от друга и от самых приютов.

Вот с такой именно точки зрения и нужно смотреть на проектируемые и уже заведенные докладчиком детские приюты. Может быть, эти его расчеты на процветание приютов окажутся на деле слишком утопичными; это уже покажет сам опыт. Но само по себе дело это – в высшей степени доброе, симпатичное. И если такие приюты уже существуют на деле и таким образом уже самым опытом доказана возможность их существования, то уже нет никакого основания сомневаться в этом.

В частности, говорят, что едва ли 14-летние мальчики могут работать с успехом в поле. Но плугами возможно работать в поле даже мальчикам моложе 14 лет. Это я сам видел в Ямбургском уезде, где работают небольшими, так называемыми ямбургскими плужками Аббея. Самое трудное дело в полевом хозяйстве – это косьба. Здесь требуется уже известное усилие. Но можно попробовать давать мальчикам небольшую косу, вроде, например, бельгийской. Что же касается до жнивья и молотьбы, то это дело уже не так трудно.

Указывают на вред швейных машин. Но должно сказать, что при обучении шитью стараются приучить, чтобы девушки умели работать и без помощи машин. Так оно будет и в приютах. Кроме того, здесь швейная машина не будет приносить вреда как в городе и потому еще, что в городе на машинах работают с утра до вечера, непрерывно 10–12 часов, и так изо дня в день, из года в год. Здесь же работа на машине будет перемежаться с другими работами: главным образом будут работать в поле и на огороде, а часть времени будут работать на машине.

Самый большой недостаток и малый успех городских приютов заключаются в том, что они находятся в черте города; все приюты следовало бы устроить в деревнях, чтобы дети могли работать в поле и огороде; зимою же они могут заниматься мастерством. Тогда бы из приютов выходило здоровое население, которое, без сомнения, и будет выходить из приютов Камышинского уезда. Важно, чтобы по возможности побольше дети работали на поле, в огороде, на вольном воздухе, и чтобы работы не были однообразны, а по возможности перемежались, и чтобы приучать детей ко всякой работе.

Таким образом, я полагаю, что мы можем только приветствовать это симпатичное начинание и воздать благодарность начинателю. Императорскому Вольному Экономическому Обществу следует сделать все возможное, чтобы подобные предприятия распространялись и – если это окажется нужным – усовершенствовались.

Я полагаю, что к этому присоединятся многие из членов нашего Общества.

В. Л. Чебышев. Не знаю, известен ли Вам закон, в силу которого воспрещается открывать и содержать так называемые смешанные приюты для детей обоего пола свыше 10-летнего возраста. Я состою членом одного приюта, в котором воспитываются и мальчики, и девочки; и

в нашем приюте оказалось необходимым содержать детей до 12-летнего возраста, а между тем закон этого не дозволяет. Если не непризнать этого закона, то и в Вашем приюте должны быть мальчики и девочки не старше десяти лет; а с такими детьми трудно будет справляться по сельскому хозяйству.

Далее, по Вашей мысли дети должны научиться в школе очень многому и серьезно. Но Вы знаете справедливую поговорку: если хочешь знать много, учись не много. У Вас же дети будут всему обучаться, и их работа не может конкурировать с работою тех, кто занимается специально одним каким-нибудь делом. У Вас дети будут все знать понемножку. Но если придет ко мне такой всезнайка и будет проситься в работники, – я его не возьму. Мне кажется, что Вы поставили себе слишком широкую, трудно выполнимую задачу. Ее нужно сузить. Если в этих приютах дети должны готовиться к крестьянскому хозяйству, то и нужно так вести дело, чтобы эта цель была достигнута.

Конечно, дело, которое Вы задумали, весьма симпатично; но оно едва ли возможно.

Н. Н. Жеденов. Совершенно согласен с Вами, что приюты должны приготовить пригодных членов крестьянской семьи. Но так как в такой семье одному и тому же лицу часто приходится исполнять различные работы (например, и косить, и жать, и валять сукно, и проч.), то и приюты должны приучать детей ко всякой работе.

В. Д. Чебышев. Теперь нередко целые деревни специализируются на одной известной работе, а Вы все-таки хотели бы, чтобы дети приучались в приютах ко всякой работе.

Г. Чарноцкий. Наше Общество учреждает беседы по тем или другим предметам, заслуживающим внимания, и результаты этих бесед обнародывает во всеобщее сведение. И если Общество дозволило докладчику изложить дело о сельских приютах, то это одно уже свидетельству-

ет, что мы относимся к его словам с доверием; иначе мы не могли бы слышать его доклада и дальнейшей речи. Далее, ясно, что докладчик не имеет никакой возможности обратиться лично ни к министрам, ни к членам Государственного Совета, и этого пожелал искать в нашем Обществе, которое и должно обсудить его доклад и высказать свое мнение, и если дело и мысли докладчика будут найдены правильными, то распространить их, где следует и где Общество может. Если мы доверяем тому, что сказал докладчик, то мы можем поставить вопрос так: сомневаетесь ли вы в возможности сделать то, что предложил докладчик? Конечно, всякий человек может высказаться правильно, но может и ошибаться. Но ведь докладчик говорит нам, что четыре приюта уже существуют. Если мы сомневаемся в том, действительно ли они так благоприятно действуют, как это изложил докладчик, то в таком случае мы можем предложить докладчику подробнее разъяснить все это дело, представить подробный отчет о доходах и расходах. И если, по проверке отчета, все окажется действительно подтверждающим слова докладчика, то нам остается ходатайствовать перед кем следует о поддержании, распространении, развитии дела, начатого докладчиком.

Но заниматься критикою идей и в то же время видеть удачное осуществление этой идеи на неоднократном опыте – будет едва ли правильно.

Н. Н. Жеденов. По поводу Вашего замечания о подробной отчетности по приютам я одно могу сказать: всего лучше подождать 3–4 года, когда эти приюты достигнут полнейшей своей организации и когда возможно будет дать подробный отчет; тем более что эти приюты возникли по особенным местным обстоятельствам. Самому старейшему из этих приютов всего два года, все они составляют продолжение столовых Красного Креста, родились – так сказать – незаконным путем. Когда

последовало распоряжение о закрытии в той местности столовых Красного Креста, был поднят вопрос о том, чем и как кормить голодных детей. На этот вопрос был обычный ответ: как хочешь, так и корми. Вот ввиду этой беспомощности голодающих детей и решено было устроить и содержать приюты.

Затем Вы спрашиваете, не противоречит ли открытие таких приютов существующему закону? Нет. По закону Общества имеют право, по приговору, учреждать школы даже без предварительного разрешения.

Только в прошлом году приюты проявили свою пользу, хотя и то не во всех частях. Но важно было показать на опыте возможность этого дела, и если эта возможность доказана, то самое главное сделано, а остальное представляет больше мелочи, детали. Если, напр[имер], нужно 300 ведер овощей, а их оказалось 200, если не хватило, чем огород городить, неужели из этого следует, что самое дело невозможно?

Если кто-нибудь может найти средство содержать этих сирот с меньшими затратами, то пусть немедленно поделится с нами этою мыслию и пусть энергично развивает ее. Теперь же вы знаете историю этого дела. Неизвестно, что будет впереди, но практика показывает, что оно может развиваться и не требует от крестьян никаких непосильных жертв.

Быть может, я слишком рано выступил с докладом своим о приютах; но на это, кроме чисто благотворительных побуждений, у меня были побуждения и личного характера. Я не буду иметь возможности довести до конца свою мысль, и вот я, не желая, чтобы это учреждение потеряло свои следы, и обращаюсь к Императорскому Вольному Экономическому Обществу, ему доверяю будущее этого дела и хотел бы иметь уверенность в том, что и без меня не умрет мое дитя!..

В. Д. Чебышев. Нам остается благодарить уважаемого докладчика за те сведения, которые он нам сообщил. Это дало возможность выслушать живой обмен мыслей; и по всей вероятности, – насколько это будет возможно, – Императорское Вольное Экономическое Общество поддержит и разовьет вашу мысль.

Позвольте объявить заседание закрытым.

Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь

«Ибо алкал Я – и вы дали Мне есть.
Был наг – и вы одели Меня»[1]*...*

Его Величеству Государю Императору Николаю Александровичу в апреле месяце 1895 года, на всеподданнейшем докладе г. одесского градоначальника о необходимости призрения массы бродящих без приюта детей в предупреждение развития из них преступников и об отсутствии для того средств, благоугодно было начертать: *«Что можно по этому сделать?»* (Здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*).

По данным статистики оказывается, что 92% лиц, опороченных по суду и общественным приговорам, росли без призора.

Государство несет на преступников большие расходы, а население терпит от них огромные убытки. В интересах, следовательно, как государства, так и населения – не оставлять детей без призора, но воспитывать их с малых лет.

И правительство, и общество сознают это давно. Издаются законы, воспрещающие нищенство и обязываю-

[1] Цитата из Евангелия от Матфея: Мф. 25, 35.

щие местные общества к воспитанию бездомных детей. Но миллионы сирот не перестают бродить по лицу земли Русской и продолжают пополнять многочисленные кадры преступников.

Почему же не исполняются законы? Что же смотрит правительство?

Правительство рядом указов побуждает к исполнению законов, но все его стремления бессильны пред жизнью. Закон о призрении детей происходит от идеально-нравственного начала – любви к ближнему.

Закон о призрении детей происходит от идеально-нравственного начала – любви к ближнему, но отделен от жизни – материи – огромною пропастью. Пропасть эта – отсутствие денежных средств. Детей, просящих милостыню, так много, что для призрения их требуются непосильные для государства и общества средства.

Найти способ к возможно дешевому содержанию детей составляет нравственную обязанность каждого гражданина.

Повсеместным учреждением сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи, дающих возможность содержать детей без малейшей на текущее содержание их траты со стороны государства и населения, нуждающиеся в призрении дети будут все избавлены от нищеты и пороков.

13-го ноября 1895 года последовало Высочайшее повеление об учреждении Ольгинского работного дома для нищенствующих детей, в разрабатываемое положение о котором внесены семейное начало, простота жизни и сельскохозяйственно-ремесленные занятия при усовершенствованной технике, составляющие, при религиозно-нравственном воспитании, характерные отличия приютов самопомощи.

С этого времени такие приюты стали учреждаться по России один за другим.

I. Исторический очерк призрения детей

«Отныне и вы живы будете...»
Императрица Екатерина II
о подкидышах

В отдаленной древности взгляд варварских народов на покинутых детей вполне соответствовал эпохе.

Индусы, чтобы избавить себя от излишнего бремени, бросали сирот в реку Ганг. Китайцы[1] продавали детей, а слабых оставляли на произвол судьбы, почему они гибли тысячами. Сирийцы и карфагеняне приносили детей в жертву богам.

И только израильтяне, считая детей даром от Бога, впервые проявили заботу о них. По закону Моисея евреи обязаны были делиться с детьми плодами, собранными народом; на содержание покинутых детей отчислялась определенная доля золота, хранившегося в храме для нищих.

Как бы миря один взгляд с другим, спартанцы убивали слабых детей, а крепких выращивали на счет государства. Афиняне были более гуманны: законами Солона и Пизистрата[2], с VI века до Рождества Христова, предписывалось гражданам призрение сирот.

---

[1] Детская помощь 1893 г. Волкова. Краткий исторический обзор призрения детей в Европе. Детская помощь 1885 г. Лаллеман. История детской помощи. – *Прим. авт.*

[2] Солон (между 640 и 635 – около 559 до Р.Х.) – афинский политик, законодатель и поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции. Будучи избранным в 594–593 гг. до Р.Х. архонтом (высшее должностное лицо в древнегреческом полисе) и айсимнетом, Солон провел ряд реформ. Прежде всего Солон отменил жестокие Законы Драконта, за исключением тех, которые касались убийств. Важнейшая из реформ состояла в том, что Солон ликвидировал долговое рабство и приказал снять все долговые камни, которые устанавливались ранее на земле должника. Крестьян, проданных за долги в рабство за границу, он велел разыскать и выкупить за государственный счет. Эта реформа получила название «сисахфия», в буквальном переводе – «стряхивание бремени». Солон произвел преобразование государственного строя. До реформ вся власть в Афинах принадлежала эвпатридам (знати), народ не принимал участия в управлении государством. Солон привлек к управлению государством не толь-

ко эвпатридов, но и богатых людей простого происхождения. Он разделил всех граждан на 4 разряда в зависимости от их имущественного положения (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты, феты). Это деление влияло на службу в войске и на возможность занимать государственные должности: граждане первых трех разрядов могли занимать высшие должности, беднейшие же граждане имели право участвовать только в народном собрании и в судах. Высшей законодательной властью в Афинах стало народное собрание. Для предварительного обсуждения законов был создан особый Совет четырехсот. Народ же утверждал или отвергал предложенные ему проекты законов. От народного собрания зависело также избрание высших должностных лиц. Охрана законов и наблюдение за их выполнением поручались ареопагу. Суд при Солоне стал составляться из всех граждан. Любой гражданин мог сам или через посредника преследовать обидчика по суду. Солон осуществил унификацию мер и весов, провел реформу афинского календаря. Законы Солона должны были действовать в течение ста лет. Они были написаны на специальных досках, выставленных для всеобщего обозрения на городской площади. Реформы Солона заложили основы афинской рабовладельческой демократии.

Писистрат (ок. 600 до Р.Х., Афины – весна 527 до Р.Х., там же) – афинский тиран в 560–527 до Р.Х. (с перерывами). Принадлежал к знатному роду Писистратидов, представители которого возводили свое происхождение к Нестору, царю Пилоса, участнику Троянской войны, и его сыну Писистрату (который упоминается в «Одиссее»). Мать Писистрата была двоюродной сестрой матери Солона.

Писистрат взимал относительно умеренный налог (десятину с доходов земледелия), организовал «сельских судей» (в чем-то напоминающих мировых судей), чтобы крестьянам для решения мелких дел не нужно было терять время в городе; обеспечивал инвалидов, получивших увечья на войне. Он также раздал крестьянам земли, конфискованные у его аристократических противников. В целом Писистрат стремился удовлетворить интересы небогатого крестьянства, которое сложило поговорку: «тирания Писистрата – это жизнь при Кроносе» (то есть «золотой век»). Писистрат по прежнему сохранял конституцию Солона, осуществляя власть внешне в республиканских формах (то есть он сам или его родственники и близкие занимали высшие должности); он демонстрировал свою законопослушность, так что даже явился в суд, когда его вызвал какой-то гражданин по обвинению в убийстве (однако сам обвинитель явиться побоялся). Греческий политик и историк IV в. до Р.Х. Андротион утверждает, что авторство закона о праздности, приписываемого Солону, на самом деле принадлежит Писистрату. Согласно этому закону, ареопаг должен был наблюдать за средствами и образом жизни каждого афинского гражданина; праздных следовало наказывать. Этот закон улучшил земледелие и восстановил спокойствие в городе. Писистрат отличался снисходительностью: так, когда имевший малородную землю крестьянин пожаловался ему на высокий земельный налог (не зная, что перед ним сам Писистрат), то тиран, восхитившись его смелостью и прямодушием, освободил его от налогов вовсе.

Кроме того, Писистрат запретил частным лицам чеканку монеты и ввел единую государственную монету, так называемую «сову» – серебряную тетрадрахму весом ок. 13 г с изображением Афины на лицевой и совы на оборотной стороне.

У римлян, в V веке, Законом Двенадцати Таблиц[1] допущено было подкидывание детей на площади для принятия на воспитание желающими, и лишь с утверждением империи стала проявляться забота о детях. Император Август, царствовавший на рубеже христианской эры, учредил особый фонд для покупки на проценты с него сиротам одежды и продовольствия; на последнее отпускалась еще некоторая часть хлеба из общественных амбаров.

С учением Иисуса Христа о любви к ближнему и «малым сим» призрение детей стало нравственным кодексом каждого христианина.

Апостол Иаков писал, что настоящая вера заключается в призрении сирот[2]. В это время в общественное сознание уже проникло убеждение о необходимости призрения детей, но обычное право предоставляло воспитателю бездомного ребенка власть обратить его в своего раба. Вследствие сего возникла упорная борьба между правом

---

[1] Законы XII таблиц 451–450 до Р.Х. – кодификация государственного закона от народа (lex publica) в Древнем Риме. Законы Двенадцати таблиц – плод специально созданной комиссии из 10 человек (децемвиры с консульской властью для написания законов, лат. decemviri consulari imperio legibus scribundis); он представлял собой свод законов, регулирующих практически все отрасли жизни. Законы Двенадцати таблиц сохранились только в отрывках, их содержание реконструируется на основе упоминаний и ссылок, содержащихся в сочинениях римских писателей и юристов. Подробным исследованием Законов XII таблиц занимался приват-доцент римского права, видный черносотенец, член Главного совета Союза Русского Народа Борис Владимирович Никольский (1870–1919). См.: Никольский Б. В. Система и текст XII Таблиц (исследование по истории римского права). СПб., 1899. 293 с.

Закон был принят народным собранием в два этапа. Сначала в 451 году до Р.Х. было принято 10 таблиц, а в следующем 450 г. – еще две. Целью этого закона было ослабить патрициано-плебейское противостояние с помощью внедрения в традиционный аграрный порядок равного для всех частного и уголовного права. Наиболее значимый факт – введение денег (ais) в форме распространенных в то время медных монет, которые взвешивались и в соответствии с весом получали номинал.

[2] «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1, 27).

на жизнь и свободою личности. Императоры первых веков христианства, покровительствуя бездомным детям, принуждены были выбирать одно из двух: или ребенок погибнет без помощи, или же, оставшись живым, сделается рабом своего воспитателя, призревавшего ребенка зачастую ради утонченного разврата.

В конце I века выход был найден Императором Нервою[1], издавшим закон о воспитании детей на общественный счет. Со II века Император Траян[2] первый стал учреждать особые дома для призрения покинутых детей не только в Риме, где воспитывалось их более 5000, но и в других городах. Последующие императоры в заботах о благосостоянии своих подданных повсеместно учреждали воспитательные дома.

В эпоху нашествия варваров и переселения народов делом призрения детей занялись монастыри. С XII века, с

[1] Марк Кокцей Нерва (лат. Marcus Cocceius Nerva), более известный как Нерва, – римский император с 18 сентября 96 года по 27 января 98 года, основатель династии Антонинов и первый из «Пяти хороших императоров».

[2] Марк Ульпий Нерва Траян, больше известный как Траян (лат. Marcus Ulpius Nerva Traianus; 15 сентября 53, Бетика, Испания – 8/9 августа 117, Селинус, Киликия), – римский император из династии Антонинов (Caesar Nerva Traianus Augustus, с 28 января 98). Великий понтифик с 98 г.

Деяния Траяна. Войны с даками (101–106) завершились включением в состав Римской империи всей Дакии. В результате Парфянских войн (114–116) римские знамена продвинулись до Персидского залива. Кроме того, царство набатейских арабов было в 105 г. превращено в римскую провинцию Аравия, около 115 г. статус провинции ненадолго получила и Армения. Благодаря захвату дакийских сокровищ и разработке дакийских золотых рудников улучшилось состояние государственных финансов. Обширная программа общественного строительства улучшила в империи дороги и позволила модернизировать порты. Кроме нового форума, возведенного Траяном в Риме, в столице о его царствовании напоминает знаменитая колонна (в 1587 г. стоявшая на ней фигура императора была заменена статуей апостола Петра). Колонна по всей своей протяженности украшена поразительно тонкой работы барельефами, изображающими эпизоды войны с даками. Почти столь же хорошо известна триумфальная арка Траяна в Беневенте на юге Италии. Траян был популярен в народе и сохранял хорошие отношения с сенатом и армией. Гонения на христиан при нем были минимальными. Траян умер в Селинунте (Киликия), возвращаясь в Рим из похода на Парфию. Перед смертью он усыновил и сделал своим преемником Публия Элия Адриана.

этою исключительно целью, по государствам Западной Европы стали возникать странноприимные ордена, поставившие себе обязанностью собирать бродящих детей и воспитывать их. С того времени Церковь проявляла энергичное участие в воспитании детей, пока наконец не привлекла к себе на помощь общины, которые мало-помалу и заменили ее в деле воспитания.

Уже с XIV века общины стали заметно проявлять свою деятельность на благотворительном поприще, учреждая особые дома для призрения бедных. В этих домах воспитывались на общественном призрении и дети, но вместе со взрослыми, которые влияли на них с самой дурной стороны.

В России заботы о детях возникают с XVI столетия, проявляясь сперва лишь вскользь, между заботами о взрослых нищих, для которых учреждались по большим дорогам особые страннические избы. Впрочем, церковная благотворительность, вызываемая ужасами татарского ига, проявляла себя все время, но она совершенно не имела ни какой-либо определенной системы, ни постоянства. Частная же благотворительность выражалась главным образом в подаянии, породившем из нищеты поражавший по размерам своим промысел, с которым правительство сочло нужным бороться весьма строгими мерами. 30 ноября 1691 года, в царствование Иоанна и Петра Алексеевичей[1], впервые издан был указ, воспрещавший нищенство, но не учреждавший в параллель себе никаких способов к прекращению нищенства путем обеспечения действительно нуждавшихся, хотя бы детей. Вследствие этого закон не имел практического

[1] Иоанн (Иван) V Алексеевич (27 августа (6 сентября) 1666, Москва – 29 января (8 февраля) 1696, там же) – русский Царь в 1682–1696 гг., из династии Романовых. Сын Царя Алексея Михайловича «Тишайшего» и Царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской. Петр I Великий (Петр Алексеевич; 30 мая (9 июня) 1672 – 28 января (8 февраля) 1725) – Царь всея Руси из династии Романовых (с 1682 года) и первый Император всероссийский (с 1721 года). Сын Царя Алексея Михайловича и его второй супруги, Царицы Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной.

результата. В 1720 году Петр Великий и внес уже поправку: строго карая нищих по профессии, одновременно повелел он отдавать детей в гарнизонные школы, а на сельских старост и сотских возложил обязанность собирать с жителей на пропитание нищим, коих за это заставлять работать.

Одновременно западноевропейское общество обратило на воспитание детей особое внимание. Оно поспешило изъять детей от растлевающего влияния взрослых в домах для призрения бедных и выработало для них две системы воспитания. По одной, бездомные дети отдаются, за плату, на воспитание в семьи, а по другой дети воспитываются в особых, исключительно детских заведениях, приучаясь в них к труду. Системы эти действуют и поныне с тою лишь разницей, что теперь уже не представляют из себя двух противоположных, взаимно исключающих, воззрений.

Со второй половины XVIII века пробудившиеся в обществе филантропические влечения, и особенно – к страждущему детству, требовавшие, для достижения более благотворных результатов, объединения благотворительной помощи, вызвали на очередь вопрос о государственном призрении.

Честь проявить его впервые выпала на долю России. В 1763 году, 1 сентября, издан был Императрицею Екатериною II указ об основании в Москве Воспитательного дома для «приносных детей»[1]. Следующим за нею государством выступила Франция, учредившая в 1791 году правительственное Попечительство над малолетними, находившими-

[1] 1 сентября 1763 года по указу Императрицы Екатерины II был издан Манифест об «Учреждении Московского Воспитательного дома». «Объявляем всем и каждому. Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей суть две верховные должности и добродетели каждого Боголюбивого владетеля. Мы, питая их всегда в нашем сердце, восхотели конфирмовать ныне представленный Нам генерал-поручиком Бецким проект с планом о построении и учреждении общим подаянием в Москве, как древней столице империи Нашей, Воспитательного дома для приносных детей с особым гошпиталем сирым и неимущим родильницам» – такими словами начинался этот Манифест.

ся в домах призрения. Подъем филантропического духа был настолько велик, что во всех государствах один за другим начали учреждаться детские приюты. При этом пришли к сознанию, что призрение детей не может ограничиться одним только вскормлением их, но должно преследовать еще задачи воспитания из них полезных членов общества, вполне приспособленных к борьбе за существование.

С этою целью в приютах стали вводить обучение питомцев как грамоте, так и профессиональным знаниям.

Большое количество нуждавшихся в призрении само собою возбудило вопрос о децентрализации призрения, о чем впервые появился декрет во Франции 19 января 1811 года, давший сильный толчок к образованию земледельческих колоний.

15 мая 1837 г. в С.-Петербурге, при Демидовском доме для призрения нуждающихся[1] учреждено было убежище

[1] Демидовский дом для призрения нуждающихся (Демидовский дом трудолюбия) – первый в Санкт-Петербурге дом трудолюбия, ставший примером для многих заведений подобного рода. Основан меценатом из семьи горнозаводчиков Анатолием Николаевичем Демидовым (1812–1870) в 1831 г., во время холерной эпидемии, послужившей причиной беспорядков в беднейших районах города. Открылся 19 марта 1833 г. в Коломне по адресу: набережная реки Мойки, дом 108. На обустройство заведения Демидов пожертвовал 500 тыс. руб., из которых 200 тыс. пошло на приобретение земли и постройку дома, 50 тыс.– на строительство часовни, 28 тыс. – «на различные устройства и сооружения». Заведение находилось под покровительством Императрицы Александры Федоровны – супруги Николая I, почетным попечителем состоял гр. А. Х. Бенкендорф, его помощником – генерал Л. В. Дубельт. Управление заведением вместе со званием потомственного попечителя принадлежало членам семейства Демидовых (последним был российский посланник в Греции Елим Павлович Демидов, 1865–1943).

Главной целью заведения было «бедным лицам женского пола свободного состояния доставить способы к производству рукодельных работ, посредством которых они могли бы честным и полезным образом снискивать содержание себе и своим семьям». В заведении проживало постоянно 50–60 женщин (в 1839 – 40 бывших дворянок и 15 разночинок), ежедневно приходило на работу 150–275 (преимущественно из податных сословий). Работниц кормили несколько раз в день, снабжали инструментами и материалами для работы. Женщинам, проживавшим в Коломне, выдавались материалы для надомной работы. Заработать своим трудом предоставлялась возможность и арестан-

для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки. Это убежище послужило началом идее децентрализации призрения детей в России. 27 декабря 1839 г. Императором Николаем I было утверждено Положение о детских приютах, коим предоставлялось открывать губернские, уездные и сельские Попечительства для повсеместного учреждения приютов для нуждающихся детей – на средства частной благотворительности. Сперва приюты имели характер временного пребывания детей, чтобы не отрывать их от семейного влияния; затем, в 1846 г., допущен был и ночлег их; и наконец, с последующими годами, начали учреждаться приюты с постоянным в них проживанием детей.

С 1846 г. Комитет попечительства о приютах стал получать ежегодного пособия по 25 тысяч руб. из Петербургской и Московской Сохранных Казен, и на содержание Канцелярии детских приютов из сумм Опекунского Совета по 18 000 руб. в год.

С изданием Положения о приютах и одновременным принятием их под свое покровительство Государыней Императрицей Марией Федоровною[1] по всей России стали от-

там находившегося неподалеку Литовского замка. При заведении был устроен магазин для продажи созданных в нем изделий.

5 декабря 1835 г. в доме была освящена церковь святой мученицы Царицы Александры (в честь тезоименитой покровительницы заведения), первоначально располагавшаяся на первом этаже.

[1] Мария Феодоровна; до перехода в Православие – София Мария Доротея Августа Луиза фон Вюртембергская (нем. Sophia Marie Dorothea Augusta Luisa von Württemberg; 14 октября 1759, Штеттин – 24 октября 1828, Павловск) – российская Императрица с 1796 года, с 1801 года – вдовствующая, вторая супруга Императора Павла I, мать Императоров Александра I и Николая I. 2 мая 1797 года Императрица Мария Федоровна была назначена главной начальницей над воспитательными домами. Главную причину неудовлетворительной постановки воспитательных домов Императрица увидела в том, что количество приносимых младенцев было неограниченно (следствием была чудовищная смертность среди поступивших детей), а потому 24 ноября 1797 года было повелено ограничить число лиц обоего пола, воспитывающихся в доме 500-ми в каждой из столиц, остальных приносимых в дом младенцев отдавать в казенные государевы деревни благонадежным и доброго поведения крестьянам на воспитание, с целью

крываться губернские и уездные Попечительства, учреждавшие целую серию приютов для бедных детей.

Характерным отличием Положения 1839 г. являлось право учреждения каждым частным лицом сельских приютов для крестьянских детей.

В остальных государствах законодательства о покровительстве детям стали появляться много позднее.

Со второй половины настоящего столетия государственное призрение вступает в новый фазис своего развития, а именно: государство уже не просит, но требует от общин призрения детей, принуждая исполнять эту христианскую обязанность в виде повинности. Россия сделала на этом пути также первый шаг. Закон 19 февраля 1861 г. Императора Александра II, в ст[атье] 179, гласит: «На крестьянские общества возлагается *обязательное* отправление следующих мирских *повинностей*: п. 6. *Призрение круглых сирот*». В последовавших вслед за сим законоположениях о земских учреждениях и городском самоуправлении[1] включено также требование *обязатель-*

приучить питомцев правилам сельского домоводства; мальчиков оставлять у крестьян до 18-летнего возраста, девочек до 15 лет. В доме должны были воспитываться лишь совершенно слабые дети, требовавшие непрестанного ухода. Посетив Московский воспитательный дом в 1826 году и застав его перенаселенным, Мария Федоровна распорядилась оставить в составе воспитательного дома только классические курсы, а ремесленные классы для низших сословий – вывести в отдельное учебное заведение. Это заведение, базировавшееся в Слободском дворце, Московское ремесленное учебное заведение, стало ядром будущего Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Н. Э. Баумана).

[1] Земская реформа 1864 года – Положение о губернских и уездных земских учреждениях, либеральная реформа Императора Александра II, вызванная необходимостью заменить систему бюрократического управления в областных учреждениях, при которой областная жизнь управлялась директивами из центра, что вело к ошибочным и запоздалым решениям. Главным аргументом в поддержку реформы было убеждение, что местные условия хорошо знают только постоянные жители региона, а посылаемые чиновники точно осуществляют программу, полученную в центре, без учета местной специфики. Согласно «Положению» 1864 г., на местах создавались губернские и уездные земские собрания, выборные, на началах бессослов-

ного призрения детей, от которого не избавлено ни одно из сословий Российской империи; призрение же подкидышей возложено на *обязанность* земств.

За Россией последовала Австро-Венгрия, установившая законом 29 февраля 1863 г. обязательное воспитание покинутых детей; Италия, правительство которой, законом 20 марта 1865 г., призрение детей признало обязанностью общин и, если место рождения детей не известно, обязанностью государства; Англия, с 10 августа 1866 г. начавшая оказывать субсидии частным промышленным училищам, принимавшим на себя воспитание бродяг-детей; и, затем, остальные государства.

Во всех почти государствах Западной Европы издание законов о призрении детей выразилось в быстром учреждении целой сети приютов, где могут найти себе теплый угол, кусок хлеба, науку и гуманное отношение несчастные, брошенные родителями дети и сироты.

И только в России ни земства, ни селения не сочли нужным исполнить требования закона, и нищие дети по городам и весям ее бродят по-прежнему.

ности. Избиратели делились на три курии: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ. Земства (земские учреждения) избирались на три года. Председателем земского собрания по должности являлся предводитель дворянства. Земские собрания избирали исполнительные органы – земские управы – в составе председателя и нескольких членов. Собрания гласных (депутатов) проходили раз в год.

Городская реформа (реформа городского самоуправления) 1870 года – одна из реформ Императора Александра II, имевшая собой цель дать населению городов право ведать свое городское хозяйство. Подготовка реформы началась еще в 1862 году, но Царь выпустил «Городовое положение 16 июня 1870 г.» только спустя 8 лет. В 509 городах России были введены Думы – бессословные органы городского самоуправления. Они избирались раз в четыре года горожанами-плательщиками налогов, имевшими определенный имущественный ценз. По размеру уплачиваемого налога избиратели делились на три избирательных собрания. Реформа 1870 года послужила толчком к торгово-промышленному развитию городов, она закрепила систему органов городского общественного управления. Одним из результатов реформ Александра II стало приобщение общества к гражданской жизни. Была положена основа для новой русской политической культуры.

Единственное исключение составили мещанские общества, учреждавшие в некоторых крупных торгово-промышленных центрах приюты для детей мещан.

Вследствие полной бездеятельности провинции наплыв покинутых детей в столичные воспитательные дома настолько усилился, что дома эти не в состоянии были исполнить свои задачи. Воспитание детей, при поступлении их в каждый из столичных воспитательных домов ежегодно в количестве 11–12 тысяч, не могло иметь правильного направления, и потому дети умирали по 80–90%. Кроме того, воспитательные дома породили ужасный промысел эксплуатации малюток.

Вследствие таких грустных данных в Бозе почившему Царю-Миротворцу Александру III благоугодно было повелеть о немедленной децентрализации призрения детей.

Последовавшим, во исполнение Высочайшей воли, в 1890-м году циркуляром г[осподина] министра внутренних дел, начальники губерний строго обязаны были требовать от подлежащих обществ точного исполнения законов о призрении покинутых детей.

Некоторые земства, вследствие настояний администрации, учредили дома для призрения подкидышей; другие, учредив, скоро и закрыли их, и огромное большинство – сдали проекты о них в комиссии, где таковые и заглохли.

Сельские же общества вовсе не коснулись даже вопроса о призрении бродящих детей.

Причины этого констатированы губернаторами в заключениях их на поданную в 1889 г. в Министерство внутренних дел записку русского филантропа барона О. О. Буксгевдена[1]

[1] Буксгевден Отто Оттович (1839–1907) – барон, ученый. Товарищ военно-морского прокурора, позже член консультации при Министерстве юстиции. Началом благотворительной деятельности О. О. Буксгевдена можно считать 1881 год, когда совет Андреевского приходского попечительства избрал его председателем комиссии по сбору пожертвований для устройства Кронштадтского дома трудолюбия. 8 июня 1907 г. убит своим психически больным сыном Эдгаром. В память о деятельности барона О. О. Буксгевде-

об учреждении волостных попечительств для призрения нуждающихся крестьян и сельских детских приютов.

Они (причины. – *Д. С.*) заключаются в составленном некоторыми из них мнении о совершенной ненужности призрения нищих детей и, главное, в отсутствии для исполнены закона о призрении денежных средств вследствие полной истощенности платежных средств крестьянского населения, и, как писал уфимский губернатор, еще «в отсутствии способов к дешевому призрению».

Последний довод был наиболее убедителен. Для более или менее сносного призрения ребенка необходимо в среднем около 100 рублей ежегодно. На 2,5 миллиона бродящих в России по миру детей это составит 250 миллионов рублей ежегодных расходов, т.е. четверть всего государственного бюджета.

Вследствие этой именно громадности цифр и остановился в своем развитии дальнейший ход призрения детей, в каковом [положении] находится и поныне.

Единственным к тому выходом служит устройство приютов самопомощи, в которых дети могут содержать себя сами, не требуя на текущее содержание свое ни от государства, ни от земства, ни от сельских обществ ни единой копейки расходов.

Прежде чем перейти к изложению истории развития колоний самопомощи, необходимо коснуться положения современного взгляда на то, кто должен заведовать делом призрения, и на систему воспитания покинутых детей.

Беглый сделанный выше исторический очерк призрения детей показывает, что дело призрения правиль-

---

на было организовано два благотворительных учреждения в Петербурге: Ольгинский детский приют трудолюбия в Лесном, предназначенный на 35 мальчиков и на столько же девочек в возрасте от семи лет (находился на месте дома, расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Гражданский пр., 4 – подробнее см. Глезеров С. Е. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная… М.-СПб., 2007. С. 137), и Детский приют в Петергофе.

ное, систематическое развитие свое получило от частной благотворительности (Церкви), затем сделалось предметом попечения общин и, наконец, составило обязанность государства.

Все три рода попечения над детьми как в материальном, так и в нравственном отношениях имеют и дурные, и хорошие стороны.

При исключительно государственном призрении чиновники правительства, относясь холодно к столь живому делу, могут повести призрение так, что им будут пользоваться лица, в государственном призрении не нуждающиеся, а воспитательные заведения станут для питомцев ненавистною тюрьмою.

Исключительно общественное может превратить последние в невозможные по грязи своей и распущенности места.

При этом злоупотребления по расходованию денежных сумм составляют больное место в них обоих.

Частная же благотворительность неустойчива: сегодня она есть, а завтра прекратится.

Опыт столетий и тщательное обсуждение этого вопроса лучшими филантропами и печатью выяснили, что дело призрения тогда только может идти правильно, когда все три рода призрения действуют вместе и когда местные органы совершенно самостоятельны в своих действиях от центральных, кроме, конечно, материального и нравственного надзора.

Таким образом, призрение детей, для правильного развития своего, должно быть возложено на местные общины, как в нравственном, так и в материальном отношениях. Общины избирают от себя уполномоченных, которые работают в местном совете призрения совместно с представителями правительства, приходящего слабым общинам на помощь и материально, и вместе с ними несут службу обязательную.

В совете принимают участие, с правом голоса, и местные благотворители.

Все члены совета одинаково ответственны перед правительством и общиной по вверенному им делу призрения, и каждый из них имеет право апелляции на действия совета в высшее правительственное учреждение.

Что же касается самого воспитания, то выработанные в XVIII веке системы – семейная в виде помещения детей в семьи за плату и приютская – доказали одинаково свои и полезные, и вредные черты.

Плохо бывает ребенку и в семье, его эксплуатирующей. Хорошо бывает и в приюте, где воспитатели люди сердечные.

Но в недавнее время выяснилась полная полезность совместного их применения.

Новейшие воспитатели Франции, Англии, Америки и Германии везде отдают предпочтение воспитанию детей в искусственно устроенных семьях.

Слово «семья» означает мужчину и женщину, сошедшихся вместе для брачной жизни и живущих вместе с детьми – мальчиками и девочками (своими или чужими – безразлично), маленькими и большими вместе, под главенством брачной пары.

Попробовали устраивать для детей приюты, поставив во главе их мужа и жену, в которых дети могли бы видеть отца и мать.

Жизнь показывает нам, что не тот отец и мать, кто родил, а тот, кто воспитал. Поэтому ничего искусственного, противоречащего жизни, в такой постановке вопроса не имеется.

Вместе с тем много есть примеров искренней дружбы и чистоты отношений между чужими разных полов и жестокой вражды и безнравственной связи между близкими родными.

Нет ничего странного, если неродные дети в приюте смотрят друг на друга, как братья на сестер. Такой взгляд особенно рельефно замечается в детях, когда они воспитываются вместе с малых лет.

Опыт оказался удачным, и теперь установлено, что в приютах должны воспитываться дети маленькие и большие вместе, обоего пола и под общим главенством мужа с женою.

Такое воспитательное учреждение будет уже не приютом, а семьею. Имея в себе все достоинства последней, оно в то же время прекращает гнусную эксплуатацию детей промышленниками-воспитателями.

Дети в приютах находятся ближе к общественному и правительственному надзору, и легче устранить всегда возможные злоупотребления, в чем энергичным помощником должна явиться гласность.

Существовавшая ранее, ради удешевления стоимости содержания, система массового воспитания детей теперь уже отвергнута.

На каждую пару супругов нужно дать столько детей, со сколькими она может управиться лично, не прибегая к помощникам, присутствие каковых совершенно исключает понятие о семье как о родовом начале.

Во всяком случае, какая система воспитания и какой род воспитания ни были бы приняты, каждый из них, если только преследует цель воспитать из бездомных детей полезных членов общества, должен быть одинаково желателен. Для призрения детей сделано слишком еще мало, чтобы можно было различным видам призрения, составляющим лишь ступени исторического его развития, взаимно исключать друг друга. Гораздо более важным является вопрос чисто материальный – о предоставлении помощи всем нуждающимся детям.

Если ребенок будет хотя и плохо, но призрен, то гораздо легче улучшить его призрение, чем создавать таковое.

Если бездомные дети бродят по нищенским притонам, то, по принципам нравственности, это лучше, чем убивать их.

Если же они помещаются в воспитательные дома, хотя и плохо поставленные, то это лучше воспитания их в тюрьмах или в логовищах преступников.

Изыскание средств к тому, чтобы все нуждающиеся были удовлетворены, составляет, несомненно, гораздо более серьезную задачу, чем тот или другой вид призрения и воспитания.

II. История земледельческих колоний

«Трудящийся, да яст...»[1]

Эксплуатация труда ребенка на помощь по содержанию его же самого составляла всегда и теперь составляет обычное право каждой личности, у которой ребенок на воспитании находится. Но воспитатели злоупотребляют этим правом, эксплуатируя ребенка свыше того, что нужно на его содержание, высшим развитием каковой эксплуатации составляло право воспитателя на обращение вскормленника в своего вечного раба.

С развитием гуманных идей болезненные наросты обычного права должны были отпасть сами собою, оставив самое право, вполне естественное и вытекающее из требований жизни и рассудка, в полной неприкосновенности.

Отсюда – начало эксплуатации труда детей на пользу их воспитания учреждениями, взявшими на себя заботу о них.

Первоначально оно выразилось в устройстве при приютах ремесленных мастерских. Изделия детей шли на

[1] Цитата из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ср.: «Ибо егда бехом у вас, сие завещавахом вам: яко аще кто не хощет делати ниже да яст» (2 Сол. 3, 10).

их собственные потребности и тем удешевляли стоимость их содержания на сумму рыночной платы профессиональным ремесленникам.

Затем излишки изделий стали обращать в продажу и выручкою покрывать часть расходов по содержанию приютов.

Вследствие чрезвычайной зависимости цен на изделия от рынка, на котором детские изделия по стоимости никогда не могут успешно конкурировать с изделиями взрослых лиц, ремесленные работы детей не могли окупать в сколько-нибудь заметных размерах содержание детей и в лучших случаях оправдывали траты на их обучение ремеслам и на материал для тех изделий, которые пошли на собственную потребность приютов.

Иное дело сельское хозяйство. Оно обеспечивает всегда в предметах первой необходимости, и в этом отношении не имеет вовсе конкуренции.

С древнейших времен, с самого начала оседлости и до настоящего времени, земледелец всегда удовлетворял себя в предметах первой потребности. Он чувствовал себя на одинаковом положении с ремесленником только в случае необходимости обмена произведений земли на другие, тоже для него существенные, – железо, соль, орудия труда и проч. Здесь он также становился в зависимость от рынка, не дозволявшего иногда ему, вследствие усилившейся конкуренции, окупать даже трудов своих.

Таким образом, чем менее земледелец зависит от рынка, тем легче ему удовлетворить своим жизненным потребностям.

Зависимость же эта находится в прямом отношении со степенью уклонения его от простоты жизни.

Чем ближе он к земле, чем он проще живет и чем менее прибегает к помощи наемных рук, тем зависимость его от рынка менее и тем легче ему борьба за существование.

При переживаемом ныне падении цен на сельскохозяйственные произведения мужик находится в лучшем положении, чем землевладелец. – В меновом знаке нуждается мужик для жизненного обихода весьма мало, а землевладелец без него обойтись не может.

В этих соображениях и эксплуатация детского труда, обращенная на занятие сельским хозяйством, должна дать больше плодотворных результатов, чем дает она от ремесел.

Каин – промышленник – убил Авеля – земледельца – из зависти к его материальному благосостоянию.

При рассмотрении вопроса о степени выгодности сельского хозяйства для приютов нужно разделять два резко отличающихся между собою требования от сельского хозяйства: одно состоит в прямом удовлетворении жизненных нужд, непосредственно от сельского хозяйства, а другое – в меновом, заключающемся в обмене продуктов сельского хозяйства на другие или, скорее, в обмене на меновые знаки.

Чем более первое и чем менее второе, тем легче удовлетворение нужд земледельца, а также и приюта, если он займется сельским хозяйством.

Меновые знаки необходимы для уплаты жалованья рабочим и администрации и на приобретение таких предметов, которые от хозяйства добыть нельзя.

Увеличивая интенсивность детского труда, т.е. заменяя последним труд взрослых, и упростив до последней возможности потребности в предметах, не получаемых от сельского хозяйства, т.е. уменьшив зависимость детей от рынка, – явится возможность с большей выгодностью эксплуатировать сельское хозяйство, т.е. доставлять приюту средства к жизни.

На этих положениях и основался новый тип воспитательных учреждений, имеющий целью и дающий возможность оказать помощь всему решительно детству.

Тип этот – детские земледельческие колонии.

Они явились прямым последствием возникшего в обществе течения в пользу помощи детству, – исходило ли оно из нравственных начал, или педагогических, или чисто экономических, – безразлично.

Филантропы и государственные люди, изыскивая способы к уменьшению детского пролетариата, несомненно, должны были испытать степень полезности в деле воспитания детей также и занятий по сельскому хозяйству.

Как и всегда в истории, новое дело началось энергией частного лица.

Первым устроителем детских земледельческих колоний явился известный швейцарский педагог и филантроп Песталоцци[1].

В 1775 году в местечке Аргау, в Швейцарии, Песталоцци основал первый земледельческий приют для детей бедных родителей, сирот или оставленных родителями, существующий до настоящего времени. Дети, от 10 до 18 лет, содержатся в этом приюте чисто, но просто и не удаляясь от крестьянского быта. Под руководством фермера-учителя они занимаются сельским хозяйством в качестве простых рабочих и вместе с тем – учатся, изучая хозяйство главным образом практически. Продукты от сельского хозяйства идут на содержание детей, а денежные расходы с 1798 г. приняло на себя правительство, которое учредило в Швейцарии целую сеть таких земледельческих приютов. В 1868 году число их доходило до 30.

С легкой руки Песталоцци стали возникать земледельческие приюты и в других государствах. Первым подражателем явилась Голландия. Один из ее губернаторов, Ван-дер-Бош, в 1818 г. учредил огромное общество, поставившее себе задачею учреждение земледельческих колоний

[1] Вешняков В. Обзор сельскохозяйственных учреждений в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии. – *Прим. авт.*

с целью избавить казну и общины от тягости содержания нищих доставлением нуждающимся таких работ, которые окупали бы их содержание и посредством которых бесплодные и неудобные земли были бы обращаемы в плодородные поля. Общество это, имевшее в самом начале своего возникновения 21 187 членов (при годовом взносе 1 р. 47 к.), открывало колонии как для взрослых, так и для детей. Детская колония учреждена была на пространстве 350 десятин земли в провинции Дренте, в окрестностях Веенгюйзена; в ней в 1826 г. воспитывалось обоего пола детей 3233. До 13-летнего возраста дети в ней обучались начаткам грамоты, а по достижении этого возраста – занимались полевыми и фабричными работами. Колония поддерживалась денежными средствами, но зато отданные в ее распоряжение правительством бесплодные земли обращены в плодородные.

В той же Голландии в 1847 г. Сурингаром основано было Меттрейское Нидерландское общество, которое устроило в имении Риссельт, около города Цютфена, в провинции Гельдерн, земледельческую колонию для детей бедняков и сирот. Дети принимаются в нее от 9 до 14 лет и, кроме школьных занятий, девятилетнего уже возраста, занимаются полевыми работами и ремесленными – портняжным, сапожным, кузнечным и столярным, воспитываясь до 18 лет. По выходе из колонии питомцы поддерживают постоянную с нею связь. Существует колония главным образом на денежные средства, причем ежегодное содержание каждого ребенка обходится в 80 руб.

Во Франции первые земледельческие колонии для бездомных детей учреждены были в 1825 году в Нейгофе, в Нижнерейнском департаменте, Вурцом, и в Мениль-сан-Фирмене, в департаменте Оазы, Базеном. Обе содержатся при денежных субсидиях от правительства.

Франция впервые применила колонии к пенитенциарным целям. С 1839 года в ней открыто очень много та-

ких колоний для исправления малолетних преступников как частными лицами с субсидиями от казны, так и самим правительством. Одна из правительственных земледельческих колоний в Фонтевро достигла замечательного успеха. 70 детей, обрабатывая 54 десятины плохой земли, не только добывают себе все необходимое для жизни, но, кроме того, выручкою от продажи произведений своего сельского хозяйства покрывают все расходы по обработке земли и обучению своему, как элементарному, так и техническому. Дети обучаются сельскому хозяйству и ремеслам с 7 лет, посвящая на грамотность только 2 часа в день. При выпуске воспитанники получают одежду и путевые пособия. Таким образом, земледельческий приют в Фонтевро является *первым* в истории *приютом самопомощи*. Земледельческие колонии для детей признаны французским правительством настолько важными в воспитательном отношении, что в государственном бюджете они составили особую статью, на которую в 1867 г. было ассигновано 30 000 р.

В Бельгии для детей-нищих и бродяг в 1846 г. учреждены две колонии: одна в Рюисследе для мальчиков и другая в общине Бернем для девочек и для мальчиков от 2 до 7 лет. В первой колонии воспитывается 500 детей, разделенных на группы. Дети заняты сельскохозяйственными, ремесленными и домашними работами, ежедневно посвящая на них 9 час[ов], на учение 3 часа и на музыку 1 час. Колония для мальчиков работает на пространстве 170 десятин. Обе колонии существуют на денежные средства.

В Италии колония для брошенных детей возникла в 1853 г. около города Киери, на 45 десятинах. Существует она также при пособии от правительства[1].

---

[1] Все означенные бюджетные средства относятся к 1868 году. Было бы весьма интересным узнать состояние их средств в настоящее время и подробное описание их жизни, чтобы выяснить причины, мешающие им оправдывать расходы по своему содержанию. – *Прим. авт.*

В Англии земледельческие приюты явились в форме сельскохозяйственных школ, учреждавшихся при домах призрения бедных, преимущественно в Ирландии.

В России детские земледельческие колонии стали возникать с начала семидесятых годов.

Первая колония учреждена около Риги в 1870 г. местным обществом для противодействия нищенству. В нее принимаются бродящие без призора дети. Колония эта имеет обширную ферму, луга, ремесленные мастерские, оранжерею и чрез магазин свой в г. Риге в огромном количестве сбывает различные произведения своего хозяйства. Она обходится преимущественно собственными средствами и требует на себя от общества самой незначительной помощи. Из нее выходят хорошие фермеры, садовники и ремесленники. Газета «Киевское слово», описывая в одном из номеров 1893 г. эту колонию, прибавляет, что опыт рижской колонии доказывает, что земледельческие колонии для нищих детей – не утопия, но действительное средство для борьбы с нищенством в зародыше.

На этой колонии дело призрения детей и остановилось. Между тем сельскохозяйственные занятия признаны были отличным исправительным средством для малолетних преступников, почему правительство стало поощрять учреждения частными обществами земледельческих приютов для несовершеннолетних преступников.

Одна из таких колоний учреждена была около Саратова в 1873 г. бывшим саратовским губернатором Галкиным-Врасским[1]. Из отчета колонии за 1894 г. видно, что в посе-

[1] Галкин-Враский (Враской) Михаил Николаевич (1832 – 8 (21) апреля 1916 г.) – русский государственный деятель. Родился в 1834 году, окончил курс Императорского Казанского университета. Поступил на службу в управление оренбургского генерал-губернатора. Когда в 1858 г. в Хиву и Бухару была снаряжена наша миссия, Галкин-Враский вошел в состав ее, а в следующем году, в качестве участника специальной экспедиции, посетил Туркмению (Закаспийскую область). Опубликовал ряд статей об этом крае и о Средней Азии (собраны в книге: «Этнографические и исторические ма-

ве у нее в том году было 54,5 десятины земли, давших 2802 пуда хлебных зерен и 377 пуд[ов] овса. От продажи хлеба, молочных скотов и овощей, за удовлетворением потребностей самого приюта, выручено 887 руб. Сельскохозяйственные работы производятся исключительно воспитанниками и воспитанницами. Ремесленные мастерские при приюте поставлены образцово и дали чистой прибыли, кроме стоимости исполненных для самого приюта вещей, 1286 р. Специальные задачи приюта, стремящегося стать для питомцев школою ремесел и садоводства, и огромность расходов по содержанию надзора за воспитанниками не позволяют ни этому приюту, ни другим оправдать от своего хозяйства расходы.

териалы», 1868). В 1862 г. Галкин-Враский отправился в Западную Европу, где пробыл два года, посвятив их, главным образом, изучению постановки тюремного дела на Западе и тюремного вопроса вообще; результатом сего было издание им труда «Материалы к изучению тюремного вопроса». По возвращении в Россию он был назначен чиновником особых поручений при министре внутренних дел графе П. А. Валуеве, заведовал канцелярией президента Попечительного о тюрьмах общества. Состоял членом военно-кодификационной комиссии по пересмотру положения о военных тюрьмах и членом комиссии по вопросу о преобразовании тюремной у нас части. Кроме того, Галкин-Враский принимал деятельное участие в качестве члена в особых комитетах: 1) об устройстве наших среднеазиатских владений и 2) об управлении киргизскими степями. Впоследствии он состоял еще членом комиссии по разработке положения об управлении Туркестанским краем. В 1868 году был назначен эстляндским губернатором и явился пионером русского государственного дела на прибалтийской окраине. В 1870–1879 годах – саратовский губернатор, на коем посту снискал всеобщую любовь не только как администратор, но и как человек. Поставленный в 1879 г. во главе вновь учрежденного главного тюремного управления, провел ряд реформ в тюремном деле. Так, например, преобразованы были тюремные штаты с улучшением материального и служебного положения служащих, учреждены губернские тюремные инспекции в 20 губерниях, построены несколько образцовых тюрем, введен обязательный труд среди арестантов и многое другое. Кроме того, им был подготовлен обширный материал по отмене ссылки в Сибирь, чему содействовали двукратные поездки его в Сибирь и на остров Сахалин. С 1896 года – член Государственного совета. Организовал в 1899 г. трудовую помощь в Казанской, Вятской и Симбирской губерниях, в последующие годы – общественные работы в неурожайных губерниях. Являлся почетным членом Казанского общества трезвости.

В 1890 году в Петербурге образовалось особое общество для образования где-либо в деревне благотворительных сельскохозяйственных колоний с целью обеспечить существование для тех престарелых и малолетних, которые не могут зарабатывать в столице.

24 ноября того же года Н. А. Крылов, в Собрании III Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества сделал доклад «О сельскохозяйственных колониях, в связи с прекращением нищенства»[1]. Г[осподин] Крылов предлагал потребные для содержания домов трудолюбия пищевые материалы добывать трудом призреваемых путем обработки ими в летнее время земли. Такою постановкою дела г[осподин] Крылов надеялся достигнуть возможности трудом рабочих лиц из числа призреваемых содержать и неспособных к труду, в том числе и детей, эксплуатируя последних только на ремесленные изделия. Он полагал вполне возможным учредить такие колонии в каждой волости и для учреждения и заведования ими выработал даже устав особого благотворительного общества.

Журнал благотворительности «Детская помощь» в редакционных статьях своих за этот и последующий годы горячо доказывал необходимость учреждения земледельческих колоний для воспитания детей вообще и питомцев воспитательных домов в особенности, находя, что только поселением детей на приволье деревенской жизни и возможно прекратить поражающую смертность детей в этих домах.

17 ноября 1891 г. Высочайше утвержден был Особый комитет по оказанию помощи населению Империи, пострадавшему от неурожая. По поручению его в селах учреждены были сельские комитеты, коим, по желанию

[1] Крылов Н. [А.] Сельскохозяйственные колонии. Оттиск из Трудов Императорского вольного экономического общества. СПб., 1890. № 5–6. С. 105–116.

Августейшего Председателя Комитета, ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая 2-го, предоставлена была полная свобода в определении способов помощи нуждавшимся. В состав сельских комитетов, действовавших под руководством земских начальников, вошли крестьяне, священники, учителя, врачи и торговцы. Заботами их учреждены были тысячи столовых для прокормления нуждавшихся крестьян. Для детей комитеты учреждали отдельные детские столовые, которые с закрытием действий Благотворительного Комитета в некоторых местах обратились в детские приюты, а сельские благотворительные комитеты – в советы при них.

Особый толчок к учреждению приютов дал холерный год. Масса оставшихся без призора крестьянских детей вызвала заботы о них со стороны тех лиц, на коих возложены были правительством надзор и попечение над крестьянскими сиротами. Обязанные по ст[атье] 33 закона 12 июля 1889 г. давать заключения о степени полезности продажи имущества крестьянских сирот, по ст[атье] 38 надзирать за опекунствами, учреждаемыми над личностью и имуществом малолетних сирот сельского состояния, и разрешать жалобы, приносимые на действия опекунов, и по ст[атье] 39 того же закона пещись о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян по предметам общественного призрения, обучения грамоте и учреждения училищ, земские начальники, на первых же шагах своей деятельности силою вещей вынужденные обратить на эти требования закона особенное внимание, занялись разработкою вопроса о порядке призрения сирот и покинутых детей крестьянского звания. При их содействии стали повсюду возникать детские приюты.

Какой же тип приютов наиболее пригоден для земледельческой страны, как Россия, и притом для воспитания детей земледельцев?

Каждый крестьянский сирота имеет право на пай в земле своего общества и, таким образом, по имущественному положению своему должен готовиться быть земледельцем. Мыслимо ли воспитание будущего земледельца иначе, как при земледельческой обстановке?

Должны ли быть для крестьянских детей иные приюты, как земледельческие?!

Естественно, стремления новых органов были направлены к тому, чтобы крестьянским сиротам дать соответствующее их положению земледельческое воспитание – приготовить из них хозяйственных крестьян, могущих в то же время примером своим распространять в народе улучшенные понятия по сельскому хозяйству.

И действительно, с 1892 года начали появляться в печати известия об учреждаемых в разных местностях России земледельческих приютах для нуждающихся крестьянских детей.

В 1892 г. учреждены Тарасовский, Красноярский, Лопуховский и Бурлукский сельскохозяйственные приюты в тех же волостях Камышинского уезда, Саратовской губернии, – для призрения крестьянских сирот исключительно этих волостей.

В 1893 г. земледельческие приюты были учреждены в с[еле] Алексеевском, Лаишевского у[езда], Казанской губернии, и на Юковском заводе, Пермской губернии, и во многих других местах Российской империи.

Теперь же ни один год не проходит без того, чтобы где-нибудь не были учреждаемы земледельческие приюты.

В 1894 году учреждены сельскохозяйственные приюты в с[еле] Рамзае, Пензенской губ., и в с[еле] Белоярском, Пермской губернии.

В том же году, по инициативе бывшего воронежского губернатора сенатора Куровского, Елизаветинский приют в г. Воронеж поставлен на сельскохозяйственную ногу.

В названных земледельческих приютах дети занимаются сельским хозяйством и ремесленными работами. Воспитываются они в совершенно крестьянской обстановке, приучаясь к труду земледельца, и своими сельскохозяйственными и ремесленными работами способствуют к облегчению их содержания.

13 ноября 1895 г. последовало Высочайшее Его Величества Государя Императора Николая Александровича повеление об учреждении близ г. С.-Петербурга, на Собственные Его Величества средства, сельскохозяйственно-ремесленной колонии для нищенствующих детей обоего пола.

Вопрос же о возможности постановки дела в земледельческих приютах так, чтобы содержащиеся в них дети окупали все на них расходы, т.е. об учреждении земледельческих приютов самопомощи, хотя и составлял всегдашнюю мысль учредителей детских колоний, но, – практически осуществясь только во французской колонии в Фонтевро и в колонии для нищих детей близ г. Риги, – выступил как предмет особой важности лишь в самое последнее время.

В 1891 году парижский муниципальный совет приступил к устройству таких земледельческих колоний для нищих детей, которые могли бы каждая содержать себя собственным трудом. Колонии эти уже учреждены. К сожалению, сведений об их деятельности позаимствовать было негде.

В 1893 г. на Саратовской областной выставке впервые в России поднят был вопрос о возможности для земледельческих приютов существовать на средства от своего сельского хозяйства, и 27 сентября того же года такой же доклад встречен был весьма сочувственно на происходившем в Саратове областном съезде сельских хозяев Юго-Восточной России, признавшем, что подобные приюты могут быть вместе с тем и школами сельского хозяйства.

27 января 1894 г. в Собрании 1-го Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества и 19 сентября того же года в Воронежском отделе Императорского Московского общества сельского хозяйства обсуждались доклады о возможности существования сельскохозяйственных приютов на собственные средства, и печать, как столичная, так и провинциальная, занялась обсуждением этого вопроса.

Летом того же года Усть-Кулалинская волость (состоящая из немецких колоний) Камышинского уезда, по осмотре Красноярского и Тарасовского сельскохозяйственных приютов, через особых, уполномоченных от волости, лиц постановила приговор: изменить существовавший у нее порядок воспитания сирот, заключавшийся в отдаче их на вскормление за деньги с торгов, на воспитание в земледельческих приютах самопомощи, для чего выстроить в волости два таких приюта на сиротский капитал, хранящийся при волостной кассе в сумме до 50 000 руб. и образовавшийся из процентов на обращавшиеся в волостной кассе капиталы сирот. Один приют уже выстроен близ колонии Водяной Буерак.

В конце года в Саратовское губернское земское собрание был внесен доклад о реорганизации воспитания земством подкидышей, отдаваемых на вскормление в деревни, учреждением для них земледельческих колоний, для разработки какового вопроса избрана была земством особая комиссия.

С 1895 г. все настойчивее стали раздаваться голоса в пользу учреждения земледельческих колоний самопомощи.

2 декабря 1895 г. Московско-Нарвский отдел С.-Петербургского общества помощи бедным и больным детям постановил учредить в Лужском уезде, Петербургской губернии, в пожертвованном неизвестным жертвователем имении в количестве 66 десятин земли, лугов и леса сель-

скохозяйственный приют самопомощи, который деятельность свою открыл с апреля месяца 1896 г.

Подробный доклад о такого рода приютах 20 декабря 1895 г., в Постоянной комиссии по техническому образованию при Императорском техническом обществе вызвал единодушное одобрение Комиссии и печати. Ведомство учреждений Императрицы Марии[1] обратило на них свое внимание и решило принять их под свое покровительство.

В передовой статье газеты «Новое время» от 1 января 1896 г. отмечается, как злоба дня, возникновение по стране сельскохозяйственных колоний. 4-го и 13-го того же января доклады о сельскохозяйственных приютах самопомощи были встречены с особенным сочувствием на 2-м съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в г. Москве и в соединенном заседании в г. С.-Петербурге технического, вольно-экономического и кустарного комитета Общества для содействия русской торговле и промышленности, постановивших разослать сведения о камышинских приютах самопомощи по всей Империи для повсеместного учреждения подобных приютов. На пользу сельскохозяйственных приютов, как работных домов, обратил свое внимание и состоящий под

[1] Ведомство учреждений Императрицы Марии (также четвертое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Мариинское ведомство, ВуИМ) – государственный орган по управлению благотворительностью в Российской империи. Ведомство образовалось в 1796 году с переходом воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге в ведение Императрицы Марии Федоровны (жены Павла I). По смерти Марии Федоровны в 1828 году вошло в состав Собственной канцелярии в качестве четвертого отделения. С 1854 года получило название «Ведомство учреждений Императрицы Марии», с 1880 называлось Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии. После Февральского переворота в марте 1917 года функции ведомства были переданы управлению Мариинскими заведениями Министерства народного просвещения, а осенью 1917 года – в Министерство общественного призрения. После Октябрьского переворота в 1918 году ведомство было упразднено, а его имущество и капиталы национализированы.

Высочайшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровы председательством Комитет Попечительства о работных домах.

С этого момента начинается для сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи новая эра. Правительство признало идею самостоятельного существования приютов основательною и оказало им поддержку, признав, что такие приюты нужно поддерживать и развивать.

Вследствие этого признано своевременным ознакомить благотворителей подробно с жизнью и постановкою дела в камышинских земледельческих приютах самопомощи и издать руководство для организации таких приютов, что по мере сил и выполняется в следующих главах книги.

III. Возникновение приютов

«Нет худа без добра»
Народная пословица

В декабре месяце 1891 года – в памятный голодный год – в камышинской степи, Саратовской губернии, на глухой дороге между слободами Слюсаревой и Тарасовой, случайно проезжавшим путником найдена была девочка, сидевшая, сгорбившись и опустив голову, возле дороги на снегу. На ней была шубенка с вытершеюся шерстью, из одной почти кожи, в нескольких местах порванная; грязная оборванная кумачная юбка едва покрывала голые ноги, обутые в дырявые башмаки, из которых торчали пальцы; полинялый ситцевый платок свесился над взъерошенными волосами и раздувался ветром. Был сильный мороз. Девочка, бледная, худенькая, по виду лет 11, не откликнулась на зов – она засыпала. Ее поспешили завернуть в шубу, посадили в сани и, тряся всю дорогу,

привезли в соседний хутор уже проснувшеюся. Девочка согрелась и рассказала, что жила она у бабушки – дальней родственницы своей – в том хуторе, куда ее привезли, и вместе с нею питалась милостынею. Когда хлеб вздорожал, крестьяне перестали подавать его нищим. В приговоре на хлебную ссуду от земства сельский сход вдовам отказал, так как платить ее за них не желал. Бабушка сказала, что сама она как-нибудь еще прокормится, – то к одной зайдет соседке, детей понянчить, то к другой, – но ее кормить не может, и посоветовала ей идти к замужней сестре, жившей в соседнем хуторе, верст за девять. Девочка с утра еще пошла, но не успела она перекреститься в хате, как сестрин свекор закричал: «Ты зачем пришла? И без тебя жрать нам нечего – с Богом!» – и, как она ни плакала, прогнал ее, не дав на дорогу куска хлеба. Не евши целый день, она утомилась на обратном пути и присела отдохнуть – ей так хотелось спать!

В это время уже начал действовать Благотворительный Комитет, состоявший под председательством Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая Александровича. В городе Саратове открыто было губернское его отделение, а от последнего возникли участковые и волостные. Тотчас же наведены были справки, нет ли еще нуждающихся детей, и оказалось их очень много. Тогда немедленно в слободе Тарасовой открыто было волостное отделение Благотворительного Комитета, в состав которого записались старшина, сельские старосты, несколько зажиточных крестьян, священник и волостной фельдшер. Тарасовский комитет, увидя, что большинство нуждавшихся детей не имеют ни одежды, ни обуви, а многие из круглых сирот даже и угла, где бы приютиться, нашел необходимым открыть на всю волость одну детскую столовую, в которой дети могли бы не только кормиться, но и жить. Так и сделали. Одной дет-

ской столовой скоро оказалось недостаточно, и пришлось открыть две. Для детей же, имевших обувь и одежду, открыли другие столовые, в каждом хуторе; в них дети кормились со взрослыми вместе.

Печальный случай с девочкой в Тарасовской волости побудил участковый комитет, находившийся в соседней слободе Красном Яре, учредить в каждой волости по комитету из такого же состава, как в слободе Тарасовой. Нужда в то время была настолько велика, что первые шаги своей деятельности и другие волостные комитеты – Красноярский, Лопуховский и Бурлукский – проявили в учреждении исключительно детских столовых, по одной на всю область для не имевших пристанища нищих детей. Затем уже открыты были столовые и для взрослых, в коих, кроме того, кормились и дети. Детские столовые помещались в волостных селах, в наемных избах, кроме лопуховской, которая приютилась в церковной сторожке при Михаило-Архангельской церкви с[ела] Лопуховки.

Ежедневно в четырех, исключительно детских, столовых кормилось до 200 детей, а вместе со взрослыми во всех столовых – до шести тысяч, составлявших почти седьмую часть всего местного населения. Более же всего кормилось как детей, так и взрослых в с[еле] Бурлуке.

Весною, с открытием заработков, последовало распоряжение о закрытии столовых. Исполнение сего по отношению к детским столовым встретило затруднение – куда девать нищих детей, по-прежнему находившихся в беспомощном положении, – без хлеба, без обуви и без одежды? Контингент их состоял преимущественно из сирот, или брошенных родителями детей, незаконнорожденных, или детей лиц, сосланных в каторжные работы. Если и были у некоторых из них родственники, то последние сами кормились зимою в столовых и отказывались от содержания детей. Последним оставался только один исход – добывать

себе кусок хлеба тем же путем, как добывали они его ранее: воровством и нищенством. Но среди них были очень маленькие дети – двух и трех лет; малютки находились на руках у сестер и братьев своих – таких же детей, как и они сами, – восьми, десяти лет. Все они возбуждали страшную жалость к себе. Выбросить их на улицу – было противно учению Христа; мало того, даже преступно, так как ст[атьи] 159 и 170 т. XIV Свода Законов Российской империи в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, в отделе о нищенстве, строжайше воспрещают детское нищенство и под страхом наказания начальствующим лицам обязывают их за этим наблюдать.

Обратившись к действующему законодательству, нашли, что по ст[атье] 162 Уст[ава] о предупр[еждении] и пресеч[ении] прест[уплений] нищенствующие, не могущие снискивать себе пропитание, должны быть отдаваемы на попечение тех обществ, к коим они принадлежат. По отношению же к крестьянским сиротам содержание их, по п[ункту] 6 ст[атьи] 179 Общего Положения о крестьянах, составляет обязательную повинность сельских обществ, коим предоставляется право, по разъяснению Правительствующего Сената от 14 марта 1890 г. за № 1923, устанавливать вид, размеры и вообще способы призрения нуждающихся – по собственному усмотрению. Вместе с тем в том же Положении, п[ункт] 3 ст[атья] 78, содержится указание, что ведению волостных сходов подлежат: меры общественного призрения и учреждение волостных училищ; на старшину же волости, по п[ункту] 9 ст[атьи] 84, возлагается обязанность по надзору за волостными училищами, богадельнями и всякого рода общественными заведениями, если они учреждены волостным обществом на свой собственный счет. О точном соблюдении законов по призрению нищенствующих дан был в 1890 году г[осподином] министром внутренних дел циркуляр, по-

следовавший во исполнение выраженной в 1888 году Императором Александром III воли о децентрализации призрения детей в столичных воспитательных домах.

Таким образом, надлежало лишь исполнить предписания закона и потребовать от крестьянских обществ призрения нуждавшихся детей, предоставив способ призрения установить по желанию самих крестьян. Вопрос был настолько серьезен, что для разрешения его были собраны волостные сходы, коим, как более крупным хозяйственным единицам, было легче в материальном отношении обеспечить участь несчастных.

Первым обсуждал предложение о способе призрения нуждающихся детей Тарасовский волостной сход 9 марта 1892 года. Сходу прочитаны были статьи закона, обязывающие крестьянские общины к призрению сирот, и затем предложено установить тот порядок, какой желают крестьяне принять для исполнения требований закона.

У крестьян существуют три способа призрения детей.

Первый состоит в обязанности избираемых сходами к сиротам опекунов кормить опекаемых детей. Опекунами избираются близкие родственники сирот – их братья, дяди, деды. Состоятельные из них так и поступают: они принимают сирот к себе в дом, и те воспитываются у них впредь до замужества девушек или женитьбы юношей, когда последние возвращаются на свои отцовские усадьбы. Опекуны забирают к себе имущество опекаемых сирот, которым и пользуются вместе с сиротскими душевыми паями земли, лугов и леса. Если собственная семья опекуна невелика и состояние у него достаточное, то сироты у близкого родственника живут наравне с прочими членами семейства и положение их не оставляет желать ничего лучшего.

Иное дело, когда опекун беден. Он принимает состояние сирот из-за их имущества, и редко, очень редко осиротелая семья получает отцовские крохи обратно полностью.

К совершеннолетию опекаемых вытекает ряд ссор между сиротами и опекуном из-за принадлежности им того или другого имущества: скот сирот, по словам опекуна, с годами пропал, а все наросшее благосостояние его образовалось исключительно от его (взрослого, опекуна) трудов; сиротское же имущество поветшало и потратилось.

Если же сироты бедны, то семья состоятельного опекуна смотрит на них враждебно, попрекая их постоянно куском хлеба и излишнею на них работою, и опасается могущей настать необходимости делиться имуществом.

По крестьянским обычаям приемыш в семье, за время пребывания в ней в рабочем возрасте, имеет право получить некоторую имущественную долю в вознаграждение за работу.

Опасаясь этого, семья опекуна старается выжить сирот задолго до их свадебного совершеннолетия, с какового времени начинается обязанность семьи по уплате за работу, и с этою целью всевозможными мелочными придирками доводит их до того, что они предпочитают лучше наняться в работники, чем оставаться жить в такой семье.

При самовольном же уходе приемыша, да еще к летним работам, теряется право его на вознаграждение.

Пока же сироты еще подростки, они платят своим трудом за воспитание свое и принявшая сирот семья стремится взять с них возможно больше. Несмотря на то что их земельный пай состоит в распоряжении всей семьи, она (принявшая детей семья) держит детей на положении рабов. Сироты становятся безответною прислугою для семьи опекуна. В то время как все дети в семье играют – сироты работают. Их посылают и в дождь, и в метель, когда хороший хозяин и собаки не выгонит; сидят они на самой черной работе, а едят после всех.

Чаще, однако, в деревне бывает, что и опекуны, и опекаемые ими сироты – бедного состояния. Тогда сироты

живут где попало и едят, что сами добудут. Содержать их опекуны не в силах.

Второй способ призрения состоит в кормлении подворно. Каждый двор кормит детей, когда дойдет до него очередь. При этом способе, отбываемом только при постоянном побуждении со стороны сельской администрации, положение призреваемых чрезвычайно печальное. Недобросовестные семьи, когда доходит до них черед, не только дают призреваемым объедки, но некоторые готовят для них особо от себя и кормят такой бурдой, какой, по словам одного из членов Тарасовского схода, «тот, кто Бога боится, не даст и свиньям», – лишь бы только отвести глаза, причем и эта даже подачка сопровождается грубыми попреками. Дети совсем не ходят в такие семьи, и это выставляется якобы сытостью их, а прошение ими милостыни – озорством. Те же дети, у которых нет обуви или одежды, бегают за едой, в морозы даже, босиком и раздетые.

Третий способ состоит в отдаче детей на вскормление за деньги. Желающие принять детей на содержание являются на сход, куда староста приводит и сирот и, смотря по возрасту их и физическому развитию, дающим возможность с большею или меньшею выгодою эксплуатировать ребенка на работах, объявляет установленную за ребенка сельским управлением цену, с каковой и начинается торг. Кто предложил меньшую плату – с ударом молотка получает ребенка. Цены при этом иногда сбиваются так, что ребенка содержать на сторгованную сумму совершенно невозможно. И так как меньшую плату предлагают обыкновенно самые бедные крестьяне, которые сами промышляют нищенством, то, очевидно, не из жалости берут они детей, но из корыстных целей. Они стремятся к тому, чтобы дать ребенку возможно меньше, а выгоды извлечь себе возможно больше. Детей они не кормят. Они посылают их нищенствовать. Некоторые же составляют себе

целый промысел: сторговав несколько детей, они ухитряются, без других заработков, на плату за детей содержать свои собственные семьи. При недостаточности же ее, забрав сирот с собою, содержатель на телеге отправляется по селам. Подойдя к деревне, он посылает в нее детей, а сам вдали ждет их возвращения с милостынею. Сироты, отдаваемые таким людям с торгов, чувствуют себя еще хуже, чем вольные нищие: не побои терпят они, а настоящие истязания. Члены сельского общества отлично знают это, но молчат. Чтобы улучшить положение сирот, нужно увеличить за них плату. Средняя возможная для сносного содержания ребенка плата колеблется от 60 р. до 100 р. в год. С торгов же ребенок поступает на содержание за 18–40 р. в год. Плата за детей идет по раскладке с душ; при нынешнем же тяжелом состоянии сельского хозяйства и страшной обремененности платежами крестьянских наделов каждая копейка излишнего расхода вызывает громкие протесты. Поэтому, несмотря на очевидную необходимость улучшения положения сирот, сельские сходы старательно избегают поднимать об этом вопросы. В иных обществах потраченные на ребенка суммы записываются за ним недоимкою.

Тарасовский сход, обсуждая порядок призрения сирот, единодушно отверг подворное кормление, как противное Богу; на опекунов же тех детей, которые требовали общественного призрения, признал невозможным возложить обязанности по их содержанию, так как сами опекуны были настолько бедны, что сами нуждались в призрении. Оставался один только способ – сдать содержание детей за деньги. Сдачу с торгов нашли не отвечающею цели и лишь напрасною тратою, как для общества, так и для сирот, на пользу тунеядцев. При исчислении же добросовестной платы определили ее, по существовавшим тогда высоким ценам на хлеб, по 100 руб. в год. Всех сильно нуж-

давшихся детей числилось в волости 50, так что на содержание их надлежало ассигновать 5000 р. Сход ужаснулся огромности потребовавшейся суммы, превышавшей в три раза годовую волостную смету, и заявил полную свою несостоятельность к ежегодной ее (этой суммы) уплате.

Выход, однако, нужно было найти, и, на сиротское счастье, гордиев узел[1] был тотчас же разрублен. Один из присутствовавших на сходе предложил воспользоваться тем уроком, что дал голодный год, научивший, что артельное пропитание гораздо дешевле содержания в отдельности, и [предложил] продолжать кормить детей по-прежнему в столовой. На это его спросили, откуда же хлеб на нее взять? – «С общественных запашек», – ответил он. Сход радостно ухватился за эту мысль и постановил приговор: выстроить при слободе Тарасовой особое постоянное помещение – приют, в котором нуждающиеся дети могли бы найти себе пищу и теплый угол; хлеб на содержание детей добыть с общественных запашек, учредив их в каждом обществе; на постройку дома ассигновать 500 р., а на приварок – штрафные суммы волости согласно требованию ст[атьи] 143 Полож[ения] о крестьянских учреждениях[2].

Признавая в то же время для старшины невозможным единолично управиться с постройкою и текущим содержанием приюта, сход признал полезным во главе управления сиротским приютом поставить совет в соста-

---

[1] Гордиев узел – сложный узел, завязанный по легенде фригийским (историческая внутренняя область на западе Малой Азии; ныне территория Турции) царем Гордием, который разрубил Александр Македонский. В переносном смысле может означать любую сложную задачу. «Разрубить гордиев узел» – значит смело, решительно и энергично решить сложное дело, поступив не по правилам, предписывающим длительное и бессмысленное решение сложных задач, а по своему желанию, получив результат незаконно, но сразу.

[2] Впоследствии сходу было предложено отменить назначение штрафных сумм, так как существование этой ассигновки служило поводом к толкованиям, что крестьяне подвергаются взысканиям не за проступки, а с целью стройки приюта. – *Прим. авт.*

ве, подобном волостному отделению Благотворительного комитета, который уже приобрел к себе горячие симпатии крестьян умелым устройством для голодавших семей столовых. Ввиду же необходимости поручить ему расходование волостных сумм, совет был согласован с требованиями Общего Положения о крестьянах. Поэтому совет образован не из частных лиц, но из членов волостного правления, на коем лежит по закону обязанность расходования волостных денег. Таким образом, в состав его вошли все сельские старосты волости, председатель волостного суда на правах заседателя, волостной писарь и старшина – под председательством последнего. Вместе с тем волостной сход, по той же деятельности Благотворительного Комитета, не мог не заметить той первенствующей роли, которую играли священник и волостной фельдшер, неустанно заботившиеся о пропитании нуждавшихся, жертвуя на это дело и материально, и всем своим свободным временем и ведя строжайшую отчетность. Признавая участие их необходимым для правильной жизни приюта, сход поручил волостному правлению пригласить принять участие в делах совета, с правом решающего голоса и на правах попечителей, всех священников волости, участкового врача и волостного фельдшера, подобно тому как участвуют такие лица в хозяйственных советах всяких вообще казенных учебных заведений. Впоследствии оказалось необходимым приглашать в состав совета тех из местных жителей, которые теплым участием своим к жизни приюта значительно способствовали его развитию. Такие лица, называющиеся членами-соревнователями, при ассигновке денежных сумм имеют право лишь совещательного голоса.

К ассигнованным сходом суммам Саратовское отделение Благотворительного Комитета впоследствии прислало 400 р. из Финляндского капитала в 15 тыс. р., пожертвован-

ного на общественные работы для голодающих (деньги эти целиком пошли на плату крестьянам за ломку камня для бута под приют и выделку земляного кирпича). Все-таки на постройку дома средств оказалось недостаточно, и дело могло бы замедлиться. Случайно они нашлись в доходах от сиротских капиталов, вращавшихся в волостных ссудо-сберегательных кассах. В каждой волости существует такая касса. Каждый вложенный в нее рубль, будучи выдан в ссуду, дает кассе дохода 6 к. в год, сама же касса платит вкладчику роста на капитал 4 к. Получающаяся разница в 2 коп. и составляет доход по кассе. Большинство обращавшихся в волостных кассах капиталов были сиротские. После смерти крестьянина имущество его продается обыкновенно с торгов, и вырученная сумма, за уплатою недоимок, вносилась ранее на хранение, впредь до совершеннолетия сирот, в волостную кассу, а теперь, по распоряжению Саратовского губернского по крестьянским делам присутствия, в сберегательную кассу государственного банка. С 1849 года, времени образования волостных касс, от сиротских капиталов наросло довольно много 2-копеечного дохода, который, увеличиваясь рост на рост, образовал в тарасовской кассе свыше 5 тысяч руб. Крестьяне признали, что доход этот, как образовавшийся главным образом от сиротских капиталов, по справедливости должен принадлежать сиротам же, и отдали как накопившийся, так и текущий доход по кассе на надобности сиротского приюта. С прекращением вклада в волостные кассы сиротских капиталов доход касс сильно уменьшился, но в настоящее время, по жалобе Сосновского волостного схода Камышинского уезда, Правительствующий Сенат отменил определение присутствия, и сиротские вклады снова дадут значительную поддержку приюту.

Тарасовское сельское общество особым приговором отвело для приюта возле слободы две десятины усадеб-

ного места, и совет приюта деятельно принялся за свою громадной важности работу.

Так же поступили крестьяне и остальных трех волостей – Лопуховской, Красноярской и Бурлукской. На постройку домов из мирских сборов денег они не ассигновывали вовсе, но только сберегательной кассы. В Бурлукской кассовых денег оказалось очень мало, почему крестьяне на устройство угла для сирот ассигновали третью часть дохода от общественной винной торговли; кроме того, те же крестьяне не сочли нужным учреждать особый совет для заведования приютом, оставив его на попечении волостного правления и старшины.

На примере Бурлукского приюта сказалось все важное значение приютских советов. В то время как три приюта с каждым днем развивались все сильнее и сильнее, Бурлукский еле влачил свое существование и пробрел себе дом только через три года.

Красноярское сельское общество, как волостное село, отвело под усадьбу приюта 8,5 десятины земли, в 2 верстах от слободы, на берегу реки Медведицы. Лопуховское же и Бурлукское волостные села отказались предоставить под усадьбы приютов земли, причем Бурлукское соглашалось на отвод только за плату. Вследствие этого усадьбы приобретены были за деньги у местных крестьян. По ст[атье] 110 Местного положения о крестьянах усадебная земля каждого крестьянского двора остается в потомственном пользовании проживающего в том дворе семейства, которое, согласно ст[атьям] 106 и 107 того же Положения, может распоряжаться ею по собственному усмотрению и устраивать на ней, не испрашивая разрешения общества, какие угодно промышленные и торговые заведения; равным образом, по неоднократным разъяснениям Сената, может даже отдавать ее и другим лицам. На основании этих законоположений под усадьбы приютов приобретены были усадебные участ-

ки крестьян с отличными фруктовыми садами, с уплатою – Лопуховским приютом 300 р. и Бурлукским 100 р., так что потраченные на приобретение их деньги вполне оправдываются стоимостью выращенных на них садов. У других же приютов места под усадьбами были ранее пустырями.

IV. Постройка зданий

«Не красна изба углами,
а красна пирогами»
Народная пословица

Советы приютов прежде всего принялись за постройку домов. Нуждавшихся же в призрении детей временно поместили в наемных избах.

Лесной материал был очень дорог, почему советы с особенным вниманием остановились на земляном кирпиче, так называемом самане. Кроме того, материал этот был безопаснее в пожарном отношении, что особенно важно в сиротских приютах, где всегда нужно опасаться небрежного обращения с огнем. Все три совета решили строить дом из самана, но Лопуховский впоследствии изменил свое решение, остановившись на деревянной постройке, и в настоящее время раскаивается. В то время как Тарасовский и Красноярский приюты, крытые железом, совершенно безопасны от огня, в обоих других приютах вечно боятся пожаров. Саманные здания и прочнее, и теплее деревянных, и в то же время дешевле.

Дальнейший опыт показал, что саман – отличный материал для постройки. Для него требуется лишь соблюдение некоторых технических условий. Так, например, фундамент от самого самана должен быть изолирован одним рядом жженых кирпичей, залитых цементом. Это

дает правильную осадку здания и в то же время препятствует земляной сырости проходить в стены здания. Для кухни саман необходимо отштукатурить, с щелевкою стен досками, так как от кухонных испарений от хлебов и котлов саман долго сохраняет сырость. От испарений сыреют и деревянные стены, но они быстро и просыхают; саман же задерживает сырость, особенно если он сделан из солонцеватой земли. Окна должны быть возможно шире и выше, так как толщиною стены кладутся не менее аршина с четвертью. Сквозь стены необходимо для прочности пропустить железные связи.

Тщательно построенный дом не требует ремонта.

Особенное достоинство саманных построек заключается в необычайной теплоте зимою и прохладе летом.

[…] Слобода Тарасово […] расположена в глубоком ущелье. Приют построен на западе от нее, по дороге к хутору Дорошеву. Впереди […] пруд, на котором тянутся конопляники, а далее вверх по горе поля. Между прудом и приютом огород, слева службы, а позади приюта баня.

За ним (приютом. – *Д. С.*) возвышается высокая гора, северная сторона ущелья. Три окна средних находятся в комнате смотрителя; четыре окна слева – в мужской комнате, а два справа – в женской. Против окон последней расположены треугольные птичники; несколько на отшибе теплая изба для ягнят, а в глубь двора тянутся прочие службы. Справа в стороне гумно приюта, на котором заметны ометы соломы. На крыше приюта торчит столб ветроуказателя.

При выборе плана для постройки приютов остановились на необходимости разделения полов. С этою целью помещение для смотрителей расположили так, что оно разделяет мужскую и женскую комнаты и в то же время имеет с ними обоими прямое сообщение для надзора. Соответственно свойственным каждому полу занятиям к женской половине пристроена кухня, а к мужской мастерские. В

отношении правильности постройки Красноярский приют поставлен сообразно всем замеченным недостаткам, обнаруженным по выстройке Тарасовского приюта, построенного ранее остальных, и может считаться образцовым. […]

При определении размера построек оказалось необходимым определить то число детей, на которое можно было рассчитывать. С этой целью сделан был детям именной подсчет. Оказалось, что в русских волостях, Бурлукской и Лопуховской, сироты до 16 лет составляют 5% общего числа жителей, а в малороссийских 3%. Таким образом, в Тарасовской волости на 7,5 тысячи жителей их нашлось 240; в Красноярской на 13 тысяч – 400; в Бурлукской на 4,5 тыс. – 250 и в Лопуховской на 14 тысяч жителей – 600. Из общего числа сирот одна четверть была довольно обеспечена; две четверти кое-как перебивались или с матерями, или у дальних родственников, и одна четверть страшно нуждалась и питалась Христовым подаянием, скитаясь по разным углам. Часть уже кормилась в детских столовых, но бóльшая часть разошлась по городам и весям земли Русской. Ввиду обязанности для полиции нуждающихся в призрении членов сельских обществ, согласно ст[атье] 162 т[ома] XIV Св[ода] Зак[онов], отсылать на призрение в подлежащие общества, надо было рассчитывать не только на наличный состав детей, но и на тех, кои бродили вне волости; кроме того, нищенствовали дети бедных больных и увечных крестьян, которые также нуждались в призрении. Ввиду этих данных решено было строить помещения на 80–100 детей каждое.

В течение первых двух лет советы заняты были главным образом внешнею организационною работою. Они увидели полную невозможность вести правильно дело воспитания детей при размещении их в наемных избах. Дети все прибавлялись числом, и в селах не было ни одной избы, достаточной для помещения их всех в одном месте. В гигиеническом отношении дальнейшую скученность детей

невозможно было допускать: в Лопуховском приюте открылась эпидемия брюшного тифа, так как нанята была изба, в которой ранее были случаи этой болезни: более половины детей переболели; один даже умер. Наконец, в наемных помещениях невозможно было правильно расположиться хозяйством. Все это побуждало советы спешить стройкою собственных для приюта зданий. Деньги же хотя и были ассигнованы, но не находились в кассе волостного правления, а по рукам у заемщиков. Возврат совершался медленно; приходилось прибегать к частным временным займам.

Во время стройки зданий дети работою своею оказывали существенную помощь: они привозили и отвозили материалы – глину, воду; месили саман и проч.

Все приюты построены одноэтажными. Тарасовский занимает пространство 12 на 4 саж[еней]; Красноярский 15 на 8; Лопуховский 12 на 5, а Бурлукский, за небольшими на постройку его средствами, только 4 на 2 саж[ени]. Построен последний так, что во всякое время, в случае необходимости расширить здание, к нему могут быть сделаны потребные пристройки. Помещение Тарасовского приюта освящено 10 ноября 1892 года; Лопуховского – 8, Красноярского 21 ноября 1893 г., а Бурлукского – только 24 мая 1895 года.

Но и с выстройкою помещения немало было хлопот в последующие годы с постройкою служб, которые по мере увеличения хозяйства требовали расширения.

Для хозяйственных надобностей построены всякого рода службы, но главным образом из самана, как наиболее дешевого материала, и также на каменном фундаменте. При каждом приюте имеются баня, амбар для ссыпки хлеба, кладовые, свинарники, бычатники, коровники, телятники, конюшни, птичники и сараи для земледельческих орудий. При Тарасовском приюте пристроена даже мельница для помола.

Крыши для надворных построек сделаны из соломы, залитой глиной, так что они безопасны в пожарном отно-

шении. На рисунках вид Тарасовского приюта поражает своими плоскими крышами на службах. Это произошло вследствие недостатка материальных средств на постройку хороших крыш. На здании Тарасовского приюта первоначально крыша была соломенно-ковровая, по образцу крыш Красноуфимского реального училища. Соткана она была руками благотворителя, одного из соседних священников, о. Смирнова, в жертву для приюта. Неумелый плотник скрепил, однако, плохо углы стропил, и когда ее ремонтировали, то от тяжести вновь наложенной глины углы разошлись; при капитальном же ремонте ее нашли более полезным заменить солому железом. Вообще, глиняно-соломенные крыши требуют постоянного ухода за собою, и в этом отношении они могут быть практически полезны лишь при возможности очень строгого надзора за хозяйством приюта.

В усадьбах каждого приюта выкопаны колодцы.

Мебель внутри зданий допущена лишь самая необходимая, в виде столов в мастерской и классной комнате, постелей и шкафа для книг. Постели сделаны в виде коек, поднимающихся у изголовья на петлях к стене […]. К стене пристегиваются они маленькими крючками. Устроены они так: к продолговатой раме пришиты поперек шерстяные тесьмы, на которых положены тонкие дубовые пластины; на них ковер, сплетенный из камыша или соломы и покрытый холстяною простынею. Для маленьких детей вместо пластин натягивается холст […]. Койки эти могут свободно переноситься и в то же время, поднятые кверху, совершенно освобождают комнаты для занятий и дают возможность держать их всегда в должной чистоте.

В лето 1892 и даже 1893 гг. советы приютов заняты были главным образом строительными работами[1]. […]

[1] В конце книги приложены цифровые отчеты стоимости зданий каждого из приютов. – *Прим. авт.*

Поэтому к сельскохозяйственной жизни своей приюты могли приступить только с 1893 года, и главным образом лишь Тарасовский.

Для пропитания детей по каждому из хуторов волостей учреждены были общественные запашки, размеры которых показаны в ведомостях полевого хозяйства приютов. Кроме того, большое подспорье оказали остатки от средств Благотворительного Комитета, на которые в течение 1892 года преимущественно и содержались питомцы.

С прекращением стройки зданий советы приютов уже свободнее занялись внутреннею жизнью питомцев. Решив воспитывать их по крестьянскому быту и на семейных началах, они пригласили к детям смотрителей-супругов и обязали их вести жизнь строго по-крестьянски, заставляя всех силоспособных детей принимать в хозяйственных работах посильное участие. Вместе с тем старшие из детей усажены были за ремесленные работы, соответствующие каждому полу, а по вечерам начали обучаться грамоте.

Постепенно, шаг за шагом, советы устанавливали внутренний порядок жизни приютов, который и выработали затем в определенные формы.

V. Первый год сельского хозяйства

«Что посеешь, то и пожнешь»
Народная пословица

Общественные запашки положены были в основу материального существования приютов. Денежные средства должны были идти из особых, не обременительных для крестьян, источников. Но советы приютов признали необходимым, кроме того, и труд детей обратить на посильную помощь по их содержанию.

Прежде всего таковая могла выразиться по уходу за двором, скотом и, затем, в огородных и садовых работах. Решено было огороды обрабатывать исключительно силами детей.

Настала весна. Слобода Тарасово расположена в ущелье. Усадьба приюта, как и всей слободы, от северных ветров закрыта высокою горою, и потому весна наступает в ущелье ранее, чем в других местах. В конце марта месяца там обыкновенно уже начинается пашня. В приюте под огород нужно было разделать целину. С этою целью пригласили несколько добрых крестьян помочь сиротскому делу. Крестьяне прибыли с плугами, и 31 марта 1893 года, после молебствия, началась сельскохозяйственная жизнь Тарасовского и всех других приютов. Во время пашни, к первому плугу, для картинности, приставлен был старый питомец приюта – Кирей Гузенко – двенадцати лет, который при помощи взрослого крестьянина должен был пройти первую борозду. Гузенко, когда быки тронулись, отстранил, однако, взрослого плугатора и сам направил плуг. Затем, когда дошел до конца вспахиваемого места, сам же вытащил его из земли и, повернув быков, снова пустил лемехи в землю. Плуг был однолемешный, системы Эккерта, на трех колесах, при длинном рычаге. Действия Кирея поразили присутствующую интеллигенцию. Мужики же заметили, что у них дети пашут очень часто. Приставили другого мальчика, и он так же легко управился с плугом; затем третьего – оказалось, что дети 11–14 лет отлично пашут. Погонщиками при этом состояли те же дети. В короткий срок, на трех плугах, мальчики вспахали всю целину верхнего и нижнего огородов на пространстве около двух десятин. Мальчики работали весело, наперерыв друг перед другом напрашиваясь в плугаторы. Порешили испытать их силы на продолжительной работе и с этою целью в тарасовском и дорошевском обществах вспа-

хать все яровое поле вместо общественной запашки силами приюта. Купили плуг и еще одну лошадь к купленной еще зимою и тотчас же приступили к работе. Мальчики на пространстве трех десятин отлично приготовили поле; работник рассеял семена, а дети закрыли их боронами.

На первом же заседании совета постановлено было приобрести еще два плуга с соответствующим количеством рабочего скота и продолжать пашню силами приюта, насколько это окажется возможным. На озимые, однако, успели изготовить только четыре десятины на полях тех же обществ, так как средств на покупку скота не хватило; остальное количество земли в девяти остальных хуторах взметано и засеяно было по-прежнему сельскими обществами. По примеру Тарасовского, тем же летом, произвел пашню пара на четырех десятинах и Лопуховский приют.

Огороды разбиты были во всех приютах силами самих питомцев. Саратовская губернская земская управа и один из местных благотворителей прислали отличных огородных семян всевозможных сортов, которые и взращены была питомцами. Кроме различных сортов капусты, редьки, моркови, свеклы, репы, гороху, бобов, огурцов, тыкв и арбузов посажены были кукуруза и гаолян – китайское просо (сорго).

Для полива в Красноярском и Лопуховском приютах воды достаточно от больших водоемов, образующихся от разлива реки Медведицы возле самых огородов.

В Тарасовском же приюте для полива и пойла скота пришлось устроить плотину на протекающей мимо усадьбы и летом высыхающей речке Тарасовке. В апреле месяце на ней, по плану и указанию техника строившейся в то время железной дороги г. Чарноцкого, самими сиротами выстроена была плотина, шириною в 3 саж[ени] по низу, 1,5 сажени по верху, высотою около сажени и длиною 5 сажен. Плотина эта дала большой пруд воды, в котором дети могли даже купаться.

Уход за огородами в приютах всецело был поручен женскому элементу; мужской же помог им только в разбивке их. Полив огорода ведрами отнимал очень много времени, почему решено было устроить полив самотеком из колодцев, накачивая воду посредством помп, что и было сделано в следующем же году. Тою же весною разбиты были в Тарасовском и Красноярском приютах сады. Посажены яблони и вишни, осина, ольха, ветла и тальник. Полив садов совершался бочками и только мужским элементом.

В июне месяце Тарасовский приют отправился на сенокос, снятый в количества 8 десятин у соседнего землевладельца, за 36 верст от приюта. Место отведено было, ради большего удовольствия для детей, среди леса, на полянах. Там приют, за исключением самых маленьких детей, расположился табором. Разбили две палатки и весело проводили время на сенокосе, то работая, то ловя рыбу в многочисленных кругом озерах. Наемные рабочие скосили траву, но оставили ее на маленьких полянках. Мальчики 12–14 лет, по почину все того же пионера Кирея, попросили купить им косы и своими силами покосили остатки травы. Это было вторым, также неожиданным, открытием для интеллигенции. Мальчики управлялись косами вполне свободно и с видимым удовольствием. Оказалось, что у крестьян мальчики постоянно помогают в косьбе и работа их составляет заурядное явление.

Сено сгребали девочки, а мальчики его подвозили и складывали в стога, отлично управляясь деревянными вилами. Подавать, однако, могли они лишь на невысокие стога, почему последние выводились небольших размеров.

К концу сенокоса, в начале июля, начали косить рожь. Интересно было поиспытать силы питомцев за продолжительною работой и на уборке хлеба. Первые опыты произведены были на полях тех же двух обществ – Тарасовского и Дорошевского, так как учрежденные ими запашки находились тут же, возле приюта.

Работники расположились таким образом: слева шел смотритель, рядом с ним работник, за работником самые старшие и сильные мальчики, за последними послабее и так далее, все шесть юных косцов. За каждым из косцов шли вязальщицы: за смотрителем работница, за работником две старшие девушки, а затем уже за каждым из мальчиков по девочке, распределенные сообразно с силами косцов. Дети предпочитали работать косами больших размеров, так как размах при них сильнее и работать поэтому легче. Четырнадцатилетний мальчик скашивал свободно по полудесятине в день против работы взрослого за то же время в одну десятину. Девочки вязали снопы прекрасно.

Работа производилась детьми с замечательною энергиею, с видимым удовольствием – они чувствовали, что зарабатывают себе кусок хлеба. Вечером, по окончании работ, с косами и граблями на плечах, с громкими песнями возвращались дети домой; к ним присоединялись дети из огорода, с ведрами, с лейками в руках, и общая хоровая песня производила в ущелье, при заходе солнца, чарующее впечатление.

Всего в то лето убрали 10 десятин ржи, пшеницы и овса, избавив от общественных запашек три общества; остальные 24 десятины общественных запашек убраны были крестьянами. Молотьба всего хлеба каменными катками и цепами совершена была исключительно приютскими силами; ими же провеян и хлеб.

В это время впервые питомцами Тарасовского приюта произнесены были золотые слова, ставшие в основание всей дальнейшей жизни сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи, в каковые обратились бывшие детские столовые.

Несмотря на то что на каждую душу, т.е. земельный пай, приходилось работы не более часа, общественные запашки возбуждали сильное неудовольствие среди кре-

стьян. Работать приходилось только состоятельным из них, так как бедные попродали свой скот и землю в голодный год и поступили к богатым в батраки. Чем состоятельнее домохозяин, тем более приходилось на его долю пашни, так как всякие общественные работы исполняются крестьянами или по числу земельных полос, или же по числу голов содержимого скота. Работавшие говорили: «Нам приют не нужен, наши дети в него не попадут. У них есть кусок хлеба на черный день». Встречая же питомцев приюта, попрекали их своим трудом и оскорбляли, а дети плакали.

Однажды, в августе месяце, мимо сада тарасовского священника шли на работу несколько питомцев приюта. Увидя их, сын местного кулака, взрослый уже мужик, крикнул им: «Эй вы, оборванцы, вы на нашей шее сидите!» Дети с негодованием ему ответили: *«Нет, мы сами себя кормим»*. Когда священник, случайно бывший в саду, рассказал в совете об этой великой детской гордости, члены совета, живо почувствовавшие все нравственное унижение, которое терпели дети от попреков, деятельно занялись разработкою вопроса о замене общественных запашек работою самого приюта с наймом, в случае надобности, время от времени, поденных рабочих.

По сделанному подсчету оказалось вполне возможным для наличных сил приюта вспахать, засеять и убрать то количество десятин земли, что необходимо было, даже при урожае ниже среднего, для продовольствия детей хлебом, а именно 20 десятин. Мясо можно было получить от ежегодного приплода в приютском стаде. От скота же должен был получиться и материал для одежды и обуви. Огород свободно мог дать овощной приварок, а конопляники – холст.

Потребная для приютских запашек земля может получаться из наделов тех детей, что воспитываются в приюте. Земля в крестьянских обществах для пользования разделяется, обыкновенно, или по числу дворов – ревизских душ,

или же по числу наличных душ мужского пола, начиная с определенного обществом возраста; в редких случаях земля делится и на женские души, считая две за одну. Каждый ребенок имеет право на надел. Если сирота по возрасту своему в регистрацию душ еще не взошел, то он может получить тот пай, которым владел его отец. Равным образом и девочки, если души женского пола из числа душ, имеющих право на надел, исключаются, также могут получить наделы отцов своих, так как, по разъяснению Правительствующего Сената, земельный паек умершего крестьянина переходит во владение его наследников, к каковым, по местным обычаям, принадлежат и дочери умершего крестьянина, не выданные в замужество. Незаконнорожденные дети принадлежат к тому обществу, к которому принадлежала их мать во время их рождения, почему они имеют право на надел одинаковое с законно родившимися членами общества. Земля в Камышинском уезде нарезана крестьянам в достаточном размере, от 8,5 до 11 десятин на ревизскую душу; по распределении на наличные души в обоих полах приходится на душу мужского пола от 3,5 до 5 десятин. Таким образом, Тарасовский приют на своих 30 питомцев имел право получить около 100 десятин земли. В Лопуховском же надел больше, и там приют на 30 детей мог бы получить до 200 десятин земли. Чем больше питомцев, тем больше в распоряжение приютов поступает и земли, лугов и леса.

Совет Тарасовского приюта признал, что, при среднем урожае, для него достаточно иметь в запашке 20 десятин земли, что даст 800 пудов хлеба. Полагая на год на каждого из питомцев по 20 пудов, составится 600 пудов; остальные 200 пойдут на семена и корм скоту. 20 десятин вполне могли обработать смотритель, работник и шесть рабочего возраста мальчиков.

От уплаты налогов, лежащих на земле, приюты, как богоугодные и ученые заведения, освобождаются: налоги

подлежат сложению – поземельный налог со стороны казны; земские, со стороны земских собраний, и мирские – со стороны подлежащих сходов. Свобода от налогов дает приютам возможность стать в лучшее положение против крестьянина. Если бы сироты обрабатывали свои паи каждый в отдельности, то они обязаны были бы уплачивать и налоги, но, отдавая их в пользование приюта, с зачислением на него же недоимок, они от уплаты налогов освобождаются. Это обстоятельство составляет важную поддержку для приютов.

Совет Тарасовского приюта решил избавить малых тружеников своих от попреков, и с осени 1893 года отказался от общественных запашек, так что последние просуществовали только два года. Осенью Тарасовский приют своими силами вспахал всю ту землю, что потребна была ему для весны под яр, а именно 14 десятин.

По стопам Тарасовского двинулись и другие приюты.

VI. Выставки

«Смелым Бог владеет»
Народная поговорка

Осенью 1893 года приюты приглашены были экспонировать на Саратовской областной выставке. Участие на ней было бы, в сущности, преждевременно для приютов, как организаций еще строго не определившегося типа, но неожиданно скопившиеся тучки на небосклоне побудили приюты проявить свою жизнь и предъявить право свое на существование.

Для лиц, стоявших во главе приютов, стала ясною полная возможность для крестьянского приюта, при простой его обстановке и незатейливых требованиях, добыть

себе средства к жизни от сельского хозяйства. К сожалению, мысль эта, столь противоречащая общеустановившимся понятиям о необходимости крупных денежных расходов на содержание приютов, встречена была с явною небрежностью, и приюты, благодаря поставленному ими принципу – самостоятельное существование, – встречены были недружелюбно.

Находились и такие, что признавали положение крестьянских сирот, выпрашивающих на улицах милостыню, вполне нормальным явлением и не видели необходимости таковое изменять. «Бегают же собаки по улицам, – говорили такие бессердечные люди, – никто их не кормит, а сыты. Что же касается возможности нравственного падения девушек, то пополнять ряды “погибших” – удел крестьянских сироток». Вследствие этого, из-за желания обеспечить дальнейшее существование приютов и дать возможность упрочить основную идею сельскохозяйственных приютов, решено было принять приглашение на выставку, чтобы ознакомить компетентную публику с жизнью этих учреждений.

Все четыре приюта выставили свои огородные и ремесленные произведения, а Тарасовский, кроме того, и полевые. Снопы ржи, овса, ячменя, гаоляна и конопли окружали витрину приютов, в середине которой виднелось рельефное изображение Тарасовского приюта. По бокам рельефа с одной стороны возвышались горкою груды овощей всевозможных сортов, а с другой красовались кафтаны, полушубки, сапоги, чулки, шапки, шарфы, пояса и ложки – все изделия приютских питомцев. Мальчик и девочка из питомцев приюта тут же давали объяснения. Публику чрезвычайно привлек выставленный Тарасовским приютом девиз: «Самостоятельное существование приюта». На происходившем во время выставки областном съезде сельских хозяев Юго-Восточной России, 27

сентября 1893 г., прочитан был доклад о жизни приютов, и последние признаны были съездом одним из типов элементарных народных школ сельского хозяйства.

Комитет выставки наградил Тарасовский приют большою серебряною медалью «за идею самостоятельного существования» и похвальным листом за огородные овощи.

Сочувствие публики было чрезвычайно сильно и выразилось в материальных пожертвованиях орудиями сельского хозяйства со стороны экспонировавших на выставке земледельческих фирм, что имело как для идеи приютов самопомощи, так и для местного крестьянства огромное значение. Фирма г. Липгардт в г. Москве подарила Тарасовскому приюту отличную сортировку; воронежское товарищество Столль – плуг замечательно легкой в управлении конструкции; Рязанское товарищество – одноконный плужок, и г. Эрт в г. Саратове – соломорезку.

Дети, возвратившись домой, тотчас же испытали плуги на осенней пашне и поразили крестьян легкостью в упряжке при управлении тяжеловесных плугов: на двухлемешный плуг Камышинского завода требовалось четыре пары быков; на такой же плуг фирмы «Столль и К°» только две или три пары, при большей и лучшей работе.

Об одноконных плужках крестьяне не имели и понятия. Голодный год страшно обездолил их скотом. Держать лошадь в Тарасовской волости очень трудно, так как лугов в ней нет, и потому крестьяне держат только волов, кроме самых богатых из них. На одной паре волов ранее крестьянину пахать нельзя было, так как не было подходящих под силу пары волов, плуга, и те, кто не мог купить еще одной пары, спрягались по два двора вместе. Совместная запряжка вызывает большие споры при определении, чью полосу пахать ранее. В камышинских знойных степях, при страшно сухом ветре, один день имеет огромное значение. Посеянный сегодня хлеб даст урожай, а посеянный на другой

день даже не выйдет из земли. Поэтому, не имея возможности купить две пары волов (каждая пара стоит 75–100 р.), крестьянские дворы бросали обработку земли и пополняли ряды деревенского пролетариата.

Узнав о возможности пашни земли на одной даже паре волов и познакомившись с работой рязанской плуга-сошки, крестьяне стали просить устроить им возможность приобретения таких плугов. Приют вошел в сношения с фирмами Р. К. Эрт в г. Саратове и воронежского товарищества Столль и К°, которые согласились прислать ему орудия на комиссионную продажу, и, совершенно неожиданно, открылся с 1894 г. при Тарасовском приюте склад всевозможных земледельческих орудий, продаваемых без малейшего риска для приюта местным крестьянам с рассрочкою платежа на пять лет.

Крестьянин, желающий купить плуг, выдает вексель на ссудо-сберегательную кассу своей волости, так называемую поручную запись, а касса дает ему требование на получение плуга из склада, уплачивая складу деньги при первом поступлении сумм. Таким образом, несмотря на отсутствие даже денег, крестьянин может всегда купить себе плуг. С покупателем же, должником, имеет дело не склад, а волостная касса, взыскивающая с заемщика деньги в течение пяти лет, по 1 р. в год с каждых пяти р[ублей] долга.

Не успел склад открыть своих операций, как требования на орудия предъявлены были в очень больших размерах. Преимущественно раскупаются тяжеловесные двухлемешные плуги и легкие одноконные плужки. При складе открыта еще продажа кос. Из этого склада снабжены были отличными орудиями и остальные приюты.

В два года продано было всевозможных орудий на 4 тысячи рублей, что дало приюту 200 руб. прибыли. Но особенная выгода получилась для приюта оттого, что ему предоставлено было право пользоваться из склада по одно-

му от каждого рода орудий, с ответственностью только за поломку, ради рекламы изделий, и он получил возможность обрабатывать свои поля даровыми орудиями.

Выставка имела огромное значение для приютов самопомощи. Компетентные лица признали за приютами практическое значение, что придало им известный престиж в борьбе за право свое на существование. Она (выставка. – *Д. С.*) сильно ободрила лиц, заведующих приютами, дав им возможность более устойчиво разрабатывать детали жизни приютов. Она сократила несколько смелость противников приютов, хотя они еще более на них за это озлобились и стали стремиться убить их жизнь уже вполне сознательно. Медаль и похвальный лист привели крестьян в восторг и вселили в них уважение к приютам.

В 1894 году приюты экспонировали на воронежской сельскохозяйственной выставке. Здесь приветствованы они были с особым восторгом. Шалаш, где поместились 8 питомцев Тарасовского приюта с работой, удостоился посещения Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургского[1], выслушавшего с благосклонным вни-

[1] Принц Петр Александрович Ольденбургский (Георг Фридрих Петр, герцог Ольденбургский) (9 (21) ноября 1868, Санкт-Петербург – 11 марта 1924 Антиб, Франция) был первым мужем Великой княгини Ольги Александровны, сестры Императора Николая II. Был единственным ребенком в семье князя Александра Ольденбургского и Евгении Максимилиановны, урожденной герцогини Лейхтенбергской. Его мать была внучкой Императора Николая I, а отец – правнуком Павла I. В 1901 году женился на дочери Императора Александра III Великой княгине Ольге Александровне. Брак этот был бездетным и неудачным. Супруги развелись в 1916 году. В чине генерал-майора командовал полком стрелков Императорской Фамилии. После февраля 1917 года ушел в отставку и поселился в своем имении в Воронежской губернии. С началом красного террора вместе с отцом и матерью бежал во Францию, где жил в Париже и на ферме под Байонной. В 1922 году женился на Ольге Владимировне Серебряковой, урожденной Ратьковой-Рожновой. Занимался литературой и под псевдонимом «Петр Александров» опубликовал в Париже три рассказа из народного быта. Иван Бунин в эмиграции часто общался с принцем Ольденбургским и после смерти того от скоротечной чахотки в 1924 году написал о нем очерк. Похоронен в крипте Михаило-Архангельской церкви в Каннах.

манием доклад о жизни сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи. Игра же детей на свирельках привлекала к ним публику целыми толпами. Воронежское общество весьма сочувственно отнеслось к идее крестьянских земледельческих приютов и приветствовало доклад о них в одном из происходивших во время выставки заседаний Воронежского общества сельского хозяйства с чрезвычайным сочувствием и одобрением.

Обе выставки имели огромное влияние на укрепление жизни приютов и развитие идеи.

Еще большее значение должно иметь участие их (приютов. – *Д. С.*) на Всероссийской Нижегородской выставке 1896 года, куда приглашены приюты Ведомством учреждений Императрицы Марии, предоставившим им место в своем павильоне. Экспонаты уже изготовлены и отправлены.

VII. Второй год сельского хозяйства

«Не робь, казак, атаманом будешь»
Народная поговорка

К весне 1894 года три приюта, кроме Бурлукского, поместились уже в собственных зданиях. Они тотчас же приступили к расширению своего хозяйства. В Лопуховском приюте землю пришлось снять в аренду, так как сиротскими паями завладели другие лица и ранее пара их нельзя было получать.

Хорошие, приобретенные из Тарасовского склада земледельческих орудий, плуги дали возможность приютам, не увеличивая количества скота, подготовить осенью 1893 г. земли под яр гораздо более того, что требовалось на продовольствие детей. Весною 1894 года три приюта собственными силами засеяли каждый 40–50 десятин яровым хлебом,

как это видно из ведомости о полеводстве приютов, приложенной в конце книги.

В июне месяце все приюты отправились на сенокосы. Рабочие руки, благодаря хорошему урожаю, внезапно сильно повысились, и, кроме того, их негде было нанять. Во всех приютах годовые рабочие весною же ушли, кинувшись на высокие заработки. С целью ускорения работ Тарасовский приют решил поиспытать косильные машины. Он выписал в складе земледельческих орудий косилку Вуда и впервые применил ее на сенокосе. Успех превзошел ожидания. Шестнадцатилетний мальчик отлично мог управлять ею. На паре лошадей он скашивал, вместо полудесятины при ручной косьбе, по четыре десятины в день, то есть интенсивность его работы усилилась в восемь раз. Работа косилкою производилась только на ровных местах и сухих; среди полянок же и по болотцам косьба совершалась ручными косами. Тут же впервые употреблены были приютом и конные грабли. Они также в несколько раз увеличили не только количество работы, но и качество ее, отлично подчищая луга. Девушкам оставалось громадить собиравшиеся конными граблями сенные валы в копны. Применение этих машин ясно показало полную возможность для приютов обходиться без взрослых рабочих.

В других приютах сено скошено было руками. Красноярский приют снял себе луга в Руднянской даче удельного ведомства. Передавший им луга съемщик г. Петерсон приводил своих рабочих на место приютского сенокоса и требовал от них такой же чистоты работы, с какою исполнялась уборка приютскими питомцами.

Увидя полную возможность пользоваться в работах своих машинами, Тарасовский приют тотчас же потребовал в складе несколько жнеек для себя и других приютов. На жнейки, однако, в тот год поднялся такой спрос, что фирмы отказались их доставить и прислали для жатвы

особые приборы к сенокосилкам. Делать было нечего: пришлось воспользоваться этими приборами и приступить с помощью их к уборке хлеба, что и сделано было в Тарасовском и Лопуховском приютах.

При этом оказалось необходимым для сбрасывания колосьев с платформы посадить более крепких юношей, но больше всего принимать в работе личное участие самому смотрителю. Вязка хлеба в снопы, а там, где хлеб был низок, сгребание его в кучки производились вполне успешно за косилкою наличным числом питомцев. Каждое поле вычищалось затем конными граблями. Огромное значение машин для приютов нагляднее сказывается в следующих цифрах. Тарасовский приют снял хлеб собственными силами с 47 десятин и с 18 помочью. Красноярский же приют скосил сам, руками, из 32 десятин только 19, а Лопуховский, благодаря значительной раскиданности своих полей, из 57 десятин убрал своими силами только 16.

Тарасовский приют всю бы жатву исполнил сам, но, как пионер в машинной косьбе, понес и все неожиданности нового дела. Один из смазочных клапанов на оси эксцентрика был закрашен, и потому ось эксцентрика, быстро вращающего ножевой аппарат, недостаточно смазывалась и вследствие этого потерлась. По новизне дела не хватило догадки положить на ось ременный ободок для уменьшения трения: получился неправильный ход зубчатых колес, которые начали давать толчки, и чугунные части начали сбиваться. Пока возили потершиеся части в Саратов, за 150 верст, для починки, время ушло, и пришлось обратиться к общественной помочи.

Помочь есть обыкновенная форма труда в мелком деревенском хозяйстве. Случается, рабочих рук достать негде, а хлеб вызревает и может высыпаться. В праздник ни один мужик никогда не наймется работать за деньги, но на работу за угощение идет охотно. Желающий воспользо-

ваться помочью – будет ли он крестьянин, помещик или, в данном случае, приют – варит обед, покупает вина и браги и зовет к себе на работу всех соседей. Желающих набирается так много, что в один день исполняется масса работы, на каковую в будний день рабочих по рыночным ценам и не нашлось бы. Помочь обходится дороже рыночной платы за тот же труд, и употребляется она только потому, что иначе рабочих рук, даже и за увеличенную плату, достать невозможно. Приюты также ею пользуются, когда нужно исполнить какую-нибудь массовую спешную работу вроде уборки хлеба, привозки леса и т.п. Помочь не имеет принудительного характера и исполняется только желающими и, поэтому, совершенно отлична от таких работ, как общественные запашки и проч., почему исполняется крестьянами чрезвычайно охотно.

Урожай хлебов в 1894 году получился хороший, но на успешность сбора сильно повлияли проливные дожди, стоявшие все время возки хлеба. Здесь впервые сказалось неудобство большой раскиданности земельных паев, вызывавшей больше времени на переезды, чем самые работы. Как только проясняло, дети отправлялись в поле, но не успевали они доехать до места жатвы, как снова шел дождь и приходилось возвращаться иногда верст за 10, за 8.

Смолотить хлеб цепами или каменными катками, как это принято в крестьянстве, нечего было и думать. Благодаря открытому Тарасовским складом орудий кредиту приюты купили четырехконные молотилки, коими весь хлеб и был обмолочен; в молотьбе принимал участие и женский элемент приютов.

В то же время весь пар был взметан силами приютов и в августе месяце засеян рожью. Ручной сев нельзя было доверить детям, так как они могли разбросать семена неровно и тем уменьшить урожайность посева; плохому работнику также нельзя было доверить сев. Поднявшиеся же цены на

рабочие руки, и главным образом совершенное отсутствие их, побудили снова обратиться к машинам. Для замены рассевальщиков семян приюты приобрели рядовые сеялки, которые дали возможность и ускорить, и улучшить сев.

Сеялки эти, работы г. Эрта, очень просты по конструкции и, главное, сравнительно дешевы. В то время, как сеялка Эльворти стоит 350 руб., сеялка г. Эрта в настоящее время стоит 80 руб. Семена этими сеялками укладываются в землю ровно, аккуратно и отлично ими заделываются. Требуют они предварительной хорошей разделки поля. Очень еще важное преимущество их заключается в том, что они дают возможность сэкономить семян по полтора пуда на десятину против ручного сева. Производительность их равна 6 десятинам в день при работе одного юноши на паре лошадей. Управление ими можно свободно доверить смышленым мальчикам.

Проливные дожди, стоявшие всю осень, не дали возможности взметать жнивье под яр 1895 г., которое не только приютами, но и крестьянами, и помещиками, почти повсюду в том году приготовлено не было.

Хороший урожай вполне оправдал ожидания: каждый приют собрал хлеба гораздо более того, что ему требовалось на продовольствие. Тарасовский приют, кроме того, удовлетворил от своего скота и потребности в мясе и шерсти.

Таким образом, в первый же год, если не считать пробы 1893 года, сельскохозяйственные приюты достигли своей цели и дали полную возможность удовлетворить потребностям своим в хлебе, мясе и шерсти от своего хозяйства, собственными силами. Оставалось лишь развивать свое хозяйство далее – так же добыть материалы для одежды и обуви. В этих видах был исчислен потребный для приютов штат рогатого скота, овец и свиней; установлен размер конопляников, и исчислено то количество удобрения, которое надо было положить в них и в огороды, и какое могло по-

лучиться от скота, содержимого по размерам приютских хозяйств сообразно сбору кормовых продуктов. По расчету оказалось возможным добыть кожи дли обуви от своего стада, холст со своих коноплянников.

Между тем источники содержания приютов иссякали. Расходы на администрацию, мастеров, учителей и работников, на отопление, освещение и ремонт были довольно велики, составляя около 1000 р. в год на приют. Озабочиваясь дальнейшею судьбою питомцев, советы, взвешивая полученные результаты от первых шагов в сельском хозяйстве, пришли к убеждению, что сил питомцев достаточно для некоторого расширения полевого хозяйства, которым можно было бы покрыть значительную часть денежных расходов, и что добавочное хозяйство можно уже смело вести наемным трудом в том расчете, что при удаче получится доход, а при неудаче, сводя концы с концами, ущерба для приютов не будет. Таким образом, была поставлена задача: удовлетворить всем решительно потребностям приютов их собственными силами. Эта мысль показалась утопией для лиц, не знающих сельского хозяйства или не желающих глубже вникнуть в сущность приютской жизни, но кажется самою простою для жителей деревни.

В самом деле, представим землевладельца, проживающего в городе на те доходы, что дает ему имение, управляемое наемным лицом. Своим потребностям, при средней доходности имения, землевладелец, допустим, вполне свободно удовлетворяем от 1000 десятин земли. Если землевладелец переедет на постоянное жительство в деревню и с помощью членов семьи своей начнет сам заведовать имением, то он тотчас же получит экономию от сокращения расходов на квартиру в городе, стол и, главное, приказчиков в имении и, следовательно, получит полную возможность для удовлетворения своим потребностям сократить размер запашки с 1000 десятин хотя бы до 700. Если же семья его

примет более горячее участие в работах – сыновья станут управлять машинами – молотилками, жнейками и проч., а дочери займутся молочным хозяйством, птицеводством и кухнею, то он настолько сократит свои расходы на мастеров в имении, что для покрытия своих расходов ему достаточно будет иметь 400 десятин земли. Жизнь в деревне много проще городской, землевладелец начнет сокращать свои расходы на платье, обувь, питаться менее изысканною пищею, и дойдет до того, что, вместо 400 десятин, ему понадобится лишь 200. Постепенно понижая уровень своих потребностей и увеличивая напряженность своего личного труда, землевладелец все более и более станет понижать размер своей запашки, пока не дойдет до того, что, исполняя даже все работы силами своей семьи и упростив самую жизнь до последней возможности, не встретится с предельным количеством запашки, менее которой делать он уже не может без ущерба для своей жизни.

Так же и крестьянские приюты. Если предоставить каждому из них во владение по 500 десятин земли, что же будет удивительного, если с помощью наемных рабочих они удовлетворят своим незатейливым потребностям крестьянского быта и покроют все необходимые денежные расходы? По мере же того как питомцы станут принимать участие в работах личным трудом, расход на наемных рабочих будет сокращаться, вследствие чего постепенно будет уменьшаться и количество потребной на удовлетворение расходов по найму рабочих запашки, пока последняя не дойдет до известного предела, ниже которого приюты существовать самостоятельно, даже и при крестьянской обстановке, не могут. Найти этот предел и составляет задачу советов всех сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи.

Для каждой местности предельное количество запашки будет различно, смотря по существующему среднему уро-

жаю и прочим условиям в виде наличности леса, могущего идти на топливо, хорошей земли, лугов и проч. Для Камышинских приютов, при 70 питомцах в каждом из них, размер запашки можно определить в 70–90 десятин. Предполагая урожай пшеницы в 40–80 пудов, при цене 50–70 копеек за пуд, из показанного числа десятин должно быть засеяно пшеницею, на удовлетворение годовых денежных расходов, исчисляемых для каждого приюта в 1000 р., 50–30 десятин; остальная же запашка вполне покроет непосредственную потребность приютов в хлебе. Ведение хозяйства в показанном размере не составляет труда для приютов, и в 1895 г. каждый из них имел около 70 десятин в посеве.

Для Тамбовской, Пензенской, Воронежской и других губерний, где средний урожай 100–150 пудов с десятины, количество запашки потребуется для приютов вдвое меньшее и вместо 70–90 десятин достаточно будет иметь 35–40 десятин.

Чем плодороднее земля и чем богаче приютское имение для развития побочных отраслей сельского хозяйства, тем меньше потребуется для приютов физических усилий добывать себе кусок хлеба и тем легче для них исполнять другие, не менее важные назначения свои – быть для питомцев сельскохозяйственными и ремесленными школами, а для населения, кроме того, еще и образцовыми фермами.

VIII. Третий год сельского хозяйства

«На Бога надейся, а сам не плошай»
Народная пословица

Сельское хозяйство приютов в 1895 году получило уже вполне определенную форму. Оно перестало казаться тем пугалом, чем было до открытия жизни приютов. Вра-

ги замолчали. Ранее они отрицали возможность для детей пашни, затем продуктивность ее, наконец, воочию должны были убедиться в своем заблуждении, и им остался только один путь – критика работ и положения приютов: «И хозяйство-то плохо, и пища плохая (помилуйте, детей салом кормят!), и одежда оборванная!» Но победа уже была одержана: по существу идеи никто возражал.

Приюты получили возможность с бо́льшим вниманием заняться своим хозяйством. Они обратили внимание на те неудобства, что возникают от разбросанности земельных паев, и обратились с просьбами к сельским обществам отводить их к одному месту. Большинство согласились и наметили план образования приютских полей в одном или двух, трех местах волостей […]. [Шло] постепенное образование этих полей путем сведения разбросанных земельных паев к двум местам волости, на границах: одно Лопуховского и Березовского обществ, а другое Громковского, Терехинского и Кондальского. Единственным противником соглашения явилось Красноярское общество. В то время как все остальные хутора этой волости охотно сводили пайки к одному месту и некоторые нарезали для приюта землю, несмотря на то что приют не имел даже прав ее получить за отсутствием в составе его питомцев из сирот того хутора, Красноярское общество отказалось от этого. Приют нашел тогда более для себя выгодным снять сплошной участок земли у Астраханского казачьего войска, рассчитывая, что потеря времени на переход с одного пая на другой в рабочую пору […] после того станет много дороже, чем арендная плата. Опыт подтвердил его соображения, и это побудило его снять в аренду землю на продолжительный срок.

Все три приюта имели в этом году от 50 до 70 десятин земли в запашке, а летом подняли пар, посеяли рожью, осенью же приготовили под яр на 1896 год то количество земли, какое каждым из них установлено сообразно качеству земли. […]

Полевые работы производились питомцами уже без всяких затруднений. С машинами освоились и научились отлично не только управлять ими, но и сбирать, и разбирать их, и даже отчасти чинить.

К сожалению, весь правый берег Волги – Саратовский, Камышинский и Царицынский уезды – поражены были летом 1895 года страшною засухою: с марта месяца по 15 августа не выпало ни капли дождя. Всходы хлебов в самом начале прозябания были захвачены засухою, а некоторые, вроде проса, даже совсем не взошли. Рожь подавала было блестящие надежды вследствие обильных осенних дождей, но и ее запалило солнцем. Пруды, колодцы поиссякли. Скота напоить было негде. Корма повыбились. В половине августа мелкий скот начал уже падать от истощения, но, по счастью, полил дождь, и то, впрочем, ненадолго. В Тарасовском приюте большой пруд его совершенно высох; вода из колодцев поиссякла, так что огород поливать было нечем и помпы его бездействовали. В самой же слободе не хватало воды напоить быков. Засуха погубила посевы. Урожай получился очень плохой, гораздо хуже, чем в памятный 1891 год. Не будь у населения запасов хлеба от прошлого года, не проданных за дешевизною цен, голодовка была бы неминуемою. Вместе с крестьянами потерпели и приюты. Они вынуждены покрыть недостающее по смете на 1896 г. до будущего урожая количество хлеба остатками от урожая 1894 г., но, может быть, в 1896 году такого несчастья не будет, и приюты в этой надежде по-прежнему приготовили 70–75 десятин в обоих полях. Во всяком случае, если сами дети и не покроют даже трудом своим денежных расходов […], расход по 30–50 р. на ребенка, при условии не только воспитания, но и обучения его, составляет низшую цифру против 70–137–328 р., падающих на ребенка в Саратовском, Казанском, Курском и других приютах для подкидышей, находящихся в условиях воспитания далеко ниже с таковы-

ми в Камышинских приютах, а именно отдаваемых в деревни за плату, а по мере подрастания в прислуги.

Заключать же из одного неудачного в урожайном отношении года о несостоятельности девиза приютов «самостоятельное существование» нет достаточных оснований, так как сельское хозяйство – не такое занятие, что может сразу развиться: купленные сегодня овцы не дадут же завтра приплода, а если и дадут, то приплод этот нельзя тотчас же обратить в пищу или воспользоваться его продуктами – шерстью, молоком. Нужно время для того, чтобы стадо совершило свой годичный цикл и ежегодным приплодом ремонтировало застаревшие части; равным образом нельзя сразу удобрить землю, особенно коноплянники, – нужно несколько лет подряд ухаживать за землею, чтобы сделать ее настоящею кормилицею.

Каждое живое дело требует – не опускать при неудачах рук, а расследовать причины неудач и отыскивать способы к их устранению. Камышинские приюты так и сделали: с истощенною почвою начали бороться путем удобрения травосеянием, опыты которого начались с 1895 года во всех приютах после того, как Тарасовский приют, побывав осенью 1894 г. на Воронежской сельскохозяйственной выставке и получив в подарок дорогостоящие семена трав, поделился ими с остальными приютами. Всходы люцерны, эспарцета, тимофеевки и клевера были хороши, и есть надежда, что первые два вида привьются в местности, тем более что люцерна, посеянная в количестве одного фунта на усадьбе Тарасовского приюта в 1894 г., на второй год дала очень хороший рост.

С засухою приюты борются посредством искусственного орошения: на полях Красноярского приюта поставлены щиты для задерживания снега, весною последний покроется соломой и медленным таянием своим даст возможность увлажить почву на пяти–десяти десятинах в самое важное

для засушливого Камышинского уезда время – раннею весною, когда наклевывается рост хлебов. Но на все это нужно время. Этого многие не понимают и на основании того, что за два года своего сельского хозяйства приюты еще не оправдали своих денежных расходов, заключают об утопичности идеи. Осуществление идеи началось в местности, далеко не благоприятной для земледелия по качеству земли и климату; кроме того, ей мешали различные побочные обстоятельства. И если, несмотря на целый ряд совершенно внешних препятствий, удалось все-таки достигнуть цели и оправдать материальные расходы, то при благоприятных условиях это не составит затруднения.

Так, например, в одном имении Сердобского уезда Саратовской губернии было в 1895 году столько же в запашке десятин земли, сколько и у приютов, а именно – 70 десятин. Но всякого рода хлебов – ржи, пшеницы, овса, гречихи, подсолнухов и пр. – собрано около 5000 пудов. Урожай по местности был средний. Будь, следовательно, приюты в Сердобском уезде, они с излишком оправдали бы от своего хозяйства свои потребности, с денежными включительно.

Огороды, благодаря безводию, в этом году сильно потерпели, но удовлетворили бóльшую часть потребности. Озимые всходы, несмотря на поздний сев, были недурны и подают хорошие надежды.

Стадо во всех приютах значительно увеличилось, так что теперь можно считать количество животных дошедшим до своего нормального предела.

Птицеводство также было в полном комплекте, хотя приплод этого лета получился не особенно удачным.

Новою отраслью сельского хозяйства для приютов явилось с 1895 года пчеловодство в Тарасовском и Красноярском приютах. Тарасовскому приюту одним из священников подарены были два улья, а Красноярский купил тоже два улья; Лопуховскому один улей подарили только

осенью. Все ульи рамочные, а в Красноярском приюте – американской системы, со съемным запасным магазином. Учитель местного начального народного училища, побывавший на курсах пчеловодства в Мариинском земледельческом училище, г[осподин] Добров, руководил уходом за пчелами и провел с питомцами приютов несколько бесед по рациональному пчеловодству. Был сделан опыт искусственного образования нового роя, и вполне удачно. В обоих приютах питомцы полакомились медом, которого собрали по 30 фунтов. Для пчел посеяны были медоносные травы, благодаря которым только и удалось поддержать жизнь пчел во время засухи. Дети, и мальчики, и девочки, присматривались к пчеловодству с живейшим любопытством.

Красноярский приют подсадил в саду у себя яблонь и различных ягодных кустов, но засуха также помешала успеху. Воды в реке Медведице настолько убыло, что конец трубы поставленного над рекою насоса вышел наружу, и потому он не действовал. Поливать же бочками не было вовсе времени. Приют отыскивает средства к устройству колодезя, предполагая, выкопав колодезь, соединить его затем трубами с рекою, а в колодезь поставить насос или чигирь (колесо с ведрами на бесконечном ремне).

IX. Сельское хозяйство

«В поте лица будешь ты добывать хлеб свой»[1]

Настоящая книга написана с целью дать движение к развитию сельскохозяйственных приютов. Поэтому поми-

[1] «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19).

мо описания, для большей убедительности исторического хода развития сельского хозяйства приютов, признано было полезным дать общую картину постановки сельского хозяйства в крестьянских приютах сообразно тем указаниям, какие даны были опытом.

В сельском хозяйстве приютов нужно всегда стремиться применить науку, где только возможно. Оно должно быть крестьянское, но с улучшенными приемами, так как последние сберегают время, труд, силы и сельскохозяйственные подсобные материалы. Присутствие машин, травосеяния и удобрения нисколько не изменяет характера приютов как крестьянских семей, так как и последние, не будучи даже грамотны, как это мы видим на пример смоленских, вятских и олонецких крестьян, вводят у себя и удобрение не только навозом, но и искусственными туками, и травосеяние, и искусственное орошение, как это искони ведется по всему Закавказью, Туркестану, Бухаре и проч. нецивилизованным странам, и даже машинное хозяйство: не только на юге России, но даже в Саратовской губернии крестьяне что побогаче заводят уже жнейки.

Семена должны употребляться самые лучшие, отборные, чтобы работа детей даром не пропадала.

Огороды приютов и сады нужно разбить так, чтобы полив возможно было совершать самотеком, накачивая воду из насоса или чигирем, и непременно животною силою. Расход на насосы не составит более 150 руб., но настолько сократит работу, что выгодами от последнего расходы вернутся года в два. Самый огород удобнее всего разбить на четыре части для того, чтобы удобрять ежегодно только одну часть, введя четырехгодичный севооборот: капуста по первому году удобрения, свекольные по второму, бобовые по третьему и картофель по четвертому. Такой порядок дает отличную экономию на удобрении, необходимом, кроме того, для поля или, в степной

местности, на кизяки. Огород должен быть непременно возле усадьбы приюта, чтобы смотрительница могла ежеминутно наблюдать за работою. На штат приюта в 80 человек огород необходимо разбить на пространстве не менее одной десятины.

Птичники лучше всего устраивать по системе Райта, в виде шалашей, из досок. Куры отлично проводят в них зиму, и они очень хороши для быстрой чистки и проветривания. Для каждого рода птицы полезно устроить отдельный двор; для водяной птицы – недалеко от колодца или пруда.

Штат скота на пищу и одежду свободно устанавливается из сметной ведомости, помещенной в последней главе. Чем лучше сам по себе скот, тем полезнее он для приюта. В пищевом отношении чрезвычайно выгодны свиньи. Масса отбросов на кухне дает возможность легко выкармливать их, а огромная продуктивность выкорма в сале, составляющем основной приварок за все время полевых работ, значительно облегчает снабжение питомцев пищею. Хлева должны быть так расположены, чтобы дойники, свинарники, и те из них, где откармливается скот, были возле кухни, чтобы девочкам было легче носить им корм. На штат в 80 детей необходимо держать не менее десяти породистых маток [свиней].

Состав и количество рабочего скота находится в прямой зависимости от качества и количества лугов. Преимущество воловьей запряжки состоит в том, что волы питаются зимою соломой, а летом подножным кормом; для лошадей же нужно брать запасы сена и овса, и, кроме того, в случае негодности к работе рогатый рабочий скот может быть обращен на пищевое довольствие. В интересах прокорма, таким образом, волы дешевле лошадей, но зато – для воловьей запряжки требуется усиленное количество рабочих рук. Одна лошадь заменяется парою волов, и на пароконный плуг нужно две пары волов; на

переднюю пару, следовательно, непременно погонщик. На трехконный плуг необходимо иметь уже двух погонщиков, тогда как при лошадиной пашне управляется, даже с тройкою лошадей, один плугатор, и, таким образом, при воловьей запряжке рабочие силы приюта ослабляются. Мальчики-погонщики, не будь пашни, занялись бы тем временем пастьбой скота или огородною работой или, наконец, ремесленной. В случае дальности поля от усадьбы или раскиданности земельных паев по разным местам воловья запряжка совершенно препятствует обработке земли, благодаря медленности передвижения. Быки идут от двух до трех верст в час, тогда как на лошади, шагом только, можно сделать пять верст в час. В весеннее время, когда дорог каждый час, медленность перехода с одного места на другое сильно мешает успешности работ, почему Тарасовский приют, несмотря на дороговизну пропитания лошадей, нашел для себя более выгодным заменить большинство воловьей запряжки лошадьми. Во время возки снопов медленность перевозки на быках становится еще чувствительнее, а в ненастное время, как памятный 1894 г., только те хозяева и получили сухой хлеб, кто имел лошадей. Для Красноярского приюта, снявшего в аренду на долгий срок целый участок, и для Лопуховского, коему отвели землю в двух местах, есть расчет, поставив хутора на поле и обмолачивая там же хлеб, иметь в работе быков, но для таких приютов, земельные паи которых разбросаны на далеких между собою расстояниях, воловья запряжка, безусловно, невыгодна, так как потеря времени в горячую страдную пору на передвижение обойдется много дороже расхода на корм для лошадей.

Если приют учреждается крестьянский и землю его предполагается составить из земельных паев питомцев, то необходимо променивать дальние паи земли на ближние, хотя бы даже с приплатою. Убыток, получавшийся

от потери времени на переезды, настолько велик, что является вполне уместным тратить деньги. Наконец, на узких земельных участках почти невозможно работать жнейкам. В Тарасовском приюте в 1894 г. случалось на переезд тратить целый день, а работать два часа времени, так как земельные паи раскинуты были на 28 местах, по одной, две, даже полдесятины и на расстоянии 7, 8, даже 12 верст. Концентрация полей […] вполне возможна на границах, где сходятся владения сельских обществ. На плане (Лопуховского приюта. – *Д. С.*) отмечены два предположенных к образованию поля: одно – на границе Березовского и Лопуховского обществ, и другое – на границах Громковского, Кондальского и Терехинского. Сперва, в 1894 г., земельные паи были раскинуты по всему полю, на 15 местах; на следующий год они стянулись уже к шести местам, а на 1896 год находятся только в трех местах, имея наклонность сходиться к границам владений обществ. Постепенное образование полей отмечено на плане штрихами. Повторение их один по другому показывает, что одно и то же место было в распоряжении приюта в течение всех трех лет. С новым законом о переделе земли на 12 лет организация полей еще более облегчится, так как соседние крестьяне с удовольствием променяют свои паи на другие при некоторой приплате: в Кондальском обществе два земельных пая сменены на два пая в Лопуховском поле, так как в с[еле] Кондалях проживает один крестьянин из с[ела] Лопуховки, и ему также трудно пользоваться землею за дальностью расстояния. Этот же закон даст возможность не только приюту, но и крестьянам ввести удобрение полей, орошение и травосеяние; в настоящее время при ежегодном переделе земель нет смысла тратить капитал в виде покупки семян трав и удобрения на один год, так как последние могут дать доход только через два, три года. Получив свои участки на 10 лет, приюты в со-

стоянии будут их лучше культивировать. Лопуховский приют в этом отношении уже двинулся вперед.

В Тарасовском приюте поля будут образованы в четырех местах, так как там 11 хуторов. Благодаря неподходности условий севооборота поля могут быть образованы не ранее трех лет, но уже на второй год, вместо 22 участков, получилось 15, а на третий – 10. Красноярский приют не мог этого добиться и оставил надельную землю, сняв в аренду 105 десятин земли на 16 лет, за 12 верст от приюта у соседнего землевладельца. Там он устроил себе хуторок, приступив к травосеянию и к первым опытам искусственного орошения. Платимая им арендная плата в 200 рублей может быть покрыта отдачею, в свою очередь, в аренду тех паев надельной земли, что принадлежат его питомцам.

В каждой местности возможно ввести травосеяние. Оно удобрит почву и даст отличный корм. При этом, смотря по траве, вводится четырехпольная или шестипольная система. Вот какой севооборот установлен в Красноярском приюте: 1) рожь, 2) пшеница с посевом клевера и эспарцета, 3) трава, 4) трава, 5) просо или другие яровые растения – подсолнух, горчица, лен и 6) пар.

Искусственное орошение не составляет решительно ничего трудного. Если нет удобных балок для задержания воды, есть всегда полная возможность оросить несколько хотя [бы] десятин скоплением зимою посредством щитов снега на высоких местах и, затем, медленным таянием его, под прикрытием навоза, весною, когда так дорога малейшая влажность почвы, сохранить влажность почвы в первое хотя время роста хлебов. В 1895 году такой опыт уже введен в Красноярском приюте.

Для пашни необходимо иметь хорошие плуги. Необычайно легки и отлично работают двухколесные плуги Воронежского Товарищества Столль и К° № 5. Количество их должно определяться, кладя на каждый плуг работы по ¾

десятины при лошадиной запряжке. Они, в сущности, делают больше, но расчет лучше делать осторожно. Двенадцатилетний даже ребенок свободно управляет ими.

Пашня должна совершаться всеми плугами вместе, как и вообще все работы, чтобы смотритель не разбрасывался в надзоре. Присутствие его на пашне должно быть вменено ему в обязанность. Смотритель, не бывающий на пашне, не пригоден для приюта. Если надлежит обрабатывать надельную землю, разбросанную по частям, то поневоле приходится разбиваться на партии, но это вызывает излишний расход по топливу во время варки пищи, да и на самую пищу. Во всяком случае, вторая партия вверяется надзору работника или, при отсутствии его, старшего мальчика.

Сев необходимо совершать и руками, и рядовою сеялкой: первый для практики, чтобы дети, вернувшись в крестьянство, были бы готовы к крестьянской работе, а второй для скорости и чистоты сева. Каждому старшему мальчику Камышинских приютов назначается по полдесятине для ручного рассева семян в весеннем и осеннем севах, и притом разных хлебов, так как рассев легких или тяжелых семян, крупных или мелких, требует особенную сноровку для каждого рода. Ручной сев совершается только в одном месте, чтобы наглядным затем сравнением всходов питомцы могли бы скорее ознакомиться со значением правильного рассева семян. Бороньба совершается маленькими мальчиками верхом и обыкновенными боронами.

Для машинной работы оказывается чрезвычайно пригодною сеялка г. Эрта в г. Саратове. Она проста по конструкции, легка – на две лошади, весьма продуктивна и вполне соразмерна с возможностью управиться одному человеку и, что всего важнее, не опасна в смысле поломки. Заделка ею семян не оставляет желать ничего лучшего; мало-мальски смышленый мальчик управляет ею свободно. Для приютов

необходимо две или три таких сеялки, особенно на юге России. Сухие ветры там быстро иссушают почву, и они помогут исполнить сев вовремя, что имеет очень важное значение. Сложные же дорогие сеялки заводить можно лишь при наличности в приюте опытного агронома.

Для сенокошения очень хороши сенокосилки Вуда. Первое время, пока лошади не привыкнут ходить правильно, на одну из лошадей садится верхом мальчик, а затем отлично приспособляются работать и без верховых. Сенокосилками можно работать также и на волах. Небольшие неровности почвы не имеют значения для работы. С мертвою точкою эксцентрика знакомятся быстро и отлично наблюдают за своевременною смазкою машины нефтяным маслом. В описываемых приютах на второй год пользования косилками они уже не портились. Во время обеда и вечером двое детей, особо приставленных к тому, тщательно вычищают нож от грязи и самую машину от пыли. Это необходимо для правильности работы и сбережения машинных частей. Сенокосилка, при достаточном кошении лугов, окупится в 4–5 лет от экономии на рабочей наемной плате. Вместе с тем дети не забывают косьбы и руками. Для этого остается еще много работы по лощинкам, овражкам, на горках и на сырых местах, так как сырую траву нож сенокосилки не берет.

На сенокошение отправляется и женский элемент. И ему работа облегчена. Конные грабли совершают бóльшую часть работы. Девочкам остается только практиковаться. Сенокос составляет самую веселую работу в крестьянстве, как для больших, так и малых, и потому на время сенокоса в приютах остается только самое необходимое число рабочих рук, а все остальные отправляются на луга, как на праздник.

Для уборки хлебов необходимы жнейки. Стоимость их, 165–185 р., вполне это дозволяет. Гораздо, однако, по-

лезнее приобретать жнейки с самосбрасывающим аппаратом. Переплата лишних 100 р. за жнейку завода Адрианс Плат вполне вознаградится большею продуктивностью работы. Частою сменою на ней юных работников, 16–17 лет, явится возможным давать им достаточно отдыха для правильной работы, требующей больше искусства, чем физической силы. Но и при жнейках питомцам еще много ручной работы косами. Дети косить очень любят. Смотрителей нужно обязать принимать в ручной косьбе личное участие. Тогда работы имеют более семейный характер и дети дружнее работают.

Девочки отлично вяжут снопы. За хорошим косцом иногда надо ставить их по две. За машиною вполне свободно управлялись 8–10 пар женских рук; при недостатке их в вязке снопов принимали участие и мальчики. Жать, благодаря низкому росту хлебов, приходилось мало, но этот род работы необходимо вводить в приюты хотя бы для практики.

Весьма важною работою является возка хлебов. Складывать скирды нужно умеючи, чтобы дождь не пробивал их и хлеб не прел. Для укладки необходимо приглашать взрослого рабочего, поденно; кроме того, самая подача снопов на верх клади составляет весьма тяжелый труд.

Для молотьбы лучше всего пригодны были бы сложные молотилки и с керосиновым двигателем. Затрата на последние, несомненно, была бы производительною. Керосиновые двигатели теперь достаточно дешевы. Между тем они были бы пригодны и для насосов, и для мельниц, да и для каких-нибудь еще других машин. Небольшой размер их, легкость передвижения, простота конструкции, дающая возможность обходиться без механика, и, наконец, малый на них текущий расход заставляют отдать им предпочтение против конных приводов. В случае постановки приюта на образцовую ногу будет вполне резонным воспользоваться этим новым изобретением.

Что же касается самых молотилок, то, принимая во внимание их все-таки высокую стоимость, на четыре лошади не менее 300 р., и необходимость покупки веялки и, главное, ту массу работы, которую они требуют сперва на умолоте, а затем на вейке, явится вполне основательным затратить, конечно, при возможности, вдвое более на сложную молотилку, которая даст за то уже готовые зерна. Сложные молотилки теперь можно купить на 6–8 лошадей за 500–600 руб. с приводом. Для приюта с небольшими средствами, при наличности хорошего молотильного сарая, можно будет обойтись и малою молотилкою, на две лошади, но только работа на ней возьмет очень много времени, необходимого для приюта на изучение ремесел и на обучение наукам.

В каждом приюте рекомендуем иметь по небольшой сортировке – для отделки зерна на семена и на продажу. Приют сам употребляет много зерна на свои непосредственные нужды, потому хорошая отделка зерен ему убыточна не будет, так как низшие сорта пойдут в пищу, но зато даст ему возможность бросать в землю всегда здоровые семена и обеспечить тем урожай, и, кроме того, за зерно получить хорошую рыночную цену для пополнения своих денежных расходов.

Приступая к полевому хозяйству, надлежит позаботиться постройкою потребных служб. Желание сэкономить расходы ведет подчас в очень большие убытки. Тарасовский приют не имел собственного амбара, но складывал хлеб в общественный магазин. В январе 1895 г., во время молотьбы хлеба, за отсутствием крытых сараев, на открытом току, после сильных морозов вдруг полил дождь, шедший три дня. Пшеница была уже обмолочена и лежала на току огромным ворохом. Дождь не только промочил хлеб, но образовал на току лужу. Взять хлеб тотчас же было нельзя, так как овраги забушевали и проехать к гумну не было возможности. За неделю же пшеница стала мокрою. Смотритель общественного магазина отказался принять сырой хлеб; амбаров на-

нять было не у кого; пришлось сложить пшеницу в большой комнате приюта. Пшеница начала преть еще на току, а в теплой комнате еще и более. Фирмы зерносушилок отказались доставить их раньше месяца. Наскоро сложили печи из железных листов, кое-как просушили хлеб, но потеряли свыше 400 пудов пшеницы, стоимостью далеко выше амбара.

Для тех приютов, которые расположены далеко от мельниц, прямой расчет приобрести мельницы к конному приводу или керосиновому двигателю. Они дадут прежде всего экономию на плате за помол. Предполагая, что в приюте потребляется в год 1500 мер зерна, получим экономии для приюта от собственной мельницы на помол 1500 гарнцев, составляющих 185 мер. Это количество муки, вместе с мучною пылью для скота, составит очень хорошую экономию для приюта. Мало того, при завозе на мельницах являются и помольщики, своими гарнцами дающие очень хорошую поддержку. Правильная постановка этого дела даст возможность кормить весь скот в приютах даром. В то же время управление мельницей совершенно безопасно и свободно может быть доверено смышленому 15-летнему мальчику.

Усовершенствованные приемы хозяйства и машинный труд дают возможность усилить урожай и облегчить уборку полей, и таким образом сократить размер запашки и количество возлагаемого на обработку земли труда, т.е. сэкономить время, столь необходимое для остального хозяйства, на изучение ремесел и обучение грамоте.

X. Домоводство

«Порядок заведешь – сыт будешь»
Из народных побасенок

Жизнь приютов течет совершенно по-семейному, в обыденной крестьянской обстановке и в точности согласно мест-

ным обычаям, без малейшего общепринятого внешнего вида закрытых воспитательных заведений или школ: нет ни звонков, ни салфеток, ни скатертей, ни заранее составленного разделения по часам занятий, кроме часов для ученья, если для преподавания грамоты приглашен отдельный учитель.

Встают утром, с рассветом, а зимою с огнем. Мальчики тотчас же отправляются кормить скот и чистить хлевы, колоть дрова, а девушки кормить птицу, доить коров, готовить пищу. Работы, которые при небрежном исполнении не могут иметь серьезных последствий, питомцы отправляют по дежурству; те же, кои могут иметь дурные последствия, например, корма животных, поручаются на месяц или менее кому-нибудь одному, а затем передаются другому. К завтраку все собираются в кухню и, умывшись, читают все вслух и поют молитвы. За пищу садятся после утренних работ голодные и едят, поэтому, с аппетитом. Две дежурные по кухне девушки разливают кушанье по чашкам, помощница ставит их на стол, который покрывается скатертями только в большие праздники. Вся семья, и смотрители, и работники, и дети, усаживается вместе за длинный ряд столов; старшие нарезывают всем хлеба, пред каждыми четырьмя ставятся чашки, а едят деревянными ложками.

Пища готовится, смотря по народности. В русских приютах – Лопуховском и Бурлукском – щи, каша с салом или постным маслом, вареное мясо; кислое молоко, пшенник; сало с кашею и ливером; свекольник, студень и пр. В малороссийских – Тарасовском и Красноярском – галушки, борщ, вареники, кабанье сало и также каша, мясо и проч. На завтрак готовится одно блюдо, на обед и ужин по два; по праздникам завтрака не бывает, но пекут зато пироги с разной начинкой – с мясом, капустой, творогом, горохом, кашей, морковью, а иногда и ягодами.

После завтрака начинаются ремесленные работы до обеда, после которого снова задают корм скоту и продолжа-

ют ремесленничать. Если день уже долгий, около 4–5 часов полдничают – закусывают хлеба с молоком или огурцами, кашей, капустой.

После полдника снова задают скоту корм и, когда девушки подоят коров, садятся за грамоту. После нее ужинают и общею молитвою кончают день. Мальчики задают скоту корм на ночь и ложатся спать, а девушки прядут до первых петухов, напевая песни. Ночью старшие мальчики один раз встают и осматривают скот.

Летом ни грамоты, ни ремесел – нет. В это время не до них – разве только случится какая-нибудь починка. Для женской половины общий обиход и летом не нарушается.

Спят оба пола по разным комнатам. Если работник и работница супруги, то для них отводится особый уголок в кухне. Если нет, то работник спит вместе с мальчиками. В поле ночуют в холщовых палатках, на земле, подстилая войлочные полости. Варят себе там пищу в котелках, чем обыкновенно занята дежурная девочка, если и женский элемент работает в поле. В противном случае пищу варят мальчики, по очереди. Случается, в поле весною настигает буря с дождем и даже снег, но дети так закаляются простым образом жизни, что перемена погоды для них нипочем. Там, где поля отведены постоянные, – там вырывают они себе землянки.

Одежда носится также согласно местным обычаям: малороссы – белые рубахи и штаны, а русские – пестрядинные; по праздникам же во всех приютах кумачные. Впрочем, малорусские приюты приучают детей, начиная с маленьких, носить и пестрядинную ткань, к которой «хохол» относится с чрезвычайным пренебрежением, одинаково отплачивает ему и «москаль», ни за что не соглашающийся надеть белый костюм. Девушки носят также, сообразно народности, разного покроя сарафаны, причем хохлушки надевают монисты, т.е. ожерелья с большими

оловянными крестами, а русские девушки – разноцветные бусы. Невесты надевают серьги и кольца, а хохлушки украшают еще свои головы красивым убранством из платков. Кафтаны шьются из домашнего сукна-сермяги, шапки вяжутся из шерсти, а для лета покупаются картузы. Зимою носят обыкновенные полушубки, с валенками, овчинными рукавицами или варежками.

С наступлением теплого времени дети ходят босиком. Для работ мальчикам на поле шьются сандалии или так называемые опорки, вроде туфель, а в холодное время носят обыкновенные мужские сапоги, которые шьются также и для больших девушек в малорусских приютах кроме черевик, т.е. низких башмаков. Русские же девушки сапоги надевать стыдятся.

Одежда дается каждому на определенное время. Кто изорвет свою по небрежности, тот ходит в заплатанной. Полушубок положен на три года, кафтан на два года, а белья в год три смены будничной и две смены праздничной. Старшим всегда шьют новую одежду, а младшим перешивают старших.

Каждую субботу обязательно топятся бани. Стирка белья совершается в них же. Для ускорения работ чрезвычайно полезно ввести прачечные машины. Смена белья совершается еженедельно. Кроме юношей-женихов и девочек свыше 8 лет, дети ходят стриженными. Стрижка исполняется старшими мальчиками посредством машинки.

Топка печей производится дровами или кизяком (кирпич навоза). Последний приготовляется самими питомцами. По линиям железных дорог, в степных местах, выгоднее отапливать нефтью, что и вводится уже в приютах. Нефтяное отопление имеет огромное преимущество пред всякими другими: оно удешевляет топливо, позволяет рассчитывать отопление по весу, сохраняет массу времени, бесплодно тратящегося на колку дров, и безопасно в пожарном отношении.

Скот пасется или в стадах общественных, причем приюты также участвуют в плате пастухам за скот, или же самими детьми, если есть для выпаса место. Девочки пасут птицу и поросят, пока последние еще дома. Пастьба остального скота поручается детям от 8-летнего возраста, причем пастьба взрослых животных совершается под наблюдением, непременно, надежных подростков.

У каждого пола свое занятие. Из хозяйственных работ на женском лежит приготовление пищи, печение хлебов, стирка белья, мытье полов, топка печей, уход за молочным скотом, приплодом и птицею и откармливание животных на убой, а летом стрижка овец, обработка огорода и полив его, полка хлебов, уборка, совместно с мальчиками, сена и хлебов, и молотьба, заготовление осенью овощей, мяса и прочих запасов и, наконец, воспитание маленьких детей.

На мужском – чистка хлевов, двора, колка дров, кормление скота, проездка по хозяйственным делам и все полевые работы: мальчики, не отправляющиеся в поле, пасут быков, овец, свиней и работают в огороде.

Таким образом, один пол взаимно дополняет в домашнем быту приютов другой. Если бы не было женского элемента в приютах, то для приготовления пищи и других домашних работ пришлось бы нанимать кухарок, птичниц, коровниц и проч.; если бы не было мужского – пришлось бы покупать хлеб, мясо, держать дворников, кучеров, пастухов. Ни один из детей, начиная с шестилетнего возраста, не является бременем для приюта – каждому из них дано свое занятие. Самые маленькие, пяти, шести лет, и то работают: караулят огород от воробьев. Детям шалить некогда, и потому жалобы на опасные шалости, вроде разведения огня в соломе, столь частые в деревенском быту, не раздаются вовсе. Даже зимою, и то крохотные дети помогают: они держат пряжу, когда старшие разматывают нитки, щиплют перья и, наконец, подают то, что старшие

велят; делается это шутя, приказания получают они ласково, от своих же сестер, и помощь их, несомненно, полезна для благосостояния приюта, да и детям не в тягость.

XI. Ремесла

«Не сиди сложа руки,
так не будет и скуки»
Пословица

Не более полувека тому назад, когда ни фабричная, ни торговая жизнь не были еще так развиты, крестьянство обходилось всем решительно необходимым для жизни на месте: рубахи и сарафаны ткались из конопли и льна собственного посева, полушубки, сукна и валенки добывались от собственного овцеводства; о покупке же пищевых материалов не имели и понятия. В некоторых глухих местах и по всей даже области, как Сибирь, крестьянство продолжает жить по прежнему обычаю, добывая и производя все для себя потребное собственными силами каждой семьи – так неприхотливы крестьянские требования! И только в последнее время ситец стал вытеснять холст, фабричное сукно – сермяжное, щегольской сапог – лапоть, а чай – молоко. Материалы эти не могут быть получены дома, и потому крестьянин, к несчастью своему также следующий за модой, принужден добывать их променою на хлеб.

В прежнее время хлеб ему нужен был только на пропитание и уплату повинностей; теперь же, кроме того, на одежду, на обувь и даже на пищу, расходы на каковые во много раз превышают повинности. Хлеб стал усиленно сбываться по цене, не оплачивающей труда крестьянина. В то же время культура его хозяйства не только не под-

нялась, чтобы излишними плодами пополнить недостающее для новой жизни, но даже упала, и в результате – его разорение.

Крестьянину нашему с каждым годом становится жить все тяжелее, благодаря все большей зависимости его от рынка. Для удовлетворения потребностям своим он принужден продавать хлеб, увеличивая запашку, вынужден искать отхожих заработков и находится в полной зависимости от рыночных цен на хлеб и рабочие руки. При падении их он бедствует. Количество земли у него, с приростом населения, уменьшается, потребности все возрастают, следуя за модой. Привыкнув добывать себе одежду и обувь покупкою, он забывает свои кустарные работы, и там, где ранее деревни славились выделкою кож или плахтами (малороссийская шерстяная узорчатая ткань), там об этом остались лишь воспоминания. Бывало, кустарные работы заполняли у него все зимнее время. Теперь же его одолевает тоска от безделья – он ищет развлечений, каковые и находит в пьянстве. Теперь не редкость встретить бабу, не имеющую понятия о тканье холста, или мужика, не умеющего оси вытесать. Поэтому, принужденный за каждой пустой деревенской работой обращаться к ремесленнику, крестьянин вынужден нести расходы сверх сил своих и бедствует.

Крестьянские приюты имеют назначением своим воспитывать крестьян. Поэтому вся постановка воспитания в приютах должна быть направлена к тому, чтобы питомцы их выходили из стен приютов вполне подготовленными к условиям жизни крестьянства и, таким образом, пополнили замечаемый недостаток. Исходя из такого положения, советы поставили себе целью обучить детей всем решительно ремеслам, дабы каждый из них, зажив самостоятельно, мог удовлетворить всем своим потребностям силами собственной семьи, не прибегая к ремеслен-

никам и удовлетворяя своим нуждам, во всем домашнем обиходе, от своего хозяйства.

Крестьянин, – рассуждали советы приютов, – не может быть поставлен в одинаковые условия с человеком интеллигентной профессии, и для него прямой расчет не быть в зависимости от ремесленника. Действительно, определим заработок интеллигента в 1000 р. в год, или 3 р. за 10 рабочих часов; заработок сапожника в 360 р., или 1 р. в день, а мужика – 144 р., или 40 коп. в день, что составит, переводя на хлебный сбор, – 300 пудов пшеницы, или 500 пудов ржи, получаемой с 10 десятин, в каковом размере владеет землею редкий крестьянин. И мужику, и интеллигенту понадобилось починить сапог, что отнимет работой час времени, почему сапожник возьмет 10 копеек. Интеллигенту, получающему 30 к. в час, было бы неразумно терять 20 копеек для починки сапога, а мужику, получающему 4 к., есть прямой расчет починить самому, так как он этим выгадывает 6 коп. в час. В этих видах, несмотря на значительный расход, вызываемый возложением на приюты задач по обучению питомцев ремесленным знаниям, решено было не останавливаться пред этими затратами, хотя, несомненно, преследуя лишь воспитательное значение, приюты могли бы значительно уменьшить денежные сметы и потому легче оправдать свои денежные расходы.

Таким образом, приюты, являющиеся обычными крестьянскими семьями, воспитывая будущих крестьян, должны сами, прежде всего, приблизиться к правильной крестьянской жизни и удовлетворять всем своим потребностям непременно собственными силами и от своего хозяйства, отнюдь не обращаясь к профессиональным ремесленникам и не приобретая фабричных изделий в то время, когда их можно сделать собственным трудом, и избегая иметь в своем обиходе все такое, что можно приобрести только на деньги.

С этою целью введены в приютах всевозможные, самые разнообразные, ремесла: тканье сукна, вязанье из шерсти шапок, шитье полушубков, выделка горшков, проволочных петель и сундучков, деревянных ложек и чашек, телег, и будут введены выделка овчин, ковка лошадей, нарезка винтов и другие кузнечные работы. Все, решительно все, что только нужно приюту и что только может быть им исполнено, все это непременно должно производиться в приютах. Тогда они действительно исполнят свою задачу: воспитают годных к крестьянской жизни людей и сберегут брошенных детей не назло Отечеству, для содержания в тюрьмах, а на пользу его и всей цивилизации.

Каждый пол должен заниматься соответствующими ремеслами, утилизируя все сырые продукты приютского хозяйства.

Следуя этому, женские ремесла должны состоять в обработке конопли, льна и шерсти. Девушки из кудели и шерсти прядут нитки, вяжут чулки, шапки, шарфы, крася сами шерсть, варежки, ткут сукно и холст, а из последнего шьют рубахи, исполняя работы на всю потребность приюта. Мальчики же шьют обувь, кафтаны и полушубки, как себе, так и девочкам, режут ложки, чашки, делают телеги, полы, шьют упряжь.

Ремесленные работы введены все те, что требуются для местного крестьянина, – там, где есть лес, развивается щепное дело; где глина – делают горшки. Чтобы сделать питомцев вполне пригодными к жизни, детей заставляют знать все эти работы, но не препятствуют ребенку развиваться в любимом предмете в большей степени. Ремесленные занятия представляют из себя довольно трудный предмет, так как требуют опытных и знающих рук, но, после годичной практики, с большинством самых необходимых крестьянских ремесел дети знакомятся настолько, что под руководством мастера удовлетворяют первым потребностям вполне свободно.

И здесь так же, как в полевом хозяйстве, надлежит применять повсюду, где можно, усовершенствованные приемы. Прялки должны вытеснить исторические веретена, усовершенствованные ткацкие станки с самолетающим челноком – обыкновенные крестьянские; швейные машины должны заменить шитье руками. Во всех приютах так и сделано […].

Это дает возможность значительно сэкономить рабочую силу. Так, напр[имер], на простом ткацком стане искусная ткачиха едва может выткать в день 10 аршин 8-вершкового холста; на усовершенствованном же стане может выткать в день 24–40 аршин 14-вершкового холста девочка лет четырнадцати. Без швейных машин трудно управиться с шитьем на весь приют. Мужские ремесла требуют уже большего навыка и сил. Юноши старше 15 лет могут быть успешно заняты главным образом валяльным и сукновальным, плотнично-столярным, кожевенным и кузнечным делом и, между прочим, вместе с мальчиками от 11 до 15 лет, чеботарством и портняжеством, исполняя при этом самые трудные фазы работы – как, например, кройку, вырезывание подборов, строчку сборов и т.п. Те или другие машины и приспособления в виде, например, сукновальни, сверлильного станка для колес или токарного, портняжной швейной машины не только облегчат работу, но и в значительной степени сэкономят рабочее время.

Ремесленные работы должны начинаться с самых малых лет, сперва в виде забавы и постепенно переходя к более серьезным. Прогрессивно развиваясь, дети ежегодно переходят ко все более и более сложным ремеслам, так что, при равномерном подновлении приюта свежими силами, налицо будут находиться ремесленники всякого рода: младшие постепенно будут занимать места старших, и, раз поставленный на ноги, приют будет лишь сменять созревшие силы новыми. Не гоняясь за совершенством, а преследуя

одну лишь цель – обходиться без посторонней помощи, – приюты могут свободно производить все потребные для себя изделия. Если последние и не будут блистать красотою и изяществом исполнения, то в этом не предстоит и нужды, так как даже некрасиво сшитое платье все-таки пригодно для носки – лишь было бы крепко. Произведения слабых рук идут на надобности младшего возраста, а поизящнее – для более взрослых питомцев. Если приют будет одевать сам себя, если воспитанники его научатся делать телеги и ковать лошадей собственной работы подковами – то приют можно вполне поздравить с успехом.

По поводу удовлетворения всем решительно потребностям силами самих приютов люди практические возражали, что дети в начале обучения работают плохо, так что сделанная ими вещь изнашивается скорее, чем сделанная ремесленником; что некоторые вещи прямо убыточно для приюта делать самому – так, например, на валяную шапку идет 2 ф[унта] шерсти стоимостью 50–60 коп., тогда как фабричные шапки продаются по 30 коп., почему было бы выгоднее, продав шерсть, купить две шапки ввиду меньшей их прочности против домашних. Но большинство членов совета признали, что несомненная польза заключается прежде всего в обучении и что изделия исполняются зимою, в свободное от полевых работ время, когда оно все равно пропало бы напрасно, и преимущественно из продуктов собственного хозяйства, ценность которых сегодня высокая, а завтра может быть ниже, почему и соотношение явится другое.

Таким образом, в Камышинских приютах сырые продукты их хозяйств обращаются в дело силами самих же детей, и, следовательно, последние являются в роли кустарей, тем более что ремеслами занимаются в зимнее, свободное от сельского хозяйства, время и не исполняют работ по заказу.

Заказы на изделия отнюдь не должны быть принимаемы в приютах. Всякое обязательство только совершенно излишне будет стеснять жизнь в приютах. На заказах можно прогадать и в ценах, и в продолжительности времени; заказы, наконец, могут стать страшным бременем для приютов, в случае, например, стечения несчастных обстоятельств. Вдруг заболеют главные работники – кто же будет исполнять заказ, всегда принимаемый на срок? Торопясь, дети могут плохо сработать и навлечь на приют лишь напрасные неприятности. Если есть свободное время, то гораздо лучше обратить таковое на усовершенствование в грамоте, так как она чрезвычайно необходима в приютах.

Приюты могут изготовлять предметы и на продажу, но только не на определенного покупателя. При соблюдении этого правила приюты никогда ничего не потеряют. Допустим, что сапоги будут сшиты плохо – они пойдут на себя; поспеют не во время, цены упали – подождут поднятия цен, но, главное, ни перед кем виноватым быть не придется. Покупатель же готового изделия всегда найдется.

При этом отнюдь нельзя давать детям-мастерам вознаграждение каждому в отдельности. Выручка пусть лучше идет на образование общего капитала, для снабжения оканчивающих воспитание питомцев орудиями труда, а если желательно поощрить детей – то на доставление удовольствия всем решительно.

В самом деле, в приютах нет ни черного, ни белого труда. Каждый труд хорош, благороден и полезен. Почему мальчик, занимающийся чисткою хлева, в то время как его товарищ, более его от природы способный, шьет на продажу обувь, разве не заслуживает такого же вознаграждения? Без навоза не будет удобрения, и собирающий его дает приюту еще более благосостояния, хотя и не видного, чем мальчик-сапожник. Мальчик-сапожник кормится, пока он

работает, на средства всего приюта. На каком же основании чистящий хлев должен работать не только на себя, но и на сапожника, а последний ему ничем не отплачивать? И такой порядок вовсе не применим и даже противен крестьянским обычаям. Укажите хоть на одну крестьянскую семью, где бы члены ее не приносили домой – главе семейства – весь свой заработок и позволили себе оставить деньги на развлечение или лакомство только для одних работавших. Семья кормит своего сочлена, и в то время, когда он на поденщине, она собирает хлеб и на его долю. Следовательно, и он одинаково обязан иметь в виду интересы семьи и, зарабатывая деньги на стороне, не считать заработок свой принадлежащим исключительно себе.

В Камышинских приютах были случаи продажи изделий, но вырученные деньги распределялись на всю семью поровну, на улучшение в пище или покупку семянок, орехов или пряников.

Рекомендуемые приюты – крестьянские и потому должны жить согласно традициям крестьянской среды.

XII. Грамота

«Учись, мой друг, наука сокращает
опыты быстротекущей жизни»
Борис Годунов[1]

Грамотность для питомцев приютов необходима. Не говоря уже о большей легкости чрез посредство ее обучения детей всяческим знаниям, смотря чисто практически, она необходима для приютов как подспорье в жизни их. Грамотные дети помогают вести отчетность, способствуют правильному распределению запасов и, наконец,

[1] Цитата из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

чтением книжек по тем или другим отраслям знания знакомятся с улучшенными приемами хозяйства и культуры. Поэтому грамота, как ключ к познанию, необходима в крестьянском приюте.

В то же время не надо забывать, что назначение крестьянских приютов состоит в подготовке лишь крестьян и крестьянок. При значительно высшем против массы умственном развитии последнее является для крестьянина в тягость. Человеку развитому – тесно в его маленькой крестьянской избе; ему тяжелы грубые суеверия окружающих, его раздражает их невежественное упрямство, он бежит от родной хотя, но темной среды. Хорошо, если он найдет путь сообразно склонностям своим, двинется выше и не ограничится полученным образованием. Но большею частью из него получается вечно недовольный полуинтеллигент, в бесплодных жалобах на обиженность от судьбы стремящийся скрыть свою жизненную непригодность и ищущий «благородного» труда в виде должности приказчика, писаря или конторщика. Чтобы достигнуть своей цели и из питомцев приютов получить не интеллигентный пролетариат, но крестьян, пригодных для борьбы за существование при изменившихся условиях крестьянской жизни и могущих знаниями своими способствовать общему умственному развитию массы, не надо ставить их в слишком резкие отличия от массы. Вся обстановка жизни питомца крестьянского приюта должна быть подходящею к окружающей крестьянской среде, но чище и гигиеничнее. Весь образ жизни – крестьянский, но без его грязных явлений невежества, суеверия, грубости и проч. Работы должны производиться крестьянские, но с помощью научных приемов. В крестьянской семье и на крестьянском наделе должен ребенок крестьянина учиться хозяйству, но познавать таковое с помощью великого рычага – грамоты. В силу этих соображений умственное образование питом-

цев крестьянских приютов должно подниматься лишь с общим поднятием уровня развития массы.

Руководствуясь этими соображениями и по настоянию крестьян советы приютов признали необходимым воздерживаться от слишком большого увлечения грамотою. Вечная забота о куске насущного хлеба позволяет уделить на занятие грамотою не более двух часов в день по зимам. Поэтому программа школ грамоты признана была пока для приютов достаточною. При лучших условиях хозяйства, когда машины и усовершенствованные приемы позволят сократить количество потребных для содержания приютов рабочих часов, на занятия грамотою можно будет уделить и более времени, чтобы пройти курс начальной народной школы, но не более того, впредь до того момента, когда вся окружная масса получит такое же образование. Тогда и курс народной школы нужно повысить, но опять-таки не очень высоко против уровня массы. Во всяком случае, будет ли это школа грамоты, или начальная народная школа, обязательно должны быть преподаваемы: землестроение в виде производства глинобитных построек и устройства запруд; орошение; простейшее землемерие, с черчением планов местности; простейшая механика, ради лучшего понимания устройства машин и земледельческих орудий при починке их; примитивные теоретические понятия по сельскому хозяйству в виде значения плодосменного сева, травосеяния, удобрения и прививок в садах; рациональное пчеловодство; познавание вредных и полезных насекомых, птиц и животных; краткое понятие о строении тела животных и простейшая ветеринария; рациональная обработка сырья и простейшая метеорология. Знания эти должны быть преподаны, чтобы питомцы имели о них лишь общее понятие в пределах своего узкого кругозора. Глубоко ошибутся те, кто предполагает, что исчисленные знания составят большую энциклопедию их. Каждое из них не только может быть

преподано даже неграмотным крестьянам, но уже и преподается, и с большим успехом, как это мы видим на примере крестьян Вятской губернии, совершенно неграмотных, но, по рекомендации агрономических смотрителей, принявших уже чистую сельскохозяйственную культуру в виде травосеяния, удобрения, уменья делать сложные машины, как, напр[имер], сеялки и пр. Один из критиков сельскохозяйственных приютов смеялся над тем, что в приютах по программе будут «заниматься огородничеством, садоводством, пчеловодством, рыбоводством, скотоводством, птицеводством, домоводством и всякими "водствами"», очевидно забыв, что всем этим занимается каждый наш крестьянин: он не только хлеб сеет, но и огород разводит, и птицу держит, и пчел, и рыбу даже ловит... Перечисленные предметы преподавания составляют уже искони практические занятия крестьянина: будучи совершенно неграмотным, он и избы себе строит из глины, и запруды устраивает, и веялки делает, и плуги, и часто весьма удачно, хотя делает все ощупью; и пайки земельные разбивает, хотя не цепью, но с помощью особого саженного циркуля; сырье обрабатывает, а на метеорологических станциях, случается, все наблюдения записывает. Если будут делать то же самое питомцы приютов, это не составит для мужика ничего особенного. Мало того, если они не будут уметь это делать, приюты потеряют в его глазах всякое достоинство.

В приютах явится лишь возможность, имея дело с грамотными детьми, знающими арифметику, – легче научить их усовершенствованным приемам. Задачи эти совершенно по силам приютов, и, несмотря на свои только первые шаги, они уже успели двинуться на этом пути. В каждом приюте официально открыты приходские школы грамоты, состоящие в заведовании местного приходского священника.

Обучение грамоте происходит только с окончанием полевых работ – с 1 ноября и до начала их – по 1 марта.

На занятие грамотою пока возможно приютам посвятить не более двух часов в день, и то по вечерам. Днем происходят различные домашние работы, и, кроме того, коротким зимним дневным светом важно пользоваться для ремесленных работ. Но и при таком незначительном количестве времени, если преподаватель хорош, дети свободно успевают пройти весь положенный для школ грамоты курс в течение двух или трех зим. Так как пребывание детей в приютах установлено до 16–17 лет, то, в случае поступления ребенка до школьного возраста, 6–7 лет, за время пребывания своего в приюте в течение 9–10 лет он с успехом пройдет, даже при двухчасовом занятии в день, курс двухклассной начальной народной школы и ознакомится со всеми теми предметами, которые перечислены выше.

Дети, поступающие в малом возрасте, выучиваются чтению и письму совершенно незаметно. Выучившись грамоте, они с удовольствием читают книжки и в большой претензии на то, что их не дают им брать с собою на пастьбу скота. Поступающие в старшем возрасте, свыше, например, 12 лет, неохотно занимаются грамотою; их более интересуют ремесла. Некоторые же прямо-таки неспособны усвоить грамоту и относятся к ней с неудовольствием, постоянно прося разрешения заменить ее какою-либо физическою работою. Таких к грамоте не приневоливают, чем они очень довольны. Плохо грамотные менее способны к усвоению других предметов, и молитвы запоминаются ими с большим трудом.

Из четырех воспитанников и четырех воспитанниц, выпущенных из приютов, трое юношей и две девушки бойко умели читать, свободно писали и знали молитвы, счет и первые правила арифметики; остальные трое плохо.

Преподавание чтения, письма и рисования по клеткам происходит в классных комнатах обыкновенным порядком. Уроки же арифметики, на счисление и умственные задачи совершаются за нешумною работою, тесным кружком.

Мальчики шьют обувь, режут ложки, девушки вяжут и шьют. Учитель прочитывает задачу и затем задает вопросы то одному, то другому ребенку, заставляя одних поправлять ошибки других и объясняя непонятное. Такие беседы дети чрезвычайно любят. Нужно видеть их блестящие глаза в то время, когда они решают задачи! Весь урок кажется не уроком, но какою-то забавою. Работы нисколько не мешают при этом; напротив, отвлекают от шалостей.

По праздникам, придя от обедни, желающие из питомцев собираются вместе. Кто-нибудь из них громко прочитывает главу из Священной истории, и священник или учитель задает по ней вопросы, стараясь растолковать слушателям прочитанное. Затем прочитывается какой-нибудь маленький светский рассказ, и также дети усваивают его путем вопросов. На все это полагается час времени. Дети с удовольствием посещают эти беседы, не имеющие совершенно принудительного характера.

При каждом приюте имеется библиотечка. Дети охотно читают книжки, но многое, и очень многое, для них непонятно. Крестьянская среда чрезвычайно неразвита, и подходящих для развития народных книг очень мало. Для нее необходимы рассказы очень коротенькие и непременно божественные или же из крестьянского быта, на самую простую тему, без всякой тенденциозности. Таких, однако, книжек очень мало. Чрезвычайно полезны копеечные книжки г-жи Аверкиевой[1] о свекле,

[1] Аверкиева Е. Г. (1852–1918 гг.) – первая русская женщина-садовод и овощевод, жила в именье Василево, принадлежавшем ее мужу, местному либеральному деятелю. Разводила более 200 различных сортов овощей, вывела тепличный сорт огурца «Клинский». Выступала в печати, издавая популярные брошюры. В 1908 г. Аверкиева выдвинула идею организации школы для обучения крестьянских детей основам рационального ведения сельского хозяйства. Фабрикантша Фланден взялась за создание такой школы, которая открылась в Василевской волости. Обучалось 20 человек в течение трех лет. В 1914 г. школа перешла в ведение земства. Бывшая усадьба Аверкиевых находится на территории Завидовского заповедника.

огурце, капусте и проч. Девочки с живейшим интересом следят по ним за культурой овощей. Таких бы книг надобно побольше.

Всю осень и зиму 1894 г. в двух приютах, Красноярском и Тарасовском, ежедневно производились самими питомцами троекратные наблюдения за температурой воздуха, направлением ветра и состоянием барометра. По розетке погодоуказателя, составленной г[осподином] Карамзиным, преподавателем при Мариинской средней сельскохозяйственной школе, дети по замеченным трем данным определяли грядущую погоду. Это их чрезвычайно интересовало. Если предсказания удавались, то восторгам их не было пределов. Мужиков удачные предсказания положительно поражали. Некоторые из них, из расколоначетчиков, прямо высказывали порицание подобным занятиям: «Кто может узнать, кроме Бога, какая погода будет завтра, – говорили они, – только ребята балуются». Наблюдения аккуратно записывались и отсылались для напечатания в орган Саратовского земства «Неделю». Совершенно побочные обстоятельства принудили наблюдения эти на время оставить, пока препятствия не минуют.

Занятия эти, в связи с рисованием или, скорее, черчением фигур, весьма развивают крестьянских детей. Но главное развитие питомцы получают в поле и дома при своих практических занятиях.

Образование простого народа не может быть достигнуто только теорией, забывающейся на другой день после ее преподавания, подобно грамоте, от которой через 10 лет внешкольной жизни нашего мужика остается одно лишь воспоминание, или одним лишь чтением книжек, побуждающим его искать «благородного» труда в виде должностей приказчика, конторщика или писца, столь не любимых простым народом.

Нужно лишь расшевелить мозговые центры крестьянина, чтобы из пассивности своей силам природы он перешел в активную борьбу с ее вредными явлениями, – это должна исполнить теория. А научить его борьбе с природой должна уже практика. Когда юноша не только в классе узнает преимущества сева отборными семенами, но и на деле, – при сравнении приютской культуры с соседнею крестьянскою, – наглядно поймет значение хороших семян, той или другой вспашки полей, удобрения земли навозом и другими туками, травосеяния, рационального пчеловодства, содержания породистых животных и сам станет принимать в исполнении рациональной культуры поля непосредственное, хозяйское участие, то, несомненно, и в самостоятельной жизни он будет продолжать ту же культуру; мало того, если даже умственные способности его будут настолько притуплены, что он не в состоянии будет собственным умом понять различие между обыкновенной крестьянской и приютской культурами, то, привыкнув в приюте к известному порядку обработки почвы, содержания и выкорма скота, он и в своем хозяйстве, по инертной силе привычки, будет подсознательно продолжать то же самое.

Крестьянские дети весьма любопытны. Они с удовольствием слушают рассказы о жизни пчел, птиц, о различных сортах овощей и способах к лучшему их возделыванию и живо перенимают все им понятное. Постоянными беседами при практических работах можно отлично научить их познаванию улучшенной культуры.

Теперь Камышинские приюты почти стали уже на ноги. Как только они исполнят свою задачу – собрать от своего хозяйства средства не только на содержание себя, но и на оплату жалованья учителям, вопрос о расширении программы образования будет поставлен на первую очередь.

XIII. Воспитание

«Детство – сберегательная касса, в которую мы кладем сокровища будущего»
Леон Сей[1]

Внутренний быт питомцев обратил на себя особенное внимание приютских советов. В течение четырехлетия существования приютов, постепенно, по мере жизненного опыта, выработалась целая система воспитания, которая в настоящее время выражается в совершенно определенных формах, дающих самые благотворные результаты. Вырабатывалась она во всех приютах одновременно, причем, благодаря постоянным дружественным сношениям приютских советов между собою, недостатки, замеченные в одном из приютов, тотчас же предупреждались и в других, а успехи одного вызывали немедленное подражание в остальных.

Прежде всего остановились на вопросе о выборе администрации для приютов. По единодушному мнению всех советов семья признана была самою совершенною формою воспитания. «Надо детям дать мамку и тятьку, – говорили при этом в советах мужики, – чтобы им легче жилось». С этою целью, ради образования из жителей приюта семьи, решено было для непосредственного управления приютами приглашать только супругов – мужа с женою. Так и поступают. Семейная форма воспитания только и дала возможность достигнуть тех успехов, какие получи-

---

1 Жан-Батист Леон Сэй (фр. Jean-Baptiste Léon Say; 6 июня 1826, Париж – 21 апреля 1896) – французский экономист и государственный деятель. Сын предпринимателя и экономиста О. Сэя, внук экономиста-классика Ж.-Б. Сэя. Образование получил в Женеве. Один из пионеров кооперативного движения во Франции. Некоторое время являлся послом в Англии; 4 раза занимал пост министра финансов (1872–1873; 1875–1877; 1877–1879; 1882). Член Академии политических и моральных наук (с 1857); член Французской академии (с 1886).

лись в приютах. Порядок воспитания вылился в следующих его оттенках, составляющих основную канву жизни всех четырех приютов.

Жизнь приютов течет в строго религиозно-нравственном духе. Ни один из питомцев не сядет за стол, ни один не примется за работу, прежде чем не перекрестится. Дома ли дети или в поле, день всегда начинается и кончается у них общею молитвою, которую частью читают все, разом, вслух, частью поют. Начиная от шести лет каждый ребенок знает все обычные молитвы. По праздникам отправляются в церковь; иногда хорошо поющие, при знатоке пения смотрителе, становятся на левый клирос.

Обращение смотрителей с детьми в приютах совершенно отеческое, так чтобы не чувствовалось ни малейшей отчужденности между детьми и смотрителями. Опыт показывает, что жизнь приюта течет хорошо там, где супруги действительно близки к детям и последние чувствуют себя как в семье. С радостью и горем идет ребенок к смотрителю или смотрительнице и, встретя в них участие, радость свою увеличивает, а горе становится ему легче. Друг на друга дети смотрят как родные между собою братья и сестры. У них самые простые родственные отношения. Мало того, будучи связаны общею работою, видя в приюте дом, заменивший им родительский, и зная, что с благосостоянием приюта тесно связано их собственное благополучие, они питают друг к другу нечто большее, чем при обыкновенных родственных связях: они чувствуют себя связанными узами товарищеской дружбы.

Как бы хороша супружеская чета ни была, все-таки заменить родителей она не может. Поэтому дети, особенно при частой смене смотрителей, видят для себя необходимым более рассчитывать сами на себя, чем на заботу о них приемных родителей. Это развивает в них товарищеский дух.

Многие из детей имеют в приюте родных братьев и сестер, и семейный характер приюта поддерживается еще более родственными узами; не имеющие родных сближаются с чужими, особенно с младшими себя.

Самые маленькие дети, до шести лет, воспитываются на женской половине. Каждая девушка, старше 10 лет, избирает себе сестру или брата. Маленькая койка малютки привинчивается возле койки желающей взять его на воспитание, и «мамка», сама еще ребенок, так нежно и заботливо ухаживает за «сынком или дочкой», как они их называют, что другая мать не ухаживает так за своим ребенком: маленькие дети заменяют им кукол. Мамки моют маленьких, чешут, одевают, стирают на них белье и ночью встают к ним. Если малютка ночью соскучится или ему нездоровится, он переходит на кровать мамки и спит с нею вместе. И, нужно думать, крохе-малютке на груди сестры приемной так же тепло и уютно, как на родной груди матери. Маленькие дети так привязываются к своим воспитательницам, что плачут, когда они от них уходят; при возвращении же кидаются к ним на руки, как к родным матерям […]. Когда мальчуган подрастет и пожелает отправиться спать на мужскую половину, то долгое еще время он возвращается спать к своей мамке и тогда только прекращает свои посещения женской спальни, когда мамка его оставляет приют. Нужно удивляться тому чувству глубокой любви, которое развивается при этом у девушек-воспитательниц: ночью, в самый сон, заплачет ребенок; никто не поднимется к нему, кроме его мамки, которая вскочит, схватит ребенка своими, еще совсем слабыми, руками и, сделав, что надо, положит обратно и укроет, да еще побаюкает. Смотрительница спит вдали, да за всеми детьми она и не в состоянии ухаживать ночью. Если даже ее и заставить, то вряд ли с любовью к ребенку отнеслась бы она, разбуженная после утомительного дня пятью, ше-

стью детьми, раз десять или более ночью. Мало ли плачут любвеобильные матери от бессонных ночей, то и дело пробуждаемые только одним, и притом своим, ребенком. Есть ли основание рассчитывать на сердечное отношение к плачущему ребенку со стороны наемной женщины? Можно с ужасом лишь представить себе положение двухлетних малюток, когда в приютах отдают их под надзор по восьми, по десяти вместе одной женщине. Когда двухлетний ребенок здоров, и то он должен проснуться один, два раза ночью; если же ему нездоровится, он просыпается ежеминутно. Как бы добра женщина ни была, постоянно будимая, она поневоле станет раздражительною, и это тотчас отзовется на обращении ее с чужим ребенком. Допустим, что и нашу молодую мамку больной ребенок раздражит, но, во-первых, ей приходится иметь дело только с одним; во-вторых, она любит его и потому, утомившись его криком, скорее заплачет, чем на него обозлится; наконец, если даже и побьет ребенка, то, во всяком случае, она его тотчас и приласкает, и побои с ее стороны будут не так обидны для малютки, как побои несердечно относящегося лица. Не нужно только чрезмерно обременять девочек поручением, например ухода за двумя детьми, и отнюдь не колоть, так сказать, детьми глаза, т.е. не отказывать в удовольствии прогулок, посещения родных и т.п. только потому, что они обязаны ухаживать за детьми; иначе последние им опротивеют. Не составляют малютки большого обременения и во время полевых работ, так как надзор за ними при дальнем расстоянии работ поручается дежурным старшим воспитанницам. Присутствие в приюте малюток отлично развивает среди детей сердечные отношения. Без них не было бы той теплоты в обращении детей между собою, которая так отличает жизнь описываемых приютов.

Совместное воспитание полов имеет чрезвычайно важное педагогическое значение. Дети, находясь в при-

юте, все-таки чувствуют себя не так, как в родной среде, тем более что иные поступают уже подростками. Поэтому в них не замечается той развязной бесцеремонности отношений, которая так отличает родных братьев и сестер между собою. Мальчики под влиянием мягкого женского характера, пред которым они чувствуют невольное стеснение, значительно смягчаются в своей грубости, а девочки вследствие постоянного обращения с грубым мужским элементом не сентиментальничают, как это замечается в исключительно женских закрытых воспитательных заведениях.

Как бы то ни было, но оба пола представляют из себя совершенно отдельные группы, каждая из которых имеет свой, отдельный от общего внутренний мир. Поэтому у каждого пола развивается своя этика, каковой обыкновенно не существует среди родных детей. Грубость признается пороком в женском элементе и капризы не меньшим пороком в мужском.

Естественно, установившиеся у одного пола взгляды, при постоянном общении обоих полов между собою, влияют на взгляды другого, и если эти взгляды противоположны, [то] взаимно смягчаются между собою.

Самолюбие, не ложное, исходящее из гордости, а как стремление к сохранению своего человеческого достоинства, развивается при совместном воспитании обоих полов в весьма высокой степени и старательно поддерживается в приютах. Мальчики вследствие этого избегают грубого между собою обращения в присутствии девочек, а последние – капризы свои опасаются выказать при мальчиках.

И на этой почве благородного самолюбия поддерживается самое родственное отношение: поцелуями встречаются дети между собою после долгой разлуки.

Та же сердечность замечается и в отношениях смотрителей к детям. Они относятся к ним, видимо, с роди-

тельскою любовью и ласкою, а дети смотрят на них с сыновним уважением.

При выпуске питомцев прощание выпускаемого с остающимися бывает так трогательно, что производит глубокое впечатление на присутствующих.

И приюты действительно семьи – обычные крестьянские семьи, с отцом и матерью, братьями и сестрами, религиозные, простоватые и сердечные, как и весь вообще русский народ.

Для того чтобы достигнуть таких результатов, необходимо, чтобы питомцы и смотрители понимали друг друга, не были чужды между собою. Это получится только в том случае, если они близки друг к другу по положению и развитию. Человек, воспитанный светски, с утонченными манерами и высокообразованный, как бы он ни был добр, и умен, и сердечен, всегда будет чужд крестьянским детям. Образованный человек больше передаст детям знаний, но не сумеет сплотить из мужичьих детей то, что называется семьею. Он не в состоянии спуститься до их понятия, он не будет вместе с ними рассуждать на их языке об окружающих явлениях; ему покажутся дикими их взгляды. В то же время и дети не поймут его языка; со своими привычками он всегда будет им казаться чужим, и они не почувствуют к нему того сердечно-родственного влечения, которое может связывать лиц лишь близких между собою по понятиям и образу жизни. Кроме того, и самая простота крестьянской жизни слишком груба для интеллигента. Если отец будет брать в поле для себя мягкую постель, а не спать с детьми на кошме, прямо на земле, то разве он будет для них отцом? Дети будут или завидовать ему, или относиться к нему с пренебрежением. Сам интеллигент или жена его будут гнушаться причесать мужичьего ребенка, убрать его. И это уже наблюдалось. В один из приютов поступила молодая чета, оба со средним образованием. Че-

рез три месяца они оставили приют. Оба гнушались детьми и нисколько о них не заботились, а дети дичились их и называли «барином и барыней». Ходили дети грязные, непричесанные – ласкового слова никто им не сказывал, и чувствовали они себя как бы угнетенными.

Особенно еще важное значение имеет пища. Если смотритель не будет есть вместе с детьми из общего котла, а варить себе отдельно, то будет сыт только смотритель, а дети останутся голодными. Например, в мясной день на артель в 30 детей отпускается 8 фунтов мяса. Если смотрители сварят себе горячее отдельно, то им нужно взять себе 3 фунта. Из 5 фунтов в общем котле навар получится очень плохой. Наконец, из 8 фунтов смотритель возьмет еще себе на котлеты, бифштекс и проч. Что же останется детям?

Человек интеллигентный не станет есть ту простую пищу, что едят крестьяне. Если же его кормить отдельно, то как крестьяне на помещика, так и дети в приюте будут работать только на содержание смотрителя.

Что же касается исполнения в приютах работ, то одно только распоряжение ими, без прямого участия в них смотрителей, обратит приюты в совершенно казарменные учреждения. Отец и мать не командуют в работах детьми своими, но привлекают их к посильной помощи себе и, работая впереди семьи, стараются личным примером возбудить прилежание и в детях. Крестьяне вместе с детьми своими пашут и косят. Следовательно, и смотрители приютов, заменяющие питомцам родителей, должны вместе с ними исполнять всякие крестьянские работы, не разделяя последних ни на черные, ни на белые, так как таковых различий не существует в крестьянском хозяйстве и все крестьянские работы черные. На основании этого в описываемых приютах не существует даже понятия о черном или белом труде – все работы признаются одинаково полезными и одинаково благородными. Питомцы с одинако-

вым рвением и землю пашут, и хлевы чистят. Поставьте, однако, при найме в смотрители интеллигентного лица непременным условием вместе с детьми чистить хлев от навоза, и он большею частью оскорбительно примет такое предложение. Поэтому обычно интеллигентный человек, не из тех высоких натур, которых любовь к мужику побуждает снисходить до его развития, непригоден для крестьянского приюта.

Здесь нужны люди, которые были бы близки к той среде, которая дана им в детях, по самому образу жизни своей и по своему развитию и в то же время были бы настолько выше ее, что могли бы вести детей к прогрессу. И такие люди есть на нашей родине. Это из тех крестьян, что заменили уже сермягу пиджаком, но внутренний быт свой оставили прежний, крестьянский: в постные дни они едят постное; за стол сядут, перекрестятся; встают по-мужичьи, рано; знают сельское хозяйство и все могут делать, но мужиковать на наделе им неохота – им здесь тесно. Обыкновенно такие люди знают всякие ремесла и непременно хоть плохо, но грамотны и могут вести счет. Жены у них хозяйки, но грамоты не знают. Служат они большею частью приказчиками при экономиях. Вот такие люди наиболее подходящи для крестьянских приютов. Гуманное обращение с ними развивает в них самолюбие, побуждающее смотреть на приюты взглядом интеллигентных смотрителей, заинтересованных в процветании вверенных им учреждений. Если некоторые из них и подвержены обычной слабости к вину, то смягчают ее до возможных пределов. Дети называют их «дяденькой» и «тетенькой». В один из приютов поступил смотритель еще ниже по положению – еще не скинувший поддевки отставной солдат. Через месяц смотрительницу называли дети уже «мамкою», а смотрителя «батькой». Лучше отношений, чем между ними, нельзя и требовать.

Лицам, заведывающим приютами, приходится, таким образом, выбирать между личным удовольствием для себя иметь дело с интеллигентными смотрителями и приятностью для несчастных сирот получать от руководящих ими лиц действительно родительские ласки и заботы.

Самолюбие легло в основу воспитания в приютах. Дети приучаются исполнять те или другие работы не из страха наказания, но из-за развиваемого в них понятия о необходимости дружно работать для того, чтобы не терпеть материальных лишений. Детям ежеминутно напоминается, что, если вовремя и тщательно не будет вспахана земля, урожай получится плохой и им придется голодать, так как взять средств на пропитание им негде. И дети, по мере развития приютских хозяйств, отлично это поняли. Они наглядно убедились, что при малом сборе хлеба всякие излишки в пище, в виде, например, пирогов в праздничные дни и т.п., не могут быть допущены; что при малом количестве сохранившегося от приплода скота количество мясной пищи должно сократиться или, наконец, при неурожае льна и конопли они принуждены ходить в заплатанных рубахах. Старшие питомцы постоянно внушают это меньшим и старательно наблюдают за своевременностью полевых работ и тщательным их производством. В большинстве случаев на старших питомцев в этом отношении можно вполне положиться.

Детям внушено, что все находящееся в приюте составляет их собственность, а не чью-либо другую. Если вызвана починка плуга, то покупка для этого материала совершается на их собственные крохи, так как для уплаты денег необходимо продать хлеб, добытый таким тяжелым, и притом их же, трудом; потому необходимо бережно относиться к имуществу. Постепенно старшие дети отлично это поняли и останавливают друг друга. Если мальчуган по небрежности изорвал рубаху, то девочки упрекают его

в том, что они пряли кудель, по ночам глаз не смыкая, ткали холст и шили, а он так небрежно относится к их работе. Старшие же мальчики кричат ему: «Что же, ты хочешь, чтобы для тебя рубашки покупали! И так хлеба мало. Не продавать же для тебя!» Подобные постоянные напоминания о зависимости благосостояния всей приютской семьи от отношения к приютскому имуществу каждого из ее членов вызвали вполне сознательный взгляд детей на приютское имущество. Они не говорят: это казенная телега или приютский кафтан, но: наша телега, наш кафтан.

Кухнею и вместе с нею кладовою заведуют девушки. Они старательно рассчитывают материал для провизии на годовую и месячную пропорцию, потому что отлично сознают, что взять для них негде и им же придется терпеть нужду. На кухне в приюте никто не увидит небрежно брошенной или рассыпанной провизии – все аккуратно сберегается. Остатки пищи и очистки не выбрасываются зря, но тщательно сохраняются на корм скоту. На кухне работают две старшие девушки, ежедневно сменяясь; к ним в помощь, для мытья посуды, чистки овощей и пр., приставляется по одной маленькой девочке. Другие же женские работы распределяются так: в течение некоторого времени, пока не надоест, одна или две девушки заведуют птицами, другие коровниками, третьи свиньями, четвертые ягнятами. Затем роли их меняются. Смотрительница наблюдает лишь, чтобы хозяйство шло правильно, время от времени принимая то или другое личное в нем участие. Если она подметит небрежность, тотчас же объявляет это всем девушкам, которые все одинаково заинтересованы в том, чтобы куры лучше неслись, ягнята все бы выросли, коровы больше бы давали молока, и потому осыпают ленивую градом попреков. Провинившаяся сломя голову бежит исправить свою небрежность, а если ошибка уже не поправимая, то горе ее

становится тяжелым. Одна девушка забыла зимою взять маленького ягненка от овцы, к которой она приносила его кормить, и ягненок погиб от холода. Ей так было совестно и так она горевала, что весь состав приюта принял в ней участие и уговаривал утешиться. Такой взгляд детей на приютское имущество дает возможность вести хозяйство без особых затрат, которые были бы без того неизбежными при детском хозяйстве. Но особенное значение приобретает он в воспитательном отношении.

Воровство в крестьянстве составляет обычный порок. Чем беднее крестьянская семья, тем порок этот проявляется сильнее. В приюты поступают дети преимущественно очень бедных крестьян; наконец, первыми его обитателями были такие дети, что по несколько уже лет нищенствовали и воровство привыкли считать не только между собою, но и среди взрослых особенною доблестью. Должный взгляд на приют как на родной дом мог выработаться среди них только годами, по мере личного участия в благосостоянии приюта, пока не образовался тот особенный, товарищеско-семейный дух, который лег в основу всей приютской жизни. Первое же время воровство было обычным явлением. Никакие наказания не могут отучить детей от воровства, и только развитие в них понятия об общности приютского имущества для всех и принадлежности его в частности каждому, вместе с усиливающимся подъемом самолюбия, помогло искоренить этот порок.

Воровство в приютах может проявляться по отношению к пищевым продуктам, тайным от других обитателей приюта, потреблением какой-либо пищи и к вещам в виде тайного промена их проезжему торгашу на сласти.

Первое быстро прекратилось. Дети скоро поняли, что малейший утаенный кем-либо из них кусок хлеба – отнят у всех. Каждый такой случай выставляется на общее обсуждение.

Все дела свои дети обсуждают совместно со смотрителями: они совместно рассуждают о том, когда начать те или другие работы, сколько засеять того или другого хлеба, много ли получится сала от кабана и хватит ли его на год, и приступают ко всем работам с полным сознанием и размера, и качества работы. Такие же беседы ведутся ими и по мелкой будничной жизни. Однажды, в самом начале еще приютской жизни, одна из девочек, слывшая в округе отчаянной воровкой, украла из погреба морковь. Смотрительница узнала это и ничего девочке не сказала, но в первую же беседу с детьми о том, с чем они испекут пирог на предстоявший праздник, на просьбу большинства испечь пирог с морковью, ответила: «И самой бы хотелось сладкого пирожка, да Дока морковь поела, так что ее мало осталось – не хватит до новой», и дети осыпали воровку такими попреками, что она долго и горько плакала: теперь, через три года, Дока считается самою честною девочкой и ей доверили ключи от кладовой со съестными припасами.

Труднее было искоренить посягательство на одежды, на мелкие железные вещи, особенно когда к тому подстрекают родственники питомцев. Бывает, и нередко, что навещающие питомцев обнищалые родственники их просят детей украсть для них что-либо им нужное – нож, косу, шерсти, сала и дети, воруя, отдают им. Исчезать это стало только с того времени, когда старшие дети прониклись сознанием, что каждая вещь приобретается за деньги, а деньги получаются от продажи хлеба, добытого их же собственным тяжелым трудом, и что чем более будет тратиться приютского имущества, тем больше понадобится денег и тем труднее будет становиться для них работа. Когда это понятие укрепилось в сознании питомцев, тогда случаи воровства начали проявляться все реже и реже, так как дети стали зорко смотреть друг за другом. На уменьшение

воровства оказало также влияние поступление теперь детей в приюты прямо из осиротевших семей, без предварительного бродяжничества их в погоне за милостыней, что так сильно портит детей.

Для того чтобы дети лучше прониклись сознанием о прямом их интересе сохранять имущество в целости, наиболее грамотным из них стали поручать ведение черновых записей по приходу и расходу продуктов. Девочки ведут записи яиц, молока, кудели, шерсти; мальчики – записи корма, лесных материалов и кож. Это участие детей в наблюдении за имуществом имеет огромное значение и должно быть обязательно введено во всех учебных и воспитательных заведениях. Прежде всего, дети перестают подозревать смотрителей в утайке тех или других продуктов и отношения между ними становятся яснее; затем, над смотрителями устанавливается больший контроль и, наконец, дети знают, что именно из продуктов есть у них в наличности, и могут сознательно отнестись к необходимости сбережения своих расходов, приучаясь к расчету продуктов на годовую пропорцию. Необходимо, чтобы вся канцелярия и бухгалтерия приютов велась самими детьми. Этого легко достигнуть, но только после того, как приюты начнут правильно функционировать, и когда преподаванию грамоты в состоянии будут приюты отвести более времени.

Прилежание развивается в детях исключительно на тех же началах. Каждому из них беспрестанно твердят об ущербе для них плохой работы и необходимости требовать друг от друга тщательной ее отделки, особенно если таковая совершается массою в виде пашни, косьбы и проч. В рукоделье действуют на обоюдную угодливость. Каждый ребенок готовит изделие для выбранного им самим товарища, а последний, в свою очередь, для первого. Грицко вызвался шить черевики для Гальки, Галька –

сшить ему рубашку. И если только башмаки будут сшиты плохо, то, помимо постоянных попреков и на работе, и за обедом, Галька не вышьет Грицку рубахи, что так любят малороссы, или свяжет ему потом варежки из самой плохой, грубой шерсти.

Обоюдные услуги развивают в детях взаимное уважение. Женский элемент в этом отношении занял первенствующую роль. Если узнают, что кто-нибудь не исполнил необходимой работы или сделал ее плохо, то это при сборе за обедом передается на обсуждение всей семьи. Девушки упрекают провинившегося в том, что он не заботится о благосостоянии семьи, почему и она кормить и одевать его отказывается, не желая трудиться на пользу того, кто сам не ответит тем же. В редких же случаях, при совершенном нежелании трудиться, девушки, распределяющие между обедающими куски мяса поровну, назначают ему самый плохой кусок мяса; иногда же и вовсе обделяют. Право их на это составляет столь страшное для самолюбия наказание, что мальчики боятся не выговора смотрителя, а отношения к ним женского элемента. К старшим мальчикам применяется только одно наказание: смещение от главной работы на мелкую. Однажды мальчик-плугатор смещен был за плохую пашню в погонщики. Боясь явиться домой, где бы девочки могли его застыдить, он ушел из приюта, и только убеждением, что он может исправиться и хорошею работою снова заслужить назначение плугатором, удалось возвратить его в приют, но только при одном условии, чтобы девушки его не стыдили.

Мужской элемент боится женского: случаев грубости мальчиков по отношению к девочкам, особенно старшим, почти не бывает – так боятся они наказания с их стороны. Наоборот же случается часто.

Вообще мужской элемент заискивает пред женскою половиною и предоставил ей во внутреннем быту первен-

ствующее значение. По выбору девушек праздники проводятся в тех или других увеселениях; по капризу женской только половины вводится то или другое разнообразие в пище; мужская же обязана быть лишь чернорабочею.

Из наказаний к маленьким детям применяются только постановка в угол, а к старшим смещение с главной работы на мелкую. Нет ничего обиднее для подростков-мальчиков перемещения от управления машиною на подсобную работу, и нужно видеть, как старательно наблюдает за сеялкою юноша, чтобы не заслужить укора. Не менее стыдятся девушки-невесты, если им перестают доверять доение коров, а вместо этого поручают уход за птицею, что составляет обычное занятие лишь маленьких девочек. Всякое же телесное наказание в виде столь обычных в крестьянской среде расправы за вихор или дранья ушей строжайше воспрещены.

Развлечения признаны одним из необходимых условий воспитания. Каждый праздник, за исключением неотложных работ в виде задачи корма скоту и варки пищи, предоставляется в личное распоряжение детей. Некоторые отправляются навестить родственников, другие – на рыбную ловлю или со смотрителем на охоту, и остаются дома только маленькие дети играть в казанки и дежурные для работ. К вечеру собираются все вместе и поют простонародные русские и малороссийские песни, устраивают хоровод и заканчивают праздник пляскою под звуки собственной музыки.

В двух приютах образовался оркестр из самых простых инструментов: рожков, свирелок, гармоники, треугольника, балалайки, флажолета, окарин, бубен, тарелок и скрипки. Дети с необычайным удовольствием занимаются музыкой. Учителями явились те же смотрители. Сперва дети подыгрывали на инструментах под хоровое пение, а затем, по мере развития восприимчивости своего слуха,

они стали сопровождать игру на скрипке там, где смотритель на ней играл; где же смотритель на скрипке играть не умел, они подлаживались под гармонию, на которой выучились играть и некоторые дети. Теперь игра идет у них довольно стройно. Под эту музыку дети и пашут. Музыкальная игра доставляет такое наслаждение для детей, что они готовы ею заниматься и в праздники, и в будни. Летом они берут инструменты с собою в поле, на луга. Когда солнце спустится к горизонту и работа окончена, в котелке варится ужин, дети музыкой своей, имеющей особенную прелесть на степном воздухе, собирают вокруг себя с соседних полос косцов, жниц, пахарей. Нужно видеть, с каким наслаждением после утомительного знойного дня труженики и труженицы предаются веселью. Детям, впрочем, плясать удается редко: они играют, а трепака отхватывают за них взрослые. Музыка так нравится крестьянам, что мужики, по случаю проезда детей в праздник мимо хутора, в котором собирается сельский сход, их останавливают, угощают подсолнухами, медом и упрашивают сыграть одну, две песни.

Когда впервые был поднят вопрос о музыке, он встретил странное пренебрежение. Все только смеялись над затеей. Когда в лучшем музыкальном магазине г. С.-Петербурга просили составить оркестр на 10–15 руб. из простейших инструментов, то продавец с гордостью ответил: «Мы таких инструментов не держим». Конечно, они могут не держать их, но нравственно обязаны к тому. Самый плохой духовой оркестр составляется на 75 руб. Сумма эта слишком дорога для крестьянского приюта. Но если бы даже и нашлась, где же взять учителя в деревне, где на 100 верст кругом едва разыщешь грамотного человека. Подаренный одному из приютов кларнет так и остался без употребления, потому что не нашлось ни одного музыканта, даже из отставных солдат, что-

бы научить издавать только из кларнета звуки. Поэтому музыкальный мир должен был бы подумать и о народной музыке. Несмотря на всю простоту, незатейливость и некоторую даже погрешность в составе инструментов приютских оркестров, музыка доставляет очень большое наслаждение как детям, которые играют, так и народу, который их слушает. Музыка возвышает душу, уменьшает усталость, и ради только этого одного нужно было бы ее развить. Тот, кто подберет для оркестров простые дешевые инструменты, на которых можно выучиться самоучкой, составит для народа большую услугу. От малого, по мере развития, можно перейти и к большему.

Приюты, по установившемуся на них среди крестьян взгляду, должны представлять из себя обычные крестьянские семьи среднего достатка и жить так, как это принято в крестьянстве. Подобные семьи вовсе не редкость в крестьянской среде. Случается, бездетная чета возьмет к себе в приемыши ребенка, воспитает его. Начнет мальчик с отцом ездить в поле, станет старухе снова скучно, и возьмет она себе еще девочку. А у девочки есть братишка, который голодает. Упросит она приемную свою мать взять братишку, а старший приемыш начнет домогаться равенства и просить к себе сестру. Подрастут дети, к девушкам примут зятьев, мальчиков женят, и получится большая искусственная семья, которая зачастую живет много дружнее и ласковее, чем иные родные семьи. Поэтому советы установили для приютов-семей жизнь по тем же обычаям, по которым течет она в крестьянстве. Приюты, действительно, представляют из себя большие семьи, нисколько не отличающиеся от обычных крестьянских. Они ничуть не похожи на закрытые учебные заведения. Дети часто бывают в деревне. Мужики и бабы во всякое время беспрепятственно заходят в приюты, во все комнаты, говорят с детьми, смотрят на их работы, а иные заглядывают про-

сто, от нечего делать. Случается, идя мимо, они заходят в приют целою толпою, и мужики, и бабы, и дети – в гости. Никто этому не удивляется и никто на них не обращает особенного внимания, а напротив, рады послушать новостей или сами передать. Если кто из крестьян придет во время обеда и скажет обычное приветствие: «хлеб-соль», его сажают под образа, в красный угол, и приглашают за общую пищу. Мужики и бабы, если голодны, усаживаются и обедают, считая это вполне нормальным явлением. Если же пришедший увидит детей за работой, то говорит: «Бог на помощь!», и дети отвечают благодарностью. Увидя на одежде или обуви его какой-нибудь изъян, они предлагают свои услуги – зашить, положить на сапог заплатку, что мужикам чрезвычайно нравится. Вследствие этого отношения между детьми и народом поддерживаются самые дружественные. Если детям случается в обеденное время быть где-либо на хуторе вдали от приюта, они свободно заходят в любую избу и, если застают хозяев за обедом, приглашаются ими за стол, как желанные и равноправные гости: *«Они ведь сами себя кормят!»* Теперь никто из крестьян не подаст питомцу приюта милостыни: старшие питомцы оскорбятся и не возьмут, а маленьких детей крестьяне сами остановят. Если случится с мальчиком беда в поле – колесо у нагруженного воза соскочит или поломается что-нибудь такое, с чем он сам справиться не сможет, мальчуган идет к ближайшему соседу, и не было еще случаев отказа в помощи, не потому, чтобы это было так уже свято соблюдаемо в крестьянстве, но исключительно вследствие сознаваемой крестьянами равноправности с ними приютских обитателей – ведь так же могут отказать в помощи и они, если понадобится мужику заглянуть в приют.

По зимним вечерам на женскую половину приходят бабы и девушки со своими гребнями и прялками на поси-

делки: они прядут и поют песни до первых, а то и вторых петухов. Разница между посиделками в приютах и обычными деревенскими заключается лишь в том, что на первых отсутствуют парни, почему вечера эти проводятся скромно.

Бывать в приютах и встречаться с приютскими детьми крестьяне очень любят. Они могут узнать от них разные интересные новости. В приютах имеются библиотеки и получаются земледельческие журналы и газеты. Смотрители рассказывают детям то, что сами поймут, а те – крестьянам, и показывают рисунки. Пока в приютах грамотность развита еще слабо, беседы эти имеют малое значение, но в будущем они могут принять для населения серьезный развивающий характер.

Такие отношения между питомцами приютов и крестьянами не могли не оказать на народ влияния, и оно действительно весьма сильно.

XIV. «Антихрист»

«Свежо предание, а верится с трудом»[1]

Открыты были крестьянами сиротские приюты, несомненно, потому, что к ним прежде всего предъявлено было *требование* закона о призрении сирот.

Шестая часть всего населения местности только что перестали кормиться в царских столовых, как назывались столовые Благотворительного Комитета. Отказать в куске хлеба голодным детям, когда сами крестьяне продолжали еще кормиться даром, было крестьянам совестно. Это было бы слишком черною неблагодарностью. Таким образом, почва крестьянская к призрению детей голодным годом была вполне подготовлена. Подействовать на нее

1 Цитата из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

яркими напоминаниями о несчастном положении сирот, не имеющих теплого угла, вызвать среди грубых хотя, но добрых мужицких сердец чувства жалости к нищему ребенку, трясущемуся от холода в своих грязных вонючих лохмотьях, покрытому струпьями и съедаемому заживо мириадами ползущих по нем насекомых, напомнить ему о страшном суде Христовом, привести слова Божественного Спасителя: «Я наг был, и вы одели Меня, и голоден был, и вы накормили Меня»[1] – не составило затруднения, и на вопрос, хочет ли кто кормить Христа, народ со стоном ответил – «Все, все хотим кормить Христа». В этот момент он все отдавал Ему; он готов был снять с себя рубашку и надеть на плачущего малютку... Он беспрекословно отдал те крохи, кои испрашивались. «От сирот грех пользоваться!» – кричал народ и отдал им накопившиеся в волостных кассах сиротские капиталы. «На Божье дело отдать нужно!» – соглашался он, когда просили его отдать часть дохода с кабаков. «И с души дадим!» – единодушно шел он навстречу. В этот великий подъем его духа от народа можно было получить все, что только было надо для приютов. Он готов был жертвовать всем ради спасения души своей и постановил беспрекословно все те приговоры, которые от него требовались.

Затем прошло время. Старая хлеб-соль стала забываться. Вступили на сцену эгоистические элементы.

Прежде всего они сказались на общественных запашках. Запашки учреждены были в таких размерах, что работать приходилось на каждого домохозяина около часа в год. Так, напр[имер], в Тарасовском обществе

[1] Точная цитата из Евангелия: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 34–36).

было в посеве 2 десятины на 200 домохозяев. Запашка и уборка хлеба на этом пространстве для одного домохозяина составит 8 дней, или 80 рабочих часов; допуская 100 рабочих часов, получим на каждого домохозяина по получасу работы. Но работа эта была в поле, куда нужно было отправляться в горячее рабочее время. Бедняки за голодную годину попродали свой скот, так что работать приходилось только состоятельным крестьянам. Это вызвало среди последних ропот на неработавших, а так как сельский староста принуждал к своевременной обработке полей, то это вызывало еще большее неудовольствие. Состоятельные крестьяне на уговоры старосты, что пашня учреждена для сирот, отвечали: – «Нам приют не нужен. У наших детей на черный день есть кусок хлеба; наши дети в приют не пойдут. Пусть пашут те, у кого дети по миру ходят» – и не переставали повсюду высказывать на приют свое неудовольствие.

Кроме того, с учреждением приютов рыночные цены на детские рабочие руки повысились. Сироты представляли из себя самый дешевый, безответный элемент. За кафтан или полушубок, за 3 или 5 руб. в лето – нанимались дети в погонщики, за рубль или два – в подпаски, няньки. Зимою же о них хозяевам заботиться не приходилось: несчастные сироты промышляли себе хлеб и теплый угол нищенством. С открытием приютов предложение сиротских рук не только сократилось, но матери и родственники не находившихся в приюте детей опирались даже на приют для поднятия цен на детские руки: «Не дашь этой цены, – говорили они, – отдам в приют». Состоятельные лица такими ответами раздражались и, вынужденные повысить наемную плату, вместе с тем увидели в приютах серьезное для себя зло.

Затем, по мере разрастания приютского хозяйства, запашки их стали увеличиваться. Они потребовали себе

полностью то количество земельных паев, что причиталось воспитывавшимся в приютах сиротам. Сиротскими же паями завладели мироеды. Это усилило неудовольствие их к приютам, особенно в Бурлукской волости. Эта волость владеет обширными лесами и отличными лугами, которые составляют в камышинских степях большую редкость. Пахотная земля не составляет здесь особенной для крестьянина ценности ввиду необходимости ее обработки и редкости хороших урожаев, и при лени и малом инвентаре мужик стремится передать ее во владение другому лицу. В совершенно иные отношения становится он к луговой земле и лесу. Здесь, без всякого труда для себя и риска, получает он весьма ценные продукты, особенно лес, столь дорогой в степной местности. По закону сирота имеет право на тот земельный лесной и покосный пай, которым владел его отец, если только по принятому обществом порядку он не получает самостоятельного пая. По местному же обычаю право на владение паем переходит на тех лиц, кто сироту воспитывает, в виде якобы платы за воспитание. Естественно, ребенок, имеющий за собою право на участие в долях владения, представляет из себя некоторую рыночную ценность. Поэтому со смертью крестьянина потомки его мужского пола находят себе спрос в виде добровольных воспитателей, которые наперерыв спешат к матерям, опекунам и ближайшим родственникам сирот и кроме угощения водкою предлагают за ребенка плату тем большую, чем ценнее в данный момент паек леса и лугов. После позорного для нашего времени торга на ребенка давший бóльшую плату получает и мальчика; если детей несколько, то, случается, попадают они в разные семьи. Бывают и такие случаи, что купивший ребенка перепродает его с лихвою другому. Положение таких детей незавидное. Воспитывающая ребенка семья смотрит на него как на работника, но не как на члена семьи.

Заботы свои к нему, за которые получает она иногда очень хорошую плату, ставит ему в благодеяние, и в результате воспитанник обращается в раба. Его попрекают все: и малый, и старый. Дети собственника сироты смотрят на него как на слугу, и бедный ребенок, исполняя самые грязные и тяжелые работы, в то же время не видит себе ни ласки, ни внимания, ни даже надежды на лучшее будущее. Воспитывающая его семья по окончании воспитания не дает ему ничего, кроме нравственности, погрязшей в пороке. Достигнув совершеннолетия, в очень редких случаях сирота обзаводится хозяйством. Обыкновенно же он, пьяный, оборванный, без всяких нравственных принципов, пополняет ряды бездомного деревенского пролетариата, обременяющего даровые казенные помещения и составляющего бич для мирных сельских хозяев. С поступлением сирот в приют в последний отходят и луговые, и лесные их паи. Внезапное лишение доходов от детского невольничества возбудило среди мироедов Бурлукской волости сильное неудовольствие.

Вместе с тем на приюты стали расходоваться сиротские капиталы. Хотя деньги эти мироедам и не принадлежали, но они находили, что лучше было бы употребить их на другое дело. Там же, где на содержание сирот и постройку для них дома назначена была часть винных доходов, которая в ином случае распределилась бы между членами общества, кулаки стали завидовать этим доходам, домогаясь распределения их по рукам. Впрочем, что же тут удивительного? Гласный одного губернского земского собрания, присяжный юрист, помещик и богатый человек, внес в 1895 г. предложение закрыть земский приют для подкидышей ввиду требующихся на него расходов, а воспитывающихся в нем 300 несчастных детей выбросить на улицу. Что же после этого странного слышать жалобы от неграмотного мужика, да еще с кулацкими

наклонностями. Все эти обстоятельства раздражили против приютов некоторую, и притом самую сильную, часть общества – деревенских воротил. Они стали открыто высказывать неудовольствие против приютов и пользовались каждым случаем, чтобы восстановить крестьянство против них. Известно, однако, кто управляет сельскими сходами: два, три мироеда иногда решают все дело; они задают тон всему обществу. В некоторых селах, особенно в селе Бурлуке, где кулацкий элемент весьма силен, им удавалось добиваться прямо враждебного отношения к приютам со стороны сходов, отказывавших приютам в отводе земельных наделов.

Другие были недовольны приютами за потравы. Деревенские кулаки иногда доходят до чрезвычайной бесцеремонности: покормить своих быков посевом бедняка соседа, который не может рта перед ним разинуть; проехать по чужому посеву и т.п. составляет заурядное явление. Пускали они также скот и на приютские посевы – разве посмеют сироты претендовать на них. Делали и похуже: выйдет топливо у такого кулака на жнитве; далеко пройдется он до сиротской жатвы и без зазрения совести наберет колосьев с приютского поля, и сварит себе на них ужин. Нахальство таких лиц довело наконец до того, что смотрители вынуждены были привлекать их к суду. Волостные суды отнеслись к ним строго и заставили поплатиться в пользу приютов, что виновных озлобило еще больше.

К недовольным присоединилась частью и интеллигенция. Деревенская интеллигенция была недовольна поднятием цен на нянек. Фельдшера стали сердиться на то, что их постоянно тревожат к больным детям в приюты, с открытием которых им прибавилось работы.

Нашлись недовольные даже из духовенства. Разрешивший участие священников в составе советов покой-

ный преосвященный Аврамий[1] положил следующую резолюцию: священникам быть членами советов, а диаконам законоучителями. Эту фразу поняли в том смысле, что там, где открыты приюты, пришлют диаконов и причту придется делиться с ними своими доходами. Боязнь последнего взволновала некоторых, и они пристали к недовольному крестьянству.

Наконец, и сельские должностные лица не все считали приятным для себя возложенный на них, по ст[атье] 84 Общ[его] Положения о крестьянах, надзор за приютами и увеличившуюся вследствие этого ответственность.

Губернская интеллигенция находила идею приютов самопомощи утопией. Иные же не стеснялись высказывать крестьянству, что на сирот тратиться не стоит и что если крестьяне подают детям хлеб, когда они просят милостыню, то никаких и приютов для детей не нужно. Они говорили: бегают же собаки по улицам и кормятся; почему же так же не кормиться и сиротам? Если дети подчас и голодают, а девушки пропадают в различных притонах, то это вполне естественно – на то они и сироты.

Не сочувствовавшая приютам интеллигенция вредила приютам более всего. Она различными вздорными слухами о барщине, о могущем быть разорении для крестьян от приютов, о намеренном штрафовании для стройки при-

[1] Авраамий (в миру Александр Иванович Летницкий; 1838, Астрахань – 24 октября 1893, Саратов) – епископ Саратовский и Царицынский (1889–1893), епископ Тобольский и Сибирский (1885–1889). Известно, что в старших классах Саратовской духовной семинарии он ввел уроки медицины, основ пчеловодства. Во время его пребывания на Саратовской кафедре епархию постигли неурожай и холера. В голодный год владыка, не жалея своих средств, помогал нуждающимся, располагал и духовенство к посильным пожертвованиям в пользу голодающих. Во время эпидемии холеры сделал распоряжение, чтобы духовенство при всяком удобном случае разъясняло о заразительности холеры и о мерах предохранения от нее и содействовало ослаблению эпидемии. Награжден орденами Св. Анны 1-й и 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени. Скончался 24 октября 1893 года. Погребен 28 октября в нижней церкви Кафедрального саратовского собора.

ютов и проч. волновала народное мнение. Некоторые же из нее, из состава губернской, были настолько влиятельны, что прямо предлагали крестьянам закрыть приюты и сбили крестьян с толку, заставляя их думать, что призрение сирот не есть для них законная обязанность, а лишь каприз местной администрации.

Начался холерный год, чреватый различными выдумками, от которых не могли избавиться и приюты.

По возникшему сперва мнению, в приюты собирались голодные сироты-дети с тою целью, чтобы, откормив, отправлять затем в г. Камышин для продажи киргизам. Откуда могло появиться такое нелепое, нехристианское толкование, производившее, однако, ужас в питомцах приютов?

Более является понятным другое, возникшее в 1893 году [мнение]. Распространились слухи, что чрез посредство приютов крестьяне будут закрепощаться; к приютам будет прирезываться земля, а воспитывающиеся в них сироты обращаться в дворовых людей – лакеев, горничных, поваров; крестьяне же станут сперва работать на приют, а потом сделаются крепостными земского начальника. Этот слух усердно поддерживался не только кулачествующими в крестьянстве элементами, но и уездной бюрократией, восстановленной против института земских начальников.

Слух сей произвел огромную сенсацию в народе. Для Тарасовского и Красноярского приютов усадьбы даны были до появления этих слухов, но в Бурлукской и Лопуховской волостях крестьянские общества, опасаясь закрепощения, отказали в отводе усадеб из общественных пустопорожних мест, так что приобрести их пришлось за деньги, хотя, впрочем, это послужило лишь на пользу приютов: приобретенные покупкою усадьбы обладают фруктовыми садами, которые в других приютах только еще приходится разводить.

Вся сумма недовольных, при явной поддержке их, составила весьма сильную оппозицию, которая усердно до-

бивалась прекращения призрения нищих детей и иногда была к тому чрезвычайно близка.

Особенно резко сказалось это в Бурлукской волости, где кулачествующие элементы, как из крестьянской среды, так и деревенской интеллигенции, составили сплоченную силу. С усердием, достойным лучшего направления, они агитировали в крестьянской массе, пугая ее главным образом тем, что содержание детей будет обходиться очень дорого, и усердно поддерживая всевозможные заблуждения.

На руку им явилось еще религиозное суеверие. В Бурлукской и Лопуховской волостях, расположенных рядом с Донскою областью, сильною своим сектантством, большинство крестьян принадлежит к самым различным расколоучениям: есть и поповцы, и молокане, хлысты, подпольники, скопцы.

Реформы крестьянских учреждений, с 1891 г., слишком близко коснулись их быта, чтобы не отразиться на религиозном веровании, тем более что введению их предшествовал целый ряд всевозможных темных слухов, до возвращения крепостничества включительно.

Возникновение приютов в связи с другими новыми явлениями общественной жизни дало пищу всевозможным толкованиям.

По исчислению начетчиков апокалипсическое звериное число совпадало с одним из наступивших годов, и все явления в точности указывали на грядущее нарождение Антихриста. Рождению его должно предшествовать появление Предтечи, который должен быть человеком очень добрым и делами своими привлекать к себе людей. Люди доверят ему детей своих, а он соберет их вместе, выберет одну из девочек, приложит к ней печати на правую руку, чело и перси, и родится от нее Антихрист.

Действительно, прибыл в местность совершенно неизвестный человек, который начал свою деятельность с

первого же шага открытием для голодающих столовых, кормивших седьмую часть населения, и открыл отдельные приюты для детей, в которых скопилось их сразу множество, и, главное, девочек; в Бурлуке же, по закрытии столовых, кормились только одни девочки, потому что мальчиков не хотели допускать в них из опасения лишиться их земельных пайков.

Объявлено было о назначенном посещении приютов губернатором, но последний, получивший ложный донос при народе, отказался посетить приют и тотчас по приезде уехал обратно.

После него прибыл прокурор и что-то вместе с другими все искал, а некоторое время спустя в приют принят был ребенок восьми месяцев, мать которого на дороге умерла.

Ясно, – растолковали начетчики, – земной Царь, узнав о нарождении Антихриста, послал губернатора его убить, а губернатор побоялся. Тогда царь послал прокурора, пред прибытием которого Предтеча успел Антихриста спрятать и с матерью отправить в странствие.

По миновании опасности Антихриста снова поместили в приюте.

Во время предполагавшегося странствия их народ разыскивал мать Антихриста, коими могли быть только те девушки, что жили в приютах. Девочек останавливали на улицах и осматривали, нет ли у них на правой руке, груди и челе печатей; опрыскивали святою водою, чтобы прояснить знаки... Девочки плакали и боялись показаться на улицах.

В месяце 1894 г. пришли в Красноярский приют две старухи из с[ела] Бурлука и стали просить смотрительницу показать им младенца Антихриста. Смотрительница, уступая их горячим мольбам, стала показывать помещение приюта, чтобы убедить их в неосновательности слухов. Увидя в женской половине колыбельку, старухи подошли и, взглянув на лежащего в ней ребенка, земно поклонились

ему: «Антихрист, помилуй нас!» – набожно молились женщины и принесли ему в дар уголь, серебряную монету и полотенце. Пораженная неожиданностью смотрительница едва могла придти в себя. «Какой же это Антихрист, – сказала она, – смотрите!» – и, откинув одеяло, показала ребенка. В свою очередь старухи поражены были изумлением: в люльке лежала девочка.

Они тотчас же собрались и ушли. Недели через две после того явились в приют два старика из с[ела] Громков – оба начетчика, и просили показать ребенка, но девочка в это время уже умерла от холерины. Начетчики объявили, что старухи были обмануты, что, испугавшись открытия местопребывания Антихриста, – Предтеча опять укрыл его.

В это время на полях Тарасовского приюта загромыхали косилки с конными граблями. Быстрее молнии разлеталась одна весть за другою, что Предтеча уже вооружает войско и Антихристовы косы начали работать, что сила их действия такова, что целые толпы людей валятся перед ними.

Действительно, работа косилок заменяла работу 4–5 косцов.

В начале июля смотритель Лопуховского приюта из склада земледельческих орудий при Тарасовском приюте на паре вороных коней, чрез с[ела] Бурлук и Громки – гнезда раскольников, привез рядовую сеялку, имеющую вид гроба, красную с торчащими под нею сеяльными трубками. Привез он ее в праздничный день и под вечер, и чего только после того не рассказывали люди: и кони крылатые, из ноздрей пламя пышет, и лапы дьявольские торчат!

Ужас объял округу – то привезена колыбель Антихристова!

Кинулись к приюту – и все сомнения их исчезли: девочки часто ходили в тот сарай, где была поставлена сеялка, – очевидно, кормить Антихриста.

Сеялка была помещена в сарае, где находится и погреб, а девочки ходили туда за молоком и другой провизией.

Начались тайные собрания сектантов, учителя которых были восстановлены против приютов за участие в них духовенства и указывали иногда в проповедях своих на приюты как на способ сохранения детей в Православной церкви.

Особенно недовольны были хлысты. Одна из девочек-сироток, предназначенная ими в культ поклонения на тайных, запрещенных по разврату своему религиозных собраниях, взята была священником из воспитывавшей ее в духе своей религии семьи хлыстов и помещена в приют. Расколоучители не могли простить этого приюту и восстановляли против него свою секту. По решению ее уговорились уничтожить народившегося Антихриста.

В ночь на 5 июня 1894 г. сарай был подожжен. Народ, хотя и собрался на пожар, но смотрел только, чтобы не загорались соседние с сараем постройки. Если бы не пожарная команда, то сеялка сгорела бы, но ее, как вещь дорогую, команда извлекла из огня. Антихрист, по мнению народа, не погиб.

До чего сильно было в то время суеверие, иллюстрирует данное одною женщиною на дознании о поджоге показание. Она уверяла, что у Предтечи Антихриста не руки, а лапы мохнатые, с когтями – сама видела! На слова полицейского пристава, что он только что сейчас здоровался с предполагаемым Предтечею и что у него руки как у всех людей, женщина ответила: «И батюшка, это он туман наводит. А вот раз перед крестом, так он не мог уже наваждения допускать и перчатки надел – чтобы не видать было народу когтей-то!»

Действительно, виновник суеверия в табельный день был за молебствием в мундире и при перчатках.

В это время началась стройка Бурлукского приюта. Столетний старец этого села, кряхтя от немочи, сказал как-

то при бабах: «И что это смерть не приходит: правду, верно, люди бают: Антихрист народился!»

По Апокалипсису, люди с нарождением Антихриста перестанут умирать.

Слова старика пробежали по селу, где все уже знали, что Антихрист остался жив. «Люди умирать перестали!» – кричали старухи.

Досужая народная молва вывела тотчас же заключенье, что гонимого из Лопуховки Антихриста Предтеча желает поместить в Бурлуке. Охваченная суеверием толпа сожгла купленную для приюта избу. В конце августа приобретен был новый сруб, но, когда его хотели поставить на место, толпа голых женщин, с распущенными косами, на метлах верхом, встретила прибывших, бешено кружась, скача, с пеною у рта и налившимися кровью глазами, с пронзительным воем и истерическими кликами говорила заклинания: «Изыде, Антихрист! Чур нас, чур! Минуй село наше, окаянный! Спаси Христос!» Они провели черту и не допускали пройти через нее, а следы ступавших через черту заметали.

Дали им успокоиться, долго действовали силою убеждения и наконец поставили сруб, начали строить даже, а когда понадобились женские работы, то приглашали преимущественно кликуш, за увеличенную плату. Сперва они не шли; потом соблазнились деньгами одна, другая.

Приют теперь достроен, освящен и с июня месяца 1895 года жизнь его потекла своим чередом.

Вот при каких тяжелых условиях началась жизнь сельскохозяйственных приютов. Откуда могли возникнуть такие мысли в народе? Кто виноват в них? – Невежество; одно невежество.

Оно одно дало почву для молвы во время холеры о море людей подкупленными докторами; оно одно поселило страх в народе грядущей всеобщей переписи, когда, – по бродя-

щим в народе толкам, – всех крестьян будут закрепощать, а не соглашающихся – сечь электричеством посредством выписанной из-за границы машины (электрический счетчик).

Одно только невежество может рождать ужасные случаи убийств, при одобрении всего народа, сыном родной матери за ее колдовство…

Такие же толки об антихристовой печати имели место в Пермской и Вятской губерниях, где образованы были ремесленные артели, о чем опубликовано в местных изданиях и Сборнике саратовского губернского земства за 1895 год.

Заключать же из этого о нерасположении самого народа к возникшим среди него, по его же собственной инициативе, учреждениям – вряд ли основательно.

Единственным средством борьбы с невежеством служит настойчивое – капля за каплею – проведение в массу знаний и практическое ее знакомство с предметом, что блестяще доказали те же приюты…

XV. Выпуски питомцев

«Науки юношей питают,
Отраду старцам подают...»
Державин[1]

Народная масса не переставала коситься на приюты до тех пор, пока не последовали из них выпуски. Поступившие

[1] В тексте Н. Н. Жеденова явная ошибка. На самом деле это несколько искаженная цитата из М. В. Ломоносова. Приводим ее настоящий текст:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут.

(из «Оды на день восшествия на престол
Императрицы Елизаветы Петровны» (1747))

в 1892 году в приюты 14-летние девушки стали к осени 1894 года невестами, а 15-летние мальчики женихами. По крестьянским понятиям, первая молодость составляет главное качество как жениха, так и невесты. Девушка 16 лет считается невестою из первых и может себе выбрать жениха также из первых, т.е. не старше 18 лет. С минованием этого возраста они поступают уже во второй разряд и могут сочетаться браком с представителем первого разряда только в случае богатства своего и бедности первого или при каком-нибудь изъяне в виде хромоты, кривоглазия и проч. Пропустить это время значило бы повредить молодым людям. Поэтому возраст для окончания воспитания советы приютов установили для девушек 16 лет и юношей 17. Осенью 1894 года последовали выпуски из Тарасовского и Лопуховского приютов по одной девушке и из Красноярского – юноши.

Советы приютов, выпуская питомцев своих, признали, что в течение лета они работали и способствовали своим трудом собиранию необходимых для содержания приютов до следующего урожая продуктов, почему, согласно обычному в деревне воззрению, получили право на содержание их в течение всего того года, на каковой совершен запас. Приюты, выпуская питомцев, нравственно обязаны отдать им то, что они заработали; если они этого не сделают, то их принудит к тому волостной суд, руководствующийся по закону местными обычаями и принуждающий выплачивать работникам не только жалованье, но и стоимость содержания за все договорное время тех хозяев, которые, наняв весною работников на год, после летних работ – их рассчитывают. Поэтому советы приютов признали необходимым при выпуске выдать питомцам столько хлеба, мяса, одежды и обуви, сколько было бы съедено ими и изношено в течение года. Сверх того, принимая во внимание, что трудом своим выпускаемые питомцы дали возможность содержать маленьких, беспомощных еще, де-

тей, советы определили уплатить им за этот труд выдачею необходимых для сельского хозяйства орудий и семян и других принадлежностей. В этом соображении они назначили выдавать питомцам: хлеба по 25 пуд. каждому, вместо мяса овцу, свинку и по паре уток, гусей, индюшек, кур; по две смены одежды, праздничной и будничной; по две пары холодной обуви и по одной теплых валенок; по полушубку и кафтану; мальчикам семян на один паек, картуз и шапку, небольшой плужок, борону, лопату, топор и вообще самый необходимый плотничный и сапожный инструмент; девочкам – теплый и холодный платки, огородных семян, прялку с гребнями и ткацкий стан. Иные приюты назначили еще выдавать юношам лошадь с телегою и сбруей, а девушкам по телке. В Тарасовском приюте для этой цели образован при волостной ссудо-сберегательной кассе особый фонд, основанием которого послужила жертва отца Иоанна Сергиева Кронштадтского.

Выданные предметы, по своей незначительности, не составили для приютов заметного расхода и, за исключением разве орудий, все равно пошли бы на питомцев, если бы они остались в приютах, но в крестьянском быту составили видное приданое, а для бывших нищих-детей – целое хозяйство, при котором могли они свободно стать на ноги.

Первою была выпущена девушка из Тарасовского приюта Наталия Кропоткина […], возвратившаяся в дом к матери своей, очень бедной женщине, питавшейся подаянием. В приюте она научилась грамоте – первая грамотная девушка в волости на $7^1/_2$ тысячи жителей – и всем хозяйственным в крестьянском быту работам: отлично умела печь хлебы, шить, вязать чулки и шапки; прясть и ткать. Через неделю после выпуска она была просватана в хутор, за 20 верст. Мать ее взяла за нее, по местному обычаю, кладку в 50 р., которые целиком почти, также по обычаю, были пропиты на свадьбе.

В скором времени из Красноярского приюта был выпущен в дом к дяде своему юноша Федор Морозенко. Он научился грамоте, крестьянскому хозяйству, сапожному ремеслу, портняжному и плотничному. Поместившись с полученным из приюта добром у дяди своего, который ранее отказался по бедности его кормить, он оказал ему хорошую материальную поддержку и стал в семье со своими знаниями видным работником.

В Лопуховском приюте также предстоял выпуск девушки – круглой сиротки. Дальние родственники манили ее к себе, в расчете воспользоваться за нее кладкою, но она обратилась в совет с просьбою выдать ее в замужество.

При обсуждении сего члены совета из крестьян заявили, что приют, по положению своему, обстановке и занятиям, всецело оправдал те надежды, которые на него возлагались, а именно, он действительно представляет из себя крестьянскую семью со всеми ее обычаями и образом жизни и не отличающуюся от обычных семей пока даже размером своим, так как крестьянские семьи в 40–50 человек вовсе не редкость, ни даже кровностью связей, так как семьи из приемышей тоже встречаются. Поэтому по отношению к старшим своим детям приюты должны исполнить в точности существующие и освященные веками народные обычаи. По последним же, в случае принятия семьею приемыша, она должна девушку выдать в замужество, а парня женить в благодарность за те труды, которые несли они на содержание семьи с того момента, как получили на рабочем рынке, сверх права на содержание свое, еще и денежную ценность, все увеличивающуюся с летами. В приютах же старшие дети трудом своим содержат не только себя, но и маленьких приемных братьев своих и сестер, т.е. работают на благосостояние всей семьи. Поэтому приюты, следуя обычаю, должны устроить судьбу своих питомцев, что составляет для приютов не *благодеяние* по отношению к питомцам, но

обязанность. В этих видах совет согласился на просьбу Пелагии Храмовой и постановил выдать ее в замужество.

Не успел совет объявить ее невестою, как на руку ее явилось 15 претендентов не только из бедных, но даже очень состоятельных семей. Совет, обсуждая их качества, забраковал подлежавших отбытию воинской повинности, вдовых, увечных, пьяниц, замеченных в порочащих поступках и оставил пятерых юношей, не старше 18 лет, предоставив невесте право выбора любого из них. Невеста выбрала себе жениха по сердцу. Состоялось сватовство, во время которого приют выговорил с жениха сшить невесте три сарафана, пару башмаков и к осени будущего года – полушубок, купить серьги, несколько платков, пряников на девичник и пуд мяса на свадьбу. Денежной же кладки взято не было. С[о] своей стороны невеста должна была подарить жениху кумачную рубаху, плисовые штаны, пояс и принести в дом жениха постель: войлок, одеяло и две подушки. Свадьба сыграна была в приюте. […]

Народ с живейшим любопытством стал присматриваться к бывшим питомцам приютов. Он поражен был их знаниями. Выпущенный юноша прежде всего сшил сапоги дяде своему, кафтан для двоюродного брата и починил полушубок, о чем понятия не имели его сверстники. Полученное им в приюте добро составило для дяди целое хозяйство. Свекрови же приютских питомиц не могли нахвалиться своими снохами: и скромны-то они, и послушны, и работящие такие, что старухам делать ничего не дают; возьмутся шить – и скоро, и красиво сошьют; хлебы пекут – так лучше даже их самих; мужьям своим тотчас же по теплой шапке связали и рубахи узорами расшили. И все, что про них ни говорили, – все это вздор: печатей на них никаких нет. Мужья ими довольны. По праздникам всей семьей книжки читают и хоть бы когда-нибудь на улицу попросились – их туда вовсе и не тянет.

Слава о питомцах приютов разнеслась далеко за пределами местности. В 1895 году, еще с весны, стали заезжать сваты в Тарасовский приют, где предстоял выпуск двух девушек. Приезжали из дальних мест, за 100 верст. По общему отзыву их привлекала скромность девушек – «по улицам не бегают», их знания – в крестьянском быту девушек к работам не приневоливают: еще и бабой успеет намаяться, – говорят крестьяне, отсутствие кладки и приданое. По крестьянскому обычаю, полученное невестою из родительского дома добро составляет ее собственность и никто из семьи этим добром пользоваться не смеет. Так, сноха, принесшая с собою овцу, шерсть с нее употребляет только на себя и своих детей. Приютские девушки в новых семьях своих стали в этом отношении в первенствующее положение, так как в шерсти на чулки ни себе, ни детям своим они не нуждаются.

К свадьбам отнеслись теперь как к совершенно обычному делу, и этот обряд вошел в непременное условие деятельности крестьянских приютов. Это еще крепче связало девушек с приютами и еще более укрепило в них взгляд на свой приют как на родительский дом.

В том же году предстояло выпустить юношу из Красноярского приюта, Филиппа Онипченко. Когда ему объявили в совете, что держать его в приюте, за достижением им 18-летнего возраста, уже нельзя, он стал просить совет устроить ему жизнь – женить его, так как он бобыль и выплатить кладку за невесту не сможет, и принужден поэтому на всю жизнь остаться холостым. Совет согласился и, узнав, что ему нравится одна выпускаемая из Тарасовского приюта воспитанница Анна Любименко, решил ее сосватать, вместе с тем и выстроить для них в слободе Морозовой, Красноярской волости, к которой приписан Онипченко, избу по подписке. Совет избрал двух членов своих: сельского старосту слоб[оды] Морозовой и волост-

ного старшину и смотрителя приюта – сватами. В один из праздников они отправились в Тарасовский приют и там ему девушку сосватали. Любименко охотно согласилась идти замуж за Онипченко, как хорошо ей известного. Они виделись друг с другом на годовых актах в приютах; иногда приюты всею семьею посещают друг друга, и таким образом дети между собою знакомятся. Тем временем объявили о подписке на хату. Крестьяне наперерыв, один пред другим стали возить кто бревно, кто жердь, кто раму; некоторые пожертвовали кирпичи, солому для крыши, доски. В два, три месяца материал был собран. Морозовское общество сочувственно откликнулось на призыв к нему. Отец жениха пропил свою усадьбу, и Филипп не мог уже получить дворового места по праву. Но сельское общество с такою симпатией отнеслось к устройству молодым угла, что не только отвело им под усадьбу одно из запасных своих мест, но подарило несколько возов леса на плетень и крышу.

12 ноября 1895 г. сыграли свадьбу, и молодые зажили на правах самостоятельных домохозяев. Каждый из них принес с собою в дом от приюта по овце, свинке, телке и по паре всякой птицы, хлеба на годовое продовольствие и семена, одежды и обуви на два года носки; кроме того, земледельческие и домашние орудия. Все это само по себе составило хозяйство средней руки крестьянского двора. На свадьбе им подарили денег, так что они купили себе лошадь, подарили хлеба, ситца, корову, овец и разную кухонную утварь. Подарки эти составили уже для них богатство.

Отец Онипченки умер от пьянства, оставив 3 мальчиков. Все они бродили по миру, пока двое младших не поступили в приют. Старший так и остался бродягою с очень темною репутацией; второй же стал хозяином. Составившаяся парочка представила из себя наиболее удачный выпуск. Оба хорошо грамотны. Во время вен-

чания священник сказал: «За девять лет моего священства здесь – еще впервые расписывается в брачной книге невеста». Он отлично знает сапожное ремесло, так что свободно исполняет заказы; недурно портняжное, с кройкою включительно, и плотничное настолько, что свободно сделает телегу, стол, переборку в чулане; прекрасно пашет, сеет и косит, понимая не только установку, но и сборку, и разборку плугов, жнеек и молотилок; имеет некоторое понятие о травосеянии, искусственном орошении и удобрении, так что не будет говорить, что земля от этого портится; знаком с рациональным пчеловодством, присматривался к садоводству. Молодой жене его отлично знакома хозяйственная часть: она отлично печет хлебы и варит пищу, умеет выпаивать приплод и выкармливать скот; отлично шьет, вяжет чулки, шапки, шарфы, умеет прясть, ткать холсты и сукно, вышивать по узорам. Знает, как возделывать огород, имея понятие о плодосменном огородничестве, с удобством орошения самотеком; отлично жнет и вяжет снопы, знакома с пчеловодством – все это практически, без теории, но уже настолько, что понимает преимущество рациональных приемов против принятых в крестьянском быту. Вдобавок к этому она отлично умеет ухаживать за малолетними детьми. Несомненно, полученные ими знания помогут им в жизни и, во всяком случае, составляют видимое различие от их сверстников, не знающих, куда девать свободное зимнее время. Можно быть вполне уверенным, что в случае неурожая своим ремесленным трудом они отлично себя прокормят. Таким образом, вместо бездомного бродяги Морозовское общество получило хозяйственную и полезную для него семью, что Морозовское общество тотчас же и оценило, постановив поднести молодым в подарок хороший уголок из общественных огородов, на что также они рассчитывать не могли.

Тот, кто знает огромную скупость крестьян на землю, тот поймет, что означает такой поступок всего общества, незадолго пред тем не желавшего дать приюту в пользование даже тот сиротский пай, который принадлежит ему по местному же обычному праву, как воспитателю ребенка.

XVI. Свадьба

«Суженого, ряженого конем не объедешь»
Народная побасенка

По установившимся в каждом учебно-воспитательном заведении традициям и с целью лучшего ознакомления населения с жизнью приютов в каждом из них празднуются годовщины их открытия. К ним приурочиваются обыкновенно и свадьбы. На праздники эти стекается население со всей окружной местности. Особо в качестве гостей приглашаются сельские должностные лица с их семействами; крестьяне и крестьянки от каждого хутора волости, в качестве представителей от обществ и по выбору последних; особо почетные крестьяне и местная интеллигенция – священники, врачи, учителя, фельдшера и торговцы с их семействами. Кроме того, прибывают дети со всех приютов и ученики местных школ.

Свадьбы играются строго согласно местным обычаям, как бы странны последние ни были, лишь бы только они не были безнравственны и противозаконны. Делается это с тою целью, чтобы не отшатнуть питомцев от народной массы, которая крайне упорна в своих воззрениях, и не сделать для них неприятность на всю жизнь.

Народ до сего времени еще различает в свадьбе две части; внутреннюю – духовную, или церковную, и внеш-

нюю – обрядовую, или языческую. Обе эти свадьбы у него совершенно различны. На первую он смотрит как на формальность, а вторую он считает самою главною. В некоторых волостях Камышинского уезда эти две части бракосочетания иногда происходят в разное время. Так, напр[имер], если невесте или жениху не исполнилось еще брачных лет, а между тем, по соображениям их семей, сочетаться браком уже время и оба они вполне созрели или же нет в семье денег для уплаты священнику, то свадьба играется без церковного венчания, с соблюдением одних только обрядов, что считается самою главною частью бракосочетания, и молодые начинают жить вместе; когда же лета придут или деньги в семье явятся, то молодые, случается, уже на втором году своей брачной жизни, после рождения даже ребенка, отправляются в церковь и венчаются. Бывает и наоборот. Если по соображениям семьи ей неудобно играть обрядовую свадьбу, а между тем время церковного венчания кончается с наступлением поста, то жених и невеста отправляются в церковь без всякой пышности и поезда и венчаются, после чего расходятся по домам: она возвращается в свой дом, а жених в свой. Спустя некоторое время, когда настанет возможность устроить брачный пир, снаряжается поезд и жених, по совершении обрядовых формальностей, привозит невесту, уже задолго перед тем обвенчанную с ним, в свой дом. Иногда случается, что та или другая свадьба не состоится за смертью или вследствие семейного разногласия. В первом случае, по обычаю, невеста считается замужем, а жених женатым, хотя и без церковного венчания, а во втором брак признается несостоявшимся и оба свободными для брака с другими.

Ввиду такого воззрения народа на брак и явного предпочтения им языческой свадьбы церковной, крестьянской, семье-приюту, имеющему цель воспитывать крестьян,

пришлось невольно с этим считаться и признать некоторую важность обрядовой стороны. В самом деле, если жених не купит невесты или во время свадьбы не скажут дружки каких-либо слов, то всю жизнь будут крестьяне укорять молодых, что они браком не сочетались; волостные суды будут отказывать в признании имущественных прав, вытекающих из бракосочетания, по наследству в особенности, как самих побрачившихся, так и детей их, и, наконец, в случае несчастия молодые под давлением всего крестьянского мира будут чувствовать себя угнетенными: им будут внушать, что причиною смерти любимого ребенка послужило несоблюдение обычая – обойти с образами поезд, что скот у них умирает потому, что домовой сердится на жениха за то, что он не купил невесты, и пр. С течением времени, когда приюты укрепятся в народном сознании и сами питомцы станут более развитыми, полегоньку можно будет освобождаться от всех предрассудков, но пока народные симпатии необходимо покупать уступкою в интеллигентных воззрениях.

Порядок торжества на приютских годовщинах так описывает одна местная газета.

«Накануне праздника в соседнем приюте съехались питомцы изо всех окружных приютов на девичник; собрались родственники невесты и гости. В полдень пришел от жениха сват звать гостей на обед. Дети, кроме невесты, с песнями и музыкой пошли к жениху за мылом. Там встретила их родня жениха и усадила обедать. После обеда молодежь вдоволь наплясалась и, затем, получив от жениха мыло, с песнями возвратилась в приют – мыть невесту. Невеста встретила их с причитаниями, а хор в 80 детских голосов запел прощальные песни. После того невесту увели подруги в баню. Когда она вымылась, послали сваху звать жениха на девичник, а гости начали петь песни и плясать. При входе жениха девушки спрятали не-

весту. Жениха со сватами усадили за стол. Сваты вынули хлеб, соль и брагу и начали потчевать гостей. Девушки подходили сперва к сватам, а потом ко всем гостям и пели им укорительные песни, в которых поименно осмеивали их, укоряя их старостью, попрекая их пьянством, ленью, грубостью; мужьям осмеивали жен их, а женам мужей. Девушки пели:

Ай да дядя Иван,
Пьянехонек стал.
Он по улице шатается,
Идет, – спотыкается.
У него-то жена,
Маланья была.
Она его бьет,
Да бороду рвет.

Гости спешили избавиться от укоров и бросали девушкам в чашечку с водою деньги. Когда последние вытеснили воду, девушки перестали играть песни и на просьбу жениха показать невесту дозволили ему искать ее.

Разыскивая невесту по комнатам, жених увидел три фигуры, покрытые большим платком. Он подошел к ним и предложил: "Или меня, или стаканчик винца, или пряник. Что хочешь, то и спросишь". Одна из фигур взяла вино, другая пряник, третья не хотела брать ни вина, ни пряника. Жених закричал: "Вот моя невеста" и сбросил покрывало, под которым оказалась невеста. Она поблагодарила жениха поцелуем и наградила его вышитой кумачной рубашкой, плисовыми штанами, поясом и кольцом. Вино оказалось у свахи, а пряник у невестиной подруги. Девушки стали петь жениху веселые песни, за что он одарил их сластями. Затем жених ушел, а питомцы докончили девичник веселою пляскою.

На другой день состоялся годичный акт. Большое зало приюта – его мастерская – было красиво убрано снопами всякого рода хлебов, возделываемых на приютских полях, сельскохозяйственными и ремесленными орудиями – плугами, косами, вилами, топорами, вперемешку с флагами, красиво обрамлявшими по стенам эффектно задрапированные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Не только огромное зало приюта, но и соседние комнаты, двери которых были отворены, были полны местною интеллигенциею и простым народом, собравшимся в числе около двух тысяч человек. Прибывавшие приветливо встречались смотрителем приюта и старшиною, усаживавшими гостей, всех без различия, но в разных лишь комнатах, за чай, согреться и закусить после дороги.

Праздник начался молитвою. В сослужении семи священников и диакона совершено было молебствие с водосвятием, за которым хоровое пение исполнялось при помощи сирот.

После некоторого перерыва под звуки музыки дети собрались в зал, поместившись по бокам кафедры, расположенной под портретом Государя, – мальчики справа, девочки слева. Один из членов совета приюта открыл гражданское отделение праздника напоминанием о Царе земном, в любви к Которому должны воспитываться сироты. Провозглашенные, каждая в отдельности, здравицы Государю Императору и Высоким Покровительницам о сирых и неимущих, Государыням Императрицам, были покрыты долго не умолкавшим “ура” присутствовавших на празднике и пением хором сирот народного гимна и песни “Славься, славься наш русский Царь”. Затем хор питомцев пропел: “Среди долины ровныя”, после чего смотритель приюта с кафедры прочитал годовой отчет о жизни приюта. По прочтении отчета оркестр из питомцев сыграл

малороссийскую песнь “Як за гаем, гаем”, а после нее хор спел, сперва соло, малороссийскую песнь “Сивирини”, а затем, под аккомпанемент оркестра, “Цыганку”.

Место на кафедре занял снова член совета, который объявил, что за достижением 18-летнего возраста настало время выпустить из приюта одного юношу. Вызвав его, он проэкзаменовал его в знаниях. Юноша прочел ясно и толково Молитву Господню, сказал заповеди; бегло прочитал несколько строк, показал письмо свое и рукодельные работы: сшитые им сапоги, кафтан, полушубок, сделанные табуретку, вырезанную чашку; ответил, как нужно направить плуг для широкой и узкой пашни, мелкой и глубокой и показал знания свои по сельскому хозяйству. Вещи предъявлены были публике.

Тогда, объявив его готовым к самостоятельной жизни и сказав несколько напутственных слов, член совета предложил ему уходить из приюта. Но юноша, пораженный предложением, ответил, что на дворе зима, а на нем только одна рубашка. На предложение же заработать одежду, так как он знает ремесла, юноша чуть не со слезами ответил, что сделать это нечем, так как у него нет инструментов. Это дало повод члену совета объяснить присутствующим о необходимости не только воспитания ребенка, но и снабжения его хозяйством.

Объявив юноше о назначенном ему советом имуществе – хлебе, одежде, орудиях труда и животных, он снова предложил юноше уходить, захватив с собою имущество. Юноша поблагодарил и наивно спросил его также: “Куда же мне идти?” Член совета объяснил тогда, что у выпускаемого нет ни отца, ни матери, ни даже угла, где бы приютиться, почему выданное ему приютом имущество может пропасть бесследно. Совет приюта принял это уже во внимание, открыл сбор пожертвований, на каковые и выстроена ему теперь хата. Совет приюта на этом, однако, не остановился и,

видя необходимость устроить бобылю жизнь, сосватал ему в соседнем приюте невесту.

После того последовало распоряжение о снаряжении поезда. Дружки, по-малороссийски бояре, сели на коней, жениха благословили, и в сопровождении бояр верхом поскакал он за невестой. В перерыве дети спели и сыграли еще несколько песен.

Когда жених вернулся с невестой, последней был также сделан экзамен и предъявлены присутствующим ее рукоделья. После краткого наставления жениха и невесту благословили члены совета, старшина, смотритель и смотрительница. Они глубоким поклоном поблагодарили крестьян за свое воспитание, простились с питомцами, которые разразились при этом страшным плачем, и направились к венцу.

Впереди везли на одной лошади образ. Затем, на разукрашенной лентами тройке с колокольчиками и бубенцами, ехала невеста со свахой, а за нею верхом скакал жених с боярами; после него следовал поезд из 30 подвод на разукрашенных лентами конях. На обратном пути жених сидел уже с невестою. Молодые встречены были в приюте священником с крестом. Помолившись пред иконами, они взошли на кафедру и поклонились гостям. Молодая красивая парочка в оригинальных малороссийских костюмах была приветствована самым сердечным образом. "Желаем счастья!", "Бог пошлет вам богатство!", "На новоселье дарю вам овцу!", "А я мешок ржи!", "Будьте счастливы!", "От меня воз сена и пять возов соломы!", "На лошадь примите!" – кричали гости, подходя к молодым, и, поздравляя, клали на стол: деньги, ситец, ложки, чашки, сковороды, ухваты, ведра, дуги, холст, платки, решета, чугунки, горшки, полотенца, лампы, соль, несли мешки ржи, пшеницы... Местный землевладелец подарил корову. Молодые кланялись и благодарили. Денег подарено им было 78 р., а ситца и холста

189 аршин, масса разных мелких вещей, несколько мешков хлеба, корова, 2 овцы, полное количество домашней утвари и несколько возов корма. Всего в устройстве угла для сирот приняли участие 896 человек. Из бездомных бобылей получилась, таким образом, хозяйственная семья – поистине, с миру по нитке, голому рубашка!

По окончании поздравлений питомцы приюта – мальчик и девочка, взойдя на кафедру, попросили гостей на свадебный пир. Зала, вся залитая светом, уставлена была рядом столов. Молодых усадили под образа, за красный угол, а от них шел тесный ряд гостей, более 300 человек. Во главе стола расположились члены совета: старшины, священники и почетные гости. После молитвословия и пения хором детей Молитвы Господней принялись за обед. Ели все, не исключая интеллигенции, из деревянных чашек и деревянными ложками. Первое блюдо были щи, второе лапша, третье вареное мясо и, наконец, пироги с кашей, капустой и мясом, все исключительно из приютского хозяйства. Первый тост, "за здоровье Царя и Царицы", встречен был восторженным "ура" и требованием пения народного гимна. Позвали детей, которые исполнили желание народа. За вторым тостом "за здоровье новобрачных" народ долго кричал "горько", заставляя молодых поцелуями подслащивать напиток; четвертый тост был за здоровье волости. После подачи пирогов мальчик и девочка стали обносить гостей брагою. Тост "за процветание сиротских приютов" был принят с необычайным радушием. Гости пили подносившуюся из золотого стаканчика брагу, поцелуями благодарили детей за хлеб-соль и клали на блюдо деньги в пользу приюта. Собранными деньгами вполне покрылся расход на пир.

По окончании обеда столы были убраны. Под звуки собственного оркестра питомцы приютов обошли всю залу и начался свадебный пляс. Красивый казачок прошел-

ся по зале, пристукивая каблуками, и поманил за собой девушку. Помахивая платочком, она грациозно выплыла к нему навстречу, а хоровод запел: “Ты плыви, плыви лебедушка...” Не выдержал другой казак и стал отбивать красавицу, лихо засеменив ногами. Но вот замахала платочком еще одна девушка: второй молодец растерялся – за которой из двух ему приударить, за ними еще пара, и еще, и в скором времени все, кто как мог, пустились в пляс. Старики притоптывали, а “дивчины и хлопцы” усердно заслуживали друг пред другом внимание. Вдруг весь хоровод приостановился. Раздался крик пьяного человека. В середину хоровода втиснулся старик с большой белой бородою и горбом на спине, одна нога была у него босая, а другая в сапоге. Он стал ко всем придираться, а затем вдруг лихо заплясал казачка. Изумленные было гости радостно закричали: “Ряженые пришли!” Выскочила “англичанка” в белой пиджачной паре, с огромными очками на носу, и своими ужимками рассмешила гостей еще больше. Заиграли было метелицу, как вдруг затрещал барабан: выкидывая разные штуки, выскочила коза, а за нею медведь с поводильщиком. Громко, дружно хохотали гости, так весело хохотали, что молодые, по обычаю скромно сидевшие в переднем углу, не выдержали и подошли к веселящимся. Старики уже разошлись: позабыли обычай и заставили новобрачных плясать метелицу в первую руку. Веселье было единодушное, как интеллигенции, так и простого народа. Откинув спесь, плясали все: и старый, и малый, и девушки, и парни, и барышни, и кавалеры. Всем было весело. Всех соединил праздник – праздник помощи ближнему, праздник милосердия.

Около полуночи молодых отправили в их теремок, где на другой день общество всем сходом явилось к ним поздравить с новосельем и поднесло им в дар хорошее место под огород из общественного выгона».

XVII. Взгляд народа

«Подай перст твой и вложи в ребра Мои; и не будь неверен, но верен»[1]

Выпуски из приютов произвели на народ огромное впечатление.

Вместе с выбывшими питомцами вернулись в сельские общества и земельные их наделы. Народ убедился, что земля требуется не для закрепощения, а лишь для временного пользования; что питомцы вернулись в крестьянство же, но с лучшими знаниями, да еще с богатством; что никаких печатей, по свидетельству мужа и родных выданных в замужество питомиц, не замечается на них и они не только скромные девушки, но и труженицы. Народ понял приюты, и симпатии его тотчас же выразились в самом главном – беспрепятственном отводе земли для приютов. Ранее пайки разбросаны были по всему полю и по всей волости, далеко друг от друга, что сильно затрудняло уборку. Как ни просили крестьян стянуть пайки к одному месту,

1 Сокращенная цитата из Евангелия от Иоанна. Полный текст: «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся. Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 24–29).

они не соглашались и, кроме того, давали землю самую плохую. Вскоре же после первых выпусков отвели в двух волостях землю для приютов сплошь к двум, трем местам, и притом лучшей земли. На следующий год, задолго еще до выпуска, стали наведываться крестьяне, когда можно будет приступить к сватовству, и просили не отдавать девушек к родственникам, которые станут продавать их, а выдавать в замужество из приютов, чем самым уничтожается сильно вредящий народу обычай кладки за невесту, преграждающий возможность бедному жениху сочетаться браком со взаимно любимою девушкой.

Бывшие питомцы приютов поддерживают с приютами постоянные сношения. Они смотрят на приют как на родительский дом жены или мужа. По большим праздникам, когда, по обычаю, сыновья или дочери посещают тестя или свекровь, молодые приезжают в приюты дорогими гостями и проводят там по два, по три дня, смотря по обычаю. В свою очередь и питомцы навещают их и встречают такой же радушный прием.

Родные бывших питомцев считают себя роднею приюта и энергично поддерживают его интересы. Такая живая, органическая, связь имеет в высшей степени благотворное значение – с одной стороны, приюты получают необходимую для них поддержку на сельских сходах, а с другой стороны, бывшие питомцы могут много позаимствовать у приютов. Не говоря уже про нравственные принципы, приюты всегда могут оказать им помощь в случае болезни, снабдить хорошими или какими-нибудь новыми семенами, сменять породистый приплод ухо на ухо, познакомить с новыми приемами работ или хозяйства, дать книжку для прочтения, позволить сделать что-нибудь приютскими инструментами и т.п.

И крестьяне отлично уже сознают достоинства приютов. Теперь напоминания о крепостничестве, об Анти-

христе вызывают лишь улыбку среди них, но, чтобы добиться этого, нужны были четыре года упорного труда. Впрочем, нужно оговориться, что не везде народ относился к приютам недоброжелательно. Крестьяне Тарасовской волости в этом отношении были все время впереди остальных. Много способствовало к тому меньшее количество в этой волости кулачествующих элементов. В то время как другие селения не соглашались на отвод земель в пользование приютам, Тарасовская волость отводила их беспрепятственно. О религиозном суеверии в этой волости не было и помину. Мало того, крестьяне смотрят на сиротский приют как на богоугодное заведение и относятся к нему с особенною теплотою, приурочивая к приюту выдающиеся события.

Радостная весть о помолвке Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, ознаменована была Тарасовскою волостью приговором от 29 мая 1894 г. за № 9, о возжжении неугасимой лампады в Тарасовском приюте пред образом покровителя Тарасовского приюта св. Николая Чудотворца. По объявлении же манифеста о бракосочетании Тарасовский волостной сход приговором от 27 ноября 1894 г. за № 12 постановил: «Имея в виду, что наш сиротский приют воспитывает только сирот нашей волости, тогда как есть много бездомных детей, молящих Христа ради о куске насущного хлеба, принимать в приют на полное содержание, сверх сирот нашей волости, двух круглых сирот – мальчика и девочку, без различия сословий, вероисповедания и народности, лишь бы они происходили от подданных Государя нашего, да молят они своими сиротскими слезами пред Престолом Всевышнего о ниспослании Высоконовобрачным Царю нашему и Царице многих лет счастливой жизни во славу России и на благоденствие нас, верных подданных Царских. А так как сиротский наш приют жи-

вет исключительно трудами рук своих, то, при недостатке у приюта земли от сиротских наделов, нанимать ему паек земли на средства волости».

Оба приговора крестьян осчастливлены Всемилостивейшею благодарностью Их Императорских Величеств и в Бозе почившего Царя-Миротворца[1], что укрепило в сердцах устроителей приюта радостное сознание об окончательно упрочившемся его общественном положении.

Словам интеллигенции крестьяне не верят, и только практика может убедить их в полезности какого-либо начинания. Пройдут еще два, три года, состоятся еще выпуски, и приюты займут в сознании народном почетное место. Тогда народ так сильно двинет в них детей своих, что скоро, очень скоро, они окажутся тесными и народ сам же примется за стройку новых.

В настоящее время в приютах воспитываются 90 детей. Кандидатов же к поступлению в них – детей-сирот бедствующих – более 1000. Помимо непонимания задач приютов на непоступление детей влияет эксплуатация их родственниками: маленьких детей посылают они нищенствовать, а подростков отдают в наймы за плату, из-за 3–5 руб. в лето мальчиков 12–15 лет, а старших – до 10 руб. Поступают дети, даже девочки, в погонщики быков, подпаски, няньки. На зиму они возвращаются, заработанных летом денег далеко не достаточно для их пропитания, и потому детей посылают нищенствовать, не считая нужным на заработанные ими же деньги даже справить детям одежду и обувь. Если детей много, то для родственников это большая выгода: ни кормить, ни одевать их не надо, а доход доставляют. Можно привести целый ряд примеров самой наглой эксплуатации детей, когда здоровые люди питались не трудом, а доставлявшимися детьми кусками хлеба или на деньги, полученные за отданных в рабо-

[1] То есть Императора Александра III (1881–1894).

ту детей. Одной бедной вдове, имевшей пятерых детей, предложили поместить старших детей в приют, но она согласилась отдать только двух маленьких – 3 и 4 лет, а относительно старших заявила, что они ее кормят. Тогда ей предоставили хороший заработок, вполне ее обеспечивавший, лишь бы она не пускала детей нищенствовать. Женщина от работы отказалась.

Но бывают и исключения. Нищий ребенок, кормящий больную мать, не способную к труду, заслуживает полной симпатии. Для таких случаев, впрочем очень редких, советы уплачивают матери рыночную стоимость ребенка или это делает какой-нибудь благотворитель, а ребенок поступает в приют – учиться. Подобный же пример видим мы в истории Череповецкой технической школы. В первый год ее открытия, – пишет учредитель ее, городской голова г. Милютин[1], – никто не хотел посту-

[1] Милютин Иван Андреевич (1829–1907) – городской голова Череповца (с апреля 1861 г. и до своей смерти). Милютин активно участвовал в развитии пароходного и железнодорожного сообщения между Череповцом и другими населенными пунктами, при нем в 1864 г. был открыт городской общественный банк, который давал кредиты для развития торговли и промышленности города. По инициативе И. А. Милютина были открыты учебные заведения: Александровское техническое училище (1869), Мариинская женская гимназия (1873), реальное училище (1875), учительская семинария (1875), женское профессиональное училище (1887) и ряд других. Всего к 1896 г. было 11 учебных заведений и 1400 учащихся, а в 1908 г. в городе обучалось 1937 человек. Более половины учащихся, или 975 человек, были крестьянские дети. В череповецких учебных заведениях учились дети со всей Новгородской губернии. Можно с уверенностью говорить о феномене образования в Череповце XIX–XX веков. В 1861 году было 110 учащихся, в 1913 году – 2 115 человек. Пропорция учащихся на число жителей такая же, как в Цюрихском кантоне Швейцарии! За это город Череповец нередко современники называли «Северными Афинами». Городской голова активно занимался развитием образования в Череповце. И. А. Милютин не только понимал необходимость грамотных специалистов. «...Из правильного образования проистечет и промышленность, и здоровье, и богатство, и сила страны», – заявлял городской голова.

По инициативе Милютина было положено начало комплектованию фондов Череповецкого музея. В 1878 г. к этой деятельности был привлечен известный фольклорист и палеограф Е. В. Барсов, уроженец деревни Логи-

пать в школу, несмотря на бесплатное обучение: родители видели прямой для себя расчет получать за детей своих плату при отдаче в наймы, чем помещать в школу, практичность которой казалась им сомнительною. Г[осподин] Милютин начал нанимать учеников за рыночную плату. Так велось дело до тех пор, пока не состоялись выпуски. Когда окончившие курс поступили на хорошие места и народ понял значение школы, то детей начали отдавать в техническую школу все дешевле и дешевле, пока, наконец, стали не только просить вообще о принятии в школу, но даже за плату.

XVIII. Строй жизни

«На что и клад, коли в семье лад»
Народная пословица

Медленно, шаг за шагом, вырабатывалась жизнь в крестьянских приютах. Совершенное незнание, к чему приведет завтрашний день, заставляло делать ошибки, исправить которые, случалось, было очень трудно. Иногда силы направлялись совершенно не в ту сторону, от которой ожидалось затруднение. На складку хлеба в скирды и разборку его для молотьбы смотрели сперва как на пустой труд, а между тем он оказался серьезнее всех других, потому что требуется большая ловкость сложить хлеб так, чтобы его не пробило дождем, а подача вилами

ново Череповецкого уезда, который передал в дар будущему музею свою археологическую и нумизматическую коллекции, а также древнерусское оружие и портреты российских Государей. В марте 1896 года музей был открыт. Большую роль в его создании сыграли преподаватели учительской семинарии Н. В. Подвысоцкий, Н. Т. Исаин. Еще при жизни Милютин был удостоен высоких наград и званий – купец 1 гильдии, действительный статский советник, кавалер орденов Святого Станислава 1-ой степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 3-й степени.

снопов и тем более розвязи составляет тяжелую работу. Думали, что пашня самый тяжелый труд; оказалась, однако, самым легким.

Опасались поступления в приют большого количества детей, но дело идет тем лучше, чем детей больше, так что на приют, при правильной жизни его, необходимо не менее 80–100 детей. Оно и понятно. Приют – это крестьянская семья, а крестьянский двор тем богаче, чем членов его больше. Не напрасно же хлопочет правительство о прекращении семейных разделов, так как они обессиливают семьи. Работа пчел и муравьев потому так поражает своими огромными результатами противу их малосильности, что производится она дружно, сообща, огромною массою мелких сил. Существующим приютам трудно управляться со своими хозяйствами, потому что детей в них пока мало, не более 32 человек в одном. Часть из них по возрасту беспомощны. На каждого же из работников приходится одновременно слишком много самой разнообразной работы: один и тот же мальчик должен в одно и то же время и дрова колоть, и сапоги шить, и на пашню идти, почему он делает только самую неотложную работу, а остальную откладывает. Будь же питомцев больше, самые разнообразные работы могли бы исполняться одновременно: часть детей занялась бы чисткою хлевов, часть – рубкою дров, часть – ремеслом, часть отправилась бы куда-нибудь по хозяйственному делу, а часть работала бы в поле. Работа кипела бы во всех частях и везде успешно. Особенно важно распределение занятий по отношению к ремеслам. После рубки дров ребенок не может приступить к шитью обуви: пальцы у него загрубеют и дрожат. Или же случается такое: нужно и сапоги зачинить, и на молотьбу идти, так как штата работников для нее не хватает. Шитье поневоле оставляется, и сапожник отправляется на молотьбу. В одной отрасли, следовательно, является уже запущение.

Избегали приема малых детей; оказалось, что крошечные дети необходимы для поддержания теплоты отношений между питомцами.

Сельское хозяйство, и притом машинное, пришлось направлять людям, с этим делом мало знакомым. Вследствие недосмотра вызывались лишние расходы. Так, первая косилка потребовала ремонта через 2 недели работы, потому что слишком редко смазывалась ось эксцентрика, она потерлась и это вызвало убытки чрез приостановку работ в страдное время; теперь же работают ею безо всякого ремонта. Желание сэкономить расходы вело подчас к очень большому ущербу, как это наглядно показывает описанная в девятой главе история с амбаром в Тарасовском приюте.

Сельскохозяйственные приюты самопомощи явились совершенно новою формою призрения детей и вызвали скептическое к себе отношение во многих лицах, имевших власть для упрочения жизни приютов, но не понимавших сельской жизни или, скорее, не желавших глубже взглянуть на это дело, им вообще не интересное. Они пользовались каждою неудачей, чтобы указать на утопичность идеи самопомощи, почему приюты сверх сил своих тянулись, чтобы не вызвать малейших нареканий. Так, в Тарасовском приюте пшеничный хлеб, отсырев на току в описанную мокрую зиму 1895 года, потерял свой цвет, хотя в доброкачественности ущерба не потерпел. Стали клеветать, что детей кормят прелым хлебом, и пришлось купить хлеб белого цвета. Крестьянские дети ходят босиком и надевают одежду со взрослых. Дети приютов не могли этого делать, но должны были выходить на улицу прилично одетыми, хотя средства приютов этого не дозволяли, чтобы не вызвать нареканий не от крестьян, которые против этого не только ничего не имели, но даже требовали, чтобы дети не баловались, но от власть имущих лиц,

что они оборванцы. Все это влекло излишние расходы, в каковых бы нужды не было, если бы на крестьянских сирот смотрели бы не как на щенят, по словам одного такого лица, а как на людей, имеющих право на человеческую, но не на скотскую жизнь, и если бы приюты получили должную нравственную свыше поддержку.

Приютам трудно было натягивать чрезмерно внешность. Сильно надеялись на лето 1895 года, так как сырая осень подавала блестящие надежды, но страшная засуха погубила посевы.

Так тяжелы были первые шаги пионеров в деле призрения крестьянских сирот – первых крестьянских сельскохозяйственных приютов самопомощи. Если прибавить к этому описанную борьбу с народным невежеством, с кулачествующими в нем элементами, мешавшими приютам развить свое хозяйство, и постоянную угрозу ненавистников детей – задушить их жизнь, не дать ей развиться, разбросанность земельных наделов, тормозившую обработку, то и те успехи, которых приюты все-таки достигли, должны быть признаны большими.

Теперь приюты уже обогатились опытом, узнали свои нужды, приобрели к себе внимание правительства, которое, несомненно, не позволит врагам сирот мешать их честной жизни и выгнать детей снова на улицу – просить милостыню, и хотя еще долгое время должны отделывать детали, но успели уже выработать себе определенный строй жизни, который только и поможет им достигнуть цели своей – добиться полного самостоятельного существования и исполнить задачи свои – развить в народе более высокую сельскохозяйственную и кустарную культуры и поднять его экономическое благосостояние.

Этот строй покоится на следующих основных принципах: 1) *семейное начало*, 2) *крестьянская простота жизни* и 3) *усовершенствованная техника*.

Ни один из этих принципов не может быть нарушен без вреда для жизни приютов самопомощи.

Не менее важное значение для них имеет также соблюдение следующих правил: 1) приюты должны быть вне зависимости от рынка, потребляя только то, что получается от их хозяйства, и 2) обработка сырых продуктов хозяйства приютов должна совершаться их же собственными силами.

Основные начала эти выработаны самою жизнью, подтверждены указаниями опыта, и без них невозможна правильная жизнь приютов самопомощи.

Разберем каждое из них в отдельности.

Без семейного начала приюты приняли бы обычную форму закрытых учебных заведений, где дети нисколько не связаны друг с другом, где смотрят они на воспитывающее их учреждение как на чуждое для них, неприятное, откуда стремятся они вырваться возможно скорее на волю. Они не были бы заинтересованы в сохранении предметов хозяйства, и самая обстановка их жизни носила бы весь характер казарменной обстановки: не было бы той живой внутренней связи между питомцами и их наставниками, которая так ярко выделяет Камышинские приюты. Выпускаемые питомицы приютов горько плачут, прощаясь со стенами здания, и при каждом удобном случае посещают питомцев, как своих кровных родных. На приют свой питомцы смотрят теперь как на свой отчий дом.

Простота жизни необходима в приютах потому, что питомцы, при иной обстановке, выйдут изнеженными и непригодными к той суровой жизни, в которой вращается крестьянин. Наконец, простота жизни уменьшает расходы и дает возможность питомцам с меньшею затратою сил поддерживать свое существование. Введя в приюты тонкую обувь и белье, мы поднимем денежный расход на последние, и, кроме того, они не будут так но́ски при гру-

бой земледельческой работе и скоро потребуют ремонта. Заведя вилки, салфетки, платки, мы опять-таки увеличим расход, который покрыть должны сами же дети. Для этого они должны усилить свою запашку, тратить больше труда и времени на работу и уменьшить то ничтожное количество часов, которое оставляет им забота о куске насущного хлеба для умственного и нравственного своего развития.

Вследствие этой именно причины и трудно содержание сирот в городских приютах, где большею частью носят они одежду дорогую, едят пищу, не соответствующую интенсивности их труда, и работают не так производительно, как это могло бы быть, если бы жизнь их была поставлена на совершенно крестьянскую ногу.

Наука должна сквозить во всех действиях приютов самопомощи. Без нее немыслима их жизнь. Работа сохою не по силам детям, а ручною косьбою они не осилят уборки полей, и если не заменить сохи плугом, а косы жнейкой, то детское сельское хозяйство явится утопией. Девушки не совладают с тою массою шитья, что требуется для приютов, если в помощь им не дать швейных машин. Они же не польют всего огорода, если полив не будет производиться насосами. Чем более применяется наука, тем приютам легче добыть себе средства к жизни.

Зависимость от рынка для приютов должна быть самая ничтожная. Рынок нужен им только для оплаты жалованья администрации и для приобретения таких необходимых предметов, вроде железа, соли, которых в стенах приютов добыть нельзя. Все же, что только возможно получить, должно добываться самими приютами, от их хозяйства. Насколько опасно уклонение от этих правил, можно судить из следующих примеров.

Один из камышинских хозяев – большой куровод – рекомендовал завести в приютах исключительно одну

птицу ввиду того, что в них много даровых пастухов, в чем так сильно нуждается его птицеводство, страдающее от нападения мальчишек и причиняющее ему часто хлопоты от потрав. Он резонно доказывал всю прибыльность этого дела, могущего с успехом окупить все содержание приютов. Осенью 1894 г. цены на птицу пали, и этот куровод, порезав птицу, стал выжидать цен. В середине зимы, после сильных тридцатиградусных морозов, вдруг настала оттепель, так что снег весь стаял и трава зазеленела. Птица начала у него портиться. Он хотел было ее посолить, но не мог сразу достать кадушек, и огромное количество отлично выкормленной птицы у него пропало, причинив ему огромный убыток. В 1895 г. цены на птицу понизились еще сильнее, благодаря дешевизне хлеба, в пять раз против прежних, хотя цены на рабочие руки и не уменьшились. Птицеводство стало совершенно бездоходным, и он бросил свое хозяйство. Ничего подобного не может быть при одинаковом развитии всех отраслей сельского хозяйства. Птицеводство поддерживать необходимо, но оно не должно заменять остальные отрасли хозяйства, как бы в данный момент оно ни казалось выгодным, так как рыночные цены колеблются. Но зато можно тот или другой промысел развивать в несколько большей степени, чтобы во всякое время его сократить при изменившихся условиях.

Другое лицо, тоже власть имевшее, предложило шить рубахи на продажу вследствие возможности более заработать на шитье, чем стоит для приютов вязание чулок, пряденье, тканье холста и проч. Исполнили по его совету. Приютам неловко продавать изделия из плохого материала. Купили поэтому хорошего кумачу, по 15 коп. за аршин; сшили рубахи, по 5 аршин каждую, и пустили в продажу по 90 коп. Никто не стал покупать их. Рубахи же из плохого материала в 50–60 к[опек] раскупались, по-

тому что были дешевле. Спустили цены до 75 копеек, т.е. без вознаграждения за труд, и то не могли продать – вот что значит зависимость от рынка! Приюты же от такого риска должны быть свободны, иначе погибнут.

Самою трудною задачею для приютов является добывание денежных средств. Денежные суммы могут выручаться ими от продажи продуктов своего хозяйства, главным образом хлеба, и потому приюты в этом отношении всецело зависят от рынка. При падении цен на хлеб им надо увеличивать свою запашку, что может быть для них очень тяжелым. Поэтому сокращение до последней возможности денежных расходов на такие предметы, которые не могут получаться дома, составляет непременное условие жизни приютов самопомощи. Несомненно, гораздо легче заплатить за дубку овчин, чем самим их дубить. Но деньги на дубку можно получить только от продажи хлеба. Количество же хлеба, необходимого для уплаты за дубку, особенно ввиду дешевизны его, необходимо добыть излишним посевом. Труд же на добывание хлеба обойдется не дешевле, чем стоит потеря времени на дубку. Яснее это станет из сравнения стоимости работ. За дубку одной овчины придется заплатить 15 к[опек], или, по настоящим ценам, полпуда хлеба. Для обработки одной десятины нужно питомцу потратить один день на пашню, один день на бороньбу с двойною пашней, три дня на жатву, три дня на привоз и молотьбу, а всего восемь дней; полагая цену рабочего дня в среднем в 50 коп., имеем, что для получки 40 пуд. хлеба нужно заплатить за работу 4 р., или за каждый пуд 10 коп. Следовательно, стоимость дубки одной овчины обходится приюту в 5 коп. Тот же питомец на выделку овчины потратит четверть дня зимних, стоимостью те же 5 коп., но зато он будет уметь дубить овчины. Если же принять еще во внимание, что зимнего времени в распоряжении приютов

очень много и при надлежащем штате питомцев ущерба для других работ не произойдет, то собственная дубка овчин составит для приютов прямую выгоду.

Случается, что некоторые вещи прямо убыточно для приюта делать самому, как это было приведено в главе о ремеслах относительно валяных шапок, так что, с первого взгляда, казалось бы, выгоднее, продав шерсть, купить шапку. Но шапки фабричные менее прочны в носке, и в то время, как валяные носятся по три года и более, фабричные едва служат одну только зиму. Главная, однако, польза заключается прежде всего в обучении. Кроме того, изделия исполняются зимою, в свободное от полевых работ время, которое для крестьянина без кустарных работ проходит бесцельно. Поэтому приюты должны обрабатывать все сырые продукты своего хозяйства собственными силами. Кроме практического расчета это послужит еще на пользу питомцев тем, что научит их новым ремеслам.

Описанный строй жизни сельскохозяйственных приютов самопомощи является совершенно новою формою воспитания детей и потому, в связи с описанными уже в главе «Антихрист» недоброжелательствами, приобрел против себя ряд врагов.

5 июня 1895 г. в с. Бурлуке к осматривавшему приюты лицу местные кулаки обратились с заявлением о нежелании своем иметь приют. На вопрос спутника этого лица, почему они не желают приюта, жалобщики первое время не могли дать ответа, а на замечание, что при отсутствии причин нечего и жаловаться, они ответили: «Приют дорого будет стоить». На вопрос же: «А сколько с вас на приют требуют?» – последовал ответ: «Да ничего не требуют». На содержание приютов, действительно, с крестьян никогда ни одной копейки не требовалось. Тем не менее выражено было согласие закрыть приют. На собран-

ном вследствие этого словесного распоряжения для этой цели волостном сходе сторонниками призрения детей был предложен вопрос – как же призревать детей иначе, так как по закону нищенство воспрещено и детей сельское общество призревать обязано. На сходе враги приюта указать иные, лучшие, способы призрения детей не могли, но настаивали на совершенном прекращении призрения; ввиду же противозаконности подобного постановления оно и не могло быть обсуждаемо, почему приют продолжает призревать детей по-прежнему. Инцидент этот, однако, разошелся по окрестности в виде последовавшего уже будто бы распоряжения о закрытии приютов. Питомцы поражены были ужасом: мысль о том, что им снова придется выйти на улицу (домов у них нет), терпеть холод и голод и снова просить милостыню и заниматься воровством, каковых они привыкли уже стыдиться, заставила их горько плакать. К членам советов девушки-невесты обратились не с просьбами, а с мольбами выдать их скорее в замужество до закрытия приютов, чтобы избежать того позора, какой ожидает бесприютных девушек, а подлежащие выпуску юноши просили отдать им причитающееся имущество заранее, обещая честно доработать. Впечатление было так велико, что стоило многих усилий успокоить ни в чем не повинных детей. Боязнь их лишиться вновь родительского дома и куска честным трудом заработанного хлеба – была, однако, вполне основательна.

Утверждение устава приютов вследствие заведомо неправильно изложенной постановки дела в приютах замедлилось, и приютам грозило даже закрытие, если бы Ведомство учреждений Императрицы Марии не простерло к бедным крестьянским сиротам свою спасительную руку и не поручило 30 декабря 1895 г. за № 2436 саратовскому губернатору организовать Камышинское попечительство для заведования этими приютами.

XIX. Администрация

«Скажи мне, с кем ты знаком,
а я скажу, кто ты таков»
Сократ[1]

Главный жизненный нерв в приюте – это смотрители. Кроме той характеристики, которая дана в главе о воспитании, они должны отвечать следующим главным условиям: быть умными, добрыми, честными, старательными, стоять по развитию выше крестьянской среды, а по образу жизни от нее не отходить; в семейной жизни уважать друг друга, подавая детям пример; к питомцам относиться как к родным детям, так чтобы дети смотрели на них как на родителей. Чтобы достигнуть последнего, смотрители должны вести образ жизни по установившемуся в народе: быть богомольными, приниматься за работу и за пищу и оканчивать их, осеняя себя крестом, и придерживаться в этом отношении всех крестьянских традиций. В постные дни, даже по средам и пятницам, они должны соблюдать посты. Есть обязаны они вместе с детьми, за общим столом, и так же попросту, из общей чашки и деревянными ложками, отнюдь не позволяя себе готовить отдельно. Единственное уклонение могут они допустить –

[1] Сократ (ок. 469 г. до Р.Х., Афины – 399 г. до Р.Х., там же) – древнегреческий философ, учение которого знаменует поворот в философии – от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека. Изречение, процитированное Н. Н. Жеденовым, в той или иной форме высказывалось не только Сократом, но и другими авторами, начиная с Античности. Считается, что впервые эта мысль встречается у древнегреческого драматурга и поэта Еврипида (480–406 гг. до Р.Х.). Еще более популярной она стала впоследствии, благодаря испанскому писателю Мигелю Сервантесу де Сааведра (1547–1616), который использовал ее в своем романе «Дон-Кихот» (полное авторское название романа «Славный рыцарь Дон-Кихот Ламанчский», 1615). Смысл выражения: о человеке, его характере, устремлениях, моральных качествах, принципах и пр. можно многое сказать, если знать, с кем он дружит, с кем близок и т.д.

это в чаепитии, совершая лишь таковое в своей комнате, и в костюме, который может быть и несколько отличен от крестьянского, так как среди крестьян немецкие пиджак и жилет начинают принимать все более и более права гражданства. Работать смотрители обязаны впереди детей, наравне с ними вычищая навоз, копая землю, задавая корм скоту, занимаясь шитьем обуви, плотничеством и прочим; спать также в поле, наравне с детьми, на голой земле.

И в то же время они должны быть знающи, грамотны, развиты, несколько воспитаны и, безусловно, толковы, чтобы иметь возможность поддерживать общепринятые отношения с начальствующими лицами, и, главное, не дороги.

Дороже 300 руб. в год на готовом содержании приюты платить смотрителям не могут. Плата эта составит 600 пудов пшеницы или 1000 пудов ржи, для получения которых необходимо обработать 15–25 десятин земли, т.е. третью часть всего приютского поля. Этот расход является для приютов самым тяжелым.

Исчисленные условия, коим должны удовлетворять смотрители, на первый взгляд кажутся несовместимыми, но на практике явилось возможным найти вполне подходящих лиц.

Такие люди являются обыкновенно из так называемых разночинцев. Они по происхождению крестьяне и в малолетстве занимались хлебопашеством на крестьянском совершенно положении. Но отцы их имели достаточную возможность научить детей грамоте, кое-каким ремеслам и, главное, – хозяйственности. Разжившись, они надели пиджак, научились пить чай, и крестьянский надел стал для них мал, а простая изба тесною. Они обратились к легкому труду, погнались за жизнью высших классов. Обладая природным умом и сметливостью, они находят себе места приказчиков в имениях, особенно у землевла-

дельцев из купечества, а хорошо грамотные из них становятся писарями в селениях, конторщиками. Но долго они здесь не уживаются. Грубость их хозяев и унижение их достоинства заносчивостью чиновников гонят их прочь, и они принимаются за торговлю или собственное сельское хозяйство. Случается, дело почему-нибудь не пойдет, они обанкротятся и ищут такое место, где бы самолюбие их не было задеваемо, где бы своим способностям и своим всевозможным затеям, на которые так находчив смышленый русский крестьянин, они имели широкий простор и где бы они чувствовали себя возможно самостоятельнее. Лучших для них мест, чем в крестьянских приютах, трудно и придумать, и они с удовольствием берут на себя очень и очень трудные и хлопотливые обязанности.

Жены их – хорошие хозяйки и знают весь крестьянский быт. Большею частью они неграмотны, но это нисколько не мешает им быть прекрасными смотрительницами.

К детям такие люди очень ласковы и относятся к ним не с пренебрежением, но запросто, как к родным. Пришлют смотрителю из его усадьбы, сданной в аренду, сушеных яблоков, он варит из них общую сладкую похлебку; случится ему убить зайца – он летит в общий котел; есть у смотрительницы красивая лента – она заплетет ее в косу бедной сиротки-невесты и доставит своей приемной дочери много, очень много восторга.

Способны они на все руки: и сельское хозяйство, и ремесла, и пение, и музыка – все им знакомо.

Такие люди состоят смотрителями в Камышинских приютах. Жалованье получают они 300 руб. в год, на полном содержании, если знают все ремесла и грамоту. Если не знают некоторых, то на соответствующую сумму для найма ремесленников и преподавателей уменьшается и жалованье. Некоторые из них – особенно хорошие хозяева – получают иногда и больше, если советы найдут их очень пригодны-

ми. Так, в Лопуховском приюте смотрителю дана четверть чистого дохода от приютского хозяйства сверх жалованья. Ему обещано в случае, если он покроет от приютского хозяйства все потребности приюта в течение года – как материальные, так и денежные, до жалованья себе включительно и с ремонтом орудий, то по окончании года четвертая часть всего образовавшегося излишка – в хлебе, мясе, шерсти и проч., долженствующая представлять из себя экономию для запасов на будущий год, отдается ему. Он рассчитывает получить от этого излишка не менее 100–150 р. кроме жалованья при среднем даже урожае. Подобная постановка вознаграждения имеет то преимущество, что побуждает смотрителей наблюдать за аккуратным отношением к приютскому имуществу. Ее полезно ввести во всяких приютах, но только при одном условии, чтобы часть излишков была назначена сверх жалованья; иначе нужда при плохих урожаях может побудить смотрителя к эксплуатации детей в свою личную выгоду.

Если у смотрителей есть дети, то это не мешает приютам, но только пребывание мальчиков старше 15 лет в приютах допущено быть не может, так как в большинстве случаев дети их достаточно испорчены тою жизнью по приказчикам и торговле, которую привелось нести их родителям. Дети, живущие при смотрителях, должны подчиняться также общему крестьянскому режиму и быть наравне с питомцами.

Слишком уже молодые люди, моложе 25–30 лет, в смотрители приютов не годятся, так как не обладают достаточною опытностью и ровностью характера, что так важно при воспитании детей. Случается у смотрителей склонность и к вину. Таких необходимо избегать, так как нельзя быть в них вполне уверенными. Крестьяне, однако, в том, что смотрители иногда выпивают, не видят ничего подлежащего преследованию. Они сами также пьют, считают появление

в пьяном виде совершенно обыденным, и не видят дурного в том примера для детей.

Отношения начальствующих лиц к смотрителям должны быть поддерживаемы любезные. При малейшей грубости они бегут.

Со временем, когда сельскохозяйственные приюты займут подобающее им место в общем ряде государственных воспитательных заведений, на должности смотрителей охотно будут поступать народные учителя. Теперь же их удерживает от этого опасение непрочности самих приютов. С переходом их в Ведомство учреждений Императрицы Марии, уже потребовавшее организации для заведования ими в Камышинском уезде попечительства, народные учителя не замедлят предложить свои услуги, и приюты станут не только воспитательными учреждениями, но и низшими народными школами.

Для преподавания ремесел, если смотритель их не знает, приглашаются местные мастера за плату 2, 3, 4 коп. в час, что составляет обычное вознаграждение 20–40 копеек в день, на приютских харчах. Приглашаются они на неделю или две, или на день, на полдня, смотря по надобности. Если же хорошо знает ремесла кто-нибудь из старших питомцев, то вольные мастера приглашаются один или два раза в зиму, для общего только руководства делом. В деле ремесел приходится выносить со смотрителями постоянную борьбу. Они, сокращая расходы, стремятся заставлять мастеров больше работать, чем учить детей.

Мастера приглашаются пока смотрителями с одобрения двух членов совета, избираемых для заведывания приютом.

Работники и работницы приглашаются главным образом из семейных лиц и лично уже смотрителями.

За весь порядок в приютах и за все хозяйство отвечают смотрители. Они ежемесячно отчитываются перед

советом по жизни приютов. Советы же их определяют и увольняют.

Мозг приютов – советы. Советы состоят, как уже сказано было в главе «Возникновение приютов», из крестьян, священников, фельдшеров, учителей и других лиц, желающих работать на пользу сирот. Общее наблюдение за ними составляет обязанность земского начальника, который иногда председательствует в заседаниях.

Вот состав одного из советов: старшина, председатель суда, 6 сельских старост, 4 священника, волостной писарь, участковый врач, фельдшер и учитель местной земской школы. Итак, 8 крестьян и 8 интеллигентных лиц. Крестьяне сохраняют в приютах крестьянский режим, а интеллигенция толкает их по пути развития. Такое сочетание из крестьянской, темной, но практической массы и интеллигентных сил дает весьма благотворные результаты.

Пионер в занятиях сельским хозяйством, впервые развернувший знамя «приютов самопомощи», Тарасовский приют постановкою дела выдвинулся вперед только благодаря теплому к нему участию земского фельдшера Е. Т. Мещерякова. Все свое свободное время проводил этот сердечный человек сперва на стройке здания для приюта, а затем в нем самом, устраивая внутреннюю жизнь питомцев. Развитием своим идея самопомощи приютов обязана его плодотворным заботам, и ради нее только ему пришлось пострадать: враги приютов насильственным его переводом на другое место службы предполагали нанести ущерб развитию сельскохозяйственных приютов.

Постоянный врачебный надзор дает возможность правильно чередовать требующие усидчивости практические занятия с подвижными и вообще соблюдать возможные гигиенические требования. К сожалению, земские врачи не всегда оправдывали возлагавшиеся на них надежды. Полная апатия к общественной деятельности, боязнь лишнего

труда и, кроме того, нерасположение к приютам земских заправил отстраняют их от могущей быть для них в приютах плодотворной деятельности.

Влияние же духовенства сильно сказалось на нравственной стороне приютов. В ноябре 1893 года в Тарасовский приют принята была круглая сиротка 9 лет, профессиональная нищенка. Она пробыла два дня в приюте и убежала. Ее снова взяли в марте; она пробыла три дня и снова убежала. В это время была уже зима, начавшаяся снежными бурями, при сильных северо-восточных ветрах. На несчастной девочке были башмаки на босую ногу, рубашонка полуоборванная, а сверху вытершийся, совершенно без шерсти, оборванный, не полушубок, а подобие только его; на голове вместо платка шапка всклокоченных волос. Она ютилась у нищенок и собирала им куски хлеба. Помещенная в третий раз в приют, она объявила, что не хочет жить в нем, потому что ее заставляют работать и не дают ни водки, ни чая, и в третий раз убежал ребенок, несмотря на то что ласки с нею в приюте и суровость вне его были удвоены, делано было даже распоряжение, чтобы в деревнях, где она питалась, за семь верст от приюта, ей не давали милостыни. Она бежала в другие села, но в приюте жить отказывалась.

Собран был совет, и на нем лица, принадлежащие к администрации, высказались в том смысле, что дальнейшее насильственное содержание ребенка в приюте не должно быть допускаемо – «Как волка ни корми, все в лес глядит» – и надлежит его оставить на произвол судьбы. Но против такого решения вопроса восстал один из священников, о. Николай Смеловский. Он разъяснил членам совета, что совет приюта должен заменять сиротам родителей, а последние, как бы ребенок ни был испорчен, никогда его не покинут и не три или четыре, а десятки раз вернут его, если он убежит для нищенства. Слова священника имели

решающее значение в судьбе ребенка, бывшего на краю гибели. Ребенок был снова взят насильно в приют. Видя, что бегством своим она не спасется, девочка осталась в приюте, попривыкла и теперь рекомендуется одною из лучших воспитанниц приюта, наиболее доброй, почтительной, прилежной, наиболее старательной во всех отношениях и прекрасной работницей.

Благодаря горячему сочувствию священника о. Лебедева ткачество в Лопуховском приюте поставлено на образцовую ногу.

Священники о. Дьяконов, Кунчеров, Репновершинский не только составили планы постройки приютов, но принимали в стройке горячее участие, а о. Смирнов собственными своими руками соткал соломенную крышу для Тарасовского приюта.

Священники иногда навещают приюты со своими семействами, и ведут с детьми духовно-нравственные беседы, и проверяют их знания по Закону Божию.

Из должностных лиц, нужно отметить, самое горячее участие принимают старшины. Они чрезвычайно тепло относятся к детям и последние смотрят на них, как на отцов. В ряду их особенно проявили себя Тарасовский – Бондаренко, […] Красноярский – Бендин, Лопуховские – Заплатников и Лапшин, Бурлукский – Голубов. Имена их тем важнее отметить, что из-за тех же сирот им пришлось вынести немалую борьбу с недоброжелателями, зачастую очень сильными и дававшими знать себя довольно для старшин чувствительно.

Из членов-соревнователей отмечены своею деятельностью мастер-позолотчик г. Соломин и учитель г. Добров. Последний преподавал в Красноярском приюте рациональное пчеловодство.

Вообще влияние интеллигенции в советах приютов сказывается на каждом шагу, и лучшими примерами ее зна-

чения могут служить: процветание Тарасовского, Лопуховского и Красноярского приютов, где местная интеллигенция принимает особенное участие, и мертвое положение, где участия этого нет вовсе, как в Бурлукском.

Советы собираются один раз в месяц, по заранее назначенным дням или числам, и экстренно, по созыву старшины, в особо важных случаях. О заседаниях своих, происходящих под председательством старшин или земского начальника, советы составляют протоколы. Советы дают смотрителям общие указания о порядке ведения хозяйства, жизни, работы, воспитания и большею частью на словах, непосредственно смотрителям и смотрительницам, которые обязательно присутствуют в заседаниях советов, происходящих в одной из комнат приютов. Советы же устанавливают количество запашки, составляют годовые сметы и утверждают отчеты, как о том подробно изложено в нижеследующей главе.

Для непосредственного наблюдения за течением жизни приютов советы из среды своей выбирают на полгода или менее двух членов-надзирателей, для заведования приютом – расходования крупных сумм, наблюдения за порядком воспитания детей и за ведением смотрителем своего дела.

Надзиратели дают смотрителям советы и указания, но от желания последних зависит – воспользоваться ими или не воспользоваться. Если смотритель приюта данным ему советом не воспользовался и дело пошло плохо, то он является лишь вдвойне виновным пред советом. Ранее надзиратели имели право приказывать смотрителям, но это вызывало большую путаницу отношений и беспорядки: смотритель ссылался на приказания надзирателя, а надзиратель уверял, что он не приказывал. Кроме того, иные из членов советов недостаточно бывают развиты, чтобы не проявить заносчивости пред смотрителем или самодурства.

Надзиратели большею частью распределяют между собою обязанности: один наблюдает исключительно хозяйственную часть, а другой воспитательную и учебную. В случае серьезных упущений со стороны смотрителей надзиратели требуют от старшины созыва экстренного заседания членов совета.

XX. Отчетность

«Деньги счет любят»
Народная поговорка

Камень преткновения всех наших воспитательных заведений составляет отчетность, особенно по расходованию припасов. Долго вырабатывали в приютах отчетность, пока наконец не остановились на таких формах записей в книгах, при коих хищения если не прекращены вовсе, то наименее возможны и наименее убыточны, благодаря легкости контроля.

В каждом приюте хлеб всякого рода хранится в амбаре, находящемся под замком и за печатью старшины и под его ответственностью. Отпуск из него хлеба совершается только по письменным постановлениям совета. Получив из амбара хлеб, смотритель переносит его в хлебную кладовую и расходует уже по собственному усмотрению. Мясо, овощи, шерсть, кожи и деревянный материал хранятся в погребах и кладовых, а ситец, холст и пр. в сундуках под личною ответственностью смотрителя, но так, чтобы их возможно было каждую минуту проверить.

Смотритель приюта ведет книги: кассовую на расходование денег (форма 6); амбарную на запись зерна (ф[орма] 7); продовольственную на запись обыденного расходования продуктов (ф[орма] 8); овощную (ф[орма] 9); книгу жи-

вотных (ф[орма] 10); книгу материалов для обуви и одежды (ф[орма] 11); книгу одежды и обуви (ф[орма] 12); книгу упряжи и другого инвентаря (ф[орма] 13) и книгу кормовых продуктов (ф[орма] 14).

По книге кассовой сделаны рубрики приходных статей на собственно приютские суммы, суммы волостные и пожертвования; в расходной выделены статьи на администрацию, приварок, отопление и освещение, инвентарь и сельскохозяйственные работы, чтобы всегда быть в курсе дела и по итогам книги сводить отчет. В принятии денег выдает смотритель квитанцию, как бы сумма поступления мала ни была. В книгу амбарную (7) заносится сбор со всего решительно посева, а в книгу животных – как приплод, так и купленные или подаренные животные. Весь расход по этим двум книгам, что поступает на пропитание и одежду питомцев, записывается тотчас же по выписке в расход, приходом по книгам продовольственной (8) и материальной (11). Таким образом, если по амбарной книге и книге животных отмечено, что на продовольствие приюта взято 50 пудов пшеницы, а одна овца зарезана, то от того же числа на приход должно значиться: по продовольственной книге – те же 50 пудов пшеницы и вес мяса зарезанной овцы, а по книге материалов для одежды снятая с нее овчина. По продовольственной книге запись делается смотрителем или под его наблюдением кем-либо из питомцев ежедневно, по мере расхода из кладовой; каждый взятый предмет ежедневно взвешивается и записывается приходом по весу. Продукты, ежедневно требующиеся в небольшом количестве, как соль, масло, отмечаются раз в неделю. Книга материалов (11) согласована еще с книгою одежды (12). Выписанный в расход ситец должен быть записан на приход на другой или третий день в рубрике рубашек или сарафанов, а шерсть в рубрике обуви.

Полезнее всего всякие вообще материалы и большие запасы непременно оградить от смотрителей, не столько из

опасения присвоения их смотрителями, сколько в предупреждение расходования их без экономии, вследствие чего их может не хватить по сделанному расчету.

Расходование всяких вообще материалов смотритель совершает только по постановлениям совета. Совет назначает к отпуску продуктов на месяц, соображаясь с числом питомцев и количеством рабочих. Смотритель обязан вести расход так, чтобы данной ассигновки хватило на месяц. Если что останется, то смотритель имеет право не сдавать остатка съестных припасов, а прибавить его к расходу на следующий месяц. Так, например, если от ассигновки на октябрь осталось 2 пуда муки и 10 ф[унтов] мяса, то при ассигновке на ноябрь это количество не исключается, но смотритель имеет право усилить питание печением пирогов с мясом или другим лакомым блюдом.

Таким образом, по отношению к продуктам совет рискует только месячною пропорцией. Сумма продуктов всегда может быть исчислена на один месяц с точностью; советы делают на это исчисление небольшую прибавку и знают, что данного количества запасов должно хватить. Из месячной пропорции смотрителю трудно скрыть что-нибудь для себя; если же ему и удастся сэкономить в тайную свою выгоду один или два пуда хлеба, то этот ущерб для приюта незначителен. Иначе было бы дело, если бы ассигновка давалась на год, с правом для смотрителя хозяйничать бесконтрольно. Тогда из общей суммы 1000–1500 пудов смотритель может совершенно незаметно для контроля причинить большой ущерб для приюта. Резкую же утайку в течение месяца смотрителю сделать трудно, так как это бросится в глаза начальствующим лицам и будет замечено детьми.

По мере того как питомцы научились письму, им стали поручать записи тех или других продуктов. Так, девочки записывают яйца, молоко и шерсть, муку, масло и проч. (см.

ф[орму] 15), а мальчики кожу, лесной материал и железный, зерно, деготь. Записи ведутся ими по тетрадкам, и по последним уже смотрители выводят в книгах.

Такая система прекращает всякую возможность для смотрителя тратить яйца, молоко, масло на себя только, так как дети его невольно контролируют, зная, куда пошла каждая крынка молока. В то же время дети и крестьяне перестают смотреть на смотрителя, хотя бы он был вполне честный человек, как на обогащающегося на их счет. И хорошие смотрители, зная, что детям счет продуктов известен, чувствуют себя лучше и независимее; неприятно участие детей в контроле только для тех, кто наживается на сиротский счет. Результатом такого порядка является чистота отношений между детьми и их приемными родителями.

Смотрители ежемесячно отчитываются пред советами в приходе и расходе за прошлый месяц всех материалов, наличности живого и мертвого инвентаря, работах, здоровье детей и требуют ассигновок на следующий месяц – денежных и материальных. Советы делают те или другие замечания и дают ассигновки, по которым уже старшины совершают отпуск денег и продуктов. Все формы книг и отчеты отпечатаны, так что канцелярия отнимает очень мало времени.

По примеру сельскохозяйственных школ год приютов течет с 1 ноября одного года по 1 ноября другого. В октябре месяце по полученному урожаю составляется смета на целый год, которая утверждается советом и служит ему руководством для ассигновок в течение года. […]

По окончании года составляется подробный годовой отчет по приюту по тем же формам, как и месячные отчеты, но с подробным указанием количества и рода запашки, состояния садоводства, огородничества, пчеловодства и скотоводства, успешности занятия ремеслами, поведения и санитарного состояния детей и степени их подготовки.

Прием и выпуск детей, наем и увольнение смотрителей совершаются только советами, которые дают общее указание жизни приютам.

О каждом питомце заведено особое дело, в коем хранятся его метрика, опись имуществу с указанием числа земельных паев в его владении и сведения о родителях его и родственниках. Если у питомца есть скот или другое какое-нибудь имущество, пригодное для приюта, то таковое не продается с торгов, как это принято у крестьян, на уплату недоимок отца, но поступает в приют на хранение. Приют им пользуется, а по окончании воспитания выдает питомцу обратно, но не тот самый, уже устаревший, скот или поветшавшее имущество, но другое, равное ценностью. Скот страхуется, и в случае смерти животного приют получает страховую премию, на которую и покупает новое животное.

В каждом приюте заведены особые книги питомцев (см. ф[орму] 16), в которых по порядку заносятся все необходимые о них сведения.

Никаких испытаний в приютах нет, но контроль за обучением детей смотрителем производится по особой книге (см. ф[орму] 17), в которой делаются отметки успешности развития питомцев.

Из приложенных форм книг желающие могут наглядно познакомиться с порядком отчетности по значащимся в них примерам.

XXI. Приюты как школы

«Знание – ключ к богатству».

Главное назначение сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи есть воспитание нуждающихся в

общественном призрении детей, и притом таким способом, чтобы содержание их не стоило бы для общества совершенно расходов; мало того, приносило бы ему даже материальную пользу. Из содержания книги читатели могли убедиться, что достижение таких результатов не составляет ничего хитрого, необыкновенного. При этом было отмечено, что грамотность составляет для приюта-самопомощи хорошее подспорье в хозяйстве, помогая познавать усовершенствованные его приемы, и в контроле за правильностью расходов. В этих видах преподавание грамоты составляет одно из необходимых условий для каждого из приютов, без какового немыслимо правильное течение их жизни.

В Камышинских волостных сельскохозяйственных приютах самопомощи грамота преподается пока по программе приходских школ грамоты, т.е. дети обучаются чтению, письму, счислению и рисованию, но с постоянным движением вперед до курса начального народного училища, отличающегося сравнительно немногим от курса школ грамоты. Следовательно, только на основании этого одного описанные крестьянские приюты являются не только воспитательными учреждениями, но и *школами*.

Вместе с тем в приютах питомцы обязательно обучаются ремеслам, посредством их поддерживая возможность существования на собственное иждивение. Поэтому приюты являются не простыми школами, а *ремесленными*. Но так как изделия исполняются ими из материалов от своего хозяйства, в свободное от полевых работ время, и если идут на продажу, то изготовляются не по заказу, а на неопределенного покупателя, то, несомненно, они скорее должны быть названы школами *кустарными*, чем ремесленными.

Оба приведенных занятия, как грамотность, так и ремесла, являются все-таки лишь дополнительными к

основному занятию приютов – сельскому хозяйству. За время пребывания своего в приютах питомцы научаются не только обычному сельскому хозяйству со всеми его побочными отраслями, но и высшей культуре в виде удобрения полей, травосеяния, искусственного орошения, плодосмена, рационального пчеловодства и уменья обращаться с машинами, почему приюты по справедливости могут быть названы не только школами вообще или кустарными, но и *сельскохозяйственными*.

В приютах, однако, воспитываются не только мальчики, но и девочки; оба пола одинаково получают общее образование и профессиональное – ремесленное и сельскохозяйственное. Следовательно, Камышинские приюты самопомощи должны быть названы *народными мужскими и женскими сельскохозяйственно-кустарными школами*.

Правда, школы эти самого элементарного типа, но зато и предназначены они для простого народа. Сравнительно с низшими ремесленными и сельскохозяйственными школами установленного нормального типа приюты находятся в таком же отношении, как школы грамоты к одноклассным народным училищам. Если из школ грамоты ученики сдают экзамен в одноклассной народной школе для получения льготы по воинской повинности по ее программе, то и приюты могут приблизиться к низшим сельскохозяйственным и ремесленным школам последнего разряда, для чего питомцам их остается дать лишь более свободного времени для изучения наук и пригласить преподавателей. Достигнуть этого можно принятием части денежной сметы на посторонние источники, чем уменьшится в приютах запашка и, вследствие этого, получится для питомцев более свободного времени.

Для крестьян будет, однако, полезнее практическое изучение сельского хозяйства. Недостаток низших сельскохозяйственных школ в том и заключается, что курс

обучения настолько высок, что ученики, расширив свой кругозор, не в состоянии уже мириться с окружающею их в деревне мужицкой обстановкой и бегут от надельной земли. Поэтому задача крестьянских приютов должна заключаться в том, чтобы питомцы их, окончив воспитание, оставались на своих наделах. Как видно из первых выпусков, Камышинские приюты возложенные на них надежды исполнили именно таким образом – своих питомцев они возвратили в родную им среду.

Земским или частным приютам для подкидышей, за отсутствием земли для питомцев, такое образование будет недостаточным, и им придется искать другого пути, но для крестьянских оно должно быть сделано обязательным. В случае же учреждения земледельческих колоний описанного типа для питомцев столичных воспитательных домов устроить их судьбу будет легче, так как масса пустующей казенной земли может быть всегда успешно колонизирована ими. Поэтому теоретическое преподавание сельского хозяйства в приютах последнего назначения не должно занимать слишком много времени.

Есть и еще одно преимущество сельскохозяйственных школ типа описанных приютов. Сельскохозяйственные школы нормального типа страдают отсутствием учеников: для интеллигенции курс обучения слишком низок, а для простого народа он дорог (плата не ниже 75 р. в год за ученика), почему желающих поступать в них находится очень мало. Так, в Некрасовской школе Новгородской губернии в 1894 году всего учеников было 7, и притом стипендиатов, при остававшихся еще свободными 8 стипендиях, а содержание ее обходилось в 15 тысяч рублей ежегодно, или 2 тысячи р[ублей] каждый ученик. Недостатка же учеников или питомцев в приютах не может быть никогда, так как несчастных подкидышей ежегодно воспитывается на средства только столичных воспитательных домов по

90 000 человек, могущих составить полный штат для 900 приютов, да умирает ежегодно по 20 тысяч. Если же мы видим малый штат детей в Камышинских приютах, то это по причинам нерасположения к ним тех лиц, от коих зависит их нормальная жизнь, и вследствие продолжающейся еще эксплуатации сирот хищниками, не желающими ввиду оказываемой им, хищникам, поддержки упустить из когтей своих несчастные жертвы, а также непонимания еще значения приютов со стороны массы.

В самом деле, на содержание приютов крестьяне никакими решительно налогами не обложены, и, следовательно, обременительными для них приюты быть не могут. В приеме детей никому не отказывают. Дети в приютах бесплатно воспитываются и обучаются и, мало того, по окончании воспитания приносят семьям своим даже материальный доход. Приюты помещаются тут же в селениях. Каждый мужик, каждая баба имеют во всякую минуту возможность посмотреть на жизнь своего ребенка, даже пожить в приюте. Что же им еще надо? Ведь платят же интеллигенты бешеные деньги за воспитание своих детей в детских садах, гимназических и институтских пансионах, студенческих общежитиях и все-таки с трудом находят для детей своих вакансии. Для простого же народа приюты должны явиться такими же желанными учебными заведениями, какими для интеллигенции являются гимназии, реальные училища, институты и пр. Поймет и народ, и скоро поймет всю прямо-таки выгоду для себя приютов, требующих от него только небольшой первоначальной затраты, и такими массами двинет в них своих детей, что без них не будет обходиться ни одно мало-мальски значительное селение.

Как в деле воспитания, так и в деле образования неизменно до́лжно держаться одного принципа – не удалять питомцев от той среды, среди которой им придется вести

борьбу за существование. Цель приюта состоит в воспитании для общества полезных членов. Питомцы их являются из бедной народной массы – сельской и городской. Беднота же большинства наших ремесленников и крестьян зависит от низкой степени их культуры. Требования и условия жизни ушли далеко вперед, а современные низшая ремесленная и крестьянская сельскохозяйственная культуры уже не в состоянии поддерживать занявшихся ими людей, почему последние гибнут, прогрессивно понижаясь в своем социальном положении. Приюты должны готовить людей наиболее годных для борьбы за существование, лучшим типом которых является только земледелец, могущий добыть из земли все для себя необходимое. Предоставленный сам себе, не имея решительно никакого сбыта произведениям своих трудов, он все-таки будет жить хорошо: и хлеб, и одежду, и обувь – все он будет иметь в совершенно достаточном количестве, не опасаясь даже и неурожаев, если он настолько культурен, что пользуется всеми дарами природы, чтобы оградить себя от нее же самой. Задача воспитания его будет заключаться лишь в том, чтобы научить его обходиться в своем земледельческом обиходе без посторонней помощи. Не говоря уже об уменье обратить зерно в съедобное вещество, его нужно научить обработать сырье своего хозяйства, например от скотоводства, в материал для обуви и одежды, а из последнего сшить сапоги и полушубки. Имея в распоряжении своем долгие часы свободного зимнего времени, он успешно и не торопясь достигнет всего необходимого. Но для той простоты жизни, которую должен вести земледелец, он должен обладать только соответствующим развитием. Иначе мы ударимся в другую крайность и получим земледельца, по своему умственному развитию настолько отошедшего от средств своих к жизни, что они не в состоянии будут удовлетворить развившиеся у него умственные потребности. Равным образом, принимая во внимание, что

не каждый чувствует склонность к земледелию и имеет возможность заняться им, что приюты являются общеобразовательными сельскохозяйственными и ремесленными учебными заведениями, по окончании воспитания в которых питомцам предоставляется широкий выбор пути и занятий, к каковым они чувствуют склонность, – из приютов могут выходить и не земледельцы только, но и ремесленники. Получив в приюте первоначальные понятия по любимому мастерству, воспитанник имеет полную возможность на семнадцатилетнем возрасте развить свою способность в городских мастерских и таким образом сделаться профессиональным ремесленником. С этой-то целью особенно важно обучение каждого из питомцев всем решительно мастерствам, проходимым в приюте, дабы в будущей борьбе с природой они могли пустить в ход всякое против нее оружие, не опуская рук ни в случае засухи, ни падежа скота, и могли бы жить сообразно способностям своим, не голодая ни в том случае, если судьба занесет их в лесистые страны, ни тогда, когда очутятся они в степных местах, земледельческих или фабричных, в деревне или городе, дабы не получилось из них пролетариев.

Во всяком случае, по какому бы пути ни пошли питомцы приюта – будут ли крестьянами-земледельцами или цеховыми ремесленниками, – для безбедного существования своего они не должны отходить от народной массы, среди которой им придется вращаться. Иначе при высшем против массы умственном развитии последнее явится им в тягость и вместо пользы принесет лишь вред, образовав из них вечно недовольных полуинтеллигентов, совершенно к жизни непригодных. Став же членом сельской общины, бывший питомец приюта может дать толчок и ей по пути развития. Крестьянская масса крайне упорна в дедовских традициях и с большою неохотою изменяет им. Недоверчиво относится она ко всяким «барским» затеям, но когда

в среде ее появятся ее же сочлены с лучшими знаниями и станут наглядно доказывать пользу улучшенной культуры, то сельскохозяйственная переимчивость быстро прививается в народе. Появившиеся среди последнего пионеры поднимут настойчивый клич к перемене системы полеводства и сумеют, как более развитые, настоять на своем, поборют упорство массы и побудят ее к принятию разных улучшений, напр., по введению травосеяния и устройству орошения, исполнение которого для крестьянских масс не составляет решительно ничего трудного при должном указании гидротехники; если же оно не вводится еще в крестьянском быту, то только благодаря слишком крепко укоренившейся в народе надежды на авось. Вместе с тем приюты могут двинуть и такие отрасли сельского хозяйства, которые по условиям местности хотя и возможны, но не существуют или слабо развиты в данном крае, – например, пчеловодство, садоводство и проч.

Особенное же преимущество приютов составит одновременное сельскохозяйственное образование и женского элемента, для какового пока не существует еще сельскохозяйственных школ. Девушки в приютах также практически научатся правильному уходу за скотом, птицею, поймут значение чистоты хлева, познакомятся с лучшими сортами овощей, льна и конопли и, главным образом, научатся утилизировать отбросы хозяйства. Образование их будет уже особенно полезно для деревни, так как, заведуя своими усадьбами самостоятельно, без зависимости от мира, они имеют больше возможности приложить к делу приобретенные знания. Данное им сельскохозяйственное образование ввиду большей между женщинами общительности будет, пожалуй, еще плодотворнее в смысле распространения знаний, чем мужского элемента, тем более что от образованной матери дети, несомненно, позаимствуют еще основательнее начала улучшенной культуры.

Еще большее развивающее значение будут иметь приюты для кустарных промыслов. Здесь уже творчеству не будет положено стеснений, и, ознакомившись в стенах школы с лучшими приемами производства, кустарь, очевидно, не покинет их, если не разовьет, при самостоятельной работе. Конкуренция побудит его соперников также улучшить качество изделий, и приют, таким образом, даст толчок местному производству и дубки овчин, и выделки кожи, и щепному, сапожному, кузнечному и прочим ремеслам. В местности могут даже возникнуть новые промыслы. Укажу на один пример в этом отношении. Как только в Красноярском приюте впервые показались домашней выделки шерстяные шапки, на них тотчас же поступили заказы, и, весьма возможно, в недалеком будущем, когда каждая баба научится приготовлять такие шапки из собственного хозяйства шерсти, они вытеснят нынешние – подделку под мерлушку. В кустарно-ремесленном деле приюты также должны преследовать задачу приспособления воспитанников к той среде, среди которой им придется жить. Поэтому в приютах должны особенно развиваться те кустарные промыслы, которые преобладают в окрестности. Так, в местности лесистой необходимо развивать щепной промысел, изобилующей хорошею глиною – гончарный, в местности с развитым скотоводством – скорняжный, и т.д.

Поставив жизнь приютов на таких началах, избегая по возможности формализма дела и постоянно применяясь к жизненным условиям, мы сделаем приюты жизненными учреждениями, которые в деле сельскохозяйственного прогресса сослужат видную роль. Опытные деревенские жители видят полную возможность применить приюты в виде не только убежища для бесприютных сирот, но и народной вообще школы. Может быть с некоторыми изменениями, но приюты могут успешно образовать из себя

пригодное воспитательно-образовательное учреждение вообще, и особенно для крестьянской массы, которая увидит в постановке их на самостоятельное существование большое для себя облегчение от ежегодно все увеличивающихся налогов на народное образование, становящееся поэтому таким неприятным тому самому народу, для которого оно только и вводится.

Для того чтобы достигнуть таких задач, не потребуется даже ломки приютской жизни. При хорошей постановке дела явится возможным принимать и приходящих учеников. Так оно даже и теперь ведется: в приюты заходят иногда дети местных жителей и вместе с питомцами учатся грамоте и занимаются ремеслами. При большом количестве приходящих учеников смотритель не может управиться и с ними, и с питомцами. Поэтому для того, чтобы воспользоваться приютами как школами не только для питомцев приютов, но и для всех желающих, надлежит дать приютам отдельных преподавателей грамоты и ремесел, и даже, пожалуй, по различным отраслям сельского хозяйства. Не будет приходящих учеников, будут учиться сельскому хозяйству одни только питомцы; найдутся приходящие ученики – тем шире исполнятся приютами культурные задачи.

Расход на это не составит на каждый приют более одной, двух тысяч рублей в год, или 10–30 р. на ученика, при условии прохождения курса низшей сельскохозяйственной школы второго разряда. Если принять во внимание, что ученики последних стоят от 200 р[уб]. до 2000 руб. в год каждый, то явится очевидною необходимость подумать о возможности воспользоваться приютами как школами.

При желании поднять уровень знаний в приютах остается пригласить на все четыре приюта агронома с годовым жалованьем в 1000 р., что составит расход в 250 р. на приют, или, при нормальном штате в 80 питомцев, 4 р. на ученика.

Агроном даст указания по ведению подходящего к местности полеводства и, кроме того, может и теоретически и практически обучать питомцев сельскому хозяйству и его побочным отраслям. При этом надлежит соблюдать одно условие, чтобы наука не преподавалась в ущерб прямым потребностям приюта. Иначе сказать, надлежит тратиться на улучшение хозяйства лишь из его доходов. В противном случае содержание приютов на собственное иждивение немыслимо и, кроме того, приюты потеряют, как для учеников, так и для крестьян, всякое практическое значение.

XXII. Приюты как образцовые фермы

«Мы многого боимся, пока не приглядимся»
Народная поговорка

Приюты имели уже случай убедиться в чрезвычайной полезности для них приглашения для руководства знающих лиц. Учитель Красноярского начального народного училища Г. И. Добров, побывав на лекциях огородничества, садоводства и пчеловодства в Мариинском среднем сельскохозяйственном училище, с большим радушием согласился поделиться своими знаниями с питомцами приютов, и в результате дети ознакомились с приемами рационального пчеловодства.

Агрономы, помимо усиления значения приютов как школ, помогут еще в другом направлении. Расположение приютских полей среди крестьянских, совместные работы питомцев с крестьянами и постоянное их между собою общение не могли не иметь влияния на местную крестьянскую культуру. Влияние это начало сказываться на первых же шагах.

Прежде всего приюты научили крестьян землестроению. Успех огородничества в Тарасовском приюте последовал благодаря удачному расположению приютской усадьбы по берегу пересыхающей летом речки Тарасовки. В апреле месяце 1893 г. на речке этой, по указанию и плану техника строившейся в то время Тамбово-Камышинской линии железной дороги г. Чарноцкого, самими сиротами была выстроена пирамидальная плотина, шириною в 3 саж[ени] понизу, 1½ поверху, высотою около сажени и длиною 5 саж[еней], с откосами и отводными каналами, доставившая от крестьян особую благодарность приюту. Крестьяне вообще очень плохие строители, а общественные работы их, благодаря лени и отсутствию самосознания в необходимости единодушных усилий, представляют в большинстве случаев почти напрасно затраченный труд. Вся слобода Тарасовка питается исключительно колодезною водою, а для скота крестьяне устраивают по речке Тарасовке запруды, настолько плохие, что их рвет при малейшем дожде. До 1893 г. тарасовцы не знали еще плотины, которая могла бы выдержать все лето, не будучи размытою. Летом они убедились в противном. В конце июня месяца сильная буря пронеслась над слободою Тарасовкою. Дождь смыл как перышко четыре крестьянские плотины, лежавшие повыше сиротской, но последняя, благодаря прочности своей и отводным каналам, твердо выдержала напор четырех скопленных вод и наглядно доказала крестьянам, что прилежанием и наукой можно побеждать стихии. Когда производилась стройка сиротской плотины, то администрация приюта обращалась к крестьянам с просьбою помочь им в стройке. Некоторые, из совести, помогали, наиболее же состоятельные крестьяне с презрением отнеслись к предложению. Когда же буря уничтожила все общественные плотины, то эти же самые крестьяне не только поили все лето, но даже и купали в сиротском пруду свой скот, самым беззастенчивым образом

пользуясь сиротским трудом. Однако на вторичное предложение приюта помочь в укреплении плотины отозвалось уже большее количество желающих. В настоящее время по всей Тарасовской волости можно увидеть плотины описанного типа с отводными каналами.

Затем, приюты познакомили крестьян с невиданными до того растениями – редисом, двухпудовою тыквою, гаоляном, прекрасною свеклою, различными сортами огурцов, капусты. Особенно важное значение получил редис. В первую половину лета, в Петровский пост, у крестьян нет никаких овощей, и в поле они питаются одним хлебом. Приюты же в это время берут с собою в поле целыми мешками редис – очень дешевый, вкусный и здоровый плод, свободно растущий на плохой даже огородной почве. Крестьяне быстро переняли у приюта этот овощ и сажают теперь редис.

Один местный птицевод подарил приютам кохинхинских кур. Бабы одолели девочек просьбами сменять им яйца простых кур на яйца кохинхинских и пользуются для того всевозможной протекцией или чрез бывших питомцев, или же зовут детей к себе крестить младенцев – кум и кума в народе дорогая родня! Соседний землевладелец подарил Тарасовскому приюту поросят йоркширской породы. Крестьянские свиньи ходят в общем крестьянском стаде. На другой год, услышав, что в приюте хотят порезать борова йоркширской породы, крестьяне Тарасовского общества постановили приговор просить приют не резать породистого борова, так как от него пошли отличные поросята по всему обществу. Вместе с тем они просили приют приобрести в свое стадо хорошего быка и баранов ввиду того, что приютские стада ходят по полям одного только Тарасовского общества, и приют должен их за это вознаградить. Крестьянам посоветовали постановить письменный приговор – просить Министерство земледелия о присылке быка и двух волошских баранов из находящейся в 150 верстах от приюта, в Саратов-

ской губернии, Мариинской казенной фермы, которая продавала в то время молодой племенной скот. К сожалению, министерство не нашло возможным удовлетворить просьбу крестьян. На выручку пришел местный землевладелец из крестьян, В. Н. Ткаченко, славящийся в губернии своею приверженностью к народному образованию и считающий приюты одним из наиболее подходящих для народа типов школ. Он подарил приюту хорошего породистого быка. Крестьянам бык этот так понравился, что они приняли прокорм его на свой счет, и он переходит теперь с одного двора на другой, будучи предметом особой заботливости малороссов, чрезвычайно любящих рогатый скот. В одном из заседаний совета Тарасовского приюта, согласно заявлению крестьян, постановлено породистых свиней пока не резать, а менять их желающим с некоторою от них приплатою.

В приютах введено травосеяние. В трех волостях той местности нет вовсе лугов и развитие скотоводства встречает огромное затруднение; самая почва истощена посевом без отдыха, и потому травосеяние должно реформировать все крестьянское хозяйство, как это отлично показывает пример Вятской губернии. Хотели приступить к этому с осени 1894 г., но не знали, какая трава будет более подходяща для местности, и так как семена трав очень дороги, то, при скептицизме крестьян вообще, не решились рисковать опытами на счет приюта и обратились в Министерство земледелия с просьбою прислать несколько пудов семян разных трав. Но приюты еще не успели получить признания своих достоинств, почему, несмотря на наличность семян в казенных фермах, продаваемых за более дешевую против купеческих фирм плату, семена присланы не были. По счастью, Вольное Экономическое Общество прислало 1 фунт семян люцерны вместе с семенами овощей, о чем просили его приюты. Люцерна дала хороший результат, но все-таки опыт произведен был в слишком малых размерах, почему

было еще рискованно тратить денежные средства. Дело травосеяния так, быть может, и замерло бы, если бы не выручила приюты Воронежская сельскохозяйственная выставка. Получив от частных лиц в подарок семена люцерны, эспарцета, клевера, тимофеевки и проч., Тарасовский приют поделился ими с другими приютами, и с 1895 г. травосеяние началось в каждом приюте на пространстве одной-двух десятин. Благодаря засухе этого года всходы трав были очень слабы, но лето 1896 г. лучше всего покажет пригодность посеянных трав. Крестьяне с чрезвычайным любопытством взирают на эти опыты и говорят, что при хороших результатах и они попытают.

Наконец, опыты искусственного орошения полей при удаче будут иметь решающее значение в крестьянской культуре. Лопуховский приют, коему крестьяне отвели сплошные участки земли с правом любого севооборота, и Красноярский, снявший на долгий срок 100 десятин земли у одного из местных землевладельцев, уже теперь приступили к нему, скапливая снег щитами. Гораздо труднее в этом отношении управиться Тарасовскому приюту. Несомненно, культурное значение приютов для местных крестьян будет выше при обработке приютами разбросанной надельной земли, так как крестьяне под боком у себя увидят лучшие приемы, но в то же время эта разбросанность мешает правильному хозяйству: постоянная зависимость от общества во время полевых работ, необходимость ожидания дележа земли, необходимость ввиду общего выпаса для скота применяться в системе полеводства к общему, крестьянскому и проч. тормозят для приютов успешный ход их жизни, и так как материальные цели для них много важнее, то вполне естественно стремление их снять постоянные участки земли, на которых возможно было бы вести хозяйство по собственному усмотрению. С этою целью Тарасовский приют хлопочет в Министерстве земледелия о сдаче ему в аренду из соседней казенной оброчной

статьи, сдаваемой большими участками, 100 десятин без торгов, но, к сожалению, и здесь встречается затруднение, главным образом в том, что сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи составляют явление новое, не обозначенное в подлежащих статьях, почему приюты эти и не могут рассчитывать на правительственную поддержку.

Существующий же при Тарасовском приюте склад всевозможных земледельческих орудий, один на весь уезд, работы приютов на разной системы плугах и машинах – разве не имеют влияния на крестьянское хозяйство? Разве приведенные примеры не доказывают значения приютов как показательных ферм, хотя в самых простейших формах, но все-таки служащих образцом для крестьян, и притом таким образцом, от которого крестьяне заимствуют, чего не бывает иногда в образцовых казенных или частных фермах, где рядом мужицкая культура пребывает в первобытном невежестве именно потому, что заведывающие фермами при всем желании своем не могут спуститься до простоты крестьянского быта, не могут войти в тесные дружественные отношения с мужиками и бабами, что составляет необходимое условие для возможности влияния на их культуру.

С приглашением для руководства приютами агрономов значение приютов как образцовых ферм станет весьма высоким.

XXIII. Руководство к устройству земледельческих приютов-школ

«Не спеши языком, торопись делом»
Народная поговорка

Каждый из четырех сельскохозяйственных приютов Камышинского уезда строился и организовывался совер-

шенно обособленно, имея только одну общую цель – добыть себе средства к жизни. Управляемые совершенно самостоятельно действовавшими по выработке деталей жизни советами, постоянно применявшимися к местным условиям, каждый из приютов дал некоторые ему одному свойственные черты, указал недостатки, которые прошли в других незамеченными, и, наконец, строясь в разное время, по указаниям опыта одного улучшал дело в других приютах. Четырехлетняя их практика дала возможность установить общий строй жизни, необходимый для достижения намеченной цели – дать народу бесплатное воспитательно-учебное учреждение, и выяснила тот тип построек, штат инвентаря и прочие условия, кои необходимы для легчайшего достижения этой цели. Сообразно условиям каждой местности постановка дела должна изменяться, не отходя лишь от основных принципов.

Ввиду большего интереса, который проявился в обществе к земледельческим приютам, и начавшейся уже организации их в разных местах признано было необходимым изложить в виде руководства общие черты внутренней жизни приютов, что по мере сил и исполнено в предыдущих главах, и, кроме того, помочь практически учреждению приютов, выработав общий план построек и хозяйств в приютах, дабы лица, сочувствующие делу, не затруднялись в практическом осуществлении своего намерения, но имели возможность приступить во всякое время к организации приютов, без тех ошибок и разочарований, которые пришлось вынести тем, кто осуществлял идею приютов самопомощи в Камышинском уезде.

В этих видах в настоящей главе изложены планы построек, способ и стоимость возведения их, состав инвентаря, как живого, так и мертвого, план полевого хозяйства и, наконец, тот путь для частных обществ, сельских и земских, который облегчает им открытие приютов. Рас-

чет построек и хозяйства сделан на 72 питомца и применяясь к условиям жизни Саратовской губернии, по образцу лучшего в этом отношении Красноярского приюта, так что при учреждении приютов в других местах надлежит лишь изменять детали сообразно местным условиям, но отнюдь не отходя от основных принципов: семейного начала, простоты жизни и усовершенствованной техники. В книге допущены некоторые подробности, которые могут показаться излишними для дилетанта читателя, но весьма необходимы для устроителей, мало знакомых с практической жизнью.

План расположения здания и служб должен давать возможность менее разбрасываться в стороны и, вместе с тем, подчинить всю жизнь приюта надзору одного лица. Кроме того, он не должен препятствовать обоим полам быть вместе, но в то же время, незаметно для них самих, держать их разобщенно. В этих видах приют вместе со службами делится на две половины: мужскую и женскую, соответственно свойственным каждому полу занятиям, и представляет собою одноэтажное здание.

Исходным пунктом, или центром, служит помещение для смотрителей [...]. Смотритель должен быть всегда в курсе дела и видеть все, что в доме происходит. С этою целью окна его обращены на двор и на службы: из окон своих он видит все двери сараев, двери амбаров и кузницы. У смотрителя три комнаты: спальня, канцелярия и зала. Из канцелярии есть ход в переднюю, а из последней наружные двери ведут во двор. Переборки дощатые, не доходящие до потолка, дабы смотритель не был изолирован от приютской жизни.

По обеим сторонам квартиры смотрителя расположены лазареты – мужской и женский, вход в которые из коридора. Лазареты имеют капитальные и толстые глухие стены от квартиры смотрителя, чтобы покой больных

не мог быть нарушаем. Через коридор смотрители имеют возможность быстро попасть и в мужскую, и в женскую спальни. При растворенных из них в коридор дверях смотрителям все слышно.

Через коридор смотрители входят в общую мастерскую, из окон которой открывается вид на поле. Мастерская, с широкою парадною дверью, представляет собою как бы две половины, по два окна в каждой. Правую сторону занимает женский пол с шитьем, ткацкими станками, прялками и вязанием. Левую – мужской с плотничным, сапожным и слесарным приборами. При совместных в мастерской работах обоих полов изгоняется тот казарменный дух, который господствует в большинстве закрытых учебных заведений, уничтожается замкнутость женского пола и в детях развивается общность интересов, придающая воспитательному учреждению мягкий, симпатичный характер семьи.

Рядом с мастерской, слева, расположена классная комната на 40 детей, она же и библиотека, из которой только один ход – в мастерскую. С другой стороны мастерская соединена с кухнею, имеющею ход наружу, на черное крыльцо, и в женскую комнату. В кухне питомцы обедают.

Спальни детей расположены по обеим сторонам квартиры смотрителя. В спальнях питомцы не работают, и потому большего света там не нужно: по 3 окна в каждой достаточно освещают комнаты. Койки сделаны подвижные, на петлях, и привинчиваются одним концом к стене. На день они поднимаются. Для них необходимы глухие стены, почему в каждой спальне таких по три. По стенам может быть расположено только 30 кроватей. Если питомцев больше, то надлежит протянуть посередине комнаты два деревянных бруска, к которым и привинчивать койки.

Койки сделаны таким образом […]. К продолговатой деревянной раме снизу пришиты поперечные шерстяные полосы (из подпруг). На этих полосах положены тонкие

дубовые фанерки. На фанерки камышовые или соломенно-ковровые маты (тюфяки), вложенные в чехлы, служащие простынями. Под задним концом коек две ножки поддерживают их в горизонтальном положении. Для маленьких детей вместо тюфяка служит натягиваемый на раму холст. В головах подушки, а для одеял простое сукно, подшитое холстом. Такие койки тем хороши, что не загромождают комнат, приподнимаясь, дают возможность чистить их и весьма легки, так что шестилетний ребенок сам управляется с своей койкой. В конце постели одеяло и тюфяк прицепляются к крючку, так что на приподнятой койке свободно висят, не свертываясь.

Из спален двери ведут в прихожие, из которых ход в чуланы, ретирады, и наружу. Такое расположение комнат дает возможность каждому полу быть изолированным и в то же время вместе. Так, девочкам совершенно не приходится заглядывать в мужскую комнату, а мальчикам в женскую, почему каждый пол чувствует себя в своей комнате вполне свободным. В то же время оба пола и не настолько обособлены, чтобы чувствовать себя замкнутыми. Обед и работы всегда происходят вместе за общими разговорами, но сидят питомцы врозь.

Наверху дома помещается стеклянная башенка для метеорологических наблюдений; ход в нее из коридора. При недостатке средств можно исключить классы и мастерскую, перенеся их в спальни, и подстроить впоследствии.

Согласно такому же плану располагаются и службы: на правой стороне службы для женского хозяйства и хлевы тех животных, что выкармливаются женским полом; на левой – для мужского. Первые располагаются в таком порядке, смотря по частоте нужды: погреб – 8; подвал – 7, возле них дойник – 6; хлев для откорма животных – 5; поросятник – 4; телятник – 3; свинарник – 2 и сарай – 1. Вторые – 2 сарая для земледельческих орудий и экипажей – 9 и 10; ко-

нюшня – 11; бычатник – 12; овчарник – 13; жеребятник – 14; и, наконец, мельница – 15, с сукновальней и молотильным сараем – 16; возле них колодезь – 24. Соединены последние три вместе для того, чтобы конный или керосиновый двигатель мог, без перестановки его, приводить в движение молотилку, мельницу и насос. По мере расширения хозяйства, с устройством, например, сыроварни, службы могут потянуться и далее.

Против дома хлебный амбар – 17, с дверями к дому. Птичным двором – 21 – он отделяется от бани – 19, теплая стена которой согревает ягнятник – 18. В предбаннике – 20 – устроена прачечная; сзади птичников баз – 22, с навесами с двух сторон, и кузница – 23.

Таким образом, опять женский элемент обособлен от мужского и в то же время работает вместе. Смотритель из окон своих видит весь двор и все двери. Навоз из хлевов выбрасывается в окна прямо на огороды и конопляники. Птичий и жилой пометы вывозятся туда же в кучи для составления компостов.

Пожары в детских воспитательных учреждениях обходятся часто со страшными по численности своей человеческими жертвами. Поэтому на безопасность от огня должно быть обращено особенное внимание в земледельческих приютах, где так много горючего материала как снаружи, так и внутри. Деревянные здания для детских приютов чрезвычайно опасны, особенно двухэтажные. Постройка же их из обожженного кирпича обходится очень дорого, и, кроме того, каменные здания часто отличаются сыростью. В деревне имеется, однако, отличный, незаменимый материал для несгораемых построек – земляной кирпич, или так называемый саман. Дома из него отличаются сухостью, замечательною теплотою зимою и прохладою в жаркое время, полною непроницаемостью для звуков и, главным образом, своею несгораемостью и дешевизною.

Тарасовский и Красноярский приюты построены из самана и совершенно безопасны от огня, но Лопуховский и Бурлукский заставляют постоянно опасаться пожаров. Если пожар случится ночью, то вся детвора может погибнуть в пламени, как это было несколько лет тому назад в приюте мещанского общества в г. Казани. Неосторожное же обращение с огнем бывает сплошь и рядом, и нет никакой возможности за этим уследить. В этих видах особенно нужно избегать двухэтажных построек. Последние неудобны еще в другом отношении. Нужно помнить, что работать в приюте приходится детям, а беготня по лестницам с másканием наверх дров будет отнимать много времени и сил у питомцев, необходимых им на другие работы. Кроме того, в приюте много детей маленьких; уследить за ними нет возможности, и несчастные малютки постоянно падают с лестниц в двухэтажных зданиях.

Дешевизна самана позволяет сделать из него не только самый дом, но и службы. Единственное неудобство самана заключается в том, что он задерживает в себе, особенно если земля была солонцевата, кухонные испарения от котлов. И деревянные стены от них потеют, но зато они быстро и высыхают. Для избежания сырости в кухне стены должны выщелевываться досками и штукатуриться, а в бане необходимо стены изнутри обложить жженым кирпичом. Отштукатурка саманных стен снаружи и внутри отлично способствует прочности здания, и есть прямой расчет не жалеть на нее денег.

Саманный кирпич приготовляется из глинистой земли с незначительной примесью, для связи, полежавшей на крышах соломы. Длиною он делается 10 вершков, шириною 4 вершка и высотою 3 вершка. Делать его нужно непременно возле самых строящихся зданий, так как он очень тяжел и перевозка его даже на близком расстоянии обходится чрезвычайно дорого.

Фундамент под саманные здания из сырого камня должен быть выведен от самого грунта, предварительно набученного, и выходить сверх земли не менее как на пол-аршина, толщиною же быть полтора аршина. Класть его нужно на извести. По окончательном выровнении его полезно залить цементом и во всяком уже случае хорошею известью. Сверх заливки выкладывается ряд жженого кирпича, который тоже необходимо залить цементом или известью. Поверх жженого кирпича уже кладется саман. Такой способ стройки совершенно преграждает доступ сырости от земли к саману, особенно зимою. Тарасовский приют, строившийся первым, страдал этим недостатком, клался в первые два года; в Красноярском же сырости между фундаментом и саманом нет вовсе. Для служб фундамент может выходить на четверть только аршина сверх земли и класться на глине, без жженого кирпича. От фундамента кругом до́лжно сделать скат, чтобы не застаивалась возле него дождевая вода.

Стены из самана кладутся на глине с известью, вышиною 5 аршин, толщиною – наружные – 20 вершков, внутренние: капитальные – 16 вершков, для лазаретов – 12 вершков; для служб толщина стен достаточна: наружных – 16 вершкам и внутренних – 8 вершкам. Оконные простенки выводятся из жженого кирпича (верх можно заменить деревянною толстою четырехвершковою доскою), высотою 2 аршина 12 вершков и шириною снаружи, между саманом, 24 вершка. Меньшая величина окон не должна быть допускаема, так как стены очень толсты и в комнатах при меньшей величине окон будет мрачно. Подоконник выкладывается двухвершковыми досками. Простенки для дверей как наружных, так и внутренних должны быть вышиною 3 аршина, шириною 30 вершков, с деревянными косяками.

Окна удобны двустворчатые с вентиляциею откидными форточками; двери внутренние двуполотные, а наружные однополотные.

Поперечные потолковые балки необходимо положить на доски, чтобы бревна не въедались в саман, а половые на каменных стульях, опираясь концами на фундамент.

Крыши на всех зданиях должны быть непременно железные или черепичные. Солома слишком опасна в пожарном отношении. Соломенно-ковровые крыши непригодны для общественных зданий потому, что требуют за собою внимательного надзора и постоянного ремонта. На чердаках полезно выложить, из самана же, брандмауэры для уменьшения тяги воздуха под крышей на случай пожара. Крыши должны выступать снаружи на три четверти аршина, чтобы дождем не смывало стен.

Каждая комната нагревается двумя печами. Кладутся печи в стенах, заменяя их отчасти собою. Для скорости нагревания воздуха необходимо вмазать в стены железные плиты. Отапливать печи лучше всего нефтью. В настоящее время изобретены отличные форсунки для нефти, не дающие в комнатах ни малейшего запаха. Нефть для топлива отпускается по весу, по 10 ф[унтов] в зимнее время на печь, вследствие чего является бóльшая легкость производить правильное в экономическом отношении отопление: легче учитать смотрителя в топке печей, удобнее делать запасы нефти и, наконец, легче топить. Во время топки печей дровами нужно постоянно за топкой смотреть, перемешивать дрова и опасаться угара. При отоплении же нефтью, по воспламенении ее, требуется лишь чрез определенный промежуток времени, когда нефть из привинченного к печи резервуара вытечет, закрыть трубу, не опасаясь никакого угара. Затем, нефтяные топки совершенно безопасны в пожарном отношении. В Красноярском приюте был случай ожога десятилетней девочки, неосторожно подошедшей к топившейся дровами печи. Благодаря большой высоте дымоходов тяга в печах очень сильна: платье девочки быстро втянуло в печь и оно вспыхнуло. Ничего подобного не

может случиться при нефтяном отоплении. Этот случай заставил поиспытать в приютах нефтяную топку, которая дала отличные результаты. Единственное затруднение заключается в подыскании хороших мастеров для выкладки дымоходов так, чтобы они могли легко прочищаться от сажи. Кроме того, отопление нефтью, по крайней мере в Саратовской губернии, в десять раз дешевле дровяного отопления. Если даже нефтяное отопление и не будет дешевле дровяного, то, во всяком случае, выгоднее перейти на отопление нефтью: во-первых, вследствие безопасности в пожарном отношении и, во-вторых, вследствие меньшей потери времени. Дрова громоздки, привозка их отнимает очень много у приютов времени, а рубка дров мешает другим занятиям. Теперь в камышинских приютах дровяное отопление постепенно заменяется нефтяным.

Всего в приюте понадобится 10 печей. Кухонная, для печения хлебов, также может быть положена на нефть. Для варки пищи необходимы котлы; испарения надлежит удалять сильною вентиляциею.

Ретирады необходимо устроить так, чтобы отбросы могли быть использованы на удобрение. Наиболее для этого пригодным типом клозетов являются земляные. Два ящика, один под другим, стоящие на колесах, принимают: верхний, с отверстиями для стока, твердые отбросы, а нижний – цинковый, жидкие, которые возможно чаще засыпаются землею, чем и уничтожается запах и, кроме того, производится очень легко очистка содержимого. Ящики вывозятся прямо на огород, и там отбросы сваливаются в кучи для гашения.

Что же касается размера построек, количества земли, скота и инвентаря, то таковые находятся в прямой зависимости от количества питомцев и качества земли. Практика доказывает, что чем более детей, тем легче приюту самопомощи добыть себе средства к жизни. Но большая

скученность детей имеет в то же время и неудобство. Семья имеет одного только начальника, и потому семейный характер приюта никогда не должен заменяться казарменностью назначением в помощь смотрителям чуждых семейному началу помощников и помощниц. Присутствие лишнего штата должностных лиц только вызовет пререкания между ними и непременно интриги среди детей против смотрителя и его жены, что, несомненно, представляет из себя самое опасное явление. Интриги работников и работниц среди питомцев против смотрителей, несмотря на полную зависимость работников от последних, очень часто вредили правильному течению жизни Камышинских приютов. Если же помощников сделать независимыми, то недоразумениям и ссорам не будет конца. Поэтому одной паре смотрителей нужно дать детей столько, со сколькими она может управиться, не прибегая к помощникам.

Такой штат, по опыту четырех приютов, можно установить в 72 питомца различных возрастов и полов, по следующим разрядам:

	Мальчики	Девочки
Детей грудных, до одного года	2	2
Детей беспомощных, от 1 до 6 лет	12	12
Детей маломощных, 7–9 лет	6	6
Детей крепких, 10–13 лет	8	8
Детей рабочего возраста, 14–17 лет	8	8

Грудные дети в такой небольшой пропорции к общему штату питомцев совершенно не составят обременения для приюта; напротив, кормилицы принесут ему даже пользу домашними работами – шитьем, вязанием, тканьем и надзором за маленькими детьми. Если земледельческие приюты будут открываться воспитательными домами или губернскими земствами или частными обществами, дей-

ствующими на обширном районе, то пополнение штата питомцев соответствующими возрастами не составит затруднения, но для приютов, открываемых волостями или сельскими обществами, поддержание приютов в правильном функционировании может составить некоторое затруднение, если случится, что разряд детей первых двух возрастов нарушит свое соотношение к остальным трем. Тогда придется усилить штат рабочих при приюте. На нормальный же штат приюта достаточно иметь одного работника и одну работницу, которые должны являться для детей не слугами, но скорее помощниками смотрителей. Небольшие же колебания между разрядами возрастов не составят особого затруднения.

Дети беспомощные, находясь до пятилетнего возраста под постоянным надзором девушек двух старших возрастов, при обычной крестьянской обстановке жизни, не обременят особым за собою уходом. При малейшей, однако, замеченной тягости надлежит сократить число детей этой категории или увеличить число детей старших разрядов, смотря по тем или другим особенностям каждого приюта.

Дети третьего разряда составляют уже рабочую силу. Носить и даже колоть дрова, мести комнаты, двор, мотать нитки, стеречь огороды от потрав, пасти птицу, ягнят, телят и поросят и, наконец, даже работать в поле: возить копны, боронить – составит для них больше развлечения, чем труда. Чем больше заняты они работой, тем меньше шалят. Работу нужно им разнообразить возможно чаще.

Для принятого штата питомцев размеры здания показаны в приложенном к книге плане. С уменьшением штата детей – чего, однако, делать не советуем – пропорционально надлежит уменьшить эти размеры.

Количество рабочего скота, молочного и мясного, находится в прямой зависимости от качества как их самих, так и земли. При лучших породах скота требуется его мень-

ше; при лучшей земле уменьшается размер необходимой запашки. Для установления примерного количества их надлежит вычислить сперва общую сумму потребных для приюта продуктов и затем уже определить количество тех элементов, которые должны ее дать.

На продовольствие 72 питомцев необходимо хлебного зерна, считая в том числе и смотрителей, и рабочих, по 20 пудов в год на питомца, [итого] 1440 пуд[ов]. Крупы, по 3 пуда в год – [итого] 216 [пудов]. Итого – 1656 пуд[ов].

Денежные расходы должны быть покрыты от всех решительно отраслей хозяйства. Так, например, 30–40 ульев могут дать 200–300 руб. Свиноводство – 100–150 руб. и т.д., но, чтобы не отходить от общепринятого порядка хозяйства, примем денежные расходы исключительно на полеводство.

Денежный расход по приюту составится, принимая наивысшие пределы его, из следующих сумм:

Жалованье смотрителям (мужу с женою) – 400 р. Мастерам ремесел – 100. Работнику и работнице – 150. Четырем кормилицам – 300. Отопление, освещение – 250. Ремонт – 100. Разные расходы – 200. Итого – 1500 р.

Для получения этих денег от полеводства, по существующим ценам на хлеб, считая по 25 коп. за пуд ржи и овса и по 50 коп. за пуд пшеницы, необходимо 6000 пудов ржи или 3000 пуд. пшеницы. В южной полосе России, где растет пшеница, приюту, следовательно, нужно делать вдвое меньше запашки.

Принимая расчет на рожь, получим, что для приюта необходимо добыть 1656 пуд[ов] на продовольствие и 6000 пуд[ов] на денежные расходы, а всего около 8000 пудов. Количество потребной для такого посева земли определится в зависимости от ее урожайности, которая в среднем, при удобрении, может быть определена в 80 пудов с десятины. Таким образом, приюту необходимо иметь в запашке в северной половине России 100 десятин, а в южной, при

посеве пшеницы, 65 десятин. При меньших урожаях цены на хлеб повышаются, и этим уравнивается соотношение запашки к размерам денежных расходов.

Для надобности приюта необходимы еще сено, корнеплоды, масленичные растения и волокнистые. Картофеля требуется по 3 пуда в год на питомца, всего 216 пуд[ов], для чего совершенно достаточно двух десятин. Полотна или холста, по 10 аршин в год на питомца, потребно 720 аршин. Принимая, что один аршин холста получается с одного фунта кудели, при урожае 300 ф[унтов] кудели с десятины получим, что для приюта необходимо иметь в посев под лен или коноплю около трех десятин, с которых получится зерна 90 пудов, могущих дать масла около 20 пудов. Для масла может быть посеян также и подсолнух, рыжик и проч. Картофель полезнее ввести в севооборот на огороде; также и коноплю. Остальные же растения составляют полевое хозяйство. Таким образом, мы получим, что для приюта необходимо иметь в поле 105 десятин в запашке, кроме пара.

Принимая шестипольный севооборот, мы получим такую картину запашки: 1) пар удобренный; 2) рожь с подсевом травы; 3) и 4) трава; 5) просо или яровая пшеница и 6) овес, гречиха, масленичные. При такой системе хозяйства приюту необходимо иметь в поле 150 десятин при урожайности в 80 пудов с десятины и при существующих низких ценах на хлеб в местности, где не растет пшеница и другие высокой ценности растения. При иных же условиях количество земли может быть уменьшено. Относя еще 10 десятин на усадьбу с огородом, садом и выгоном, получим, что для образцового приюта необходимо иметь в северной половине России не более 160 десятин для того, чтобы на содержание, обучение и обеспечение в жизни 72 питомцев по крестьянскому быту не требовалось ни одной копейки расходов. Количество земли, при наличности хороших лугов,

плодородии почвы и повышении цен на хлеб, уменьшится. Ниже приведена стоимость затрат на приобретение земли; теперь же необходимо исчислить количество потребного для приюта скота и инвентаря.

Из шести полей ежегодно вспахиваются только три: второй, пятый и шестой на пространстве 75 десятин. Из этого числа 25 десятин пара обрабатываются в мае или июне месяце и 50 дес[ятин] осенней пашни в сентябре месяце, по окончании страдной поры. На восемь детей рабочего возраста первой работы приходится по три десятины на мальчика, а второй – по 6 десятин. Если обработка земли будет совершаться легкими одноконными плужками, то для первой работы необходима одна неделя, а для второй две, что будет совершенно успешным. Полный есть, однако, расчет иметь при приюте двулемешные плуги на пару лошадей или две пары быков. Из таких плугов можно смело рекомендовать плуг № 5 Воронежского Товарищества Столль и К°, на двух колесах; при превосходной работе он легок и для лошадей, и для плугатора, давая возможность даже десятилетнему ребенку свободно вытаскивать его из земли. Производительность его, при среднего достоинства лошадях, одна десятина в день. Имея таких четыре плуга, приют силами четырех питомцев вспашет землю под озими – в одну неделю и под ярь – в две недели; остальные четыре питомца могут быть заняты другими работами.

Посев, полагая на рядовую сеялку при двух лошадях четыре десятины в день, а на борону – по одной десятине, исполненный на тех же 8 лошадях 8 питомцами, совершится: озимого поля в 2 дня и ярового в 5 дней. С введением запашников и ручных сеялок работа и ускорится, и улучшится.

Для рассева семян весьма полезна недорогая и несложная по своей конструкции рядовая сеялка г[осподина] Эрт в г[ороде] Саратове. Она свободно может быть поручена управлению пятнадцатилетнего юноши.

Косьбу травы предстоит приюту совершить на 50 десятинах. На косилке Вуда, на паре сменных лошадей, шестнадцатилетний мальчик может скашивать по 5 десятин в день. Имея в приюте две таких косилки, приют скосит траву в 5 дней. Но остающиеся еще свободными 6 пар рабочих рук могут свободно скашивать в день по 3 десятины. Таким образом, при помощи 2 косилок вся трава скосится в 3 дня. При одной же косилке будет сниматься в день по 8 десятин или работа будет исполнена в 7 дней. Уборку сена необходимо совершать с помощью конных грабель, производительность коих не менее 10 десятин в день. 20 питомцев обоего пола, способных к уборке сена, совершат эту работу в две недели вместе с сенокошением.

Для уборки хлеба предстоит работа в три срока: сперва рожь на 25 десятинах; затем яровой хлеб на 25 десятинах; и, наконец, масленичные и крупяные растения на 25 десятинах. На жнейке с самосбрасывающим аппаратом может быть снято около 5 десятин в день. Следовательно, весь хлеб, как озимый, так и яровой, уберется каждый в течение 5 дней – срок более чем достаточный. Полагая на жнейку двух сменяющихся между собою питомцев, с верховым на одной из лошадей, имеем еще 12 вязальщиков обоего пола, которые вполне успешно управятся с вязкою за жнейкою снопов, на каковую требуются обыкновенно 5 взрослых рабочих. Для работ можно рекомендовать американскую жнейку Андреас-Плат, которая дает возможность увеличивать или уменьшать размер снопов в зависимости от густоты хлеба, жать высоко и низко, по желанию, и прочна в конструкции.

Укос гречихи, проса, гороха, срезка подсолнухов, выдергиванье льна составят работу не более трех дней.

Одною из наиболее важных работ является своевременная привозка хлеба на гумно и укладка его в скирды. Здесь, равным образом и для метания стогов сена, необхо-

димо приглашать одного, двух опытных рабочих на три, на четыре дня.

Молотьба, вейка и сортировка хлеба шестнадцатью рабочего возраста детьми при шестнадцати еще помощниках произведется вполне свободно даже и не на сложной молотилке. Но расход на нее будет вполне производителен, так как значительно ускорит и улучшит работу. Если не будет приобретен керосиновый двигатель, то, при восьмиконном приводе, потребуются еще четыре лошади для подвозки хлеба и увоза соломы.

Преимущество керосинового двигателя будет состоять в том, что работа пойдет равномернее, он сократит опасность увечья работников, что требует особенного внимания при конном приводе, ускорит, упростит и облегчит самую работу и освободит несколько пар рабочих рук. Уход же за двигателем не представляет особого затруднения. Несмотря на значительную свою стоимость, двойную против конного привода, керосиновый двигатель дает огромную экономию по текущему содержанию лошадей и возможность использовать его еще на надобность мельницы и водокачального насоса, если не для поля, то для огорода. Обращаться с машинами смотрители выучиваются скоро. Нужно только требовать от них ежедневной чистки машин, и особенно ножей, во время работы. Имея у себя в распоряжении восемь детей четвертого разряда, смотритель имеет полную возможность держать машины всегда в образцовом порядке и чистоте.

Полив огорода и сада надлежит устроить из насоса, самотеком. В огороде ввести четырехгодичный оборот, что позволяет составить экономию на удобрении по следующей системе: 1) первый год, с сильным удобрением, капуста, 2) второй год – свекольные, 3) бобовые и 4) картофель. Для пчельника полезен посев медовых трав.

Для совершения указанных полевых работ потребно иметь восемь лошадей при керосиновом двигателе и две-

надцать при конном. Кроме того, для удовлетворения потребности приюта в мясе, одежде и обуви необходимо следующее количество скота.

Кроме холста для приюта требуется верхняя одежда – кафтаны, полушубки, рукавицы, шарфы, шапки, и обувь – чулки, валенки, сапоги и башмаки. Кожа для сапогов получится от рогатого скота, а материал для остального – от овцеводства.

Полушубка хватает на три года. Полагая ежегодно ремонт третьей части полушубков для 44 питомцев от семилетнего возраста, и на каждый полушубок в среднем по три овчины, получим 45 овчин, ежегодно необходимых для приюта; остальным детям пойдут вырезки из старых полушубков.

Суконные кафтаны могут быть даны только на два года. Ремонт их предстоит, следовательно, для половинной части питомцев от семилетнего возраста, или ежегодно должно быть шито 22 новых кафтана. На 22 кафтана потребуется в среднем по 3 аршина сукна, или всего 66 аршин. На каждый аршин идет по одному фунту шерсти, или всего 66 фунтов. Для валенок, шапок, рукавиц и прочего необходимо по 2 ф[унта] на питомца, или 144 ф[унта], а на весь приют, следовательно, потребно 210 фунтов шерсти. Овца дает в год 4 фунта шерсти, так что для получения 210 ф[унтов] надлежит держать 50 овец.

Мяса, по четверти фунта в день на питомца, на 188 дней скоромных потребуется 90 пудов в год. Оно получится от овец, рогатого скота, свиней и птиц. От 50 овец, потребных для шерсти, получится ежегодно приплода 40 ягнят, которые, заменяя собою устаревших, дадут возможность потреблять ежегодно в пищу 40 овец, могущих доставить мяса 60 пудов. От 10 свиней получится приплода на 50 пудов. Кроме того, мясо получится от птицы и рогатого скота, который молоком составит видную поддержку в пище.

На кожаную обувь и упряжь необходима одна сырая кожа и четыре яловых. Содержа шесть коров, получим возможность удовлетворить и эту потребность от приютского хозяйства.

Стоимость штата скота можно определить в следующем размере:

12 лошадей – 600 р.
50 овец – 200 [р].
6 коров – 150 [р].
10 свиней – 50 [р].
Итого – 1000 р.

Мертвый инвентарь, по количеству рабочего скота, определяется в следующем размере и стоимости:

Кухонной утвари – 50 р.
Постелей, столов, скамеек – 50 [р].
Инструменты:
Плотничный – 50 [р].
Кузнечный – 50 [р].
Сапожный, ткацкий и пр. – 50 [р].
Садовые и огородные – 30 [р].
Упряжь на 8 лошадей – 100 [р].
8 телег и саней – 100 [р].
4 плуга двулемешных – 150 [р].
2 окучника – 20 [р].
Запашник и бороны – 60 [р].
Рядовая сеялка – 90 [р].
Косилка – 170 [р].
Жнейка – 270 [р].
Конные грабли – 60 [р].
Молотилка с конным приводом сложная – 800 [р].
Мельница – 200 [р].
Насос – 100 [р].
Итого – 2400 р.

Стоимость же зданий будет такова:

По постройке дома.

Фундамент:
20 кубич[еских] саж[еней] камня по 12 р. сажень – 240 [р].
За кладку мастерам – 60 [р].
[**Итого**] – 300 р.

Стены:
Саманных кирпичей 30 тысяч штук, по 4 р. 50 к. за тысячу – 135 р.
Жженых кирпичей 4 тыс., по 8 р. за тыс. – 32 [р].
Глина и известь – 240 [р].
За кладку мастерам – 225 [р].
Насыпка земли и проч. работы – 208 [р].
[**Итого**] – 840 р.

Деревянные части:
Лес на балки, потолки, крышу, окна и проч. – 800 р.
Плотникам – 300 [р].
[**Итого**] – 1100 р.;

Крыша:
Железа 200 пуд[ов] 10 фунт[ов], по 3 р. за пуд – 600 р.
Краска – 100 [р].
Кровельщикам по 40 за пуд – 80 [р].
[**Итого**] – 780 р.

Стекло – 100 р.

Печи:
Кирпича 20 тыс., по 8 р. за тысячу – 160 р.
Печникам – 100 [р].
Нефтяные форсунки – 140 [р].
[**Итого**:] – 400 р.

Метеорологическая башенка – 50 р.
Клозеты – 5 [р].

Итого, дом – 3600 р.

Службы:
Кирпичей саманных 38 тыс., по 4 р. – 150 р.
Жженых для бани – 10 [р].
Глины – 100 [р].

Камень сырец 10 куб. саж[еней] – 120 [р].
За кладку мастерам – 300 [р].
Леса – 300 [р].
Железа на крышу, на один скат 250 пуд[ов] – 750 [р].
Краска – 100 [р].
Кровельщику – 140 [р].
Нефтяные форсунки для бани – 30 [р].
Итого – 2000 р.

Всего – 5600 р.

Суммы эти исчислены по высокой цене. В местностях лесных стоимость построек значительно уменьшится. При небольших средствах стоимость постройки можно смело сократить уменьшением числа комнат и размера их, покрыв сараи вместо железа соломой с глиною и друг. Наконец, саманные постройки, особенно службы, можно возводить постепенно, расширяя их по мере образования средств.

Имение в 160 десятин земли в северной половине России можно всегда купить за 8000 р. без построек.

Таким образом, весь расход по устройству приюта выразится в следующей сумме:

Имение – 8000 р.
Дом – 3600 [р].
Службы – 2000 [р].
Инвентарь живой – 1000 [р].
Мертвый – 2400 [р].

Итого: 17 000 р.

С 17 000 р. государственные процентные бумаги дадут в год дохода 850 руб., на которые можно содержать не более 10–15 детей. Следовательно, есть прямой фи-

нансовый расчет произвести единовременную затрату на устройство сельскохозяйственного приюта самопомощи в 17 000 руб. для того, чтобы содержать в нем 72 ребенка без расходов на их текущее содержание, но на средства от сельского хозяйства приюта.

Для крестьянских обществ затрата уменьшится на стоимость земли, так как таковая может быть получена из сиротских наделов. При недостаточности их приют может снимать земли в аренду у казны, удела и частных лиц, как последнее и делается Красноярским приютом.

К настоящей книге приложен проект устава или правил сельскохозяйственных приютов, в котором намечен по указаниям опыта весь характер жизни приютов.

Частным лицам является полная возможность учреждать сельские приюты чрез посредство церковно-приходских попечительств, которым закон это также предоставил, без каких-либо ограничений. Если же почему-либо неудобно чрез посредство церковно-приходского попечительства, то устройство сельскохозяйственно-ремесленных приютов самопомощи возможно посредством образования местных отделений Общества улучшения народного труда в память Императора Александра II (правление помещается в г. С[анкт]-Петербурге, Мойка, 38).

Наконец, по Положению о детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии приюты могут быть открываемы губернскими, уездными и местными попечительствами детских приютов, образование каковых не составит большого затруднения согласно 60–63 означенного Положения.

Призрение подкидышей и сирот составляет по закону обязанность земств, городов, мещанских и сельских обществ. Для открытия приютов никаких особых разрешений, ни утверждения уставов для этих учреждений не требуется. Сельским и мещанским обществам достаточно

постановить о том приговоры, а земствам и городам определения в земских собраниях и думах, так как на их желание предоставляется учреждать приюты по тому типу, который им более нравится.

При возникшем намерении у правительства устроить сельскохозяйственные приюты самопомощи для питомцев воспитательных домов обширные пространства казенных земель могут не только уменьшить затраты на организацию приютов почти вдвое, но, кроме того, дать возможность питомцам по окончании воспитания сделаться крестьянами-земледельцами, и притом с бóльшими против обыкновенного нашего крестьянина знаниями. 9000 питомцев столичных воспитательных домов могут, таким образом, составить штат для 900 приютов, 900 сельскохозяйственных и ремесленных школ и образцовых ферм, которые на текущее содержание свое не будут требовать от казны ни одной копейки расхода. В каждом приюте свободно могут быть вскормлены четыре грудных младенца, а во всех приютах около 4000, составляющих то именно количество грудных детей, которое остается ежегодно в живых на дальнейшем попечении воспитательных домов.

При чрезвычайной обремененности в настоящее время вскормления детей в воспитательных домах и особенном затруднении, встречаемом администрацией домов по отношению к «безместным» питомцам, было бы в высшей степени важным поиспытать удобоприменимость приютов самопомощи к несчастным подкидышам постройкою хотя одного из них. «Безместными» называются те питомцы, от содержания которых лица, их вскармливавшие, отказались вследствие наступившей для семейств, принявших ранее питомцев, перемены жизни или же вследствие шалостей детей. Такие дети – больное место воспитательных домов. Заботе о них посвящены и те благотворительные общества, которые образовались для помощи питомцам воспитатель-

ных домов, вскармливаемым близ столиц, по некоторым линиям железных дорог.

Земледельческий труд имеет весьма серьезное воспитательное значение и вполне основательно вследствие этого применяется к исправлению несовершеннолетних преступников. Заняв «безместных» детей сельским хозяйством, явится возможность исправить их и вместе с тем облегчить учреждениям, об них заботящимся, попечение о них в материальном отношении. При тех пожертвованиях, на которые так щедро откликались в последнее время разные лица, есть полное основание рассчитывать, что найдутся добрые люди, которые пожелают помочь 90 000 брошенных детей и пожертвованием средств на устройство образцового сельскохозяйственного приюта самопомощи дадут толчок к дальнейшему развитию таких приютов, и тем утрут многим и многим нищенствующим сиротам их горькие слезы.

Приложение.

Устав Тарасовского (Красноярского, Лопуховского и Бурлукского) волостного сельскохозяйственного приюта

§ 1. Для открытого в Тарасовской волости, Камышинского уезда, согласно п[ункта] 3 ст[атьи] 78, п[ункта] 9 ст[атьи] 84 и п[ункта] 6 ст[атьи] 179 Общего положения о крестьянах, сельскохозяйственного работного приюта, устанавливаются нижеследующие правила.

§ 2. Цель учреждения приюта заключается в призрении и воспитании нуждающихся детей Тарасовской волости с целью образования из них хозяйственных крестьян, могущих примером своим распространить в народе улучшенные понятия по сельскому хозяйству, согласно образу

жизни каждой местности, и научить его по возможности обходиться в домашнем обиходе своем без посторонней помощи. С этою целью в приюте вводится сельское хозяйство вообще, садоводство, огородничество, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, рыбоводство и пр., а также преподаются всевозможные ремесла: портняжное, чеботарное[1], плотничное, кузнечное и т.п.

§ 3. Приют стремится к удовлетворению своих потребностей собственными силами. Для сего, кроме усадебного места, предоставленного в его распоряжение, по каждому обществу он может получить причитающиеся на долю воспитывающихся в приюте детей их земельные наделы. При недостатке надельной земли приют может снимать земли в аренду у землевладельцев и приобретать их в собственность. Текущие налоги, как государственные, так и земские и мирские, причитающиеся с приютских полей, слагаются на общем основании.

§ 4. Земельные наделы, следующие питомцам, могут быть отводимы к границам общественных владений для совокупного из них образования полей в одном или нескольких местах поближе к приюту. Земельные наделы в дальних от приюта обществах могут быть сдаваемы в аренду для снятия на вырученные суммы в арендное пользование земель, находящихся ближе к приюту.

§ 5. По мере прибыли и убыли в приюте питомцев соответственно сему увеличиваются и уменьшаются границы приютских полей, оставаясь на одном и том же месте; наделы, сдававшиеся в аренду, с уходом питомца возвращаются сельским обществам.

§ 6. Усадебное место обрабатывается соразмерно надобностям приюта, под огород и сад, а полевые земли под потребные для приюта произрастания. Вся обработка земли совершается силами приюта. В случае же недо-

[1] То есть сапожническое ремесло.

статка приютской рабочей силы – наемными, на средства приюта, людьми.

§ 7. Добытыми с земли плодами приют содержится, продавая излишки плодов на необходимые для себя расходы: на одежду, обувь, содержание администрации, отопление, покупку орудий и т.п. Ремесленные изделия могут быть продаваемы с таким расчетом, чтобы вырученною от продажи суммою покрывался расход на приобретение всего материала для изделий.

§ 8. Для обработки поля и вообще для своих надобностей приют содержит всякого рода скот, птицу и пчел.

§ 9. Вместе с поступающими питомцами приют может брать на хранение имущество их, в том числе и скот. По окончании воспитания питомцы получают вместо внесенных ими предметов по возможности лучшие и во всяком случае не меньшей ценности; разница в ценности против оценки принятого имущества доплачивается деньгами.

§ 10. Денежные средства приюта образуются: 1) из выручек от продажи продуктов сельского хозяйства, 2) из пожертвований и 3) из прибылей от продажи земледельческих орудий. При отсутствии или недостаточности их на содержание и постройку приютов могут быть назначены, по приговорам сходов, штрафные суммы волости согласно ст. 143 Пол[ожения] о крестьянских учреждениях, третья часть доходов по волостной ссудо-сберегательной кассе и другие суммы.

§ 11. Пять процентов всех поступающих на содержание приюта денежных сумм и суммы, вырученные от продажи 5 проц. всего сбора с полей, огорода и сада, ежегодно отчисляются и вносятся в ссудо-сберегательную кассу волости для образования неприкосновенного фонда приюта, процентами с которого приют пользуется.

§ 12. Попечение о благосостоянии приюта и его нуждах возлагается на Совет приюта.

§ 13. Совет состоит из членов волостного правления:

волостного старшины и всех сельских старост волости, на заседания коих, по приговору волостного схода, приглашаются, в качестве заседателя, председатель волостного суда и, в качестве попечителей, местный участковый врач, волостной фельдшер и, с разрешения епархиального начальства, все священники волости. Общее наблюдение за Советом принадлежит земскому начальнику.

§ 14. На обязанности Совета лежит попечение о жизни приюта, как в умственно-нравственном, так и в хозяйственном отношениях.

§ 15. Совет собирается периодически ежемесячно и экстренно, в особо важных случаях. Председательствует в Совете старшина, уступающий место земскому начальнику, если он прибудет. Дела решаются по большинству голосов, причем при равенстве голосов голос председателя дает перевес. Постановления Совета записываются в протокол.

§ 16. На Совет возлагается ответственность по успешному ведению жизни приюта и правильному производству расходов. Он составляет отчеты по приходо-расходованию денежных сумм и материалов приюта.

§ 17. Для наблюдения за жизнью приюта и производства расходов Совет из членов своих избирает на каждые полгода двух заведующих приютом. Обо всех замеченных неисправностях заведующие приютом доводят до сведения Совета, экстренный созыв которого они могут потребовать во всякое время.

§ 18. Непосредственное управление приютом, как в учебном, так и в хозяйственном отношениях, возлагается на смотрителей его, коими могут быть только муж с женой.

Смотрительница заведует женскою половиною приюта и всеми работами, исполняемыми девочками, под надзором и ответственностью смотрителя, в заведова-

нии коего находится весь приют. Обучение детей грамоте может производиться ими обоими. С усилением средств приюта для учебной части приглашаются особые учителя и учительницы, а для преподавания ремесел особые мастера и мастерицы.

§ 19. Смотритель нанимается Советом приюта, по возможности из лиц, получивших образование в сельскохозяйственных учебных заведениях, и увольняется им же; кроме того, он может быть увольняем уездным съездом, по представлению земского начальника, на общем основании 62 ст[атьи] Пол[ожения] о зем[ских] нач[альниках].

§ 20. Мастера приглашаются и увольняются членами Совета, заведующими приютом, по представлению смотрителя, на коем лежит ответственность за правильное преподавание ремесел. Разногласие между ними в назначении мастеров разрешается Советом.

§ 21. Жалованье смотрителям приюта, преподавателям и мастерам ремесел назначается из средств приюта и определяется Советом при самом приглашении лиц. Смотритель и смотрительница живут в приюте на полном, кроме одежды, содержании и пищею довольствуются из общего с питомцами котла.

§ 22. Мастера и работники находятся в непосредственном подчинении смотрителю. Он руководит их занятиями, наблюдает за исполнением ими своих обязанностей, и пред ним отвечают они за целость и сохранность вверенного им имущества.

§ 23. Смотритель строго следит за точным выполнением постановлений Совета и преподанной ему последним программы и ежемесячно отчитывается пред Советом по всей жизни приюта; он же составляет отчеты и доклады и ведет всю канцелярию приюта.

§ 24. Смотритель руководствуется подробными правилами, составленными Советом. Правила эти касаются про-

довольствия питомцев, порядка их занятий и нравственно-религиозного воспитания их.

§ 25. По приюту ведутся: приходо-расходная книга по денежным суммам, хозяйственные инвентари, как живой, так и мертвый, и отдельные счета по различным отраслям хозяйства и ремеслам.

§ 26. Как учебный, так и хозяйственный год приюта течет с 1 ноября по 1 марта.

§ 27. Смотритель представляет Совету, не позже декабрьского срочного заседания, отчеты: учебный, технический, хозяйственный, денежный и материальный по приюту и работам, произведенным питомцами в течение года в имении приюта и мастерских.

§ 28. Совет, по утверждении, печатает отчет в одном из местных повременных изданий или, отпечатав его отдельной брошюрой, рассылает в местные и столичные повременные издания, учреждениям и лицам, имеющим соприкосновение к жизни приюта.

§ 29. В приют принимаются дети крестьян Тарасовской волости, причем нуждающимся из них отдается предпочтение.

§ 30. Дети принимаются в приют обоего пола и всех возрастов, не старше 14 лет. При приеме от родителей и опекунов отбираются подписки в том, что ранее окончания питомцем воспитания они отказываются брать его из приюта; в противном случае платят приюту стоимость содержания питомца за все время пребывания его в приюте.

§ 31. Прием учеников производится только Советом, ежемесячно, а выпуск также Советом, ежегодно.

§ 32. Количество призреваемых в приюте питомцев устанавливается Советом сообразно свободному помещению и хозяйству приюта.

§ 33. Продолжительность пребывания детей определяется предельным возрастом – 17-летним, который может

быть увеличен до одного года особым о каждом воспитаннике постановлением Совета. Дети старше 18 лет оставаться в приюте не могут.

§ 34. Дети других сословий и крестьян, не принадлежащих к Тарасовской волости, на средства которой содержится приют, могут быть приняты только с согласия волостного схода.

§ 35. В приют дети поступают на полное содержание, но могут быть принимаемы к обучению и приходящие в количестве, определяемом Советом приюта сообразно с помещением последнего. Прием в таких случаях детей совершается также Советом приюта; им же они исключаются.

§ 36. Содержание в приюте должно быть просто и приноровлено к условиям быта местного крестьянства среднего достатка, как в отношении пищи и одежды, так и вообще образа жизни. Приют должен представлять из себя обыкновенную крестьянскую семью среднего достатка.

§ 37. Во все время пребывания своего в приюте воспитанники обязаны исполнять все хозяйственные и ремесленные работы, которые будут им поручаемы. Приют, по изготовлении для своей надобности достаточного количества одежды и обуви, может продавать свои изделия на местных базарах. Принимать же заказы на работы приют может не иначе как по особому, каждый раз, постановлению Совета. Из денег, вырученных от продажи изделий, по вычету стоимости материала, половина прибыли поступает в приют, а другая половина для образования капитала на выдачу оканчивающим воспитание питомцам орудий труда.

§ 38. В течение воспитания своего питомцы не изолируются от крестьянской среды, и вообще приют не должен представлять из себя закрытого учебного заведения.

§ 39. С наступлением выходного возраста Совет приюта решает вопрос о выпуске воспитанника, приноравливая это преимущественно к весенним работам. Юноше приют на принадлежащие ему или собранные по подписке средства, в сельском обществе его по возможности, устраивает хозяйство. На приютские же средства снабжает его земледельческими орудиями, живым инвентарем и семенами и в течение двух лет руководит его полевым трудом. Отчуждать что-либо из подаренного приютом хозяйства бывшие воспитанники и воспитанницы приюта не могут до наступления совершеннолетия; в особых случаях это может быть разрешаемо Советом.

§ 40. С целью обзаведения хозяйством воспитанники и воспитанницы все время жизни в приюте заготовляют себе потребное количество орудий, одежды и обуви и получают обратно таких же животных и такие же вещи, какие были ими внесены в приют.

§ 41. Девушки могут быть отданы в замужество прямо из приюта. Для этого они получают, сообразно средствам приюта, приданое, заключающееся в хлебе всякого рода, имеющемся в приюте, одежде и обуви и, по усмотрении Совета, мертвом и живом сельскохозяйственном инвентаре. Свадебные расходы могут быть приняты также на средства приюта.

§ 42. Девушки, не отданные в замужество из приюта, передаются по наступлении выходного возраста под надзор ближайших родственников. При выпуске из приюта они получают также приданое.

§ 43. По выпуске воспитанников и воспитанниц Совет продолжает иметь над ними наблюдение впредь до их совершеннолетия, и тем из них, кто поддерживает связь свою с приютом, последний может всегда оказать, сообразно средствам своим, помощь в случае особых несчастий в виде полного неурожая, пожара, падежа скота и т.п.

§ 44. Питомцы в приюте с шестилетнего возраста обучаются молитвам, Закону Божию, чтению, письму и счислению по программе школ грамоты, первоначальным приемам землемерного дела и практическому землестроению в виде производства глинобитных построек, устройства запруд и орошения. По мере развития средств приюта, с приглашением особых преподавателей, программа обучения расширяется до низшей сельскохозяйственной школы со введением в преподавание простейшей механики и рациональной обработки сырья.

§ 45. При приюте содержится библиотека для чтения из книг, допущенных к обращению в библиотеках сельскохозяйственных народных училищ. При библиотеке хранятся обязательно собираемые приютом коллекции местных растений, животных и почв. При ней же сосредоточиваются постоянные наблюдения по указаниям главной физической обсерватории над простейшими метеорологическими явлениями в пределах понимания питомцев. При библиотеке же ведутся операции по складу земледельческих орудий и семян для продажи на комиссионных началах местным земледельцам.

§ 46. Учебные занятия производятся постоянно, по мере свободного времени, дабы дети учились между делом. Но с 1 ноября и по 1 марта, ежедневно, по два часа времени обязательно назначается на обучение чтению и письму. В случае наступившей возможности для приюта расширить учебную программу до низшей сельскохозяйственной школы на обучение наукам посвящается не более четырех часов в день и учебные занятия могут происходить не только днем, но и вечером. Особых часов на приготовление уроков не полагается: дети должны учить уроки во время классных занятий.

§ 47. Практические работы в приюте разделяются на сельскохозяйственные и ремесленные. К первым относятся

работы по полеводству, птице- и скотоводству, пчеловодству и садоводству и вообще по всем отраслям сельского хозяйства, которые только будут заведены в приюте. Ко вторым – всякие ремесла, которые необходимы в домашнем быту местного крестьянина.

§ 48. В праздники производятся только неотложные работы, например, по уходу за скотом, чистке двора и т.п.

§ 49. Составление ежедневного распределения учебных часов и практических занятий предоставляется Совету приюта.

§ 50. Каждый воспитанник и воспитанница должны знать все соответствующие им ремесла, преподаваемые в приюте, дабы по выходе на самостоятельную жизнь они сумели обойтись в своем крестьянском обиходе без необходимости обращаться к профессиональным ремесленникам.

§ 51. Приют представляет из себя не школу, а семью; поэтому никаких экзаменов для детей в течение воспитания их не производится. Мальчики для получения свидетельства на льготу по воинской повинности испытываются в ближних училищах.

Примечание. Неустановление испытаний не исключает прав Совета и членов его знакомиться со знаниями питомцев для проверки успешности хода преподавания во всякое время.

§ 52. При приюте ведется собственная кассовая книга. Денежные суммы более 50 руб. вносятся на хранение в сберегательную кассу волостного правления на текущий счет.

§ 53. Деньги на содержание приюта расходуются членами Совета, заведующими приютом, по ассигновкам Совета, который распоряжается также продажей запасов и продуктов хозяйства на удовлетворение нужд приюта.

§ 54. Мелкие текущие расходы, авансами до 50 руб., производятся смотрителем, получающим деньги по пред-

ставлению членам Совета, заведующим приютом, счетов в израсходовании аванса.

§ 55. За целость сумм отвечает Совет и избираемые из членов его двое заведующих приютом.

§ 56. Потребные на расход деньги выдаются волостным правлением по мере надобности, согласно протоколам Совета, сперва из текущего счета приюта, а затем уже из собственной кассы волостного правления.

§ 57. Приют имеет печать «Тарасовский волостной сельскохозяйственный приют».

ДЕЛО Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Красноярский «бунт»
(Письмо из Красного Яра
Камышинского уезда)

Недавно в газетах появилось сообщение из Бурлука, Камышинского уезда, рисующее в непривлекательном свете действия местного земского начальника г. Жеденова и сельских властей. В это время начались волнения в Красном Яру, селе, отстоящем верст за 20 от Бурлука. Сельские волостные власти Красного Яра, подозревая в авторе корреспонденции из села Бурлука кого-нибудь из лиц эпидемического отряда и опасаясь, чтобы и их делишки не выплыли на свет Божий, стали усердно распространять слухи, что жена эпидемического врача и фельдшерица подстрекают красноярских крестьян к неповиновению властям, что телеграмма, посланная красноярским обществом министру внутренних дел, есть затея врача и т.д. Слухи эти были так упорны, что в это дело вмешался жандармский ротмистр и произвел о нем формальное следствие, допросив с одной стороны крестьян, с другой – эпидемического врача, его жену и фельдшерицу. Следствие это выяснило, что слухи оказались совершенно ложными, что между волнениями в Красном Яру и эпидемическим персоналом нет никакой

связи, что волнения эти продолжаются уже более трех лет вследствие непосильных для крестьян расходов, производимых земским начальником г. Жеденовым. Он устроил сиротский приют, на который истрачены десятки тысяч общественных денег, завел пожарную команду, которая обходится обществу около трех тысяч рублей в год, завел общественную виноторговлю, доходы с которой употребляются начальством не на то, на что хочет общество, и пр., и пр. По словам крестьян, земский начальник уговаривал их, напр[имер], открыть общественную виноторговлю только для пробы, на полгода, но впоследствии они узнали, что приговор составлен на целый год, и затем эта торговля продолжалась против желания общества целые три года. Сельское начальство, по приказанию земского начальника, без всяких разговоров брало патент в акцизном управлении на право общественной виноторговли. В наступившем 1896 году крестьяне, прослышав, что волостной старшина хочет посылать снова без их ведома в акцизное управление за патентом, написали сами приговор о своем нежелании продолжать общественную торговлю вином, собрали в один день под этот приговор подписи более двух третей членов общества и послали в акцизное управление телеграмму о том, что общество не желает продолжать общественной торговли. Вследствие этой телеграммы акцизное управление патента не выдало, и торговля должна была прекратиться. Накануне Нового года, 31 декабря, красноярские крестьяне, собравшись всем обществом, приняли от заведующего общественной торговлей бочки с вином, оставшиеся в винном складе (в Красном Яру несколько общественных лавок: одна ведерная, или винный склад, а другая для розничной продажи вина на вынос), и перетащили их в помещение розничной виноторговли на вынос. Затем лавку для розничной виноторговли они

заперли на замок, отдали ключи одному из своих односельцев, приложили к двери лавки общественную печать и разошлись. Сельское и волостное начальство не сопротивлялось. Объясняют крестьяне свой поступок тем, что помещение для розничной виноторговли у них свое, общественное, а помещение для винного склада общество нанимает. Поэтому они и перетащили бочки с вином в лавку из винного склада, чтобы не платить за его помещение напрасно, когда торговля уже прекратилась. На том дело, может быть, и кончилось бы, если б старшина не донес местной полиции о «бунте» красноярского общества. Приехали исправник, пристав, несколько урядников, судебный следователь; однако, хотя, по словам старшины, был «бунт», никто из крестьян арестован не был. Исправник, узнав, в чем дело, скоро уехал, обещав вернуться, как только приедет земский начальник, находящийся в настоящее время в отпуске. Пристав же и несколько урядников живут безвыездно в Красном Яру. Все село находится под строгим надзором полиции, которая следит за тем, чтобы крестьяне не собирались вместе по несколько человек и не имели возможности обсуждать свои общественные дела. Крестьяне же находятся в страшно напряженном состоянии, тем более что была назначена продажа имуществ с торгов за недоимки, а между тем они не надеются, что г. земской начальник позволит им сдать купцу право виноторговли в их селе, за которое последний предлагает обществу сейчас же заплатить 4000 рублей. Эти деньги крестьяне хотят отдать на уплату податей и тем спасти от продажи с торгов хоть часть своих имуществ. 1 января крестьяне послали от общества телеграмму министру внутренних дел, прося его позволить им сдать право виноторговли кабатчику, деньги отдать в уплату податей, а также сменить волостное и сельское начальство. В принципе

крестьяне, конечно, совсем не против общественной виноторговли. Это можно видеть из того, что бурлукское общество согласилось нынешний год продолжать общественную торговлю, но только с тем условием, чтобы вся прибыль с нее шла на уплату податей. Вообще крестьяне отлично сознают выгодные стороны общественной виноторговли. Красноярское же общество желает теперь сдать снова право виноторговли купцу по той простой причине, что крестьяне совершенно не знают, сколько приносит доходов их общественная виноторговля и куда эти доходы тратятся. Учет общественной торговли был произведен красноярским обществом через своих уполномоченных только один раз за все время ее существования, да и то после долгих усилий, а именно: общество выбирало учетчиков целых четыре раза, так как земский начальник каждый раз не хотел утвердить выбранных; выбирали других – снова отказывал в утверждении и т.д. Наконец учет был произведен выбранными в четвертый раз. Выбор этих учетчиков тянулся таким образом целый год. Затем доходы с общественной виноторговли шли не на то, на что хотели крестьяне. Общество желало уплачивать подати из этих доходов, но желание его не исполнялось. Теперь на Красном Яру около 80 000 рублей недоимок, и это крестьяне прямо приписывают тому, что все общественные доходы тратятся начальством очень нерасчетливо. За все время существования общественной виноторговли в уплату податей из доходов с нее положено только по 1 рублю на душу. Очевидно, что при таких условиях сдать право торговли вином купцу для крестьян несравненно выгоднее. Совершенное отстранение крестьян от распоряжения своим имуществом привело к тому, что в Красном Яру теперь идут толки о переселении в Сибирь, хотя земли у крестьян, по их словам, вполне достаточно.

Дело Жеденова по обвинению в покушении на убийство г. Меньшикова, рассматривавшееся в III отделении Санкт-Петербургского окружного суда, с участием присяжных заседателей. Председательствовал председатель суда г. Чагин, обвинял прокурор А. Н. Познанский. Защищал присяжный поверенный П. Г. Миронов[1]

(в сокращении)

[…] Заседание суда, начавшееся в 11 часов утра, окончилось только к 10 час. вечера. […]

Стенографический отчет

Председатель. Объявите суду ваше имя, отчество и фамилию.

Жеденов. Имя мое Николай Николаевич Жеденов.

Предс[едатель]. Вы потомственный дворянин?

Жеденов. Да.

Предс[едатель]. Отставной губернский секретарь?

Жеденов. Да.

[1] Миронов Петр Гаврилович (1852–1905) – известный адвокат. Присяжный поверенный окружной Петербургской судебной палаты. Обладая прекрасными голосовыми средствами, живым умом, увлекательной речью, Миронов занимал выдающееся положение в рядах талантливых адвокатов. Ему особенно удавались защитительные речи по так называемым бытовым делам. Выступал защитником по «пасторским делам» в Прибалтийском крае, по раскольничьим делам.

Предс[едатель]. Ваше занятие была служба?

Жеденов. Да.

Предс[едатель]. Имущество имеется?

Жеденов. Имею.

Предс[едатель]. Собственное имущество или родителей?

Жеденов. Родителей.

Предс[едатель]. Копию с обвинительного акта и список свидетелей, судей, присяжных заседателей и прокурора получили?

Жеденов. Получил.

Начинается проверка свидетелей, читают заявления не явившихся свидетелей: г. Меньшикова, г-жи Неаполитанской, Е. К. Гайдебуровой и Н. П. Гайдебуровой[1].

---

[1] Гайдебурова Евгения Карловна (урожд. Кемниц) – писательница. Жена издателя и публициста П. А. Гайдебурова. Гайдебурова Н. П. – дочь П. А. Гайдебурова. Гайдебуров Павел Александрович (1841, г. Николаев – 31 декабря 1893, г. Санкт-Петербург) – общественный деятель, революционер-демократ, либеральный народник, журналист, литератор, редактор. С 1869 года П. Гайдебуров – один из авторов и издателей, а с 1875 г. – единоличный владелец еженедельного журнала «Неделя» (органа либеральных народников), который с 1878 г. выходил с приложениями. Под его редакцией «Неделя» заняла видное место в русской журналистике. Привлек к сотрудничеству в ней К. Кавелина, Н. Михайловского, Д. Мордовцева, М. Салтыкова-Щедрина и ряд других. В течение первых восьми лет участия в «Неделе» Гайдебуров помещал в каждом номере передовые статьи, а впоследствии много лет подряд писал «литературно-житейские заметки». Выдающийся консервативный публицист и общественный деятель Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) в 1892 году вышел в отставку в чине штабс-капитана и устроился постоянным корреспондентом в «Неделю»,

Прокурор. Ввиду доложенных сведений о неявке свидетелей я полагал бы причину неявки признать законной и ответственности их не подвергать. Затем, имея в виду, что показания всех этих свидетелей могут быть прочтены на суде и что, кроме того, показание г. Меньшикова, потерпевшего по настоящему делу, восстановляется показанием одного из вызванных свидетелей, г. Гайдебурова, я не встречаю препятствия к слушанию дела в отсутствие не явившихся свидетелей.

Защитник. Причины неявки свидетелей, несомненно, законны, и показания их могут быть прочитаны, но в настоящем деле настолько существенно важно выяснение каждого момента, что я просил бы дело отложить. Ведь обе г-жи Гайдебуровы в Старой Руссе, следовательно, по окончании летнего сезона они возвратятся и в состоянии будут явиться в суд, точно так же и г. Меньшиков поправится к тому времени. Для надлежащего выяснения истины во всей полноте дело слушанием нужно отложить. Затем, если бы суд с этим не согласился, то, если со стороны прокурорского надзора не будет возражения, я прошу допустить к даче показаний свидетеля Муромца, которого вызвать я своевременно просил, но моя просьба была судом отклонена. В настоящее время он представлен в суд и может дать сведения о составлении приговора, что он не был написан на 3 года вместо полгода и даже составлялся в отсутствие Жеденова.

Прокурор. Не желая пользоваться тем, что суд уже отказал в вызове этого свидетеля, тем не менее я нахожу, как и буду потом суду доказывать, что обстоятельства, в подтверждение которых защитник желает представить

позднее, уже после смерти П. А. Гайдебурова, стал ее секретарем и ведущим публицистом.

этого свидетеля, не имеют никакого отношения к разбираемому делу; ввиду этого я считал бы допущение этого свидетеля к даче показаний, которых желает защитник, не согласным с основным правилом о том, что свидетели допрашиваются об обстоятельствах, имеющих прямое отношение к разбираемому делу.

Предс[едатель]. Суд удалится для обсуждения этого вопроса.

Через пять минут суд возвращается.

Предс[едатель]. Суд, рассмотрев ходатайства защиты о допросе приведенного ею свидетеля Муромца, имея в виду, что вопрос о вызове этого свидетеля был уже в рассмотрении суда и суд признал, что показания его не относятся к делу, и в настоящее время не усматривает основания к изменению этого определения, постановил в ходатайстве защиты отказать. Вместе с тем, признавая причины неявки свидетелей законными, суд постановил ответственности их не подвергать и, имея в виду, что показания их могут быть прочтены и что нет обстоятельств, по которым требуется личный допрос, суд постановил дело слушанием продолжать.

Проверяют и выбирают присяжных заседателей.

Читают обвинительный акт:

20 марта текущего года, около 4 часов, в контору редакции газеты «Неделя» явился неизвестный господин и заявил, что желает видеть редактора, когда же занимающаяся в конторе г-жа Павлова сказала, что г. Гайдебуров находится за границей, незнакомец ответил, что дело его

не терпит отлагательства и что ему необходимо возможно скорее объясниться с редакцией. Тогда один из секретарей, г. Накрохин, предложил подождать заступающего место редактора, г. Меньшикова, который должен вскоре приехать. Согласившись на это, посетитель в разговоре с Накрохиным объяснил, что он земский начальник Камышинского уезда Саратовской губ. Н. Н. Жеденов и ему необходимо объясниться с редактором по поводу помещенной в № 10 газеты «Неделя» от 10 марта настоящего года корреспонденции из слободы Красный Яр Камышинского уезда, в которой сообщены ложные факты о его, Жеденова, деятельности как местного земского начальника. Узнав от Накрохина, что Меньшиков придет, вероятно, не ранее 7 часов вечера, Жеденов ушел, обещав зайти позднее.

Меньшиков приехал действительно около 7 часов и, узнав о посещении Жеденова и о желании его объясниться с редактором, прошел в небольшую, так называемую «секретарскую» комнату, где и занялся разговором с г-жою Неаполитанскою. Через несколько минут в эту комнату вошел Жеденов, которого Меньшиков попросил подождать, пока он окончит письмо для г-жи Неаполитанской. Жеденов присел на стул у небольшого письменного стола, стоявшего у окна комнаты, и когда Меньшиков, окончив письмо, заявил Жеденову, что готов его выслушать, то Жеденов начал объясняться раздражительным тоном и сказал, что в № 10 газеты «Неделя» редакция поместила крайне оскорбительную для него корреспонденцию под заглавием «Красноярский бунт», в которой сообщались ложные сведения и была представлена в искаженном виде деятельность его, Жеденова, как земского начальника; особенно задевает честь Жеденова как дворянина фраза корреспонденции: «по словам крестьян, земский начальник уговаривал их открыть общественную виноторговлю только для пробы на полгода, но впоследствии узнали, что приговор составлен на целый год,

а затем эта торговля продолжалась против желания общества целых три года». Находя, что в приведенном сообщении заключается намек на подлог и обман крестьянского населения, Жеденов потребовал от Меньшикова, чтобы редакция в ближайшем номере газеты напечатала извинение и заявила, что приведенная часть корреспонденции не соответствует действительности и что редакция была введена в заблуждение. Меньшиков ответил, что редакция ничего не имеет против помещения в газете письменного возражения Жеденова, если оно будет достаточно основательно, но Жеденов заявил, что он, как дворянин, считает невозможным входить в какие-либо объяснения относительно содержания корреспонденции и настоятельно требует извинения со стороны редакции. На это Меньшиков заметил, что так как корреспонденция доставлена лицом, которому редакция вполне доверяет, и что, кроме того, корреспонденция эта подтверждается и другими находящимися в редакции сведениями, то поэтому извинение со стороны редакции может иметь место только тогда, если будет доказано, что она была введена в заблуждение. Жеденов тотчас вскочил со стула и, сильно возвысив тон, заявил, что нанесенное ему оскорбление может быть смыто только кровью и что ввиду отказа Меньшикова исполнить его, Жеденова, требование он вызывает его на дуэль. Меньшиков объяснил, что не может принять вызова, так как дуэль противоречит его убеждениям, и, стараясь успокоить Жеденова, просил его обстоятельно обсудить вопрос, заметив при этом, что для удовлетворения Жеденова редакция готова сделать все, что только совместно с ее достоинством.

В ответ на это заявление Жеденов выхватил из кармана револьвер и, направив его в Меньшикова, сказал, что в таком случае он убьет его. В это время в дверях секретарской (она же и редакционная) комнаты появились выбежавшие на шум г-жа Гайдебурова с дочерью и занимавшиеся в

редакции Павлова и Соснина, старавшиеся, в свою очередь, успокоить Жеденова, но последний, размахивая револьвером, крикнул им: «Уходите, я буду стрелять и убью не того, кого нужно». Услыхав эту угрозу, Гайдебурова поспешила позвать швейцара, и в ту минуту, когда последний, войдя в редакционную комнату, успел сделать несколько шагов, Жеденов продолжал целиться в Меньшикова, оборвал на полуслове фразу и, заявив: «Вот вам», выстрелил в упор в Меньшикова, который тотчас же вошел из комнаты, заявив, что Жеденов ранил его.

По судебно-медицинскому освидетельствованию оказалось, что Жеденов ранил Меньшикова навылет в мягкую часть верхней трети левого предплечья на расстоянии двух сантиметров от локтевого сгиба.

Предс[едатель]. Вы слышали, что против вас предъявлено обвинение в том, что 20 марта нынешнего года здесь в Петербурге, в редакции газеты «Неделя», во время объяснения с заступающим место редактора г. Меньшиковым по поводу помещения в № 10 газеты статьи, касающейся деятельности вашей как земского начальника, вы выстрелили в него в упор из револьвера, но намерения своего не достигли, вследствие не зависящих от вас обстоятельств. Признаете ли себя виновным?

Жеденов. Нет, не признаю.

Приводят к присяге свидетелей и эксперта доктора Гольдсмит.

Читают показание свид[етеля] Меньшикова. […]

Предс[едатель]. Подсудимый, считаю необходимым предупредить вас, по поводу допроса каждого свидетеля

вы, если желаете, можете дать объяснение, о чем, конечно, должны заявить мне.

Жеденов. Я сейчас желаю дать объяснение. Я признал себя невиновным в том обвинении, которое мне предъявлено, – покушении на убийство, и желал бы рассказать обстоятельства, которые предшествовали делу. Я проживал здесь, кажется, пять месяцев, и проживал только с тем, чтобы добиться заданной цели – утверждения устава сиротских приютов, больше у меня не было дела. В тот момент, когда дело было уже близко к осуществлению, начали появляться в газетах различные статьи, касающиеся моей деятельности и мешающие мне добиться цели. В половине марта я узнал, что в газете «Неделя» помещена корреспонденция, касающаяся моей деятельности и приютов и других учреждений, которые были мною созданы, представляющая в самом извращенном виде все то, что было мною создано. Прочитав № «Недели», я увидал, что в корреспонденции была захвачена деятельность моя по крестьянским учреждениям. Деятельность эта направлена в виде якобы вредном для крестьян и искажена совершенно, все данные, которые могли бы характеризовать мою деятельность как благотворную, неправильны, цифры неправильны, характеристика совершенно ложная, факты, которые приведены были во всей корреспонденции, касались некоторой части моих трудов на крестьянском поприще. Напр[имер], относительно учрежденных мною сельских пожарных команд, сиротских приютов и относительно введения общественной виноторговли. В каждом обществе, каком бы то ни было, городском и сельском, всегда существуют три течения: течение, которое стремится сохранить существующий порядок, другое течение, которое стремится выйти из этого порядка, улучшить его, и третье течение – основная масса безразличных, которым решительно все равно, в каком положении дело ни

будет. Они согласны остаться при прежнем порядке, согласны и против него идти, и, смотря по тому, какая из двух партий преобладает, идет общество по пути прогресса или застоя. В Красном Яру, да и во всем участке, которым я заведовал, было три таких течения. Старое течение господствовало в момент, когда я прибыл, и, когда появилась партия желающих выйти из застоя, она обратилась ко мне с просьбою помочь им и содействовать. Они указали мне, что они тратят огромные деньги на содержание пожарной части в селениях и вместо защиты от пожара имеют никуда не годный насос, отвратительную бочку и полное отсутствие пожарной помощи. Они указали мне на то что тщетно борются с пьянством в Красном Яре. Они указали, что сотнями ходят нищие по селениям, несмотря на то, что им подают и кормят, селения не имеют возможности избавиться от массы воровства. Они указывали меры, которые можно принять против всего этого. Я, как представитель правительства, счел себя обязанным поддерживать партию, которая хотя меньше, но либеральная. Этой партии, поддержанной моим авторитетом, удалось добиться улучшения общественной организации, напр., улучшения пожарной команды; на те же деньги, которые раньше тратились, организация пожарного дела теперь была совершенно другая: при лучшем надзоре появилась возможность содержать пожарную команду наподобие городских, – и не только не увеличился расход, но существовала огромная экономия до 300–400 руб. из тысячерублевой ассигновки. Пьянство народное оказалось возможным уничтожить, уничтожив причину народного пьянства. Для этого нужно было только одно сделать – заменить лиц, которые были заинтересованы в народном пьянстве, общественной виноторговлей, которая не заинтересована. Общественная виноторговля была открыта красноярским обществом еще 21 год тому назад, в 1874 году, и обратила на себя внимание правительства свои-

ми результатами, и об этом было публиковано в «Правительственном вестнике». В 1892 году виноторговцы устроили стачку и предложили ничтожную сумму за право виноторговли, напр[имер], красноярскому обществу, в котором восемь тысяч жителей, предложено было виноторговцем 700 руб. Тогда на сходе красноярским обществом решено было сделать так, как было двадцать один год назад, т.е. открыть общественную виноторговлю. Я изъявил полное сочувствие и обещался принять все меры к тому, чтобы торговля шла правильно. Это действие красноярского общества послужило для меня указанием, как прекратить народное пьянство, и послужило толчком к открытию общественной виноторговли во всем моем участке, где в течение года не осталось и одного виноторговца. Вся выручка была назначена крестьянами на уплату повинностей, за исключением некоторой части ее, назначенной на содержание бедных или на усиление канцелярии. В течение трех лет, пока существовала общественная виноторговля, ежемесячно и ежегодно составлялись отчеты по форме, которая была опубликована и объявлялась на сельских сходах. Ежемесячно и ежегодно ревизовалась виноторговля. Но лица, заинтересованные в виноторговле, лишившиеся огромных доходов благодаря тому, что их изгнали из этого участка, были недовольны и всегда возбуждали общественное мнение тем, что общественные доходы, по всей вероятности, не идут на те потребности, на какие следует. Потому были всегда назначаемы учетчики, которые ревизовали ежегодно. За первый год получилось 3000 руб.; за второй год – 4600 руб. и за третий год – 5000 с лишком. Первый год был распределен доход по наличным душам, которых около 4000. Второй год крестьяне сами назначили на ремонт церквей; а третий год должен был распределиться в то время, когда я находился в Петербурге. Каждый крестьянин получал деньги под расписку, а у кого эти деньги шли в зачет податей, те

получали податные книжки. Таким образом, были соблюдаемы до возможной точности все формальности, какие требуются. Губернское присутствие и податное присутствие постоянно ревизовали общественную виноторговлю, так как она интересовала всех и явилась синонимом казенной продажи вина. Акцизное правление тоже постоянно ревизовало. Затем остаются сиротские приюты. Масса нищих не могла не обратить на себя мое внимание, так как крестьяне постоянно указывали на то, что им нет возможности жить при постоянно увеличивающемся воровстве, и главным образом воровстве детском. Если взглянете на хронику воровства с [18]91 года, вы увидите, что оно сильно увеличилось. В [18]91 году был неурожай и масса народа обнищала, на сиротах деревенских отразилось это в особенности тяжело. Одновременно последовало распоряжение правительства о том, чтобы обратить внимание на положение крестьянских сирот и принять меры к улучшению этого положения. Следовательно, на моей обязанности, как администратора, лежало привести в исполнение распоряжения правительства. Но у крестьян не было средств, потому был отыскан источник, называемый сиротским капиталом: в волостной кассе принимается на хранение сиротский капитал – после смерти крестьянина имущество продается и до совершеннолетия сирот деньги, вырученные от продажи имущества, хранятся в волостной кассе. Сиротам они платят по 4 коп. и рубль процентов, а сами получают по 6 коп. Этой разницы в процентах по 2 коп. с рубля в течение 50 лет накопилось 5000–7000 руб. в каждой волости. И мне было указано, что вот имеется капитал, который служил только источником обогащения для лиц, нечистых на руку, и было предложено отдать этот капитал сиротам. Крестьяне согласились и постановили употребить этот капитал на выстройку домов для крестьянских сирот, вместе с тем постановлено приучать их к занятиям крестьянским, т.е. к землепашеству

и ремеслам, чтобы они впоследствии могли добывать себе средства к жизни. Мы стремились добиться того, чтобы все расходы на приюты покрывались бы работами сирот. Раньше этого нельзя было добиться, но, как только приюты сделали шаг вперед, сейчас улучшилось сельское хозяйство и получилась возможность вести хозяйство таким образом, что оно покрывало все расходы, и на третий год они доказали, что все расходы на приюты были покрыты хозяйством, оставалось только жалованье учителям, мастерам и т.д. В то же время приюты служили и школами грамотности и сельского хозяйства и ремесел. Таким образом, эти школы-приюты могли иметь существенное значение, но с крестьян никогда решительно ни одной копейки не взыскивалось на содержание приютов. В корреспонденции «Недели» я читаю, что содержание пожарных команд стоило ежегодно 3000 руб., тогда как, напротив, экономии было 500 руб.; что содержание сиротских приютов стоит десятки тысяч рублей и крестьяне разорились; что виноторговля общественная дает огромный доход, но он идет неизвестно куда; что крестьяне желали обратить его на уплату повинностей, но земский начальник был такой изувер, что эти все доходы употреблял неизвестно куда, и крестьяне бедствовали и готовы были переселиться в Сибирь. Такова была статья в «Неделе». Я счел своею обязанностью объяснить положение, тем более что я видел, кто написал ту корреспонденцию, – восхвалялось то время, когда давалось виноторговцами 4000 руб., между тем как не 4000 р. предлагалось, а только 700 руб. Затем указывалось, что в мое отсутствие крестьяне передали виноторговлю за сумму около 4000 руб., между тем как они взяли только и 500 руб. Что же мне было делать? – Возражать и указать ложность корреспонденции? Но в ней одна фраза была такая, которая помешала мне поместить возражение. Там сказано, что земский начальник уговаривал крестьян открыть общественную ви-

ноторговлю для примера на полгода и они впоследствии уж узнали, что приговор составлен на год. Дальше говорится, что доход девается неизвестно куда, а еще дальше – что избирали крестьяне учетчиков, а земской начальник не допускал учетчиков к ревизии. Таким образом, является, что земской начальник, желая воспользоваться доходами, обманывал крестьян – они общественную торговлю открыли и доходов нет! Я взглянул на эту фразу так, что корреспондент увлекся, так как в последнее время часто встречаются нападки на институт земских начальников, тем более «Неделя» отличалась всегда нападками, часто несправедливыми и ложными, на институт земских начальников. «Неделя» считается со времени основания своего очень порядочной газетой, вот только в последнее время она стала терять свою репутацию в этом отношении, но прежнее обаяние ее осталось как порядочной газеты, и я решился обратиться к благородству лиц, которые заведуют редакцией, и объяснить им истинное положение, объяснить, что они стали в неловкое положение, поместив ту корреспонденцию и задев личность человека, который для них ровно ничего не сделал и только заботился о благе общественном. Я опасался, что редакция «Недели» может мне отказать, потому решился действовать двояким путем: идти неофициальным путем, путем знакомых, и объяснить редактору ошибку, и официально идти самому объясняться, так как посредством опровержения нет никакой возможности выяснить положение при существовании этой фразы. Если умолчать о ней, значит признать, что это все верно, а опровергать ее я находил для себя неприличным – это раз, а во-вторых, все мои подобные заявления были бы недоказательны; если бы кто и прочитал подобное возражение, он сказал бы, что этого недостаточно, нужно проследить, насколько это правильно. Поэтому я обратился к капитану Анненкову с просьбою, так как он знаком с редактором «Недели», пойти и объяснить ему, что

корреспонденция неправильна и что я желал доказать, опровергнуть, но мне мешает фраза, в которой задета моя личная честь. Я полагал, что редактор вовсе не хотел задевать мою личную честь и что это сделано нечаянно, по увлечению, потому и хотел просить снять вопрос о моей личной чести с очереди, просить напечатать, что фразу такую-то мы берем назад. Никакого больше извинения я никогда не требовал ни в этот раз, ни в последний. В то же время считал нужным объяснить им, что я не был вовсе на том сходе, который постановил открыть общественную виноторговлю, и что сход сделал то помимо всякого моего влияния, – словом, раскрыть закулисные стороны этого дела и представить доказательства фальшивости корреспонденции. Вместе с тем я обратил внимание г. Анненкова на то, что фраза так написана, что к суду некого привлечь. Они пишут: «Мужики говорят» то-то. Так что редакция всегда может сказать: «Так говорили мужики, это не мы вас обвиняем», а какие мужики, где говорили, кому – это ничего не известно. Первые тут заинтересованы кабатчики, они могут показать – да, мужики говорили, мы слышали. Затем, если бы и возможно было привлечь за клевету, то нужно подать заявление прокурорскому надзору, затянется следствие, и пройдет год, два, три, пока суд вынесет решение – клевета это или нет, а в течение этого времени мое имя будет запачкано. Я просил г. Анненкова объяснить все это редактору и просить взять назад эту фразу, и просите, говорю, чтобы они добавили: «Мы сожалеем о том, что эта фраза была напечатана», но если будут упрямиться, то пусть этого не печатают, только назад эту фразу пусть возьмут, тогда я буду считать вопрос личный поконченным, тогда я перейду на общественную почву и докажу, что личность моя играла тут роль, которая ей предназначена по закону. Самое заглавие корреспонденции указывало на то, что был бунт. Действительно, был бунт, но из-за передела на 12 лет, а вовсе не

из-за общественной виноторговли и из-за тенденции, что виноват земский начальник. Одновременно просил я и другого знакомого пойти в редакцию «Недели» и официально предложить взять назад эту фразу, что иначе я считаю это за личное оскорбление и что я могу примириться за личное оскорбление только судом чести, потому что за оскорбление чести вести к мировому я не могу по понятиям того общества, к которому я принадлежу. Прихожу домой и застаю письмо г. Анненкова о том, что г. Меньшиков не только не желает опровергать, но не желает даже дать мне объяснение – ни на какие компромиссы идти не хочет, и что он против меня чем-то возбужден. Тогда мне оставалось действовать так, как было решено мною раньше. Я отправился к одному знакомому и просил пойти в редакцию «Недели» и объяснить, что г. Жеденов считает себя оскорбленным этой фразой и если они ее не возьмут назад, то он принужден будет расквитаться судом чести. Знакомый обещал это сделать и поехать в редакцию «Недели». Он поехал, но не застал в редакции г. Меньшикова, ему было назначено приехать на следующий день, в 4 часа. Я приезжаю к нему в 12 часов в тот день, когда назначено было свидание в 4 часа. Он под разными предлогами довел до 3 часов (а ехать далеко), потом говорит – мне не хочется впутываться в это дело. Я указываю ему, что он время затянул надолго, что теперь я не успею никого просить. Да поезжайте, говорит, сами. Я решаю ехать сам, но я слышал от г. Анненкова, что г. Меньшиков – человек не особенно деликатный на словах и желчный, может сказать что-нибудь такое, что я не пойму, может выйти недоразумение, а в таком положении, как я был относительно того, что я добивался, чтобы мои приюты были приняты в Ведомство Императрицы Марии, а тут скажут, да он скандалит. И как раз только перед этим был у меня разговор с одним редактором газеты. Я просил его поддержать сиротские приюты и написать в газетах о том,

что на сиротские приюты с крестьянских обществ ни одной копейки не взыскивается. Он мне и сказал: знаете, вот опять напечатана статья, где говорится как раз обратное. Таким образом, мне нужно...

Предс[едатель]. Виноват, о какой статье вы говорите?

Жеденов. О той же самой – в «Неделе» – доказать, что не десятки тысяч стоят сиротские приюты, а содержатся на особый капитал. Знакомый мой, несмотря на все просьбы и на указания, что я могу не сдержать себя, отказался ехать, и я волей-неволей должен был отправиться один. Но дорогой я вспомнил случай, который был с одним присяжным поверенным в Саратове. Одна газета напечатала о нем статью, он пришел объясниться, а они зовут швейцара и выгоняют его в шею. Я думаю, лучше обезопаситься, заезжаю домой, беру револьвер, приезжаю в редакцию и спрашиваю, могу ли видеть редактора. Барыня отвечает, что редактора нет, он за границей. Я говорю, я знаю – я слышал от Анненкова, что Меньшиков заведует редакцией. Могу ли видеть г. Меньшикова? Говорят, его нет, предлагают подождать. Я присел подождать, но вспомнил, что нужно постараться избежать столкновения, уговорить Меньшикова и привлечь на свою сторону лишнего человека, я спросил, нет ли еще кого-нибудь в редакции, – говорят, есть г. Накрохин, его вызывают, я начинаю с ним говорить, указываю на то, что нужно написать опровержение, но мне мешает фраза о личном оскорблении. Он относится внимательно к моим словам, соглашается, что эта фраза оскорбительна, что газета «Неделя» могла касаться моей общественной деятельности, но не имела права касаться моей личности, которая на страницах газет не должна появляться, и сказал, что редакция исполнит мою просьбу, возьмет назад эту фразу и до суда никогда дела не допустит. Я ему объяснил

сущность своего дела, объяснил, что корреспонденция написана, вероятно, лицом, которое желало повредить успеху моего дела в Петербурге. Он выразил свою готовность содействовать этому делу. Я подтвердил, что личное оскорбление лишает меня возможности писать опровержение, он подтвердил мне, что редакция «Недели» обязана исполнить вашу просьбу, что такую-то фразу они берут назад, я, говорит, передам об этом г. Меньшикову, я и сам бы сказал, что возьму ее назад, но раньше, чем переговорю с г-ном Меньшиковым, я не решаюсь, и просил меня прийти через полтора часа, когда г. Меньшиков придет для просмотра корректуры следующего номера газеты. Я успокоился словами г. Накрохина, поблагодарил за внимание и вышел. Но на лестнице я вспомнил о том, что – ну как Меньшиков не согласится, лучше предупредить всякое столкновение. Возвращаюсь назад и в присутствии прислуги Сеньки, парня лет 20, говорю г. Накрохину: «Вы лично передайте обо мне г. Меньшикову и скажите – если он не желает удовлетворить мою законную просьбу, то пускай он меня и не принимает, а назначит место, куда мои друзья могут приехать переговорить о дуэли». Он посмеялся, говорит, разве мы можем доводить людей до подобного дела. Мы на это не имеем права. В те полтора часа, которые оставались до свидания с г. Меньшиковым, я хотел вернуться домой, положить револьвер, который мне сильно мешал, но рассчитал, что я не успею вернуться к сроку, и зашел в один дом, куда получил накануне приглашение прийти на другой день, переговорить об устройстве сиротского приюта, такого же, как я устроил в Камышинском уезде. В семь часов являюсь в редакцию «Недели», спрашиваю, приехал г. Меньшиков? – Приехал. – Доложите обо мне. Слуга говорит, пожалуйте, они вас ждут. Я вполне покоен, что недоразумения все кончились, – после слов г. Накрохина, что будет сделано все, что я требовал, я был спокоен за исход дела. Вхожу,

г. Меньшиков спрашивает: «Что вам угодно?» Это меня удивило – человеку должен был сказать Накрохин, говорил Анненков, а он спрашивает, что угодно! Сразу я почувствовал, что теряю хладнокровие от вопроса, который предложен неделикатным тоном. Он предложил мне присесть, я сказал ему, что желаю написать опровержение, но мне мешает эта фраза. Он просил меня подождать, пока кончит дело с дамой, которая сидела тут же около стола и которая присутствовала при разговоре моем с г. Накрохиным. Уж это было вечером, горела лампа. Г. Меньшиков, видимо, ждал, когда уйдет эта дама, и, не дождавшись, обращается ко мне снова. Я говорю – возьмите эту фразу назад, вы ее допустили по ошибке. Он опять взглянул на эту даму, видимо, его стесняло ее присутствие. Затем спрашивает меня, зачем же вам нужно снять эту фразу с очереди? Я говорю: потому что она обвиняет меня в совершении подлога и в том, что я присвоил себе деньги, получаемые от общественной виноторговли, и не допускал учетчиков. Я вам докажу все это, только снимите с очереди вопрос о моих нехороших действиях. Он, несколько подумавши, говорит: «Я знаю корреспондента, который прислал эту статью, очень хорошо и верю, что вы этот подлог сделали». Как он это сказал, я потерял хладнокровие, и едва сдержал себя от могущего выйти недоразумения, и принял все меры к тому, чтобы овладеть собою. Я внушал себе, когда ехал первый раз в редакцию, быть возможно корректным, чтобы не дать повода ни к малейшему недоразумению, потому, если бы это оскорбление было сказано в первый мой приезд, я, может быть, не так бы взволновался, но, когда оскорбление оказалось совершенно неожиданно после того, как я был уверен за исход дела, я только одно мог сказать: «Когда мои друзья могут к вам приехать?» На это он отвечает взволнованным голосом: «Успокойтесь, присядьте». Прошло несколько секунд, в течение которых он только и говорил эти

слова, прибавляя в то же время: «Мы сделаем все, что можно». Я думаю, что человек идет на примирение, сдерживаю себя, сажусь. Он мне предлагает: «Так вы напишите, что подлога не делали и деньги не присвоили, а мы напечатаем». Я говорю: «Если бы заявление мое и имело бы какое-нибудь значение для общества, которое вы взволновали помещением этой и многих подобных фраз, то было бы неприлично моему достоинству оправдываться в совершении преступления позорящего характера». Он отвечает: «Что же тут такого особенно неприличного?» И в таком виде идет разговор. Я говорю: «Еще раз прошу – возьмите эту фразу, и вопрос будет кончен». – «Нет, я не хочу этого». Тогда я на полдороге к двери говорю, когда же мои друзья могут приехать к вам... В это время вспоминаю, что здесь сидит дама, г-жа Неаполитанская, тогда я обращаюсь к ней и прошу ее уйти. Затем обращаюсь снова к г. Меньшикову и говорю: «Укажите мне место и час, когда мои друзья могут приехать к вам». Он спрашивает меня саркастическим тоном: «А на что это вам?» – «Разве вы не понимаете, разве вам не передавали? Я предлагаю вам расквитаться за оскорбление судом чести». Г. Меньшиков отвечает: «В редакции "Недели" дуэль не принята». Я говорю, что же мне делать с вами? Вы нанесли оскорбление, которое может быть смыто только судом крови, не могу тащить вас за это к мировому. Я предлагаю способ дать мне удовлетворение, вы не даете. Он говорит: «А вы зачем меня вызываете, – я не редактор, вы редактора вызывайте». – «Но вы знаете, что г. Гайдебуров за границей, вы заведовали редакцией газеты, когда корреспонденция была напечатана». – «Обратитесь к суду!» – «Кого же я буду привлекать к суду?» – «Ведь мы напечатали только то, что мужики говорят, мы за это не ответственны». Весь этот разговор волновал меня все более и более. В то время, когда произносились эти слова, я слышу в коридоре неопределенные звуки: «Скорее, зовите, беги»,

которые мне сказали, что сзывается прислуга. Я опускаю руку в карман, берусь за револьвер и кричу им: «Не подходите, дайте кончить разговор!» Они остановились. Я когда говорил, у меня был раздраженный голос, что и дало повод к вызову прислуги. Я говорю: «Мои требования нисколько вас не унижают, напротив, – вы выставляете рабочий класс знаменем защиты, знаменем добра, а сами оскорбляете человека. Я ночи не сплю, я болею из-за этого, злейшие враги мои никогда не позволяли себе оскорблять меня в подобных вещах!» А он, увидя людей, которые вошли в комнату, то взглянет на них, то на меня и говорит: вы напишите, что нет подлога. Я говорю – вы обязаны это сделать. В это время в этой комнате люди стали собираться больше и больше, человек десять или двенадцать, и каждый раз, как они входили, я должен был говорить им: «Не входите, я могу убить вас, вы видите, у меня револьвер!» Этими угрозами я заставлял стоять около двери, но они все ближе подвигались. Около меня сзади стояла этажерка, к которой подвигались люди. Я помнил последний момент этой трагедии: в то время, когда я объяснялся, я заметил, что люди приблизились уже совсем к этой этажерке. Я кричу: «Я могу убить его или вас, видите, у меня револьвер!» И говорю ему снова: «Я требую от вас так мало; не требую даже извинения, хотя имею на то полное право». Он, бледный, отвечает мне: «Я извиняюсь перед вами». В этот момент я вижу, что-то блеснуло в моих глазах; мне показалось, что человек хочет накинуться на меня. В это время происходит выстрел. Когда произошел выстрел, я остолбенел – тут швейцар, люди, Меньшиков сидит и говорит, обращаясь к тем лицам, которые собрались: зачем вы сюда пришли? Потом, посидев минуту, встал и пошел, пошли и за ним и другие. Отчасти я был доволен тем, что никто не задет, что выстрел мимо прошел. Когда они ушли, – и я решаюсь уйти тоже из комна-

ты, затем мне показалось, что желают составить протокол о нарушении общественной тишины редакции. Через некоторое время входит пристав и говорит, что произведенным мною выстрелом г. Меньшиков ранен, но что он не желает возбуждать дела. Я говорю, что я выстрела не производил, выстрел произошел нечаянно, а я никакого намерения ранить его не имел. Тем и кончилось дело. После этого я узнал, что по поводу приговора, о котором говорится в корреспонденции «Недели», приезжало в Красный Яр лицо и обращалось к крестьянам с такого рода просьбою: «Поддержите г. Меньшикова и скажите, что вы давали приговор на полгода, а он оказался написанным на год; этот приговор необходим для подтверждения корреспонденции». Но крестьяне заявили этому лицу, что приговор написан без срока. Вот все, что я имел сказать.

Предс[едатель]. Подсудимый, я напоминаю вам, что вы имеете право давать объяснения ко всем свидетельским показаниям, личным и оглашенным, и на вопросы, которые будут с моей стороны вам предлагаться, вы имеете право не отвечать, если не пожелаете. Но в настоящее время, ввиду ваших объяснений, которые даны прежде судебному следователю и занесены в обвинительный акт, я хотел спросить – настаиваете ли вы на том объяснении, которое теперь даете, или поддерживаете прежнее объяснение? Вы сейчас заявляете, что у вас что-то блеснуло в глазах и вы увидели, что тут стоит швейцар, так что вы до выстрела швейцара не видели?

Жеденов. Нет, видел. В то же время я никого не видал, кроме Меньшикова. Я видел только – какие-то силуэты выступали. Я помню, что несколько раз говорил – не подходите, а что эти личности были мужчины или женщины, которые подходили к этажерке, я не видел.

Предс[едатель]. Несколько человек было?

Жеденов. Да, группа – человек 8 или 10. Я сперва дал показание такого рода, что лично швейцару говорил – не подходите или уходите, но говорил ли я это швейцару или другим, я сказать не могу.

Предс[едатель]. В первоначальном вашем объяснении, которое занесено в обвинительный акт, так говорится, что вы обращались к швейцару, предупреждая его не входить, теперь же вы говорите, швейцара увидали после выстрела. Я и хочу установить, которое объяснение более справедливым представляется.

Жеденов. Я только тогда мог выяснить, где швейцар, где сотрудник, когда все пришли в нормальный порядок.

Предс[едатель]. Все лица удалились?

Жеденов. Все. Тогда моментально после выстрела все мое возбуждение прошло.

Предс[едатель]. Затем в ваших объяснениях, которые были даны на предварительном следствии и занесены в обвинительный акт, вы не указывали, что г. Меньшиков говорил фразу, о которой вы теперь говорите. Теперь вы говорите, что он сказал вам: «Напишите, что подлога не совершали, и мы поместим». Вы на такие слова не указывали.

Жеденов. Нет, я думаю, что говорил это и тогда.

Предс[едатель]. В обвинительном акте значится, что он предлагал вам составить вместе опровержение и напечатать, даже указывал, что редакции известен корреспондент как че-

ловек правдивый, достоверный, но не то, чтобы он говорил вам эту фразу, что нам сообщил корреспондент, известный редакции, и что я ему верю, что вы совершили подлог.

Жеденов. Показание я писал сам – весьма возможно, что письменно нет возможности передать так, как на словах.

Предс[едатель]. То время было ближе к происшествию, вы лучше помнили.

Жеденов. Следователь мне говорил – вы на суде все скажете.

Предс[едатель]. Это когда шел вопрос о различных приютах и пожарных командах, которые не имеют отношения к делу, но в отношении выстрела он не мог этого говорить; он не мог говорить о непомещении выражения, о котором вы теперь говорите и которое может иметь существенное отношение к делу.

Прокурор. Где жил подсудимый, когда совершилось преступление?

Жеденов. На Казанской улице, в меблированных комнатах.

[…]

Защитник. Я ходатайствовал о вызове свидетелей в опровержение сведений, помещенных в «Неделе» о деятельности Жеденова, но суд отказал в их вызове; между тем здесь идет речь об обстоятельствах, которыми выясняется деятельность Жеденова как лица должностного, хотя разбора ее здесь не должно быть. Ввиду того, что вызванный по

предложению обвинительной власти свидетель сказал, что он проверял сведения, изложенные в корреспонденции, и убедился, что действительно это так, то я прошу довести до сведения гг. присяжных заседателей, что я просил вызвать оттуда с места трех свидетелей, но мне суд отказал, заявив, что их показания к делу не относятся.

Предс[едатель]. Вашим заявлением вы уже довели об этом до сведения гг. присяжных заседателей.

Жеденов. Я не буду говорить по поводу того, что сказано моим защитником относительно того, что мы просили дать нам возможность доказать клевету и вызвать трех свидетелей и нам судом было отказано в вызове свидетелей, которые показали бы как раз обратное, – стало быть, обвинение является односторонним. Я только против одного буду протестовать здесь – против заявления свидетеля Гайдебурова, будто бы я докладывал в разных обществах о своей деятельности. Никогда ни в одном публичном докладе никто не найдет, чтобы я сказал – это я сделал! Никто не найдет, что земским начальником это устроено! Я всегда говорил в третьем лице, говорил, что существуют такие-то учреждения, вот так-то поставлены. Потому заявление свидетеля Гайдебурова, что я о своей деятельности высказывался и хвалил ее, – неверно.

[…]

Перерыв на четверть часа.

Читают показание свидетельницы Неаполитанской.

20 марта, около 7 часов вечера, я пришла в редакцию газеты «Неделя», чтобы переговорить по личному своему

делу с помощником редактора, г. Меньшиковым. Г. Меньшикова еще в редакции не было, и я стала дожидаться его прихода. Вскоре он пришел и стал со мною беседовать в той комнате, в которой я его дожидалась. Г. Меньшиков стал писать мне письмо по моей просьбе, и, в то время как он писал, в ту же комнату вошел какой-то господин, назвавшийся Жеденовым, и сказал, что он желает объясниться с редактором. Г. Меньшиков просил его присесть и обождать, пока он окончит письмо. Жеденов присел на стул с противоположной стороны стола, за которым сидел Меньшиков, ближе к окну, и стал дожидаться. Окончив письмо, Меньшиков обратился к Жеденову с вопросом, что ему угодно; Жеденов стал требовать, чтобы редакция напечатала в ближайшем номере извинение за какую-то фразу, помещенную в одной из корреспонденций газеты, каковой фразой он считает себя оскорбленным, г. Меньшиков предложил Жеденову прислать или написать опровержение на эту корреспонденцию, которое и будет напечатано. Жеденов заявил, что он не считает возможным, как дворянин, представлять какие-либо оправдания и объяснения и требует лишь извинения. Г. Меньшиков заявил, что редакция готова даже извиниться перед ним, если только ей будет доказано, что она введена в заблуждение и невольно допустила ошибку. Жеденов после этого стал волноваться, вскочил с места и, обращаясь ко мне, попросил меня удалиться из комнаты. Я встала и отошла к дверям, после этого Жеденов, обращаясь к Меньшикову, заявил, что это оскорбление может быть смыто только кровью, и вызвал его на дуэль. Меньшиков заявил, что он не может принять вызова, так как считает дуэль противною своим убеждениям. Так как Жеденов во время последней части разговора сильно волновался и говорил возвышенным голосом, то около дверей комнаты собрались многие из занимавшихся в редакции и, между прочим, г-жа Гайдебурова и ее дочь, которые просили его успокоиться.

Жеденов еще до их прихода вынул из кармана револьвер, который держал в руках, а когда г-жа Гайдебурова и ее дочь стали его успокаивать, то он поднял руку и, направляя на Меньшикова револьвер, сказал, чтобы они не входили, иначе он будет стрелять. Я не припомню в точности подлинных слов Жеденова, но передаю только смысл его фразы. В это время позвали швейцара, который и появился в дверях и стал входить в комнату, но едва успел сделать несколько шагов, как раздался выстрел, после коего Меньшиков встал и вышел в переднюю, держась за руку, говоря, что он ранен; Жеденов же остался в комнате один. Я не припомню, чтобы Жеденов обращался к швейцару: «Не подходи, или я его убью», вернее, что он не говорил этих слов. Я хорошо помню, что Жеденов на отказ Меньшикова от дуэли заявил, что в таком случае он его убьет, и в этот момент, вынув из кармана руку с револьвером, направил последний на Меньшикова. Более ничего показать не имею.

Прокурор. По поводу этого показания я прошу гг. присяжных заседателей обратить внимание на следующее: в показании г-жи Неаполитанской с большими подробностями приводится объяснение между Жеденовым и Меньшиковым и, однако, свидетельница не повторяет фразу, которую говорит Жеденов, будто бы Меньшиков сказал, что он верит в то, что совершен подлог.

Жеденов. Я очень сожалею, что г-жи Неаполитанской нет здесь, тогда в разговоре с ней можно бы припомнить, что револьвер был вынут только тогда, когда раздались крики о созыве прислуги. Я не присутствовал при допросе свидетелей; если бы присутствовал, по всей вероятности, мне удалось бы это выяснить.

[...]

Прокурор. Припомните, гг. присяжные заседатели, показание свидетельницы, что Жеденов опирался на второй письменный стол, который стоял на противоположной стороне комнаты, перед ним был г. Меньшиков, который сидел в кресле, и затем лица, входившие и не углублявшиеся в комнату далее этажерки, – они все находились на прямой линии, так что между ними находился г. Меньшиков.

Жеденов. Стол стоял около окна вплотную, а на пол-аршина от него стоял другой стол боком, за которым сидел г. Меньшиков. Он был немножко вполуоборот левой стороной. Я стоял у конца того стола, у которого сидел г. Меньшиков, но он почти рядом с тем столом. Облокотиться на него я не мог, потому что облокачивался на тот стол, где сидел г. Меньшиков.

[…]

Гайдебуров. Овальный стол стоит около письменного у стены, а тот за овальным. Может быть, мне будет позволено сделать еще маленькое объяснение, выясняющее расположение комнаты. Кресло, на котором сидел г. Меньшиков, было несколько отодвинуто и соприкасалось с креслом, которое стояло сзади, так что комната была как бы перегорожена. На это обращали внимание все служащие в редакции, таким образом, никакой помощи нельзя было оказать, нельзя было обезоружить г. Жеденова, потому что Жеденов был совершенно отгорожен, и даже для того, чтобы он сам мог выйти из комнаты, нужно было, чтобы г. Меньшиков встал и отодвинул кресло.

Жеденов. Значит, расстояния никакого не было между креслом и этажеркой? Это совсем новое объяснение.

[…]

После речи защитника стороны обменялись возражениями, а затем председатель предоставил слово подсудимому.

Жеденов. Что может сказать вам человек в своем последнем слове накануне политической смерти, из-за простой случайности расставаясь с политической жизнью... чашу которой я так жадно пил. Томительна, сладостна и приятна эта чаша – чаша общественной деятельности! Ах, как горька она! Общественный деятель создает себе идеалы, стремится к ним всею душою, а люди грязными руками, воплощенными в разные формы, разрушают все, что он сделает. Когда я поступил на службу, то на знамени своем написал: «народное образование», «народная трезвость», «народная нравственность», «народная культура». На эти идеалы направил меня тот, кто призвал меня на службу, – бывший губернатор Андрей Иванович Косич[1]. Он же сказал: «Вы призваны не затем, чтобы двадцатого числа получать жалованье, а затем, чтобы работать на пользу того самого народа, который дал вам возможность воспользоваться всеми благами мира сего, народа, который дал вам возможность воспользоваться интеллигентным трудом». Нет тяжелее работы, господа, чем работа земского начальника! Ему не предоставлено ровно никакой силы для того, чтобы проводить в жизнь свои начинания, чтобы иметь возможность что-нибудь направить. Вы видите перед собою, что соломенные деревни горят и масса людей становятся нищими. Вы видите, что народ пьет, вследствие чего развиваются пороки, благодаря которым часто совершаются такие преступления, которые бы не совершились, если бы

[1] Косич Андрей Иванович (1833–1917) – российский военный и общественный деятель, генерал-лейтенант от инфантерии. В 1887–1891 гг. – саратовский генерал-губернатор.

не было страшного народного пьянства. Вы видите страшную нищету, детей, бродящих из дома в дом, просящих кусок хлеба! А в ваших руках нет средств исполнить то, к чему обязывают закон и нравственные идеалы, которые вы исповедуете! Чтобы сделать что-нибудь, вы должны обратиться к массе, руководить которою вы призваны. Масса эта невежественна, и вы употребляете всевозможные усилия для того, чтобы провести в ней свои начинания. Масса должна выслушать вас и одобрить то, что вы ей скажете. Ум должен изощряться, напрягаются все нервы, все силы для того, чтобы добиться этого согласия массы. Здесь вы слышали в показании свидетеля Гайдебурова, будто бы я насилием потребовал приговора. Но так говорят только люди, которые живут в городе и которые мужика видят только в окошко. Он тогда податлив, когда один. Их можно запугать одного, двух, но в массе запугать нельзя, это лучше всего доказывает беспорядок, который недавно был на сходах в Камышинском уезде...

Предс[едатель]. Виноват, я не хочу мешать вам дать объяснение, которое вы считаете нужным, но в силу обязанности председателя я должен просить вас ограничиться теми обстоятельствами, которые имеют ближайшее отношение к делу.

Жеденов. После предупреждения г. председателя я расскажу вам, что случилось. На массу, очевидно, нужно повлиять духовно. Я уже говорил вам, что есть часть массы безразличных и есть часть массы, стоящая за течение прогрессивное, течение, которым нужно воспользоваться для того, чтобы эта часть массы овладела массою безразличных, чтобы они повиновались призыву, но не приказанию, потому что приказать толпе нельзя! С помощью благороднейших сотрудников удается добиться того, что,

не обременяя народа налогом, вы добиваетесь того, что народное желание исполняется: уменьшаются пожары, прекращается пьянство. Вы видите, что крестьянских сирот уже нет на улице, просящих милостыню, – для всех устроен приют-школа, где они обучаются там всем наукам, которые нужны для того поприща, которое назначила им судьба. Это доставляет общественному деятелю величайшее наслаждение – видеть, что усилиями его нечто достигнуто! Видеть, что идеалы воплотились реально! Видеть, что вместо негодных бочек есть пожарная команда! Голодные накормлены! Пьянство уничтожено! – Все это доставляет такие приятные минуты в жизни, что я от души мог посоветовать каждому, кто желает приносить пользу народу на деле, а не на словах только, стать земским начальником! Но в то же время есть другая сторона общественной деятельности. Здесь указано было, что я это все делал самовольно. Но в письмах, на которые указывал свидетель Анненков, писали мне частью крестьяне же, которые помогали мне, – они преданы делу и представляют собою экстракт того, что есть хорошего, они немногочисленны, но искренни. Они сообщали мне о результатах, которые получались с учреждениями за то время, когда я был в Петербурге. Остальная народная масса невежественна, она повинуется тому в данный момент, кто имеет больше влияния и кто увлечет ее. Масса не понимает вас. Народ смотрит на интеллигенцию как на такой класс, который привык только стращать его да вымогать. Поэтому он относится недоверчиво. Окружающие тоже не помогают, – влияют какие-нибудь побочные обстоятельства, которые им мешают смотреть с объективной точки зрения. Точно так же и сверху вы не всегда находите поддержку. Вы думаете, что делаете правильно, что кормите сирот, а вам говорят – зачем вы кормите? Бегают же собаки по улицам, подбирают куски, – пускай и сироты так же бегают!..

Предс[едатель]. Вы рассказываете о таких обстоятельствах, которые не исследованы и едва ли полезны для настоящего дела. Я просил вас касаться обстоятельств только затронутых в суде.

Жеденов. Я потому упоминаю обо всем этом, что обвинительная власть, между прочим, указывала на мою деятельность как земского начальника, говорила, что недаром земского начальника оттуда убрали, что иначе это было бы непоследовательно...

И он ставится в такое положение, что становится в полную невозможность дальше идти на его поприще и приходится труд вести так, что не слышно. Я обладаю от природы способностью излагать свои мысли и способы, которыми можно достигнуть улучшения пожарного дела. Я нисколько не жалел бы, если пожарные команды пропали здесь и общественная виноторговля уничтожена здесь: они стали развиваться по другим местностям! Эти прекрасные результаты общественной виноторговли известны, их постоянно публиковали во всеобщее сведение – какие были доходы и как производится торговля. Остается одно горячее дело – сиротские крестьянские приюты. Так как удалось добиться того, что возможно сиротам воспитываться и что крестьяне не будут обременены, то с целью закрепить эту идею и ввести в жизнь эти учреждения я воспользовался тем, что начальство вызвало меня в Петербург для того, чтобы предложить перевод куда угодно в другое место. Ввиду того что губернатор недоволен тою деятельностью, которую я вел не для увлечения, а по службе, потому мне и было предложено выбрать место где угодно. Вопрос остановился только на том, что я просил дать мне возможность подождать, пока устав крестьянских приютов не будет утвержден. Только об этом я и докладывал на собраниях, только эту мысль и развивал во всех собраниях и заканчивал одним – что су-

ществуют такие-то учреждения и я прошу петербургское общество своим авторитетом, своими знаниями их поддержать. После долгих мытарств мне удалось добиться...

Предс[едатель]. Подсудимый! Ведь мы собрались здесь судить тот проступок, который поставлен вам в вину, а ваша предшествующая деятельность в вину вам не ставится, она и не была предметом судебного следствия. Я по закону не имею права разрешить вам касаться подробностей, которые не были предметом исследования на судебном следствии.

Жеденов. Мне почти удалось добиться своей цели, но в это время начинают появляться в различных изданиях статьи, которые задевают мою деятельность как земского начальника, с одной стороны, а с другой стороны, характеризуют все мои учреждения с нежелательной точки и мешают тому, чтобы крестьянские приюты были приняты в Ведомство Императрицы Марии. Для меня было первостепенно важно держать свое личное имя в чистоте и порядке. Это было для меня весьма дорого, потому что ко мне относились весьма хорошо лица, от которых зависело исполнение моего желания. Корреспонденция, помещенная в газете «Неделя», меня поразила именно тем, что марала честь мою личную, тем, что могла закрыть мне двери в те дома, в которых я был вхож, потому что люди, которые имели значение для меня, никогда бы не позволили себе продолжать знакомство с человеком, который не очистил себя от брошенного в него упрека. Вот почему корреспонденция «Недели» так остро задела меня. И я решил во что бы то ни стало кончить это дело. Я явился в редакцию «Недели» только просить о том, чтобы она сняла с меня это черное пятно. Но, полагая, что г. Меньшиков просто увлекся, поместив эту статью, обратился к его благород-

ству, о котором он так много писал, а на деле оказалось совершенно другое. Я надеялся, что печать меня поддержит, а она не поддержала именно вследствие неразделения взглядов на известные учреждения – за исключением некоторых органов. Тогда мне явился один выход – просить лицо, которое заведовало дальнейшим исходом дела, снять с очереди вопрос, касающийся лично меня. Я явился в редакцию «Недели» и говорю: – Вы меня оскорбили, снимите с меня это оскорбление! Если бы мне кто-нибудь сказал, что я его пером обидел, я принял бы все меры к тому, чтобы его удовлетворить, и взял бы всякую фразу назад. Но раз вышло так остро дело, что же мне делать? За клевету привлечь нельзя. Да если бы и можно было, сколько времени пройдет, пока пятно с меня будет снято! Вызываю на дуэль! Вызов на дуэль не составляет преступления. По закону секунданты обязаны примирить стороны, и я вполне надеялся, что, когда будет предложена дуэль, секунданты выработают форму, на основании которой дело будет покончено миром. С этою целью я наметил человека, на которого мог рассчитывать, но, к сожалению, мне это не удаюсь. Когда я, волей-неволей, должен был прийти в редакцию, я внушал себе быть спокойным и не забываться. Но, к сожалению, я не попал на личное объяснение тогда, когда себя подготовил, а попал тогда, когда был совершенно спокоен за исход дела и не подготовил себя, чтобы быть сдержанным. Поэтому, когда мне брошено было оскорбление: «Я верю всему тому, что написано, я верю в подлог и в присвоение денег», я вспылил, но все-таки овладел собою и не сказал ни одного лишнего слова. Если вынут был револьвер, на это побудило меня то обстоятельство, что стали собираться люди, как мне казалось, с целью сделать надо мною насилие. Если бы меня спустили бы с лестницы, это было бы равносильно страшному унижению, которое прибавилось бы к тому оскорблению, о котором я говорил.

Это ужасное положение, в котором я очутился! Здесь не знаешь, что и делать! Я допустил громадную ошибку, я не ожидал, что Меньшиков откажется от удовлетворения судом чести, потому, войдя в редакцию, я был вполне уверен в исходе дела и никакого плана действий себе не составил. Я слышал, что г. Меньшиков – флотский капитан, а моряки держат высоко знамя чести и скажут – лучше получить сто пуль, чем одну пощечину. Ну, что же мне делать? Я говорю, так как вы меня оскорбили, то по понятиям того общества, к которому я принадлежу, я должен смыть кровью это оскорбление. Вы заставляете вызвать вас на дуэль, так как я предлагаю вам взять назад оскорбительную для меня фразу, а вы не хотите. Свидетельница Соснина напомнила о том, что я говорил. Я говорил: этой фразой кладется пятно на мое положение, мне закрыты двери домов, где я мог бы добиться осуществления своего желания. Следовательно, я все сделал, что мог. Кто первый задел и нанес оскорбление? – Меньшиков! Кто первый протянул руку к примирению? – Не Меньшиков! Кто первый искал выхода из этого положения? Кто пошел после первого объяснения и говорил: укажите место и время? Кто отказал в дальнейшем компромиссе? – Тот же Меньшиков! Затем появилось какое-то страшное соотношение – влетают люди совершенно неожиданно. Все время дело велось в порядке приличия, но, когда появились люди, я хватаю револьвер. Но я никогда не говорил Меньшикову, что его следует убить. Я говорил тем людям – не подходите, я убить вас могу, вы видите, у меня револьвер! Очень жаль, что г. Меньшикова здесь нет, он не решился бы преувеличивать здесь на суде, в то время когда его показание может иметь весьма серьезное влияние на дело. Я только одно могу сказать, что это стремление мое добиться как-нибудь примирения и, хотя бы путем дуэли, выяснить недоразумение, и было причиною именно того, что я очутился на скамье подсудимых.

Если бы для меня скандал был бы безразличен, безразлично было бы, чем кончится дело, оно могло бы кончиться иначе. Ведь стыдно, господа, говорить о кулачной расправе человеку, который ненавидит ее от всей души и который пять лет был земским начальником, и никто не может сказать, что Жеденов кого-нибудь ругал, кого-нибудь ударил! Подобная расправа не пришла мне даже в голову. Вместе с тем я был в безвыходном положении, и после стольких моих стараний наступила минута, когда Меньшиков как будто соглашался, он говорил – я охотно извинюсь. В этот момент появился швейцар! Судите сами – после долгих отказов человек соглашается, ясно, что он хочет удовлетворить просьбу, – мне только остается идти навстречу, я сдаюсь, потому что я желаю кончить дело. С какой же стати стал бы я стрелять в человека, который говорит, что сделает, как я хочу? Надо быть извергом, каким меня рисует прокурор, – это было бы безумием с моей стороны! Я привык давать жизнь другим, но не убивать! К этому была направлена вся моя деятельность. Тогда было доказано – над одним висела кисть винограду...

Предс[едатель]. Вы приводите рассказы, которые не относятся к делу, и напрасно утруждаете гг. присяжных заседателей. Прошу вас обратиться к делу.

Жеденов. У нас существует закон, по которому мы живем. Но сверх закона выработались практикой обычаи. Если, напр[имер], кто-нибудь наступит на ногу и не скажет слова «виноват», выйдет ссора и брань. Но стоит только сказать спасительное слово, и все кончено, хотя оно боли не утишит, а человек самый нетерпеливый только скажет – вперед не делайте. Вот деликатности и учтивости-то тут и не было. Я позволю себе доложить гг. присяжным заседателям, что во всем этом деле какая-то странная последо-

вательность идет. Случись это оскорбление в «Неделе» не в тот момент, когда я был страшно опечален и расстроен, случись оно раньше, я, может быть, не принял бы его так близко к сердцу. Но так как подобное оскорбление нанесено было в тот момент, когда особенно дорого было мне сохранить в чистоте свое имя, – я иду навстречу примирению, это не удается! Я прошу одного господина съездить в редакцию объясниться, он отказывается, и как раз в тот самый момент, когда не было возможности отыскать другого. Я отправляюсь в редакцию, вспоминаю о револьвере, но не тогда, когда в редакцию входил, а на полдороге – заехал, взял. Я вошел в редакцию, но Меньшикова не застаю, а застаю Накрохина. Мне чрезвычайно обидно, что Накрохин не подтверждал нашего разговора. Я, успокоенный им, ухожу из редакции и возвращаюсь вечером вполне спокойный. Если бы я не был спокоен – не так бы сильно повлияло на меня оскорбление. Затем человек идет мне навстречу, дело кончается, в это самое время откуда ни возьмись – швейцар! Зачем он ко мне лез! Как можно идти на человека, когда у него в руках револьвер! Это внезапное появление человека заставило меня вздрогнуть. Результатом этого появилось несчастие, которое повлекло меня сюда. Я склонен думать, что здесь не простая случайность, здесь есть Промысел Божий, как говорит прокурор, и я ему вполне покорен!

Предс[едатель]. Объявляю прения сторон законченными.

Судом были предложены на разрешение присяжных заседателей два вопроса: о покушении на убийство в запальчивости и раздражении и о нанесении, тоже в запальчивости и раздражении, тяжкой раны Меньшикову.

[…]

Присяжные вынесли свои ответы, но, как оказалось из последовавшего разъяснения председателя, сделали ограничение не теми словами, какие были поставлены вопросами суда. Поэтому председатель предложил присяжным обсудить вопросы вторично. На этот раз на первый вопрос дан отрицательный ответ, а на второй присяжные ответили так: «да, виновен, желал причинить повреждение, но не тяжкое, и по обстоятельствам дела заслуживает снисхождения».

Суд приговорил Жеденова (с применением Высочайшего манифеста) к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке в Архангельскую губернию с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для жительства, в течение одного года и четырех месяцев, с предоставлением ему, по истечении 10 лет, права свободного избрания места жительства в Европейской России, за исключением столиц и столичных губерний. Вместе с сим суд постановил ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о замене назначенного Жеденову наказания заключением его в тюрьму на один год без лишения прав.

СОЧИНЕНИЯ Н. Н. ЖЕДЕНОВА ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ВЕДЕНИЮ ХОЗЯЙСТВА

Огурцы, как они растут и как их сажать

Предисловие

Один очень хороший огородник был поражен тем, что однажды из капустных семян выросла у него не то капуста, не то брюква. А в другой раз у него не получилось на огороде ни одного огурца, хотя цветов на плетях было и много. Также часто случалось, морковь или свекла давали двойные или тройные корни. Огородник объяснял это «глазом» завистливого соседа. По расспросе можно было догадаться, что плохие капустные семена получились у него оттого, что цветы семенников между собою опылились, так как всякие семенники сажает он рядом: и капусты, и брюквы без разборок. Огурцов же он не получил потому, что имеет привычку обрывать пустоцветы, а сосед его, который пустоцветов никогда не рвет, почему-то в тот год огурцов не сажал вовсе, женским цветком опылиться было нельзя, и огурцы поэтому не завязались. Плохие же корни получались оттого, что огородник для лучшей рыхлости земли подмешивал стружки: корень, наткнувшись иногда точкою роста на стружку, останавли-

вался в росте своем и давал боковые отростки. Никакие, однако, объяснения не казались огороднику правдоподобными, потому что у него и при стружках получались хорошие корни, и без пустоцветов родились огурцы, и семена всегда получались чистые, хотя семенники всегда сажает на одной грядке, и с соседом своим он продолжал быть в злобе только из-за «глаза».

Помочь такому делу можно только одним: объяснить огороднику, как растут и живут растения, то есть научив его ботанике. Кто же научит его ботанике? По тем книжкам, какие имеются, и учитель, даже сельский, не сумеет растолковать, потому что он сам не поймет. А детям уже и вовсе негде научиться.

Чтобы научить простых людей ботанике и облегчить объяснение последней в земледельческих приютах и школах, решено издать особые книжки, в которых, кроме объяснения об уходе за овощами, изложить еще сведения о способах жизни, роста и размножения овощей. С этою целью все овощи разделены на 4 разряда: стеблевые – огурцы, горох и пр.; корнеплоды – свекла, морковь и пр.; клубневые – картофель, земляная груша и кочанные – капуста, салат. Из каждого разряда описан только один овощ со всеми присущими такому разряду особенностями в жизни. В описании огурцов изложен рост стебля, мочек, но не сказано о клубнях, в книжках о свекле описано образование толстых корней, о картофеле – о клубнях, но ничего не говорится о порядке роста листьев, о чем сказано в описании капустных кочанов. Таким образом, прочитав все 4 книжки, каждый будет иметь понятие о[бо] всех необходимых для огородника ботанических сведениях, и притом совершенно незаметно для себя, в занимательном рассказе. По мере спроса на подобные книжки ряд их будет дополняться другими, хотя и не особенной важности, но также с необходимыми ботаническими сведениями о спарже, артишоках, а затем и

садовых – луковичных, кустарниках, деревьях и проч. Рисунки для ясности делаются схематичными.

* * *

При преподавании в сельскохозяйственных приютах советуем прежде всего ознакомить детей с общим видом огорода по книжке «Краткие сведения по огородничеству» и затем только приступить к изучению жизни овощей.

При самом чтении учительница должна иметь изучаемое растение, например, в данном учебнике огурцы, во всех видах: в начале, средине и конце жизни. С этою целью заранее, например огурцы месяца за два, надлежит еженедельно сажать по несколько семян или в теплице, если она есть, или в комнате. Для комнатного выращивания можно выписать семена от семенного магазина Иммера в Москве, № 2745, так называемый Рытовский огурец, по 40 к. за пакет в 10 зерен.

Кроме того, для наглядности необходимо прорастить несколько горошин и дать им расти, опустив кореньями в чистую воду в сткляночках. Тогда образование мочек будет для детей очень наглядным.

Составитель

Огурцы

Из овощей, т.е. таких растений, которые выращиваются в огородах, очень полезны для человека огурцы. Они привезены из теплых мест и требуют за собою очень большого ухода, особенно на севере, в холодных землях. Некоторые сорта огурцов и до сего времени еще не могут расти на вольном воздухе, а требуют сильной теплоты; другие сорта немножко погрубее, но все-таки на открытом грунте с трудом вызревают, и, наконец, есть такие огурцы, кото-

рые свободно вырастают на воздухе, если не посадить их очень рано. Поэтому огурцы разделяются на три вида: *тепличные* (здесь и далее выделения в тексте источника. – *Д. С.*) – те, которые и летом даже должны выращиваться или в теплицах, или в комнатах; *парниковые* – которые сперва выращиваются в парниках, а потом высаживаются на грядки, и *грядные*, которые всегда выращиваются на открытом воздухе. Чем огурцы нежнее к холоду, тем они длиннее: тепличные доходят до одного аршина длины, парниковые до пяти вершков, а грядные от двух до четырех вершков; чем местность холоднее, тем огурцы на грядках растут мельче; в очень теплых местах, на юге, могут расти в открытом грунте и парниковые, и даже тепличные огурцы.

Сорта огурцов

От каждого вида огурцов есть много сортов. Из грядных самый распространенный сорт – *муромские* огурцы, с ярко-зеленою кожицею, не более 2 вершков длины, очень плодовитые, рано вызревают, не так чувствительны к холоду и разводятся лучше на севере, чем на юге; затем, с более поздним вызреванием и много нежнее к холоду огурцы *павловские* и *вязниковские*, с гладкой темно-зеленой кожицей, от трех до четырех вершков длины, тоже очень плодовитые, – эти огурцы лучше родятся поюжнее, а на севере, при холодной весне, часто погибают. Из парниковых больше всего разводят белые и зеленые *китайские* и *голландские* огурцы.

Разведение огурцов

Разводятся огурцы семенами, которые у мелких сортов помельче, чем у крупных. Семена небольшие, желтовато-белые, плоские и удлиненные, с твердою кожицей.

Сеют грядные огурцы или прямо в открытый грунт, или же, если боятся заморозков, выращивают их сперва в комнате, в тепле, а потом, когда они прорастут и выгонят первый настоящий зеленый лист, рассаживают ростки на грядках. Лучше всего выращивать огуречную рассаду в маленьких двухвершковых навозных горшочках[1], а потом эти горшочки прямо закапывать в грунт, где навозные стенки горшочков размякнут и станут как земля. Если горшочки делать не умеют, хотя это такие пустяки, что и говорить не стоит, то готовят ящики глубиною в один вершок, не более, в ящики насыпают хорошую черную землю и в ней рассаду выращивают.

Если огурцы сеются в грунт рано и стоит холодная и сырая погода, то семена кладут в землю сухими, не пророщенными, а если сев идет в теплое время и утренники прошли, или когда делают сперва огуречную рассаду, то семена всегда проращивают.

Проращивание семян

Для проращивания семена кладутся на ночь в воду, чтобы кожица их стала помягче. На другой день, утром, семена всплывшие выбрасываются, потому что они негодны, а остальные кладутся в мокрую тряпку или в ящичек с сырыми опилками и кладутся возле теплой печки. Как тряпку, так и опилки нужно поливать водой, чтобы семена не высыхали; у ящичка с опилками в донышке делают дырочки, чтобы лишняя вода стекала.

Когда семя очутится в сырости и тепле, то оно начнет пускать росток. Если посмотреть на горошинку (или боб), то в ней можно увидеть с одного бока маленькую беленькую

[1] Навозные горшочки приготавливаются из смеси глины, земли и навоза, особенно коровьего, с дырочкою посередине для стока воды. Можно их делать руками, а лучше всего приготовить особые формочки, в которых и вытискивать. – *Прим. авт.*

палочку, которая становится больше и от этого яснее, если горошинку подержать в воде. Эта палочка и есть росток. Когда горошина сухая, то росток плотно к ней прилегает и едва заметен; если же ее намочить в воде, то росток наливается водой, приподнимается от горошины и становится видным. Когда горошина намокнет, то с нее можно снять тоненькую беленькую кожицу; под этой кожицей находятся две беленькие круглые половинки, которые легко раздвинуть. Если их раздвинуть, то видно будет, что они прикрепились к ростку двумя ниточками, с обеих его сторон. У ростка есть тупой кончик, называемый головкой, и острый, называемый корешком; те две половинки, которые к нему прикрепились, называются *семядолями*. Точь-в-точь так же устроено и огуречное семя, и у него такой же росток; разница между горошиной и огуречным семенем только в том и есть, что у огуречного семени кожица твердая и толстая, а не тонкая мягкая, как у гороха, а семядоли продолговатые, а не полукруглые, как у гороха. Когда огуречные семена отсыреют и почувствуют тепло, то росток у них начнет набирать воду и толстеть, а когда он потолстеет, то ростковому корешку станет тесно под кожицей и он выскочит из-под нее в остром конце семени. Выскакивает корешок через два дня после того, как семя положат в тряпку. Это выскакивание корня называется прорастанием. Чем скорее корешок выскочил, тем, значит, семя было лучше и тем огурцов от этого семени народится больше. Чем теплее и сырее тряпка или опилки, тем прорастание идет скорее; если же на 5-й день семена не прорастут, то, значит, они не годятся, их нужно выбросить вон и проращивать другие.

Питание ростка

Когда семена прорастут, то нужно сажать их тотчас в землю, потому что без земли ростки у них скоро ослабе-

вают. Это происходит оттого, что росток питается своими семядолями. Те две ниточки, которые соединяют с ростком обе семядоли, имеют внутри трубочки, такие же трубочки находятся и в середине ростка; как только корешок выскочит из-под пленки, на нем, с боков, появляются еще трубочки, которые называются корневыми волосками. Когда корешок выскочит и у него сбоку появится трубочка, то он этой трубочкой станет из тряпки или из опилок высасывать воду, все равно как можно вбирать в себя воду соломинкой, если взять ее в рот. Вода из корневого волоска попадет в ростковую срединную трубочку, а из нее в семядолю, а от воды семядоля размокнет, станет как молоко. Это молоко росток всасывает в себя и им питается. От этого молока росток делается все больше: головка его поднимается выше, а корешок спускается все ниже. Если опилки или тряпка засохнут, то корешку негде будет взять воды, он не подаст ее в семядолю, молочко в ней не образуется, и ростку тогда нечем будет питаться, и он умрет, засохнет. Точно так же, когда росток вырастет большой, он выберет все молочко из семядолей и поест его; и, чтобы расти дальше, ему нужно будет искать себе другой пищи. Если при этом семя будет лежать все в опилках или в тряпке, то корешок будет ростку подавать только воду для питья, а пищи у него не будет, и росток без пищи тогда умрет. Поэтому, как только корешок выскочит из семени, нужно дать ростку пищу. Пищу эту корешок может найти в земле, в земляных соках. Если он всосет земляную воду и подаст ее ростку, то росток будет питаться земляною водою, или, иначе сказать, земляным соком так же, как питался он молочком из семядолей. Как все равно теленок: сперва отпаивают его разбавленным водою молоком, а потом делают ему из воды и муки болтушку, и он ею кормится вместо молока; а чистою водою, без муки, он питаться не может и от нее умрет.

Для того чтобы молодой росток мог достать себе пищу, нужно, чтобы земля была для него подходящая. Для одного овоща, например для капусты, требуется земля со свежим навозом, а для другого, хоть для картофеля, требуется земля песчаная; для огурцов нейдет ни та, ни другая – они и навозной земли не любят, да и песчаной тоже. Все равно как, например, овца или собака: обе они маленькими питаются молоком, а как подрастут, – то ягненок ест траву, а щенок травой питаться не может. Поэтому для огурцов нужно готовить годную для них землю. Они любят перегной, а не свежий навоз и не могут также родиться на истощенной земле. Лучше всего сеять их на той земле, которая в прошлом году была унавожена; на свежем навозе сажают всегда капусту, поэтому огурцы лучше всего садить после капусты, то есть на второй год после унавожения, – тогда на перегнойной земле они найдут себе довольно пищи и дадут много плодов.

Грядки и посев

Огурцы любят тепло и только при тепле могут высасывать земляные соки; если им холодно, то они не могут расти и начинают гнить. В то же время огурцы не выносят и сухости, но требуют для себя много воды. Поэтому стараются сажать их так, чтобы и тепла больше для них было, и сырости довольно. Ради тепла в холодных местах, на севере, делают грядки – чем выше грядки, тем они сильнее нагреваются солнцем, но зато становятся и суше. На севере сухость еще не велика, но на юге она может быть настолько большою, что огурцы станут посыхать. Поэтому чем местность холоднее, тем грядки делаются выше, но не более пяти вершков, а чем теплее, тем ниже; самые грядки нужно делать концами на север и юг, чтобы с обеих сторон бока их нагревались солнцем. На юге же, в жаркой местности,

там вовсе нельзя делать грядок, потому что огурцы будут посыхать; чтобы огурцы не посыхали, их сажают, делая на земле ямки, – тогда из земли будет к ним сильнее доходить сырость. Огурцы не любят тени, и место для них нужно выбирать открытое для солнца.

Грядки для удобства делают шириною в 1½ аршина; посредине грядки и вдоль нее проводят три борозды глубиною в два вершка, а между бороздами оставляют места в шесть вершков. В борозды кладут семена. Посев надо производить тогда, когда деревья начнут распускаться, – это показывает, что наступило тепло и морозов бояться нечего. В это же время можно высаживать и огуречную рассаду, которая, выращиваясь в жилом тепле, избавилась от гибельных для нее утренников и на неделю, а то и больше, идет своим ростом вперед. От раннего пророста рассада дает и более ранние плоды, против тех ростков, которые высажены прямо в грунт пророщенными семенами, и много более ранние, против тех ростков, которые вышли в грунт из семян непророщенных.

Семена нужно класть в борозды по две штуки рядом, на полвершка одно от другого, на тот случай, если какое-нибудь зерно не взойдет; когда они пустят ростки, тогда лишние из тех, что похуже ростом, выдергиваются. Между каждой парой семян нужно оставлять промежуток в четыре вершка для муромских огурцов, а для павловских шести вершков, и чем длиннее сорт огурцов, тем промежуток должен быть больше. Рассаду сажают также по два ростка и с такими же между ростками промежутками и прореживают, когда они выпустят второй зеленый лист. Семена в борозды кладутся так, чтобы они друг против друга не приходились.

После того как семена разложены, их нужно покрыть, не толще чем на полвершка, хорошей перегнойной землей и полить. На холоде семена не растут; поэтому в холодную

погоду их не нужно сильно поливать, а то они начнут гнить. Землю всегда следует держать сыроватою и чем воздух теплее, тем землю держать сырее, чтобы ростки не засыхали. Когда сеется рассада, то ящики или горшочки с нею надо поставить на первое время возле теплой печки, а когда ростки выйдут наружу, то перенести ее ближе к свету, чтобы они сильно не тянулись.

Рост стебля

Когда семя посажено в землю, то выскочивший из него корешок продолжает так же пить воду, как пил он, когда находился в мокрой тряпке или опилках. Но в тряпке пил он чистую воду, из которой в семядолях образовывалось молочко, а в земле корешок станет всасывать воду земляную. Для питания своего росток нуждается в такой земле, которая получилась из перегноя. Если семечко положено в сырую перегнойную землю, то корешок его начинает высасывать не чистую воду, как раньше, когда был в тряпке, а перегнойную. Этот перегнойный земляной сок и пойдет ростку в пищу; он будет им кормиться так же, как кормился молочком, и от этой пищи будет все расти. Пока молочко есть еще в семядолях, росток кормится и молочком, и перегнойным соком, а потом только одним перегноем. Чтобы корешок мог всасывать в себя соки, нужно, чтобы около него земля была непременно сырая, а из сухой он соков вытянуть не может и умрет.

Чем лучше земля, тем скорее росток будет расти. Корешок его станет все больше и больше удлиняться в землю; у него появится более корневых волосков, которыми он больше будет подавать ростку соков, и от этого росток начнет расти вверх. То место ростка, к которому прикреплены трубочки, достающие ему молочко из семядолей, называется стеблем; внизу под стеблем тянется корешок, а сверху его

головка; головку эту называют *ростковою почкой*. Когда росток начнет сильнее питаться, то стебель его поднимается выше, а сбоку головки появляются два бугорка, которые все увеличиваются и отделяются от головки, пока не откинутся в обе стороны в виде двух первых листочков белого цвета. Когда оба листочка откинутся, то между ними опять будет также заметен листочек, но только один, а не два. Первые два листочка называются *семядольными листочками*; они сперва белого цвета, а потом немножко желтеют и чуть зеленеют; эти листочки первые и потому попроще. Народились они еще тогда, когда росток питался молочком, и их поэтому можно назвать *молочными листочками,* так же, как называют первые зубы молочными.

Дыхание и питание огурцов

Как только первые два листочка развернутся, они станут работать, а работа их заключается в том, чтобы дышать и чтобы варить пищу. Как курица дышит, так и растение должно дышать. Если курице закрыть нос и рот, то она задохнется и умрет; так же и растение: если листья замазать тестом, то растение задохнется и умрет. У курицы есть желудок, в котором она варит зерна и из сока их готовит себе кровь; если желудка у нее не будет, она умрет. Так же и растение: у него тоже есть желудок, в котором оно варит себе земляные соки и готовит свою кровь, и если желудок отнять, то оно умрет.

Для дыхания у курицы имеются легкие в груди; в эти легкие воздух входит через рот и затем идет по трубочке, т.е. горлышку. Для варки пищи у нее есть желудок; в желудок пища попадает через рот по особой трубочке или пищеводу, а выходит из желудка в виде сока по другим трубочкам. Точно так же и у растения: есть у него в листьях легкие в виде особых клеточек со ртом и горлышком, которыми оно

дышит; есть в листьях у него и желудок в виде множества клеточек с трубочками.

Как дыхательные, так и желудочные клеточки помещаются только в листьях: дыхательные на нижней стороне листа, а желудочные на верхней, которая бывает всегда глаже, и тверже, и зеленее, чем нижняя.

У дыхательной клеточки есть рот и горлышко, чрез которое она то вбирает в себя воздух, то выпускает, то сжимаясь, то разжимаясь.

У желудочной клеточки есть пищевод, чрез который она получает из земли пищу, и жилка, по которой она выпускает пищу переваренную, т.е. кровь эта переваренная, пища или кровь, идет на рост по всему растению. Земляной сок высасывается из земли корневыми волосками и идет посередине корня и стебля, по внутренним трубочкам или жилам вверх. Там, где от стебля отходит лист от срединных трубочек тянутся боковые трубочки по черешку листа в самый лист, и в нем расходятся в разные стороны, образуя жилки, которые становятся все меньше и тоньше. Самые последние, очень маленькие жилки, подходят к желудочным или питающим клеточкам и приносят к ним сок. Сок этот проникает через стенку питающей клеточки, как все равно через холстинку в самую клетку. В каждой клетке находятся зеленые зерна, которые из земляных соков готовят свой, зеленый сок – огуречный, или огуречную кровь; в свекольных листьях готовится ими красный сок – свекольная кровь, а у молочайных – молочная кровь. Приготовленный огуречный сок проникает также через кожицу клеточки и идет в другую, тоже маленькую, трубочку или жилку; две, три маленьких жилки соединяются в одну побольше; две таких также в одну, еще больше, и так они все увеличиваются, пока не сделается в листе одна главная трубочка или кровяная жилка, которая идет рядом с земляной жилкой: только по земляной жиле сок идет вперед,

вверх, а по кровяной жиле огуречный сок идет назад, вниз. Из листочка кровяная жилка идет в черешок листа, а по черешку спускается в стебель и даже в корень, который, получив огуречную кровь, от нее растет. Если же все листья отрезать, то стебель жить без огуречного сока не может и замрет. Жилки, которые несут от корня земляную воду в листья, т.е. земляные жилки идут посередине стебля, а кровяные жилки, которые спускают вниз огуречный земляной сок, идут по краям стебля. Пока листья не образовались, огуречного сока еще нет, а когда они развернутся, то станут выделывать из земляной воды огуречный сок, и растение тогда от сока начнет сильно расти: почку погонит вверх, от земли на воздух, а корень вниз, в землю.

Когда покажутся семядольные листочки, корню настанет работа большая: ему нужно подать ростку много соков. Он начнет искать ее в земле там, где воды больше всего. Когда на землю польют воды, то она просачивается через землю вниз, стало быть, чем глубже в землю, тем она сырее. Огуречный корешок поэтому и тянется вниз, туда, где сырее.

Рост корня

Как только листья развернутся, росток начнет и дышать. Вместе с дыханием из листка будет идти и пар, такой же пар, какой виден изо рта и носа людей, когда они стоят зимою в холодной церкви. Этим паром лист выпускает лишнюю воду, которая получается в листе, когда от земляной воды сделается в питающей клеточке огуречный сок. Вода эта притекает к дыхательным клеточкам тоже по трубочкам. От испарения росток будет требовать воды еще больше, и корень должен ее всасывать скорее, но один корешок не успеет подавать воду; поэтому он делает себе помощников – *боковые корни*. Боковые корни получаются оттого,

что в середине корневой трубочки образуется в боку ямка, которая все делается глубже и выпячивает стенку корня. Выпятившаяся стенка вытягивается в корешок, посередине которого также есть трубочка для всасывания воды и соков, а по бокам также корневые волоски. Таких боковых корней образуется много: одни из них будут выходить из главного корня, а другие из боковых корней; когда их вырастет много, то все они вместе называются *мочками*. Боковые корешки начнут воду подавать сильно, и от них росток пойдет вверх шибко; чем скорее, стало быть, мочки вырастут, тем лучше. Поэтому, чтобы мочки скорее вышли, для огуречной рассады в ящик или горшочек не насыпают земли толще одного вершка; когда корешок дойдет до дна, он перестанет расти и погонит боковые корни, отчего росток сильнее начнет выгонять листья и огурцы раньше поспеют.

Когда стебелек увеличится, то он, на восьмой день после посадки семени, выскочит из-под земли наверх с обоими первыми листочками и начнет ими дышать и варить земляные соки. От этого силы у него прибавится, и он погонит вверх ростковую почку. Когда ростки покажутся, то нужно присыпать их землею, тоже из перегорелого навоза, до самых листочков, и держать землю сыроватой, но не мокрой; от мокроты, да при холоде, огуречные ростки гниют. Если выращивается рассада, то ее в это время нужно поставить на солнечное место, чтобы ростки не сильно тянулись.

Образование листьев

После того, как образуются мочки и росток станет питаться сильнее, ростковая почка на стебельке начнет приподниматься и толстеть. С одного ее бока станет заметнее крохотный зелененький листочек, который плотно обнимает почку. Чем больше будет расти почка, тем больше будет становиться и зелененький листочек, который начнет от-

ходить от почки все дальше и дальше, пока не откинется в сторону, держась за стебелек черешком. Как только зелененький листочек откинется, почка начнет от него уходить все выше и выше и на ней опять виден будет еще один, четвертый, зелененький листочек, но уже с другой стороны стебля. Этот листочек будет также расти вместе с почкою и также откинется от нее, а почка пойдет расти дальше с пятым листком. Кусочек стебля между двумя листьями называется *коленом*, а место, где корешок листа прирос к стеблю, называется *узлом*.

Третий листочек потому делается зеленым, что он попал на солнечный свет; на солнечном свете те зернышки, которые находятся в желудочных клеточках, делаются зелеными – зернышки эти называются *хлорофилловыми*. От этих зеленых зернышек и весь лист кажется зеленым. А первые два листочка потому и белые, что выросли под землею, в темноте; если горшочек с огуречною рассадою поставить в темноте, то и остальные листья получатся белыми, но лишь только их выставят на солнце, они быстро позеленеют.

Как только у огуречного ростка появится первый зеленый лист, он с помощью этого листка может питаться всякою годною для огурца пищею. Все равно как ребенок: пока у него зубы молочные, и он питается молоком, и может есть только кашку, а когда у него покажутся настоящие зубы, он может есть и мясо, и коренья; так же и росток. Если огурцы разводятся не прямо в грунту, а сперва рассадою, то рассаду нужно сажать именно в это время, т.е. как только появится зеленый лист и росток может уже питаться всякою пищею. Перед высадкой нужно дня три подряд выносить рассаду днем на воздух, чтобы приучить ее к холоду. Высаживать в грядки надо после обеда и после высадки полить. Если рассада выращивалась в навозном горшочке, то этот горшочек нужно просто вкопать в грунт. Если же она выращивалась

в ящике, то нужно сделать на грядке ямочку, осторожно вместе с землею вынуть два ростка и посадить их рядышком в ямочку, присыпать ее поплотнее черною землею на полстебля и полить. Поливать нужно осторожно, чтобы не попортить молоденьких листочков, очень нежных. На первые четыре ночи высаженную на грядки рассаду нужно покрывать или соломенными колпаками, или горшками, чтобы ночью не позябла; нужно покрывать и в обед, если очень жарко. Молодая рассада боится первое время холода и суши; поэтому в холодные дни ее нужно поливать меньше, чтобы земля была чуть сыровата, а в жаркие дни побольше. Высаживать нужно только хорошую рассаду; когда вырастут четыре листа, то ростки нужно проредить, выбрасывая те, которые похуже.

Кроме перегорелого навоза огурцы очень любят птичий помет; от него они сильнее растут и выпускают больше цветов, а с ними и плодов. Птичий помет хорош только зимний, перемерзший. Помет растворяют в кадочке, врытой в землю, но поливают не крепким, а слабым раствором; крепкий раствор может изъесть корни. Если зимнего помета нет, то можно взять и свежий, но только сперва заварить кипятком и дать раствору бродить восемь дней; от свежего помета также изъедаются корни. Птичьим пометом огуречный росток может питаться только тогда, когда появился первый зеленый листочек, который может в своих желудочных клеточках переварить помет, а для двух беленьких семядольных листочков он будет очень тяжел. Поливать раствором помета нужно каждый день до появления цветов, а когда покажутся цветы, то прекратить.

Огуречные плети

То место, где листик черешком своим прикрепляется к стеблю, называется узлом, а место между черешком и

стеблем – *пазухой* листа; в этой пазухе всегда сидит почка. Когда стебель вырастет с ¼ аршина и выпустит шесть-восемь листьев, то он перестает расти, и тогда начнут расти пазушные почки, так же, как росла почка на стебле. Поднявшись, почка выпустит молоденький листочек, а потом опять начнет подниматься и опять выпустит второй и третий лист, так что образуется еще боковой стебель. Эти боковые стебли называются огуречными плетями; их бывает пять или шесть, смотря по тому, сколько было листьев на главном стебле. На этих плетях больше всего и появляется цветов, из которых получаются огурцы; поэтому чем скорее огуречные плети появятся, тем скорее получатся и огурцы. Чтобы скорее появились боковые плети, нужно остановить рост главного стебля; растет же стебель своею верхушкою – *ростковою* почкой; поэтому если отрезать почку, то и стебель расти длиннее не может. Огородники так и делают. Когда покажутся четыре зеленых листочка на главном стебле, они прищипывают его, то есть отрывают головку стебля, и он перестает расти. Как только он перестанет расти, тотчас начинают расти находящиеся между стеблем и листовыми черешками *пазушные* почки, из которых и вырастают боковые стебли или плети. Плети тянутся до 10 вершков и более и должны иметь не менее семи колен; коленами называют кусочек плети между двумя листьями, так что на семи коленах должно быть шесть листьев и одна почка.

Придаточные корни

Когда плети вырастут, то один корень и со всеми своими мочками подавать не поспевает: листьев появится много, варят они земляные и навозные соки быстро и требуют их себе все больше. Если корень останется один, то он не успеет подать соков, плети у него будут расти слабо и огурцов на них родится очень мало. Чтобы достать себе

воды и соков, огуречные плети выпускают корни еще и от себя – *придаточные*. Эти придаточные корни родятся так же, как родятся из главного корня боковые корешки или мочки. Сперва внутри стебля, в узле, т.е. в том месте, где прикрепляется листик, появится в трубочке ямочка, ямочка становится все глубже и глубже, выпирает стенку и выпячивает ее корешком, внутри которого есть трубочка, а по бокам корневые волоски. Корешок тотчас спустится в землю добывать воду и соки из нее и станет в этом помогать главному корню. Когда придаточные корни появятся, то плети огуречные, от того места, где корни появились, станут питаться только посредством их, а не главным корнем, и начнут расти еще сильнее и скорее и больше дадут плодов. Поэтому никогда не следует огуречные плети трогать, перекладывать с места на место или приподнимать, потому что при этом выдергиваются из земли стеблевые корни и плеть не получает тех соков, которые ей нужны, и посыхает. С тою целью, чтобы появившиеся из стеблей придаточные корни могли скорее проникнуть в землю, нужно постоянно разрыхлять землю на грядке, чтобы на ней не получалась корочка, чрез которую им трудно будет пробиться, а если корни долго не появляются, то каждую плеть посередине нужно присыпать землею.

Огуречные усики

Чтобы стеблевые корни не выдергивались от ветра и плети огуречные не перепутывались, из стебля против каждого листика выходят усики. Усики обвиваются вокруг травки и крепко за нее держатся, так что ветер оторвать их не может. Поэтому когда полют сорную траву, то ту травку, за которую усик зацепился, выдергивать не надо, а только оторвать у нее листочки и головку, чтобы она перестала расти. Можно вместо оставления сорной травки втыкать для

усиков палочки и при этом расправлять плети в разные стороны правильными рядами.

Цветы

Когда плетей вырастет много и они станут длинными, то почки, лежащие в пазухах листьев, между стеблем и черешком листа, начнут толстеть, в них появятся желтенькие лепестки, а сами они станут чуть приподниматься. Когда, потолстев, почки раскроются, то из каждой почки получается по одному цветку, сидящему на коротенькой ножке. Цветы появляются не одинаковые, а разные. У одного цветка под пятью желтенькими лепестками и пятью зелененькими листочками есть еще зелененькая маленькая шишечка, сидящая на ножке, а внутри цветка возвышеньице; называется этот цветок *женским*, шишечка *завязью*, а возвышеньице внутри цветка *пестиком*. У другого же цветка под такими же пятью лепестками желтенькими и пятью зелеными нет шишечки, а внутри его торчат три ниточки с головками на концах; эти цветки называются *мужскими*, или *пустоцветами*, а ниточки у них *тычинками*. На одной и той же плети бывают и мужские, и женские цветки; поэтому огурец называют *однодомным* растением, в отличие от таких растений, у которых женские цветы получаются от одного семени, а мужские от другого. Называют огуречные цветы еще *однополыми*, потому что есть такие растения, у которых на одном и том же цветке есть и пестик, и тычинки, и называются они *обоеполыми*.

Завязь

Оба эти цветка необходимы для того, чтобы завязался огурец; ни без женского, ни без мужского цветка родиться он не может. Когда мужской цветок совсем созреет, то

головки на тычинках начнут лопаться и из них выходит желтенькая пыль. Эта пыль необходима для того, чтобы огурец завязался. Она состоит из мелких крупинок. Для завязи огурца пыль переносится на женский цветок. В середине женского цветка есть возвышеньице, или пестик, в виде столбика, который кверху расширяется; этот широкий конец называется *рыльцем*. Когда женский цветок созреет, то на рыльце пестика покажется сок. Если на этот сок попадет пыльца – ветром ли сдует ее или пчела принесет, – то она пристанет к рыльцу и начнет катиться вниз, в середину рыльца; в это время у крупинок пыльцы лопнут кожицы, и из-под кожиц выскочат трубочки, которые станут спускаться вниз, по столбику пестика, и дойдут до завязи – зелененькой шишечки под женским цветком. В этой завязи есть три *гнездышка*; в каждом гнездышке находятся маленькие шарики, которые ножками прицепились к стенкам; шарики эти называются *семенными почками*, и в каждом гнезде образуются огуречные семена.

Когда трубочки спустятся вниз, то они пристанут концами своими к семяпочкам. У каждой семяпочки есть дырочка, чрез которую трубочка пройдет внутрь семяпочки и попадет в ее ядрышко; тогда трубочка смешается с ядрышком и получатся из них ядра огуречного семени, а твердая кожица семян сделается из тела семяпочек. Когда пыльца проникнет в завязь, то это называется *оплодотворением*, то есть это значит, что сотворился или сделался огуречный плод, или, попросту, завязался огурец. Если пыльца не попадет в завязь, то никогда огурец не родится. Пыльца получается только из тычинок на мужских цветах, которые называются пустоцветами; если эти пустоцветы оборвать раньше, чем головки на тычинках лопнут и из них выскочит пыльца, то никогда не получится из женского цветка плод и огурцов поэтому не будет. Пустоцветы никогда срывать не следует – они необходимы; называются они пустоцветами

или пустыми цветами потому, что из них никогда огурец получиться не может, а из каждого женского всегда получится огурец, если попадет на него пыльца. Иногда случается, что на огуречной плети появляется много пустоцветов, а женских цветов мало, – тогда нужно прищипнуть плеть, т.е. оторвать от нее головку; она перестанет расти, сделается сильнее и свои огуречные соки пустит на то, чтобы родились женские цветы. Пустоцветов появляется много от семян плохих, тощих и ослабевших, которые хранились в сыром или холодном месте и плохо высохли. Поэтому семена нужно хранить всегда в сухом и теплом месте и сажать такими семенами, которые пролежали три года. Как за плохими семенами ни ухаживать и сколько их жижей из птичьего помета ни поливать, никогда они женских цветов не дадут; женские цветы дают только сильные семена; поэтому огуречные семена хранить нужно бережно.

На грядках пыльца с пустоцвета переносится на женский цветок или ветром, или пчелами, шмелями, бабочками; они летают с одного цветка на другой и пьют из них медовые соки. Когда пчела сядет на пустоцвет, то брюшком своим заденет тычинку, и из нее высыпется пыльца на ее ножки или брюшко; если пчела перелетит после этого на женский цветок, станет ножками на рыльце пестика, на котором появится сок, то в это время пыльца притянется соком, и когда пчела поднимется, то пыльцы на ножках пчелы уже не будет, она останется на рыльце и покатится вниз, по столбику, в завязь. Если ни ветра не будет, ни пчелы летать не станут, то огурцы никогда не завяжутся. Если вырастить огуречную плеть в комнате или парнике, где мух нет, и стараться не делать ветра, то пыльца никогда не попадет на пестик и огурцы родиться не будут. Чтобы родился в комнате огурец, нужно перенести пыльцу руками – тогда огурец завяжется. Для этого, как только цветки раскроются, нужно смотреть за ними, созрели они или нет. Зрелость пустоцве-

та узнать можно по тому, что головки у тычинок треснут и на них покажется желтенькая пыльца; а зрелость завязи или женского цветка обозначится тем, что на рыльце пестика выступит сок. Тычинки лопаются около полудня, в жаркий день. Если сегодня они лопнули, то на другой день утром, после восхода солнца, нужно снять с тычинки желтенькую пыльцу маленькой кисточкой и стряхнуть ее на рыльце такого цветка, у которого рыльце будет в соку; тогда огурец и завяжется. Иногда и так делают: сорвут пустоцвет, оборвут у него лепестки и листики и положат тычинками на рыльце пестика; тычинки лопнут, и из них выскочит на рыльце пыльца; когда женский цветок созреет, то из него выступит сок и захватит пыльцу в завязь. Это называется *искусственным оплодотворением*, или нарочною завязью. Узнать, завязался огурец или нет, можно по тому, что у завязавшегося цветка лепестки начнут блекнуть, увядать, а у не завязавшегося лепестки свежие. Если лепестки свежие, то нужно еще раз опылить цветок.

Пыльца сырости не любит, и когда появляются цветы, то брызгать на них водою не следует; если вода попадет на пыльцу, то пыльца гниет; поливать нужно прямо на землю, не задевая цветов.

Огурцы бывают разных сортов: и маленькие, муромские, и большие, павловские, или вязниковские, и очень длинные тепличные, и все они разного вкуса, какие кто любит. Если пыльца с цветка на муромском огурце попадет на завязь муромского же, то родится тоже муромский огурец; если же пыльца с муромского огурца попадет на завязь павловского, то родится ни муромский, ни павловский огурец: он будет больше муромского и меньше павловского. Поэтому если кто хочет получить сорт огурцов чистый, без помеси, то не должен сажать рядом семена огурцов разных сортов, чтобы не могло между цветами произойти помеси. Если же кто захочет вырастить особый сорт огурцов,

то должен нарочно производить между ними помеси и для этого производить искусственное оплодотворение между теми сортами, от которых он хочет получить новый сорт. Если, например, он захочет, чтобы муромские огурцы стали больше, он должен оборвать на муромском все пустоцветы и, взяв пыльцу с павловского, вязниковского или голландского огурца, перенести ее на женские цветы муромского – тогда получится у него муромский же огурец, но ростов не в два вершка, а три или больше; и вкусом он станет иной. Это называется перекрестною завязью, или *перекрестным оплодотворением*.

Когда огурец завяжется, то есть когда пыльца попадает в семяпочки, то в завязь сильно потекут те огуречные соки, которые приготовляют листья своими желудочными клетками, то есть огуречная зеленая кровь. Раньше кровь эта шла на заготовку новых листьев, стеблей, почек и цветов, а как только начнут завязываться огурцы, огуречный сок пойдет в завязи. От крови завязи начнут наливаться, толстеть и удлиняться, а семяпочки с сидящею в них пыльцою обратятся в огуречные семена. В это время плетям требуется много воды, чтобы получилось более крови, и землю всегда нужно держать сыроватой; если земля будет суха, то огурцы станут горьковатыми и большими не вырастут.

Цветы на огурцах являются не сразу, но постепенно, в течение пяти недель; чем более будет соков, тем больше появится цветов. Но листья числом не увеличиваются и могут выработать огуречных соков ежедневно одинаковое количество; поэтому чем более огурцов будет находиться на плети, тем тише будут появляться новые цветы. Чтобы появлялось цветов больше, нужно снимать те огурцы, которые поспели: тогда те соки, которые шли на них, пойдут на новые огурцы и их станет родиться больше. Каждый стебель дает огурцов 10–15 сборов, если снимать огурцы два раза в неделю. От дня пророста огуречного семени до

дня получения первого огурца проходит 10 или 12 недель; самый сильный сбор бывает на Ильин день, 20 июля. Если местность поюжнее, потеплее и морозов ранних не бывает, то стараются для засолки огурцов впрок сажать их побольше.

Получение семян

Если прежде всех народившиеся огурцы с плети не снимать, то они вырастут большими и пожелтеют; внутри их будет много воды, а семена их также сделаются большими, с твердой кожицей. Когда огурцы эти наберут уж очень много воды в себя, то они трескаются и из них выливается сок, с семенами, на землю, но это бывает не со всеми сортами и только в теплых местностях. Такие сильно перезревшие огурцы называются семенными, потому что в них заготовляются огуречные семена, для посадки на будущие годы. Когда стебель совсем завянет, то семенной огурец снимают и вносят в комнату или кладут на крышу, на солнце, на пять дней, чтобы он поразмяк хорошенько. Когда он размякнет, то внутренность его выпускают в воду и оставляют киснуть на два дня в воде; после этого семена вымывают в нескольких водах начисто и просушивают, не на печке, а на вольном воздухе. Когда они просохнут, то кладут в теплое и сухое место года на три, а на четвертый ими уже сеют. Если же сеять ими на другой год, то огуречные плети не будут плодовиты, а принесут больше пустоцветов и огурцов на них будет мало. Чтобы скорее просушить семена и сеять ими на будущий год, огородники кладут мешочек с ними в жилетный карман и носят на теле всю зиму; тогда они просохнут хорошо и будут плодовитее.

На семенники нужно оставлять самые лучшие огурцы, потому что от хороших огурцов получатся и хорошие семена, а от них тоже хорошие огурцы; если же оставить

на семенники огурцы кривые, то от семян кривых огурцов получатся тоже кривые огурцы. Семенные огурцы нужно оставлять на главном стебле – тогда они будут хорошо вызревать и дадут самые лучшие семена. Огуречные семена сохраняют всхожесть 10 лет, но для посадки не нужно брать старше пяти лет, потому что очень старые тоже плохи. В одном золотнике насчитывается средних семян 200 штук; на грядку в 1½ аршина ширины и 10 сажен длины нужно их семь золотников.

Для того чтобы получить огуречные семена, нужно семени расти одно лето, от весны до осени; весною посадится одно семечко, а осенью оно принесет тысячу семян, а то и более. Поэтому огурец есть растение *однолетнее*; свекла же растение двулетнее, потому что из посаженного семени можно вырастить семена только в два лета: сперва в первое лето получится корень, а потом из корня, на второе лето, выйдет стебель, который принесет цветы, а из них семена.

У огуречного семени две семядольки; поэтому огурцы называются *двудольными*. На огуречных цветках два ряда лепестков: пять желтеньких и пять зеленых, – и поэтому огурцы называются *двупокровными*. Такие же цветы и плети имеются еще у тыквы, дыни и арбуза. Все они вместе с огурцами называются семейством *тыквенных* растений, растут одинаково и дают помеси даже между собою, почему рядом сажать их нельзя, а то цветок огурца, опылившись пылью с цветка дыни или тыквы, может дать вместо огурца дыню или тыкву. Схоже с огурцами растут еще горох и бобы, но только придаточных корней у них нет и цветки обоеполые.

Враги

У каждого растения есть свои враги из насекомых, которые растение поедают. На капусту часто нападают черви,

а на огурцы – мошки, тля и грибки. Против мошек хорошо помогает окуривание; чтобы избавиться от них, нужно зажечь гнилушки и направить дым по ветру, на огурцы: мошки дыма не любят и от него улетают.

Труднее избавиться от тли. Яйца тли берегут муравьи, которые весною выносят яйца из своих нор наружу, на травку. Из этих яичек выводится тля, которая особенно любит огуречный лист. Муравьи щекочут тлю усиками своими по брюшку, и из нее выходит сладкий сок; сок этот муравьи очень любят пить и потому разводят тли возможно больше. Через десять дней, как родится тля, она начинает родить каждый день по шесть штук живых детенышей, и все самок; от каждой самки через десять дней также начинают родиться по шесть штук живых самок, а от этих самок еще самки, и так наплодится их множество. Во время цветения огурцов у самок вырастают крылья, и они перелетают на огуречные листья, садятся на их нижнюю сторону, сосут огуречный сок и все плодят детенышей. Десять самок в десять дней приносят 600 детенышей. В скором времени весь лист покроется тлею сплошь и она станет высасывать весь решительно сок, так что огурцам негде будет его взять и они перестанут расти, а листья вянут, и все растение пропадает.

В августе месяце родятся крылатые самцы, и тогда самки начнут класть яйца на травке, на грядках и межах. Избавиться от тли можно тем только, что осенью покосить на межах около огуречных грядок всю траву и сжечь ее; мороз яйцам тли не вреден. Если же появится на грядках тля, то тотчас выбирать все плети с тлею и пожигать, а то она поест все листья и огурцов не будет. На будущий год на том месте, где была тля, огурцов сажать нельзя; нельзя сажать даже рядом; лучше всего сажать после тли картофель, листьями которого она не питается и поэтому должна пропасть. Против тли помогает раствор табаку пополам

с мыльной водой, взяв зеленого мыла в аптеке ¼ ф[унту] на ведро воды. Этим лекарством нужно обливать листья осторожно, чтобы не попасть на цветы и огурцы. Но лучше всего каждый день вытирать осторожно тряпкою огуречные листья и давить этим тлей; если хорошенько наблюдать с весны, то можно истребить всю тлю раньше, чем она сильно расплодится.

Из грибков на огуречные листья нападает иногда бель; от нее избавляются серным цветом, посыпая его на листья. Вреднее рыжеватый грибок, который появляется на огурцах позднею осенью, от сырости; против него средства не найдено.

Сохранение огурцов

Едят огурцы сырыми и вареными. На зиму огурцы солятся и маринуются.

Для соления огурцы хорошенько промывают и укладывают в кадки рядами, перекладывая каждый ряд чабром, листьями черной смородины, укропом и чесноком; для крепости кладут еще дубового листа, но огурцы от него чернеют. Положенные в кадку огурцы заливают рассолом из речной кипяченой воды, кладя два фунта соли на ведро воды. Хорошо сохраняются огурцы в незамерзающих колодцах, куда после соления их опускают в бочонках, хорошо просмоленных.

Для мариновки берут маленькие, недавно народившиеся огурчики с полвершка величиною или особый сорт мариновочных огурцов, называемых *корнишонами*. Маленькие огурчики заливаются в стеклянных банках остывшим уксусом, вскипяченным с перцем, лавровым листом и корицей.

Свежими огурцы на зиму сохраняться не могут.

Вопросы — ответы

1. К каким растениям относится огурец?

Огурец есть овощ, принадлежит к растениям семенным, двудольным и двупокровным, однополым и однодомным, из семейства тыквенных.

2. Кроме семенных какие еще бывают растения?

Растения разделяются на семенные, которые разводятся семенами, получающимися из цветов, и на споровые, разводящиеся спорами, но не имеющие цветов. Споровыми называют грибы, мхи, папоротники, лишаи.

3. На какой земле и на каком огор[одном] участке разводятся огурцы?

На втором огородном участке, на перепревшем удобрении.

4. Когда сажают семена в грунт?

Когда деревья начнут распускаться.

5. Сколько дней надо проращивать огурцы?

Два дня.

6. В чем разводят огуречную рассаду?

В деревянных ящиках глубиною в один вершок или навозных двухвершковых горшочках.

7. На каком расстоянии сажать семена и рассаду?

На четыре вершка друг от друга для муромских, мелких огурцов, и на шесть вершков для вязниковских и вообще больших огурцов.

8. На который день выходят первые листочки?

На восьмой день после пророста семени.

9. Когда высаживают рассаду в грунт?

Когда появится третий листочек, после обеда.

10. Какую землю любят огурцы: сырую или сухую?

Всегда сыроватую.

11. Как часто нужно поливать и когда?

Ежедневно вечером.

12. Какой настой полезен для огурцов и когда?

Настой из зимнего птичьего помета, начиная от появления зеленого листа и до цветения.

13. Какое значение имеет полив из птичьего помета?

Он дает сильный рост огуречным плетям.

14. Зачем прищипывают стебли и плети?

Затем, чтобы прекратился рост их и скорее распустились цветы.

15. Почему от прищипывания скорее пойдут цветы?

Потому, что после прищипки огуречный сок пойдет не на рост в длину, а на рост пазушных почек, а из этих почек получаются цветы.

16. Из чего получается огуречный сок и где он образуется?

Огуречный сок образуется из земляных соков листьями, в их питающих клеточках.

17. Если отрезать все листья, могут ли родиться цветы?

Не могут.

18. Какие бывают цветы?

Мужские, или пустоцветы, и женские, или завязные.

19. Какая разница между ними?

У мужских есть тычинки и нет завязи, а у женских есть завязь, но нет тычинок, а вместо них пестик.

20. Что такое тычинка и из чего она состоит?

Тычинка есть ниточка с головкою, в которой образуется пыльца.

21. Что такое пестик и из чего он состоит?

Пестик состоит из завязи под лепестками, столбика, который тянется от завязи вверх, и рыльца, наверху столбика, в виде воронки; в завязи находятся семяпочки – шарики на ножках.

22. Для чего служат тычинки и пестик?

Для оплодотворения, то есть для того, чтобы завязался и вырос огурец.

23. Как происходит оплодотворение?

Пыльца попадает на рыльце и спускается по столбику вниз, в завязь, входит в семяпочку и делается вместе с нею семенем.

24. Как попадает пыльца на рыльце?

Ее переносят ветер или пчелы; можно переносить и руками.

25. Когда пыльца попадает на рыльце?

Когда и мужской, и женский цветок созреют.

26. Как узнать, созрели ли цветы?

У мужских лопнут головки на тычинках и выступит пыльца, а у женских на рыльце появится сок.

27. После оплодотворения что делается с завязью?

К завязи сильно притекают огуречные соки, и она растет и наливается ими, а семена зреют.

28. Для чего служат плетям усики?

Чтобы держаться крепче на месте от ветра.

29. Почему вредно плети перекладывать с одного места на другое?

Потому что из плетей выходят корни и высасывают из земли соки; если переложить плеть, то вырвутся и корни и она посохнет.

30. Какие огурцы оставляются семенниками?

Самые ранние, самые красивые и правильные, сидящие в главном стебле и ближе к корню.

31. Когда снимать с плетей семенники?

Когда плети совсем засохнут.

32. Как хранить огуречные семена?

В сухом и теплом месте.

33. Какие семена самые лучшие?

Которые хранились не менее трех и не более пяти лет.

34. Какая разница между однолетними и трехлетними семенниками?

Однолетние семена слабее; от них появляются только мужские цветы – пустоцвет.

35. Сколько соли нужно класть при засоле огурцов и какие вещества еще?

Два фунта соли на ведро речной воды, класть чабер, укроп, чеснок, лист черной смородины.

36. Чем избавляться от тли и мошек?

Сжигать плети и траву с тлею, обливать листья раствором зеленого мыла и табаку и не сеять ни на этом месте, ни рядом огурцов два года подряд. От мошек помогает окуривание.

Казенная, общественная и частная продажа вина

«Господине ся пропивают, а люди гибнут...»

Из донесения воеводы Кирилла Белозерского

Казенная продажа вина вводится по личному желанию в Бозе почившего Императора Александра III. Покойный Государь пожелал избавить Россию от растлевающей ее язвы – *кабатчиков* (здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*), и взятием виноторговли в руки правительства преследовал исключительно нравственную цель – прекратить искусственное спаивание народа и, как следствие сего, нравственную его распущенность и экономическое разорение.

Потребление хлебного вина совсем не составляет необходимости. Давно ли еще многие народы обходились без вина вовсе и были здоровы и сильны. В настоящее же время потребление водки (назовем ее настоящим именем) сделалось такою привычкою, прекращение которой сразу и притом насильственными мерами немыслимо. Запрещение продажи водки вызовет тайное ее приобретение, что будет

злом еще худшим. Поэтому правительство, мирясь со злом поневоле, заботы свои обратило на уменьшение вредного влияния хлебного вина, каковому способствует главным образом чрезмерное его потребление. К последнему влечет потребителя постановка дела торговли водкою.

Как казенная, так и частная виноторговля одинаково уже испытаны государством, и обе доказали достаточно дурных сторон. Правительству остается лишь выбирать из двух зол меньшее. Окончательно убедившись в страшном вреде для народа частной виноторговли, правительство решило испытать еще раз пользу казенной продажи вина, так как пришло к убеждению, что всякие законы сами по себе хороши, но только порядок исполнения их портит дело и что, применив казенную продажу вина при иной обстановке, чем была она ранее, получатся, быть может, иные результаты.

История учит нас, что всякое государственное мероприятие тогда только осуществляется с успехом, когда общество ему содействует. Правительство сознает это также и, вводя казенную продажу вина, обратилось к обществу с предложением о содействии ему в предпринятых им мерах к прекращению спаивания народа. Каждый, кому дороги интересы Государства и величие Родины, обязан по мере сил помочь правительству в достижении высокой поставленной им на благо населения цели.

1. Исторический очерк виноторговли в России[1]

Расположение к хмельным напиткам составляло всегдашнее отличие русского народа, характерно засвидетель-

[1] Источниками послужили: *Прыжов И.* История кабаков в Росси в связи с историей русского народа. 1868 г.; *Аксаков А.* Содержание питейных заведений сельскими обществами, как простейшая мера против пьянства и нарушения правил Устава о питейном сборе. 1874 г.; *Губаренко А. А.* Несколько слов по поводу возбуждаемых вопросов о необходимости коренных перемен в нашей акцизной системе с целью уменьшения пьянства и нравственного оздоровления народа. – *Прим. авт.*

ствованное в истории словами Владимира Святого: «Руси веселие есть пити, не можем без того быти»[1]. В самой еще Древней Руси, в эпоху богатырей, задолго до призыва князей варяжских, славяне варили разные пития. Олицетворение пахаря, богатырь Микула Селянинович[2], поет в народной былине:

А я ржи напашу, да во скирды сложу;
Во скирды складу, домой выволочу;
Домой выволочу, да дома вымолочу;
Драни надеру, да и пива наварю;
Пива наварю, да и мужичков напою.

Без горячительных напитков не обходилось ни одно выдающееся событие в жизни русского народа. Даже обсуждение дел на вечах сопровождалось обильными пирами, на которых лились рекою меда стоялые, браги хмельные, пива бархатные, квасы медвяные. Разорения народа от обильного потребления напитков, однако, не замечалось. Напротив того, обилие горячительных напитков в селении или городе указывало на благосостояние жителей. Для проезжих лиц имелись корчмы, в которых они могли найти себе пищу, ночлег и напитки. Корчмами пользовались и местные жители. Они заходили в них для обмена мыслей между собою, а молодежь тут же устраивала хороводы. Корчмы были общественными увеселительными местами, свободными от всяких безобразий, и охотно посещались жителями обоего пола, особенно на юге России. Так шло дело до тех пор, пока в корчмах не появилась водка.

Водка, или, по-сербски, водица, по-малороссийски горилка, а по-болгарски аракия, появилась в России лишь

[1] Слова князя Владимира Святославича из «Повести временных лет» Нестора-Летописца.

[2] Микула Селянинович – персонаж русских былин, богатырь, легендарный пахарь. Он олицетворяет крестьянскую силу, силу русского народа.

в XIV веке из Западной Европы, где она была известною как aqua vitae – вода жизни, за ее живительные свойства. Открыта водка в 860 году арабским врачом при больнице в г. Багдаде Рагезом. Под названием al-kohol (алкоголь), сохранившимся и доныне, перешла она в XIII веке от арабских ученых в Европу.

Вначале водка продавалась только из аптек, как лекарство, и лишь в XV веке народ русский знакомится с нею настолько, что она начинает требоваться, как опьяняющий напиток. Вследствие поднявшегося на нее спроса ее стали продавать в корчмах, а затем и в частных домах, чем вызвано было винокурение. С развитием винокурения водка стала входить в общее употребление. Торговля ею составила прибыльное занятие, и с того времени началось спаивание народа вином, а корчмы обратились в места для безобразных гульбищ.

Первоначально этим занялись исключительно частные лица, затем место их заступили общественные учреждения, и, наконец, фиск, то действуя все вместе, то чередуясь между собою.

В очень древней Руси приготовление и продажа напитков были совершенно свободными. Постепенно они сделались предметом обложения в пользу государства, но вначале не с приготовленных напитков, а с тех материалов, из которых они готовились, – с солоду, меда, хмеля. Запрещения готовить напитки вовсе не было. С появлением же в продаже водки она, как предмет торговли, обратила на себя особое внимание казны и обложена была пошлинами, но сперва также с материалов для ее приготовления, а затем и с нее самой. Нужда в деньгах заставила казну увеличить налоги, и корчмы, как места разгула, стали облагаться все увеличивавшимися пошлинами. Пошлины с виноторговли, как наиболее доходной, уплачивались аккуратнее, чем со всех других видов торговли, она могла

выдерживать чрезмерное обложение и в скором времени сделалась видным источником государственных доходов. Но та же прибыльность виноторговли и чрезмерное обложение ее пошлинами вызвали и беспошлинную торговлю. Лица, не уплатившие пошлин за выкурку вина или за право ее продажи, продавали водку дешевле тех, кто уплачивал пошлины. Явная торговля стала убыточною, и поступление винных пошлин ослабело. Это вызвало со стороны казны заботы о преследовании тайного винокурения и продажи не обложенного пошлинами вина. С целью облегчить надзор за нарушителями интересов фиска надлежало ограничить число лиц, имеющих право на винокурение. Выкурка вина и торговля им сделаны были привилегиею, которая объявлена была собственностью казны. Податное сословие лишено было вовсе права на винокурение; духовенству, боярам и именитому купечеству таковое право было предоставлено, но только для собственного потребления. Затем злоупотребления со стороны привилегированных сословий вызвали воспрещение винокурения также и им. Право винокурения и продажи вина сделалось исключительною собственностью казны, которую она эксплуатировала или отдачею в пользование другим лицам, с уплатою ими денежных сумм – откупов или пошлин, или же хозяйственным способом.

Предварительно изложения постановки обоих родов торговли вином необходимо коснуться той метаморфозы, которая совершилась с корчмою, шинком или постоялым двором, по великорусскому названию.

С того времени, как появилась водка в постоялых дворах, они перестали быть приличными местами. Туда стали собираться пьяницы. Страсть к вину разгорелась так, что люди, предавшиеся пьянству, готовы были за водку на все. В корчмы стали приносить краденые вещи. Они сделались местом скопления всякого сброда, устраивавшего в них без-

образные оргии и доставлявшего корчмарям большую выгоду, почему последние охотно их принимали. Порядочные люди не только гнушались посещения корчем, но и возмущались падением народной нравственности. Под влиянием их цари московские время от времени принимали меры к прекращению пьянства и запрещали не только продажу вина, но и самое винокурение. Но корчмари уже втянулись. С прекращением продажи вина они лишались выгод, которые были настолько велики, что с успехом вознаграждали следовавшие за тайное приготовление и продажу вина кары. Они начали приготовлять и продавать вино тайно, и отсюда возникли названия тайного винокурения – корчемство, и тайной продажи вина – шинкарство, впоследствии замененное словом «беспатентная торговля».

Иоанн Грозный пьянства не выносил. Он запретил винокурение и продажу вина, и они прекратились – в его царствование законы исполнялись. Вынужденный, однако, иметь около себя надежных телохранителей, он давал разные льготы опричникам. Любя разгул, последние добились от него разрешения и на это. Иоанн Грозный дозволил им пить вино, но, чтобы не было соблазна для народа, выстроил для оргий их за Москвою, на Балчуге, в 1547 году, особый дом[1], который назвал татарским словом «кабак», что означает постоялый двор. С этого времени кабак стал обозначать место, где продают и пьют вино. Стесненные финансовые обстоятельства принудили дозволить открытие кабаков и для общего употребления, и с того времени, вплоть до нынешнего, кабак неизменно держит у нас права гражданства, представляя собою место, где люди оставляют присущий им образ человеческий и под влиянием винных паров спускаются до состояния животных.

[1] Явная неточность. Опричнина была введена в России только в 1565 году; соответственно, тогда же появились и опричники. Здесь же, видимо, речь идет просто о неких приближенных Царя Иоанна Грозного.

Оба вышеупомянутых рода излечения государством доходов от потребления населением вина, сдаточная, или частная, продажа вина и хозяйственная, или казенная, имеют каждый свою, и довольно печальную, историю.

Косвенное извлечение казною доходов от виноторговли, или сдаточная система, заключалось в самой простой форме.

Первоначально кабаки открывались всеми желающими, не испрашивая на то разрешения. Торговцы обязаны были уплачивать казне лишь пошлину с кабаков. Иногда кабаки отдавались на прокормление воеводам или жаловались, как аренды, вместе с поместьями, сановникам, и тогда пошлины поступали в пользу этих последних; иногда же в пользу монастырей, и кабаки назывались тогда монастырскими; были случаи содержания кабаков и сельскими обществами, как, напр[имер], Лысковским, у Макарьевской ярмарки – теперь Нижегородской[1].

[1] После покорения Царем Иоанном Грозным Казанского ханства в 1552 году складываются благоприятные условия для торговли. Видимо, вскоре после этого образуется ярмарка у обители святого Макария на Волге, недалеко от Нижнего Новгорода, однако официальной даты основания ярмарки не установлено. Благодаря выгодному расположению, на средине волжского пути, ярмарка развивалась все более и более. В 1641 г. царь Михаил Федорович дал монастырю право собирать с торговцев за один день торговли (25 июля – св. Макария) таможенную пошлину. В 1648 г. Царь Алексей Михайлович разрешил торговать беспошлинно пять дней, а затем велел платить особый налог. В 1666 г. на ярмарку приезжали уже купцы не только из всей России, но и из-за границы, и она продолжалась две недели. Сильно разросшись, часть ярмарки захватила даже противоположный берег Волги у села Лысково. Строения ярмарки носили временный характер, представляя деревянные балаганы, лавки и трактиры. К середине XVIII века многие строения пришли в негодность, и 18 июня 1751 года вышел царский указ о постройке каменного гостиного двора на месте старого деревянного. Сохранились многочисленные проекты по перепланировке ярмарки конца XVIII – начала XIX веков. К концу 1809 года перестройка ярмарочного комплекса была завершена. 16 августа 1816 г. произошел пожар, который уничтожил гостиный двор (за исключением каменного корпуса) со всеми временными принадлежавшими к нему балаганами. Пожар произошел уже после окончания торгов (концом торга считался праздник Первого Спаса, т.е. 1 августа), когда на ярмарке уже не было ни одного человека и ни одного тюка с товарами. Убыток был свыше 2 млн руб. Этот пожар выдвинул вопрос о перенесении ярмарки, так как у монастыря было мало места для ярмарки и, кроме того, течением Волги ежегодно отмывало макарьевский берег.

Затем стали сдавать кабаки и право винокурения на откуп: тот, кто предлагал казне вперед денег больше, чем давали пошлины, тот получал право исключительного в данной местности винокурения и содержания кабаков; остальным же воспрещалось. Откупная система была много спокойнее для казны, и потому она быстро привилась. Но с винною привилегией народ мирился плохо. Чрезмерная жадность откупщиков, побуждавшая их повышать непомерно цены на вино, вызвала сильное развитие кормчества и шинкарства. Казна ограждала их строгими законами, до отсечения корчемникам рук включительно, но не могла ослабить их влияния – так соблазнительна доходность от торговли вином и так велика человеческая жадность, что ради нее люди жертвовали своим здоровьем! Наивысшее развитие свое откупная система имела от 1827 г. до 1863 г., когда откупщикам в одни руки сдавались целые уезды и губернии, а для ограждения их от корчемников им предоставлено было иметь свою стражу. Это время было временем самой ужасной эксплуатации населения, спаивавшегося всеми средствами и, кроме того, разорявшегося всевозможными поборами. Чиновничество, даже самые высшие в губернии – управляющий казенною палатою, советники губернских правлений, – было во власти откупщиков и получало от них жалованье; даже губернатор получал на канцелярию свое пособие. Немудрено, что откупщики были всесильными. Они пользовались своим влиянием и, действуя подкупами, ухитрялись задолжать казне огромные суммы откупных денег, до полутора миллионов рублей на одно лицо, которые по проискам их с них и слагались. Откупная система была бичом для государства, и, когда ее заменил третий вид частной виноторговли – акцизная система 1863 г., народ, по словам историка, вздохнул свободнее. Но надолго ли?

Правда, акцизная система подняла винный доход государства почти в три раза и улучшила качества вина, но

она же и сгубила народ русский еще больше, чем откупная система. При последней сдерживало крестьян от повального пьянства крепостное право. При акцизной же системе виноторговцы имели для спаивания народа широкий простор и быстро сделались, как охарактеризовал их министр финансов, «вампирами народными». Народ спился при свободной виноторговле окончательно. Шинкарство же и корчемство и при этой системе одинаково процветают. Суды завалены делами о беспатентной торговле. Акцизный надзор бьется из сил, чтобы уследить за тайною выгонкой спирта не только где-нибудь в частных домах, но даже на винокуренных заводах, под его печатями. Техника с каждым днем все развивается, и изобретательность заводчиков по пропуску безакцизного спирта поражает своими тонкостями, позволяющими скрывать проделки на заводах в течение целого ряда лет, под самым крепким контролем. Казна и при этой системе ограждает интересы виноторговцев от шинкарства и свои от корчемства, все увеличивая надзор, поглощающий значительную часть доходов от вина, и все усиливая карательные законы, но нарушения не прекращаются так же, как не исчезали они при хозяйственной, от казны, продаже вина.

Хозяйственная, или казенная, продажа вина впервые открыта в 1461 году. Сперва она велась при помощи местного общества. Кабак принадлежал казне, но торговля в нем производилась обществом, или земством, чрез особых выборных его представителей – голову и целовальника, которые целовали крест в том, что все доходы будут отправлять в казну государеву, себе ничего не утаивая. На целовальников возложена была самая продажа вина; головы же обязаны были на свой счет приобретать вино для торговли, ремонтировать питейные дома, принимать от целовальников выручку и отсылать ее в Москву. Эти условия еще не составляли для общества обременения.

Головы и целовальники, хотя и жаловались, что за труд свой вознаграждения не получают, но все-таки несли эту обязанность, как очередную государственную повинность. Но со стороны казны было одно требование, которое изменяло весь характер повинности: казна настаивала, чтобы кабацкие доходы не уменьшались. Уменьшение их вызывало со стороны ее не расследование причин, а обвинение в утайке, без принятия каких-либо объяснений. Тщетно отписывали кабацкие головы в Москву, что «от неурожаев питухов[1] ныне стало мало, доходы пустеют», заведовавший кабацкими доходами Приказ большой казны не принимал никаких объяснений. А тут еще развилось в государстве корчемство, завелись шинкари – они и вовсе подрывали доходы царских кабаков. Как ни бились головы и целовальники, а полностью доходов доставлять иногда не могли. Их обвиняли в утайке государственных доходов и выставляли на правеж, т.е. били палками на площади до тех пор, пока кто-нибудь не вносил за них недостававших сумм. Честным выборным людям торговать вином сделалось невозможным: они стали избегать этой повинности, откупаться от выборов. Место их заняли уже не лучшие люди, на которых рассчитывала казна, вводя выборный порядок для сбора винных доходов, а такие, которые нанимались стоять на правеже за тех, которым настал черед исполнять страшную повинность. И такие находились. На должностях голов и целовальников можно было изворотливому человеку нажить огромные деньги. Нужно было только действовать умеючи: приказных людей задабривать, а в случае надобности и на правеже отстояться; из народа же извлекать возможно больше. Таким людям покровительствовали воеводы и тянули их руку на выборах, а когда общины выбирали людей, им не подходящих, то назначали голов и целовальников сами. Завла-

[1] Пьющих людей, пьяниц (старославянск.).

дев кабацкими доходами, хищники и с казною разделывались, и себя не забывали. Корчемники и шинкари были для них видною статьею дохода. Они не только не боялись их, но даже всячески радовались их появлению. Оберегая государственные доходы, правительство усиливало кары за корчемство и шинкарство, отдавая имущество уличенных в них тем, кто откроет преступления. При помощи воевод головы и целовальники обвиняли сотни людей в подрыве государственных доходов, чрез кабацких завсегдатаев уличали в не совершавшихся ими преступлениях и разоряли народ, помимо того что последний погибал в самых их питейных домах. Из кабаков не выходили пропойцы, в них постоянно толпились и служилые люди, и ратные, и приказные, и боярские дети, и простой народ: государство захлебывалось водкою. И в то же время грабеж казны со стороны выборных людей был чрезмерный. Народ, таким образом, разорялся, а государственная казна беднела. Не имея возможности отказаться от винных доходов, казна меняла казенную систему на откупную, а когда последняя становилась горше первой, то вновь к ней возвращалась, но в иной форме.

Так, в период времени с 1817 по 1827 г., по проекту графа Гурьева[1] решено было заменить откупы казенною продажею вина, к производству которой приставили чиновников. Казенные палаты, заботясь об увеличении государственных доходов, начали поощрять чиновников наградами к усиленной продаже вина. Чиновники не замедлили показать свое рвение и стали спаивать народ.

[1] Гурьев Дмитрий Александрович (7 января 1758 – 30 сентября 1825, Петербург) – русский государственный деятель, граф (с 12 декабря 1819 года), гофмейстер Двора Его Императорского Величества (с 1 января 1797 года), сенатор (с 20 октября 1799 года), управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (с 26 августа 1801 по 30 сентября 1825 года), министр уделов (с 9 июля 1806 по 30 сентября 1825 года), член Государственного Совета (с 1 января 1810 по 22 апреля 1823 года), третий министр финансов России (с 1 января 1810 по 30 сентября 1825 года).

Вместе с тем начался страшный грабеж казны: чиновники беззастенчиво присваивали себе винные доходы. Мало того, не довольствуясь обогащением в казенных кабаках, они стали торговать вином в тайных собственных, чрез назначенных ими подставных лиц. Разорение народа при этом было столь велико, что государственные люди находили таковое не меньшим, чем при откупной системе, и настаивали на возвращении к последней только в том соображении, чтобы укоры в разорении народа по крайней мере не падали на казну.

Обе системы извлечения государством доходов от винной торговли оказались, таким образом, страшно губительными для государства.

В настоящее же время казна, убедившись из 30-летней практики свободной продажи вина в страшном ее вреде для населения, хочет спасти последнее от разорения возвратом к казенной продаже вина, поставив ее лишь на иные условия. Но в промежуток между этими двумя переходными стадиями виноторговли казна мимоходом испытала еще одну систему торговли, хотя бывшую около 300 лет тому назад, но только в иной форме, а именно общественную.

С 1 января 1863 года допущена была вольная продажа питий с уплатою лишь пошлин. Казна, благодаря ей, быстро увеличила свои доходы, но народное благосостояние и нравственность, как выше было сказано, также быстро упали. Такое явление было вполне естественным последствием частной виноторговли. Усиливать сбыт товара составляет жизненный импульс каждой торговли, в том числе и винной. Следуя этому непреложному закону, частная виноторговля стремилась развить в народе возможно больший аппетит к вину, улучшая всячески вкус последнего, облегчая потребителю приобретение водки, открывая на последнюю кредит, продавая ее под заклад вещей, посевов, под работу, под будущий урожай, не от-

казывая в вине и тем, кому потребление вина грозит даже смертью, и не стесняясь для усиления сбыта вина приглашением на помощь себе разврата. Правительство с ужасом заметило этот вред. Имея, однако, в виноторговле основной источник государственных доходов, не пресекло его в корне, но стало бороться путем паллиативных и притом отчаянных, доходивших до парадоксальности, мероприятий. Оно стало стеснять частную продажу вина разными ограничениями – запретило продавать вино в долг, под заклад, малолетним, пьяным и проч., т.е. в большинстве своих запрещений стало в явное противоречие с жизнью и собственною практикою во всякой иной торговле. Мало того, стесняя мелочную торговлю вином, оно всячески поощряло оптовую, отлично зная, что оптовая торговля состоит в прямой зависимости от степени развития мелочной. Противодействие жизненной силе ни к чему, однако, не привело: запруженная река ищет себе выхода с боков. Несмотря на сильнейшие наказания за нарушения правил питейной торговли, кабатчики, влекомые страстью к наживе, продолжали спаивать народ даже запрещенным способом. Тщетно боролась с ними администрация. Губернаторы фабричных и заводских губерний доносили, что экономическое благосостояние населения от развития промыслов не улучшается, а падает, так как вместо народа выгодами промышленности пользуются кабатчики, высасывающие из народа все его производительные соки. После долгой войны с кабатчиками путем карательных мер лучшие администраторы пришли к убеждению, что вся их борьба со стоголовой гидрой будет бесплодною, пока они не убьют самой гидры, вместо того чтобы рубить ее головы. Но как это сделать, как уничтожить кабатчика? Казенная монополия была слишком свежа еще на памяти, чтобы можно было мечтать о ней. Оставалось еще одно, неиспытанное средство – общественная моно-

полия по торговле вином, и энергичные администраторы ухватились за эту мысль.

Общественная продажа вина началась в том же году, с которого открылась питейно-акцизная система, а именно в 1863 году, на восьми заводах Пермской губернии. Двухлетний ее опыт был настолько благоприятен, что за нею последовала в 1865 г. соседка ее, Уфимская губерния, затем другая соседка – Томская, а через шесть лет слухи о ней дошли до Херсонской губернии. К 1871 г. общественная винная торговля производилась уже в 12 губерниях. Сперва в пользу общественной винной торговли агитировали только мировые посредники; их поддержали губернские присутствия, а вслед за последними увлеклись и губернаторы. С 1872 года общественная продажа вина должна была производиться в 28 губерниях, как вдруг совершенно неожиданно, 22 ноября 1871 года, последовал циркуляр министра финансов, воспретивший акцизным управлениям выдачу сельским обществам патентов на питейные заведения. Общественная продажа вина сразу показала свои результаты: она сократила число питейных заведений, а с ними вместе уменьшила и патентный сбор. Насколько велико было это уменьшение, показывает приговор крестьянского общества слободы Красного Яра Камышинского уезда Саратовской губернии от 14 сентября 1871 г., в котором говорится, что «в их селении на 2400 душ мужского пола постоянно существует не менее 19 питейных домов, не считая двух оптовых винных складов, отчего пьянство со всеми его пагубными последствиями заметно между ними развивается; чтобы предотвратить это зло, они пришли к убеждению в необходимости уменьшить число питейных заведений и с 1872 г. иметь в своем селении только два питейных дома, которые содержат притом от сельского общества». Администрация радовалась уменьшению пьянства и после опубликования

в Правительственном вестнике Министерством внутренних дел приговора Красноярского общества, как примера для подражания другим обществам, поддерживала открытие обществами питейных заведений. Министерство финансов, однако, испугалось такого резкого падения патентного сбора и, так как весь государственный бюджет поддерживался винною регалией, запретило общественную продажу вина, ссылаясь на то, что хотя сельским обществам и не запрещено содержать питейные заведения, и в течение восьми лет таковые содержались ими, но в то же время в Питейном Уставе 1863 г. не значится прямого разрешения им содержать эти заведения. Так общественная продажа вина и замерла.

Но печать и Министерство внутренних дел не переставали энергично добиваться права сельских обществ на содержание питейных заведений. В мрачных красках описывали они ужасное положение спаиваемого кабатчиками народа и указывали правительству, что общества, не будучи заинтересованными в обогащении от виноторговли и не имея возможности злоупотреблять ею, не допустят того насильственного спаивания вином своих сочленов, которое имеет место при частном винном промысле, и доказывали несомненное право сельских обществ на содержание питейных заведений по действовавшему тогда законодательству. В течение 15 лет голоса их раздавались тщетно, пока наконец в 1885 году не удалось им добиться внесения в новый Питейный Устав 1886 года права сельских обществ на содержание питейных заведений.

Первоначальные опыты общественной продажи вина до 1872 года и десятилетнее существование Питейного Устава 1886 года дали очень богатую историю для суждения о пользе или вреде передачи торговли вином в руки сельских обществ. На сравнении результатов общественной продажи вина с таковыми же частной и казенной

можно прийти к тем или другим заключениям о преимуществах того или другого вида торговли вином и о способе постановки продажи вина, этого неизбежного зла, так, чтобы зло это возможно меньше вредило.

II. Общественная продажа вина до реформы крестьянских учреждений

С момента издания Питейного Устава 1886 года общественная продажа вина стала возникать снова, но, странно, после столь горячей защиты ее администрациею она вовсе не вызвала к себе со стороны последней того внимания, на которое должна была бы рассчитывать, и только с реформою крестьянских учреждений по закону 12 июля 1889 года[1] общественная продажа вина выступает снова на первый план. Эти два промежутка времени, до 1891 года, времени введения Закона о земских начальниках[2], и после него, имеют в истории общественной продажи вина огромное значение.

В первой половине десятилетия существования Питейного Устава 1886 г. общественная продажа вина имела двойственный характер. С одной стороны, она блестяще подтвердила правильность соображений относительно уменьшения вредного влияния винной торговли при общественной продаже и, с другой, – не менее блестяще доказала страшный вред для населения именно от предоставления сельским обществам права виноторговли.

В немецкой колонии Сарепте Саратовской губернии результаты получились прекрасные, несмотря на то что там допущена была продажа вина даже распивочно.

1 Имеется в виду Закон о земских начальниках, одна из составляющих контрреформ Александра III (см. примечание 8 к этому же тексту).

2 По закону от 12 июля 1889 г. о земских начальниках мировой суд был ликвидирован в 37 губерниях и сохранен лишь в девяти самых крупных городах. Попутно этот закон подрывал еще одно – бессословное – начало в судах, поскольку земскими начальниками могли быть исключительно дворяне.

За прилавком питейного дома этой колонии кроме приказчика находились еще двое добросовестных уполномоченных от общества, лиц, которые не только следили за правильною продажею питий приказчиком, но также и назначали предельное количество вина, которое могло быть отпущено каждому посетителю в отдельности. Человеку сильной комплекции они дозволяли выпить два, три стаканчика; человеку слабому только один, а хмельному имели право вовсе отказывать в продаже вина.

Общественные питейные дома Сарепты, по отзывам, были вполне приличными местами и давали хороший доход, но в колонии этой нет почти ни одного неграмотного, и в ней достаточно крепка общественная дисциплина.

Иное дело в русских селениях. Здесь торговля в большинстве случаев носила название «общественной» только по имени на патенте, а в действительности или сдавалась на откуп приказчику, который покупал вино на собственные средства, или же при покупке вина на общественные деньги был лишь на отчете. В первом случае торговля никакой разницы от частной виноторговли не имела, со всеми сопровождающими ее вредными явлениями в виде искусственного спаивания потребителей вином и проч.

Во втором же, кроме этого характера, была поводом к поголовному пьянству не только того общества, что содержало винную лавку, но даже и соседних. Вот рассказ очевидца ее в Бородачевском сельском обществе, Камышинского у[езда] Саратовской губернии.

«Полгода велась общественная торговля приказчиком. В междупарье, в июне месяце, на одном из сельских сходов решено было учесть приказчика. Выбрали шесть самых почетных стариков учетчиками. Вместе с писарем, на следующий день, они принялись за работу. Приказчик во время учета, из любезности, предложил учетчикам по стакану чаю. Старики не отказались – кабацкий сиделец в

деревне – лицо, можно сказать, после священника первое, и потому такое внимание от него мужикам весьма приятно. Приказчик ободрился и предложил от себя, из уважения только к старикам, не ради чего другого, а только “с устатка” от учета, по стаканчику винца. Мужики не стали бы пить общественного вина, а приказчичьего, вопервых, дарового, как для общественного кармана, так и своего, и, во-вторых, подносимого с такими радушием и угодливостью, да еще вина настоящего, не разбавленного водою, отчего же не выпить, и выпили. Вино действительно оказалось хорошим.

Начали старики дальше учитывать уже полупьяные, а приказчик догадался и предложил еще по стаканчику. Не успели старики учитать и за два месяца, как их разобрало – хмель ударил им в головы. Один из них не вытерпел: не дождавшись, когда приказчик еще предложит, он спросил уже сам по третьему стаканчику. Но приказчик ответил, что на стариков вышла уже целая четверть и что как он ни рад угодить им, но жалованье общество положило ему маленькое и тратиться он совершенно не может; из общественного же не смеет: как сельский сход на это взглянет. А писарь тут как тут и был. “А что же, – говорит, – старики, разве вы не старики? Самые, можно сказать, миряне настоящие”. Тогда учетчики все разом закричали: “Давай мирского. Мы хозяевы! Мы все могем!” Приказчик не посмел отказать и дал вина общественного. В это время вошел в кабак староста, искать будто писаря; ему старики тотчас же поднесли. Староста сперва было отказывался, но потом все-таки выпил и даже крякнул от удовольствия. За ним пришел сборщик податей: “Шел мимо. Так, за податями”. Он также получил. Вслед за ним явился пожарный стойщик, сотский, десятские, и все, как начальствующие лица, получили по стаканчику и по два. Услыша, что в кабаке начался учет, к нему поспешили и

другие старики. – Приказчик едва поспевал исполнять приказания учетчиков: “Тому поднеси, этому”. Когда старики уже сильно зашумели, пришла в кабак жена старосты – звать его домой. Но ее тотчас же угостили наливочкой, и она осталась. За нею пришла жена писаря, а потом сборщика податей, пока наконец не собрались в кабаке все бабы, а за ними и дети, и началась омерзительная сцена поголовного народного пьянства, братанья старых с малыми, мужчин с женщинами. Проезжавший в это время соседний, версты за три, хуторянин был остановлен: его до тех пор не отпускали, пока он не напился. С радости поскакал он что есть мочи домой: “Братец, кум, золотые мои! Женушкародненькая, Матрена Степановна! – кричал он задолго еще до околицы. – Бегите, родимые, проворнее. Бородачевцы лавку пропивают!” И кинулись хуторяне в слободу, забыли хатенки свои, животинки и два дня после того все еще гуляли с слобожанами.

Долго потом не вспоминали старики об учете, стыдясь своего поступка, пока осенью, в ненастный день, кто-то на сходе робко, исподтишка, не заикнулся: “А не учитать ли нам, старички, от безделья, приказчика-то?” Несколько мгновений старики молчали. Но вот самый старый из них тихо согласился: “Что же, можно”. Его поддержали – и снова повторилась прежняя история. Пропитое вино ставилось приказчиком обществу в счет, и, в результате, первый год торговли свел концы с концами, а второй дал убытку 50 р. Мужики долга не заплатили, купец в продаже вина обществу отказал, и виноторговля перешла снова в частные руки».

Все, следовательно, зависит от постановки дела. При бесконтрольности обществ и отсутствии среди них нравственной дисциплины предоставлять им винную торговлю опасно; при усиленном же, правительственном, надзоре зло может явиться благом. Вводя в Питейный Устав 1886 г. пра-

во для сельских обществ открывать питейные заведения, правительство надеялось тем вызвать общество на борьбу с народными хищниками, но общество к самостоятельной деятельности оказалось по неразвитости своей еще не подготовленным и надежды на него правительства не оправдало. Вследствие этого, отчаявшись в активной деятельности общества в борьбе с народным пьянством, правительство ударилось в другую крайность – оно решило взять виноторговлю в свои руки в том предположении, что результаты торговли вином зависят от постановки последней и что история прежних казенных кабаков отнюдь не может служить примером вреда вообще казенной монополии. В этом расчете оно решило открыть казенную продажу вина.

Ввиду же огромной важности совершаемой в настоящее время реформы питейной торговли, преследующей ту же цель – уничтожение кабатчиков, представляется весьма существенным выяснить все способы к осуществлению наилучшей постановки продажи вина в смысле поднятия народной нравственности и экономического благосостояния государства.

Основанием к таковому суждению могут послужить данные общественной продажи вина при усиленном правительственном контроле, имевшей место в некоторых местностях Российской империи, и годичный опыт казенной продажи вина в четырех восточных губерниях.

Сельское общество в хозяйственном отношении представляет из себя в малом виде государство, и все явления его общественной жизни составляют сколок таких же явлений в государстве. Поэтому раз только винная торговля изъемлется из рук частных лиц, то передается ли она в руки обществ или казны – будет безразлично. Все зависит от той или другой постановки дела торговли. Поэтому сравнение общественной винной торговли с казенной имеет полное основание.

Тщательное исследование данных и условий обоих видов торговли вином может предостеречь казну от промахов, неизбежных при каждом новом деле, выяснить способ к наилучшей ее постановке ради уменьшения народного пьянства и указать на врагов изъятия винного промысла из рук частных лиц, принимающих все меры к тому, чтобы правительство отказалось от своей мысли: избавить страну, по словам министра финансов С. Ю. Витте, «от растлевающей ее язвы – кабатчиков».

III. Открытие казенной и общественной продажи вина

Данные по казенной продаже вина приведены по наблюдениям над нею в Самарской и Пермской губерниях и тем отзывам о ней, которые время от времени появлялись в печати.

Выводы же по общественной виноторговле составлены по наблюдениям за таковою, имевшею место в 1893, 1894 и 1895 гг. и теперь еще продолжающеюся в Тарасовской, Красноярской, Бурлукской и Лопуховской волостях Камышинского уезда Саратовской губернии.

Открыть общественную продажу вина побудило местную администрацию совершенное бессилие ее в борьбе с хищничеством кабатчиков. Налагавшиеся денежные взыскания за нарушения питейного устава не имели вовсе характера острастки. Прежде всего, самые нарушения устанавливаются с большим трудом. Потерпевший крестьянин, купивший вино в долг или под заклад, за хлеб на корню, или же напившийся пьяным в помещении лавки, первый скрывает кабатчика, отказываясь на суде от уличения его. Свидетели, все тоже должники кабатчика, также отказываются устанавливать нарушение закона. Судье приходится иногда выносить обвинительные приговоры

только потому, что вчера еще сам обвиняемый приходил к нему и просил простить его за допущенное нарушение закона и сомнения в его поступке нет ни малейшего, так что, основывая свой приговор только на полицейском акте, он не преступает против своей совести. Наложенный малый штраф, безапелляционный, не производят никакого действия. Кабатчику прямой расчет заплатить раза два в год по 15 рублей, чтобы выгадать в два, три приема в три раза больше. При штрафе же на большую сумму дело переносится в апелляционную инстанцию, которая не имеет в своем распоряжении судьи, и отменяет приговор последнего. Оправданный кабатчик, возвратившись домой, задает с радости пир и при дальнейших нарушениях закона старается только о том, чтобы обвинителем его явилась сельская полиция – сотский или десятский, исполняющие обязанности свои натурою, без жалования и с подворным чередом, которых можно купить за стакан водки, а не старшина или староста. Видя бессилие власти, и подчиненные ей должностные лица невольно деморализуются: полиция не обращает на приказания административной власти – преследовать кабатчиков – ни малейшего внимания, сельская администрация избегает стать пред кабатчиком в смешное положение и пьянство народное продолжается по-прежнему. После некоторых попыток власть приходит к заключению, что борьба ее бесплодна, и опускает руки.

В такое же положение пришлось стать администрации и в четырех приведенных волостях Камышинского уезда. Имея, с одной стороны, повеления закона о преследовании народного пьянства и строжайшие наказы министерства по неослабному поддержанию закона, местная административная власть теряла, с другой стороны, всю энергию в беспощадной борьбе с ветряными мельницами, каковою явилось преследование ею кабатчиков по единодушному мнению представителей высшей губернской власти, убеж-

давших, что с вековым злом бороться нельзя. Не будучи, однако, в состоянии равнодушно относиться к народной гибели, постоянно возмущаясь внешним видом народного пьянства и глубоко сожалея о голодающих семействах пьяниц, местная администрация решилась бороться со злом в корне – уничтожить кабатчиков вовсе.

В этом помог ей новый закон 5 июня 1892 года, предоставивший сельским обществам право брать деньги за согласие на открытие в их усадебных местах питейных заведений. Крестьяне запросили с кабатчиков такие большие деньги, что они устроили между собою стачку и в насмешку предложили совершенно ничтожные суммы. Народ на них обозлился и быстро согласился на открытие в противодействие им общественных винных лавок, о чем и постановил в декабре месяце 1892 года приговоры (см. прил[ожение] А […]).

В тех местах, где была ранее общественная винная торговля, крестьяне долго не соглашались. Пришлось убедить их, что убытки получились только потому, что не было надзора за учетчиками, и что при иной постановке дела ничего подобного быть не может, а в иных местах поручиться даже и собственным карманом. Если бы не стачка виноторговцев, во всяком случае, успеха бы не было, но стачка помогла, и крестьяне согласились. Через неделю после составления приговоров стачка кабатчиков распалась. Они наперерыв, друг перед другом, начали повышать цены и стали подпаивать сельских «горлопанов» к отдаче им питейных заведений, но было уже поздно. Несмотря на желание многих крестьян сдать виноторговлю в руки частных лиц, добиться кабатчикам этого не удалось.

Наиболее же трудная задача предстояла в питейном присутствии. Почти все были если не совсем против общественной винной торговли, то за отдачу одновременно части торговли в руки частных лиц. Акцизный надзор и

слышать не хотел про общественную винную торговлю, видя в ней *монополию* и разорение для государства от сокращения вместе с нею числа винных лавок и, как последствие сего, уменьшения патентного сбора. Исправник знать не хотел народного блага: «Дайте мне куши виноторговцев, чтобы я сразу мог исполнить повинности, а тут еще часть доходов назначена на содержание сирот». Среди членов администрации раздались голоса о несовместимости с достоинством ее принятия в свое заведование и под свой контроль винной торговли[1].

Вследствие этого добиться разрешения на виноторговлю стоило огромных усилий. Затем последовало новое затруднение: в распоряжении обществ не было ни одной копейки на выборку патентов и приобретение вина. Извернуться пришлось таким образом: в самом большом обществе, Красноярском, учреждена была ведерная лавка, которая имела войти в соглашение с оптовыми торговцами об отпуске ей вина в кредит и этим вином снабдить в кредит же все общественные винные лавки. Последние из первых полученных за вино денег должны были уплатить временно, на короткие сроки, позаимствованные деньги на патенты и после того чистою прибылью постепенно погашать кредит на вино. Один из камышинских торговцев вином согласился дать кредит на десять месяцев, и уполномоченные от общества прибыли к нему с подводами за вином и заключили условие. Но на другой день, когда они пришли в склад принимать вино, купец отказал им в отпуске: в ту же ночь приехали вытесненные из волостей кабатчики и успели виноторговца склонить не открывать кредита общественным винным лавкам, чтобы тем заставить сельские общества сдать торговлю им. Уполномочен-

[1] В том же самом предостерегал и г[осподин] министр финансов в речи своей в Государственном Совете при обсуждении 15 июня 1893 г. проекта о казенной продаже вина. – *Прим. авт.*

ные вернулись из города, за 90 верст, с пустыми подводами. Вина в лавках на большом районе не было. Торговцы подняли крик о начавшейся беспатентной торговле вином, убытках вследствие этого для государства и кинулись к представителю акцизного ведомства с просьбами разрешить им винную торговлю, согласно закона, помимо желания общества.

Денег на патенты требовалось много. Достать их было негде, и крестьянам предстояла горькая необходимость уступить кабацкой силе. Но в самую критическую минуту явилась и помощь. Подан был совет достать для временного оборота хотя несколько денег. Один из состоятельных крестьян, человек трезвый и ненавидящий кабатчиков, предложил взять у него деньги на виноторговлю. Был собран сельский сход, который постановил приговор о займе денег. На торговлю нашлось до 1000 руб., и винные лавки быстро снабжены были вином из соседнего Руднянского склада.

Тогда виноторговцы пошли на другую стачку: они положили на убытки каждый по несколько сотен рублей и уговорились продавать вино в общественные винные лавки дороже, чем частным, и, кроме того, понизили цены на вино исключительно для лиц, проживавших в районе общественной продажи вина. Таким образом, цены на вино в общественных лавках поднять было нельзя, во-первых, из опасения криков о монополии и, во-вторых, ввиду всей выгоды тогда для крестьян от приобретения вина у частных лиц. Первый месяц торговли вел к чистому убытку, который инициаторы борьбы с кабатчиками решили покрыть из собственных средств, но все-таки продолжать торговлю.

Наконец виноторговцы в районе на 100 верст кругом вовсе отказали в продаже вина общественным винным лавкам как в кредит, так и за наличный расчет. Пришлось покупать вино как будто не для продажи, а для себя и продавать за ту

же цену, по которой оно было куплено. Опять вина стало недостаточно. Снова поднялись крики о беспатентной торговле, о тайном желании уничтожить винную торговлю вовсе, о страшных убытках для казны. Тогда решили купить вино в г. Саратове и одновременно действия кабатчиков предали огласке. Кабатчики не решились уже распространить свою стачку на Саратов, тем более что в печати заявлено было о намерении сельских обществ войти в сношение об отпуске вина с казенными складами в Москве. И снова, втайне друг пред другом, кабатчики изменили союзу и начали предлагать вино по ценам один ниже другого.

Таким образом стачка разбилась, хотя агитация далеко не окончилась.

Кабатчики старались всячески дискредитировать общественную виноторговлю. С этою целью они подкупали сельских должностных лиц на различные нарушения Питейного Устава в виде допущения распития питий в помещении лавок и продажи вина ниже 40°. Однажды помощник акцизного надзирателя[1] заявил, что в общественных лавках он нашел вино крепостью много ниже установленной законом, но воздержался составить акты, потому что его поразили показавшиеся ему странными действия приказчиков. По расследовании оказалось, что виноторговцы, заявив ему о нарушении Питейного Устава в общественных лавках, подкупили приказчиков, чтобы они, вскрыв бутылки с вином без нарушения целости печатей, подлили в них воды. Когда же прибыл акцизный чиновник для ревизии, то приказчики старались подставить ему для проверки крепости вина то, которое они разбавили.

Наконец, истощив на интригах, доходивших до поразительных для нашего просвещенного века размеров, все свои силы, они отступили, и общественная виноторговля

[1] Не тот, кто называл общественную винную торговлю вредною монополией. – *Прим. авт.*

укрепилась, начав вырабатывать наиболее удачную постановку дела для прекращения вредных явлений виноторговли – спаивания народа вином.

Казенная торговля вином в четырех восточных губерниях – Самарской, Уфимской, Пермской и Оренбургской – началась с 1 января 1895 г., по закону 15 июня 1893 г., и хотя от кабатчиков на нее сыпалось немало проклятий и всяческих препятствий, но начало ее было легче. Таково ли будет продолжение.

IV. Порядок торговли

Район общественной продажи вина, послуживший основанием к излагаемым наблюдениям, состоит из четырех волостей: Красноярской, Тарасовской, Лопуховской и Бурлукской, расположенных по левому берегу реки Медведицы. Две первые населены малороссами, наполовину притом раскольниками. Чрез Красноярскую и Тарасовскую волости проходит железная дорога. Занятие жителей – хлебопашество, при почти не существующих кустарно-ремесленных производствах и слабом развитии торговли. Всего на этом пространстве имеется селений 29, числящих в себе, […], от 300 до 8 тысяч жителей.

По соседству с районом общественной продажи вина, составляющим четвертый земский участок, на расстоянии не ближе шести верст, происходит частная виноторговля, которая оказывает на общественную весьма сильное влияние. Конкурируя с обществами, частная виноторговля стремится привлечь покупателей различными нарушениями Питейного Устава: дозволением распития вина на месте, продажею вина в долг, под заклад, и, наконец, понижением цен на вино. Последнее достигается виноторговцами без убытков для себя посредством уменьшения крепости вина: несмотря на то что законом запрещено продавать вино ниже

40°, виноторговцы, даже из винных лавок, в которых запрещается розлив вина, продают вино ниже 40°. Крестьянин неразборчив относительно крепости и качества вина: ему было бы лишь подешевле, и потому, прямо во вред себе, он стремится брать вино хотя и в дальних местах и ниже достоинством и крепостью, но подешевле. Так, например, покупая на свадьбу вино вместо 5 р. 60 к. за 5 р. 50 к., он выигрывает на 5 ведрах 50 к., ради которых не задумается съездить верст за 10. Кабатчик же от этого также в выигрыше. Вино покупает он по 12 копеек за градус спирта, или 4 р. 80 к. за ведро 40° вина. Уменьшив количество спирта в вине на два градуса, он удешевляет себе вино на 24 копейки и, таким образом, делая покупателю уступку в 10 копеек на ведро, наживает от противозаконного разбавления вина водою 14 копеек на каждом ведре, а на пяти ведрах, проданных дешевле рыночных цен, 70 копеек.

В общественной виноторговле незаконное обогащение не может быть допущено, и потому частная виноторговля сильно мешает ее правильному развитию.

Из 29 селений общественная винная торговля […] производится в 14, вытеснив с 1894 г. частную виноторговлю совершенно из участка. Заведений для продажи питий, вместо существовавших при частном промысле 34, открыто только 17. Из них одно – ведерная лавка для снабжения вином винных лавок, а остальные только винные лавки; ни портерных, ни трактиров не существует вовсе, так что торговля вином совершается только на вынос.

Ведерная лавка содержится красноярским сельским обществом.

Вино получала она ранее из соседних винных складов, но вследствие отпуска ими вина недоброкачественного с открытием движения по Тамбовско-Камышинской железной дороге стала получать вино отличной очистки из первых московских складов. При этом, однако, встре-

тились с неожиданным препятствием. На московской товарной станции бочки с вином какими-то злоумышленниками постоянно провертываются в пробках, затыкающих бочки, и из них вытягивается вино, так что последнее, благодаря потере на краже его, становится с провозом дороже местных цен. Цены пришлось поднять, что вызвало неудовольствие населения. На годичном, однако, съезде уполномоченных от обществ единогласно решено было брать вино хотя дороже, но лучшего качества. Народная масса осталась этим недовольна, находя вино с примесью сивухи гораздо для себя приятнее. Хохлы говорят так: «И што се за горилка? Выпьешь и не чуешь, а пьян. То ли дело кабатчик? Як выпьешь, ан тоби горло дере; крякнешь, и в нутро попаде». К этому различию вкусов, вероятно, отнести нужно и различные толки о недоброкачественности казенного вина в четырех восточных губерниях.

Каждая бочка вина находится в ведерной лавке за печатями склада на пробках; если же бочка вскрыта, то за печатями старшины, старосты и уполномоченных, так что один без другого достать вино из бочки не может.

Розлив вина производится в присутствии комиссии из представителей волостного и сельского управлений (старшина или волостной писарь; староста или сельский писарь) и двух уполномоченных от общества по винной торговле. Все разлитое в посуду вино немедленно запечатывается, так что после розлива незапечатанного вина вовсе не имеется в лавке и путь к злоупотреблениям прегражден. Вино запечатанное, в посуде, поступает счетом в склад, т.е. на полки со стеклянными дверцами и под замки, и все подробно записывается. При лавке ведутся две книги: книга бочечная […] и книга розлива […]. По первой записывается на приход вино, поступающее в ведерную лавку в бочках, по товарным накладным; в расходных же графах число бутылей, получившихся при розливе. То, что

записано в расходных графах бочечной книги, немедленно записывается на приход по книге розлива, в расходной графе которой записывается продажа вина в кредит отдельно от продажи за наличный расчет. При розливе количество вина, разлитого по посуде, редко сходится с числом ведер, заключающимся в самой бочке. Хотя самый розлив совершается точно проверенными мерами, но недомер получается всегда, так что вина, разлитого в посуду, оказывается больше количеством, чем помещалось в бочке, и притом тем больше, чем мельче посуда, в которую розлив совершался. Поэтому для правильности балансов прихода вина с его расходом и легкости учета введены графы излишка вина и его неявки; последнее случается чаще всего летом от усышки. Ежемесячно в книгах подводятся итоги.

Соседние частные оптовые склады сильно вначале конкурировали с общественною ведерною лавкой, понижая для общественных винных лавок стоимость вина. С целью привлечь все селения района общественной продажи вина к тому, чтобы они брали вино из ведерной лавки, и тем облегчить себе надзор, администрация уговорила в 1894 году красноярское общество согласиться делить доход от ведерной лавки между всеми обществами, берущими у нее вино, что является первым примером для местности учреждения потребительского товарищества. Чистый годовой доход ведерной лавки делится на число проданных обществом ведер вина, чем определяется падающая на каждое ведро сумма прибыли. Соседние общества получают от ведерной лавки столько дивиденда, сколько взято было ими ведер вина. В 1894 г. чистого дохода получилось 1505 р. При 10 035 ведрах проданного из ведерной лавки вина и дивиденд, таким образом, определился в 15 коп. на ведро. […]

Оборотный капитал ведерной лавки составляет 4000 руб. В 1895 г. по ведерной лавке получилось чистой при-

были 2000 р., или ведерная лавка дала 50% дохода на обращавшийся в ней капитал. Красноярское же общество получило чистого дохода от ведерной лавки 482 руб., или 25% на обращающийся в ведерной лавке капитал общества, кроме дохода от винных лавок.

В районе казенной продажи вина винные лавки снабжаются вином из казенных же складов, служащих одновременно местом и очистки вина. Население жалуется на недоброкачественность вина. Мнение простого народа в этом отношении вряд ли заслуживает внимания, так как вкусы его еще слишком дики, но интеллигенция иногда права: чиновники, не успевая очищать спирт, целые партии его пропускают чрез аппараты наскоро, опасаясь задержки, и вследствие этого от сивухи не избавила народ и казенная продажа вина.

Общественные винные лавки представляют из себя небольшие избушки, вымазанные кругом глиною для безопасности от огня. Поставлены они на площадках и перекрестках улиц, так что еще издали, не подходя к ним, можно их видеть. Около них нет ни лавок, ни построек, ни заборов. Расположиться около них для распития вина негде. Покупатели входить в лавку права не имеют, но получают вино из окна в двери, стоя на улице. […]

Такой порядок принуждены были установить вследствие постоянных дебошей пьяных, обижавших приказчиков, и ради предупреждения ограблений лавок. В бойких местах и в праздничные дни продажа вина из лавки может доходить в день до 20–30 ведер на сумму 160–240 рублей, далеко достаточных для уличного бродяги не только ограбить вечером приказчика, но даже отправить его на тот свет.

Приказчик все время сидит запершись в лавке, причем ему дозволяется заниматься ремеслом. При каждой лавке состоят двое приказчиков, сменяющихся понедель-

но. Каждый отпуск вина приказчик записывает. Выручка, кроме разменных денег, от него ежедневно отбирается старостою под квитанцию, в дни большой торговли даже несколько раз в день в предупреждение растраты. Кроме того, оставление выручки в лавке может влечь за собою ограбление поздней ночью, по закрытии торговли. За 1894 год было четыре случая ограбления винных лавок с поломом или крыш, или дверей, несмотря даже на наряд постоянного караула над лавками. В двух случаях дневные выручки, не отобранные старостами, были похищены, а в двух других грабители, не найдя денег, ограничились похищением только вина. Виновные остались не обнаруженными. Ночевать же в лавках дозволить приказчикам нельзя – это сейчас же вызывает продажу вина не в урочное время. Равным образом и никакого жилья для приказчиков поблизости от лавок допускать тоже не следует, так как это повлечет злоупотребления – распитие питий, продажу в долг и проч. Квитанции обязательно подклеиваются в книгу в местах ревизий для проверки. Об оставляемых для размена деньгах делаются ежедневно отметки.

Ревизуется приказчик сельским старостою с писарем ежедневно и раза два-три в месяц волостным старшиною и волостным писарем. Внутреннее помещение лавки состоит из ряда запертых полок, каждая с отдельной стеклянной дверцей. Приказчику открываются для продажи только по одной полке от каждого рода посуды – четвертной, бутылочной, полубутылочной и шкаличной (1/100 ведра), а остальные находятся под замком и печатями. Каждая полка заключает в себе определенное число ведер вина. Благодаря этому ревизовать приказчика приходится только по четырем полкам, и, вследствие правильной (рядами) постановки посуды, весьма легко. Староста ревизуется также легко – по числу запертых полок, заключающих в себе определенное число ведер. Порожняя посуда

ставится на свободное место и, как только полка заполняется посудою на указанное количество ведер, также запирается. Из лавок продают еще пиво и виноградные вина, для чего в лавках устроены погреба. Отчетность по ним отдельная от вина.

Контроль над продажею учрежден возможно более строгий, с производством ежедневного учета. В противном случае приказчики начинают заниматься тайным розливом вина и продажею его в свою пользу, продажею вина в долг и под заклад. В Лопуховской общественной лавке два приказчика занимались в течение месяца розливом вина из большой посуды в мелкую с добавлением воды и приправою разных специй. За вино в большой посуде они уплачивали лавке свои деньги, а продавая то же вино, но разбавленное, в малой посуде, деньги присваивали себе. При этом они прикладывали на бутыли даже поддельную печать ведерной лавки. Розлив производился ими с ведома сельских старосты и писаря и открыт местным крестьянином. Если казна не примет указанных мер предосторожности и не установит очень строгого, хотя и дорого стоящего, контроля, то злоупотребления в ее лавках будут заурядным явлением, и такого рода действия уже будто бы наблюдались. При каждой винной лавке ведутся две книги: приказчичья контрольная [...] на сданное приказчику вино и складская [...] на вино, находящееся в запасе. По мере сдачи вина приказчику оно исключается из складской книги и записывается приходом по приказчичьей, как это видно при сличении статьи расходной 48 с приходною 49. По складской книге всегда можно определить валовый доход, так как стоимость вина показывается и покупная, и продажная. Благодаря расчету на равномерное количество вина по полкам счетоводство лавок не составляет затруднения. Ревизия занимает времени не более пяти минут. Порожняя посуда ставится на пустое место;

если же место свободно, то взамен посуды должны лежать деньги по стоимости посуды.

Ревизоры подводят итоги прихода и расхода вина по посуде и, высчитав количество вина, остающегося на руках приказчика по книгам, сверяют с наличностью. Волостной старшина и писарь при ревизии проверяют крепость вина. О найденной неисправности делается отметка в книге и на виновного налагается штраф. Книги все шнуровые и периодически каждый месяц контролируются волостным правлением, с полною проверкою всех документов.

Сельским сходам читаются ежемесячно отчеты по форме 3. Такие же отчеты посылаются волостному правлению, а последним за всю волость земскому начальнику; по такой же форме составляются и годовые отчеты.

Для наблюдения за беспатентною торговлею по сельскому управлению ведутся графические таблицы ежедневного потребления вина. […] Внезапное понижение спроса на вино, без видимых причин, служит основанием к расследованию сего. Таким только путем был, между прочим, установлен факт беспатентной торговли вином в слоб[оде] Слюсаревой. Замечено было, что в праздничные дни спрос на вино понижался периодически до нуля. Оказалось, что проживавший в этом селении кулак по-прежнему и с открытием общественной винной торговли продолжал продавать вино из своей мануфактурной лавки. По праздникам в лавке его собирался клуб, вино распивалось чарками, а общественная торговля терпела убыток. Сельский староста его боялся, а крестьяне были ему благодарны за то, что вино отпускал он в кредит, и потому никто за беспатентную торговлю его не преследовал, пока графические таблицы не выдали его старшине, произведшему дознание и тем его уличившему.

Жалованье приказчики получают от 5 до 7 р. в месяц, за две только недели службы, но менять их приходится по-

стоянно – так неаккуратно и нечестно исполняют они свои обязанности. Приказчики с залогом хотя и находились, но они поступали на должности только ради эксплуатации народа посредством спаивания и, увидя в этом стеснение, быстро оставляли службу.

Несмотря на то что для деревни жалованье от 60 до 100 р. в год, и притом с еженедельным отдыхом, очень большое и приказчики дорожат службою, они все-таки постоянно совершают растраты – так велик соблазн к деньгам. Уменьшить это возможно лишь ежедневным отобранием выручки. Кроме того, приказчики часто покушаются на тайную торговлю вином в свою пользу чарками и на другие мелкие злоупотребления. Все это вызвало за ними описанный строгий контроль по книгам и частые ревизии. Если эти меры и не прекращают злоупотреблений, то по крайней мере дают возможность обнаруживать и прекращать их в самом начале.

Для наблюдения за непроизводством беспатентной торговли вином и для выборки документов в каждом сельском обществе избираются по двое уполномоченных, так называемых винных надзирателей. Они за труд свой получают вознаграждение, по 5 коп. с каждого проданного ведра вина, и, таким образом, являются прямо заинтересованными в размерах продажи из винной своей лавки, что и побуждает их следить за непроизводством тайной торговли вином односельцами. Отсутствие для них официального положения и полицейской власти позволяет им лучше знать явления домашней жизни крестьян, в чем отличными помощниками являются им крестьянские женщины, ненавидящие шинкарей.

Сельским должностным лицам за излишний труд по надзору за лавками, а писарям, кроме того, и за отчетность надлежало также дать вознаграждение, но уже на иных началах, чем уполномоченным, так как сельские власти не должны быть заинтересованными в размерах продажи. Пользуясь своею властью, они ради прямых своих выгод

могут побуждать крестьян так же, как это делают кабатчики, потреблять вина более нормального количества, т.е. будут прямо заинтересованы в возможно широком развитии народного пьянства, и вследствие этого станут в прямое противоречие со служебною обязанностью заботиться об уменьшении народного пьянства. Гражданского же мужества противостоять соблазну ожидать от них невозможно. Поэтому вознаграждение сельскому старосте и писарю назначено по 1 руб., а старшине и волостному писарю по 50 коп. в месяц с каждой лавки. Не имея выгоды от спаивания народа, они зато являются прямо заинтересованными в замене частного винного промысла общественным и агитируют в пользу последнего.

Описанная постановка торговли дала возможность быстро расширить район общественной продажи вина и установить чрезвычайно строгий надзор: 1) за непродажею вина в долг, 2) за непродажею приказчиками вина собственного розлива, 3) за нераспитием питий в помещениях винных лавок и 4) за корчемством. Таким образом, спаивание народа вином обратилось в нормальное потребление спирта, если только эта норма по законам природы может существовать.

При казенной виноторговле порядок установлен другой. Покупатели имеют свободный доступ в винные лавки, но продажа вина совершается только в запечатанной посуде. Приказчик отчитывается ежемесячно. Выручка отбирается по мере накопления. Приказчики служат с залогом, а ревизуются акцизным надзором. Влияние частной виноторговли сказывалось также весьма сильно, особенно по границам района казенной продажи вина.

V. Экономическое значение

В 1893 году кроме 12 общественных лавок, существовало еще семь частных в мелких селениях. Вследствие это-

го общее количество потребленного населением в этом году вина, как видно из таблицы Ж (графа 15), оказывается меньшим, но, при вычислении его по данным Бурлукской волости, где частная виноторговля не существовала в 1893 г., все нижеследующие выводы вполне согласуются.

В двух же последних годах количество потребленного вина одинаково, с незначительным только понижением в последнем году. В среднем весь район потребляет 10 745 ведер сорокоградусного вина ежегодно, что составляет на каждого жителя обоего пола 0,26 ведра. Это количество можно считать вполне нормальным количеством в местности, населенной хлебопашцами и с незначительным развитием кустарных промыслов и торговли. Оно вдвое меньше выпиваемого ежегодно в России вина. Во второй половине года выпивается вина на одну пятую более, чем в первой половине.

По опубликованным ныне данным[1], в первой половине 1895 г. потреблено вина в четырех восточных губерниях каждым жителем 0,15 ведра. Следовательно, в течение года на каждого жителя придется 0,33 ведра вина – цифра, близко подходящая к получившимся данным по общественной винной торговле. Если принять во внимание значительное преобладание в четырех восточных губерниях магометанского населения, вина не потребляющего, то количество потребленного в этих губерниях вина будет высоким, хотя все-таки меньшим общего количества вина, падающего на каждого жителя в России, – 0,60 ведра.

В 1893 году на потребление водки в общественных лавках сильно влияла конкуренция частной виноторговли. С 1894 года, когда были изгнаны все решительно кабатчики, конкуренция имела самое ничтожное влияние и только разве при партионной покупке вина. К тому времени и население, после первого года опыта, начало понимать прямой

1 Вестник трезвости 1896 года, № 18. – *Примечание Н. Н. Жеденова.*

свой интерес в прекращении покупки вина помимо своей общественной лавки. Все это вместе тотчас же сказалось в сильно возросшем потреблении вина каждым жителем по тем обществам, где и в 1893 г. была общественная продажа вина, как это видно по графам 15 и 16 таблицы. Если же в иных местах она не делала повышения, то колебалась на самую ничтожную долю, что показывает на правильный ход общественной винной торговли и отсутствие шинкарства.

По отдельным селениях количество потребленного вина колеблется от 0,13 в с. Березовке до 0,63 в с. Тарасовом. Самое малое потребление вина замечается только в с. Березовке. В первый год торговли получился для этого общества даже убыток – 95 руб., который последовал благодаря открытию в с. Березовке излишнего против потребности числа винных лавок. В селе этом 3400 жителей; растянуто оно на 4 версты и делится естественными границами на верховое – собственно Березовку и низовое – Ушинку, возбудивших уже ходатайство о разделе их на самостоятельные общества. Через село проходит почтовый тракт. Все эти обстоятельства, во избежание беспатентной торговли, побудили открыть две винные лавки, как было и ранее, при частной продаже вина. На самом деле, однако, оказалось, что с. Березовка потребляет очень мало вина, наполовину менее противу других мест, так как заселено преимущественно раскольниками таких сект, которые воздерживаются от крепких напитков. Патентный сбор за право винной торговли очень велик. При малом потреблении вина населением этого общества и, следовательно, малой доходности уплачивать этот сбор вдвойне явилось невозможным, почему и получился убыток. Вследствие этого с 1894 г. одна из лавок была закрыта, доход от виноторговли тотчас же повысился и в следующие годы дал возможность не только покрыть убыток, но получить еще и частый доход. Только в этом одном селении потребление каждым жителем вина не

превышает 0,16 ведра, что всецело надо отнести к воздержанию раскольников. Что же касается малого количества потребленного вина, падающего на жителя в других селениях, то таковое получилось вследствие открытия винных лавок во второй половине года. На следующий же год количество тотчас поднималось. Цифры полугодней торговли отмечены на таблице Ж звездочками.

Самый большой размер потребленного вина равен 0,63 ведра на жителя в сл[ободе] Тарасово, но эта цифра не соответствует действительному количеству потребленного населением вина, так как слобода Тарасово питает вином два соседних хутора – Дорошев и Литвинов, покупающих вино в этой слободе. […] Более правильным указанием служит только с. Неткачево и Крячково, потребление в каковых спирта, 0,56 и 0,52 ведра на жителя, действительно, очень высоко.

По народностям замечается большее потребление вина малороссами. На каждого жителя малороссийских волостей, Тарасовской и Красноярской, приходится потребленного вина 0,31 ведра […], а русских селений 0,23 […]. Между тем русские пьянствуют, видимо, больше. Объяснить несоответствие цифр с кажущеюся действительностью можно лишь большею зажиточностью малороссов, дозволяющей им пользоваться вином не только для разгула, но и для семейного обихода, во время полевых работ, и меньшею стойкостью русского жителя к опьянению. Малоросс, выпив вина, по характеру своему стремится остаться дома, а русский лезет на улицу «куролесить». Благодаря только этому в русских селениях можно чаще встретить пьяного на улице, чем в малороссийских. В районе казенной продажи вина наименьшее количество вина в первом полугодии 1895 г. потреблено Уфимской губернией, а именно на каждого жителя этой губернии приходится 0,11 ведра против потребления остальными губерниями от 0,15 до 0,19 ведра,

что всецело нужно отнести к преобладанию в этой губернии магометанской народности. Взяв это количество вдвое, получим все-таки близко подходящие цифры с данными по общественной продаже вина.

Расход на вино для каждого жителя четвертого земского участка составил, в среднем, 1 руб. 84 коп. в год. […] Годовой же оклад казенных и земских повинностей с выкупными платежами равен 2 руб. 68 коп. Следовательно, если бы народ наш не пил вина, то почти две трети повинностей он уплатил бы экономией на вине. Но гораздо будет правильнее выкупные платежи исключить при этом расчете, так как платят их не все сельские общества описываемой местности, как, например, бывшие удельные, хотя и они также приобрели себе землю в удельном ведомстве и выплачивают за нее еще бóльшие суммы, чем уплачиваются остальными крестьянами за земли, приобретенные от казны. Поземельного же налога и земских сборов падает на жителя 60 коп. в год, так что уплатить таковые наше сельское население может уменьшением обычного потребления вина только на одну треть. Таким образом, если мужик станет пить вместо обычных трех рюмок вина только две, то он на получившейся от одной рюмки не выпитого вина экономии в состоянии будет уплатить все свои текущие повинности. Вот какое громадное значение имеет у нас потребление хлебного вина, и совершенно прав г[осподин] министр финансов, когда в циркуляре своем от 24 декабря 1894 г. за № 2438 по поводу открытия казенной продажи вина в четырех восточных губерниях рекомендует акцизным чинам не заботиться об увеличении потребления вина населением, так как потребление хлебного вина диаметрально противоположно благосостоянию государства ввиду того, что «при уменьшении потребления крепких напитков образуются сбережения, которые обеспечивают населению возможность более исправной уплаты податей».

Продажные цены на вино на 1895 год в четырех восточных губерниях установлены казною в среднем в 7 руб. 25 коп. за ведро. Следовательно, стоимость спирта, потребленного жителями района общественной продажи вина, принимая нормальное потребление в 0,26 ведра, определится по казенной цене в 1 руб. 89 коп. на жителя – почти та же сумма, какая расходуется на вино, покупаемое из общественных лавок, несмотря на то что стоимость вина в мелкой и крупной посуде назначена казною одинаковая.

В четырех восточных губерниях падает в год на жителя 2 р. 60 к. траты на вино, т.е. почти на одну треть более расхода жителя в районе общественной продажи вина, тогда как самое количество потребляемого спирта превышает только в 0,04 раза. Таким образом, казенная продажа вина является для населения более тяжелой в финансовом отношении, чем общественная.

Частные виноторговцы предлагали всем 29 сельским обществам 4-го участка за право торговли вином вознаграждения на 1893 год […] 3831 р. От общественной же продажи вина получилось […] чистой прибыли в 1893 г., вместе с уплаченными виноторговцами суммами, – 6066 руб.; в 1894 г. – 9614 р. и в 1895 г. – 11645 руб., т.е. через год винный доход увеличился вдвое и стал в четыре раза бóльшим против тех сумм, что предлагались виноторговцами. Одно это возрастание общественного дохода показывает правильную постановку дела при общественной продаже вина. Винный доход составляет седьмую часть всей стоимости выпитого населением вина. Таким образом, общественная торговля имеет то преимущество пред казенной, что одну седьмую часть траты на вино возвращает населению обратно, чего казна, однако, не делает.

Теми сельскими обществами, которые приобретают вино за деньги, как, например, Бурлукское, Гнилушинское и другие, в оборот положено от 200 до 400 рублей. Чистого

дохода на капитал от виноторговли получается сельскими обществами от 30 до 300% при 10- или 15-кратном обороте. Такого огромного процента на затраченный капитал не дает ни одна торговля, почему так и жадны кабатчики к наживе.

Винные доходы назначены сельскими сходами частью на уплату повинностей и частью на разные мирские потребности. Последнее составляет особенно преимущество общественной виноторговли против частной. В то время как деньги, уплачиваемые по закону 5 ноября 1892 г. сельским обществам виноторговцами за согласие на открытие питейных заведений, обращаются на уплату повинностей, доход от общественной виноторговли, по разъяснению Министерства внутренних дел, данному в 1893 г. Воронежскому губернскому присутствию, крестьяне могут расходовать по собственному усмотрению и даже делить их между собою, выдавая на руки. Вследствие этого, согласно приговорам сельских обществ, в течение 1894 и 1895 годов обращены на устройство сельскохозяйственных сиротских приютов-школ: по Бурлукской волости третья часть – 1310 р.; по Тарасовской десятая – 365 р.; по Красноярскому обществу восьмая – 1515; на постройку обыкновенных школ: по Гнилушинскому обществу – 900 р., Бородачевскому – 200 руб.; на ремонт общественных зданий: по Тарасовскому обществу – 800 руб., по Лопуховскому – 900 руб., Громовскому – 1000 р., по Мирошниковскому и Гордиенковскому – 900 р.; на постройку моста по Бородачевскому обществу – 230 руб. и на ремонт церквей по Краснoярскому обществу – 3500 руб. Остальные деньги обращены на уплату безнадежных недоимок повинностей. Взятие виноторговли в свои руки дало возможность сельским обществам иметь свободные капиталы на устройство различных полезных учреждений, и притом без всякого для себя обременения. Если бы у выше приведенных обществ не было общественной виноторговли, полезные

затраты не были бы произведены до сего времени, так как, несмотря на очевидную их пользу, крестьяне не решились бы ради них обременять себя усиленными платежами. Так, например, Кондальское общество только потому согласилось открыть у себя школу, что расход на нее назначен был из винных доходов, а не из сбора с душ.

Вместе с тем общественная виноторговля дала возможность совершить весьма крупное финансовое мероприятие, чрезвычайно важное для земледельческого населения. Земля, по существующим ценам на хлеб, не оплачивает лежащих на ней платежей, почему многие крестьяне приходят к необходимости сокращать свои запашки, даже вовсе их бросают. Для прекращения дальнейшего роста этого печального явления необходимо уменьшить налоги на землю. Со стороны казны и земства почина в этом отношении нельзя ожидать, так как рост налогов имеет стремление к постоянному повышению, особенно земские сборы, ввиду непрерывной замены натуральных повинностей денежными. Остается надежда лишь на мирские сборы, но и они также склонны к увеличению. При обсуждении этого вопроса пришло на мысль отнести какие-либо налоги на косвенные источники доходов – на оброчные статьи. Наиболее подходящими оказались винные доходы, и сельским обществам предложено было отнести на них содержание сельского и волостного управлений – т.е. мирские сборы. Многие из обществ согласились и, таким образом, ценность пайка земли значительно уменьшилась. Для Красноярского общества разница эта выражается в сумме двух рублей на паек. Средняя крестьянская семья держит пять, десять пайков, так что платежи ее с земли уменьшаются на 10–20 рублей в год. В то же время явилась возможность служащим в обществе лицам – писарям, учителям, сторожам, пожарным служителям и проч. – выдавать жалованье беспрепятственно, не выжидая сборов

податей осенью, так как винные доходы определяются ежемесячно. Стало легче склонять общества к ассигновке денег на полезные учреждения, на каковые они соглашаются при каждом остатке от винных доходов, лишь бы только не увеличивать оклада с души.

Разбив общую сумму чистого винного дохода по всему участку на число его жителей, получится частый доход от винной торговли […], падающий на каждого жителя обоего пола.

Кабатчики на 1893 год предлагали сельским обществам по 9 коп. на жителя. В том же, однако, году торговля общественная совместно с частною дала чистого дохода по 15 к., во втором году исключительно общественная 24 к. и в третьем – 29 коп. на каждого жителя. Расход на вино составляет для жителя 1 р. 84 коп., а доход в среднем – 28 к. Следовательно, седьмая часть, или 14%, расхода на вино, возвращается потребителю. Одно это говорит за преимущество общественной виноторговли пред частною и казенною в экономическом отношении. Постепенное же возрастание доходности при одновременном сокращении количества потребляемого вина указывает не только на правильный ход дела, но еще более поддерживает преимущество общественной виноторговли.

Из граф 38–40 таблицы видно, что на каждое ведро потребленного вина чистого дохода падает различно: от 2 р. 98 коп. в сл[ободе] Красном Яре до 32 коп. в сл[ободе] Слюсаревой. Такая резкая разница происходит вследствие того, что вино в мелкой посуде продается дороже, чем в крупной, хотя покупается из ведерной лавки по одинаковой цене. Так, напр[имер], ведро вина и в четвертных бутылях и сотых ведра (шкаликах) покупается винными лавками одинаково, по 5 р. 40 коп. за ведро; продается же в четвертных бутылях за 6 р., а в шкаликах по 10 р. Таким образом, винный доход тем больше для сельского общества, чем более продается

вина в мелкой посуде. В Красном Яре, Бурлуке и Морозове чистого дохода на ведро вина более; следовательно, и вино потребляется там преимущественно мелкими частями. Последнее же бывает вследствие бойкости селений или бедности жителей или большей их склонности к пьянству. Красный Яр, действительно, бойкое село, с еженедельными базарами и двумя ярмарками, и потому мелкое потребление вина там вполне понятно; равным образом и [в] с[еле] Бурлуке. Иначе, однако, дело в хуторе Крячковом. Он лежит в глухой степи, в стороне от проезжих трактов и имеет небольшое число жителей, но винного дохода на потребленное вино там меньше. Это показывает, что крячковцы более зажиточны и покупают вино не шкаликами, но четвертями. Они не боятся делать запасы на вино, так как на последнее не жадны, хотя в то же время крячковцы пьют вина очень много, до 0,52 ведра на жителя […]. Зажиточность находится в прямом отношении к количеству потребляемого вина и обратно пропорциональна пьянству, т.е. чем богаче мужик, тем больше пьет он, *потребляет* вина, и тем менее *пьянствует*. Этим-то и объясняется то обстоятельство, что интеллигенция хотя и потребляет вина во много раз более, чем простой народ, но не пьянствует, потому именно, что она зажиточнее. Она отравляет себя алкоголем систематически, постоянно, но не остро, что именуется пьянством в низших классах. По селу же Бурлуку мы замечаем другое. Здесь народ беден и, кроме того, пьет горькую. Бурлучанин не может сделать себе запасов вина: у него не хватает духа противостоять соблазну и, купив вина, он стремится допить его до конца. Будучи вследствие склонности своей к пьянству бедным, бурлучанин покупает вино мелкими частями, и потому доход на ведро выше в этом селении, хотя количество потребленного жителем вина и меньше […].

На каждого жителя чистого годового дохода от виноторговли в 1895 году получилось 29 к., считая в том числе

доход и от операции розлива, давшей дохода пять копеек на жителя […]. Таким образом, казна должна получить от введения казенной продажи вина не менее 29 коп. в год на каждого жителя сверх получаемого ею теперь дохода при существовании частного винного промысла. Для Пермской губернии этот излишек на 2 650 000 жителей составляет 768 500 р.; для Самарской – на 2 413 000 жителей 699 770 р.; для Уфимской на 1 880 000 жителей – 545 200 р. и для Оренбургской губернии на 1 245 000 жителей – 361 050 руб., а всего по четырем губерниям казна должна получить в 1895 году излишних против патентного сбора 1895 года 2 374 520 руб. По опубликованным данным, в первом полугодии казна выручила сверх обычных поступлений первого полугодия 1 612 980 р. Из этой суммы, взяв ее вдвое с пятой частью, надлежит исключить патентный сбор, имевший поступить в декабре месяце на 1895 г., торговый и приказчичий, уплачивающийся частными питейными заведениями, что, по данным общественной виноторговли, составляет на жителя 6 к., а именно 491 280 р. Таким образом, чистую прибыль казны в 1895 г. можно определить в 3 057 200 р. на одну только треть более нами исчисленной – 2 374 520 руб. Меньшее количество дохода против последней суммы покажет на ненормальность постановки дела в районе казенной продажи вина. Ввиду же производства казною в своих складах и очистки вина, доход ее должен быть выше против исчисленного.

Приведенные цифры выведены, впрочем, по образу жизни сельского населения. Нужно полагать, что в общем город разве несколько, в самой незначительной доле, бóльшим потреблением спирта даст превышение против общей средней нормы, так как в то же время существуют селения, не потребляющие вина вовсе или очень мало. Предельные нормы потребления спирта составляют в описываемой местности 0,63 и 0,16 ведра на жителя. Обе

получились в селениях не бойких, но в первой население малороссийское и православное, во второй русское и преимущественно раскольничье. Разность характера и религиозного мировоззрения жителей отразилась на потреблении вина. Во всяком случае, среднее от них 0,40 ведра чуть не вдвое более исчисленной по сельскому населению нормы в 0,26, так что влияние города на размер потребления вина в общем по губернии будет ничтожным, а по Империи и вовсе.

Признавая все-таки потребление вина в городах большим на каждого жителя, чем в деревне, вполне объяснится разница между данными по общественной продаже вина и казенной, а именно некоторое преобладание количества выпитого вина при казенной продаже, так как в цифровые результаты последней включены данные также и по городам. Тогда выводы по казенной и общественной продаже вина будут совершенно сходны между собою. Во всяком случае, с повсеместным введением по Империи казенной продажи вина государственный бюджет возрастет более чем на 29 миллионов рублей. Обратив эти деньги на нужды сельскохозяйственно-ремесленного образования, правительство совершит блестящую финансовую операцию.

VI. Графические таблицы

Графические таблицы ежедневного потребления вина населением дают возможность понять, какое серьезное значение имеет потребление водки в русском народе. Не имея для себя никаких развлечений, кроме пьянства, неграмотный, невежественный народ в вине выражает всю свою радость и горе, им только одним характеризует важность своих не только частных, но и общественных дел. Проследим по […] графической таблице ежедневное потребление спирта Бурлукским сельским обществом в 1894 году […].

Новый год мужики не празднуют и визитов не делают. Поэтому в следующее за ним воскресенье в винной лавке более куплено было вина, чем на Новый год, а именно пять ведер против трех ведер новогодних. В день Богоявления мужики омыли грехи свои и не хотели вновь грешить, что непременно случилось бы при невоздержании, за что они вознаградили себя в первый же базарный день, 7 января[1], настолько хорошо, что продолжили его еще один день. Сделав падение в воскресенье, потребление спирта вдруг стало усиленно подниматься – мужики делили лес, пока не продали его в базарный день кулакам, при обильной выпивке. В течение всего года в с. Бурлуке базарные дни, происходящие по пятницам [...], дают усиленное потребление спирта, даже более, чем праздники, – так велико значение магарыча в жизни нашего крестьянина, мало-мальски значительную покупку норовящего спрыснуть вином. Праздник Сретения Господня, 2 февраля, у мужиков в особенном уважении, и потребление вина стало выше, чем все прежние праздники, выше даже заговенья, 6 февраля, длившегося в течение двух даже дней. Сделав резкий подъем в масленичный базарный день, потребление спирта в «прощеный» день, 27 февраля, стало еще больше и затем, с началом Великого поста, делает резкое падение, но не сразу, а в течение двух дней – то опохмеляются пропойцы. С конца первой недели бурлучане перестали пить водку; ее покупал разве только какой-нибудь проезжий. Село обратилось к смирению, не соблазнившись даже в столь большой праздник, как Благовещение, но все-таки начавшаяся сырость на улице требовала лекарств, и мужики лечились вином от лихорадки, вследствие чего общий уровень потребления вина со второй половины марта стал повышаться. Во время поста и базары стали тише. Путь стал непроездным, и торговцы прибывать перестали, а у

[1] Здесь и далее везде в тексте даты указаны по старому стилю.

своих и в обыкновенные дни купить можно, так что такой даже бойкий обыкновенно базар, как перед Пасхой, и то не вызывал повышения потребления вина. Субботние дни все время поста почти не уступают праздничным – говельщики считают для себя возможным разрешить потребление спирта после причастия. Но вы сильно ошибетесь, если по этим же графическим таблицам заключите, что бурлучане на праздник Пасхи на 3020 душ жителей обоего пола потребляли только по три, по шести ведер в день. Они выпили в первые три дня праздника очень много, но только закупили вино в соседнем, верст за десять, частном винном складе в с. Марииновке, области Войска Донского, почему по графическим таблицам требование вина из общественной лавки и не соответствует действительности. Каждый бурлучанин считает плохою встречею праздника, если нет у него в доме трех, четырех ведер вина для многочисленной крестьянской родни, а при таком количестве есть прямой расчет ехать за 10–15 верст, так как одной поездкой можно выручить на скидке кабатчиками рыночной цены на вино […], по меньшей мере 30–40 коп. – дневной заработок крестьянина; при плохих обстоятельствах можно купить часть вина в долг и уже во всяком случае выпить *даром* чарку-другую вина, обязательно подносимую кабатчиком такому покупателю, которого при большой покупке, да еще в хмелю, можно обмерить по крайней мере в три раза больше, чем выпито им вина. Когда же закупленное вино вышло, а гости наезжать все еще продолжали, бурлучане стали брать вино и в своей лавке, почему на второй день Пасхи черта указателя потребления вина делает высокий подъем, поддерживаясь в течение всей Пасхальной недели.

Яровой сев в Камышинском уезде начинается в начале апреля и раньше. Поле у бурлучан близко, и, управившись с яровым посевом до Пасхи, они могли свободно отдохнуть на праздниках, после которых в понедельник на Фоминой

неделе, 10 апреля, опохмелялись. 2 мая спрос на вино вдруг поднялся, хотя не было ни праздничного, ни базарного дня, и накануне, в воскресенье, много вина не пили, чтобы была необходимость в похмелье, – то производился наем пастухов. И никакие репрессии не в силах искоренить обычай: если не пьют на сходе, в помещении сельского управления, то по задворкам, на частных сходках, льется вино попрежнему. Немало пьянствовали бурлучане и в Николин день, 9 мая, но только не дома, а в соседней станице на ярмарке, почему и потребление спирта дало понижение в общественной лавке.

15 мая был сельский сход, на котором распределяли земельные паи по душам. Первый день мужики больше кричали и запугивали недоимщиков лишением пайков, так что боявшиеся спешили задобрить односельцев вином, а в течение двух остальных дней дележа совершали скидку и накидку тягол, что сопровождалось солидною выпивкой.

Аккуратно в течение года базарный день отбивает пальму первенства у воскресных, уступая и равняясь с ними только летом. Базарные дни происходят в с. Бурлуке по пятницам. В будние дни, летом, мужики заняты работой – гулять некогда, и потому наемка рабочих и всякие общественные сходки совершаются только по воскресеньям до самой осени, когда снова с конца августа базарный день возвращает себе первенство. А вот мужики и пар поделили 7 июня; после того 12[-го] заговелись перед Петровым постом, а 29[-го] разговелись, и указатель движения спирта неизменно повышался.

19 июня мужики делили сенокос: обиженные сходом вознаграждены от захвативших лучшие места деревенских мироедов доброй чаркой вина. Вино не дороже бедняку хорошей земли или луга, но он видит, что и без водки хороший кусочек достанется сильному, а если не пить да умереть, то лучше уж пить, – и он жадно ухватывается за

отступное, чтобы в опьяненном состоянии скорее забыть свое горе, вознаградить себя за имущественную потерю хоть минутным удовольствием.

Первый и Второй Спас, 1 и 6 августа, мужики встретили с честью. Хороший урожай располагал к выпивке, за каковою мужики не остановились. Летом средний уровень потребления спирта сильно понизился, сравнявшись чуть ли не с великопостным: настала страдная пора. Затем, к осени, он постепенно поднимается все выше и выше. У мужиков появились деньги: кто продал новый хлеб, а иной заработал поденщиной, и со второй половины августа пьянство начинает заметно усиливаться. До самой ярмарки, 1 октября, уровень не понижается. Накануне ярмарки, 30 сентября, началось подторжье, в самую ярмарку все село было пьяно, а после нее, 2, 3 и 4 октября, заканчивало с выпивкой счеты, и черта указателя в течение трех дней постепенно понижалась.

С 10 октября началось пьянство и по будням – то начались сговоры. Молотьба кончилась, жнивье поломали, время настало свободное, чем и воспользовались сваты: стали они наезжать – невест высматривать. Сваты совершают дело великое: на всю жизнь людей соединяют. Это нужно исполнять обдумавши, и сваты думают, толкуют, спорят, выговаривают. Надо их задобрить, а сухая ложка, известно, горло дерет, и льется вино не переставая. С переменными колебаниями движется стрелка, пока наконец на престольный праздник – 22 октября – мужик потому только не спустил все денежки, что разгуляться было негде: дома пить не так охотно, как в кабаке, а в последний не пускают. Четыре дня после престола опохмелялись мужики: до него они встречали гостей, приезжавших на праздник, и указатель движения спирта все повышался, а после него три дня провожали: стояло трехдневное похмелье. Престольный праздник считается у крестьян самым большим праздни-

ком. К этому дню съезжается вся родня и хорошие знакомые. В чем же может выразиться у мужика веселье, как не в вине? В этот день вина выпивается больше, чем даже во время ярмарки. В один день выпито было 40 ведер вина на 320 руб., или каждым жителем с. Бурлука, обоего пола, потрачено 10 копеек, а каждый домохозяин 50 коп., на что должно быть продано 2 пуда хлеба.

Отдохнув немного, пошла писать губерния: начиная с Казанской, 22 октября, свадьба заиграла за свадьбой. Весело попрыгивали черточки указателя до самого Филиппова заговенья, которое сопровождалось обильною выпивкою. На другой день, 15 ноября, настал бабий праздник. Собрались бабы вместе и толпою стали заходить к тем матерям, которые не выдали в этом году дочерей своих замуж или не поженили сыновей. Они надевали на них колодки и водили по селу, а те старались откупиться и ставили вина, почему черта потребления спирта и сделала высокий подъем.

Хорошо попьянствовали бурлучане осенью, так хорошо, что на базарные дни и покупать стало не на что. Это сейчас же сказалось на магарычах, которые против обыкновения потребовали меньше вина, чем в воскресные даже дни.

После заговенья село отрезвилось, лишь в базарные дни поправляя себя от постной пищи винцом. Средний уровень потребления спирта снова было понизился во время поста. Но 15 декабря, во время дележа леса, мужики не могли обойтись без выпивки. Кулаки, скупая лесные паи, не жалели вина на отступное. Перед Рождеством мужики опять забыли общественный интерес и закупили на праздник вина в казачьей области. Выгадав 40–50 к. и напившись пьяным, мужик согласен на то, чтобы в общественной винной лавке уменьшилось дохода на 4–5 р. И хотя он сознает прямой свой от этого убыток, но возможность напиться в частном винном складе пьяным на даровое угощение настолько его соблазняет, что он заранее

отказывается от прибыли, которую он должен получить по окончании года, лишь бы только теперь испытать удовольствие. Эта недальновидность составляет в нашем мужике самое главное препятствие к введению всякого рода улучшений его быта.

29 декабря был опять сельский сход. На нем выбирали старосту. Нет для богатого мужика ничего страшнее, как быть старостою: с односельцами перессоришься, пред начальством виноват. Народ подати платить не хочет. Существенных для взыскания их прав старосте не предоставлено, и не за нерадение свое или неумение или проступки отсиживает староста в полицейских арестантских, а так себе, здорово живешь. Начальства стало много: и исправник приказывает, и земский начальник приказывает. Начальство это между собою ссорится. Угодил исправнику – земский начальник сажает в арестантскую; угодил земскому начальнику, исправнику не потрафил – исправник сажает. Для богатого мужика сидеть в арестантской разор один, и норовит он от «выборных правов» отказаться, а от чести быть избранным откупиться. А мужики на сходе сперва все самых богатых намечают. И обещают те после схода кто ведро, кто полведра: «Не замайте только, старики, меня». Бедняки же или воришки – те сами лезут – погреть руки возле общественной кассы, но их не выбирают. Они тоже стараются: «Выберите меня, старики. Угощение будет большое». После схода богатые мужики откупались, а выбранный прохвост благодарил стариков за избрание: потребление спирта в винной лавке сразу повысилось.

Каждое явление сельской общественной жизни сказывается в единственном развлечении народа – в вине. Поэтому общественные винные лавки дают полную возможность урегулировать проявления чрезмерной народной радости и чрезмерного горя. Закройте торговлю в праздники, при дележе земли, найме пастухов, и потребление

вина уменьшится, не доходя до так называемого пьянства. Важное экономическое значение общественной винной торговли признал и комитет Саратовской областной сельскохозяйственной выставки 1893 г., наградивший березовское общество за выставленную модель лавки, формы отчетностей и таблиц похвальным листом.

Такие же точь-в-точь описания дают графические таблицы по винным лавкам и других обществ, с небольшими местными различиями. По месяцам […] наибольшее потребление вина приходится на октябрь и февраль – время разгула и свадеб, наименьшее на март и июль – время смирения и работы. Просматривая имеющиеся в винных лавках таблицы цифровые и графические, можно почерпнуть из них многое для знакомства с жизнью народа.

Те же графические таблицы облегчают наблюдение с беспатентной торговлей. Неожиданное падение указателя движения спирта в те дни, когда потребление вина должно повышаться, например в праздники, указывает на какую-нибудь причину, расследованием которой тотчас же и занимается администрация. Хроническое же падение потребления вина указывает прямо на конкуренцию тайной виноторговли, и в целом ряде случаев таковая обнаружена была только по графическим таблицам и преимущественно уполномоченными по винной торговле – винными надзирателями, которые отлично научились в последнее время своей обязанности. В больших селениях, где существуют две или три винных лавки, там по каждой из них таблицы ведутся в отдельности, и ничем не оправдывающееся резкое уменьшение потребления вина в какой-либо общественной винной лавке указывает на бесплатную торговлю в том регионе, который по условиям местности снабжается вином из этой лавки.

Для казны подобные графические таблицы значительно облегчают ведение дела. Они будут служить луч-

шим указателем, когда нужно усилить запасы вина и когда их уменьшить.

В то же время они дают полную возможность сократить народное пьянство: в известное время – во время найма пастухов, во время дележа земли, лугов и леса, перед престольным праздником – может последовать от казны распоряжение не отпускать вина вовсе, как это и теперь установлено законом во время сельских сходов или заседаний волостных судов. Общественная виноторговля строго соблюдает эти ограничения торговли, но частный винный промысел, при снисходительном отношении полиции, допускает продажу вина почти явно. Поэтому только со взятием виноторговли в свои руки казна может уменьшить народное пьянство. Такова будет материальная сторона казенной продажи вина – этого в высшей степени серьезного государственного предприятия, – но не менее важная и нравственная.

VII. Нравственное влияние

С момента открытия общественной виноторговли физиономия селений изменилась. Страшный разгул, царствовавший во время частного винного промысла, исчез: народ стал держать вино у себя дома. В произнесенной г. министром финансов С. Ю. Витте речи в заседании Государственного Совета 15 июня 1893 г., при обсуждении проекта о казенной продаже вина, деревенские жители как в зеркале увидели отражение сельской народной язвы – кабатчика. Совершенно правильно характеризуют отношения виноторговцев к населению слова г. министра: «Кабатчики заинтересованы в том, чтобы народ в данный момент выпил возможно больше; они стремятся к тому, чтобы обезумленное и надорванное население обратить в своих рабов; они властвуют над ним и высасывают из него все

производительные соки». С открытием общественных винных лавок хищник народный уничтожен на пространстве четырех волостей, и сорок тысяч населения избавились от вампиров. Исчезновение их сильно повлияло на уменьшение народного пьянства. Народ стал потреблять вино, но не спаивался. Получилось крайне отрадное явление: вчерашние пропойцы начали работать; мелкое воровство прекратилось за отсутствием места для сбыта краденых вещей и для сговора на кражу; притоны конокрадов уничтожены. На некоторых селениях, отличавшихся кражами, как, напр[имер], Гнилой Проток и Лопуховка, это отразилось особенно благотворно. Пьяные с улиц вовсе не забираются; их по улицам и не видно; площадные песни и ругань не слышны даже в самых развращенных и бойких селениях – таково влияние общественной виноторговли. Рабочие перестали пропивать свой заработок, и экономическое благосостояние крестьян значительно улучшилось.

Все, кто только знал описываемую местность до введения общественной продажи вина, поражены наставшей переменой. В Министерство финансов представлено письмо строителей железной дороги, где они констатируют эту перемену в народной нравственности и, между прочим, заявляют, что рабочие стали много прилежнее с прекращением частной виноторговли.

Особенно характерно свидетельство подрядчика железнодорожных строительных работ г. Вольфсона. При частном винном промысле, – говорит он, – в 1892 г. рабочие, получая в субботу расчет, пили в течение воскресенья, понедельника и вторника. В среду некоторые принимались за работу, но плохо, видимо, чувствуя себя больными. В четверг работа шла лучше, а в пятницу и субботу они работали уже через меру. Раздав рабочим в субботу деньги, в понедельник г. Вольфсон мог получить их уже обратно, разменивая крупные суммы в кабаках. Он нарочно делал знаки

на кредитках, и помеченные кредитки более чем на три четверти всей раздававшейся за работы суммы возвращались ему из кабаков; раздавалось же в каждую субботу по 4–6 тысяч рублей. Из помеченных кредиток возвращались чаще всего мелкие – одно-, трех- и пятирублевые. Крупные же реже. Это указывает на то, что состоятельные семьи меньше пьют, чем бедные. На железнодорожные земляные работы выходят крестьяне со всею семьею, и трудолюбивые семьи, при двух или трех лошадях, зарабатывали до 40–50 руб. в неделю. Получая деньги крупными кредитками, они их в кабаках не оставляли. Следовательно, хищника народного питает нищета, безлошадный крестьянин, а не богатый, почему прекращение влияния народного вампира составляет самое важное экономическое мероприятие.

Итак, три четверти заработка пропивалось крестьянами! И подобные явления имели место летом того года, в начале которого государство несло огромные расходы, а общество делилось последним куском хлеба с голодающим крестьянским населением, и притом там, где, как в Саратовской губернии, общественною и государственною помощью воспользовались более всего; мало того, где наряду с железнодорожными заработками раздавалась от земства летом же ссуда на обсеменение озимых полей. Зимою же 1891–1892 гг. кабаки торговали лучше, чем в урожайные годы. Г[осподин] начальник Саратовской губернии циркулярно обращал внимание подведомственных чинов администрации, что хлебную ссуду крестьяне продают кабатчикам за водку. Постройка Тамбово-Камышинской линии железной дороги разрешена была исключительно для предоставления заработка нуждавшемуся населению, лишившемуся в голодный год скота, семян и задолжавшему государству огромные суммы. И кто же поправил свое благосостояние? – Кабатчик, один только кабатчик! Он один поглотил три четверти государственной, земской и обще-

ственной помощи. Действительно, он высасывает из народа все производительные соки.

С заменою частной винной торговли общественною, с 1893 г., железнодорожные рабочие стали работать в течение всей недели одинаково, а для размена денег пришлось ездить за 90 верст, в г. Камышин. Рабочие сами так характеризовали инженерам наставшую для них перемену: «В прошлом (1892) году мы работали на *водке* и луке; теперь работаем на *хлебе* и луке!»

При частном винном промысле наемка рабочих совершалась всегда возле кабаков. С самого утра возле них собирался народ и тут же пропивал задаточные деньги. Несмотря на всяческие преследования, содержатели винных лавок свободно допускали распитие питий, продажу вина чарками, в долг под работу, причем наниматель обязывался уплатить кабацкий долг сам, удержав таковой из жалованья рабочего. Искоренить злоупотребления карательными мерами не было никакой возможности. У кабаков же стояли возы с хлебом. Каждый виноторговец считает своею обязанностью одновременно торговать и хлебом. В винных лавках совершаются все сделки по покупке и продаже хлеба. При покупке виноторговец предлагает такие условия: «Продашь пшеницу по 78 коп. за пуд, получишь две чарки водки; по 79 к. – одну, а по 80 коп. (рыночная цена) купим – ни одной не получишь». Мужик не соображает, что на 25–30 пудах он теряет, по 1 к. на пуд, 30 коп., на которые может купить шесть чарок водки; его тормошат приказчики склада, дразнят водкой, давая ее нюхать, и он решается уступить одну копейку в пуде. Но приказчики не сразу берут от него хлеб – ехидно ждут, пока продавец не захмелеет. Мужик приехал с раннего утра, еще не евши. На голодный желудок хмель ударяет ему в голову. Он разохотился и просит еще одну чарку, в счет платы за хлеб. Ему не дают, ссылаясь на то, что закон не велит: начальство узнает, отвечать придется. Му-

жик начинает упрашивать. Тогда кабатчик соглашается, но лишь с условием – уступить еще копейку в пуде. Хмельный мужик сперва упирается, но наконец поддается. Затем будет от него хлеб, но не допускают весить самому, а услужливо исполняют это сами. Мужик обижается – как это могло быть, что у него из 30 мер да получилось меньше 30 пудов (мера пшеницы весит всегда более пуда). Его начинают бранить за недоверие и предлагают перемерить хлеб, – а он уже ссыпан в общую сусеку… Ссора кончается предложением от хозяина магарыча. Потом окружающие требуют магарыча уже от продавца: один лошадь держал, другой считал принимавшийся хлеб, третий ссыпал, и в конце концов пьяный мужик спускает последние деньги и, набуянив, ночует в арестантской, куда отправляет его с помощью полиции тот же хищник-кабатчик, благородно негодуя на пьяницу, а семья мужика разута и раздета, подати не уплачены. Каждую субботу дворы винных лавок наполняют толпы рабочих с железной дороги и пропивают весь недельный заработок. На отдающиеся администрацией приказания привлекать к ответственности полиция не только не обращает внимания, но предупреждает даже кабатчиков об этих распоряжениях, прислуживая в лавках и сама принося стаканы для распития вина, так как при этом достается и на ее долю.

Теперь, с открытием общественной торговли вином, возы стоят на базарной площади и хлеб покупается по рыночным ценам.

Но особенное значение имела общественная торговля вином для крестьянских женщин и детей. Мужики перестали просиживать в кабаках и пропивать последние гроши. Купив вина, крестьянин несет теперь его домой и распивает вместе с семьею, за обедом. От этого он если и опьянеет, то ложится тут же дома и отдыхает. Бедняк же лишен вовсе возможности приобретать вино иначе как за деньги. Бывало, украдкой тащит он под полой в кабак ме-

шок последнего зерна из амбара, и кабатчик покупает его за бесценок. При общественной же торговле продать хлеб можно только с весу и по рыночной цене. Ремесленникам негде стало закладывать для пьянства свои инструменты, и они принялись за работу, что тотчас же сказалось на материальном благосостоянии их семей.

Успех общественной виноторговли не мог остаться незамеченным. В скором времени она введена была в других местах и в настоящее время производится в большей половине Камышинского уезда, в некоторых других уездах Саратовской губернии, в Воронежской, Казанской, Пензенской, Петербургской, Томской и многих других губерниях, и повсюду она дала те же результаты, кроме небольших уклонений, зависящих от совершенно обратных целей, каких предположили достигнуть общественною винною торговлею.

Совершенно одинаковые благотворные явления получились и от казенной продажи вина, но, к сожалению, только в первое время. По общему отзыву, в январе месяце 1895 г. в четырех восточных губерниях пьянство народное заметно сократилось. С улиц исчезли пропойцы и принялись за работу. Рабочие стали работать аккуратно в течение всей недели – закладывать инструментов стало негде. Ругань, не умолкавшая ранее в местах скопления простого народа, затихла.

Спустя, однако, месяц население привыкло к казенной продаже вина и стало относиться к ней так же, как к частному винному промыслу. Пьяные мастеровые стали распивать вино тут же, в помещении лавки. Продавцам приходилось гнать пьяных, заводить с ними скандалы и получать отборную ругань и даже побои. Если же отправлялись звать полицию, то пьяные безобразники похищали вино с полок.

На должности приказчиков в винных лавках замещены были сперва люди, даже дамы, но разнузданный по-

требитель площадною бранью быстро заставил их бросить службу. Место их заняли лица сомнительного качества, способные вести с пьяными компанию или же готовые на всякие скандалы до выпроваживания буйных покупателей по загривку, и нравственное значение казенной продажи вина стало быстро падать. В селениях повторились те же явления нарушений питейного устава, какие имели место при частном винном промысле, – отпуск вина в кредит, под заклад, под хлеб и распитие питий на месте.

Места казенной продажи вина могут обратиться, таким образом, в те же притоны разврата и грабежа, какими состоят они при частном винном промысле.

Улучшить же состав приказчиков в деревнях не представляется совершенно возможным. Вполне интеллигентные лица ни за какие деньги не согласятся выслушивать оскорбления от потребителей. Защитить их от брани и оскорбления пропойц нет возможности в деревне, где само начальство в лице старосты, сотского, те же пропойцы. Менее же интеллигентные, но более или менее надежные потребуют хорошего обеспечения. Дать же жалованья в деревне более 150–200 руб. в год без прямого убытка для казны невозможно, так как чистая прибыль составляет при этом жаловании не более 100–200 р. в год. За 200 же или 100 р. трудно найти лиц, на которых можно вполне положиться. В общественных винных лавках жалованье приказчики получают для деревни очень хорошее, от 60 до 120 руб. в год, с еженедельным отдыхом. Такого жалованья не получают многие сельские писари. Между тем приказчики общественных лавок то и дело растрачивают деньги и совершают иногда другие проступки в виде рюмочной продажи вина, несмотря на грозящую им кару тюрьмою. За несколько дней виноторговли может выручиться сумма, могущая бедного человека обеспечить на всю жизнь. Соблазн настолько велик, что редкие из нашего неразвитого

крестьянства могут против него устоять, и казне с корыстолюбием приходится считаться. Единственное против этого средство – недопущение покупателей вовнутрь винной лавки и ежедневный контроль. Только это одно прекратит возможность распития питий, как насильственного, так и с согласия приказчиков, и дозволит должности последних исполнять лицам, слабым здоровьем, и женщинам. В общественных винных лавках места приказчиков занимаются предпочтительно калеками, стариками, если только они грамотны, и этим дается им возможность заработать кусок хлеба. В лопуховской винной лавке допускали торговать и женщин, и, благодаря запрещению покупателям входа в лавку, они были совершенно ограждены от пьяных, кроме брани. Брань же за глаза не так оскорбительна, как брань в лицо, тем более что продавщица, закрыв окно, имеет возможность и не слышать этой брани.

Какие только нарекания не посылались за распоряжение не впускать покупателей в общественные винные лавочки со стороны тех лиц, кто видел в этом насилие над личностью и свободою народа. С каким негодованием эти господа останавливались на Саратовской областной выставке пред моделью лавочки, изображавшей момент подачи приказчиком бутылки с вином покупателю чрез дверное окошечко. Этот порядок вынудил установить сам потребитель для своей же пользы. Он принят и многими другими участками, установившими в своих районах общественную винную торговлю. Сама жизнь заставит и казну установить такую внешность винной торговли.

Правительство самым положительным образом утверждает, что реформою питейного дела оно преследует не фискальные цели, но только ограждение народной нравственности и народного здравия от растлевающих влияний нынешнего питейного заведения, которые, по словам его, подтачивают в самом корне благосостояние народа. При

этом г. министр финансов заявил, что даже уменьшение питейного дохода от введения казенной продажи вина при наличности признаков должно считаться полным успехом реформы. Описанные результаты общественной продажи вина могут вполне успокоить правительство, что понижения питейного дохода не должно последовать при правильной постановке дела, так как потери акциза и патентного сбора от уменьшения потребления вина покроются с лихвою выгодностью виноторговли.

Нравственное же влияние казенной продажи вина должно быть громадным. Прежде всего, население не будет покупать вино променою на хлеб, под заклад одежды или рабочих инструментов и в долг. Не будет лиц, которые станут спаивать народ, выманивая у него трудовые гроши. Нравственное влияние общественной виноторговли сказалось настолько резко и так благотворно, что признать таковое должны были даже заклятые ее враги. Периодическая печать в сообщениях своих из мест района казенной продажи питий уже отметила эти отрадные явления, оказавшиеся за первые же дни казенной виноторговли. Она подтвердила, что мастеровые стали работать более и даже в послепраздничные дни. Пропив свой заработок, они для похмелья не закладывают уже у кабатчиков инструментов, не тащат из домов в кабак последней одежды и этим, несомненно, поднимут свое благосостояние. Этого одного довольно, чтобы встретить реформу с распростертыми объятиями. Такие благие результаты могут, впрочем, проявиться только при одном условии – если частной виноторговли вовсе не будет допущено. Мы с грустью, однако, видим другое. Казна допустила частную винную торговлю в трактирах и таким образом оставила в полной силе все то зло, против которого поднято знамя Министерством финансов. Не нужно было бы тогда и выставлять целью реформы поднятие народной нравственности. Интересы фиска от

казенной продажи вина будут огромны, нравственное же влияние ничтожно. В таких селениях, где не будет трактиров с частною винною торговлею, нравственное влияние еще будет иметь место, но при наличности трактиров его не будет. Распитие питий в местах их покупки – вот самое важное зло, что влечет народ к пьянству. Зло это, однако, не уничтожено казною, но могло бы быть смягчено удалением частных виноторговцев, лично заинтересованных в большем размере потребления вина. Раз только предоставлено право частным лицам торговать вином, да еще в налив, будет иметь место и спаивание народа. Никакими репрессиями нельзя уничтожить этот ужасный рычаг для самообогащения кабатчиков – этих «вампиров народных», по словам самого же министра финансов. Наказания за нарушение питейного устава суровы, но последние повторяются постоянно и не прекратятся до тех пор, пока в людях не исчезнет алчность наживы, ради которой не боятся они и тюрем. Донельзя странным кажется, почему явилась такая недоделка. Прежде всего, вино свободно можно было бы не дозволять продавать из трактиров; кто желает выпить вина, может купить его вне трактира и принести с собою. Наконец, если это признано неудобным, почему в самом трактире не учредить казенной продажи, т.е. посадить продавца вина от казны, лицо постороннее для трактирщика и совершенно не заинтересованное в большей продаже вина? Для мелочного потребления и легкости учета вино можно продавать в малой посуде, например, 1/200 ведра (одна рюмка), что нисколько не затруднит потребителя, и тогда нравственные цели казенной продажи вина были бы по крайней мере достигнуты. С прекращением только вовсе частной винной торговли и можно будет сказать, что слово с делом не разошлось. Пока же этого не видно.

Но самое дурное явление при казенной продаже вина открылось в корчемстве и шинкарстве. Зло тайное хуже

зла явного, так как против последнего могут быть приняты меры, а в первом бороться приходится ощупью. Открытое спаивание народа правительство имеет возможность уменьшить полицейскими мерами и карательными законами, но с тайным спаиванием бороться невозможно. По мере дальнейшего развития казенной продажи вина шинкарство не прекращалось, но усиливалось. Оно стало производиться не только в тех селениях, где по малому числу жителей казною винной лавки не открыто, но даже рядом с нею. Тайная торговля ведется почти въявь; всем она известна, но шинкаря уловить не только не удается, но никто об этом и не заботится. Акцизный надзор не может один усмотреть за тайною торговлею в нескольких селениях и не имеет, кроме того, средств. Сельская же полиция не только акцизным чинам не способствует, но даже укрывает шинкарей, так как получает от них водку даром и, кроме того, вовсе не хочет в них наживать себе врага. Шинкарством занимаются главным образом деревенские кулаки, имеющие настолько большой вес для бедняков, из каковых нанимаются сотские и десятские, что последние никогда не смеют идти против них. Служат они в полицейских должностях, сменяясь ежегодно или ежемесячно, и опасаются, что родственник шинкаря, когда дойдет до него очередь отбывать полицейскую повинность, не замедлит ему отомстить. Сельскому же обществу безразлично, кто будет торговать вином, – казна или шинкарь. Напротив, оно более склонно к шинку, так как члены его имеют возможность получать вино в кредит и с разными льготами. Шинкарь, кроме того, отпускает вино дешевле казенного. Нужды нет, что вино это хуже. На это мужик, как описано было выше, неразборчив. В газетах помещены сведения, что у шинкарей охотно даже раскупают киндербальзам – безусловно вредный напиток. Мужик готов употребить какую угодно вредную примесь, лишь была бы

она пьяная и дешевая. И шинкари этим пользуются и продают настойки с табаком, беленою и прочими одурманивающими веществами. Ранее, при существовании в четырех восточных губерниях частной виноторговли, тайное винокурение было лишь исключением, так как виноторговцы, содержавшие собственные винокуренные заводы, сами следили за корчемниками. Теперь же следить за этим некому и, по свидетельству печати, тайное винокурение подрывает доходы казны.

Существует тайная торговля вином и в районе общественной виноторговли, но только в тех селениях, где не открыто винной лавки. Там же, где винные лавки имеются, шинкарства, как хронического явления, не существует вовсе, а если и соблазнится кто-нибудь, то его быстро и поймают. Наблюдению за шинкарством помогают графические таблицы. Падение потребления вина в те дни, когда в селе были попойки, – на крестинах, свадьбах, похоронах и пр. – указывает сразу на тайную торговлю вином, и сельская администрация спешит ее прекратить. Прежде всего в прекращении шинкарства прямо заинтересованы винные надзиратели, избираемые обществом для надзора за шинками. Они получают вознаграждение с каждого проданного ведра вина, и потому чем более будет продано вина из общественной винной лавки, тем для них выгоднее. Вознаграждение получают они для крестьян солидное, от 20 до 200 руб. в год, смотря по селению, и притом за полное, в сущности, безделье. Поняв прямую, личную для себя выгоду в большей продаже вина из общественной винной лавки, они так строго начали следить за беспатентною торговлей, что она открывается на второй или третьей продаже вина домохозяином, соблазнившимся ее выгодой. Отличными агентами для них служат их бабы. Не успеет шинкарь продать вина раз, другой, а старосте уже известно. Наконец, сами члены общества в большинстве случаев

настолько хорошо поняли значение общественной виноторговли, что постановляют приговоры о воспрещении односельчанам покупки вина помимо своей общественной лавки, где-нибудь на стороне, по соседству. Относительно же шинкарей каждый раз на сходках, когда прочитывается месячный отчет, поднимают вопрос о более строгом их преследовании, и если кто-нибудь из шинкарей при этом присутствует, то его всем миром упрекают в покушении на общественное состояние. Крестьяне отлично сознают, что при малом доходе от винной лавки построить мост или содержать школу придется на раскладку с душ, чего крестьяне боятся более всего. Наконец, интеллигенция деревенская также заинтересована в правильном ведении общественной виноторговли. Ей одной приписывает купечество (не из виноторговцев) уменьшение краж. При ней только прекратилась торговля вином до литургии, и священники радуются посещению сельчанами храмов. Учителя и учительницы в общественной винной торговле видят прямую связь с увеличением школьных пособий и постройками новых школьных зданий, с квартирами для учителей. Служащие в обществе лица благодаря ей аккуратнее получают жалованье, и, наконец, все вместе довольны наставшею тишиною. Отворить в селах окна на улицу теперь стало вполне возможным: отборная ругань уже не поразит слуха. Сельская интеллигенция влияет на сельские сходы и постоянно внушает крестьянам необходимость покупки вина в своей лавке и строгого присмотра за шинками, и тотчас же сообщает властям о замечаемых нарушениях по виноторговле.

Такой общественный интерес к правильности ведения виноторговли совершенно уничтожил шинкарство, которое существует только в тех селениях, где нет винных лавок. В этих последних уничтожить шинкарство обычным способом – путем преследований – оказалось совершенно не-

возможным. Мало того, даже немыслимо. Мало ли бывает случаев – приедет кум; случится купить лошадь у проезжего, когда по обычаю нужно встретить дорогого гостя вином, а покупку вспрыснуть. Ехать в винную лавку, версты за две или три, далеко. Идет мужик к запасливому соседу, у которого всегда на такой случай водка найдется. Сосед сперва возьмет только ту стоимость, за какую он сам купил, а на второй раз справедливо решит, что нужно за провоз ему все-таки заплатить, и цену повысит, а потом так к этому привыкнет, что начнет торговать водкой как следует и наживет капиталы, да, кроме того, весь хутор в кулаке будет держать. Сельчане выдавать его не станут – нет от этого им никакой выгоды, напротив, даже вред. Иное дело, если и они заинтересованы в том, чтобы тайной торговли не было. Тогда между продавцом вина и потребителями возникнет борьба. Организовать эту борьбу и составляет искусство и обязанность администрации.

С 1894 г. удалось достигнуть и этого и найти способ к прекращению шинкарства даже в тех селениях, где винной лавки нет. С этою целью предложено тем сельским обществам, которые содержат винные лавки, поделиться винными доходами с соседними обществами, если они станут покупать вино только в их лавках: к каковым относятся все те хутора, что состоят со слободами в одних приходах. Сперва согласилось на это Мирошниковское общество, а потом и Тарасовское. Мирошниковское вошло в сношение с состоящим с ним в одном приходе Гордиенковским обществом делиться винными доходами по числу ревизских душ. Гордиенковское общество выбрало от себя винного надзирателя. Сельский его староста с писарем стали ревизовать винную лавку в сл[ободе] Мирошниковой посменно, через каждую неделю, с Мирошниковским сельским управлением, и получать тоже за это вознаграждение. В результате многочисленные существовавшие ранее в Гор-

диенкове шинки тотчас же закрылись. С 1895 г. примеру их последовало Тарасовское общество с Дорошевским, но только соглашение их коснулось ассигновки всего дохода от винной торговли на ремонт священнического дома. Шинки и в хуторе Дорошеве также прекратились. Вот как много значит пробудить в обществе интерес к предпринятому делу. Впрочем, успех различных сельских потребительных лавок давно уже повсеместно это доказал на торговле материалами производств для кустарей и съестными припасами. Никогда не искоренятся тайные места продажи питий при том способе, который принят казною, а именно с помощью полицейско-предупредительных и карательных мер. Полиция и теперь обязана следить за беспатентной торговлей вином, а делает ли это она? Восемь лет подряд торговал один торговец мануфактурными товарами в Тарасовской волости вином из мануфактурной лавки своей без патента и нажил себе большие капиталы, а полиция знала это и не только не преследовала, но и сама напивалась у него бесплатным вином и поправляла свои карманы. Также будет и при казенной продаже вина.

Что же касается корчемства, т.е. тайного винокурения или торговли неоплаченным акцизом спиртом, то в районе общественной виноторговли об этом и понятия не имеют.

VIII. Попечительства и общества трезвости

Значение общественной помощи в деле прекращения злоупотреблений по торговле вином сознало и Министерство финансов и пригласило на помощь себе общество, организовав особые учреждения – попечительства о народной трезвости. В состав их входят предводитель дворянства, исправник, акцизные чиновники, земские начальники, судьи, учителя, духовные лица и жандармская полиция и особые попечители трезвости, приглашаемые из местных обыва-

телей теми же попечительствами. Министерство финансов предполагает, что члены попечительств о народной трезвости будут следить за беспатентной торговлей вином, за злоупотреблениями в трактирах, за правильностью торговли со стороны казенных приказчиков и, наконец, внушать населению сознание о необходимости воздержания.

Однако такие же задачи возложены были по Питейному Уставу 1885 г. и на нынешние питейные присутствия, обязанные по закону пещись о соответствии числа питейных заведений с действительною потребностью населения, о прекращении спаивания народа вином, об устранении от виноторговли вредных лиц и проч. В питейные присутствия также могут приглашаться радетели народных интересов из частных лиц, также могут они делать заявления о нарушениях Питейного Устава. Но за все десять лет существования Питейного Устава 1886 г. функционировало ли правильно хотя бы одно питейное присутствие, приглашено ли в члены их хотя одно лицо из числа сочувствующих уменьшению народного пьянства? Как в настоящих питейных присутствиях все дело сводится лишь к подписанию протоколов не открывавшихся в действительности заседаний присутствия, составленных акцизным чиновником и принесенных членам присутствия его сторожем, так будет это и в попечительствах о народной трезвости. В самом деле, в попечительство входят те же самые члены, что заседают и теперь в питейных присутствиях, – лица, участвующие в них не по духовному своему расположению к кругу занятий попечительством, а обязанные принять в них участие в силу тех должностей, которые они занимают. Скажите, может ли заботиться о народной трезвости человек, у которого с вчерашней попойки болит голова? Наша провинция блещет примерами самого безбашенного пьянства и безумных выходок даже высших уездных чиновников. Увидит ли кто в столице обывателя в мундире

верхом на корове, визиты делающего в большой праздник? Увидит ли кто картину, как чиновника под смех веселых блондинок сержанты-подчиненные мертвецки пьяного за ноги вытаскивают из грязной лужи на улице? Какие же они члены попечительства трезвости! Да ведь это ирония одна! Кто же решится этим господам, имеющим силу в обществе и внушающим страх обывателю, в заседании попечительства заявлять о необходимости умеренности в потреблении напитков и этим, так сказать, тыкать им в нос? Как могут эти господа преследовать тайное спаивание народа вином, когда они сами у тех же «вампиров»-шинкарей напиваются допьяна? Кто знает наши уезды, тот скажет, что из minimum четырнадцати обязательных членов попечительства вряд ли найдется один или двое, которые не упиваются вином до потери сознания. Наконец, кто же из членов попечительства примет на себя обязанности сыщика и станет обнаруживать в частных домах тайную торговлю вином? Никакие почетные знаки и мундиры для членов-соревнователей к этому не привлекут порядочных лиц, а дозволить врываться для составления протоколов в частные дома людям ненадежным и притом безответственным за злоупотребления чрезвычайно неудобно и может вызвать массу крайне нежелательных осложнений, породить даже вымогательство, что и замечается на примерах попечительств о народной трезвости в четырех восточных губерниях.

В очень редких местах они проявляют живую деятельность, устраивая для народа чайные и чтения. В огромном большинстве, если это и предпринимается ими, то лишь для отвода глаз и ведется кое-как. Никакого влияния на уменьшение шинкарства, и на правильность виноторговли они не оказали. Напротив, несмотря на их присутствие, шинкарство и неизменное его последствие – повальное народное пьянство – растут не по дням, а по часам, даже там, где на-

шлись среди членов попечительства лица деятельные. В селениях же значение таких попечительств ничтожно.

Между тем попечительства трезвости, по идее своей, имеют за собою несомненную жизненную силу, что и доказывается самостоятельным возникновением многих частных попечительств или так называемых обществ трезвости, несмотря на целый ряд мытарств по испрошению разрешений на функции. При помощи правительства эти попечительства могли бы приобрести большое нравственное влияние на общество и, числя в составе своем членов, трезвых не по предположению, но в действительности, могут оказать правительству реальную помощь по прекращению злоупотребления в народе спиртными напитками. Такие попечительства привлекут к себе много хороших членов общества возможностью поработать на пользу народную устройством чайных, народных чтений и т.п. Из этих попечительств или обществ уже многие заявили себя полезною деятельностью. Они действительно имеют нравственную силу, потому что члены их сами по себе трезвые люди. В составе их числятся лица, принадлежащие и к судебному ведомству, и к администрации, и учебному персоналу, и духовенству, но излишеств в потреблении спиртных напитков они не допускают. Врываться в частные дома и составлять протоколы о нарушениях Питейного Устава они не будут, но в своих печатных органах, на своих собраниях они не постыдятся обличить народных хищников, так как им не предстоит нужды стыдиться поступков своих же сочленов. Будут, пожалуй, особенно на казенные деньги, устраивать народные чайные и установленные попечительства о народной трезвости, но в этих чайных будет продаваться в чайниках, вместо чая, водка с бальзамом; будут устраивать и чтения, но так, что поскучавший на них хоть один раз слушанием бормотания о необходимости трезвой жизни полупьяного лектора больше

туда и не заглянет. Поставленные правительством попечительствам о народной трезвости задачи слишком живы, чтобы осуществление их можно было вручить механическим исполнителям. Они могут оказать пользу только при одном условии, чтобы в составе их не было членов, предающихся пьянству, хотя бы последние и принадлежали к духовенству, администрации и учебному ведомству. А *общую* полицию так и вовсе следовало бы исключить из числа ее членов, так как каждое заявление члена попечительства о злоупотреблениях будет служить укором полиции в нерадении. Можно, однако, с уверенностью сказать, что если где совершается беспатентная торговля, если где происходит незаконное распитие питий, то это может совершаться только с ведома местной полиции, как низшей, так и высшей. Тот, кто знает нашу пьяную уездную жизнь, тот вполне согласится с этим. Ввиду же приглашения правительством общества к содействию ему на пути искоренения народного пьянства, желательно было бы разрешить участие в попечительствах о народной трезвости возможно большего числа лиц, действительно трезвых и главным образом желающих содействовать распространению трезвости, и вместе с тем предоставить им право исключать из своей среды тех членов, которые излишествуют в потреблении спиртных напитков.

Возложенные на казенные попечительства о народной трезвости обязанности могут быть исполнены ими только в том случае, если члены их вложат в дело трезвости свою душу. Без нее же попечительства эти поистине мертворожденное дитя.

Во всяком случае, действие попечительств о народной трезвости будет лишь паллиативом. Влияние их можно приравнять ко влиянию деревенской интеллигенции при общественной винной торговле. Попечительства будут иметь лишь нравственное влияние, что и доказывается восточны-

ми губерниями, в которых при отличной энергии некоторых попечительств о народной трезвости шинкарство достигло настолько широких размеров, что повредило успеху казенной продажи вина в экономическом отношении, если верить печатному извещению[1], что в Уфимской губернии в 1895 г. недовыручено против 1894 г. – 185 тысяч рублей и не получилось для населения даже нравственной пользы.

IX. Враги народной трезвости

В борьбе с шинкарством и злоупотреблениями по винной торговле на нравственных принципах ничего нельзя сделать, тем более что как общественная, так и казенная продажа вина имеют огромную армию недоброжелателей.

Прежде всего заклятым врагом своего благополучия является тот самый народ, ради спасения которого предпринята реформа. Значительная часть народа в районе общественной винной торговли осталась в высшей степени недовольною стеснением его винной свободы: «Без кредита нам нельзя; нам вино нужно; иной раз и пуд хлеба за шкалик отдашь, коли треба». Недоволен он также невозможностью распития питий в лавках. Вино приходится теперь пить среди семьи, которая и сама не прочь принять участие, а при большой семье много ли достанется на долю главы дома? Пьяницы проклинают общественные лавки. Среди крестьян только немного находится умных из состоятельных домохозяев, особенно которых ранее, при существовании кабатчиков, обкрадывали, кои довольны новым порядком виноторговли и поддерживают на сходах учреждение общественной продажи.

[1] В № 7192 «Нового времени» напечатано: «Казенная продажа вина в Уфимской губ[ернии], по словам “Сиб[ирского] Вестн[ика]”, пока дала неблагоприятные результаты. Оказывается, что недобора против прежних лет получилось 185 т[ысяч] р[ублей], причина чему – распространенность в той губернии тайного винокурения и беспатентной продажи вина». – *Прим. авт.*

Своим поведением народ побуждает принять против него самые крутые меры. Быть может, правительству в предупреждение скандалов и грабежей придется также лишить его права входа в винную лавку. Затем, постоянным потворством тайной торговле вином он, в том числе и интеллигенция, заставляет учредить над своею домашнею жизнью более строгий правительственный надзор, а охотным послаблением всяких нарушений правил виноторговли, клонящихся к его личной выгоде, заставляет усиливать надзор за торговлею. Таким образом, меры предупреждения нужно принять прежде всего по отношению к самой публике, самому потребителю вина, который составил себе взгляд на казну как на возможный источник для своего личного обогащения. И чем противоположнее его прямой интерес казенному, тем более склонен он к противодействию направленным к его же благу правительственным мероприятиям. В тех местах, где народ не сознает прямой своей выгоды от правильности торговли в общественных винных лавках, там он не способствует прекращению злоупотреблений и заставляет считать его врагом, а не доброжелателем порядка. Строгость же надзора за шинкарством может возбудить против казенной продажи вина глухой ропот в местном населении.

Сильное неудовольствие возбудила общественная виноторговля в сельской полиции. Как бы то ни было, она все-таки кормилась возле кабатчиков. Деревенскую полицию нельзя даже и назвать полициею в строгом смысле. На должности полицейских сотских выбираются неграмотные, те же крестьяне, готовые за стакан водки служить кому угодно. Лишившись заработка, все они стали против общественной виноторговли в сильную оппозицию. Казенную продажу вина ввели, но одновременно жалованья полиции не прибавили и таким образом, лишили ее средств к жизни. Из приглашенных по Положению о по-

печительствах членов-соревнователей ни один не посмеет рта даже разинуть о нарушениях где-нибудь Питейного Устава. Если представитель общей полиции об этом молчит, хотя и знает, значит, он здесь заинтересован, обозлится на замечания и отомстит; если же молчит потому, что не знает, тоже обидится за указание на то, что недоглядел.

Министерство финансов рассчитывает найти в чинах акцизного надзора деятельных помощников и проводников своей идеи, – оно ошибается. Многие акцизные чины с чрезвычайным неудовольствием встретили реформу. С этим министерству придется бороться. Ведь установлен уже тот факт, что многие из занимавших главный административный пост в губернии, призванные быть руководителями судебно-административных учреждений, были противниками этих самых учреждений и положительно тормозили всякое проявление их живой деятельности. Прямого противодействия, как в сельских должностных лицах, от акцизных чинов, конечно, нельзя ожидать, но своим пассивным отношением они могут провалить казенную продажу вина на первых ее шагах. Если же заинтересовать их известным процентом доходности, то они споят народ не хуже кабатчиков. А с другими ведомствами разве не придется считаться? Каждый чиновник, занимающий мало-мальски видный пост, забывает, что он ни более ни менее как исполнитель, или охранитель законов. Получив власть применять их к людям, он воображает уже себя правым не только критиковать законы по их существу, но и применять или не применять их в жизни, по своему усмотрению.

Введение общественной виноторговли встретило непонятную, какую-то бешеную злобу в других лицах. На замечания, что она проводится ради исполнения строжайших требований министерства – уменьшить народное пьянство, с целью действовать не карательными мерами, а

предупредительными, лицо, долженствовавшее помочь в осуществлении благого дела, ответило буквально так: «Я нахожу, что этим напрасно стесняется народная свобода. Пьянствуем же мы всю ночь напролет в клубах, почему не предоставить и мужику напиваться пьяным в кабаках, если это ему нравится?» И он, этот поборник винной свободы, деятельно противодействовал общественной виноторговле. Вот с каким рядом противников реформы приходится уже теперь иметь дело Министерству финансов. При введении общественной продажи вина вся тягость борьбы за спасение населения от хищников-кабатчиков вынесена была на одних только плечах, без какой-либо поддержки. Даже лучшие люди, и те, среди грома нападок, лишь робко осмеливались высказывать свое одобрение, как бы боясь рассердить тем недоброжелателей, и так, в одиночестве, ведется у нас в России борьба за всякий прогресс. Потому-то и тяжело проводить в жизнь какие-либо благие начинания. Кабацкая сила велика. Ее нельзя видеть только в одной чуйке; она носит и фрак; она скрывается и под мундиром. В самом деле, представьте себе базарную площадь в большом селе, приносящую владельцу ее 6000 руб. в год. Девять частей этой суммы уплачивают кабатчики. С введением казенной продажи вина эта же площадь станет приносить дохода 600 р. Может ли владелец площади равнодушно отнестись к потере дохода? Кабатчики не уступят без боя своих доходов – своего хлеба, как говорили камышинские кабатчики, – и примут все меры к тому, чтобы провалить казенную продажу вина.

Общественная виноторговля со стороны тех, кто ранее торговал вином, возбудила сильную злобу. Сперва они деятельно работали на том, чтобы побудить признать общественную виноторговлю несостоятельною. Затем интриговали лично против виновников ее. При оказывавшейся им сильной поддержке они доходили до самых гряз-

ных выходок. Они и теперь все время деятельно агитируют за передачу виноторговли снова в их руки, подпаивая горлопанов и обещая мужикам кредит на вино. Летом 1895 года они добились-таки принципиального согласия на передачу виноторговли в их руки и деятельно стали интриговать среди крестьян, чтобы получить требующийся для этого приговор. Прослышав про желание мужиков сдать общественную виноторговлю снова в руки частных лиц, к местному земскому начальнику явилась депутация женщин слободы Красного Яра и просила не допускать этого. «Мужики все пропивали у нас, – жаловались бабы, – теперь только мы обновы и надели. Теперь только мы и дети наши стали сыты». Такая же депутация женщин являлась к одному из земских начальников Сычевского уезда Смоленской губернии из Кабановской волости, просить – не допускать кабатчиков в их село. Тот же отзыв деревенских женщин, по свидетельству печати, единодушно раздается и в четырех восточных губерниях.

Слова женщин напомнили прежние душу раздирающие сцены. Кому из жителей не случалось видеть, как мужика, украдкой несущего под полою сарафан, возле самого кабака настигает баба и с воплями силится отнять у него последнюю свою смену одежды. Собравшиеся бабы стараются помочь бедной женщине. А вышедшие из кабака пропойцы помогают мужику и, одолев, возвращаются в кабак праздновать победу. И не права ли местная администрация, если она не осталась глухою к стонам забитой русской женщины, если она слышит плач голодных детей, и, несмотря на желание большинства крестьян в слободе Красном Яре передать винную торговлю снова в руки кабатчиков, стала на сторону женщин и оставила по-прежнему спасительную организацию общественной продажи вина. Однако усилия ее единичны. Ввиду оказываемой кабатчиком помощи весьма возможно, что они

достигнут своих целей[1], и потому в высшей степени желательно, чтобы правительство обратило внимание на эту организацию и воспользовалось ею для достижения более благотворных результатов в нравственном отношении от взятия торговли вином в руки казны.

X. Казна и общество

Не заинтересовав общества существенно в правильном ходе виноторговли, нельзя добиться благотворных результатов. Общество всегда будет смотреть на казну как на источник личного обогащения и всегда будет прикрывать шинкарей. К этому побуждает потребителей даже моральное чувство. В самом деле, шинкарь не отпустит вина тем, кто, заведомо ему, донесет о нем. Он продает вино только тем, кто дает ему слово его не выдавать. Кто же из маломальски не потерявших совести людей решится нарушить свое слово и предать суду того, кто сделал ему по его же просьбе одолжение отпуском вина? Поступивший так отличился бы черною неблагодарностью. Соседям же до покупки кем-либо вина в казенной лавке или у шинкаря нет никакого дела. Иначе, однако, предстоит дело, если местное общество прямо и чисто материально заинтересовано в правильном ходе продажи питий. Тогда оно, как в районе общественной продажи вина, будет стремиться к искоренению неправильности. Увидя, что сосед его, покупая вино у шинкаря, тем лишает его дохода, обыватель тотчас же запротестует и потребует прекращения злоупотребления. Почему же не повести так дело и казне?

[1] В феврале месяце 1896 г. общественная виноторговля в сл[ободе] Красном Яре закрыта и передана кабатчикам за 1700 руб. в год, за сумму, в три раза меньшую против выручавшейся при общественной продаже вина, а именно 5329 руб., полученных в 1896 г. На жителя же плата от кабатчиков составит вместо 66 копеек, причитающихся на одну душу при общественной продаже вина, только 21 к. – *Прим. авт.*

Общественные лавки по существу своему от казенных разнятся только названием. Самая же организация их и надзор несомненно крепче, чем в казенных, так как кроме общих акцизного надзора и полицейского учреждены еще надзоры административный и общественный.

Правительство, по словам его, главною целью питейной реформы поставило нравственную. Нравственная цель достигнута общественными винными лавками самым блестящим образом, и притом в нескольких разнородных местах. Повсюду дала она отличные как финансовые, так и нравственные результаты. Следовательно, нравственная цель может быть достигнута правительством без всяких хлопот для себя, теми самыми органами, которые функционируют и теперь, и без всяких для себя затрат. Поэтому было бы в высшей степени желательным, чтобы, наряду с опытом от финансового ведомства, администрация, не менее заинтересованная в казенной продаже вина, пошла навстречу начинаниям правительства. Если бы хотя в одной из губерний введена была на всем районе губернии общественная продажа вина, то, наряду с опытом казенной продажи вина, получились бы опыты и общественной, тем более что введение последней благодаря институту земских начальников не стоило бы казне ни малейших хлопот. Обратить на это внимание следовало бы потому еще, что в Министерстве финансов в настоящее время уже решен вопрос о повсеместном введении казенной продажи вина. Осенью текущего же года есть полная возможность приступить к постановке дела. Если крестьянские общества и не согласятся в некоторых местах на ведение винной торговли, то, во всяком случае, прекращение виноторговли будет лучше, чем нахождение ее в распоряжении хищников. Уездные же съезды, ради блага населения, могут, несомненно, отменять приговоры о сдаче винной торговли частным лицам. На каждые три земских участка будет совершенно достаточ-

но одной ведерной лавки, которая может войти в сношение с заводами об отпуске вина для снабжения всего района. Кредит на вино из заводов поможет уплатить расходы на полугодовые патенты в течение даже первых двух недель торговли: чистая прибыль пойдет затем на приобретение оборотного капитала. Если опыт по всей губернии окажется так же удачным, как и по четырем волостям Камышинского уезда, то останется только применить его по другим губерниям. Это было бы тем более уместным, что смоленское губернское земское собрание уже возбудило ходатайство о скорейшем введении в губернии казенной продажи вина ради прекращения народного пьянства. В селениях ввести общественную продажу вина не составляет никакого затруднения. Что же касается городов, то городские общества еще лучше могут повести это дело. При условии выдачи особенным наблюдателям за шинкарством некоторого процента от винных лавок город имел бы в лице их лучших преследователей тайной торговли вином, которые повели бы это дело гораздо практичнее полиции. При нежелании городских обществ взять виноторговлю в свои руки правительство могло бы ввести в городах казенную продажу вина. Трактирные заведения для простого народа можно поставить на тех же началах, что были в Сарепте или практиковались шведскими благотворительными обществами. Рюмочную продажу вина можно было бы свободно заменить продажею вина в запечатанной посуде по мелким частям, в объеме 1/200 ведра, как это и теперь имеет место при продаже различных настоек.

Вместе с тем и Министерство финансов в одной из юго-западных губерний могло бы заинтересовать местные общины в правильном ведении казенной продажи вина выдачею им части винных доходов на их общественные нужды.

Если же фискальные цели в питейной реформе также играют роль, то и в этом случае при общественной продаже

вина казна может вознаградить себя, обязав сельские общества часть своих винных доходов отчислять в казну на пополнение ее потерь. Скажем более, казна должна даже взять себе по крайней мере половинную долю.

В Уфимской губернии в 1895 году, как выше было сказано, от казенной продажи вина получился дефицит в 185 тысяч рублей. При исключительно же общественной винной торговле, с сохранением существующей системы взимания акциза и патентного сбора в случае убытка от торговли казна ничего бы не потеряла, так как на акцизе и патентном сборе она свое бы получила. Но при доходе получила бы некоторую часть, без всяких для себя хлопот, кроме контроля счетов.

В то же время, дав в районе казенной продажи вина сельским обществам некоторую часть винного дохода, казна нисколько от этого не потеряет, так как этим возбудится интерес общества к увеличению доходности казенной виноторговли; общество станет преследовать шинкарей, а с прекращением шинкарства доход казны увеличится. По исчисленным данным, полагая для казны чистого дохода 29 к. на жителя, на 100 миллионов жителей казна выручила бы лишних против настоящего питейного дохода 29 миллионов рублей. При постановке же виноторговли совместно с общественною вместо 29 миллионов лишнего годового дохода она получит только 14½ миллиона, но снимет с плеч своих страшную обузу. Лишать же сельские и городские общества вовсе доходов, как это делается теперь при введении в местности казенной продажи вина, не следовало бы для того, чтобы они всегда чувствовали себя заинтересованными в правильном ведении винной торговли.

Таким образом, получились бы опыты: 1) исключительно казенной продажи вина, 2) исключительно общественной и 3) казенной и общественной вместе. Прави-

тельству оставалось бы только выбирать из них наиболее удачную форму виноторговли.

Вся реформа общественной продажи вина может быть проведена в два, три года, без малейших затрат для казны, каковых бы не было даже на текущее наблюдение за питейными заведениями. Но, главное, не было бы той ломки, что теперь совершается. Осталась бы та же система взимания акциза, патентного и раскладочного сборов, к коей привыкли и население, и акцизные чиновники. Новая же обязанность не только не составит затруднения для администрации, но даже облегчит ее, так как ей в настоящее время гораздо труднее бороться с народным пьянством. Вместе с тем учреждение общественной виноторговли может вызвать сокращение штата полиции, главные хлопоты для которой и доставляют только кабаки. Предварительно, перед открытием казенной продажи вина, заменою частного винного промысла общественным казна избавится от весьма крупных расходов, необходимых на устройство этой продажи, а также и от излишних трат на устройство мест торговли в большем числе, чем это требуется, или не в надлежащем районе. Один из казенных водочных складов в четырех восточных губерниях был закрыт вследствие ненадобности, и деньги, таким образом, на постройку его потрачены напрасно. Общественные лавки лучше всего укажут, как и где нужно поставить торговлю; кроме того, они подготовят надлежащий штат служащих лиц, что составляет весьма трудную задачу: несмотря на установленный строгий ежедневный контроль над общественными лавками, случаи растрат приказчиками денег бывают очень часты. Не предвидится особенной необходимости для казны изменять вышеприведенный порядок надзора за общественными винными лавками – сельская администрация делает это прекрасно и, не будучи лишенною вознаграждения, будет даже благодарна казне. Для

введения опыта казенной продажи вина в юго-восточных губерниях на устройство помещений ассигновано несколько миллионов рублей. Между тем, когда казна станет принимать общественную продажу вина в свои руки, ей не потребуется расходов ни одной копейки: ей нужно лишь назвать общественные лавки «казенными», как и теперь их называют крестьяне, и объявить обществам, что стоимость хранящегося в лавках спирта и помещений зачитывается по действительному расходу в уплату повинностей. Так же просто и легко введется казенная продажа вина по всему пространству Империи, если предварительно частный винный промысел будет заменен общественным.

Во всякому случае правительству останавливаться на полдороге нет основания, и вряд ли возможно рассчитывать на развитие общественной виноторговли вместо казенной. Но у казны есть полная возможность во всякое время облегчить себе достижение намеченных целей как в нравственном, так и финансовом отношениях – предоставлением местному обществу участия в прибылях от казенной продажи вина. Раз только общество будет материально заинтересовано в правильности виноторговли, оно энергично запротестует против шинков и тем облегчит правительству осуществление задуманного им великого экономического и нравственного предприятия – спасения русского народа от спаивающих его хищников-кабатчиков путем совершенного их уничтожения.

Ради облегчения правительству исполнения этой огромной важности задачи и предпринято настоящее издание.

XI. Рациональная постановка продажи вина

Беспристрастно обсуждая все три вида торговли водкою, нельзя не прийти к заключению, что в интересах фиска и народного благосостояния каждый из них имеет свои и хорошие, и дурные стороны.

Частная виноторговля вредна тем, что при ней народ спаивается, а шинкарство составляет обычное явление. Но за нею есть одно незаменимое преимущество: при ней очистка спирта производится лучше, что возможно лишь при условии свободно конкурирующей техники и никогда не достигается ни при казенной, ни при общественной продаже вина. При обеих последних чиновники не станут заботиться о здравии народном. Жалобы же на них будут выстрелом в воздух.

При казенной монополии корчемство и шинкарство неизбежны. Вместе со взяточничеством чиновников они истощают финансы государства и развращают народ. В казенной монополии есть одна лишь хорошая черта – возможность строгой отчетности по самой продаже вина.

Главное же отличие общественной торговли вином заключается в отсутствии корчемства и шинкарства, но зато в смысле отчетности и техники производства она уступает предыдущим.

Прекратить потребление водки немыслимо. Запретить торговлю ею бесполезно – это вызовет корчемство. Государству остается лишь мириться со злом и изо всех трех видов торговли вином выбирать тот, при котором зло становится наименьшим. Но все три вида достаточно испытаны, и все одинаково доказали свой вред. Единственным выходом из этого лабиринта может служить сочетание лучших сторон каждого вида виноторговли, тем более что дурная сторона одного исчезает иногда в другом.

По изложенным данным наиболее полезною будет следующая постановка торговли водкою.

1) Существующие акцизная и патентная системы сохраняются в неприкосновенности.

2) Продажа вина производится из особых лавок и только в запечатанной посуде, без права распития в лавке, и, в предупреждение последнего насильственным образом, без права покупателя входа в лавку.

3) Винные лавки составляют принадлежность местного общества, сельского или городского, и состоят в его заведовании. В трактирах продажа водки совершается также от общества и только в запечатанной посуде (до 1/200 ведра).

4) Приказчики назначаются местною общественною администрациею (сельский староста, городской голова) с правом увольнения их за нарушение правил продажи общею администрацией.

5) Казна получает половину или бо́льшую часть чистой прибыли от продажи вина и чрез акцизный надзор контролирует торговлю. Надзор за приказчиками, состоящими на строжайшей отчетности, производится еще администрацией и выборными от общества надзирателями, всеми ими вполне самостоятельно, ежедневно и внезапно. Отобрание денежной выручки совершается ежедневно общественною администрацией.

6) Выборные от местного общества наблюдают за корчемством и шинкарством и получают некоторое вознаграждение с каждого проданного из винных лавок ведра вина. Общественная администрация за контроль торговли получает определенное вознаграждение с каждой винной лавки, но не по количеству проданного вина.

7) Винокурение и оптовая продажа вина предоставляется частным лицам, но с ограничением для них продажи водки только в винные лавки и отнюдь не частным лицам.

8) Некоторый процент от чистого винного дохода отчисляется в пользу местного общества трезвости, которое через своего представителя допускается к рассмотрению счетов по винным лавкам.

Таким образом, в правильности виноторговли и доходности ее будут заинтересованы: 1) казна, 2) администрация (на уменьшении пьянства), 3) общество как юридическая единица и 4) частные лица. Вместе с тем никто из них мешать друг другу не будет и ломки всей существующей си-

стемы не произойдет. Стремление же их к увеличению своей части доходности вызовет наблюдение за корчемством и шинкарством, которые могут быть искоренены лишь при дружных усилиях всех их вместе. При вводимых же теперь условиях продажи вина эти элементы государства работают как лебедь, щука и рак, а пьянство народное с неизбежными его спутниками – нищетою и нравственною распущенностью народа – и поныне в полной силе.

Приложение.
Приговор Тарасовского сельского схода (копия)

1892 года, декабря 23-го дня. Мы, нижеподписавшиеся Саратовской губернии Камышинского уезда Тарасовской волости государственные крестьяне Слободы Тарасовой из 157 домохозяев, имеющих право голоса на сельском сходе, всего 105 человек, которые и подписали настоящий приговор, по распоряжению сельского старосты Слободы Тарасовой Никиты Карыжского, были собраны на сельский сход, на котором имели суждение о том, что Слобода Тарасова относится к таким селениям, в котором можно открыть винную лавку, имея в виду, что с преобразованием нового Положения о питейных заведениях общество, хотя имеет право брать арендную плату с лиц, открывающих заведения, но таковая, как это уже известно, очень ничтожна, почему, обсудив подробно этот вопрос с целью уменьшения пьянства, развивающегося от сидельцев и тайных заведений, мы постановили: открыть в слободе Тарасовой винную лавку на общественные средства, доход с которой обратить: $^{1}/_{10}$ часть в пользу Сиротского приюта, $^{1}/_{10}$ часть на усиление канцелярий волостной и сельской, $^{8}/_{10}$ частей на уплату повинностей. Если же питейное присутствие найдет за нужное открыть в слободе

Тарасовой еще винные лавки, то открыть на общественные средства и остальные. Для ходатайства по сему делу и получения разрешения избираем уполномоченного крестьянина Слободы Тарасовой Ивана Иванова Кропивенко, коему доверяем получить, где следует, патент на винные лавки, а также и другие документы, исключая лишь приказчичьего свидетельства, которое должно быть взято на средства приказчика; на эти расходы мы назначаем 200 рублей, а насчет наблюдения за правильностью торговли и счетоводства просить волостное правление и сельское управление, которое имеет ревизовать приказчика во всякое время, в чем и подписуемся. Подлинный приговор за подлежащим подписом.

С подлинным верно: Тарасовский
волостной старшина Бондаренко.
Волостной писарь П. Ардюков.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Министру внутренних дел проживающего в С.-Петербурге, Лиговка, 29, дворянина Николая Николаевича Жеденова

Прошение

В поданной 9 сего марта через С.-Петербургского градоначальника, генерал-майора Драчевского[1], жалобе в Правительствующий Сенат, копию с которой не могу представить Вашему Высокопревосходительству вследствие неожиданного и противозаконного присвоения ее 11 сего марта г[енерал]-м[айором] Драчевским, я обязался представить Правительствующему Сенату доказательства преступлений должности, за нежелание прикрывать и участвовать в которых я был уволен г[енерал]-м[айором] Драчевским от должности делопроизводителя канцелярии градоначальника без прошения. Установить эти злоупотребления, могущие доказать Правительствующему Сенату пристрастие

[1] Драчевский Даниил Васильевич (29 марта 1858 – 1918(?)) – русский государственный деятель. С 1907 по 1914 гг. – петербургский градоначальник. В 1915 году против Драчевского было возбуждено уголовное дело о растрате 150 тыс. руб. из сумм газеты «Ведомости Петроградского градоначальства». Следствие не было окончено вплоть до Февральской революции. Тогда же Драчевский был исключен из Свиты Его Императорского Величества.

и личность, допущенные по отношению ко мне г[енерал]-м[айором] Драчевским, и дать Сенату основание к отмене приказа об увольнении, я могу лишь при содействии установленной для сего власти.

Ввиду сего имею честь просить Ваше Высокопревосходительство о соответствующем представлении на предмет выяснения и установления обеспечивающею истину властью перечисленных в жалобе моей в Правительствующий Сенат преступлений должности по нижеследующим данным и о привлечении виновных к законной ответственности согласно ст[атьям] 338, 341, 354, 356, 362, 366, 376, 377, 380, 399, 403, 406 Улож[ения] о нак[азаниях]. При сем приемлю смелость доложить о личном моем убеждении, что лучшим к тому способом, обеспечивающим беспристрастность, законность и истину, полагал бы в ревизии через Правительствующий Сенат. О решении Вашего Высокопревосходительства прошу мне объявить.

Лихоимство

До 1906 года от личного усмотрения градоначальника в столице зависело разрешить новое общественное собрание или на основании ст[атьи] 321 т. II Св[ода] Зак[онов] закрывать собрания клубов, доводя, однако, в последнем случае до сведения Министерства внутренних дел. 4 марта 1906 г. статья 321 была заменена новым законом, изъявшим собрания членов законно существующих обществ совершенно из ведения градоначальника, но с предоставлением ему права временно приостанавливать действия обществ, о закрытии же их предлагать на разрешение присутствия об обществах.

В 1906 г. убитый градоначальник г[енерал]-м[айор] В. Ф. фон дер Лауниц[1] так и поступал. Г[енерал]-м[айор]

1 Фон дер Лауниц Владимир Федорович (1855–1906) – российский военный и государственный деятель, генерал-майор. 21 декабря 1906 г. застрелен

Драчевский, вступив 17 января 1907 г. в отправление должности градоначальника и узнав, что присутствие об обществах строго придерживается Указа Правительствующего Сената устанавливать азартность судебным порядком и совершенно не склонно потакать по отношению к обществам произволу администрации, приказал применять к тем обществам, которые, согласно уставам своим, допускают какие-либо игры, отмененную статью 321 закона. После доклада моего в качестве секретаря присутствия и в силу ст[атьи] 115 т. II Св[ода] Зак[онов] о преступности такого служебного действия, составляющего превышение власти, с подложным притом указанием на существование заведомо отмененного закона, по приказанию г[енерал]-м[айора] Драчевского составление преступных постановлений возложено было на делопроизводителя Калиша, который применил отмененную статью закона к следующим обществам: 1) 13 марта к Петровскому яхт-клубу, Собранию охотников, Балтийскому собранию, Чернореченскому общественному собранию, Русско-эстонскому собранию, Собранию велосипедистов-любителей, Художественно-артистическому собранию, Собранию любителей автомобильного, буерного и лыжного спорта и Музыкально-драматическому кружку любителей. 2) 17 марта к Собранию деятелей печатного дела. 3) 23 марта к С.-Петербургскому железнодорожному клубу и Собранию служащих в кредитных учреждениях. 4) 25 марта к Екатерининскому Собранию в С.-Петербурге. 5) 5 июля к С.-Петербургскому общественному собранию любителей автомобильно-велосипедного спорта. 6) 8 июля к Собранию любителей автомобильного спорта и Всероссийского спортивного клуба и 7) 1 августа к Собранию фотографов-любителей (за нарушение подписки о неигре

террористом Кудрявцевым во время церемонии открытия Клиники института экспериментальной медицины.

в карты, разрешенной Уставом). В постановлениях, касающихся этих клубов, значится, что градоначальник «воспрещает им всякие собрания для игры в карты как членов, так и гостей и посетителей» на основан[ии] ст[атьи] 321 т. II Св[ода] Зак[онов]. Лишение прав игры в карты, предоставленной по Уставу, явилось, таким образом, со стороны градоначальника превышением власти, причем требование ст[атьи] 321 доведения о закрытии собраний до сведения министерства исполнено не было. На рассмотрение же присутствия об обществах внесено было только о четырех обществах, хотя все перечисленные клубы обвинялись в одинаковом допущении азарта.

В августе месяце мне снова поручено было составить постановление о применении к Собранию коммерческих промышленников и техников статьи 321 за азартную игру, допущение посторонних лиц и женщин. Я снова доложил о противозаконности применения отмененной статьи закона, о необходимости установить азарт согласно разъяснению Правительствующего Сената судебным порядком, об отсутствии в законах воспрещения женщинам находиться среди играющих и последовавшем Указе Правительствующего Сената о том, что права вмешиваться во внутренний распорядок в обществе администрация не имеет, если только он не нарушает требований закона. Тогда г[енерал]-м[айор] Драчевский приказал, кроме 321 статьи, ввиду ее отмены применять еще и Положение о чрезвычайной охране, действительно предоставляющее градоначальнику право воспрещения всяких общественных и даже частных собраний. Представление же мое о неприменимости Положения о чрезвычайной охране, предназначенного для борьбы с народными бедствиями, к карточной игре вызвало у г[енерал]-м[айора] Драчевского сильнейшее неудовольствие.

После того были воспрещены с ссылкою на ст[атью] 321 и на Положение о чрезвычайной охране: 1) 8 авгу-

ста Собранию коммерческих промышленников и техников – всякие собрания. 2) 9 октября С.-Петербургскому музыкально-драматическому кружку любителей собрания для игры. 3) 23 декабря Собранию пожарных и страховых деятелей – собрания для игры и 4) 30 декабря Петербургскому общественному собранию любителей автомобильно-велосипедного спорта – всякие собрания.

5 февраля с.г. меня опрашивал о действиях г[енерал]-м[айора] Драчевского дворцовый комендант г[енерал]-м[айор] Дедюлин[1], которому, согласно долгу службы, я открыто показал о совершаемом г[енерал]-м[айором] Драчевским преступлении должности по применению отмененной статьи закона, притом с корыстной целью. Показания мои г[енерал]-м[айором] Дедюлиным, по су-

[1] Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, петербургский градоначальник (1905), дворцовый комендант, покровитель монархического движения. 31 декабря 1905 г. Дедюлин был назначен командиром Отдельного корпуса жандармов, а его место на посту градоначальника занял другой видный монархист В. Ф. фон дер Лауниц. В сентябре 1906 г. Дедюлин был назначен на должность дворцового коменданта, в которой состоял вплоть до своей кончины, входя в ближайшее окружение Императора Николая II. С 1908/1909 гг. – генерал-лейтенант и генерал-адъютант, с 1912 г. – генерал от кавалерии. Находился в оппозиции к П. А. Столыпину. Поддерживал дружеские отношения с командиром корпуса жандармов генералом П. Г. Курловым, чью кандидатуру на пост министра внутренних дел сразу же предложил Царю в 1911 г. после убийства Столыпина. Противник Г. Е. Распутина. Являясь дворцовым комендантом, продолжал покровительствовать монархическому движению. Во время раскола в Союзе Русского Народа (СРН) поддержал противников А. И. Дубровина, в качестве возможного руководителя СРН особо выделяя протоиерея И. И. Восторгова. К сторонникам Дубровина стал относиться негативно после подавления революции 1905–1907 гг., в марте 1908 г. откровенно заявляя, что СРН «был нужен, когда нужно было гнать красные тряпки, и в этом он оказал огромную услугу. А теперь он уже не нужен, красных тряпок на улицах нет […] теперь нужно иное». Среди монархических организаций особо покровительствовал Русскому Народному Союзу имени Михаила Архангела и лично его лидеру В. М. Пуришкевичу. Активно поддерживал Академическое движение, а его супруга Елизавета Сергеевна, урожденная Дохтурова, возглавляла возникшее по инициативе Пуришкевича «Общество содействия академической жизни высших учебных заведений Петербурга».

ществующей между ними с малых лет дружбе, были переданы г[енерал]-м[айору] Драчевскому, который тотчас уволил меня от должности без объяснения причин по третьему пункту 838 ст[атьи], дабы лишить меня возможности путем жалобы обнаружить его злоупотребления, но перестал все-таки применять не существующую уже в законах ст[атью] 321, продолжая воспрещать собрания за игру в карты на основании только Полож[ения] о чрезвычайной охране. Так, 10 февраля Собрание фотографов-любителей было закрыто, 28 февраля воспрещены всякие собрания Петровскому яхт-клубу и Обществу сценических деятелей только на основании Полож[ения] о чрезвычайной охране, без ссылки на ст[атью] 321.

Мои решительные доклады о преступности пользования отмененной статьею закона и Положением о чрезвычайной охране по отношению к играм вызывались опасением моим быть обвиненным в содействии лихоимству, так как, по отзыву ряда лиц, после всякого воспрещения собраний таковые вновь разрешались только тем, которые уплачивали за это разрешение начальствующим лицам зачастую крупные суммы денег. Вместе с тем г[енерал]-м[айор] Драчевский мог сослаться на то, что его обязанность только приказывать о составлении тех или других постановлений, а выставлять статьи закона – обязанность секретаря, почему на последнего, т.е. меня же, должна лечь вся ответственность за приведение несуществующей статьи закона.

Положение мое стало особенно щекотливым, когда мне было поручено противозаконно и насильственно, под угрозою недозволения действовать, требовать от обществ включения в уставы их различных условий, имевших целью найти возможно более предлогов для воспрещения обществам собраний путем придирок к нарушениям ими своих уставов, вопреки неоднократным разъяснениям Правительствующего Сената, что общества не могут быть

принуждаемы ко включению в свои уставы каких-либо условий деятельности, кроме точно указанных в законе, и что всякое нарушение внутреннего распорядка в обществе подлежит ведению исключительно самих членов обществ, разбирающихся о сем в судебных учреждениях. Между тем г[енерал]-м[айор] Драчевский не разрешал собраний законно существующим обществам до тех пор, пока общества не соглашались дополнить уставы обязательством представить описания игр, испрашивать разрешения его на каждую новую игру, не допускать женщин в карточные комнаты, вести запись членов в особых книгах с указанием времени и количества внесенного членского взноса, хотя присутствие об обществах неоднократно высказывалось за противозаконность предъявления подобных требований насильственным путем. Если же члены общества, имея законным порядком зарегистрированный устав с обусловленным правом игр, не желали подчиняться незаконным требованиям г[енерал]-м[айора] Драчевского и садились играть даже в безобиднейшие коммерческие игры, то г[енерал]-м[айор] Драчевский за это осуществление ими, против его желания, своих прав грозил высылкою из столицы на основании Положения о чрезвычайной охране. Так поступил он с членами правления общества фотографов-любителей, чем настолько запугал членов остальных обществ, что они уже не решались настаивать на своем законном праве. Такие требования казались тем более странными, что они применялись не ко всем клубам. Особенное недовольство вызывало запрещение допускать в собрания членов общества гостей, в то время как привилегированные клубы свободно пользовались этим правом, как дозволяемым и законом, и уставами. Такое насилие принудило общества зачислять постоянных посетителей в состав членов, чем внесено было карточное мошенничество в самую среду общественных собраний.

Ранее клубы, заметив некорректность посетителя, более не допускали его в свое собрание, а с зачислением, по рекомендации г[енерал]-м[айора] Драчевского, всех посетителей в члены стало невозможным избавиться от некорректных членов без общих собраний, на которых подлежавшие исключению, образовав особую группу, оказывали противодействие и, принудительно оставаясь в среде обществ, придавали им резко безнравственный характер. Вследствие протеста членов клубов 30 декабря 1907 г. г[енерал]-м[айор] Драчевский потребовал представления списков всех членов клубов с отметками, за что именно были удалены исключенные, на предмет, видимо, сообщения обществам о тех лицах, кои исключены за шулерство, но это не может улучшить состав обществ, так как ни один клуб, памятуя об ответственности за клевету, не решится сообщить о причинах удаления, если эти причины были судом не установлены. Ввиду этой именно сложности житейских отношений закон и предоставил общественным собраниям собственною энергиею избавляться от дурных людей. Противозаконное же вмешательство градоначальника парализовало это стремление обществ к предохранению себя от растлевающих общество элементов.

Допускавшиеся нарушения закона: превышение власти, вмешательство во внутреннюю жизнь и насилие над законными правами обществ – г[енерал]-м[айор] Драчевский объяснял желанием своим наблюсти общественную нравственность. Действия его, однако, совершенно этому противоречили. В № 106 «Ведомостей градоначальства» за 1907 год г[енерал]-м[айор] Драчевский объявил, что он борется лишь с клубным азартом, вводимым клубными антрепренерами, с соблазном, который вносят женщины, и в особенности с легким доступом к азарту «улицы», т.е. низшего класса населения. Между тем в Литературно-художественном обществе и Шахматном собрании и в

некоторых других привилегированных клубах, заведомо для г[енерал]-м[айора] Драчевского, идет беспрерывно азартнейшая карточная игра в макао, в которой принимают участие не только мужчины, но и женщины, и притом не только в качестве членов клубов, но также и гостей, и г[енерал]-м[айор] Драчевский азарта там в интересах общественной нравственности не преследует, карая за игру в макао другие клубы. Неужели такое предпочтение сделано только потому, что антрепренером клуба состоит пользующийся особым покровительством г[енерал]-м[айора] Драчевского антрепренер Брянский, он же содержатель и Русско-эстонского клуба, в котором азартная игра и участие улицы доведены до огромных размеров. Если азарт и «улица» являют собою безнравственность, то эти понятия одинаково приложены ко всем лицам и ко всем учреждениям, и вряд ли можно считать правильным взгляд, что у антрепренера Брянского клубный разврат окажет менее вредное влияние, чем у какого-либо другого антрепренера? Очевидно, что не желание искоренить безнравственность руководило г[енерал]-м[айором] Драчевским в его преследованиях тех клубов, которые не пользовались его покровительством. Вскоре же сознался в этом и сам г[енерал]-м[айор] Драчевский, объявив старшинам клубов, что он вовсе не против азартной игры вообще, но только против азарта в карты или другие игры, азартную же игру в лото даже поощряет. При этом г[енерал]-м[айор] Драчевский на сетование старшин о возможности падения доходности клубов при замене игры в карты игрою в лото сообщил им, что ростовские-на-дону клубы, введшие по его рекомендации игру в лото, имеют до 40 тыс. рублей годового дохода, почему он советует и столичным клубам завести игру в лото, с непременным, однако, введением машинок, которые можно выписывать из одной ростовской-на-дону фабрики. Преследуемые за игру в карты, даже

коммерческую, общественные собрания, по настояниям г[енерал]-м[айора] Драчевского, во избежание воспрещения собраний на основании Положения о чрезвычайной охране, стали вводить у себя игру в лото, машинки к которой выписывать из указанной г[енерал]-м[айором] Драчевским фабрики. Каждая машинка стоит около 300 руб. Если их выписано только 100 штук, то столичные клубы дали доход рекомендованной г[енерал]-м[айором] Драчевским фабрике не менее 30 тыс. рублей в течение одного только года. Это вызвало предположение, что г[енерал]-м[айор] Драчевский имеет какой-то особенный интерес к лоточной фабрике в Ростове-на-Дону, где он был также градоначальником, почему клубные антрепренеры наперерыв стали заводить у себя машинки только с ростовской-на-дону фабрики, хотя в других местах они в четыре раза дешевле, лишь бы заслужить особенное покровительство г[енерал]-м[айора] Драчевского.

Обещанный г[енерал]-м[айором] Драчевским доход от игры в лото превзошел всякие ожидания антрепренеров. Установив за пользование машинкой десятипроцентный вычет с каждой игры, доходящей до 150–300 на выигрыш, при 150 сменах клубы выручают в свою пользу с играющих не менее 3000 р. ежедневного дохода только с игры в лото. Ранее эта сумма уплачивалась за карты в Ведомство учреждений Императрицы Марии на содержание сиротских приютов, но, с заменою игры в карты игрою в лото, карточная плата стала поступать в доход лоточной фабрики в Ростове-на-Дону и клубов. Но доход клубов увеличился еще и от платы с гостей. Для игры в лото г[енерал]-м[айор] Драчевский разрешил свободный доступ в клубы и «улице», в том числе и женщинам. Число посетителей возросло в клубах в сотни раз. Вместе с числом посетителей усилился доход и от буфетов. Видя от игры в лото также выгоду, клубные антрепренеры во исполнение

требований г[енерал]-м[айора] Драчевского усердно стали приучать столичное население к игре в лото.

Азартность же игры в лото в несколько раз превышает азарт в какие-либо другие игры. Воспрещенная в России игра в рулетку на ставку в 35 раз более; самая азартная игра в карты на 1 р. выплачивает только рубль, игра же в лото выплачивает ставку от 150 до 300 раз более. При цене лоточной карты в 1 р. и при 200 картах выигрывающий получает 200 р., а в таких клубах, где демократизация публики спустилась до крайних пределов, на 20 к. выигрывают 60 р. Соблазн крупного выигрыша в триста крат настолько велик, что все низшее население страны, вся «улица», оберегать которую от безнравственной игры в карты объявил желание г[енерал]-м[айор] Драчевский, бросилась в отчаянную игру. Екатерининское общественное собрание для приманки «улицы» плату за вход в клуб установило в 12½ к. «Улица» переполняет его комнаты до тесноты, лишающей возможности проверять действия антрепренеров.

Между тем теснота в клубах дает возможность легкого обмана играющих объявлением не тех нумеров, которые выпали из машинки, но тех, которые дают выигрыш тайным агентам клубов среди играющих, а в случае выигрыша не агентами клуба объявлением не того числа карт, какое было в действительности, с присвоением необъявленных карточных ставок в пользу клуба. Благодаря низкой входной плате, соблазняемые возможностью на 20 копеек выиграть сразу 60 р., тысячи людей простого звания: рабочих и работниц, сапожников и портних, приказчиков и конторщиц – еженощно переполняют столичные клубы, открывшие по настояниям действующей по приказу г[енерал]-м[айора] Драчевского полиции игру в лото. Ранее эта чернь не посещала клубов, так как она может ставить лишь небольшие суммы, выигрыш на которые при карточной игре также мал. При игре же в лото на минимальную ставку в

20 к. получается головокружительный выигрыш, который зажег простые души лютою страстью к азарту. Спустив свои деньги, женщины тут же и продают себя, чтобы продолжить удовлетворение своей возбужденной азартною игрою в лото страсти. Крепкие напитки в клубных буфетах распаляют эту страсть, пьяные игроки не замечают обмана, и грабеж населения лоточными антрепренерами идет в огромных размерах. По общему единодушному свидетельству, никогда разврат от азартной игры не был так силен в С.-Петербурге, как при градоначальнике г[енерал]-м[айоре] Драчевском от введенной им игры в лото. Подтвердят это старшины всех действующих клубов.

Вместе с тем и азартная игра в карты также не исчезла, несмотря на противозаконно воспрещавшиеся за нее собрания обществ. В азартные игры в карты, с дозволения г[енерал]-м[айора] Драчевского, стали играть только те лица, которые зачислялись членами клубов. Это вызвало лишь приток членских взносов и ухудшение состава клубов, в которые на правах членов вошли шулера. В одном клубе благодаря такому требованию из прежних 50 членов стало их 800, что при членском взносе в 20 р. дало доход клубу в 16 тыс. в год. Зато все те, кто посещает карточные клубы на правах гостей, все они поневоле должны были пойти в те клубы, где вместо карт ввели еще более азартную игру в лото. Таким образом, вмешательство г[енерал]-м[айора] Драчевского во внутренний распорядок общественных собраний вызвало лишь усиление азарта и публичного разврата. Если бы такой результат получился от ошибочного направления борьбы с азартом, то можно было бы лишь пожалеть о неудачных приемах. К сожалению, однако, борьба с «безнравственностью в клубах» имеет под собою корыстную подкладку. При производстве сенаторской ревизии или судебного следствия я укажу свидетелей, которые под присягою подтвердят, что воспрещение г[енерал]-м[айором]

Драчевским собраний в некоторых клубах сопровождалось уплатою за разрешение их вновь крупных денежных сумм. Рекомендация выписки машинок для лото с ростовской-на-дону фабрики и притеснение клубов к заведению игры в лото вместо других игр являются в высшей степени странными. Перевод же ростовского-на-дону полицмейстера Прокоповича на должность чиновника особых поручений старшего оклада и, в изъятие прежнего порядка, поручение только ему одному наблюдения за клубами, при исполнении им в то же время личных дел г[енерал]-м[айором] Драчевским даже по хозяйству, в связи с настойчивою рекомендациею г. Прокоповичем игры в лото для улицы, а карточной игры, хотя бы даже и азартной, только для членов, заставляют полагать, что допускаемые Прокоповичем нарушения правил о службе при ревизии клубов на корыстной притом подкладке разделяются и г[енерал]-м[айором] Драчевским.

Особенно, однако, тяжкое зло составляет участие высших чинов градоначальства в доходах некоторых клубов. Такие клубы пользуются в своих нарушениях закона не только безнаказанностью, но и поддержкою полиции при явном мошенничестве. Так, общественное собрание любителей автомобильно-велосипедного спорта для ведения азартной игры в карты зачислило постоянных своих посетителей в состав членов, установив членский взнос в 160 р. в год с льготною уплатою по рублю при каждом посещении клуба. Когда большинство членов уже почти уплатило свой взнос, из боязни, что доход клуба придется поделить между большим числом членов, распорядители клуба назначили общее собрание, на котором объявили, что не уплатившие полностью своих взносов, согласно уставу, подлежат исключению из числа членов, и потому подавляющее большинство членов были объявлены лишенными своих членских прав для участия в дележе доходов клуба. Это вызвало протест членов. Тогда антрепренер объявил перерыв

заседания и по телефону пригласил полицию для удаления незаконно продолжающегося будто бы сборища. Полиция разогнала собрание, а градоначальник закрыл общество, чем и лишил членов последнего возможности настаивать на предъявлении им антрепренером отчетности в суммах. Общество закрыто и поныне, так как это закрытие составляет прямой интерес распорядителей, которые в том же помещении открыли вновь клуб, но под другим названием. Доходы тех клубов, в которых принимают участие чины градоначальства, огромны – до 13 тыс. в день, причем за правильностью антрепренерских записей наблюдают чины полиции. Разврат в них царит необычайный. Для проигравшихся женщин существуют особые комнаты, где они продажею своего тела могут получить деньги на новую игру.

Для поддержания доходности «градоначальнического» клуба, как называют их игроки, г[енерал]-м[айор] Драчевский на основании Положения о чрезвычайной охране закрывает те клубы, которые конкурируют с «градоначальническим» клубом. Так с этою целью были закрыты Петровский яхт-клуб (Невский, 104), Общество сценических деятелей (Невский, 59), причем второй даже не за азартную игру, но за свободный лишь допуск посетителей, тогда как это есть область чисто внутреннего распорядка, вмешиваться в который по закону, подтвержденному разъяснением Правительствующего Сената, администрация права не имеет. Видя, что в присутствии об обществах предложения о закрытии клубов без законных оснований встречают противодействие, г[енерал]-м[айор] Драчевский применил к ним не ст[атью] 35 Закона об обществах, предоставляющую градоначальнику право приостанавливать действия общества только в случае угрозы общественному спокойствию и нравственности, но на основании Положения о чрезвычайной охране, которое избавляет его от необходимости объяснять причины воспрещения собраний, и считаться с зако-

ном, и вносить вопрос о действиях обществ на обсуждение коллегиальных и ему не подчиненных учреждений.

Доходность «градоначальнического» клуба повысилась еще сильнее после объявленного изъятия г[енерал]-м[айором] Драчевским из общей подсудности дел «об устройстве запрещенных игр в карты, кости и т.п. (ст[атья] 46 Уст[ава] [о] нак[азаниях])» с применением к виновным административного взыскания в 3000 р. штрафа или 3 месяц[ев] тюрьмы. Все те, кто осмелится играть, хотя и азартно, но не в «градоначальническом» клубе или привилегированных, или не в рекомендованное г[енерал]-м[айором] Драчевским лото и с помощью ростовской-на-дону машинки, а в какие-либо другие игры или в лото без машинки, тому грозит наказание, тем более страшное, что самое определение азартности г[енерал]-м[айор] Драчевский взял лично на себя. По ст[атье] 260 т. XIV воспрещаются всякие азартные игры, каковыми называются игры, основанные на случае. Игры в бильярд, шахматы и кегли не азартны, потому что основаны не на случае только, но на умении. Всякие же другие игры, даже в бирюльки, законом признаются азартными, так как основаны на том или другом случайном расположении игорных знаков. За отсутствием в законе каких-либо определенных указаний Правительствующий Сенат разъяснил, что в определении азартности нельзя доверять составителям актов или дознаний, а только суду, выясняющему азарт путем опроса свидетелей. Так смотрели на это присутствие об обществах и г[енерал]-м[айор] фон дер Лауниц, при котором было закрыто присутствием удельнинское общественное собрание за азарт, установленный судебным порядком. Ныне же определение азартности взял г[енерал]-м[айор] Драчевский лично на себя. Всякую игру в карты г[енерал]-м[айор] Драчевский может признать азартною. Постановления свои он выносит по объяснениям составителей протоколов, без

опроса свидетелей, и потому таким составителям открывается широчайший простор держать в страхе обывателей. Наиболее доверенное у г[енерал]-м[айора] Драчевского по клубам лицо, чиновник особых поручений Прокопович, пользуется даже такими приемами для установления виновности в азарте: попросив позволения у не знавшего его перед тем лично и его служебного положения дежурного старшины поужинать в клубе, он разговорился с ним во время ужина и, узнав от него, что накануне играли в карты, тотчас составил протокол на основании его слов, что послужило для г[енерал]-м[айора] Драчевского достаточным основанием для репрессии, без всякого дознания.

Растяжимость понятия об азарте и безответственность в определении сего градоначальника дают полную возможность любому провокатору или чиновнику, не получившему отступного, подвести любого из обывателей столицы под тяжелое административное взыскание без всякой возможности обжаловать таковое. Подобная бесконтрольная зависимость обывателей от личного усмотрения градоначальника при склонности его использовать привычку населения к играм в своих личных интересах способствует сильнейшему лихоимству с обывателей как чинами полиции, так и чинами градоначальства и побуждает любителей игры посещать только «градоначальнический клуб».

Мздоимство

Полицейские чины С.-Петербургского градоначальства обложены систематическими поборами. Поборы эти взимаются или под видом невозвращенных займов, или прямыми требованиями денег, или предложением покупки векселей начальника полиции, которые затем отсылаются ему в подарок. Те чины полиции, которые уплачивают мзду, получают переводы на лучшие должности, а тех, кто выска-

зывает недовольство такими поборами, гонят со службы, несмотря на их хорошие служебные качества. Распоряжается взысканием этой мзды в пользу высшего начальства помощник градоначальника генерал-майор Вендорф[1], по указаниям которого г[енерал]-м[айор] Драчевский применяет свою начальническую власть или увольняя протестующих против мздоимства подчиненных, или предоставляя уплатившим поборы соответствующие должности. С целью более удобной расправы с протестующими полицейскими чинами делопроизводителем совещательного присутствия, ведающего о проступках полицейских чинов, назначен г[енерал]-м[айором] Драчевским уволенный убитым градоначальником фон дер Лауницем от должности чиновника особых поручений Калиш[2].

При производстве дознаний Калиш имел возможность производить таковые или неблагоприятно для полицейских приставов, или с прикрытием виновных и, пользуясь этим, вымогал от них мзду, за что, между прочим, и был удален от должности чиновника особых поручений. По ходатайству бывшего градоначальника г[енерал]-м[айора] Дедюлина Калиш назначен был г[енерал]-м[айором] Драчевским на должность делопроизводителя совещательного присутствия, на каковой, под непосредственным руководством управляющего канцелярией ст[атс]-с[екретаря] Никифорова, получил возможность виновных из чинов

[1] Вендорф Оскар Игнатьевич (1849–?) – русский генерал, впоследствии, с 1911 г., генерал-лейтенант по армейской кавалерии. Также являлся помощником петроградского градоначальника по наружной полиции (1904 – 27 февраля 1917).

[2] Калиш Амвросий Люций – польский еврей, чиновник особых поручений, делопроизводитель канцелярии санкт-петербургского градоначальника, коллежский асессор. После рассмотрения прошения Н. Н. Жеденова в декабре 1908 г. управляющий канцелярией петербургского градоначальника еврей Никифоров, польский еврей Калиш, поляк Галле и еще несколько чиновников были уволены и отданы под суд, а также было сделано представление о предании суду Драчевского, которое, впрочем, дальнейшего хода не имело.

полиции даже в крупных преступлениях освобождать от наказаний, а других, даже при ничтожном предлоге, подвергать взысканиям и смещению на низшие должности до удаления от службы включительно за нежелание уплачивать в пользу начальства поборы, за неисполнение незаконных приказаний или за какие-либо неосторожные по поводу этих действий начальства слова. Мелкие же служащие – городовые, околоточные, письмоводители – предаются беспощадно суду или увольняются от должности ради торжества справедливости. Иллюстрацией к тому могут послужить растрата делопроизводителем канцелярии Пирамидовым 6000 руб., прошедшая ему безнаказанно, и предание суду околоточного надзирателя Полотнова за растрату 1300 р. Обе эти растраты пополнены: за Пирамидова по требованию ст[атского] с[оветника] Никифорова уплатил Петровский яхт-клуб, а за Полотнова, по принуждению чиновника особых поручений Высоцкого, уплатил начальник его пристав Барач. Делопроизводитель Пирамидов – образованный человек, занимавший видную и хорошо оплачиваемую должность, растратил эти деньги, проиграв в карты, и был не только освобожден от суда, но, по соизволению ст[атского] с[оветника] Никифорова, получал в течение семи месяцев, не ходя на службу, даже содержание, а Полотнов из простого звания при недостаточном для Петербурга содержании околоточного надзирателя растратил деньги по бедности, вследствие большой семьи, был тотчас уволен от должности и, по утвержденному г[енерал]-м[айором] Драчевским постановлению совещательного присутствия, отправлен на скамью подсудимых, дабы всем показать, как строго законно и нелицеприятно относится г[енерал]-м[айор] Драчевский к подчиненным своим, совершающим преступления должности.

Между тем о займе у пристава Барача г[енерал]-м[айором] Вендорфом 2000 р. г[енерал]-м[айор] Драчевский

как будто не знает, хотя об этом изложено в читавшихся им документах. Не знает как будто он о совершенных и постоянно совершаемых займах и у целого ряда других чинов полиции, которых я перечислил бы поименно, если бы был уверен не только в их мужестве показать об этих не отдаваемых «займах» даже при состоянии градоначальника г[енерал]-м[айора] Драчевского, помощника градоначальника г[енерал]-м[айора] Вендорфа и полицеймейстера Галле на их должностях, но даже в том, что настоящее обвинение мое будет предъявлено г[енерал]-м[айору] Драчевскому лишь по предварительном отобрании от свидетелей должных показаний, чтобы они не успели быть запуганными. Узнав же, что Барач проговорился об этом мздоимстве своего начальника, г[енерал]-м[айор] Драчевский имел жестокость уволить его за это от должности за пять месяцев до выслуги полной пенсии.

Взыскиваемые начальством поборы чины полиции не в состоянии уплачивать из собственных средств: жизнь в столице дорога, и, кроме того, эти поборы соображаются не с жалованием, но с доходностью полицейских районов, и потому чины полиции вынуждены на уплату этих поборов брать деньги с подчиненных, а последние с обывателей по разным встретившимся случаям, с попавшихся в их руки извозчиков, разносчиков и дворников, домовладельцев – со всех тех, кто ежедневно сотнями штрафуется градоначальником по единоличному донесению городового, а в лучшем случае околоточного надзирателя. Сообразно полученному от низших чинов доходу высшие чины их соответствующим образом аттестуют, и они получают лучшие или худшие назначения. Наиболее покровительствовавшийся генерал-майором Вендорфом полицеймейстер дошел до такой требовательности, что заставлял приставов продавать извозчикам через околоточных и городовых сено из имения своего по цене много выше базарной, и тот пристав, кото-

рый проявлял в насильственной продаже сена по дорогой цене особенную энергию, до последнего времени не перестает получать печатную в приказах благодарность градоначальника, заставляющую и других приставов стараться в том же направлении. Всякие же протестанты против мздоимства увольняются беспощадно.

По приблизительному исчислению чины полиции уплачивают высшим чинам градоначальства более пятидесяти тысяч рублей в год. Тягость этих поборов для чинов полиции настолько велика, что среди них неоднократно поднимались вопросы о том, чтобы избавиться наконец от этих поборов, хотя бы с помощью дружного протеста по начальству. Этими недовольными воспользовались политические агитаторы вроде Пестича, которые справедливому протесту подчиненных против мздоимства начальников, вынуждающих их, в свою очередь, на лихоимство с обывателей, придали политическую окраску, каковая, будучи поддерживаема продолжающимися и доднесь беспорядками, не только не сходит, но укрепляется все сильнее.

Беря пример с главного начальника, и второстепенные чины, и особенно из тех, кто пользуется особым его расположением, эксплуатируют своих подчиненных: полицеймейстер Галле строил себе дом с помощью чинов полиции, трепетавших перед ним вследствие его влияния на градоначальника и беспрекословно поставлявших Галле, вследствие его требований, материалы для постройки по баснословно дешевой цене; заставлял извозчиков покупать заготовленные им попоны по цене вдвое большей, чем эти попоны стоят, и тридцать тысяч столичных извозчиков переплатили Галле за попоны огромные суммы. Ревизия откроет и другие злоупотребления вроде требования денег с трактирщика и закрытия трактира за неуплату таковых, вроде требования от лиц, привлекаемых к ответственности, удовлетворения прихотей Галле вместо внесения денег

в казну; последнее, впрочем, с поощрения и по желанию г[енерал]-м[айора] Драчевского.

Растраты казенных сумм

Вынужденные уплачивать начальниками своим крупные денежные суммы полицейские пристава, при внезапном требовании начальством денег и при неимении таковых, боясь лишиться расположения начальства, с ведома последнего заимствуют деньги из имеющихся у них казенных сумм. Не сумев пополнить позаимствованные с обывателей, особенно при повторном требовании начальством, чины полиции рискуют отыграть их на картах. Если судьба не повезет, то растраты увеличиваются до огромных размеров. Зная, почему полицейский пристав проиграл деньги, контролирующие их полицеймейстеры с ведома градоначальника своею ревизионною надписью стараются прикрыть растрату, пока обывательский кошелек ее не пополнит. Если же растрата как-нибудь выходит наружу, то по требованию градоначальника чины полиции распределяют эту растрату между собою. Особенно крупная растрата, около 15 тыс. рублей, совершена приставом второго участка Адмиралтейской части Сыхрою. По приказанию градоначальника г[енерал]-м[айора] Дедюлина она принудительно распределена между всеми полицеймейстерами, а последние причитающиеся на них доли разложили между всеми приставами, смотря по доходности их участков, и таким образом растрата была принудительно пополнена совершенно непричастными к ней чинами полиции, которым ничего не оставалось иного, как взыскать деньги с обывателей. В третьем полицмейстерском отделении полицейские пристава замедлили было в платеже за чужую растрату, но, по приказанию г[енерал]-м[айора] Драчевского, деньги были взысканы принудительно, и притом частным

образом, без проведения по требовательным ведомостям и без выдачи квитанций, почему среди полицейских чинов сложилось убеждение, что с них было взыскано много более растраченной суммы, причем излишек остался на руках высших начальников. Из уплативших растраченные приставом Сыхрою деньги укажу на приставов Зарецкого, Боровского, Иванова, а если они не сознаются, то и на других лиц. Конечно, г[енерал]-м[айор] Драчевский продолжал лишь прежние порядки, по примеру г[енерал]-м[айора] Дедюлина, за два дня до приезда нового градоначальника г[енерал]-м[айора] фон дер Лауница вытребовавшего 30 000 р. и раздавшего их при таких странных приемах, которые заставляют предполагать образование очень значительных остатков у начальствующих лиц. Во всяком случае, какими бы узами дружбы он ни был связан с г[енерал]-м[айором] Дедюлиным, прикрывать его преступления должности и даже приказывать о пополнении подчиненными лицами растраченных по вине бывшего начальника сумм г[енерал]-м[айор] Драчевский права не имел, а тем более увольнять со службы тех, кто подобные действия, согласно закона, признает за преступления.

Если вынуждаемые к уплате начальству денежных сумм чины полиции решаются на заимствование и присвоение из казенного сундука, то тем более легкое отношение вызывают у них частные благотворительные суммы. На этой почве велась постоянная борьба за расходованием благотворительных сумм, осмеливались указывать на запутанность отчетов по ним и самовольное расходование. Так, по отношению к полицеймейстеру Галле ревизионная комиссия установила неправильную отчетность, самовольное расходование сумм и неблаговидные уловки по уклонению от контроля при постройке им полицейского приюта. Г[енерал]-м[айору] Драчевскому отлично известны эти факты, и, когда секретарь председательствуемого

им общества по постройке приюта Васильев стал настаивать на предъявлении Галле должных объяснений по замечаниям ревизионной комиссии, он под первым предлогом уволил его от должности делопроизводителя канцелярии, и, несмотря на то что общество это, хотя и состоит при градоначальстве, но частного характера, из боязни указаний Васильева на неправильность по расходованию Галле сумм общества не допустил его исполнять обязанности секретаря правления и приказал не звать его на общие собрания членов, а по замечанию ревизионной комиссии в течение года никаких объяснений от Галле не требовал. Видя такое укрывательство со стороны г[енерал]-м[айора] Драчевского неправильных действий Галле, на общем собрании членов общества, состоящего большею частью из чинов полиции, никто не решился и заикнуться по поводу замечаний ревизионной комиссии.

Противозаконное расходование денежных сумм

Законами установлен известный порядок выдачи содержания чиновниками: столовые деньги выдаются за месяц, квартирные за треть года вперед. Эти требования ст[атьи] 583 т. III Св[ода] Зак[онов] градоначальником не соблюдаются, вследствие чего чиновники терпят нужду, влезают в долги и от них становятся менее стойким против соблазнов элементом. Несоблюдение закона объясняется тем, что при увольнении чиновников могут при установленном законом порядке выдачи содержания получаться переборы. Закон, однако, к этим переборам, принимаемым на счет казны, относится как к одному из видов уплаты содержания при увольнении служащих лиц за некоторое время и по прекращении службы, подобно тому как это введено законом по отношению к служащим в торгово-промышленном мире.

Государство, при увольнении чиновника от службы, переборы жалованья, столовых и квартирных денег не взыскивает с уволенных, давая этим возможность пробыть некоторое время на оплаченной квартире и при обеспеченном столе. Г[енерал]-м[айор] Драчевский счел, однако, возможным пренебречь гуманными требованиями закона и воспретил выдавать вперед причитающееся содержание ввиду того, что при частом увольнении служащих является возможность иметь значительные остатки, которые и расходовать на пособие лицам, умеющим не столько служить, сколько подслуживаться, и притом зачастую на безнравственной личной и даже преступной подкладке. В тех же соображениях образования остатков для раздачи любимцам чины полиции получают содержание не 20[-го] числа, а то первого, то пятого, то десятого, и содержатся некомплекты чинов полиции, и выдается им меньшее против присвоенного содержания. Так, частные банки отпускают на городовых, назначенных для их охраны, по 35 р. в месяц, а в действительности городовые получали по 30 р., что на значительный штат городовых для банков составляло противозаконную экономию и притом с обманом частных лиц и учреждений, до 10 тыс. руб. в год на награды не труженикам дела, а тому же начальнику полиции, если не прямым присвоением, то путем раздачи приближенным и затем «займами» у последних без отдачи.

Вследствие недостаточности комплекта полицейских чинов и плохого их состава за недостаточным вознаграждением преступные элементы столицы получают возможность безнаказанно насиловать обывателей, и потому взимаемые с последних на содержание полиции налоги не вполне достигают своей цели сделать пребывание в столице мирных обывателей безопасным. При ревизии могут быть выяснены те личности, которые пользуются особенно щедрым вознаграждением на счет тружеников сослуживцев, и по объяснениям о причинах к ним благоволения можно бу-

дет судить о правильности моих слов. Но я не отказываюсь привести также и имена таких лиц с указанием их «заслуг». Задержка в выдаче содержания городовым была причиною бунта городовых, и, узнав о причине его, г[енерал]-м[айор] ф[он] д[ер] Лауниц приказал выдавать жалование своевременно, что исполнялось, пока ф[он] д[ер] Лауниц был жив, а после его смерти тотчас началась опять несвоевременная выдача, так как на 40 тысяч городовых и 5 дней задержки выдачи содержания дают большие выгоды.

Подлоги

Благоволение начальника к преступлениям должности тех подчиненных, которые дают ему противозаконным путем излишние денежные средства, ставит его в зависимость от этих подчиненных. На этой почве подчиненные невольно втягивают начальника и в такие преступления, от которых он брезгливо отвернулся бы в другое время, и вместе с тем побуждают его поддерживать их в случае гонений угрозами разоблачений. В такое именно положение стал бывший градоначальник г[енерал]-м[айор] Дедюлин, который своим заступничеством перед убитым градоначальником В. Ф. фон дер Лауницем за заведомо для него преступных лиц – г[енерал]-м[айора] Вендорфа, ст[атского] с[оветника] Никифорова и полковника Галле – помешал ему избавиться от них, вследствие чего, по словам газеты «Вече», в конце концов они восторжествовали над В. Ф. фон дер Лауницем путем еще ужаснейшего преступления. Г[енерал]-м[айор] Дедюлин такое же заступничество продолжал за них и дальше, что было для него тем легче, что г[енерал]-м[айор] Драчевский, как близкий к нему друг, неоднократно уже исполнял его такие просьбы, разрешение которых воспрещено законом, доказательство чему имею в документах. Результатом такого заступничества явилась хотя возможность и

для г[енерал]-м[айора] Драчевского совершать неблаговидные и воспрещенные законом действия, в виде борьбы с карточным азартом в одних клубах и дозволения того же карточного азарта в других, в виде преследования азарта и участия «улицы» при игре в лото, в виде противозаконного сперва воспрещения собраний общества и разрешения их затем за деньги, но зато он вынужден был дозволить подчиненному своему совершение с помощью других подчиненных и подлога, разрешения на который он не мог бы дать при отсутствии преступной связи с подчиненным.

Эта же связь побудила г[енерал]-м[айора] Драчевского совершить и другое противозаконное действие – уволить от должности без прошения подчиненного только за нежелание его изменить долгу службы, и притом по требованию г[енерал]-м[айора] Дедюлина, вынужденного во что бы то ни стало скрыть от Высшей Верховной Власти, вследствие дошедшей до Нее жалобы подчиненного, преступления лиц, с которыми г[енерал]-м[айор] Дедюлин связан боязнью от них разоблачений в случае правдивого о них доклада. Такая запутанность в преступлениях должности и привела к тому, что истина осталась невыясненною.

* * *

Для того чтобы предоставить Правительствующему Сенату основание отменить противозаконный приказ о моем увольнении от службы без объяснения причин, порочащий мою служебную репутацию в глазах тех лиц, коим мои личные качества неизвестны, и мешающий мне определиться на государственную службу, я должен доказать «пристрастие» и «личность», проявленные по отношению ко мне г[енерал]-м[айором] Драчевским. Эти обстоятельства могут быть установлены лишь в том случае, когда обвинения мои будут доказаны подлежащею властью. А я

со своей стороны докажу, что, кроме нежелания моего участвовать в преступлениях должности, каких-либо других причин к увольнению меня у г[енерал]-м[айора] Драчевского не было. Я привожу лишь по одному фактическому доказательству по каждому роду преступлений должности, в полной уверенности, что беспристрастная ревизия откроет их не единицами, а сотнями. У многих порядочных чинов в с.-петербургском градоначальстве и полиции наболело достаточно на душе от необходимости или содействовать начальникам в преступлениях, или, с удалением за нежелание сего от должности, терпеть нужду с семьею. Порядочные люди хотели бы сознавать, что они служат не г[енерал]-м[айору] Драчевскому или Вендорфу, тем более Никифорову и Галле, а Государству, Родине своей, дорогому Отечеству, которому честно служить есть счастье, но не у всех имеется достаточно гражданского мужества, чтобы решиться лучше на увольнение от должности, чем на участие в преступлениях, и потому очень многие ждут не дождутся того счастливого момента, когда явится возможность избавиться наконец от хищников-начальников и по совести исполнять долг службы. Эти люди, как только выяснится для них безопасность правдивых свидетельских показаний, не замедлят сообщить ревизующему сенатору известные им факты злоупотреблений их начальников.

Без гарантии же безопасности описанные мною злоупотребления не могут быть освещены с достаточною яркостью, особенно после случая со мною, когда за данные по особому распоряжению откровенные г[енерал]-м[айору] Дедюлину показания о действиях его друга г[енерал]-м[айора] Драчевского последним я был уволен от должности без прошения. Этим г[енерал]-м[айор] Драчевский рассчитывал парализовать в силу 789 ст[атьи] III т. Св[ода] Зак[онов] мои обличения, так как жалобы на подобное увольнение не могут быть приносимы ни в Правительствующий Сенат, ни

даже в канцелярию прошений, на Высочайшее Имя приносимых. Но, к счастью, у меня имеется надежда, что я докажу несоблюдение г[енерал]-м[айором] Драчевским требования ст[атьи] 788 о недопустимости при подобном увольнении пристрастия и личности, и надеюсь поэтому на отмену противозаконного приказа. Но не все в состоянии будут доказать это, если за данное правдивое показание будут уволены по третьему пункту, и потому о гарантии правдивых свидетельских показаний я особенно ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством.

Открытое письмо Н. Е. Маркову

Милостивый Государь, Николай Евгеньевич!

Ваши думские речи в защиту Православной Церкви и исторических прав Царского Самодержавия и коренного русского народа доставили Вам среди членов Союза Русского Народа широкую популярность. Ваше вступление в состав Главного совета приветствовалось союзниками с радостью. Они надеялись увидеть Вас в ближайшем будущем надежным сотрудником А. И. Дубровина[1]. Но вдруг Вы, понадеявшись на свои первые успехи, сделали такие шаги, от которых в Главном совете почувствовался очень странный поворот идеалов Союза в противоположную темную сторону.

Прежде всего показалось странным то, что Главный совет, празднуя свой переход в новое помещение, открыл свои двери не для председателей и членов Советов местных Отделов Союза, а для таких монархических организаций, которые явно враждебны Союзу и его основателю А. И. Дубровину и близки к конституционным правящим сферам.

[1] Дубровин Александр Иванович (1855–1921) – детский врач, статский советник, организатор и руководитель черносотенного Союза Русского Народа, председатель Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (с 1912 г.). Расстрелян чекистами.

Таковы – В. М. Пуришкевич[1] и о. И. Восторгов[2], состоящие агентами олигархов и проводившие на политических выборах созданную исключительно для насильственного упрочения конституции и для противодействия противящемуся ей Союзу Русского Народа октябристскую партию. Эта их прикосновенность к конституционному заговору давно побуждала союзников смотреть на их преданность началам Союза Русского Народа с большим недоверием. Поэтому очень дружеское приглашение подобных лиц на семейное Союза Русского Народа торжество, при ясном пренебрежении к членам Союза, всем показалось дурным предзнаменованием. Союзники сразу почувствовали, что между ними и Главным советом возникла пропасть. Затем обмен открытых мнений между А. И. Дубровиным в «Русском знамени»[3] и

[1] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель, монархист, основатель и фактический руководитель Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, к 1916 г. фактически перешел на позиции, враждебные русской монархической государственности. В декабре 1916 г. участвовал в убийстве Г. Е. Распутина. Первое столкновение между А. И. Дубровиным и В. М. Пуришкевичем произошло в 1907 г. Энергичный и деятельный человек, обладавший властными амбициями, Пуришкевич стремился взять в свои руки всю организационную деятельность в Союзе. Его поддержали некоторые учредители Союза и руководители крупных местных отделов, в частности, один из руководителей московских монархистов, будущий новомученик протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов. Вскоре В. М. Пуришкевич единолично стал пытаться решать и некоторые стратегические вопросы, и, таким образом, все дело шло к тому, что он становился фактическим руководителем Союза Русского Народа. Кроме того, Пуришкевич, в противоположность А. И. Дубровину, выступал в целом с поддержкой курса П. А. Столыпина, что также способствовало их разногласиям.

[2] Восторгов, отец Иоанн Иоаннович, священномученик (1867 (по др. данным 1864) – 1918) – митрофорный протоиерей, выдающийся проповедник, церковный и общественный деятель, один из руководителей правомонархического движения, председатель Русского Монархического Союза (РМС).

[3] «Русское знамя» – правоконсервативная газета, издававшаяся с конца 1905 г. по февраль 1917 г. Печатный орган Союза Русского Народа (СРН). После раскола СРН – вестник Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН), с 1915 г., когда наметились тенденции к сближению «обновленческого» (во главе с Н. Е. Марковым) СРН и ВДСРН, «Русское знамя» стало вестником обоих Союзов.

Вами в «Земщине» относительно председательского кресла и факт оспаривания Вами у основателя Союза власти совершенно подтвердили грустные догадки союзников о том направлении, которое Вы со своими единомышленниками внесли в сферу Главного совета.

Наконец, особенно безотрадным для союзников показалось Ваше уклонение от прямых выступлений во всех тех случаях, когда в планах и действиях членов Г[осударственной] думы и бюрократии явно проглядывал конституционный умысел против священных прав Самодержавия. Когда же жидовская газета «Речь» опубликовала о том, что и Вы не брезгуете совместностью с кадетами и октябристами на бюрократических вечеринках и не побрезговали поцелуем Пергамента, то все симпатии исчезли и Вы превратились во мнении большинства союзников в самого заурядного «парламентария» и непротивленца конституционному заговору.

Для меня лично это великолепно подтвердил Г. А. Шечков[1], который однажды в Русском Собрании, услышав, что я назвал «народными представителями» правых членов Государственной думы, остановил меня замечанием: «Мы – не народные представители. Мы только Царские советники». Однако после того, через неделю, Вы и В. М. Пуришкевич с кафедры Государственной думы заявили: «Правая фракция не отрицает народного представительства»; «мы – народные представители». Эти Ваши выражения тогда же засвидетельствовали, что Вы проникнуты парламентским духом.

Принявшись оспаривать у А. И. Дубровина председательствование, Вы повели против него такую политику, что сделали невозможным его пребывание в Главном совете. Так, например, на заседании Совета Александро-Невского Отдела 28 июля, из слов, сказанных от имени Главного со-

[1] Шечков Георгий Алексеевич (1856–1920) – юрист, политический и общественный деятель, член правой фракции Государственной думы III и IV созыва, публицист, активный участник правомонархического движения.

вета и.д. товарища председателя Главного совета графом Э. И. Коновницыным[1] и членом его В. П. Соколовым[2], выяснилось, что Главный совет якобы идет против произвола А. И. Дубровина, но в чем именно этот его произвол, – ни граф Коновницын, ни г. Соколов так и не разъяснили. Судя же по действиям Главного совета, это ограничение власти должно было прежде всего коснуться «Русского знамени», которое если и виновато, то только в том, что является для олигархов бельмом на глазу.

Когда для преобразования направления «Русского знамени» в желательную для конституционалистов сторону не хватило у Главного совета сил и возможности, тогда вдруг нашлись у Вас 5000 рублей для замены этого прямого и чистого патриотического органа.

Я не верил тому, что эти деньги даны не Вами лично, но письмо А. В. Богданова в «Голосе русского»[3] и затем кое-

1 Коновницын Эммануил Иванович, граф (1850–1915) – один из руководителей правомонархического движения в Санкт-Петербурге, почетный председатель Союза Русского Народа (СРН). В конце 1909 г. избран товарищем председателя Главного совета Союза Русского Народа (СРН), как утверждали его противники, для того чтобы устранить А. И. Дубровина, с которым у него были натянутые отношения. С 9 апреля 1910 г. вступил в исполнение обязанностей председателя Главного совета СРН. Как руководитель СРН открывал Съезд сторонников Маркова (4-й Всероссийский съезд Союза Русского Народа в Санкт-Петербурге 14–16 мая 1912 г.). И.о. председателя Главного совета СРН до ноября 1912 г., когда руководителем Союза был избран Н. Е. Марков, а граф Коновницын стал почетным председателем СРН.

2 Соколов Виктор Павлович (1880 – после 1940) – видный общественный деятель, учредитель и товарищ председателя Главного совета СРН. После выхода из Союза В. М. Пуришкевича и отхода от дел А. И. Тришатного стал товарищем председателя Главного совета СРН – ближайшим помощником А. И. Дубровина. Тем не менее во время раскола Союза в 1910 г. поддержал Н. Е. Маркова, в «марковском» СРН был также товарищем председателя вплоть до февральского переворота 1917 г.

3 «Голос русского» – московская правомонархическая газета (редактор В. А. Балашев). После кончины В. А. Грингмута Балашев стал яростным противником его преемника протоиерея И. И. Восторгова, постоянно нападал на него в своей газете, называя «Гапоном № 1». Тогда же Балашев сблизился с А. И. Дубровиным, принимал активное участие в деятельности СРН на стороне Дубровина.

какие личные впечатления убедили меня, что это деньги не только не Ваши, но врагов Союза Русского Народа.

Теперь же вопрос окончательно поставлен ребром, а в таких случаях надлежит выкинуть стеснения, которые только заволокут дело пеленой и помешают его благоприятному разрешению. Поэтому я считаю необходимым спросить Вас:

– Разве Вы не сознаете, что среди всех членов Главного совета, интригующих против основателя Союза, приходится считаться только с одним Вами? Для союзников всей России имена графа Эммануила И[вановича] Коновницына, Виктора П[авловича] Соколова и других – ничто. С ними одними не стали бы и считаться, и только Ваше имя в силу мимолетной патриотической славы, ставившей Вас наравне с профессором А. С. Вязигиным[1], В. А. Образцовым[2], Тимошкиным[3] и друг[ими], побуждает союзников к разговорам с Вами.

Вот и я по чувству того же уважения к Вашему патриотическому недавнему прошлому должен теперь заявить, что напрасно, очень напрасно Вы обвиняете А. И. Дубровина за отказ бывать на заседаниях Главного совета, пока там участвует граф Э. И. Коновницын. Я сам убедился на недавнем собрании Александро-Невского Отдела (28 июля), что граф

---

[1] Вязигин Андрей Сергеевич (1867–1919) – ученый-историк, профессор Харьковского университета, депутат III Государственной думы (фракция правых). Инициатор создания в декабре 1905 г. Харьковского отдела СРН. Расстрелян большевиками.

[2] Образцов Василий Афиногенович (1859 – после 1920) – педагог, политический и общественный деятель, член правой фракции III Государственной думы, активный участник правомонархического движения. Истоки раскола в СРН Образцов видел в действиях неких «темных сил», которые обманывают обе стороны конфликта: «В этой распре среди Союза принимают участие те же темные силы, что и в государственной смуте, и в равной степени обманывают обе враждующие стороны».

[3] Тимошкин Федор Федорович (1872 – не ранее 1917) – видный деятель правомонархического движения, член правой фракции III Государственной думы. Во время раскола СРН поддержал А. И. Дубровина.

имеет неудобную в общежитии привычку называть «провокаторами и подкупленными А. И. Дубровиным» всех тех, кто не безмолвствует раболепно перед графом и его руководителем на политическом пути Союза В. П. Соколовым. Само собою разумеется, что А. И. Дубровин, озабочиваясь сохранением приличия в Главном совете и своего достоинства в глазах Союза Русского Народа, не только мог, но *обязан* был *потребовать* от Главного совета *удаления* графа Э. И. Коновницына из Главного совета, как нарушающего порядок и препятствующего правильному ходу занятий.

Получив это требование, Вам предстояло выбрать между А. И. Дубровиным и графом Э. И. Коновницыным. Вы предпочли последнего.

Этим все сказано! Ваша затаенная мысль обнаружилась ясно. Вы воспользовались графом как обстоятельством, отталкивающим А. И. Дубровина от участия в Главном совете, и затеяли подменить А. И. Дубровина собственною персоною. Захотелось Вам подменить человека, сумевшего вызвать в русской народности геройскую преданность историческим началам в минуты шатания даже властей и дворянства.

Наконец, разве Вы забыли, что А. И. [Дубровин] – тот человек, в лице которого Государь объявил Союз «надежною для себя опорою»; он имеет полное право требовать удаления из Союза всякого, кто мешает положительной работе по осуществлению желания Самодержца опираться на сомкнутые, многочисленные ряды русской народности.

Следовательно, подстроив помеху А. И. Дубровину в великом деле объединения русского народа, Вы и остальные члены Главного совета тем самым показали, что все вы вместе считаете себя пригодными на это дело. Но скажите, какие же заслуги Ваши дали Вам основание так полагать? Вы лично хорошо вели свое дело в Государственной думе и руководили Отделом Союза в г. Щиграх. А. А. Римский-

Корсаков заслужил большую благодарность как монархист-губернатор и только теперь обозначился как помещик-жидолюб. Вы все притом сами по себе очень хорошие люди, но, сознайтесь, этого еще недостаточно для политического руководства союзною миллионною организациею.

Когда вы, члены Государственной думы и монархисты, приезжали в столицу, где находили вы место для того, чтобы, сойдясь, пообсудить общие нужды? Кто помог вам сорганизоваться и взять верное направление? Как же теперь все это вы позабыли и возомнили только себя спасителями Отечества?

Как только остались вы без руководства, тотчас начали блуждать в разные стороны. Вспомните ваше соглашение с организациями, находящимися под руководством у конституционных заговорщиков. Вспомните свой слабый протест против организации в Гос[ударственной] думе заведомо масонской «русской группы междупарламентского союза». Вспомните неумелую постановку вопроса о постройке храма в память 300-летия Дома Романовых. Вспомните ваше ничем не вызванное обращение к полиции за содействием против союзников, ваше пренебрежение к почину Самарского Отдела устроить поездку монархического хора, вспомните некрасивую интригу, которую вы вели против «Русского знамени», и ряд мелких других… Вспомните, одним словом, все свои шаги, клонящиеся ко вреду единодушия русского народа, и покраснейте за них.

Вы хотите заменить А. И. Дубровина. Но для этого недостаточно даже того, чтобы быть равным А. И. Дубровину. Необходимо быть лучше его. А чем Вы лучше и что Вы сделали лучшего?

Ведь никто не назовет лучшим для русского дела Ваше приятельство с такими кругами, которые только и мечтают о конституционном перевороте в России. Организованная Вами посылка «уполномоченных» по стране для

агитации против А. И. Дубровина и неблаговидные приемы их – сплетни, угрозы закрытием за нежелание повиноваться Вашему диктаторству, не терпящему возражений, обман в виде образования бумажных Отделов – все это показывает, что Вы идете во след собственному властолюбию в Союзе. Всем теперь видно, что в своей борьбе с А. И. Дубровиным Вы чем-то особенным заинтересованы, что сам Союз Вам не дорог и что для Вас важен лишь успех в виде полного устранения влияния на Союз несговорчивого А. И. Дубровина.

И вот за это Вам теперь уже преподнесен от всего Союза титул *«вчерашнего патриота».*

Не льстите себя надеждою, что с добровольным выходом из Главного совета сторонников А. И. Дубровина Вы со своими единомышленниками приобрели власть и значение в Союзе. Нет у Вас этой власти и не будет. Союз – не департамент. Так для чего же эта комедия, этот обман – штаб без войска?!

На Россию ползет жид. Жиду этому мешает только сплоченность Союза Русского Народа. Вы ведь сами тоже боретесь с жидом. Как же Вы не замечаете, что, подняв в Союзе Русского Народа раздор, Вы тем самым даете жиду лазейку, а заговорщикам конституции повод болтать вздор, что они сломили и устранили упрямство русского народа и теперь могут хозяйничать над Империей, как им заблагорассудится.

Измените же Ваше поведение и примите меры, чтобы А. И. Дубровин мог по-прежнему руководить Союзом не только через «Русское знамя», но также и через Главный совет.

Союз Русского Народа больше не в силах быть для Вас ни другом, ни врагом. Ему дорого время, призывающее его к зоркой работе, а не к междоусобице.

Прошу верить совершенному к Вам уважению Вашего покорного слуги.

Н. Жеденов

Возражение на ответ г. Маркова

Нельзя не порадоваться, что молчание орудующего ныне состава Главного совета Союза Русского Народа наконец-таки нарушено. Сперва г. Соколов, а затем г. Марков[1] осветили несколько свои казавшиеся загадочными взгляды и действия.

Особенно любопытен в этом отношении Н. Е. Марков. Он действительно в Курской губернии известен как истый черносотенец. Охотно верю его словам, что он вошел один в зал, где гоготала толпа разнуздавшихся революционеров, и возгласом преданности Самодержавному Царю вызвал энергию в народе для изгнания социальной сволочи. Но тем более глубоко печальна политическая эволюция, в нем происшедшая или, скорее, в нем произведенная.

Руководителю нашей бюрократии нужно отдать справедливость: он ловко умеет справляться с противными ему политическими течениями. Если не сладит он с ними прямо, то побеждает иначе – не мытьем, так катанием. Характерен об этом рассказ одного из видных политических деятелей, обладающего особенно ценным для нашего времени свойством – совершенною независимостью. Вот такой-то человек и рассказывает. На совещании представителей администрации и общественных управлений о реформе губернских учреждений быстро образовалась оппозиция правительственному законопроекту, с конституционной закваской, об умалении власти Самодержца над губернаторами и о подчинении губернаторов власти председателя Совета министров. Покойный граф Доррер[2]

[1] В №№ 9 и 10 Вестника Главного совета С[оюза] Р[усского] Н[арода]. – *Прим. авт.*

[2] Доррер Владимир Филиппович, граф (1862–16.08.1909) – общественный и политический деятель, лидер фракции правых III Государственной думы, член Главного совета СРН, один из руководителей правомонархического движения в Курске.

и этот деятель, подсчитав, нашли, что на их стороне большинство, созвали всех своих сторонников на тайное собрание и на нем порешили остаться всему большинству при отдельном мнении на этот законопроект, когда придется его подписывать. «И что же? – рассказывает он. – Когда пришлось подписать отдельное мнение, из большинства остались только трое: граф Доррер, я, да еще один. Остальные все увернулись, хотя самым энергичным образом возмущались тем конституционным подвохом, который в ущерб Самодержавию сквозил в каждой строчке законопроекта. Узнав о тайном соглашении, П. А. [Столыпин][1] всех их сумел заставить молчать – одному пообещал место вице-губернатора, другому помог выпутаться в дворянском банке из петли, третьему по дорогой цене продал крестьянам имение, четвертому обещал освободить от уголовщины его проворовавшегося родственника. Он всех обошел, приласкал, сказал несколько льстивых слов со многими обещаниями, а те и уши развесили…» Проект, явно клонящийся в пользу честолюбцев-сановников к подрыву Самодержавия и его исторического строя, был запротестован лишь тремя голосами.

Страшно сказать, а вот этот самый фокус давно уже подозревался и за г. Марковым. Вскоре по приезде он сам высказался, что будет «считаться» не с народными нуждами, не с законами, но с желаниями П. А. Столыпина. И действительно, Марков 2-й именно о произволе сановной бюрократии не только упорно молчал, но даже подавал голос за сокрытие сановных прегрешений. За это он заслужил приглашение на чашку чая вместе с разными конституционных дел мастерами. Вот потому-то появление г. Маркова у П. А. Столыпина на вечеринке и принято

[1] Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – выдающийся государственный деятель, действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего Двора, министр внутренних дел с апреля 1906 г., с 8 июля 1906 года и до кончины председатель Совета министров.

было за указание на перемену его взглядов. Присутствие его у конституционной братии в гостях обозначало, что г. Марков перестал уже быть противником бюрократии, что он нашел между собою и заговорщиками на ограничение власти Государя что-то общее, что позволяет ему вести с ними дружную компанию. Результатом сего содружества явилось энергичное приглашение «Земщиною», органом г. Маркова, членов Союза Русского Народа поддерживать октябристов повсюду, где они имеют столкновение с политическими партиями: в земстве, в городских думах, частных обществах и т.п. А это именно только и нужно было левому лагерю. Когда с бессмысленною помощью *правых* партий октябристы овладеют Государственным советом, Государственной думой, земством и городами, тогда до конституционного переворота останется один шаг: первые бывают на них, а вторые во всяком случае избегают, если они устраиваются людьми, пошедшими на узурпацию Царской власти.

Пусть г. Марков вспомнит все перипетии Третьей Государственной думы. Самые выборы в нее происходили при явном содействии «царских министров» одной только группы лиц. Его друг, о. Восторгов, имел иезуитскую командировку с этою целью на Волгу. Но кого же проводили в Государственную думу «царские министры»? Они – царские слуги, проводили, вероятно, преданных Царю лиц, любящих Отечество свое и верных его преданиям, – членов Союза Русского Народа, которым г. Марков, по его словам, руководит? Отлично, однако, и ему известно, что путем подкупа проведены были уже по явке в Петербург проведенные «царскими министрами» октябристы – злейшие враги Самодержавия и Православия. Через неделю уже по явке в Петербург проведенные «царскими министрами» октябристы громко провозгласили в Государственной думе, в Вашем же, г. Марков, присутствии,

нашего возлюбленного Государя лишенным Самодержавной власти, т.е. совершили явно изменническое бунтарское деяние. Тогда положение того «царского министра», по настоянию которого «царские недруги» прошли в Государственную думу и вечеринками которого Вы, г. Марков, не брезгуете, зашаталось. Он не счел нужным в качестве «первого царского министра» явиться немедленно в Государственную думу и протестовать – нет, он выжидал, чем эта конституционная попытка окончится. И только на четвертый день загадочным выражением о свободной воле Монарха, и то лишь после должного внушения, он как будто опровергал мнение вольнодумцев, оставив вопрос о решительном восстановлении уважения к Самодержавию в двусмысленном положении.

Напомню историю с расширением прав представительных учреждений по вопросу о 96 ст[атье] Осн[овных] Закон[ов], когда утвержденные Царем штаты внесены были в Государственную думу на обсуждение и одобрение подданных и когда все царские министры своими голосами помогли левой половине Государственного совета объявить захват частицы Царской власти.

Нужно ли приводить ряд других случаев – расширение власти министров за счет власти законодательной, уравнение Православия с иными вероисповеданиями и, наконец, о настоящей попытке освободить губернаторов от главнейшей обязанности – блюсти неприкосновенность Самодержавия. Для каждого, вглядывающегося в современные события, сравнивающего их с примерами в истории, видно, куда они ведут; ясны цели тех или других лиц, и потому приходится и самому решать вопрос – куда идти, за кем? Вы, г. Марков, пошли за тем, за кем ни я, ни подавляющее число членов Союза Русского Народа никогда не пойдем. Вы зовете нас в сторону, противоположную Уставу Союза, главные политические цели кото-

рого – охранять во всей целости Самодержавный строй, как источник всего благоденствия России. За это Вы зовете нас реакционерами – пусть будет так. Но не называйте и себя верным Царскому Самодержавию. На такового Вы не похожи, и вот почему.

Разве хорошо и прилично хотя бы, например, объявлять себя народными не *избранниками*, но *представителями*. Полагаю, Вы не будете отрицать, что эти понятия не одинаковы. В качестве народного избранника Вы подаете лишь *свой* голос, а в качестве представителя Вы говорите от лица народа. Разве эту подачу голоса от лица избирателей Вам «в обязанность вменил Самодержец Всероссийский», как пишете Вы мне в своем ответе? Царь действительно повелел быть Государственной думе, и Вы должны повиноваться Царской Воле, но быть в ней Вы должны, согласно воле Государя, народным лишь *избранником*, но не *представителем*. Вот в этом-то и все зло современное.

Подумайте хорошенько, кто же может быть скорее назван «не членом Союза Русского Народа», Устав коего гласит о верности неограниченному Царскому Самодержавию и ни слова не упоминает о какой-то земской соборности, столь схожей с конституцией, а «членом какого-то иного Союза», как выражаетесь Вы, назвав нас реакционерами, а себя – земско-соборниками; Вы этим присвоенным названием отодвинули себя уже *влево* от нас и от Союза Русского Народа.

Теперь для полноты картины необходимо перейти к частностям. Своею странною манерою прикрываться Царским именем в прозаической полемике Вы ставите возражающих Вам в затруднительное положение. Конечно, она облегчает Вам нападение и ставит препятствия к прямым ударам, но все-таки не всем. Есть люди, которые любят, хотя и с опасностью от постороннего давления, хватать

быка за рога. Поэтому, скажите, можно ли брезговать, например, Милюковым[1]?

Следуя Вашим доводам, – нельзя. Ведь он допущен Царем к подаче советов? Наконец, он царский подданный? Во всяком случае, он не какой-нибудь, вероятно, плохой человек, если выбран от полуторамиллионного населения столицы? А между тем слова презрения к нему не перестают сходить и с Ваших также уст? Одинаково относились Вы и к графу Витте[2], а ведь он также был царским министром, и главою даже правительства, и ныне еще состоит членом Государственного совета, да еще по назначению. В отношении к той или другой личности при чем тут должность, которую он занимает? Мало ли сейчас арестовано воров и взяточников в генеральских чинах, а ведь все они царские тоже генералы. Одно состояние в той или другой должности или чине разве характеризует личность?

Указанная странность во взглядах г. Маркова происходит от его подобострастия к высшим и высокомерия к низшим. Точно кичливый поляк: «С лакеем – важный барин, и наоборот». Но ведь союзники – не лакеи. Зачем же на них он смотрит свысока? В нем вообще замечается непомерная заносчивость. Достаточно убеждает в том заглавие, которое он дал своему ответу: «Ответ Маркова 2-го» и те титулы, которыми он расписался – член Совета двух провинциальных Отделов, член Главного совета Союза Русского Народа, почетный член трех провинциальных Отделов и одного столичного и даже член Государственной думы, да еще и

---

[1] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, профессор Московского университета; основатель «Союза освобождения»; масон; председатель «Союза союзов» (1905); основатель и бессменный лидер крупнейшей либеральной Конституционно-демократической (кадетской) партии; член Третьей и Четвертой Государственных дум; министр иностранных дел Временного правительства (март–апрель 1917 г.); эмигрировал.

[2] Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель Комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).

№ 2 поставил себе. Этот перечень настолько солиден, что даже не улыбку, а ужас вызывает он, указывая, как глубоко зашла его болезнь. А если г. Марков в здравом уме, то пусть скажет, что означает № 2, который он прибавляет к своей фамилии? Я разбирал, главным образом, его деятельность в Главном совете Союза, в котором есть только один Марков. Никакого другого Маркова ни я, да вряд ли и другие кто, не знаем. В Государственной думе он носит этот номер, но его дядя числится в стане октябристов и называется по отчеству Львовичем[1], так что принять их одного за другого никак не возможно, и ставить номер для их различия совершенно незачем. Союзники же знают одного Маркова и, упоминая его фамилию, номера к ней не прибавляют. Для чего же г. Марков этот номер ставит, если не для придания себе величия?.. Насчет же почетного членства уж лучше бы «Симеоновского» не прибавлять. Мы-то, столичные, хорошо знаем, что этот отдел бумажный и состоит из тех же лиц, которые открыли отдел на Малой Охте, Железнодорожный и еще какой-то, в чем принимали горячее участие филеры низшей даже марки. Уж лучше бы не срамить себя, г. Марков, такими почетными титулами от сыщиков. Достаточно посрамлен был Главный совет, когда с презрением отказались быть членами провокационных отделов инженеры гг. Тришатный, Баринов и Пузанов[2], чтобы лишний раз об этом говорить. Но это все-таки личное дело г. Маркова – нравятся титулы, пусть наслаждается.

---

[1] Марков Николай Львович – (1841–?) – железнодорожник, председатель правления Юго-Восточных железных дорог. Окончил Институт инженеров путей сообщения. Землевладелец Моршанского уезда. В III Государственной думе – депутат от партии октябристов (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). 3-й созыв. 1907–1912 / Сост. М. Боиович. 6-е издание. М., 1913. С. 338).

[2] Баринов – занимал пост секретаря Союза Русского Народа; Тришатный Александр Иосифович (1866–после 1914) – коллежский секретарь, один из основателей СРН, первый товарищ председателя Главного совета СРН, автор Устава Союза; Пузанов – активный член Союза Русского Народа.

Гораздо важнее его название членов Союза Русского Народа «ничтожной кучкой в десяток-другой приятелей где-либо в трактирчике на Сенной». С точки зрения г. Маркова, посещающего только богатые рестораны, быть может, оно и так, но тогда пусть он будет от таких людей подальше. Между тем мы видим, что уходить от них он именно не хочет. Он желает ими помыкать, как польские паны помыкают хлопами, зовя русских простых людей быдлом, но тогда – какой же Марков народник? Недаром же в «Земщине», органе г. Маркова, союзники были названы «физиономиями с пустыми мозгами» – презрение главного хозяина передалось и его сотрудникам. Это презрение только и дало смелость г. Маркову, пользуясь юридическим крючкотворством, насильно сидеть в управлении Союзом, когда отовсюду (кроме, конечно, Симеоновского, Железнодорожного и других новосозданных дутых отделов) несутся крики: «Вон, вон!» Прав, тысячу раз прав был я, утверждая, что между г. Марковым и Союзом огромная пропасть. Быть может, у себя в Щиграх[7] г. Марков ведет себя иначе, но в Главном совете он показал себя не союзником, и с такою заносчивостью, с таким высокомерием вождем Союза – учреждения демократического – он быть не может.

Упрекая меня в том, что я будто бы вещаю от имени всего Союза Русского Народа, г. Марков тут же заявляет от имени всего Союза, что все должны уважать лиц, им поименно приведенных из состава Главного совета. Я не знаю ни г. Говорухо-Отрока, ни г. Пешкова[1] и говорить о них не

[1] Говорухо-Отрок Михаил Яковлевич (1866 – после 1919) – государственный и общественный деятель, член правой группы Государственного совета, активный деятель Объединенного дворянства, член Главного совета СРН, член Совета Русского Собрания, автор известной записки Императору Николаю II Александровичу о мерах по предотвращению революции. При расколе СРН поддержал противников А. И. Дубровина; Пешков Николай Николаевич (4.04.1857 – после 1917) – генерал-лейтенант, руководитель Комитета по организации экспедиций к Северному полюсу, член Главного совета Союза Русского Народа (СРН), председатель Русского Собрания (РС).

берусь, отметив лишь, что последний исполнил свой долг, когда был харьковским губернатором, а первый в Курской губернии не поддался левым партиям, но, к сожалению, об их деятельности, несомненно почтенной, знает далеко не весь Союз. Эти лица, однако, не позволяют себе выступать для направления Союза в конституционную сторону – по крайней мере пока о том ничего не слышно. Деятельность других – как г. Римского-Корсакова, отдавшего жиду ключи от Православной церкви с обязанностью под своим жидовским надзором пропускать православных мужиков молиться в церковь[1], графа Э. И. Коновницына по его последним выступлениям – известна, но не дает повода относиться к ним с уважением. Если же и остальные члены Главного совета сознательно участвовали, в чем сомневаюсь, в посылке агитаторов сомнительной нравственности с секретными полномочиями закрывать Отделы, с ними не соглашающиеся, то это не делает им чести, почему утверждение г. Маркова, что они, «всеми *порядочными* людьми уважаемые», является весьма рискованною и притом бесцеремонною по отношению к чужим именам фразою, так как обман, клевета, сплетни и интриги не дают прав на уважение.

Что же касается «возмущения против законности и порядка», в чем обвиняет г. Марков «Русское знамя», то оно было бы равносильно лишь крику преступницы Тарновской[2]: «Кричи, когда бьешь, чтобы думали, что тебя

[1] Имение А. А. Римского-Корсакова «Старый двор» находилось в Витебской губернии. Некоторые постройки бывшего имения, в том числе и храм, сохранились до сих пор.

[2] Мария Тарновская – киевская аристократка королевских кровей, которая кружила головы мужчинам и обирала их до нитки. Организовала из корыстных побуждений убийство графа Павла Комаровского из Орла. Весной 1910 года в Венеции состоялся судебный процесс по делу Тарновской и ее сообщников. Следствие пришло к выводу, что в основе всех поступков Тарновской лежали голый расчет и страсть к наживе. Корреспонденты гадали, устоят ли присяжные заседатели против чар подсудимой. Итальянские присяжные, вопреки ожиданиям, устояли. Тарновскую осудили на восемь лет исправительных работ в Венеции, на соляных промыслах.

бьют», если бы не соответствовало общей эволюции г. Маркова. Теперь он так же фальшиво кричит о «законности и порядке», понимая под ними возможность при спокойствии союзников выжить А. И. Дубровина и повернуть Союз на желательную для его нынешних самозваных «руководителей» земско-соборность в виде постоянного собрания народных представителей.

Под влиянием наших укоров г. Марков стремится хоть чем-нибудь оправдаться. Утопающий хватается за соломинку. Так и г. Марков то и дело указывает на необходимость беспрекословного ему повиновения потому только, что он действует от имени Главного совета, а Главный совет он называет не исполнителем, но «руководителем всеми делами Союза». Не замечает г. Марков всей остроты такой постановки вопроса. Необходимо ему пояснить. Союз Русского Народа и орган его управления есть прообраз всей жизни русского народа. Как русский народ доверил свою жизнь Единому Лицу, так и Союз Русского Народа сделал то же самое. Никакого правительства, равносильного власти Монарха, русский народ не допускает – подобное положение в его понятии не укладывается. Так же и в Союзе. Союзники доверились исключительно Дубровину и никакого Главного совета знать не желают. Марков и К° пренебрегают русским народом, и дух его для них непонятен; они полагают, что, кто бы ни был в Главном совете, всем одинаково Союз должен верить. Г. Марков попал в Главный совет и потому решил, что достаточно ему приобрести влияние в нем, чтобы ворочать всем Союзом и руководить им так, как прикажут ему за чашкой чая на Фонтанке… и ошибся в расчетах. Заметя его в связи с врагами Самодержавия, Союз выразил открыто г. Маркову недоверие и пожелание, чтобы он оставил Главный совет. Но руководительство Союзом по конституционной дорожке сопряжено для г. Маркова *с какими-то обязательствами*, и потому он решил пре-

небречь требованиями союзников и насильно остаться во главе Союза. Тогда протест заявлен был в вестнике Союза Русского Народа «Русском знамени», что вызвало отклик по всему Союзу с выражением негодования по адресу Главного совета, а от имени собрания советов всех отделов города Петербурга предложено г. Маркову оставить Союз совместно с гг. Соколовым и графом Э. Коновницыным, так как союзники перестали одним доверять, а другого считают помехою в их единении. Не послушался и тогда г. Марков – вопреки Уставу организовал новый вестник и противозаконно выдал его за вестник Союза Русского Народа. Это побудило требовать созыва общего собрания для обсуждения действий Главного совета. Но г. Марков, открыто нарушая тот самый «закон», на который он ссылается, то есть § 27 Устава, до сего времени не исполнил требования 215 членов Союза о созыве общего собрания, желая продолжить свое самовольство. Таким образом, с одной стороны, г. Марков высокомерно кричит о соблюдении Устава, о «законности и порядке, к коим призвал всех нас, союзников, сам Великий Самодержец», и даже усиленно подчеркивает эти слова, а сам тут же рядом их нарушает. Такого тонкого иезуитизма за все время существования Союза Русского Народа еще не замечалось в нем, и г. Марков впервые еще открыл этот путь лицемерия, показав себя достойным соратником тех, кто служит Самодержавному Царю, а втихомолку расхищает Самодержавие.

Таковыми же будут и выступления его в Государственной думе за прерогативы Самодержавия. До лета 1909 года г. Марков был истинным патриотом, а весною что-то с ним случилось: начал издавать «Земщину» и сразу замолк. А еще в мае месяце прошлого года я лично убеждал некоторых лиц о необходимости издать речь г. Маркова о Самодержавии отдельными брошюрами и распространить их по России. Тем-то и обидна эта перемена в г. Маркове.

А в нынешнем году эволюция сказалась еще резче. На прошлогоднем съезде уполномоченных всероссийского дворянства, по словам Маркова, он «требовал, чтобы из Законов российских не исключалась статья, обязывавшая губернаторов блюсти Самодержавие». А в нынешнем году он запел уже иную песню. Вот что напечатано в «Земщине» (орган лично Маркова) в № 246 от 17 марта с.г. в отчете о VI съезде уполномоченных дворянских обществ. «Член Государственной думы Н. Е. Марков. “Съезду следует высказаться за то, чтобы *губернатор*, ограждая права Самодержавия–Православия, был бы *подчинен председателю Совета министров*, но не министру внутренних дел”». Такова эволюция. Ныне губернатор ответственен только перед *Верховным* правительством (ст. 282), а от министров он получает лишь указания, которых может послушать, если они ему покажутся правильными, и не исполнить, если он найдет их противоречащими законам и интересам Его Величества. По предложению же г. Маркова эта независимость губернаторов уже исчезает и они становятся в подчинение уже не Царю, но первому сановнику. Ныне губернатор дает отчет в своих действиях только Царю, а министру посылает с него копию для сведения, а по новому проекту, одобряемому г. Марковым, с подчинением председателю Совета министров отчеты он будет посылать уже председателю Совета министров. Такое перенесение центра тяжести, придуманное жидом Гурляндом[1], очень нравится г. Маркову, и теперь понятно, почему сделался он на Фонтанке persona gratissima[2].

[1] Гурлянд Илья Яковлевич (1868–1921) – российский государственный деятель, публицист, историк, поэт, драматург и редактор. Действительный статский советник. По образованию юрист, доктор полицейского права, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле. В период с 1904 по 1917 гг. служил в Министерстве внутренних дел, в 1906–1911 гг. – один из близких сотрудников П. А. Столыпина, был членом Совета при министре внутренних дел. В 1907–1917 гг. был редактором частной газеты «Россия», которая, однако, тайно финансировалась правительством.

[2] Желательнейшая персона (*лат.*).

В настоящее время, если министр внутренних дел или председатель Совета министров задумает крамольничать, то из 100 губернаторов в десяти, пятнадцати губерниях, как это и было в 1905 году, он, быть может, найдет сочувствие. А остальные спросят прежде всего у Царя, надлежит ли им исполнять загадочные приказания предателя, и сообразно с Царским указанием поступят. С подчинением же губернаторов председателю Совета министров они лишатся права непосредственных докладов Государю и Царь не будет ничего знать о преступных замыслах предателей. Во сколько же крат увеличится опасность для Государя, если губернаторы не только лишатся права лично доносить Царю, но подчинены будут, вместо министра внутренних дел, против которого могут быть все остальные министры – ему равные, уже председателю Совета министров, в сущности, фактическому начальнику всех министров. Можно ли отрицать, что председатель Совета министров по своему вкусу подбирает себе сочленов, что de jure независимые, de facto министры ему подчинены. Каково же будет положение Государя, если на должности председателя Совета министров очутится хитрый интриган вроде графа Палена, или князь Святополк-Мирский[1], или Хильми-паша[2],

[1] Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914) – князь, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; пензенский, затем екатеринославский губернатор; в 1900–1902 гг. – виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор; в 1904–1905 гг. – министр внутренних дел.

[2] Хусейн Хильми-паша (тур. Hüseyin Hilmi Paşa; 1855, Митилини, остров Лесбос – 1922, Вена) – великий визирь Османской империи. Хусейн Хильми-паша начал государственную службу в качестве секретаря и постепенно поднялся вверх по служебной лестнице. В 1897 году он был назначен губернатором Аданы, а в 1902 году его назначают губернатором Йемена. В 1908 году Хусейн Хильми-паша был назначен на должность министра внутренних дел. Во время правления Абдул-Хамида II с 14 февраля по 13 апреля 1909 года и во время правления Мехмеда V с 5 мая по 23 декабря 1909 года Хусейн Хильми-паша занимал должность великого визиря. Поддержал младотурецкую революцию. В 1912 году его назначили послом в Вену. Хусейн Хильми-паша, последний посол Османской империи в Вене, пробыл на этой должности 7 лет, он оставил пост по состоянию здоровья и некоторое время жил в Вене. Скончался там же, похоронен в Стамбуле.

граф Витте… В настоящее время у председателя Совета министров есть власть только проблематическая, а фактически только захватная, и если при ней он уже может подбирать себе покорных слуг и направлять деятельность их по личному своему вкусу, а не по воле Монарха, то какое значение получит он, если под его властью очутится сто губернаторов, со всем находящимся у них в подчинении штатом полицейских войск, которых в иных местах более, чем даже регулярной армии. Разве не может тогда русский Хильми-паша подобрать губернаторами сплошь своих слепых сторонников? Будучи подчиненным, разве может губернатор сказать тогда своему начальнику, что его действия вредят неприкосновенности Самодержавия? Оценка такого вреда вполне субъективна, и потому губернатора, как своего подчиненного, может во всякое время заставить председатель Совета министров исполнить свое приказание, даже явно клонящееся ко вреду Самодержавию. Напомним еще раз о приказании князя Святополка-Мирского петербургскому градоначальнику о доверии, которое привело к гапоновскому бунту, впервые направленному против Самодержавной Власти. Напомним о приказании графа Витте, уже в качестве председателя Совета министров, не мешать народной свободе, которое кончилось бы очень плохо для Самодержавия, если бы губернаторы были подчинены в то время председателю Совета министров. Но у графа Витте оказалось только несколько единомышленников под рукою – Цехановецкий, Янушевич, Андреевский[1],

[1] Цехановецкий Болеслав Павлович (1857–1917) – действительный статский советник, иркутский вице-губернатор, пермский вице-губернатор (1901–1904), смоленский вице-губернатор, уфимский губернатор (с 27 июня по ноябрь 1905 г.); Янушевич Бронислав Мстиславович – ставропольский губернатор (с сентября 1906 г.); Андреевский Евгений Константинович (23 августа 1847 г. – 8 марта 1917 г.) – российский государственный деятель, тайный советник. В разное время занимал должности курского вице-губернатора (1890–93), черниговского губернатора (1893–1901). Из дворян Бессарабской губернии.

Столыпин, а остальные, как, например, фон дер Лауниц, своими личными донесениями Государю дали такой отпор графу Витте, что он быстро слетел со своего места.

Не имеет права сказать г. Марков, что он этого не знал и не догадался об оборотной стороне медали. В Петербурге он достаточно мог наслышаться всех подробностей коварного заигрывания председателя Совета министров с Советом рабочих депутатов, и потому опасность сосредоточения всей правительственной власти в руках одного сановника ввиду возможности измены ему не могла не быть известною и понятною.

Тем грустнее для г. Маркова. Тем подозрительнее его восхваление своей преданности Самодержавию. На словах он предан Самодержавию и крайне озабочен тем, чтобы довести до Государя якобы отстаивание им, Марковым, царских интересов, а на деле усердно помогает П. А. Столыпину получить власть в лице имеющих быть подчиненными ему губернаторов, тогда как по Основным Законам никакой решительно власти председателю Совета министров не присвоено – он лишь председательствует среди равных. Сделано это именно затем, чтобы лицо, занимающее столь важный пост, отнюдь не могло иметь материальной силы, которая, на случай измены самозваного главы правительства, должна всецело, без малейшего изъяна, принадлежать только Священной, Богом данной и народом призванной Главе Государства – Царю Самодержцу. Вот эта-то игра Ваша, г. Марков, между Самодержавием и захватчиками власти и внушила к Вам недоверие. Вы думали, что ее никто не видит, но в течение последнего года перемена в Вас обратила на себя общее внимание: Вы почуяли власть; она, запретная для Вас, уже успела Вас опьянить, и Вы потянулись за нею весьма и весьма-таки сильно. В ответе своем Вы сами выдали себя. Вы пишете, что «“Русское знамя” стало вестником

(злобы, зависти, раскола и вражды между. – Эти слова в кратком варианте статьи отсутствуют, но имеются в полном варианте. – *Д. С.*) сословиями русского народа *и между русским народом и Царским правительством*» и что поэтому стал издаваться Главным советом свой вестник. Таким образом, ясно, что назначение Вашего вестника – парализовать нежелательное для Вас значение «Русского знамени».

«Русское знамя» никогда сословной вражды не возбуждало. Оно одинаково отстаивает и дворян, и даже титулованных, и духовных лиц, и крестьян, и мещан в справедливых их требованиях. Обвинение, брошенное Вами «Русскому знамени», совершенно не соответствует истине. Что же касается правительства, то «Русское знамя» поступает действительно не так, как дано Вами в руководство «Земщине» и вестнику Главного совета. «Русское знамя» еще ни разу не лизало пяток у бюрократов, чем все время занимаются ваши газеты. И если для вас непрестанные указания вестника Союза Русского Народа «Русского знамени» на уклонение нынешнего состава царского правительства от верноподданнического пути кажутся нежелательными, как поселяющие вражду и раскол между русским народом и изменяющей своему долгу бюрократией, то для всех верных Самодержавному Царю «Русское знамя» представляется в виде зоркого стража возле Царского Самодержавного Престола.

«Русское знамя» не позволит провести конституцию под флагом земско-соборности – будьте в том покойны!

Те органы печати, которые раскрывают во всеобщее сведение тайные замыслы, интриги и преступления бюрократов, как, например, «Голос русского», голос вполне независимого патриота, Вы называете *заборной* литературой и заявляете, что не желаете ее читать. Заборною литературой называют обыкновенно пошлую брань, но если г. Бала-

шев[1] постоянно разоблачает пошлые делишки таких Ваших сотрудников, как о. Восторгов, г. Скворцов[2] и друг[ие], то этим еще газета не становится в разряд заборной. Наоборот, ее надлежит назвать – честною и благородною газетою, хотя далеко не схожею с вашим идеалом: молча смотреть, как воруют государственное добро, обижают и грабят население, если это дает вам возможность пить чай у «первого Царского министра». А мои личные впечатления по отношению к Вам именно таковы. Когда я просил Вашего, как члена Государственной думы, содействия для привлечения к ответственности взяточников и убийц благородного рыцаря, преданнейшего царского слуги В. Ф. фон дер Лауница, Вы сперва согласились, а потом, узнав, что прикрывают их нужные Вам лица, ответили: «О, тогда другое дело. Здесь замешан… Надо подумать. С ним нам ссориться нежелательно». Одним словом, сохранение хороших личных отношений с виновником этих Зол вы предпочли истине. Что же, Вы хотите, чтобы за такие дела, далеко не добрые, не патриотические и даже не благородные, считали Вас могущим стоять во главе патриотического Союза?

А. И. Дубровин на Ваши слова о том, что он будто бы не блюдет Устава и потому не может быть надежной опорой Государя, слабо по скромности своей ответил. Между тем Вы сейчас уже нарушаете Устав, отказавшись собрать общее собрание по требованию 215 членов. Зная, что большинство не в Вашу пользу, Вы составляете дутые отделы, чтобы искусственно составить для общего Собрания лишнее число сторонников. Вы записываете в число этих отде-

[1] Балашев Владимир Андреевич (? – после 1920) – присяжный поверенный, поэт, публицист, издатель, активный деятель правомонархического движения в Москве.

[2] Скворцов Василий Михайлович (12 (29) января 1859 – 3 мая 1932) – русский публицист, издатель, православный миссионер, общественный деятель, участник монархического движения; издатель газеты «Колокол» и журнала «Миссионерское обозрение»; тайный советник.

лов лиц, которые потом публично негодуют на зачисление Вами их к себе в компанию. Вы признали себя для Союза очень много значащим и не только остались, чтобы помешать Дубровину войти в управление, но приняли меры к тому, чтобы раздуть возмущение по всей России. Какой же Вы после этого охранитель закона и Устава?

Вы ставите в вину А. И. Дубровину, что он разошелся с г. Пуришкевичем и о. Восторговым. Но как же далеко мы с Вами разнимся во взглядах. В том-то и заслуга Дубровина, что он остался твердым, как скала, на все старания свергнуть его в конституционную сторону и удалить из Союза тех, кто его хотел из надежной опоры Государя сделать орудием для захвата Государевой Власти. Также велика заслуга и «Русского знамени» хотя бы в том, что оно раскусило тот фрукт, что Вы подносите русскому народу в виде земскособорности. Отлично мы понимаем, куда Вы тянете. Но, надеемся, не удастся Вам при всем Вашем честолюбии и всей Вашей ловкости прикрываться далее Царским Именем: Союз Русского Народа за Вами не пойдет – обмануть его фальшивым флагом не удастся. Напрасно лишь тратились на чашку чаю для Вас на Фонтанке.

Не я поднес Вам титул «вчерашнего патриота». Я указал лишь, что Вы своими действиями возбудили против себя такое раздражение, что Вас называть уже стали «вчерашним патриотом». Я хотел указать Вам на то, что Вы зарвались чрезмерно и игру повели, во всяком случае, не к славе, если даже и помогут Вам в Вашей борьбе честолюбцы-сановники.

К «Русскому знамени» примкнули тысячи отделов Союза Русского Народа, и Вы всех их назвали *прихвостнями*. В «Земщине» Вы выбранили союзников «пустыми мозгами», в вестнике Главного совета – трактирными завсегдатаями. Одним словом, для союзников находите Вы одну лишь аттестацию – дурную. Зато сами себя величаете «всеми уважаемым» и т.п. Как же Вы не задались мыслью – почему

это Вы стоите во главе целой армии негодных людей? Удобно ли для Вас такое положение? И все-таки продолжаете насильно оставаться в качестве руководителя всей этой союзной армии прихвостней, пустых мозгов и трактирных завсегдатаев. Очевидно, *что-то сладкое манит Вас*. Какая-то *особая награда* ждет Вас впереди, если Вы готовы терпеть публичные унижения и оскорбления, лишь бы не оставить своего кресла в Главном совете. Союз кричит Вам: «Вон!», а Вы упорно отвечаете: «Не пойду. Дядя за моей спиной, и меня вы не выпихнете». Вы остаетесь пока и, может быть, даже останетесь победителем, но плохая эта победа – победить дядюшкой – юридической казуистикой, но не своим достоинством. К каким ведь постыдным мерам пришлось Вам прибегать: и закрывать отделы, и исключать членов, и звать полицию, и все против своих же союзников. На плохой же путь Вы вступили, г. Марков. Разве посредством полиции вожди становятся во главе народа?

Вы пишете, что Вам не вскружили голову овации. Нет, именно они-то Вас и погубили. Вы и ранее страдали высокомерием, а после этих оваций стали думать о себе больше, чем следовало. Я протестовал против поднесения вам венка. Венки подносят победителям. А Вы кого победили? Попав в Главный совет, Вы выжили из него людей, давно и искренне работающих на дело Союза, принудив их своею близостью к врагам Государя и народа русского в негодовании оставить Главный совет и тем открыть для вас путь к своеволию и ниспровержению идеалов Союза.

Вы ссылаетесь на Всероссийский съезд. Но разве вы хотите его собрать? Зачем скрывать истину?

Мнения отделов уже выяснились – они целиком против Вас. Или Вы, может быть, ждете, когда наготовите побольше бумажных отделов, чтобы заручиться побольше голосами? Но плохое уже это дело, если «руководителям Союза» приходится считать своих сторонников. Союз дол-

жен быть одною душою со своими руководителями, и не только должна быть механическая связь между ними, но и обоюдное понимание. Этому всецело отвечал А. И. Дубровин, и потому-то так дружно отозвались союзники на его отстранение от дел. Г. Марков думает иначе. Этой духовной связи он не считает важным обстоятельством и полагает, что если на бумаге значится Главный совет, то этот совет, будь он хотя бы из неспособных людей, может руководить Союзом. Нужно ли доказывать несостоятельность подобного взгляда… Между тем г. Марков понять этого не хочет.

Однако не переливанием же из пустого в порожнее мы занялись с г. Марковым. Нужен определенный конец для этой полемики. А вывод, по-моему, таков.

Что же делать теперь? Не нужно терять времени. Надо работать во всех направлениях, совершать плебисцит, т.е. спросить все отделы, желают ли они возвращения Дубровина к руководству ценою даже ухода из Главного совета членов, ему мешающих, или не желают. Подсчет голосов разрешит вопрос, о результате которого и сообщить заправилам Главного совета. Если же они не послушают и тогда, клеймить их, как захватчиков власти, чем и как, кто во что горазд.

Одновременно надлежит задать вопрос и г. Маркову. Неужели он не видит, что он весь разгадан? Был он раньше, пока не спознался с Хильми-пашею, преданным Самодержавию Царскому, а теперь изменил уже этому знамени и ныне предан уже самодержавию бюрократов. Пусть открыто в том и сознается. По крайней мере поступит благородно. Союзники отчислят его к гг. Пуришкевичу, Восторгову и прочим слугам честолюбивых сановников и вскоре же забудут.

А при дальнейшем насильственном пребывании ничего хорошего не выйдет. На левый путь Союз не повернуть. Если этого не сделали бюрократы, то тем более не совершить предателям. Союзники очень чутки. Они подметили совершившуюся перемену. Они видят, что вместо сторонников прав-

ды, вместо защиты притесняемых некоторые правые члены стали радетелями кривды, друзьями притеснителей, из монархистов стали обращаться в октябристов. Они заметили их красноватый оттенок и потому говорят друг другу: «Был когда-то Марков 2-й; ныне он – Гучков[1] другой».

Н. Жеденов

Возражение на ответ г. Маркова
(полный вариант)

Нельзя не порадоваться, что молчание правительствующего ныне состава Главного совета Союза Русского Народа наконец-таки нарушено. Сперва г. Соколов, а затем г. Марков осветили несколько свои, казавшиеся загадочными, взгляды и действия. Этим дали они возможность судить о значении их для Союза Русского Народа с большею определенностью, чем ранее, когда лишь несколько намеков выдавали их сокровенные взгляды.

Особенно любопытен в этом отношении Н. Е. Марков. Он действительно в Курской губернии известен как истый черносотенец. Охотно верю его словам, что он вошел один в зал, где гоготала толпа разнуздавшихся революционеров, и возгласом преданности Самодержавному Царю вызвал энергию в народе для изгнания социальной сволочи. Но тем

1 Гучков Александр Иванович (1862–1936) – выходец из московской купеческой семьи. В 1886 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1902–1908 гг. был директором Московского учетного банка и в дальнейшем занимался предпринимательской деятельностью. Один из основателей и с 1906 г. председатель ЦК партии октябристов. Масон. В 1907 г. и с 1915 г. являлся членом Государственного совета. В III Думе возглавлял фракцию октябристов и Комиссию по государственной обороне. С 8 марта 1910 г. по 14 марта 1911 г. – председатель III Думы. Выборы в IV Думу по Москве проиграл. С лета 1915 г. стал одним из лидеров Прогрессивного блока. В 1915–1917 гг. состоял председателем Центрального военно-промышленного комитета. Занимал должность военного и морского министра во Временном правительстве. В 1919 г. эмигрировал.

более глубоко печальна политическая эволюция, в нем происшедшая или, скорее, в нем произведенная.

Руководителю нашей внутренней политики нужно отдать справедливость: он ловко умеет справляться с противными ему политическими течениями. Если не сладит он с ними прямо, то побеждает иначе – не мытьем, так катанием. Характерен об этом рассказ одного из видных политических деятелей, обладающего особенно ценным для нашего времени свойством – совершенною независимостью. Он достаточно богат, чтобы не нуждаться в средствах, и не настолько честолюбив, чтобы гнаться за почетом даже ценою уступок своей совести. По своей титулованной родовитости он мог бы занимать видный пост, но сам от него отказывается, дорожа своею независимостью. Мог бы стоять во главе сильной политической партии, но не пожелал быть лакеем у политических интриганов. Вот такой-то человек и рассказывает. На совещании представителей администрации и общественных управлений о реформе губернских учреждений быстро образовалась оппозиция правительственному законопроекту, с конституционной закваской, об умалении власти Самодержца над губернаторами и о подчинении губернаторов власти председателя Совета министров. Покойный граф Доррер и этот деятель, подсчитав, нашли, что на их стороне большинство, созвали всех своих сторонников на тайное собрание и на нем порешили остаться всему большинству при отдельном мнении на этот законопроект, когда придется его подписывать. «И что же? – рассказывает он. – Когда пришлось подписать отдельное мнение, из большинства остались только трое: граф Доррер, я да еще один. Остальные все увернулись, хотя самым энергичным образом возмущались тем конституционным подвохом, который в ущерб Самодержавию сквозил в каждой строчке законопроекта. Узнав о тайном соглашении, П. А. [Столыпин] всех их сумел заставить молчать – одному пообещал место

вице-губернатора, другому помог выпутаться в дворянском банке из петли, третьему по дорогой цене продал крестьянам имение, четвертому обещал освободить от уголовщины его проворовавшегося родственника; он всех обошел, приласкал, сказал несколько льстивых слов со многими обещаниями, а те и уши развесили…» Проект, явно клонящийся к подрыву Царской власти в пользу честолюбцев-сановников, был запротестован лишь тремя голосами.

Страшно сказать, а вот эта самая эволюция давно уже подозревалась и относительно г. Маркова. Вскоре уж по приезде он высказался, что будет «считаться» не с народными нуждами, не с законами, но с желаниями П. А. Столыпина. Больно в сердце отозвались его слова, казалось, человека независимого и потому могущего с энергией отстаивать Государево дело; понадеялись, что, однако, он все-таки одушевится общим подъемом духа лучших элементов страны на избавление Родины от бюрократических пиявок, приведших народ к революции, и примет участие в сокращении своеволия и систематического нарушения законов сановною бюрократией, но надежды эти не оправдались. Марков 2-й именно о произволе сановной бюрократии и топтании ею законов не сказал ни слова и упорно молчал, когда нужно было говорить. Более того, он подавал голос за сокрытие сановных преступлений и тем способствовал обману Государя, предоставившего народным избранникам обсуждать действия своих министров именно для того, чтобы знать о них правду. Царь созвал их исключительно затем, чтобы иметь от них сведения о действительном положении вещей, а народные избранники заведомою неверностью своих заключений обманули доверие Монарха. Надлежит ли приводить факты? Их очень много. Достаточно, впрочем, ограничиться одним – Азефом[1].

[1] Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович; 1869–1918) – агент-провокатор Департамента полиции (с 1892 г.); глава «Боевой организации» социалистов-революционеров (1903–1908); после разоблачения В. Л. Бурцевым (1908) приговорен эсерами к смерти, бежал, жил в Германии под вымышленным именем.

С самого начала работы третьей Государственной думы определилось ее направление и отношение к ней правительства – явно конституционные. Среди правых выделилась целая группа, которая по свойственной ей от природы привычке – смотреть господам в глаза – не знала, как ей вести себя перед новым курсом власть получивших лиц, и завиляла в разные стороны. Материальные соблазны в этой группе обозначились настолько сильно, что явилось опасение за симпатии всего состава правой фракции, тем более что вожаки этой сомнительной группы очень ловко прикрывались, от каких господ они действуют. В этот момент увидеть г. Маркова в конституционном лагере было весьма печально. Все отлично понимают, что зря, так себе, никого не позовут. Значит, Н. Е. [Марков] чем-нибудь заслужил приглашение на чашку чая, тем более что туда призывались только такие лица, которые могут служить целям хозяев, а безнадежные или не имеющие в партии никакого влияния приглашения не удостаивались. Вот потому-то появление г. Маркова у П. А. Столыпина на вечеринке и принято было за указание на перемену его взглядов. Присутствие его у конституционной братии в гостях обозначало, что г. Марков перестал уже быть непримиримым врагом бюрократии, что он нашел между собою и заговорщиками на ограничение власти Государя что-то общее, что позволяет ему вести с ними дружную компанию. Результатом сего содружества явилось энергичное приглашение «Земщиною», органом г. Маркова, членов Союза Русского Народа поддерживать октябристов повсюду, где они имеют столкновение с политическими партиями: в земстве, в городских думах, частных обществах и т.п. А это именно только и нужно было левому лагерю. Когда с бессмысленною помощью *правых* партий октябристы овладеют Государственным советом, Государственной думой, зем-

ством и городами, то сказать Самодержавному Государю при поддержке конституционного правительства последнее слово уже не долго. Пусть вспомнят, что даже в Государственном совете преданных Самодержавию Царскому голосов не хватило, чтобы составить большинство при голосовании 96 ст[атьи]. Кажется, все это так ясно, что никаких доказательств не требуется.

Что же касается оправдания себя принятием приглашения на вечер к «первому Царскому министру», а не к какому-либо ничтожному человеку, то, разумеется, взгляды на оказываемую этим честь крайне субъективны. Один, подобно г. Маркову, может гордиться тем, что его пригласил сам министр на чашку чая, как гордится, например, один тоже член Государственной думы тем, что П. А. [Столыпин] и «ручку подали, здоровкаясь», а другой отнесется к этому если не с пренебрежением, то с полным равнодушием – его званием царского министра не удивишь, как г. Маркова, тем более что нынешние министры не прежним чета. Прежние были горды полученным отличием, так как оно давалось лично за особые таланты и отменную преданность Самодержавию, а нынешние получают посты больше по умению угодить временщикам. Провинция наша еще не успела освоиться с этим «обновлением» и принимает все по прежней оценке. Г. Марков, видимо, также не видит или, может быть, не хочет видеть новых условий в правящем слое. Иначе ему было бы известно, что министр министру рознь. Если Евангелие поучает нас различать пастырей даже духовных – добрых от злых, то тем более надлежит нам уметь схватывать эти различия в политической жизни. Не хочется думать, чтобы г. Марков 2-й, как он себя величает, не знал об этих различиях в оценке министров. Но все-таки полезно привести для него несколько исторических примеров. Не помнит ли он, кем был Борис Годунов при Царе Феодоре

Иоанновиче[1]? Не изучал ли он поведение князя Долгорукова при Петре II[2]? Не читал ли он о роли, которую сыграл граф Пален при Павле I[3]? Наконец, у всех на памяти еще прототип современного главы правительства, верховный граф Лорис-Меликов, так и умерший в изгнании[4], наконец, граф Витте…

[1] Федор Иоаннович (прозванный Блаженным; 11 мая 1557, Москва – 7 января 1598, Москва) – Царь всея Руси и Великий князь Московский с 18 марта 1584 года, третий сын Ивана IV Грозного и Царицы Анастасии Романовны, последний представитель московской ветви династии Рюриковичей.

[2] Петр II Алексеевич (23 (12) октября 1715 – 30 (19) января 1730) – российский Император, сменивший на престоле Екатерину I. Внук Петра I, сын Царевича Алексея Петровича и немецкой принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, последний представитель рода Романовых по прямой мужской линии. Вступил на престол 6 (17) мая 1727, когда ему было всего одиннадцать лет, и умер в 14 лет от оспы. Петр не успел проявить интереса к государственным делам и самостоятельно фактически не правил. Реальная власть в государстве находилась в руках Верховного тайного совета и в особенности фаворитов юного Императора, сначала А. Д. Меншикова, после его свержения – Долгоруковых.

Долгоруков Иван Алексеевич (Долгорукий; 1708, Варшава – 8 (19) ноября 1739, Новгород) – князь, придворный, фаворит Императора Петра II; сын А. Г. Долгорукова, дед И. М. Долгорукова. Был генералом от инфантерии (1728), обер-камергером (1728), майором лейб-гвардии Преображенского полка (1730). Получил титул «светлости» (1729).

[3] Павел I Петрович (20 сентября (1 октября) 1754, Летний дворец Елизаветы Петровны, Санкт-Петербург – 12 (24) марта 1801, Михайловский замок, Санкт-Петербург) – Император Всероссийский с 6 (17) ноября 1796 года, из императорского рода Романовых, Гольштейн-Готторп-Романовской династии, сын Петра III Федоровича и Екатерины II Алексеевны.

Пален Петр Людвиг фон дер (нем. Peter Ludwig von der Pahlen, в России – Петр Алексеевич; 17 (28) июля 1745 –13 (25) февраля 1826) – русский военный деятель, генерал от кавалерии (1798), граф (с 1799), один из участников заговора против Императора Павла I, его злодейского убийства.

[4] Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825–1888) – российский военачальник и государственный деятель; генерал от кавалерии (17 апреля 1875), генерал-адъютант, граф (16 апреля 1878). Член Государственного совета (11 февраля 1880 года). Является автором проекта первой российской конституции. В последние месяцы царствования Императора Александра II занимал пост министра внутренних дел с расширенными полномочиями, проводил либеральную внутриполитическую линию, не смог предотвратить злодейское убийство Императора. Российская печать дала его политике апеллирования к общественному мнению после взрыва в Зимнем дворце (5 февраля 1880 года) ироническое наименование «диктатуры сердца»; а его самого называли иногда «диктатором сердца».

Неужели г. Марков счел бы одинаковою для себя «великою честью» приглашение ими всеми к себе на вечер? Неужели не сделал бы он в своих глазах различия между ними? Казалось бы, настоящий патриот и преданный действительно Самодержавному Царю должен был отдернуть свою руку от пожатия такими «царскими министрами». Г. Марков думает, видимо, иначе. В этом с ним сойтись не могу, и действительно «брезгую подобным приглашением». Но вряд ли те турки, которые брезговали по тем же основаниям великим визирем Хильми-пашею, изменившим султану Абдул-Гамиду в минуту смертельной для него опасности[1], могли бы считаться «крамольниками». «Царские недруги и други» узнаются именно по вечеринкам: первые бывают на них, а вторые во всяком случае избегают, если они устраиваются людьми, пошедшими на узурпацию Царской власти.

Пусть г. Марков вспомнит все перипетии Третьей Государственной думы. Самые выборы в нее происходили при явном содействии «царских министров» одной только группе лиц. Его друг, о. Восторгов, имел специальную даже командировку с этою целью на Волгу. Но кого же проводили в Государственную думу «Царские министры»? Они – царские слуги, проводили, вероятно, преданных Царю лиц, любящих Отечество свое и верных его преданиям, – членов Союза Русского Народа, которым г. Марков, по его словам, руководит? Отлично, однако и ему известно, что путем подкупа проведены были октябристы – злейшие враги Самодержавия и Православия. Через неделю уже по явке в Петербург проведенные «царскими министрами» октябристы громко провозгласили в Государственной

[1] Абдул-Хамид II (22 сентября 1842 – 10 февраля 1918, Константинополь) – 34-й султан и 99-й халиф Османской империи, правил в 1876–1909 годах. Пытался установить режим единоличной власти и сохранить территориальную целостность империи, опираясь на идеологию панисламизма. Стремительно слабеющая и распадающаяся Османская империя при нем окончательно превратилась в полуколонию европейских держав.

думе, в Вашем же, г. Марков, присутствии, нашего возлюбленного Государя лишенным Самодержавной Власти, т.е. совершили явно изменническое, бунтовщическое деяние. Тогда положение того «царского министра», по настоянию которого «царские недруги» прошли в Государственную думу и вечеринками которого Вы, г. Марков, не брезгуете, зашаталось. Он не счел нужным в качестве «первого Царского министра» явиться немедленно в Государственную думу и протестовать – нет, он выжидал, чем эта конституционная попытка окончится. И только на четвертый день загадочным выражением о свободной воле Монарха, и то лишь после должного внушения, он как будто опровергал мнение вольнодумцев, оставив вопрос о Самодержавии все-таки невыясненным.

Напомню историю с расширением прав представительных учреждений по вопросу о 96 ст[атье] Осн[овных] Закон[ов], когда утвержденные Царем штаты внесены были в Государственную думу на обсуждение и одобрение подданных и когда все царские министры своими голосами помогли левой половине Государственного совета объявить захват частицы Царской Власти.

Нужно ли приводить ряд других случаев – расширение власти министров за счет власти законодательной, уравнение Православия с иными вероисповеданиями и, наконец, о настоящей попытке освободить губернаторов от главнейшей обязанности – блюсти неприкосновенность Самодержавия. Для каждого, вглядывающегося в современные события, сравнивающего их с примерами в истории, видно, куда они ведут; ясны цели тех или других лиц, и потому приходится и самому решать вопрос – куда идти, за кем? Вы, г. Марков, пошли за тем, за кем ни я, ни подавляющее число членов Союза Русского Народа никогда не пойдем. Вы зовете нас в сторону, противоположную Уставу Союза, главные политические цели которого – охранять неограниченное Царское

Самодержавие, как источник всего благоденствия России. За это Вы зовете нас реакционерами – пусть будет так. Но не называйте и себя верным Царскому Самодержавию. На такового Вы не похожи, и вот почему.

Как я уже написал в возражении на статью члена Главного совета г. Соколова, Самодержавный Царь повелел народу выбрать и послать к нему лучших людей, могущих подать мнение о государственных и народных нуждах и притом совершенно неответственных перед избирателями; вы же, явившись к Царю, самовольно *объявили* себя народными не *избранниками*, но *представителями*. Полагаю, Вы не будете отрицать, что эти понятия не одно и то же. В качестве народного избранника Вы подаете лишь *свой* голос, а в качестве представителя Вы говорите от лица народа. Разве эту подачу голоса от лица избирателей вам «в обязанность вменил Самодержец Всероссийский», как пишете вы мне в своем ответе? Царь, действительно, повелел быть Государственной думе, и Вы должны повиноваться Царской Воле, но быть в ней вы должны, как повелел Государь, народным лишь *избранником*, но не *представителем*. Вот в этом-то и все зло современное. Вот это именно искажает то прекрасное начинание, которое сделал Государь *Николай Александрович* для блага нашей Родины. Признав мнение одних чиновников и сановников для правильного Своего законодательствования недостаточным, Его Величество призвал в помощь им по примеру предков Своих лучших людей, избранных народом. Явившись для помощи по законодательству для несения обязанности, эти лучшие люди остаются, однако, недовольными своею скромною ролью и начинают расширять какие-то свои права, которых Царь никогда им не давал. Он указал им сферу их деятельности, определил, в каком порядке должны идти их занятия, и только. Народные же избранники, указанным распорядком оставшись неудовлетво-

ренными, стали самовольно совершать такие действия, какие им не дозволены. В Первой Государственной думе они обратились с непосредственным воззванием к народу относительно земли; во Второй Государственной думе они объявили себя непогрешимыми и потому неподсудными, а в Третьей дерзость свою довели до лишения Государя присвоенной Ему Самодержавной Власти, до захвата Его Священных прерогатив. Но в первых двух Думах и в течение трех лет в третьей Думе правые все-таки в этом буйстве, в этом захватном расширении своих прав участия не принимали. Тина, однако, засасывает. Постепенно правые члены Гос[ударственной] думы стали входить в роль парламентариев, начали увлекаться своим положением политических деятелей, могущих критиковать царских министров, и также захватным порядком, как и левые их собратья, расширять свои права. Провозглашение гг. Пуришкевичем и Марковым себя в Государственной думе народными представителями, сообщение своим левым сотоварищам, что они «народного представительства не отрицают», относится именно к так называемой узурпации прав и ошеломило всех членов Союза Русского Народа. Оно сконфузило и некоторых чистых монархистов из членов Государственной думы, как, например, Г. А. Шечкова, решительно отказавшегося от всякой солидарности в деле расширения своих прав с узурпаторами политической власти. Так скажите, г. Марков, кто же из нас после этого может быть назван крамольником и «Царским недругом»? Если самому для Вас непонятно, то призовите в свидетели людей – кто же именно: Вы, г. Марков, или я и мои «друзья по “Русскому знамени” не желают повиноваться Государю Императору и отрицают Его установления»? Государственную думу мы не отрицаем, но отрицаем такую Государственную думу, которая узурпирует власть, которая полна не избранниками, но народными представителями, присваи-

вающими себе то, что Государем им не дано. Подумайте хорошенько, кто же может быть скорее назван «не членом Союза Русского народа», Устав коего гласит о верности неограниченному Царскому Самодержавию и ни слова не упоминает о какой-то земской соборности, столь схожей с конституцией, а «членом какого-то иного Союза», как выражаетесь Вы, назвав нас реакционерами, а себя – земско-соборниками; Вы этим присвоенным названием отодвинули себя уже *влево* от нас и от Союза Русского Народа.

Вашей левизне есть и подтверждение. Союз Русского Народа первейшим врагом Царского Самодержавия считает бюрократию. Она раздражала народ своими злоупотреблениями. Она же и бездействовала во время инородческого бунта. Она же последним воспользовалась для попытки к ограничению власти Государя. Она же придушила народ, когда он стал мешать ей в ее преступной затее. Она и только она сейчас препятствует восстановить в достаточной ясности все признаки Самодержавия. Она – эта бюрократия, способствует разрушению основы Российского государства. Она же ведет постоянные интриги к захвату прерогатив Священной Царской Власти – то в смысле расширения прав законосоставительных учреждений в парламентском духе, то в виде расширения своих чиновнических прав присвоением законодательных функций. Все помыслы теперь Союза Русского Народа направлены к тому, чтобы удалить это отвратительное и вечно интригующее средостение между Царем и Его народом. Вы же стремитесь к тому, чтобы поддержать эту стену или, во всяком случае, заменить ее «народным представительством». Вот это-то направление Ваше и разочаровало в Вас многих и очень, очень многих союзников.

Теперь для полноты картины необходимо перейти к частностям. Своею странною манерою прикрываться Царским Именем в прозаической полемике Вы ставите возра-

жающих Вам в затруднительное положение. Конечно, она облегчает Вам нападение и ставит препятствия к прямым ударам, но все-таки не всем. Есть люди, которые любят, хотя и с опасностью от постороннего давления, хватать быка за рога. Поэтому, скажите, можно ли брезговать, например, Милюковым?

Следуя Вашим доводам, – нельзя. Ведь он допущен Царем к подаче советов? Наконец, он царский подданный? Во всяком случае, он не какой-нибудь, вероятно, плохой человек, если выбран от полуторамиллионного населения столицы? А между тем слова презрения к нему не перестают сходить и с Ваших также уст? Одинаково относились Вы и к графу Витте, а ведь он также был царским министром, и главою даже правительства, и ныне еще состоит членом Государственного совета, да еще по назначению. В отношении к той или другой личности при чем тут должность, которую он занимает? Мало ли сейчас арестовано воров и взяточников в генеральских чинах, а ведь все они царские тоже генералы. Одно состояние в той или другой должности или чине разве характеризует личность? Разве какое-либо лицо не может обмануть Царя, притворяясь честным и преданным, а в действительности строя козни Государю? Поэтому слова Ваши о том, что Вы потому только считаете для себя за честь бывать у тех или других лиц, что они состоят «Царскими министрами», весьма дурного тона, если только не сказаны слова эти сглупа.

Перейдем, однако, к фактам. Личность П. А. Столыпина для правых членов Государственной думы вполне выяснилась. Нет среди них ни одного, кто бы не знал, что П. А. [Столыпин] – автор поползновений к расширению прав законосоставительных учреждений и энергичный вдохновитель этой мысли. Известно также, что он оставил без возражений оскорбительный выпад против Царской Семьи авантюриста Гучкова. Он молчаливо слушал гнус-

ные слова Милюкова о соучастии Государя в Союзе убийц; он покровительствовал Азефу; он выступал во главе всех министров в Государственном совете к захвату прерогатив Священной Власти (96 ст[атья]); он одобрил лишение губернаторов обязанности блюсти неприкосновенность Самодержавия; он проводил законопроект об умалении значения Православия; он не хотел давать русским людям в Западном крае даже равноправия с поляками[1]; он превысил свои

[1] Острую дискуссию в правых кругах вызвал и принятый в 1911 г. закон о создании земств в западных губерниях – Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской. Русское (малорусское и белорусское) население этих губерний, в течение нескольких веков находившихся под польским владычеством, подвергалось дискриминации со стороны польских землевладельцев, которые владели большею частью земли, составляя лишь несколько процентов населения. Если бы земства в этих губерниях были созданы согласно общероссийскому законодательству, то бóльшая часть мест в них досталась бы курии землевладельцев, т.е. полякам. Чтобы этого не произошло, Столыпин предложить снизить избирательный ценз в западных земствах вдвое против общерусского и создать курии по национальному признаку.

Этот законопроект был поддержан Царем и Государственной думой, но Государственный совет отклонил его. Один из самых непримиримых противников законопроекта в Госсовете – граф С. Ю. Витте заявил, что национальные курии «не могут быть терпимы, доколе в России сохранится ясное и твердое сознание единства русской государственности». Проект же содержит «законодательное на весь мир признание, что в искони русских губерниях […] могут существовать политические курии нерусских людей, которые могут иметь свои интересы, не тождественные с интересами русской государственности» (Государственный совет: Стенографические отчеты. 1911–1912. Сессия 6. СПб., 1912. Стб. 814, 817–818).

Еще дальше пошел князь А. Д. Оболенский. Всякая общность национальная, доказывал он, стремится к общности политической: «Свободно развивающаяся национальность в конце концов вырождается в государственность». Поляк в земстве при наличии курий будет «уполномоченным от польской национальности», чего «нет нигде ни в одном общественном или государственном учреждении России». Проектируемое «национальное обособление» будет означать «некоторую государственную опасность», и «если мы это начало в Западном крае допустим, то почему его не допустить в других местностях России?» (Там же. Стб. 919, 921–923). Против национальных курий выступили также известный государственный деятель П. Н. Дурново, князь П. Н. Трубецкой и Н. А. Зиновьев. «Опять повторяю, – заявил последний, – распределение национальностей по куриям в западных губерниях признаю невозможным» (Там же. Стб. 1223).

полномочия по изданию законодательного циркуляра о евреях; он был против Морского министерства, состоящего в особом Государевом попечении; он прикрыл ужаснейшие преступления администрации и полиции; он покровительствовал баптистам в ущерб Православию; он отстаивает исключительные полномочия, посредством коих сторонники конституции, прежде всего бьют монархистов. Все рассчитывали, что правая фракция будет негодовать против такого непатриотического направления внутренней политики П. А. Столыпина, но, под давлением Маркова 2-го, она упорно молчала, хотя в частных беседах правые члены Гос[ударственной] думы горячо высказывались против. Вы

Князь В. П. Мещерский на страницах своего «Гражданина» также резко критиковал националистическую политику Столыпина (Мещерский В. П. Дневники. Вторник, 29 марта // Гражданин. 1911. 3 апреля. № 13. С. 14). А когда премьер предложил проект введения земства в девяти западных губерниях, то В. П. Мещерский даже заявил об «огромном заговоре против России» (Милюков П. Н. Воспоминания / Со вступит. статьей Н. Г. Думовой. М., 2001. С. 414).

Поддержку Столыпину в ходе кризиса, возникшего после отклонения Госсоветом столыпинского законопроекта о западном земстве, оказал генерал и правый политический деятель Е. В. Богданович. В начале 1911 года, когда в Петербурге поползли слухи о возможной отставке П. А. Столыпина, Богданович написал письмо Императору, в котором советовал «не отпускать Столыпина, удержать его непременно премьером» (РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 451. Л. 135 об.).

Критик столыпинской аграрной реформы черносотенец К. Н. Пасхалов также, хотя и с оговорками, выразил поддержку действиям премьера по вопросу о западном земстве (см.: Пасхалов К. Н. Холмская волокита // Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогова. Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 286).

В ответ на отказ Государственного совета поддержать законопроект, П. А. Столыпин подал прошение об отставке. Этот шаг вызвал неудовольствие Императора. Однако он не только не принял отставки (не без влияния всецело покровительствовавшей Столыпину вдовствующей Императрицы Марии Федоровны), но и был вынужден согласиться с условиями премьера: отправить в длительный отпуск П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова, которые выступали против столыпинской политики. В апреле 1911 г. путем использования исключительной процедуры закон все-таки был принят правительством.

Николай II в данном случае принял сторону премьера под влиянием Императрицы Марии Федоровны, которая считала Столыпина человеком, обладающим незаурядным умом и прозорливостью.

именно внесли в правую фракцию ложное понятие, будто гласным указанием на несоответствие действий г. Столыпина интересам патриотизма подрывается авторитет власти, и тем способствовали продолжать свое разрушительное дело, пока с величайшими усилиями не удалось его заставить, хотя внешне, свернуть с левой дороги. Потому-то, ввиду необычайной ловкости этого человека уменьшать противодействующие его намерениям голоса и применять для сего нужные средства, монархисты внимательно следили, в какое отношение к нему станут члены правой фракции Гос[ударственной] д[умы]. На устраивающихся им в преследуемых им целях вечеринках члены политических партий должны сближаться между собою, и вот это-то именно сближение Союз Русского Народа считает наиболее гибельным для благоденствия России. Этого сближения и надлежит опасаться больше всего. Для этого именно сближения и образован П. А. [Столыпиным] Национальный Союз[1], долженствующий сблизить монархистов с октябристами, чтобы умерить правоту первых и левизну последних. Появление Маркова 2-го после его речей в защиту Самодержавия на одном из подобных банкетов было ударом грома при ясном небе. Правда, для лиц, наблюдающих за политикой, это не так уже показалось странным. Марков 2-й выступал ведь в защиту Самодержавия до издания «Земщины», до мая 1909 года. А после того его защита Самодержавия приняла весьма умеренный тон, для того, как иезуитски поясняет вестник Главного совета, чтобы, подойдя поближе к бюрократам, проводить втайне свои цели. Этак, пожалуй, с удовольствием и Милюков объяснит свое соучастие в кадетской партии – партии политических заговорщиков.

---

[1] Всероссийский Национальный Союз – русская православно-монархическая правоконсервативная партия, существовавшая в Российской империи в 1908–1917 гг. По своей идеологии базировалась в основном на принципах думской монархии столыпинского типа и в идеологическом плане существенно отличалась от крайне правых (черносотенцев).

А г. Марков свое непрошеное руководительство Союзом Русского Народа начал с этого именно сближения Главного совета с бюрократическими ехидными организациями.

Итак, г. Марков считает для себя за честь бывать у тех, кто яму роет под Самодержавным Престолом. Что ж, у каждого свои взгляды. В этом отношении он не разошелся с П. А. Столыпиным, который счел также честью для себя вместе с г. Марковым пригласить на раут и первого султанского министра Хильми-паши – изменника и предателя Абдул-Гамида. А порядочные люди пожать руку таким людям считают для себя позором. У нас с Марковым, видимо, на это счет взгляды разные. На том и остановимся в оценке субъективных понятий, тем более что они скорее отвечают чувству, чем разуму.

Правда, тому же чувству ответит и то презрение к рядовым членам Союза Русского Народа, которое сквозит в каждом слове г. Маркова. Он давно уже обратил внимание на себя своим высокомерием. На союзников он смотрит свысока. В нем вообще сидит болезнь, так называемая mania grandiosa[1], или попросту заносчивость. Достаточно убеждает в том заглавие, которое он дал своему ответу: «Ответ Маркова 2-го», и те титулы, которыми он расписался, – член Совета двух провинциальных отделов, член Главного совета Союза Русского Народа, почетный член трех провинциальных отделов и одного столичного и даже член Государственной думы, да еще и № 2 поставил себе. Этот перечень настолько солиден, что даже не улыбку, а ужас вызывает он, указывая, как глубоко зашла его болезнь. А если г. Марков в здравом уме, то пусть скажет, что означает № 2, который он прибавляет к своей фамилии? Я разбирал главным образом его деятельность в Главном совете Союза, в котором есть только один Марков. Никакого другого Маркова ни я, да вряд ли и другие кто, не знаем.

[1] Мания величия (*лат.*).

В Государственной думе он носит этот номер, но его брат (видимо, опечатка. В кратком варианте не брат, а дядя. – *Д. С.*) числится в стане октябристов и называется по отчеству Львовичем, так что принять их одного за другого никак не возможно и ставить номер для их различия совершенно незачем. Союзники же знают одного Маркова и, упоминая его фамилию, номера к ней не прибавляют. Для чего же г. Марков этот номер ставит, если не для придания себе величия?.. Насчет же почетного членства уж лучше бы «Симеоновского» не прибавлять. Мы-то, столичные, хорошо знаем, что этот отдел бумажный и состоит из тех же лиц, которые открыли отдел на Малой Охте, Железнодорожный и еще какой-то, в чем принимали горячее участие филеры низшей даже марки. Уж лучше бы не срамить себя, г. Марков, такими почетными титулами от сыщиков. Достаточно посрамлен был Главный совет, когда с презрением отказались быть членами провокационных отделов инженеры гг. Тришатный, Баринов и Пузанов, чтобы лишний раз об этом говорить. Но это все-таки личное дело г. Маркова – нравятся титулы, пусть наслаждается.

Гораздо важнее его название членов Союза Русского Народа «ничтожной кучкой в десяток-другой приятелей где-либо в трактирчике на Сенной». От курского дворянина можно было бы ожидать большей благовоспитанности, тем более к человеку, которого он ни в одном трактирчике на Сенной не мог увидеть. Объяснить это нужно лишь тем презрением, какое питает г. Марков к союзной массе, действительно состоящей главным образом из русских простых людей. Будучи столичными жителями, союзники часто устраивают коммерческие дела свои, сходясь в трактирных заведениях, – потому что в ином месте встретиться негде – клубов для них не существует. Но бывать в трактире разве порок? С точки зрения г. Маркова, посещающего только богатые рестораны, быть может, оно и так, но тогда

пусть он будет от таких людей подальше. Между тем мы видим, что уходить от них он именно не хочет. Он желает ими помыкать, как польские паны помыкают хлопами, зовя русских простых людей быдлом, но тогда – какой же Марков народник? Недаром же в «Земщине», орган[е] г. Маркова, союзники были названы «физиономиями с пустыми мозгами» – презрение главного хозяина передалось и его сотрудникам. Это презрение только и дало смелость г. Маркову, пользуясь юридическим крючкотворством, насильно сидеть в управлении Союзом, когда отовсюду (кроме, конечно, Симеоновского, Железнодорожного и других новосозданных дутых отделов) несутся крики: «Вон, вон!» Прав, тысячу раз прав был я, утверждая, что между г. Марковым и Союзом огромная пропасть. Быть может, у себя в Щиграх г. Марков ведет себя иначе, но в Главном совете он показал себя не союзником, и с такою заносчивостью, с таким высокомерием вождем Союза – учреждения демократического – он быть не может.

Упрекая меня в том, что я будто бы вещаю от имени всего Союза Русского Народа, г. Марков тут же заявляет от имени всего Союза, что все должны уважать лиц, им поименно приведенных из состава Главного совета. Я не знаю ни г. Говорухо-Отрока, ни г. Пешкова и говорить о них не берусь, отметив лишь, что последний исполнил свой долг, когда был харьковским губернатором, а первый в Курской губернии не поддался левым партиям, но, к сожалению, об их деятельности, несомненно почтенной, знает далеко не весь Союз. Эти лица, однако, не позволяют себе выступать для направления Союза в конституционную сторону – по крайней мере пока о том ничего не слышно. Деятельность других – как г. Римского-Корсакова, отдавшего жиду ключи от Православной церкви с обязанностью под своим жидовским надзором пропускать православных мужиков молиться в церковь, графа Э. И. Коновницына по его последним

выступлениям – известна, но не дает повода относиться к ним с уважением. Если же и остальные члены Главного совета сознательно участвовали, в чем сомневаюсь, в посылке агитаторов сомнительной нравственности с секретными полномочиями закрывать Отделы, с ними не соглашающиеся, то это не делает им чести, почему утверждение г. Маркова, что они, «всеми *порядочными* людьми уважаемые», является весьма рискованною и притом бесцеремонною по отношению к чужим именам фразою, так как обман, клевета, сплетни и интриги не дают прав на уважение.

Что же касается «возмущения против законности и порядка», в чем обвиняет г. Марков «Русское знамя», то оно было бы равносильно лишь крику преступницы Тарновской: «Кричи, когда бьешь, чтобы думали, что тебя бьют», если бы не соответствовало общей эволюции г. Маркова. Конституция сорвалась при добывании ее прямым натиском, и потому брать ее пошли тихою сапою. Закричали о необходимости повиновения правительству народных масс; бюрократы потребовали доверия к себе и, убаюкивая народ льстивыми словами о свободе, неприкосновенности личности, свободе собраний, слова и союзов, лукаво добытыми исключительными полномочиями для себя стали душить не врагов Самодержавия, но Его верных слуг. А сами тем временем все копали и копали под Трон. Сам г. Марков думал так же когда-то, до того времени, как завел раздоры в Союзе Русского Народа, а теперь он так же фальшиво кричит о «законности и порядке», понимая под ними возможность, при спокойствии союзников, выжить А. И. Дубровина и повернуть Союз на желательную для его нынешних самозваных «руководителей» земско-соборность в виде постоянного собрания народных представителей. Когда японцы напали на батарею полковника Смоленского[1], они также кричали

[1] Смоленский Владимир Матвеевич – полковник 9-й артиллерийской бригады, участник Русско-японской войны, убит в ходе войны в 1904 г.

«ура», обманув этим полусонную батарею, но зачем же г. Марков считает и нас находящимися в просонках?

Такими интригами, заговорами и грубостью никакого блага достигнуть нельзя, и напрасно г. Марков прикрывается Царским Именем и Царскими Словами. Ему нас обмануть в его верности Самодержавию не удастся, и он, а не мы после дружной пятилетней жизни Союза повели Союз по пути «сумятицы, вечевого своевольства и пугачевщины». «Передовые бойцы правого дела», к которым относит г. Марков ныне интригующее большинство Главного совета, не должны ни бывать на вечеринках у захватчиков Самодержавия, ни завязывать союзов с содержимыми захватчиками подозрительными организациями и агентами, передовые борцы правого дела не нуждаются в поддержке их полицейскими сыщиками, не пренебрегают народом, в доверии которого вся их сила, не содержат жидов своими доверенными лицами в сношениях с народом, не отдают им ключей от церквей, не рядятся в обманные титулы придуманных бумажных отделов, вроде Симеоновского, не посылают профессиональных филеров по России со сплетнями и интригами, не врут заверениями об отсутствии полномочий на принудительное закрывание рта у противников, когда они сами их подписали, и вообще не прибегают к тем недостойным приемам подвохов, произвола и насилия, коими охарактеризовал себя г. Марков «сотоварищи».

Настоящие передовые бойцы правого дела, действительно, ужаснулись бы от того недоверия, которое высказано по адресу г. Маркова и его сотоварищей, и если названные г. Марковым этим словом лица остаются все-таки на захваченных местах, то это показывает, что они вовсе не бойцы за правое дело, а просто исполнители заранее намеченной грязной цели – обратить надежную опору Государя – Союз Русского Народа – в орудие для интриг

честолюбцев-олигархов против Царского Самодержавия. Мания величия, которою уже давно страдает г. Марков, не позволяет ему хладнокровно оглядеться кругом. Иначе ему показалось бы странным, почему это Нижегородский, Казанский, Донской, Ярославский, Николаевский, Могилевский, Тульский, Орловский, Костромской, Вологодский, Виленский, Липпский, Гродненский, Екатеринодарский, Черноморский, Ялтинский, Лубенский, Шуйско-Ивановский, Воронежский, Пензенский, Самарский, Тамбовский – извиняюсь, не могу перечислить и целые сотни других отделов – называют г. Маркова изменником правому делу. Он удивился бы, почему это правые газеты обратились к нему с таким укором. Но презрение ко всем, кто не с ним, мешает видеть г. Маркову, что он разыгрывает со своими титулами только Дон-Кихота.

Свое выживание А. И. Дубровина г. Марков объясняет тем, что ему нужно было спасать Союз. Убедившись, по его словам, что один А. И. Дубровин будто бы не в силах вести Союз и нуждается, следовательно, в помощи, г. Марков стал не помогать Дубровину, как бы, казалось, следовало, но выживать его вовсе, захватывая его власть в свои руки. Где же логика?

Г. Марков перечисляет свои патриотические заслуги; я им верю и тем более скорблю, что даже такого монархического деятеля российский Талейран[1] сумел свернуть на конституционное в его коварных целях сотрудничество. Г. Марков, видимо, долго не поддавался, но его опоили соблазном властью «Земщиной», и он в пьяном угаре ударился влево. Он имел полную еще возможность от-

[1] Шарль Морис де Талейран-Перигор (фр. Charles Maurice de Talleyrand-Périgord, 1754–1838) – французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трех режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. Известный мастер политической интриги. Епископ Отенский (с 2 ноября 1788 по 13 апреля 1791). Имя «Талейран» стало едва ли не нарицательным для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

резвиться, но зарвался слишком далеко, и данные в политическом хмелю обещания ныне его спутывают. У него нет сил признаться, что обещания эти даны им слишком неосторожно, в порыве мечтаний о верховенстве в государстве, он видит ныне их неосуществимость, но духу не хватает от них отказаться.

Под влиянием наших укоров г. Марков стремится хоть чем-нибудь оправдаться. Утопающий хватается за соломинку. Так и г. Марков то и дело указывает на необходимость беспрекословного ему повиновения потому только, что он действует от имени Главного совета, а Главный совет он называет не исполнителем, но «руководителем всеми делами Союза». Не замечает г. Марков всей остроты такой постановки вопроса. Необходимо ему пояснить. Союз Русского Народа и орган его управления есть прообраз всей жизни русского народа. Как русский народ доверил свою жизнь Единому Лицу, так и Союз Русского Народа сделал то же самое. Никакого правительства, равносильного власти Монарха, русский народ не допускает – подобное положение в его понятии не укладывается. Так же и в Союзе. Союзники доверились исключительно Дубровину и никакого Главного совета понимать не желают. Марков и К° пренебрегают русским народом, и дух его для них непонятен; они полагают, что, кто бы ни был в Главном совете, всем одинаково Союз должен верить. Г. Марков попал в Главный совет и потому решил, что достаточно ему приобрести влияние в нем, чтобы ворочать всем Союзом и руководить им так, как прикажут ему за чашкой чая на Фонтанке… и ошибся в расчетах. Заметя его в связи с врагами Самодержавия, Союз выразил открыто г. Маркову недоверие и пожелание, чтобы он оставил Главный совет. Но руководительство Союзом по конституционной дорожке сопряжено для г. Маркова *с какими-то обязательствами*, и потому он решил пренебречь требованиями союзников и насильно остаться во

главе Союза. Тогда протест заявлен был в вестнике Союза Русского Народа «Русском знамени», что вызвало отклик по всему Союзу с выражением негодования по адресу Главного совета, а от имени собрания советов всех отделов города Петербурга предложено г. Маркову оставить Союз совместно с гг. Соколовым и графом Э. Коновницыным, так как союзники перестали одним доверять, а другого считают помехою в их единении. Не послушался и тогда г. Марков – вопреки Уставу организовал новый вестник и противозаконно выдал его за вестник Союза Русского Народа. Это побудило требовать созыва общего собрания для обсуждения действий Главного совета. Но г. Марков, открыто нарушая тот самый «закон», на который он ссылается, то есть § 27 Устава, до сего времени не исполнил требования 215 членов Союза о созыве общего собрания, желая продолжить свое самовольство. Таким образом, с одной стороны, г. Марков высокомерно кричит о соблюдении Устава, о «законности и порядке, к коим призвал всех нас, союзников, сам Великий Самодержец», и даже усиленно подчеркивает эти слова, а сам тут же рядом их нарушает. Такого тонкого иезуитизма за все время существования Союза Русского Народа еще не замечалось в нем, и г. Марков впервые еще открыл этот путь лицемерия, показав себя достойным соратником тех, кто служит Самодержавному Царю, а втихомолку подрывает Его Самодержавие.

Таковыми же будут и выступления его в Государственной думе за прерогативы Самодержавия. До лета 1909 года г. Марков был истинным патриотом, а весною что-то с ним случилось: начал издавать «Земщину» и сразу замолк. А еще в мае месяце прошлого года я лично убеждал некоторых лиц о необходимости издать речь г. Маркова о Самодержавии отдельными брошюрками и распространить их по России. Тем-то и обидна эта перемена в г. Маркове.

А в нынешнем году эволюция сказалась еще резче. На прошлогоднем съезде уполномоченных всероссийского дворянства, по словам Маркова, он «требовал, чтобы из Законов российских не исключалась статья, обязывавшая губернаторов блюсти Самодержавие». А в нынешнем году он запел уже иную песню. Вот, что напечатано в «Земщине» (орган лично Маркова) в № 246 от 17 марта с.г. в отчете о VI съезде уполномоченных дворянских обществ. «Член Государственной думы Н. Е. Марков. "Съезду следует высказаться за то, чтобы *губернатор*, ограждая права Самодержавия и Православия, был бы *подчинен председателю Совета министров*, но не министру внутренних дел"». Такая эволюция. Ныне губернатор ответственен только перед *Верховным* правительством (ст. 282), а от министров он получает лишь указания, которых может послушать, если они ему покажутся правильными, и не исполнить, если он найдет их противоречащими законам и интересам Его Величества. По предложению же г. Маркова эта независимость губернаторов уже исчезает и они становятся в подчинение уже не Царю, но первому сановнику. Ныне губернатор дает отчет в своих действиях только Царю, а министру посылает с него копию для сведения, а по новому проекту, одобряемому г. Марковым, с подчинением председателю Совета министров отчеты он будет посылать уже председателю Совета министров. Такое перенесение центра тяжести, придуманное жидом Гурляндом, очень нравится г. Маркову, и теперь понятно, почему сделался он на Фонтанке persona gratissima.

В настоящее время, если министр внутренних дел или председатель Совета министров задумает крамольничать, то из 100 губернаторов в десяти, пятнадцати губерниях, как это и было в 1905 году, он, быть может, найдет сочувствие. А остальные спросят прежде всего у Царя, надлежит ли им исполнять загадочные приказания преда-

теля и сообразно с Царским указанием поступят. С подчинением же губернаторов председателю Совета министров они лишатся права непосредственных докладов Государю и Царь не будет ничего знать о преступных замыслах предателей. Во сколько же крат увеличится опасность для Государя, если губернаторы не только лишатся права лично доносить Царю, но подчинены будут, вместо министра внутренних дел, против которого могут быть все остальные министры – ему равные, уже председателю Совета министров, в сущности, фактическому начальнику всех министров. Можно ли отрицать, что председатель Совета министров по своему вкусу подбирает себе сочленов, что de jure независимые, de facto министры ему подчинены. Каково же будет положение Государя, если на должности председателя Совета министров очутится хитрый интриган вроде графа Палена, или князь Святополк-Мирский, или Хильми-паша, граф Витте… В настоящее время у председателя Совета министров есть власть только проблематическая, а фактически только захватная, и если при ней он уже может подбирать себе покорных слуг и направлять деятельность их по личному своему вкусу, а не по воле Монарха, то какое значение получит он, если под его властью очутится сто губернаторов, со всем находящимся у них в подчинении штатом полицейских войск, которых в иных местах более, чем даже в регулярной армии. Разве не может тогда русский Хильми-паша подобрать губернаторами сплошь своих слепых сторонников? Будучи подчиненным, разве может губернатор сказать тогда своему начальнику, что его действия вредят неприкосновенности Самодержавия? Оценка такого вреда вполне субъективна, и потому губернатора, как своего подчиненного, может во всякое время заставить председатель Совета министров исполнить свое приказание, даже явно клонящееся ко вреду Самодержавия. Напомним еще раз о приказании князя

Святополка-Мирского петербургскому градоначальнику о доверии, которое привело к гапоновскому бунту, впервые направленному против Самодержавной Власти. Напомним о приказании графа Витте, уже в качестве председателя Совета министров, не мешать народной свободе, которое кончилось бы очень плохо для Самодержавия, если бы губернаторы были подчинены в то время председателю Совета министров. Но у графа Витте оказалось только несколько единомышленников под рукою – Цехановецкий, Янушевич, Андреевский, Столыпин, а остальные, как, например, фон дер Лауниц, своими личными донесениями Государю дали такой отпор графу Витте, что он быстро слетел со своего места.

Не имеет права сказать г. Марков, что он этого не знал и не догадался об оборотной стороне медали. В Петербурге он достаточно мог наслышаться всех подробностей коварного заигрывания председателя Совета министров с Советом рабочих депутатов, и потому опасность сосредоточения всей правительственной власти в руках одного сановника ввиду возможности измены ему не могла не быть известною и понятною.

Тем грустнее для г. Маркова. Тем подозрительнее его восхваление своей преданности Самодержавию. На словах он предан Самодержавию и крайне озабочен тем, чтобы довести до Государя якобы отстаивание им, Марковым, царских интересов, а на деле усердно помогает П. А. Столыпину получить власть в лице имеющих быть подчиненными ему губернаторов, тогда как по Основным Законам никакой решительно власти председателю Совета министров не присвоено – он лишь председательствует среди равных. Сделано это именно во избежание того, чтобы лицо, занимающее столь важный пост, отнюдь не могло иметь материальной силы, которая, на случай измены самозваного главы правительства, должна всецело, без малейшего изъяна, принад-

лежать только Священной, Богом данной и народом призванной Главе Государства – Царю Самодержцу. Вот эта-то игра Ваша, г. Марков, между Самодержавием и захватчиками власти и внушила к Вам недоверие. Вы думали, что ее никто не видит, но в течение последнего года перемена в Вас обратила на себя общее внимание: Вы почуяли власть; она, запретная для Вас, уже успела Вас опьянить, и Вы потянулись за нею весьма и весьма-таки сильно. В ответе своем Вы сами выдали себя. Вы пишете, что «“Русское знамя” стало вестником злобы, зависти, раскола и вражды между сословиями русского народа *и между русским народом и Царским правительством*» и что поэтому стал издаваться Главным советом свой вестник. Таким образом, ясно, что назначение Вашего вестника – парализовать нежелательное для Вас значение «Русского знамени».

«Русское знамя» никогда сословной вражды не возбуждало. Я, по крайней мере, этого не замечал: оно одинаково отстаивает и дворян, и даже титулованных, и духовных лиц, и крестьян, и мещан в справедливых их требованиях. Обвинение, брошенное Вами «Русскому знамени», совершенно не соответствует истине. Что же касается правительства, то «Русское знамя» поступает действительно не так, как дано Вами в руководство «Земщине» и вестнику Главного совета. «Русское знамя» – я работаю в нем пять уже лет – еще ни разу не лизало пяток у бюрократов, чем все время занимаются ваши газеты. Оно зорко следило за «первым Царским министром», оно первое обличило чиновников в подкупе при выборах в Государственную думу, когда на казенные деньги прошли враги Самодержавного Царя; оно неоднократно указывало на подвохи Самодержавию со стороны бюрократии, когда она вела к захвату Царской Власти, когда она подрывала Православие и когда она унижала достоинство русского народа. Но в этом скорее заслуга «Русского знамени»? Оно ведь, а не «Земщина»,

объявило, что Царское правительство должно быть преданным Самодержавию Царя и под Него для захвата себе власти не подкапываться и что таких министров, которые склонны к последнему, надлежит остерегаться. До половины прошлого года и Вы так думали, но затем свой взгляд переменили. Совершившаяся в Вас эволюция, однако, не побудит «Русское знамя» изменить своему долгу. И если для Вас непрестанные указания вестника Союза Русского Народа «Русского знамени» на уклонение нынешнего состава Царского правительства от верноподданнического пути кажутся нежелательными, как поселяющие вражду и раскол между русским народом и изменяющей своему долгу бюрократией, то для всех верных Самодержавному Царю «Русское знамя» представляется в виде зоркого стража возле Царского Самодержавного Престола.

«Русское знамя» среди всех правых газет тем выгодно отличается, что не способствует чрезмерному восхвалению тех или других сановников, какие бы высокие посты они ни занимали, что так кружит честолюбцам головы. Оно постоянно напоминает и народу, и министрам, в том числе и «первому Царскому министру», перед которым столь раболепствует г. Марков, что министры не более сами по себе значат, чем всякие другие слуги Государя, и что таких слуг у Русского Царя очень много. Стоит лишь кому-нибудь из нас зазнаться и начать высокомерить, он быстро вылетит вон. Незаменимых министров не существует. Вместо одного успокоителя найдутся всегда десятки таких же, и заботиться о кандидатах незачем: каждый из них будет лучше, чем зазнавшийся выскочка.

«Русское знамя» не позволит провести конституцию под флагом земско-соборности – будьте в том покойны!

Те органы печати, которые раскрывают во всеобщее сведение тайные замыслы, интриги и преступления бюрократов, как, например, «Голос русского», голос вполне

независимого патриота, Вы называете *заборной* литературой и заявляете, что не желаете ее читать. Заборною литературой называют обыкновенно пошлую брань, но если г. Балашев постоянно разоблачает пошлые делишки таких Ваших сотрудников, как о. Восторгов, г. Скворцов и друг[ие], то этим еще газета не становится в разряд заборной. Наоборот, ее надлежит назвать – честною и благородною газетою, хотя далеко не схожею с Вашим идеалом: молча смотреть, как воруют государственное добро, обижают и грабят население, если это дает Вам возможность пить чай у «первого Царского министра». А мои личные впечатления по отношению к Вам именно таковы. Когда я просил Вашего, как члена Государственной думы, содействия для привлечения к ответственности взяточников и убийц благородного рыцаря, преданнейшего Царского слуги В. Ф. фон дер Лауница, Вы сперва согласились, а потом, узнав, что прикрывают их нужные Вам лица, ответили: «О, тогда другое дело. Здесь замешан… Надо подумать. С ним нам ссориться нежелательно». Государь призвал Вас к выяснению народных нужд, а Вы этими нуждами стали торговать. Желая поддержать благосклонное к Вам отношение г. Столыпина, Вы скрыли правду от Государя по делу Азефа. Замолчали возмутительнейшее дело растления во время ареста полицией до 100 девочек-иоанниток[1]. Прикрыли вымогательства с клубов, торговцев, промышленников; молчанием своим одобрили возмутительное издевательство администрации над правою печатью; насилие ее над правыми деятелями. Одним словом, сохранение хороших личных отношений

[1] Иоанниты – течение в Православной Церкви. Группа иоаннитов возникла около 1883 г. и названа так по имени святого праведного Иоанна Кронштадтского, которого еще при его жизни они объявили чудотворцем. Для иоаннитов также характерны эсхатологические представления (вера в скорый конец света). В дореволюционное время иоанниты были объявлены сектой и подвергнуты гонениям.

с виновником этих зол Вы предпочли истине. Что же, Вы хотите, чтобы за такие дела, далеко не добрые, не патриотические и даже не благородные, считали Вас могущим стоять во главе патриотического Союза?

А. И. Дубровин на ваши слова о том, что он будто бы не блюдет Устава и потому не может быть надежной опорой Государя, слабо по скромности своей ответил. Между тем вы сейчас уже нарушаете Устав, отказавшись собрать Общее собрание по требованию 215 членов, из опасения крайне низкого пошиба по отделам возбуждать их против А. И. Дубровина – их председателя. Зная, что большинство не в Вашу пользу, Вы составляете дутые отделы, чтобы искусственно составить для общего Собрания лишнее число сторонников. Вы записываете в число этих отделов лиц, которые потом публично негодуют на зачисление Вами их к себе в компанию. Как же после этого решаетесь Вы с больной головы сваливать на здоровую? Вы имели полную возможность предупредить нынешнюю распрю одним выходом сперва гр[афа] Коновницына, а затем, когда дело стало разгораться, г. Соколова и, наконец, удалением ради достижения тишины в Союзе собственной персоны. Но Вы признали себя для Союза очень много значащим и не только остались, чтобы помешать Дубровину войти в управление, но приняли меры к тому, чтобы раздуть возмущение по всей России. Какой же Вы после этого охранитель закона и Устава? Если бы Вы были поскромнее, то, видя, что союзники в глаза заявляют Вам требование ухода, Вы бы предпочли благо Союза своему честолюбию, но последнее взяло у Вас верх. А разве честолюбцы могут быть надежною опорою?

Вы ставите в вину А. И. Дубровину, что он разошелся с г. Пуришкевичем и о. Восторговым. Но как же далеко мы с Вами разнимся во взглядах. В том-то и заслуга Дубровина, что он остался твердым, как скала, на все старания свер-

гнуть его в конституционную сторону и удалить из Союза тех, кто его хотел из надежной опоры Государя сделать орудием для захвата Государевой Власти. Также велика заслуга и «Русского знамени» хотя бы в том, что оно раскусило тот фрукт, что Вы подносите русскому народу в виде земско-соборности. Отлично мы понимаем, куда Вы тянете. Но, надеемся, не удастся Вам при всем Вашем честолюбии и Всей вашей ловкости прикрываться далее Царским Именем: Союз Русского Народа за Вами не пойдет – обмануть его фальшивым флагом не удастся. Напрасно лишь тратились на чашку чаю для Вас на Фонтанке.

Не я поднес Вам титул «вчерашнего патриота». Я указал лишь, что Вы своими действиями возбудили против себя такое раздражение, что Вас называть уже стали «вчерашним патриотом». Я хотел указать Вам на то, что Вы зарвались чрезмерно и игру повели, во всяком случае, не к славе, если даже и помогут Вам в вашей борьбе честолюбцы-сановники.

К «Русскому знамени» примкнули тысячи отделов Союза Русского Народа, и Вы всех их назвали *прихвостнями*. В «Земщине» Вы выбранили союзников «пустыми мозгами», в вестнике Главного совета – трактирными завсегдатаями. Одним словом, для союзников находите Вы одну лишь аттестацию – дурную. Зато сами себя величаете и «всеми уважаемым», и т.п. Как же Вы не задались мыслью – почему это Вы стоите во главе целой армии негодных людей? Удобно ли для Вас такое положение? И все-таки продолжаете насильно оставаться в качестве руководителя всей этой союзной армии прихвостней, пустых мозгов и трактирных завсегдатаев. Очевидно, *что-то сладкое манит Вас*. Какая-то *особая награда* ждет Вас впереди, если Вы готовы терпеть публичные унижения и оскорбления, лишь бы не оставить своего кресла в Главном совете. Союз кричит Вам: «Вон!», а Вы упорно отвечаете:

«Не пойду. Дядя за моей спиной, и меня вы не выпихнете». Вы остаетесь пока и, может быть, даже останетесь победителем, но плохая эта победа – победить дядюшкой – юридической казуистикой, но не своим достоинством. К каким ведь постыдным мерам пришлось Вам прибегать: и закрывать отделы, и исключать членов, и звать полицию, и все против своих же союзников. На плохой же путь Вы вступили, г. Марков. Разве посредством полиции вожди становятся во главе народа?

Вы пишете, что Вам не вскружили голову овации. Нет, именно они-то Вас и погубили. Вы и ранее страдали высокомерием, а после этих оваций стали думать о себе больше, чем следовало. Я протестовал против поднесения Вам венка. Венки подносят победителям. А Вы кого победили? Попав в Главный совет, Вы выжили из него людей, давно и искренне работающих на дело Союза, принудив их своею близостью к врагам Государя и народа русского в негодовании оставить Главный совет и тем открыть для Вас путь к своеволию и ниспровержению идеалов Союза.

Вы ссылаетесь на Всероссийский съезд. Но разве Вы хотите его собрать? Зачем скрывать истину?

Мнения Отделов уже выяснились – они целиком против Вас. Или Вы, может быть, ждете, когда наготовите побольше бумажных отделов, чтобы заручиться побольше голосами? Но плохое уже это дело, если «руководителям Союза» приходится считать своих сторонников. Союз должен быть одною душою со своими руководителями, и не только должна быть механическая связь между ними, но и обоюдное понимание. Этому всецело отвечал А. И. Дубровин, и потому-то так дружно отозвались союзники на его отстранение от дел. Г. Марков думает иначе. Этой духовной связи он не считает важным обстоятельством и полагает, что если на бумаге значится Главный совет, то этот совет, будь он хотя бы из неспособных людей, может руководить

Союзом. Нужно ли доказывать несостоятельность подобного взгляда… Между тем г. Марков понять этого не хочет.

Однако не переливанием же из пустого в порожнее мы занялись с г. Марковым. Нужен определенный конец для этой полемики. А вывод, по-моему, таков.

В Союзе Русского Народа у значительной части членов появилось сомнение в искренности монархизма г. Маркова. Это сомнение выражается в фактах. Внешние факты заключаются в близости г. Маркова к политическим заговорщикам, собирающимся совершить государственный переворот, в сближении с партиями, организованными этими заговорщиками, а внутренние – в особой идее ограничения Самодержавия под знаменем земско-соборности. Все это вместе с предпринятыми им усилиями удалить противящегося заговорщикам А. И. Дубровина и в связи с репрессиями по отношению к тем союзникам, которые не соглашаются пойти за Марковым, ставит вопрос об уместности дальнейшего пребывания его в управлении Союзом. И г. Марков понял, что он зашел в увлечении далеко. Хотелось бы и назад, да поздно, и вот уж он начинает узурпировать свою власть: он не созывает общего собрания, могущего проверить его действия, и не допускает для сего даже союзников, когда они сами порешили собраться, обращаясь за содействием к полиции, почему-то способствующей г. Маркову. Для союзников остается один исход: обращение к суду. Но это затягивает дело, а г. Маркову более ничего и не надо. Он во время судебного волокитства будет гнуть Союз туда, куда его тайным целям нужно, и в лучшем случае будет держать его в параличе, что для заговорщиков также полезно.

Что же делать теперь? Не нужно терять времени. Надо работать во всех направлениях, совершать плебисцит, т.е. спросить все Отделы, желают ли они возвращения Дубровина к руководству ценою даже ухода из Главного совета

членов, ему мешающих, или не желают. Подсчет голосов разрешит вопрос, о результате которого и сообщить заправилам Главного совета. Если же они не послушают и тогда, клеймить их, как захватчиков власти, чем и как, кто во что горазд.

Одновременно надлежит задать вопрос и г. Маркову. Неужели он не видит, что он весь разгадан? Был он раньше, пока не спознался с Хильми-пашею, преданным Самодержавию Царскому, а теперь изменил уже этому знамени и ныне предан уже самодержавию бюрократов. Пусть открыто в том и сознается. По крайней мере поступит благородно. Союзники отчислят его к гг. Пуришкевичу, Восторгову и прочим слугам честолюбивых сановников и вскоре же забудут.

А при дальнейшем насильственном пребывании ничего хорошего не выйдет. На левый путь Союз не повернуть. Если этого не сделали бюрократы, то тем более не совершить предателям. Союзники очень чутки. Они подметили совершившуюся перемену. Они видят, что вместо сторонников правды, вместо защиты притесняемых некоторые правые члены стали радетелями кривды, друзьями притеснителей, из монархистов стали обращаться в октябристов. Они заметили их красноватый оттенок и потому говорят друг другу: «Был когда-то Марков 2-й; ныне он – Гучков другой».

Н. Жеденов

Еще отповедь

По мнению «Земщины» – органа той части правых, которая из независимых людей добровольно превратилась в прислужников у политических честолюбцев, «вся перепалка, которую разжигает “Русское знамя” между Главным советом и А. И. Дубровиным, конечно, никакой пользы русскому делу

не приносит»[1]. Такого же мнения относительно критики действий Главного совета Союза Русского Народа держатся некоторые провинциальные монархические газеты.

Но провинциальная пресса – это уже другое. Провинция вдали от столицы сути дела не знает и живет доходящими лишь до нее противоречащими сплетнями. Приедет какой-либо интриган, особенно если он политиканствующий поп или духовный или светский сыщик достаточно высокой марки, и, наговорив кучу лжи, затуманит ложною софистикой ясность взгляда. Провинция начинает думать неправильно и сбивается с истины. Поэтому мнение провинции весьма важно. Ради этого именно мнения и стоит возражать на газетные статьи, дабы дать возможность и провинции судить правильно.

Не будем поэтому повторяться в теории, но пообсудим вопрос на примерах живых людей, наших современников.

«Голос Порядка»[2] в Ельце заступается за о. Восторгова, называя его «тоже монархистом», и негодует на стремление удалить его из этой среды, за нападки на него в правой печати, а между тем кому теперь не известно, что за фрукт г. Восторгов.

Он был послан в качестве агента для проведения на выборах в Третью Государственную думу октябристов и получил за это солидный куш денег в безотчетное распоряжение. Октябристы же, как известно, поставили своею задачею потихоньку довершить то, что не удалось кадетам сразу, – ограничить Самодержавие Царя. Действовать они стали и прямыми выступлениями против Верховной Власти в виде постановления большинства Государственной думы о том, что Государь наш со дня 17 октября 1905 г. уже

---

1 «Земщина», № 391. «Редко, да метко». – *Прим. авт.*

2 «Голос порядка» – правая беспартийная газета, издававшаяся в г. Ельце. К 1911 г. газета выходила четыре раза в неделю. Задачи газеты: «Царь самодержавный. Государственная Дума. Россия единая и неделимая. Мирное правовое развитие государства на основе родной истории и народных особенностей русского уклада жизни» (Голос порядка. 29.12.1910. № 177).

не имеет силы Самодержца, и, что опаснее всего, путем разрушения тех народных групп, которые создались для отстаивания Царской Власти в полной неприкосновенности. Явный враг опасен, но не страшен, а тайный враг, враг домашний, страшен: нельзя предвидеть часа, когда захочет он нанести смертельный удар. Восторгов получил точь-в-точь такое же предложение, как Иуда Искариотский: предал за 30 сребреников Самодержавного Царя. Для этого ему надлежало парализовать царскую стражу – усыпить и Его верных слуг, и он начал свою дьявольскую затею. Будучи сам продажным с головы до ног, он также предположил продажными и членов Главного совета Союза Русского Народа и на первом месте среди них его основателя, почетного и действительного председателя А. И. Дубровина.

И нарвался. Его изобличили и с позором удалили. Полезен ли был в святой среде апостол Иуда Искариотский? Пусть же каждый решит, не опасно ли пребывание в Главном совете Союза Русского Народа человека, состоявшего агентом сановников-честолюбцев, явных врагов Государя?

Возьмем теперь ближайших друзей политиканствующего попа.

Его приятель, чиновник особых поручений по миссионерской же части при обер-прокуроре Святейшего Синода, г. Скворцов, редактировал «Миссионерское обозрение»[1]. Достаточно сказать, что в этом журнале принимали горячее участие все революционные попы, ныне расстриги: Петров Григорий, Гапон, Михаил Семенов и др.[2]. Через посредство

[1] В. М. Скворцов основал ежемесячный противосектантский журнал «Миссионерское обозрение», который издавал и редактировал в течение двадцати лет (1896–1916).

[2] Петров Григорий Спиридонович (1866–1925) – один из ранних представителей модернизма в Русской Православной Церкви, священник, сложивший с себя сан. Либеральный публицист. Святейший Синод предписанием от 19 мая 1907 г. запретил о. Григорию Петрову проповедовать ввиду антигосударственного характера его политической деятельности. Тот поначалу отказался подчиниться, но в 1908 г. сложил с себя сан. После революции эмигрировал в Сербию.

г. Скворцова они подрывали Православную Веру и значение Царского Самодержавия, и благодаря ему, г. Скворцову, даже на казенные средства. До революции быть красным было очень выгодно, а когда она сорвалась и с сотрудников и друзей г. Скворцова сорвали духовные одежды, то ловкий плясун тотчас с ними разошелся и начал редактировать газету «Колокол» и дружить с исправленным и дополненным Гапоном, т.е. с Восторговым.

После духовного в сюртуке на первом плане выступает псаломщик восторговского причта В. М. Пуришкевич. Его недостатков – властолюбия, заносчивости, пренебрежения к людям, с ним не соглашающимися, неуважения чужих мнений и явного насилия над инакомыслящими в общих собраниях – не будем касаться. Ими страдают и многие из наших непримиримых.

Возьмем его лишь общественные дела. Он был всегда близок к Министерству внутренних дел, но, к сожалению, не к консервативной его части. Сильнее кошки зверя нет. Кадеты за время Второй думы так напугали П. А. Столыпина, что он вообразил, что они-то и есть сила в стране. Принадлежа сам к так называемым беспринципным либералам, П. А. [Столыпин] не прочь был послужить и атеизму, и космополитизму, и народовластию, но как благовоспитанный юноша – все в умеренном количестве. Отсюда его симпатии к умеренно правым[1], которые, в сущности, и составляют его партию. Если же фактически он благоволил октябристам, то здесь играл сперва политический расчет, а затем увлечение.

Соединяя либерализм с суровостью и даже несправедливою жестокостью власти, П. А. Столыпин решил повести управление страною согласно лишь своим взглядам.

[1] Умеренно правые – фракция в III Государственной думе. Умеренно правые готовы были признать необходимость сочетания Самодержавия с неким ограниченным парламентом при ведущей роли Самодержавия.

Увидев на пути своем кадетов, он не остановился ни перед какими средствами, чтобы быть в мире с их вожаками. Отсюда родился правый кадетизм второго сорта – октябризм. По либеральным взглядам правый кадетизм вполне соответствовал взглядам П. А., и ему оставалось склонить его лишь на политические уступки. Вот здесь-то и началась торговля. Союзу Русского Народа и кадетам в одно и то же время сказана была одна и та же фраза: «Если вы добьетесь большинства за вас, то я ничего не имею против: для первых – Самодержавия; для вторых – республики, но теперь умерьте свои желания, пока не добьетесь большинства». Политическим мячиком начали балансировать с левой на правую, с правой на левую. И нашлись люди, которые признали, что это именно и есть настоящая государственная политика. К числу таких принадлежит и В. М. Пуришкевич, товарищ председателя Главного совета Союза Русского Народа.

Когда был поставлен на решение вопрос, как добиться выигрыша на политических выборах в 3-ю Государственную думу, то сперва должен был выступить общий вопрос, против кого бороться? И обеим находившимся под рукою организациям был указан один общий враг – кадеты и их сотрудники социал-революционеры[1]. Это указание было встречено одобрительно, но когда было

[1] Партия социалистов-революционеров (ПСР, партия с.-р., эсеры) – революционная политическая партия Российской империи, позже Российской республики и РСФСР, практиковала политический террор. Входила во Второй интернационал. Партия социалистов-революционеров занимала одно из ведущих мест в системе российских политических партий. Она была наиболее многочисленной и самой влиятельной немарксистской социалистической партией. Впоследствии, после Февральского переворота, в короткий срок партия превратилась в крупнейшую политическую силу, достигла по своей численности миллионного рубежа, приобрела господствующее положение в местных органах самоуправления и большинстве общественных организаций, победила на выборах в Учредительное собрание. Ее представителям принадлежал ряд ключевых постов во Временном правительстве.

предложено обеим партиям соединиться для общего выступления, то Союз Русского Народа с удивлением взглянул на своего правительственного руководителя.

– Как, кадеты, хотя и правой половины, наши сотоварищи? Это те, кто яростно накидывается на нас, кто покровительствует жидам, кто в среду свою принял инородцев? Да чем они лучше вообще кадетов?

– Они хотят лишь умеренного ограничения власти – конституции – старались успокоить монархистов.

– Но Самодержавие должно остаться неприкосновенным!

– Вы и добьетесь своего. Ототрите сперва кадетов левых. Через пять лет постарайтесь оттереть правых кадетов. Потом останетесь одни уже с партией только правового порядка.

– Да, за пять лет они Россию вверх поставят?

Союз Русского Народа отказался поддерживать октябристов, под каковым названием скрылись кадеты второго сорта, а товарищ его председателя по прежней должности чиновника особых поручений получил уже директиву от министерства проводить октябристов. Двум богам не служат, министерский божок оказался г. Пуришкевичу дороже, и он, от природы властолюбивый, заносчивый и пренебрежительный к людям, даже сотоварищам, желая угодить г. Столыпину, давшему ему денег при условии лишь послушания, задумал самовластно повернуть весь Союз в сторону кадетизма. Вследствие его циркулярного обращения ко всем Отделам во многих местах кадеты – враги Государя, Православия и равнодушные к достоинству России, правда, второго сорта, так называемые октябристы, – прошли на плечах Союза Русского Народа.

Если бы г. Пуришкевич числился в октябристах, мы единогласно хвалили бы его выступления против левых ка-

детов, так же как хвалили г. Гололобова[1], В. Лбова и многих других октябристов, в которых проснулась преданность некоторым русским историческим началам. Но он расположился в нашем правом лагере и хочет даже быть нашим руководителем. Как же можем мы допустить руководствовать нами человеку не наших взглядов и не нашей тактики?

Всем известно, что г. Пуришкевич очень способный человек, хороший оратор и образованный. А сказал он хоть слово в Государственной думе против захвата прерогатив Самодержавной власти? Ему отлично известна вся история с Азефом, ныне документально подтвержденная Меньшиковым[2] – бывшим главным заведующим тайной полицией в Департаменте полиции. А протестовал ли он против азефовщины? Между тем погибший от Азефа В. Ф. фон дер Лауниц покровительственно относился к г. Пуришкевичу. Чего же стоят такие люди? Нет сомнения, что за разоблачения университетских революционеров[3] нужно принести большую благодарность г. Пуришкевичу, но ведь сделать выписки из охранного отделения разве долго? Правительство и само

1 Гололобов Яков Георгиевич (1855–1918) – действительный статский советник, губернатор Волынской и Енисейской губерний (1915). В 1907 году Гололобов был избран в Третью Государственную думу как октябрист. В 1909 году вышел из фракции Союза 17 октября, и основал «группу правых октябристов». Я. Г. Гололобов был одним из разработчиков закона о неприкосновенности личности.

2 Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – ведущий публицист правоконсервативной газеты «Новое время», один из основателей и идеологов Всероссийского Национального Союза (ВНС) и Всероссийского Национального Клуба (ВНК).

3 С трибуны Госдумы осенью 1909 года В. М. Пуришкевич заявил о революционном засилье, царящем в Горном институте среди студентов и профессорско-преподавательского состава при покровительстве директора учебного заведения Е. С. Федорова. Этот факт послужил поводом к увольнению Е. С. Федорова с поста директора. Кроме того, Пуришкевич в том же 1909 году обвинил левых студентов в финансовых махинациях, а они, используя свои связи в суде и адвокатуре, привлекли Пуришкевича к суду. Его защищали П. Ф. Булацель и Г. Г. Замысловский, в итоге Петербургский окружной суд 29 ноября 1909 г. оправдал Пуришкевича.

эти разоблачения великолепно знало, знало и общество из судебных процессов и заметок в печати. Конечно, это хорошее дело – собрать и публично разоблачать студенческие интриги. Но разве это государственная деятельность? Неужели же так мало нужно, чтобы назваться вождем монархистов? Прекрасны также учреждения академических клубов. Было бы болото, а черти найдутся. Были бы деньги, а устроить дешевую еду и питье с танцами не хитрая штука. А вот наставить подрастающую молодежь пренебрегать личным обогащением, противодействовать со студенческой скамьи людской продажности, внести молодежи такие влечения, которые пробудили бы ее благороднейшие качества, одним словом, поставить перед ней идеал – этого не сумел г. Пуришкевич, и академические клубы блещут тошнотворным отсутствием мысли, казенщиной и скукой.

Перейдем к двум еще персонам – звездам недавней величины, людям Третьей думы для Петербурга. Кто когда-либо читал «Русскую землю», тот скажет, что она всегда, как сейчас, под руководством октябро-политиканствующего иерея, так и ранее, была не то монархическая, не то республиканская, не то конституционная газета, точь-в-точь как ее прародительница «Новое время», – хорошенько не разобрать.

К «Земщине» предъявлено строгое обвинение – в том, что она есть лишь разновидность «России» – этого питомца бюрократии. Если бы это была неправда, то «Земщина» с негодованием указала бы на ошибочность такого тяжкого для монархистов обвинения. Но возражать ей на это нечем. Ее роль будет еще яснее, когда мы опишем остальные персонажи.

Ее номинальный издатель – г. Володимеров[1]. Как, скажут, ведь «Земщина» – орган правых? Как же издателем ее

[1] Володимеров Святослав Александрович (1868–1917 (по др. данным 1919)) – политический и государственный деятель, активный участник правомонархического движения, член Главного совета «обновленческого» СРН, член правой фракции III Государственной думы, публицист, издатель газеты «Земщина».

может быть г. Володимеров? Да вот подите – издатель же. Политические метаморфозы совершаются поистине волшебным порядком. Четыре года тому назад левый, ныне г. Володимеров руководит даже правой фракцией Государственной думы и всем Союзом Русского Народа. Нужда придет, чего не сделаешь: и акушером будешь. Скажут, все были либералами. Кто смолоду не был молод. Но между либералом в 18 лет и либералом в 30 есть же какая-нибудь разница? Скажут, радоваться надо, что левые стали правыми с легкой руки Л. А. Тихомирова[1]. И то правда, но только быть вождями правых им будто и не место.

Какою же фигурою вырастают перед нами руководитель всех этих обновленных людей? По Сеньке и шапка, – говорит меткая русская пословица. Союз Русского Народа, усмиряя бунт жидо-инородческий, притиснул и руководившую бунтом бюрократию, которая в течение революции несколько раз меняла свою окраску, да и сейчас еще не остановилась на чем-либо определенном. Поэтому Союз до сего времени смотрит на бюрократию весьма непокойными глазами. Он ей не доверяет. Да и как доверять, если она сама же объявляет: чья сторона возьмет, ту и поддерживать буду. – «Одолеют союзники, делать нечего, подчинюсь. Одолеют левые, буду очень рада, лишь бы эти левые не требовали министерства парламентского большинства». Одному угодить сумеет бюрократия, а всем угодить уже трудно, она боится этой трудности, избегает и ее тем, что виляет хвостом и налево, и направо. За это влияние Союз Русского Народа не верит бюрократии и боится ее гораздо более, чем республиканцев. По теории она как будто должна быть преданной Самодержавию, потому что из Него, в сущности, исходит, а фактически она Самодержавию враг, потому что сама хочет быть самодержавною.

[1] Тихомиров Лев Александрович (19.01.1852–16.10.1923) – русский мыслитель, публицист, мемуарист; один из идеологов русского консерватизма.

Как только г. Марков вступил в ряды Союза, всем показалось, что он будет ратоборцем за Самодержавие. Но когда обсуждалась 96 статья, Марков защищал Самодержавие не от тех, кто расхищал это Самодержавие, но от слепых орудий расхитителей. Он как бы намеренно избегал указания, что 96 ст[атья] нарушена не социал-демократами и кадетами, сделавшими запрос, но министрами Его Величества. Он как будто не понимал, что предложение не утвердить штаты исходило не от Милюкова или Гегечкори[1], но от П. А. Столыпина. И вместо того, чтобы называть настоящим именем действительного виновника, он умышленно отводит от него глаза России.

Но еще интереснее, что вожди правых – Марков, Пуришкевич и пр. – совсем даже не обратили внимания на захват бюрократией кусочка Царской порфиры. Если бы не граф Витте, сделавший это из зависти, так бы г. Маркову своей защиты Самодержавия и не пришлось бы сказать. Но показал правым, что нужно делать, также ныне раскаявшийся лукавый, который тоже, кажется, не прочь ныне занять кресло в Главном совете Союза Русского Народа, – граф Витте. Вот тут только и спохватился г. Марков: «Как это так – присяжные, можно сказать, защитники мы Самодержавия, и вдруг да ничего и не скажем! Что подумает народ!» И пошли выводить, правда, очень хорошие трели. Но трели эти, г. Марков, на дудочку вызваны не от сердца Вашего, и потому Ваша защита Самодержавия и названа нами слабою. По всем его словам, по его обращению, своими совершенно никчемными выходками против левых сразу было видно, что г. Марков, защищая якобы Самодержавие,

[1] Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – революционер-меньшевик. По окончании Московского университета в 1907 году получил место помощника присяжного поверенного в округе Кутаисского окружного суда. В октябре того же года был избран от Кутаисской губернии в члены III Государственной думы, в которой являлся одним из лидеров социал-демократической фракции, выступал на стороне меньшевиков.

выгораживает П. А. Столыпина. Обратись, однако, он по чистоте и долгу совести к гг. министрам и назови поступок их тем, чем он заслужил, совсем изменилась бы политическая картина. Его же суд был судом лицеприятным, судом намеренного отвода глаз правосудия. Это ныне называют тактикой умеренности, а по мнению союзников, это обман, могущий иметь тяжкие последствия. Народные избранники призваны, однако, не для обмана, а для правды, но этой именно правды они Царю давать и не хотят. Какие же последствия лжи ихней? А очень большие.

Видя, что Маркова бояться нечего, бюрократия повсюду стала расширять свою власть и захватила даже законодательные функции (налоги железнодорожные)… при благосклонном одобрении глубокомудрых нынешних в Главном совете вождей Союза Русского Народа.

Сделав Маркова послушным своим сотрудником, бюрократия начала заниматься прежними своими грехами – теми самыми, которые вызвали революцию, а гг. Марковы закрыли на это глаза и как будто не замечают.

И ради чего такая тактика? Ради сохранения дружеских и в то же время лично полезных отношений с бюрократией, держащей рог изобилия!

Как же не бояться таких людей? Разве не вправе Союз Русского Народа очищать себя от гнилища, могущего погубить весь улей? Пока этот гнилец являлся в виде отдельных личностей только на поверхности, заботливые пчелы удаляли его. А теперь он засел глубоко в сотах, образовал большой изъян и без посторонней помощи, в виде ли свежей погоды, убивающей гнильца, или руки человека, его не удалить.

Что же, в сущности, делаю я своими статьями о Главном совете нынешнего состава и г. Маркове в особенности? Я указываю им на их несоответствие требованиям, предъявленным вождям Союза Русского Народа. Газета

«Земщина» называет это, с моей стороны, желанием «лягнуть человека неизмеримо сильнейшего по духу». Но разве этими словами доказывается чистота действий гг. Маркова и других?

Нужно радоваться каждому некадетскому органу печати, и с этой точки зрения нельзя не приветствовать появления «Земщины». Но когда она претендует выражать мнение монархистов, руководит правыми, то отношение к ней переменяется. Своими грубостями против меня за критику Маркова «Земщина» подчеркнула свою зависимость от последнего. Газета указала, что она не самостоятельна, как независимый орган печати, но учреждена для защиты отдельных лиц и их частных намерений.

В чем усматривает «Земщина» недостойность моей «выходки», как аттестует она разбор мною политический деятельности г. Маркова? Я состою членом Союза Русского Народа и членом Совета нашего Отдела. В качестве таковых я должен сообразить, что за люди стали ныне в управлении Союзом, и имею право подвергнуть их действия строжайшей критике. Это я и сделал в своем письме г. Маркову. И что же, «Земщина» вмешивается в домашнее дело Союза. Не имея к нему никакого отношения, начинает защищать главного воротилу Главного совета от тех должностных лиц Союза, которые имеют право строгой их критики. Имя г. Маркова не стоит ни в качестве редактора «Земщины», ни издателя. Он ей как будто сторонний человек, так же как и я. Да и в Союзе «Земщина» в качестве органа печати не записана. Зачем ей хочется видеть г. Маркова непременно руководителем Союза? И притом руководителем в том направлении, которое ныне проводится г. Марковым? Очевидно, между тактикой г. Маркова и «Земщиной» есть общая связь.

«Земщина» из сил добивается, что А. И. Дубровин вел союзные дела плохо и что г. Марков ведет их лучше. А

какой ей, спрашивается, до дел Союза и до Дубровина есть интерес? Недоставало бы теперь, чтобы «Русское знамя» рекомендовало кадетам вместо Милюкова взять руководителем Маклакова[1] на том-де основании, что Маклаков поведет кадетское дело лучше.

Если г. Марков уйдет, «Союзу будет угрожать полный развал». «Нужно пожертвовать интересами русского дела ради г. Дубровина или спасти дело, поставив всех в законные рамки». «Безучастно относиться к полному бездействию г. Дубровина и потакать его капризам не может ни один патриот, искренне любящий Россию». Вот фразы, коими пересыпана редакционная статья в «Земщине», совместно с бранью, уколами, вроде «адвокатского яда» и т.п.

И все это за открытое письмо г. Маркову в «Русском знамени», которое касалось исключительно непригодности г. Маркова в качестве члена Главного совета Союза. Союз борется с политическими вожделениями бюрократии. Как же можно допустить в состав исполнителей союза тех, кто этой же бюрократии отдал себя в приспешники?

Кто может отрицать логичность этой мысли и право каждого союзника домогаться, чтобы в Главном совете были наиболее подходящие исполнители желаний Союза? Попавший же в Совет г. Марков не хочет быть *исполнителем*, но желает быть *руководителем* Союза, а следовательно, и моим. Почему же я не могу послать непрошеное его мною руководительство, по крайней мере, к черту, как явно губящее и Союз, и меня, подведением под власть хищной бюрократии.

«Земщину» это возмутило. Ей хочется, чтобы и я, и весь Союз были слепы или глупы и как бараны шли за нанятыми бюрократами людьми. Пойдут они направо – и

[1] Маклаков Владимир Алексеевич (10 мая 1869, Москва – 15 июня 1957, Баден, Швейцария) – российский адвокат, политический деятель. Член Государственной думы II, III и IV созывов. Конституционный демократ.

мы должны за ними; пойдут влево – и мы тоже. Упадут в овраг, увязнут в болоте, и мы пусть туда же.

Разве не правы мы сказать «Земщине»: «Да ты, тетка, все-таки чья такая будешь?»

Н. Жеденов

Непрошеные советчики

В органе Союза Михаила Архангела «Прямом пути»[1] напечатана статья публициста из правых Н. Д. Облеухова[2] под заглавием «Смута в Союзе Русского Народа». Статья эта полна бранных выражений по отношению к двум выдающимся членам Союза Русского Народа – его почетному председателю А. И. Дубровину, организатору Союза и его душе до сего времени, несмотря на фактическое оставление председательствования в Главном совете, и бывшему казначею – Е. А. Полубояриновой[3], дающей возможность своими средствами выразителю мыслей союзников, «Русскому знамени», выходить в формате большой газеты. Нельзя не пожалеть, что Н. Д. [Облеухов] этою бранью умалил значение своей статьи, так как он придает ей важный принципиальный характер, а своей бранью он заставляет думать, что написана она потому,

[1] «Прямой путь» – журнал политический, экономический и литературный, издавался Главной палатой Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, выходил с мая 1909 по июль 1914 гг. Журнал издавался главным образом на личные средства председателя РНСМА В. М. Пуришкевича.

[2] Облеухов Николай Дмитриевич (? – не ранее 1917) – писатель и журналист (псевдоним П. Ухтубужский), активный участник правомонархического движения, товарищ председателя Главной палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА), редактор газеты «Свет».

[3] Полубояринова Елена Адриановна (1864–1919) – купчиха 1-й гильдии, активная участница черносотенного движения, товарищ председателя и казначей СРН, одна из организаторов Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН), ближайшая сподвижница основателя и лидера СРН А. И. Дубровина. Расстреляна большевиками.

что ему нужно было что-нибудь написать про Дубровина и Полубояринову, а данных для этого у него нет. Мне уже приходилось отмечать вмешательство в дела Союза Русского Народа посторонних учреждений, посторонних лиц и посторонней печати.

Какое, напр[имер], дело «Земщине» до распри среди членов Союза Русского Народа? Она может выражать сожаление, что эта распря мешает общему делу патриотических обществ, но подсказывать то или другое разрешение возникающих в среде Союза вопросов она не имеет ровно никакого права. А между тем «Земщина» находит, что союзники должны слушаться не Дубровина, а Маркова, который потерял своими интригами и подлизываниями перед сановниками-честолюбцами всякое уважение к себе среди союзников. «Земщину» бесит, когда деятельность г. Маркова в Союзе Русского Народа члены этого Союза подвергают критике, и [она] обрушивается на всех членов Союза с глупою и непозволительною бранью даже без всякой причины, а просто не нравятся физиономии и фамилии; особенно злобно лает, если они указывают на его непозволительные поступки. На каком основании «Земщина», не являющаяся выразительницей мыслей членов Союза Русского Народа, позволяет себе бранить членов Союза за то, что они держатся относительно Маркова собственного взгляда, за то, что они желают удаления из состава управления лиц, признаваемых ими негодными? Неужели члены Союза должны мыслить только так, как хочет этого г. Марков, все отношение которого к союзникам весьма высокомерно. Неужели они должны выбирать в состав должностных лиц только тех, кого укажет «Земщина»?

Вот это вмешательство посторонних в дела Союза весьма странно. Мало ли какие недоразумения происходили между членами «общества Пуришкевича–Восторгова»?

Лица, стоящие в стороне, могут интересоваться внешнею деятельностью обществ, но вмешиваться со своими указаниями, принимать участие в агитации – для посторонних недопустимо. Так и поступал Союз Русского Народа, не позволяя себе никогда касаться внутренней жизни «Союза Пуришкевича». В «Русском знамени» не найдется ни одной статьи, которая осыпала бы бранью какую-либо группу членов этого общества.

Между тем, поместив в своем органе статью г. Облеухова, касающуюся действий внутренней организации Союза Русского Народа, г. Пуришкевич совершенно без нужды вмешивается в дела, его не касающиеся, и возбуждает лишь излишнюю свару. Равным образом и Н. Д. Облеухову какое, спрашивается, дело до г. Дубровина и г-жи Полубояриновой?

Н. Д. Облеухов, однако, не просто сунулся не в свое дело, но с какою-то озлобленною и как будто намеренною бранью на тех, кто против г. Маркова. Брань его касается совершенно даже не имеющих никакого отношения к делу личных свойств членов Союза. Например, он называет Е. А. Полубояринову дисконтершей.

Какое основание к этому, кроме гнусного побуждения бросить грязью в человека, который почему-либо ненавистен. Где факты, которыми г. Облеухов мог бы подтвердить свое обвинение? Их нет и быть не может, ибо Полубояринова не только не стремится к наживе, но отдает многое из того, что имеет; а имеет столько, что не в состоянии проживать только доходов.

Вся статья г. Облеухова наполнена голословными указаниями на А. И. Дубровина и его приверженцев в неправильном понимании дела, а в чем состоит неправильность, он не упоминает. Обвинения со стороны А. И. Дубровина против конституционных персонажей, по словам г. Облеухова, раздаются немалые, а именно «в подкупе их,

учинить гнуснейшую измену – ограничить Царское Самодержавие и водворить в России конституцию». Как же по такому серьезному вопросу не выяснить и не опровергнуть детально все обвинения? Прав г. Облеухов, утверждая, что этим полно «Русское знамя»; прав также и в том, что так же думает не только сам Дубровин, но и масса союзников, но одного он не договаривает, что пишут так же не только в «Русском знамени», но и во многих других правых газетах, не содержимых на «темные» или «правительственные» деньги, например, в «Русском народе» в Ярославле, «Русской правде» в Астрахани и т.д.

«Г. Дубровин, – удостоверяет г. Облеухов, – бьет тревогу ежедневно. Ежедневно он взывает к народу, обвиняя правительство и *всех* патриотов (кроме себя и своих единомышленных сподвижников) и в измене Царю, и в тайных черных замыслах измены и предательства»… Как видите, нешуточное обвинение предъявлено г. Дубровиным и его единомышленными сподвижниками. Как же в подтверждение своих слов детально не привести их? Но г. Облеухов их не приводит, потому не приводит, что они убьют его самого и еще резче подтвердят справедливость обвинений. В самом деле, можно ли было восхищаться нам речью Цицерона против Катилины в римском сенате[1],

[1] Марк Туллий Цицерон (лат. Marcus Tullius Cicerō; 106–43 до Р.Х.) – древнеримский политик и философ, блестящий оратор, а также учитель и кумир Аврелия Августина – основателя августинизма. В 63 году до Р.Х. Цицерон был избран на должность консула, будучи первым за предыдущие 30 лет «новым человеком», достигшим этого поста. Его избранию способствовало то, что его соперник, Катилина, открыто говорил о своей готовности к революционным преобразованиям в случае получения должности консула. Это сильно обеспокоило римлян, и предпочтение было в итоге отдано Цицерону. После поражения на выборах Катилина начал готовить заговор с целью захвата власти, который Цицерону удалось раскрыть. Четырьмя сенатскими речами против Катилины, считающимися образцами ораторского искусства, Цицерон вынудил Катилину бежать из Рима в Этрурию. См.: Марк Тулий Цицерон. Первая речь против Луция Сергия Катилины // Цицерон. Речи. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 292–301.

если бы Цицерон указаниями на факты не пригвоздил Катилины к позорному столбу замышляющего государственный переворот честолюбца и изменника-предателя. Так же и «единомышленных сотрудников» не нашел бы А. И. Дубровин, если бы он рядом фактов не раскрыл всю подноготную гг. Марковых и сановников, действующих в Союзе как Кастор и Поллукс[1].

Правда, А. И. Дубровин сам пригласил к участию в Главном совете некоторых членов Государственной думы, в том числе и г. Маркова. Первое время, если не считать постоянных столкновений с некоторыми из старых членов, все шло хорошо, с одной лишь отметкою, что гг. члены Государственной думы отлично помогали на словах, но тотчас уклонялись, за недосугом, от практических занятий, когда поднимался разговор о необходимости их личного участия в делах Союза, особенно в добывании средств на Союз, заботы о которых возложены были исключительно на г. Дубровина и Полубояринову, хотя для всех было ясно, что так дело и впредь идти не может. Членам Главного совета предстояло так или иначе разрешить эту задачу.

Одновременно и правительство П. А. Столыпина (будем держаться терминологии г. Облеухова) чувствовало себя в крайне неловком положении вследствие своей изолированности от лояльной массы населения и от самостоятельных консервативных обществ. Законопроект об умалении государственного верховного положения Православной Церкви вызвал бурю негодования во всем русском народе, и общественные организации выражали это настроение народное весьма внушительно. А 96 статья Основных Законов побудила «правительство Сто-

[1] Кастор и Поллукс (*древнегреч.* Κάστωρ и Πολυδεύκης) – в греческой мифологии братья-близнецы Диоскуры, сыновья Леды и Зевса. Участники похода аргонавтов и Каледонской охоты.

лыпина» доказывать даже свою лояльность. Опираться только на враждебные Самодержавию элементы казалось игрою очень опасною, на которой чуть не была сломлена шея. Начали устраивать «Национальный союз», но беспочвенность его, мертвенность упокойников (умеренно правых) была слишком очевидною, чтобы выдавать этот союз чиновников за союз народный. Обостренность минуты требовала опоры на народное сочувствие, в нем искать своего перед Верховною Властью авторитета.

Этот момент взаимного искания неожиданно, к обоюдному удовольствию, разрешался сам собою. Рыбак рыбака видит издалека. Одним нужны деньги, другим нужны подходящие люди. Правым начали делать глазки, и они кончиками пальцев … дали знать, что за хороший куш согласны пойти на содержание. Начались переговоры. Пуришкевичевская организация здесь играла свою роль. Ею власть имущие не удовлетворялись, во-первых, потому, что сам Пуришкевич очень капризен и изменчив. Заставить его работать в свою пользу приходится с достаточно большими усилиями, за крупные деньги и при постоянных уступках. Наконец, своими выступлениями он частенько своих покровителей шокировал и мог удовлетворять только на безрыбье. «Правительству г. Столыпина» можно было им пользоваться, но опираться на него было неловко. Известен был и *веский отзыв о нем*, что лишало авторитета, особенно после вынужденного его ухода из Союза Русского Народа. Заменить его более солидными из правой фракции было до крайности необходимо, и имя Маркова казалось находкой. Пока жив был граф Доррер, овладеть Марковым было трудно – граф сердился, замечая малейшую уступчивость, а влияние его на Маркова было слишком велико и создалось еще на месте – в Курске. Граф Доррер,

Панчулидзев[1] видели отлично главного воротилу и давали ему серьезный отпор. Во время летних вакаций неожиданно судьба политическим искателям улыбнулась. Основатель Союза Р[усского] Н[арода] А. И. Дубровин и председатель правой фракции граф Доррер тяжко заболели. Обе важнейшие правые организации остались без руководителей. Этим безначалием воспользовались и начали сватать. Вдруг граф Доррер умирает, и г. Марков остается во главе фракции. Выбрали профессора Вязигина, но это человек ученый и серьезный, не умеющий играть в политику, и потому главное руководство осталось за Марковым. За болезнью А. И. Дубровина тот же Марков попытался стать во главе Союза Русского Народа.

«Tu, Austria, felix es nube» («Ты, Австрия, счастлива браками») – так говорили про Австрию, когда посредством браков она увеличивала свои владения, присоединяя в качестве приданого огромные чужие области. Объединение Марковым в лице своем двух важнейших организаций сразу показало, как выгодно было бы это положение упрочить, если Марков войдет с «правительством Столыпина» в более тесные сношения. Да и сам Марков вообразил, что он сила и, опираясь на Союз Русского Народа и одновременно распоряжаясь фракцией Государственной думы,

---

1 Панчулидзев Сергей Алексеевич (7 ноября 1855 – 30 июля 1917) – российский государственный и военный деятель. Из дворян Пензенской губернии, землевладелец (по состоянию на 1891 г. у семьи имелось 3375 десятин земли). Окончил Николаевское кавалерийское училище, в службу вступил в 1874 г. корнетом в Кавалергардский полк. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1881 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего вернулся в полк. В 1884 г. уволен в отставку ротмистром с мундиром. В 1889 г. причислен к Министерству двора, при этом испросил и получил соизволение Императора на сохранение военного чина и мундира, в связи с чем в дальнейшем, состоя на гражданской службе, именовался до конца своих дней отставным гвардии ротмистром. В 1903 г. переведен в Государственную канцелярию, где вплоть до 1917 г. возглавлял Архив Государственного совета. Известный военный историк, автор многотомной «Истории кавалергардов» (СПб., 1899–1912, Т. 1–4).

может иметь влияние. Он и начал. Протоиерей Восторгов тут сыграл снова политическую роль, и при помощи Пуришкевича между конституционалистами и монархистами состоялось первое соглашение. Марков запросил сильно, и ему обещали, но взамен потребовали послушания. Желая играть выдающуюся роль, хотя и незаметно, но давить на «правительство Столыпина», он пошел на уступки. Первою была потребована парализация влияния А. И. Дубровина. На это г. Марков с удовольствием согласился. Второе – это приведение к нулю «Русского знамени». Это уже было труднее, но он догадался предложить затмить ненавистную газету «Земщиной», тем более правая фракция давно жаждала иметь свою газету. «Русское знамя» слишком зорко смотрело за поведением членов Думы и не щадило даже своих, когда они увлекались «представительством». Иметь лишнюю рептилию не лишнее никогда. Согласилась на это предложение и другая сторона. Согласились, пожали друг другу руки и начали действовать, а маклерам хорошо перепало. О. Восторгов получил командировку – насаждать монастыри, Пуришкевичу усилили фонд, и все остались довольны, и Пуришкевич отправился командовать на псевдомонархический съезд в Москве[1], названный монархистами «съездом иуд искариотских».

[1] 4 мая 1909 г. был утвержден устав общества под названием «Русская Монархическая Партия», или «Русский Монархический Союз» (РМП или РМС), но в его составе не было членов продубровинского Московского отдела Союза Русского Народа (СРН), с которыми сложились отношения, далекие от дружественных. Протоиерей И. И. Восторгов и архимандрит Макарий (Гневушев), стоявшие во главе РМП–РМС, не оставляли попыток объединить все монархические организации Москвы. Они выступили инициаторам и главными организаторами Московского съезда (Съезд Русских Людей в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г.), хотя формально этот съезд считался общемонархическим и в нем принимали участие представители самых разных правых организаций из многих городов России (епископ Серафим (Чичагов), В. М. Пуришкевич, Н. Н. Родзевич, Г. А. Шечков, о. Д. Ф. Машкевич и др.). Однако было немало и противников объединения монархических организаций Москвы, выдвигавших свои резоны против создания единого Союза.

Обстоятельства для интриганов продолжали благоприятствовать. Граф Доррер умер, а А. И. Дубровин больной был перевезен на юг, где и оставался до декабря месяца. Отсутствием его воспользовались в наступивших выборах на новый трехлетний срок новых членов Главного совета и выбрали в состав последнего единомышленников Маркова. Большинство в Главном совете за Марковым, т.е. «правительством Столыпина», было сразу обеспечено, и в восторге вздумали открыто этому порадоваться. Наняли особое помещение и на новоселье пригласили не членов Союза, как бы подобало, но гг. Восторгова, Пуришкевича, Скворцова и всякую чиновную на поручениях братию. Цель была достигнута: к Союзу Русского Народа близко подошел агент правительства Столыпина г. Пуришкевич, получивший возможность, с одной стороны, надзирать за внутреннею деятельностью Союза Русского Народа и, с другой, – направлять ее в ту или другую сторону, как прикажут. Дела оказались в настолько блестящем положении, что г. Марков получил особое благоволение и удостоился милостивого приглашения даже на чашку чая к самому царскому министру, г. Столыпину.

Но радость их была преждевременна. Вернулся А. И. Дубровин, осмотрелся кругом и с ужасом увидел большинство в Главном совете из чиновных лиц, раболепствующих перед одним даже титулом его высокопревосходительства. С первых же шагов он понял, что ему составилась систематическая оппозиция. Он сразу разобрался, что постановления Главного совета имеют характер предвзятых решений, заранее составленных группою новых лиц в Главном совете. Кроме того, обновленцы не считали нужным скрывать себя и открыто высказывали сочувствие и дружбу гг. Пуришкевичам и Восторговым. Дубровин с места убедился, что они имеют в Главном Совете решающее влияние. Он понял тогда, что ему предстоит вести непрерывную бесплодную

борьбу с большинством обновленцев, видимо толкающих Союз в ту сторону, которая была желательна «правительству Столыпина», – или же молчаливо взирать на обновленческие действия, прикрывая их своим безразличием. Руководство, однако, «Русским знаменем» пока оставалось в руках Дубровина, и, несмотря на то что в Главном Совете решения, благодаря большинству, клонились в нежелательную и фальшивую для Союза сторону, «Русское знамя» освещало вопросы правдиво. Это также породило озлобление против Дубровина как доверителей, так и самих обновленцев, которые стали требовать от Дубровина подчинения своему большинству, но он отказался.

И был прав, прав потому, что на одном из Всероссийских съездов было постановлено, что союзники должны слушать не Главный совет, но А. И. Дубровина, – если последует от Главного совета письменное предложение, то не считать его действительным без подписи Дубровина. Такое решение было внесено в 1907 г., когда о. Восторгов хотел провести блок Союза с октябристами, а Пуришкевич от имени Главного совета поддерживал на выборах в 3-ю Государственную думу октябристов, которых «правительство Столыпина» выбрало своею партиею, несмотря на их враждебность к Православию и Самодержавию. Сделал это предложение г. Пуришкевич самовольно, без согласия А. И. Дубровина и тайно, воспользовавшись его случайным неприбытием в Главный совет. Самовольная выходка Пуришкевича принесла неисчислимый вред России: 1) октябристы оскорбили Государя: а) объявлением Его лишенным Самодержавной Власти, б) требованием удаления Царской Семьи из состава управления армией, в) порицанием за утверждение штатов Министерства путей сообщения и г) покушением на захват верховных прав в деле армии и флота; 2) октябристы унизили Православную Церковь до равенства с язычеством и жидовством и 3) октябристы помогли полякам удержаться

на первенствующем положении в Западном крае. Прошли октябристы – враги Православия, Самодержавия и Русской народности – в Государственную думу на плечах лишь Союза Русского Народа, введенного о. Восторговым и г. Пуришкевичем в заблуждение, и за это А. И. Дубровин получил горький, обидный для него и незаслуженный вследствие стараний г. Пуришкевича упрек и 3000 руб. штрафа.

Уход Дубровина из Главного совета, достигнутый выдвинутым для этой цели графом Коновницыным, поставил «обновленцев» в очень выгодное положение. Единомышленники Дубровина потеряли в Совете значительную силу, и тогда г. Марков и К° свободно повели Союз туда, куда им приказали, – к ногам «правительства Столыпина».

Состоя в Главном совете, А. И. Дубровин, даже преодолев брезгливость к оскорблениям со стороны графа Э. И. Коновницына, не мог всегда иметь большинство в Главном совете. Исходя из принципа уважения чужих мнений, он должен был бы подчиняться большинству, даже если бы оно противоречило его взглядам, а также интересам, по его мнению, Союза. Его отдельное мнение не имело бы никакого значения, потому что оно не принималось бы большинством намеренно в уважение. Так и было на первых же порах, когда Дубровин письменно отметил неверность составленного протокола заседания.

Кроме того, не всегда можно было сразу ориентироваться в каком-либо вопросе. Так, по поводу сооружения Союзом Русского Народа храма было предложено комитетом по постройке храма в честь того же события, но состоявшим под высоким Августейшим покровительством Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича[1], присоединиться к постройке, возводи-

[1] Михаил Александрович Романов – Великий князь (1878–1918) – младший брат Николая II. В Первую мировую войну командовал кавалерийской («Дикой») дивизией, кавалерийским корпусом. 3 марта 1917 г. отрекся от престола, расстрелян в июне 1918 г.

мой для надобностей подворья Феодоровского монастыря. Предложение этого подворья было принято, а от постройки собственного храма имени Союза Русского Народа Главный совет отказался[1]. Когда А. И. Дубровин запротестовал, то обновленцы дело повернули так, как будто бы А. И. Дубровин пошел против Высокого Покровителя комитета при Феодоровском подворье.

Вот такие-то обстоятельства побудили А. И. [Дубровина] лучше отстраниться совсем, чем своим именем покрывать неправильные, неверные и даже иезуитские, губительные для Союза шаги прислужников и интриганов.

А. И. Дубровин, основываясь на своем авторитете в Союзе, чтобы предупредить неверные шаги большинства Главного совета и показать союзникам свой взгляд на решения последнего, для руководства им стал печатать в «Русском знамени» свои взгляды. Союзники поняли его и согласились с ним вполне, как в деле соглашения с Пуришкевичем, так и в вопросе о сооружении храма. Конфуз

---

[1] В 1908 г. по инициативе А. И. Дубровина было принято официальное решение начать сбор средств среди союзников на строительство в Петербурге храма-памятника в честь 300-летия Дома Романовых. Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) не только поддержал инициативу Союза и благословил проводить ежегодно в день Покрова кружечный сбор по всей Российской империи, но также лично представил этот проект Императору, который одобрил эту идею, вследствие чего всевозможные бюрократические препоны были преодолены. Однако наступившая вскоре болезнь и смерть митрополита Антония, а также распри в руководстве самого Союза Русского Народа привели к тому, что первоначальный проект был значительно изменен и строительство храма пошло в несколько ином русле. В итоге вместо монархического храма-памятника – символа верноподданничества русского народа Династии Романовых – был построен величественный собор, ставший обычным монастырским подворьем Феодоровского Городецкого мужского монастыря Нижегородской епархии, обители, в которой когда-то пребывала чудотворная икона Феодоровской Божией Матери. Именно этот образ в свое время, после упразднения Городецкого монастыря, перенесли в Ипатьевский монастырь в Костроме, где ею и благословили на Царство боярина Михаила Феодоровича Романова. Феодоровский собор в Петербурге находится за Николаевским (ныне Московским) вокзалом и ныне восстанавливается.

для новых заправил Главного совета получился на всю Россию. Но это для них хоть бы что. Главное, главное, чего добивались и на что потрачены были деньги, и не вышло: оседлать ни Союз Русского Народа не удалось, ни обуздать А. И. Дубровина. «Русское знамя» явилась тем орудием, которое все эти замыслы сокрушило. Тогда и маклерам, и обновителям поспешили поставить на вид: за что же вы деньги получили?

На это они не нашлись ничем иным ответить, как просить: закрыть «Русское знамя». Но в планы Рейнеке-Лиса[1] это слишком грубое проявление насилия не входило. Оно слишком выдавало его; закрыть же «Русское знамя» чужими руками – иное дело. В таком смысле и последовало указание. Сначала возник вопрос о замене «Русского знамени» другою газетою. Попытались «Земщиной» заменить, но остановились, догадавшись, что – это слишком бы открывало карты, да и в правой печати уже были высказаны сомнения в чистоте ее политического права: про нее говорили, что она на иждивении одного сановника. С необходимостью осторожности согласились и дали денег на издание новой газеты – нового вестника Союза Русского Народа, хотя в Уставе Союза органом его назначено только «Русское знамя». Но в политике ни законов, ни чести не соблюдают. Что стесняться с Уставом, когда обновленные члены Глав-

[1] Рейнеке-Лис, Ренар (фр. Renard, Рейнеке) – герой французской средневековой сатирической эпопеи – «Романа о Лисе» («Roman de Renard»), памятника французской городской литературы конца XII–XIV вв. Данный эпос пользовался огромной популярностью и у соседних с французами германских народов (фламандцы, голландцы, немцы, англичане), которые внесли существенный вклад в развитие образов поэмы. «Роман о Лисе» имел большой успех и за пределами Франции. В 1180 г. Генрих Лицемер (Heinrich der Glichesäre) перевел на немецкий язык одну из французских версий романа. В XIII веке появилась его фламандская обработка (Van den vos Reynaerde). К этой версии восходят все позднейшие немецкие редакции «Романа о Лисе», в том числе «Reineke de Vos» (1498), которым в 1793 г. воспользовался Иоганн Вольфганг фон Гете для написания своей знаменитой поэмы в гекзаметрах «Рейнеке-Лис».

ного совета сами не только «народные представители», но и *законодатели*? Решено и сделано, а там ищите, кто хочет, правды. Нарушили Устав и повели свой вестник, обманом назвав его вестником Союза Русского Народа.

В этом вестнике Главный совет прежде всего начал внушать доверие к своим новым хозяевам – царским министрам. Нелепость этого требования – безусловного доверия министрам только потому, что они назначены Царем, независимо от их личных качеств, была до очевидности ясною. Когда министром народного просвещения был Кауфман[1], он содействовал водворению в университетах жидов, нарушая в пользу их законы. Нынешний министр внутренних дел нарушил в пользу жидов также законы, разрешив им повсеместное пребывание. Неужели к обоим им обязаны относиться с доверием? История показывает, что это доверие стоило многим монархам не только трона, но и жизни. Для примера укажем на поступок столь чествованного в России предателя и изменника Хильми-паши. Если бы Союз Русского Народа молчал, то Кауфман до сих пор управлял бы министерством и жидам удалось бы окончательно развратить студенчество.

Если бы А. И. Дубровин продолжал оставаться в Главном совете, его имя прикрывало бы это направление. Поэтому он рассудил, лучше совсем оставить Главный совет, чем давать последнему возможность влиять на союзников его авторитетом.

Продолжая шаг за шагом разоблачать тот лукавый путь, по которому стремились г. Марков и К° направить Союз, «Русское знамя» помогло союзникам понять этот

[1] Кауфман Петр Михайлович, фон (1857–1926) – служил в канцелярии Комитета министров и Министерства внутренних дел; помощник статс-секретаря Государственной канцелярии (1886–1892); секретарь (1892–1896), затем – помощник начальника (1896–1903) IV Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; уполномоченный Красного Креста во время Русско-японской и Первой мировой войны; министр народного просвещения (1906–1908); член Государственного совета (1908) по назначению.

путь и своими разоблачениям достигло того, что последняя завеса с глаз союзников спала. Отовсюду понеслись подтверждения правильности его взглядов – бюрократия ненавистна Союзу Русского Народа больше, чем левым. В короткий срок Союз объявил Главный совет изменником святому триединому знамени Союза Русского Народа. Неосторожная, по неопытности в политических интригах, статья в органе Главного совета члена его г. Соколова, передавшегося обновленцам, о земско-соборности выдала тайные намерения г. Маркова, и ныне союзниками в качестве руководителя Союза он признается непригодным. Союзники требуют его увольнения. Весь Союз уже опрошен, и подавляющее большинство высказалось за удаление г. Маркова и ком[пании], чтобы дать возможность А. И. Дубровину снова взять бразды правления в свои руки.

Но на что же после этого деньги-то потрачены? Ни смирить Союз Русского Народа, ни обуздать Дубровина не удалось, и деньги потрачены лишь напрасно. Это было вполне резонно постановлено на вид. Маркову было сказано, что в печку деньги не за чем бросать и потому пусть он исполнит свое обещание, иначе в субсидии ему отказывают.

Не отсюда ли злоба вся? Субсидия отходит, и наступает крах. Субсидия дана затем, чтобы уничтожить зоркий глаз «Русского знамени», чтобы сделать Союз Русского Народа себе послушным. А если весь Союз Русского Народа требует удаления из состава Главного совета г. Маркова и ему поддерживать себя, свою армию, остается только путем уничтожения своих же сочленов: то исключить одного, то другого, то один отдел закроет, то другой, так какой же он руководитель? Рано или поздно, но он будет выкинут.

Совершенно напрасно умозаключение г. Облеухова, что провинция не понимает деятельности гг. Марковых и связанных с ним сановников. Она отлично раскусила их политические интриги и массовым сочувствием А. И. Дубровину

показала, что доверие ее только на стороне А. И. Дубровина, который никаких выгод для себя в Союзе не имеет и не ищет, ни перед кем, как гг. Марков и Пуришкевич, не заискивает.

Что же касается г. Облеухова, то видеть его, бывшего редактора «Света»[1], вступившим на тот же лисий путь восхваления бюрократов вообще, независимо от того, какие люди – заслуживающие доверия или не заслуживающие его – входят в состав правительства, в высшей степени грустно. Он отлично сам понимает, что не всякий министр есть верный Царский слуга, и если он умышленно высказывает обратное, утверждая, что признание политики П. А. Столыпина неправильною есть «противоправительственная лишь агитация», то остается пожалеть, зачем он опустился до такой степени, чтобы писать обратно своим воззрениям. Например, в «Земщине» усиленно нападали, даже скорее травили министра иностранных дел г. Извольского[2]. Почему же г. Облеухов и г. Марков не защищали его в редакции «Земщины» от нападок и злобной критики? Разве потому, что его выживали и такой дан был приказ? Когда я прочел его статью, то мне показалось, что его фамилия стоит под нею по ошибке, что не он писал ее – так она к нему не подходит.

В заключение два слова о персонажах, чем великолепно выясняется, как же, однако, далек г. Облеухов от понимания их или как он упорно закрывает на них глаза. Об о. Восторгове до тех пор считаем излишним возражать, пока г. Балашев и Дурново[3] получат возможность опровергнуть пись-

[1] «Свет» – русская монархическая газета, которую издавал Н. Д. Облеухов.

[2] Извольский Александр Петрович (1856–1919) – русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906–1910 гг.

[3] Николай Николаевич Дурново – черносотенец, правый публицист, в своих брошюрах обрушился с нападками на протоиерея Иоанна Восторгова (см.: Дурново Н. Н. Протоиерей И. И. Восторгов и его политическая деятельность. М., 1908). В ответ на эту публикацию о. Иоанн Восторгов написал брошюру «Клевета Н. Дурново. Ответ протоиерея И. И. Восторгова» (М., 1909). Затем вышла брошюра Н. Н. Дурново «Новые подвиги протоиерея И. И. Восторгова и его оправдания» (М., 1909).

ма директора тифлисской гимназии, так как на них лежит почин обвинения его в личной безнравственности. Мы же обвинили его в безнравственности политической: это доказали и готовы подтвердить во всякое время: шила в мешке не утаить, и оно, как ни прятал о. Восторгов концы в воду, выскочило наружу. Взять на себя обязанность, да еще за деньги, числясь членом Союза Русского Народа и действуя от его имени, тайно проводить октябристов, объявленных Союзом врагами Царя и Церкви, не брезгуя и подкупом, это верх безнравственности, унижающий сан священника.

Что же касается г. Скворцова, то название его *«уважаемым»* не слишком ли рискованно? В «Русском знамени» было напечатано публичное обличение г. Скворцова в том, что он, пользуясь своим официальным положением, как чиновник особых поручений при Святейшем Правительственном Синоде, на миссионерских съездах настаивал на авторитетной и обязательной рекомендации церквам приобретать церковное вино только у его друга Бекетова. Между тем вино это – *подслащенное* и, как *фальсифицированное*, воспрещено церковными канонами для совершения Святого Таинства. Выдавая вино г. Бекетова за натуральное, как действовал г. Скворцов?.. Разве за это, г. Облеухов, можно «уважать»? Или, по-вашему, выдающие подделку за настоящее достойны уважения?

Относительно же критики «Русским знаменем» земельной политики правительства, то, к сожалению, г. Облеухов извращает возражения по этому вопросу. «Русское знамя» не против мелкой земельной собственности у крестьян, но против насильственного принуждения разрушать общинное право, общину, против насильственного расселения на хутора, против продажи земельных наделов, порождающей сельский пролетариат. В этом оно сходится даже с самим г. Облеуховым, который в «Земщине» (№ 430) с ужасом отметил, что в Новоузенском у[езде] Самарск[ой] губ[ернии]

перешло на отруба 80 000 дворов и почти все отруба уже распроданы, а владельцы их стали пролетариями. Оно, напротив, рекомендует насаждение земельной собственности, как дающей уверенность в небесплодности затрат на землю, но в Сибири, где первобытная почва требует огромных на себя затрат, а также на покупаемых землях. «Русское знамя» против исключительно только насилия над 90-миллионным крестьянством, разделяющего его на немногих очень состоятельных крестьян и на массу пролетариата.

В защите г. Облеуховым «правительства г. Столыпина» (заметьте, не правительства Его Величества, а г. Столыпина) поражает намеренное смешение фактов и доказательств, поверхностное выдергивание общих мест и огульная брань. Жаль, очень жаль, что он изменил своим литературным традициям.

Но этой бранью, показывающею, насколько шатко положение им защищаемых политических интриганов, не заставить русский народ изменить своим взглядам. Русский народ понял, что, пользуясь общею смутою, честолюбцы хотят повторить годуновщину и долгоруковщину, а если не удастся, бироновщину, и если она не удастся, то осуществить то, что сделано в Персии, Турции и Португалии[1]. В лице Союза русский народ сомневается в П. А. Столыпине, как бы напившиеся у него чаю гг. Марков и его клевреты о П. А. [Столыпине] ни кричали. Сомнение основано на фактах, и г. Облеухову отвлечь взгляд в другую сторону, из желания ли угодить г. Маркову, или bona fide[2], не удастся. Они показали свое лицо, и теперь Союз Русского Народа не верит их преданности Самодержавию и никогда не перестанет считать их Его врагами, какими бы верными они ни

[1] В 1906 г. в Иране произошла конституционная революция, в результате чего страна стала конституционной монархией. В результате младотурецкой революции 1908 г. рухнула турецкая Османская империя. В результате Португальской революции 1910 г. Португалия стала республикой.

[2] Bona fide (*лат.*) – заслуживающий доверия, добросовестный.

притворялись и как бы громко и льстиво слово «Самодержавный» ни кричали.

Нужно быть дураком, чтобы позволить себя на одном и том же обмануть два раза. Из Хильми-паши никакими перьями солдата Рябова[1] не сделать.

[1] Рябов Самойла – (1813 – не ранее 1880) – русский солдат, участник Кавказской войны. Происходил из удельных крестьян деревни Симикиной Моршанского уезда Тамбовской губернии. Поступил на военную службу по рекрутскому набору в 1833 г. и был зачислен в Апшеронский пехотный полк. Летом 1835 г. был направлен со своим полком под командой генерала Клюки-фон-Клугенау к реке Сулак для устройства переправы и выдержал тяжелый бой с горцами. Основав при переправе укрепление Евгеньевское, Апшеронский полк вернулся на постоянные квартиры в Темир-Хан-Шуру. В конце 1836 г. Рябов с полком, состоя в отряде генерала Фези, совершил экспедицию в Чечню, где подразделение всю зиму было занято усмирением взбунтовавшихся аулов. Весной 1837 г. Апшеронский полк был направлен в Аварию, в аул Хунзах, где Рябов до 1839 г. нес гарнизонную службу. В кампании 1839 г. три батальона Апшеронского полка были отправлены в отряд генерала П. Х. Граббе и находились при осаде Ахульго. Во время штурма Ахульго наибольшие потери понесли 11-я и 12-я роты Апшеронского полка; но сам Рябов, состоя в 11-й роте, не был даже ранен. За отличие при штурме Ахульго Рябов был награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия за № 74554. По окончании этого похода Рябов был произведен в унтер-офицеры и с 1840 по 1843 гг. служил в учебной команде своего полка. Вернувшись в августе 1843 г. в свою 11-ю роту 4-го батальона, Рябов был направлен в аул Цатаных, где его рота (170 человек), кавалерийская полусотня и 2 орудия под общей командой капитана Дементьева составили гарнизон основанного укрепления. 3 сентября 1843 г. укрепление было окружено многотысячным скопищем горцев во главе с Шамилем. 5 сентября, после двухдневного жаркого боя, укрепление Цатаных было взято штурмом. Уцелевшие защитники числом около 25 человек (среди них был и раненый Рябов) были захвачены в плен. Проведя два месяца в плену, в начале ноября Рябов бежал; после нескольких дней скитаний по горам без пищи вышел к русскому военному посту и был отправлен в Темир-Хан-Шуру. После проведенного дознания выяснилось, что Рябов оказался единственным выжившим защитником Цатаныха. Зачисленный в лучшую в полку гренадерскую роту, Рябов через год, за неспособностью из-за недолеченных ран служить в строю, был переведен в подвижную инвалидную команду № 97; в 1849 году назначен в Ставропольскую комиссариатскую комиссию и оттуда в 1857 г. уволен в звании старшего вахтера в бессрочный отпуск. В 1880 г. надворный советник А. В. Державин записал в Ставрополе рассказ Самойлы Рябова о его боевой службе на Кавказе и падении укрепления Цатаных. Этот рассказ был опубликован в 18-м томе «Кавказского сборника» за 1897 год. Рассказ Рябова является одним из крайне немногочисленных источников по истории войны на Кавказе, принадлежащих нижним чинам Кавказской армии.

Что же касается точек над «i», то, г. Облеухов, будьте покойны, мы их поставим. Если же Вам от этого будет неловко перед содержателем «Прямого пути» и «Земщины», то печалуйтесь сами на себя. Думаем, что на вызов нас на обличение содержателя последний вряд ли скажет вам спасибо.

Н. Жеденов

Маргариновые монархисты. Предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела»

Это воззвание отпечатано в огромном количестве экземпляров и разослано Пуришкевичем по редакциям газет для помещения его «целиком, дабы таким путем еще шире и полнее в глубине России осветить выборщикам, в предстоящие дни избирательной кампании, их государственную задачу».

Цель эта прекрасна, и потому надлежит всеми силами поспособствовать, чтобы выборщики поняли, какие людишки желают втереться к ним в доверие. В этих видах помещаем обстоятельный разбор воззвания; что же касается подлинного его текста, то вряд ли необходимо обременять страницы книжки таким балластом, так как, по словам Главной палаты Союза Михаила Архангела, этих воззваний отпечатано сто тысяч, они целиком приведены еще в казеннокоштных[1] газетах, и потому любой избиратель, во всякое время, может пойти к околоточному или уряднику, обязанным их распространять, и попросить даже несколько штук. Прежде чем приступить к изложению, необходимо пояснить, что маргарином называют особый добываемый из нефти продукт, очень похожий с

[1] Казеннокоштный (*устар.*) – содержимый и обучаемый на казенный кошт, на средства казны, государства.

виду на коровье масло, что дает возможность продавать его обманом за коровье масло. Маргарин очень вреден для здоровья, и продажа его для потребления в пищу поэтому воспрещена[1].

Подлог

Предвыборное воззвание маргариновых монархистов напечатано на большом листе бумаги, а вершину его венчает изображение перед буквою Х ангела со щитом в левой руке и мечом в правой, долженствующего, вероятно, обозначать Михаила Архангела. Над головою же ангела помещено изображение государственного герба – двуглавого орла с Императорской короною на головах. Государственный герб в своем знаке могут иметь только правительственные установления, и даются такие, с гербом государственным, только от правительственных учреждений, и притом по особому, Высочайше утвержденному разрешению-закону. Как известно, в узаконениях сведений об увенчании частного общества, назвавшего себя Русским Народным Союзом имени Михаила Архангела, государственным гербом не встречается. Более того, этот знак не утвержден и правительством, тогда как закон дозволяет частным обществам применять знаки, только утвержденные правительственною властью. Таким образом, общество – «Союз Михаила Архангела» – самовольно нарушает закон и обманным путем выставляет знак, на который оно разрешения не получало и получить не может. Это сразу скандализирует обще-

[1] В России в 1874 году открылись два первых маргариновых завода, именно это время можно считать началом производства в нашей стране заменителей коровьего масла. Под заменителями сливочного масла в то время подразумевалась смесь растительного масла, говяжьего жира и молока. Но поскольку качество продукта, мягко говоря, было низким, маргарин не пользовался большой популярностью у потребителей. Подробнее см.: http://www.myjane.ru/articles/text/?id=5979.

ство: оно, стало быть, состоит из пошлых обманщиков, не стесняющихся фальшивыми знаками привлекать к себе народное доверие, и настолько наглое, что подделывает даже государственный герб.

Что за люди

Кто же, какого звания и профессии, состоит руководителем этого странного сообщества, открыто кичащегося постыдным обманом? Не знаем, кто душа этого общества, кто ведет его не только по недостойному, но и по незаконному пути, но под предвыборным воззванием значатся подписи: председателя Союза Р[усского] Н[арода] имени Мих[аила] Арх[ангела] «Владимира Пуришкевича и членов палаты: прот[оиерея] И. Восторгова, В. Скворцова» и… довольно! Теперь все ясно: имена объясняют, почему обман народа поставлен во главу угла деятельности общества, почему люди прикрылись фальшивым знаменем. Ведь эти люди иначе как обманом, ложью и действовать не могут. По именам попа, названного «мазуриком» еще великим праведником, о. Иоанном Кронштадтским, и сектоведа, издающего клерикальную газету для распространения среди монахов порнографических изданий и эротических приспособлений, да еще увенчанных политиканствующим «паяцем», можно догадаться, с какою темною шайкою имеешь дело. Им поддужны их барды – Н. Облеухов, обозвавший в казенной печати членов Союза Русского Народа «физиономиями с пустыми мозгами», и В. Прокофьев[1],

1 Прокофьев Василий Алексеевич (? – после февраля 1917) – статский советник, журналист и общественный деятель, активный участник правомонархического движения в Санкт-Петербурге, редактор «Вестника Русского Собрания». 4 мая 1910 г. был избран членом Главной палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА), был членом Палаты вплоть до февраля 1917 г., поддерживал линию председателя Союза В. М. Пуришкевича по всем вопросам.

изловчившийся в масонской газете на извращении фактов до такой степени, что сам «великий архитектор» не разберет, где правда и где ложь. Для затмения подпущены к этим славным «поэтам» купеческие сыновья, отцы, зятья и приказчики: И. [И.] Баранов[1], Д. [О.] Оборин, П. [П.] Сурин, С. [Д.] Чекалов, до ста лет доживший, но все еще не могущий разобрать – где левая и где правая сторона; соловей с курской колокольни Г. Шечков, тоже архитектор с разваливающимися домами граф И. Рошфор и зачем-то в этой честной компании очутившийся Г. Бутми[2]. Все они зарукоприкладствовались под фальшивым знаком, принятым обществом, сильно смахивающим одним уже этим на фальшивую монетную фабрику.

Как бы то ни было, а по нынешним временам и фальшивомонетчик в цене. Есть же в рядах лиц, выгнанных из Главного совета Союза Русского Народа, темный мошенник, скрывающийся от Бакинского суда за совершенные преступления, да еще проведенный Пуришкевичем в Русское Собрание. Разъезжает он по России и речи повсюду держит, и местное начальство, согласно приказам, неизменно доносит суду: такого-то «лихого» человека, по тщательному розыску, нигде не оказалось. Потому-то с предвыборным

[1] Баранов Иван Иванович (1856 (по другим данным 1858) – после 1917) – потомственный почетный гражданин, петербургский купец, активный деятель правомонархического движения, один из основателей СРН, член его Главного совета, первый казначей Союза. В ходе раскола в СРН поддержал противников А. И. Дубровина.

[2] Бутми-де-Кацман (Бутми) Георгий Васильевич (1856–1919?) – землевладелец и предприниматель, публицист, специалист по еврейскому и финансовому вопросам, общественный деятель, активный участник правомонархического движения. Член Русского Собрания (РС). Стоял у истоков Союза Русского Народа (СРН), на одном из первых заседаний на квартире А. И. Дубровина предложил связаться с Русской Монархической партией (РМП), созданной и возглавляемой В. А. Грингмутом, с которым Бутми-де-Кацман был знаком лично. В 1912 г., вернувшись на время к активной общественной деятельности, был избран членом Главной палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА). В 1912–1913 гг. Бутми-де-Кацман активно участвовал в деятельности этого Союза.

воззванием от темных людей тоже считаться приходится. Займемся и мы разбором, поневоле.

Как-никак, а воззвание обращено к русскому народу, и идет оно от «народного» будто бы Союза имени Архангела Михаила. Вот с этим приходится уже поспорить. Этот Союз никогда «народным» не был. Общество это можно назвать чиновничьим, или охранным, или зубатовским[1], но отнюдь только не народным. Конечно, все это: и чиновник, и охранник, и зубатовский рабочий – все идет из народных же недр. Да, это так, но они не народ…, но подонки народные. А это ведь не одно и то же. Пусть оно так и называется – «Русского народа подонков союз имени Архангела Михаила» – с этим никто спорить не будет и каждый сразу общество узнает. Святая Церковь светит всем одинаково: и честному люду, и преступникам, почему и изображение святого ангела никого не удивит. Но главное отличие составят имена. Кто же может стоять во главе народных подонков, как не аферисты: Пуришкевич, Восторгов и Скворцов?..

Лживое объявление

Обман как начался со знака, так и продолжается все время, непрерывно. «Третья Госуд[арственная] дума закончила свое существование», – но ведь подонки в половине июня уже выпустили предвыборное воззвание. Дума же

1 Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – офицер полиции Российской империи, известный деятель полицейского сыска и полицейский администратор, полковник Отдельного корпуса жандармов. Зубатов приобрел известность благодаря предложенному им в 1901 г. плану создания опекаемых полицией легальных профессиональных союзов рабочих, которые должны были направить рабочее движение с революционного пути на путь мирной защиты экономических интересов рабочих. Первым из таких союзов стало Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве в Москве. Созданная Зубатовым система «полицейского социализма» подверглась жестокой критике после того, как один из ставленников Зубатова, священник Георгий Гапон, организовал в Петербурге массовые беспорядки («Кровавое воскресенье»).

тогда не окончила еще существования, потому что пущена была лишь на время, а г. Пуришкевич свое жалованье члена Думы продолжал получать даже в июле, получил и в августе… Он думает, народ этого не знает. Нет: Третья дума еще была жива, она сидела на горбе народа, так как дармоед Пуришкевич все еще не слез с него, заставляя [платить] скомороху потовые денежки.

После первой фразы снова ложь. «Она была лучше первых двух своих предшественниц», – заверяют они. Нет, не лучше, а хуже. В Первой думе и во Второй сидели одни только разбойники – их и разогнали, без всякого для народа вреда. А в Третью думу попали еще и мошенники, которые обманули: заставили себя, мошенников, считать за порядочных людей и клоунские свои выходки признавать за полезный труд, да еще, смех сказать, государственный.

Носителя власти называют они «возлюбленный». Это те, кто купленную на базаре старую икону выдал за семейную святыню, кто по адресу Верховной Власти позволял угрозы и брань, даже в той самой Палате Михаила Архангела, от имени которой выпущено воззвание. Нет, кто отца своего любит, тот угроз ему посылать не станет, сочтет за грех его и обмануть – нет, гг. Пуришкевич и Восторгов, лжете вы, говоря о своей «любви». Правду вы в одном только пишете, что в Думе «слишком много было радетелей крамолы, усердно защищавших врагов порядка», и среди этих радетелей первое место занимал Пуришкевич с Шечковым. Они с пеною у рта защищали жида Азефа и его покровителя Столыпина, медленно, но твердо проводившего с помощью провокаторов и слуги своего Пуришкевича захват власти таврическим сбродом[1]. А в числе «малой горсти крепкостоятелей за правду народную» их не было вовсе. Они оказались не «правыми и верными», но лживыми предателями, вероломно злоупотребившими царским доверием и нагло

[1] Государственная дума заседала в Петербурге, в Таврическом дворце.

выдавшими себя за «народных представителей», тогда как Царь им этого права не давал. И они бы, эти маргариновые монархисты, «в конец унизили бы и погубили бы Государство, созданное трудами и кровью славных предков», если бы не председатель Союза Русского Народа Дубровин, ошарашивший этих продажных иуд тяжелою дубиною.

Правая фракция

«Слишком мала была горсть, – хвастают они про себя, – а потому не могла много сделать для блага народа и Государства» в Третьей Гос[ударственной] думе. Врут они: в начале работы Третьей думы правых членов было много – около половины всего состава Г[осударственной] думы, и эта половина исполнила свой долг, принеся всеподданнейший адрес с уверением в преданности Самодержавию Царскому, помимо телеграммы от Г[осударственной] думы, в которой выпущено было слово «Самодержавный». Только потом стала эта половина теряться. Всеподданнейшая телеграмма 196 членов с преданностью «Самодержавию» не понравилась Столыпину, и он начал обрабатывать правую половину. В этой половине нашлись Пуришкевич, Шечков, Марков 2[-й], Вязигин, Володимеров, которые сразу поддались на заброшенную приманку – в виде чая в доме пресловутого III Отделения[1] на Фонтанке – и… клюнули.

[1] Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было создано 3 (ст. ст.) июня 1826 года, во главе стоял А. Х. Бенкендорф. Круг ведения нового учреждения был определен так: «1) Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции; 2) Сведения о числе существующих в государстве сект и расколов; 3) Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и пр. коих – разыскание и дальнейшее производство остаются в зависимости министров: финансов и внутренних дел; 4) Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предметы распоряжения; 5) Высылка и размещение людей подозрительных и вредных; 6) Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заключения, в коих заключаются государственные преступники; 7) Все постановления и распоряжения об

Ранее этот дом способствовал укреплению Самодержавия, но как только поселился в нем Столыпин, тотчас же начал подкапываться под Самодержавие. Продажа руководителями правой половины Г[осударственной] думы конституционалистам Государевых и государственных интересов сразу подорвала к ним доверие, и от них отпали прежде всего крестьяне, которых возмутило насилие в земельном устройстве, усердно поддержанное близнецами Марковым 2[-м] и Пуришкевичем. Отпали от них и порядочные люди, глубоко возмущенные явною поддержкою провокатора – жида Азефа, убившего Великого князя Сергия[1]

иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из оного выезжающих; 8) Ведомости о всех без исключения происшествиях; 9) Статистические сведения, до полиции относящиеся».

III Отделение занималось сыском и следствием по политическим делам, осуществляло цензуру, боролось со старообрядчеством и сектантством, расследовало дела о жестоком обращении помещиков с крестьянами и т.д.

Отделение подразделялось на экспедиции. Первоначально было 4 экспедиции; в 1828 году была введена должность цензора, в 1842 году учреждена V (цензурная) экспедиция. Личный состав III Отделения в 1826 году был определен в 16 человек, в 1829 году усилен до 20 человек, в 1841 году – до 28. В 1839 году организация III Отделения получила более сложный вид, вследствие присоединения к нему Корпуса жандармов, причем оба управления подчинялись генералу Л. В. Дубельту, с именованием его «начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III Отделением». При отделении была особая юрисконсультская часть. Указом 12 февраля 1880 года была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия под главным начальством графа М. Т. Лорис-Меликова, и ей временно подчинено III Отделение вместе с Корпусом жандармов, а указом 6 августа того же года Верховная распорядительная комиссия была закрыта, и III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии упразднено с передачей дел в Департамент государственной полиции, образованный при Министерстве внутренних дел.

[1] Сергей Александрович (1864–1905) – Великий князь, сын Императора Александра II, дядя Николая II, московский генерал-губернатор. После событий в Петербурге 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») был убит взрывом, организованным в Московском Кремле эсером-террористом И. П. Каляевым. Супруга Великого князя Сергея Александровича, Великая княгиня Елизавета Федоровна, после смерти мужа приняла монашеский постриг и посвятила жизнь благотворительности. Была убита (сброшена в шахту) большевиками в Алапаевске, под Екатеринбургом, в июле 1918 г. Канонизирована Русской Православной Церковью.

и ряд виднейших сановников, – в благодарность проклятому жиду за помощь по установлению «народного представительства»! Крестьяне и брезгливые люди из интеллигенции, князь Урусов[1] с единомышленниками, поневоле отклонились влево от Пуришкевича, пресмыкавшегося перед «главою» правительства Столыпиным и ведшего членов Думы к поддержанию явного произвола и злоупотребления бюрократии. Благородных и твердых правых, неподкупных, не соглашающихся продать Царя и народ за подачки от бюрократии, не нашлось вовсе в Третьей Г[осударственной] думе, и потому только Пуришкевич с теплою компанией: Марков, Шечков и пр. – заняли место истинных русских людей – на безрыбье и рак рыба. Под председательством Вязигина эти «раки», псевдомонархисты, остались в малом числе. Крестьяне видели в них «бар», «поповичей», «приказных» – ту интеллигенцию, вне русского духа сущую, которую русский народ столь презирает. Разумеется, в правой фракции – холопствовать перед Пуришкевичем и Марковым могла согласиться лишь «малая горсть», но в этом количестве ее виноват некто другой, как сам же Пуришкевич и К°. Если бы они не предательствовали, если бы не кривили душой, если бы не продавали себя врагам Государя, если бы помнили о благе народа, а не о честолюбии зазнавшихся вельмож, вообразивших себя «спасателями» России и начавших ее ломать и перекраивать, – от них не отшатнулись бы ни крестьяне, ни дворяне, ни вообще честные и порядочные люди.

[1] Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937) – князь, общественный и политический деятель Российской империи конца XIX – начала XX вв., масон. С 1902 г. был тамбовским вице-губернатором. Был близок к философу Б. Н. Чичерину и местным левым земцам. 6 июня 1903 года, после Кишиневского погрома, был назначен губернатором Бессарабии (Кишиневским) по рекомендации В. К. Плеве. В 1906 г. был избран депутатом Государственной думы от Калужской губернии и активно участвовал в работе Думы вплоть до ее роспуска.

Когда же русский народ станет посылать лучших людей в Четвертую думу на ближайшее пятилетие, то пусть будут наказаны гг. Пуришкевич и К°: народ русский ту дрянь, которая была на правой половине и нагло выдавала себя за правых, за монархистов, да еще союзников, – не пошлет: кому нужны предатели?!

Гибельные решения

Разве Пуришкевич, Восторгов, Марков шли «по пути правому – благоустроения быта народного, укрепления Веры Православной, возвеличения Державы Российской, прославления русского имени»? Нет, они шли по левому пути. Благоустроение быта народного вовсе не заключается в том, чтобы русского земледельца – основу благоустроения России – делать пролетарием или в личное распоряжение чиновников отдавать на сотни миллионов руб[лей] городские имущества. А между тем только голосами правого безгласного стада Пуришкевича и Маркова прошел закон об обращении добытых всею крестьянскою семьею, трудами и потом дедов и прадедов надельных земель в личную собственность только одного человека, зачастую мота, пьяницы и бездельника. Только Пуришкевичи и Марковы помогли провести закон о залоге этой надельной земли для того, чтобы русские крестьяне поскорее размотали жидам свои дедовские наделы, а сами обратились в вечных жидовских батраков – пролетариев. Только один голос графа А. А. Бобринского[1] против всех правых

[1] Бобринский Алексей Александрович, граф (19.05.1852–20.08[2.09].1927) – обер-гофмейстер Высочайшего Двора, видный государственный деятель, министр земледелия, председатель правой группы Государственного совета, тов. председателя фракции правых III Государственной думы, ученый-археолог и литератор, общественный деятель, председатель Совета Объединенного Дворянства, член Совета Русского Собрания (РС). Граф Бобринский был человеком умеренных взглядов, за умеренность его даже прозвали «левым членом правой группы»; пользуясь такой репутацией, он пытался сблизить крайне правых с националистами и октябристами, но безуспешно.

не допустил Столыпина захватить в свое распоряжение 100 миллионов рублей, имевших быть собранными с жителей города С.-Петербурга на канализацию. Не один бы тогда дом купили столыпинские чиновники ему и себе – перепало бы за молчание и Пуришкевичу, и Маркову, и Шечкову…

О Православии

Интересно также узнать – чем же Пуришкевич и Восторгов хотят укреплять в Четвертой Г[осударственной] думе Веру Православную? Неужели только тем, что они по-прежнему будут утаивать возмутительные насилия, совершаемые духовными бюрократами и хищниками миссионерами над православными людьми, ищущими живого церковного слова, и над теми, кто эту жажду их насыщает? Или, может быть, Пуришкевич, Шечков и др. находят возможность отдать на суждение жиду, атеисту, язычнику, мусульманину, католику, которых достаточно в Госуд[арственной] думе, дела Православной Церкви, если их выберут снова в Четвертую думу и дадут тем возможность не только дармоедствовать на 4500 р. годового оклада жалованья, но и питаться крохами, падающими с чайного стола бюрократии?

О силе Отечества

Возвеличение же Державы Российской и прославление русского имени великолепно исполнено Пуришкевичем, нагло, по указке интриговавшего Столыпина кричавшим: «Ни копейки на флот», в то время когда Сердце Царево болело отсутствием мощи на море. Пуришкевич «склонил гнев на милость» только тогда, когда увидел возможность пролезть в действительные статские советники – штатские генералы. Дешево же продаются, за гене-

ральский чин лишь, голоса, но если каждому из пуришкевической своры давать по чину, то унизится совершенно достоинство штатских генералов.

О наглости

Наглецом всегда и все называли Пуришкевича. Этого названия давно, еще раньше, удостоены Восторгов и Скворцов. Остальные же, из подписавших предвыборное воззвание, этого прозвища еще не удостаивались. Зачем, спрашивается, они лезут на такую же характеристику? «Скажи мне, с кем ты знаком, а я скажу, кто ты таков» – неужели изречение это им неизвестно? Разумеется, подписали они воззвание, не вникнув в его выражение и смысл и не принимая участия в его составлении. Но тем более надлежало быть осторожным и не выставлять своих подписей под творением известного площадного наглеца Пуришкевича.

Обман

Ведь Пуришкевич мог бы кабацкие выражения, коими он не стесняется в обиходе, даже среди женщин, поместить и в воззвании. В каком бы положении очутились «почтенный» И. И. Баранов, Г. А. Шечков, Г. В. Бутми и пр., пр. предвыборные глашатаи, если бы в воззвании оказалось хотя бы обманное слово? А между тем это так и есть. «В этот важный момент, *правые* союзы, – значится в воззвании, – верные неограниченному Самодержавию, считают своим долгом в открытом воззвании изложить перед избирателями основные, руководящие начала политической своей деятельности». На каком основании Пуришкевич, Восторгов и иже с ними говорят от имени всех *правых* союзов? Наглецы, да кто же вас на это уполномочил? Как смеете вы свое пошлое воззвание выдавать

за воззвание Союза Русского Народа, Астраханской Монархической Партии, Союза Русских Людей[1] и прочих правых союзов, отстаивающих неограниченное Царское Самодержавие от вас же самих, подрывающих насильственным введением «народного представительства» это Царское Самодержавие в пользу самодержавия конституционной бюрократии, нанявшей вас для разрушения Царского Самодержавия?! Нужно быть столь наглым как Пуришкевич, чтобы решиться на этот явный обман. Русский народ доверчив и может подумать, что предательская компания Пуришкевич–Восторгов–Скворцов действительно уполномочена правыми союзами говорить от их имени. Но что общего могут иметь правые союзы с «паяцами»,

[1] Астраханская Народно-Монархическая Партия (АНМП) – одна из самых многочисленных и активных региональных черносотенных организаций. Партия была организована 13 ноября 1905 г. В программе ее цели определялись так: «1) Не допустить Россию до распадения. 2) Оберечь Царя. 3) Прекратить смуту. 4) Поддерживать в народе искони присущие ему чувства: преданности Престолу и святой Православной Церкви и не допускать глумления над ними. 5) Поддерживать в народе сознание высокого значения военной службы. 6) Стремиться к недопущению никаких волнений, смут, насилий, могущих разрушить или ослабить государство. 7) Дать первенствующее значение голосу народа». Председателем партии был видный черносотенный деятель Н. Н. Тиханович-Савицкий.

Союз Русских Людей (СРЛ) – одна из крупнейших правомонархических организаций начала XX в. Союз возник в Москве на базе неформального кружка дворян, который возглавляли братья Павел и Петр Сергеевичи Шереметевы. В марте-апреле 1905 г. началась активная работа по выработке положений устава Союза и организационных форм его деятельности. Граф П. С. Шереметев в написанной 12 апреля брошюре «Из современного быта» (он посвятил ее Д. А. Хомякову) заявлял, что главная задача организации – «отстоять исконные начала, согласить их с объявленным обновлением государственной жизни и найти здоровый и прочный выход из ныне переживаемой смуты». Одной из важнейших инициатив СРЛ на начальном этапе его деятельности была идея организации комитетов порядка для противодействия смуте. 14 октября 1905 г., в самый разгар революции, через газету «Московские ведомости» Союз обратился с призывом ко всем верноподданным русским людям создать при каждом приходе комитеты порядка. Союз активно действовал в период революции 1905–1907 гг., однако затем его деятельность постепенно сходит на нет, формально Союз прекратил существование после февраля 1917 г.

политическими скоморохами, интриганствующими попами, хищными сектоведами, построившими на «дыромоляях» дачи в Крыму, и пр. и проч. дребеденью? Достаточно удивляет та неосмотрительность, с которою дают имена свои гг. Бутми, Баранов, Чекалов, Шечков тем пройдохам, которые всплыли ныне на поверхности взбаламученного российского политического моря в виде грязной пены.

Бюрократия

Характеризуя задачу правых союзов, наемники бюрократии не забывают, чьи они слуги, и сразу переходят к своим господам: «задачи, лежащие на русской правительственной власти, трудны и многосложны» – так спешат они воскурить фимиам министрам, перед которыми раболепствуют. Они иначе не могут себе представить союзов, как в качестве филиалов охранных и сыскных отделений. Выращенные пресловутым Зубатовым, Пуришкевич, Восторгов, Скворцов et tutti quanti[1] не имеют и понятия о союзах, не связанных с бюрократией, не питающихся ее подачками, но независимых и в этой своей самостоятельности гордых до презрения к бюрократии. Если в Союзе Русского Народа и встретились дурные элементы, то из тех, кого так услужливо подсунула бюрократия через одного ген[ерал]-адъютанта, якобы для содействия, но в действительности для того, чтобы погасить дух четных людей и задушить Союз Русского Народа, помешавший конституции. Все эти Прусаковы[2], Горностаевы, Востор-

[1] Et tutti quanti – и все прочее, все остальное, поголовно все (*ит.*).

[2] Прусаков (в некоторых источниках – Пруссаков) А. И. – секретарь редакции газеты «Русское знамя». Клеветал на А. И. Дубровина, заявил на следствии об организации при Союзе Русского Народа «боевых дружин», которые якобы осуществили убийство 18 июля 1906 года на даче в Териоках в Финляндии (ныне Зеленогорск под Петербургом) депутата Первой Государственной думы крещеного еврея Михаила Яковлевича Герценштейна. Истинные мотивы убийства Герценштейна не установлены.

говы, Скворцовы, Пуришкевичи целиком выскочили из бюрократических застенков, они там в сыскных и охранных канцеляриях получили воспитание.

Выдержанные в чернильной атмосфере, они иначе не могут смотреть и на народ, как глазами бюрократии, и в воззвании своем трактуют прежде всего об обязанностях чиновников, плотью от плоти которых они сами являются. Они не понимают духовной жизни русского народа, им не сообразить, что правительственная власть является только исполнительницей народных желаний, угаданных поставленным во главе страны помазанником Божиим и преподанных Им министрам – этим господам и благодетелям Пуришкевичей, Восторговых, Скворцовых… к исполнению. Впрочем, и они упоминают, что «ему (народу) приходится вести борьбу постоянную и упорную», так что скорее свойственным им холуйством нужно объяснить их стремления связать историческую жизнь народа с заботами только министров. Во всяком случае, некоторые проблески сознания затмеваются совершенно нелепой точкой зрения на положение русского народа среди инородцев. Они говорят, что над иными племенами и народностями «преобладает» православный русский народ и нужно удержать это «преобладание». Преобладание индийской народности не мешает, однако, англичанам господствовать над нею; преобладание китайцев не препятствовало в течение 300 лет повелевать над ними манчжурам. России нужно не преобладание, но первенство над инородцами, основанное на семейных отношениях младших к старшему в роде. Вот что требуется русскому народу, но не глупое только численное преобладание, рекомендуемое недалекими Пуришкевичем, Скворцовым, Восторговым и их жалкими прихвостнями. Русский народ требует признания первенства за собою и беспрекословного повиновения себе младших членов всероссийской семьи: тогда только Россия будет едина и сильна.

Законодатель и правительство

«Для сохранения целости Империи и защиты ее от внешних врагов, – пишут далее политиканы, – необходима сильная, неограниченная государственная власть». Что понимают пуришкевичи под словом «государственная власть»? Это есть то же самое, что именуется «правительством», а правительство состоит из гг. министров, изливающих благодать в карманы Пуришкевича и Восторгова. Итак, эти подхалимы бюрократии требуют для нее «сильной и неограниченной власти». Нет, господа хорошие, мы уже видали столыпинщину, знавал русский народ и схожие с нею годуновщину и бироновщину, столь вам любезные. Конечно, Ванька-Каин заграбастывал при Столыпине крупные куши то на проведение в Г[осударственную] думу предателей-октябристов, то на насаждение монастырей (это Ванька-Каин-то – хорош монах!), и ему снова улыбается в мечтах что-нибудь в этом роде, но разве мало хищники нажились на горбе народном? Один Пуришкевич сколько растранжирил на подкуп в правые общества проходимцев, чтобы выкурить оттуда тех, кто ему мешал. Народная казна нужна еще на народное благо, и чем ни меньше будет власти у бюрократии, тем казна будет целее.

Политиканы тотчас постараются вывернуться: мы, дескать, говорим не о власти чиновников, но о власти Государевой – ее разумеем под государственной властью. Но старого воробья на мякине не обманешь. Так Пуришкевич или Восторгов могут надуть какого-нибудь провинциала в медвежьем углу, а мы видали виды, натуру их воровскую хорошо знаем. Если имеешь в виду заботу о Верховной Власти, то говори прямо, а не виляй.

Прежде всего Государь есть народ, в Нем отражается сила и воля народная, а государственная власть есть испол-

нитель лишь этой Воли, есть форма Ее, а не содержание. Поэтому под государственною властью разумеют лишь власть правительственную, а не законодательную, каковою является Государь России. Верить же словам искусившегося на лукавых выражениях Пуришкевича нельзя: он выдал в публичном заседании Государственную думу за «народное представительство» и признал это представительство как якобы благо для России, а в предвыборном воззвании пишет: «К идеалу этому (государственной власти) народное представительство – в форме ли народоправления или конституции не подходит», потому что оно есть «точное воспроизведение себялюбивых вожделений отдельных групп» – с Марковым и Пуришкевичем во главе. Стало быть, Пуришкевич с компанией отрицает народное представительство? Считает «неограниченную власть Царя-Самодержца» «ни от кого, кроме Бога, не зависящею»? В том-то и сила, что нет. Эта мошенническая компания – Пуришкевич, Восторгов, Скворцов – пересыпала туманные слова со словами о воле Самодержца исключительно затем, чтобы сбить с толку избирателей, чтобы они не поняли, какую линию тянет эта продувная шайка: предана ли Царю-Самодержцу или стремится ограничить Царскую Власть народным представительством. Кто не верит, пусть объяснит, что означают эти слова в пуришкевическом воззвании: «Правые союзы признают, что каждый плательщик податей имеет право требовать отчета, куда пошла его копейка». От кого же требовать отчет, если они не признают народного представительства? От государственной власти? Так ведь? Но, по их же словам, государственная власть – это и есть Самодержец. Стало быть, эти паяцы, клерикалы, Ваньки-Каины смеют утверждать о праве своем требовать от Царя отчет? Какие же они после того «верные неограниченному Царскому Самодержавию»? Право требования отчета исключает по-

нятие о неограниченности власти! Так и хочется в глаза плюнуть этим бесстыдным людям: наглецы, обманщики, вы пересыпали Самодержавие с конституцией, выразив ее лишь иными словами, и хотите народ одурачить!.. О, вы, прихвостни конституционные! Сколько вам уплачено и сколько еще обещано за ваш гнусный обман? И всю эту мерзость осмеливаются мошенники высказывать от имени правых союзов. Правые союзы – не маргариновые, каким является Союз Михаила Архангела, а настоящий правый, монархический союз по шеям прогонит от себя таких «правых монархистов». Маргариновые монархисты предали уже португальского короля и хотят попытать такого же счастья в России… А Дубровин на что? А Союз Русского Народа, в той его части, который выгнал от себя предателей марковской марки, он разве будет молчать и молча глядеть на обман?

Захват власти

Маргариновые монархисты замышляют «не заглушить голос земли», а, напротив, придать ему «выражение возможно полное и свободное». Хитро сказано, а потому надо приглядеться, в чем же эта полнота и свобода должны выразиться. А вот в чем, – гласит предвыборное воззвание: «В соучастии народа в правлении в виде законосовещательной Думы». Каково? Дума созвана только для одобрения законопроектов и контроля над закономерностью властей, а Пуришкевич с[о] своими союзниками-клерикалами нахрапом захватывает даже правление. Простоватые провинциалы не поймут, что это означает, а очутившись снова в Г[осударственной] думе, Пуришкевич, согласно точному плану на тайных заседаниях маргариновых монархистов в мае мес[яце] 1912 г., потребует осуществления этой программы. Тогда только и поймут провинциалы, что пред-

выборная программа эта означает назначение состава правительства не по свободной Воле Монарха, из любых Его подданных, но из состава Государственной думы, как это принято в парламентах. Вот что понимать нужно под пуришкевичевским «соучастием народа в правлении». И смеет еще наглец называть это «по примеру древних земских соборов»! Да разве соборы участвовали в правлении? Земские соборы созывались не постоянно, но по мере нужды, и для дачи советов, оканчивая притом свои работы каждый раз словами: «А, впрочем, как Воле Твоей, Государь, угодно будет». Ни контроля над правительством, ни законодательных функций земские соборы не несли, а тем более не принимали участия в правлении, строго следуя правилу: народу – совет, Царю – решение, приказному – исполнение. Перемешав конституционные признаки с требованиями Самодержавия, темная компания стремится обмануть народ, затуманив свои намерения загадочными словами, – авось, дескать, не разберутся, кто они такие и что требуют. «А когда пройдем в Г[осударственную] думу и будем вершить свои дела – в виде Госуд[арственной] думы укреплять народное представительство и требовать от Государя назначения министров из состава Государственной думы, – тогда скажем: мы «творим волю народа, который одобрил наше предвыборное воззвание, послав нас, составителей воззвания, в качестве своих представителей». Вот когда еще раз подтверждается тот план, который составил Столыпин и который начали Пуришкевич с Марковым уже проводить в жизнь с помощью обманутой ими части Союза Русского Народа и Русского Собрания[16].

Государственный переворот

Государственная дума проектируется из представителей от земств, с выбором министров из ее состава, но

без права для Царя увольнять министров без желания Г[осударственной] думы. И этакую столыпинскую конституцию мошенники стали выдавать за «древний земский собор», уверяя всех, что это не конституция, а что-то вроде «земско-соборного соучастия народа». Какие бы, однако, одежды эти люди ни надели на себя, их волчьи зубы все-таки видны. Все предвыборное воззвание их есть нахальное упрочение в России парламента, несмотря на заверения в преданности Неограниченному Самодержавию. «По делам их узнаете их», – сказано в Священном Писании. Дела Скворцова и Пуришкевича пахнут конституцией, которую они ловко продолжают проводить вместе с земско-соборными союзниками и националистами, на могиле Столыпина поклявшимися довести свое злодейское для России дело до конца.

В «Русском знамени» в прошлые два года и в «Грозе» помещен был целый ряд статей, указывающих на то, что Марков 2[-й], захватив в свои руки Главный совет Союза Русского Народа, чрез него и издаваемый при нем «Вестник» стал проводить конституционные идеи. На основании статей в «Земщине», речей Маркова и Пуришкевича в Государственной думе и внесенной отцом Пуришкевича в Совет Русского Собрания записки политическая программа их выяснилась. Под пропагандировавшимся земско-соборным началом устанавливались выборы в Государственную думу от земств. В земствах современного устройства преобладающее значение сохранено за крупным землевладельческим, как купеческим, так и дворянским, классом, причем на крестьянских представителей смотрят как на быдло. Все министры принадлежат к помещикам или купцам, и, таким образом, получается сходство, а с ним и родство состава бюрократии с парламентом.

Бюрократия в этом упрочении господства землевладельческих классов встречает препятствие в Верховной

Воле Государя, настаивающей на охранении крестьян-земледельцев и рабочих от чрезмерного угнетения их землевладельцами и промышленниками и на обеспечении крестьян землей, а рабочих пенсиями при потере трудоспособности. Поэтому по составленному Столыпиным плану надлежит бюрократию обеспечить от возможности удаления Верховною Властью из состава правительства. Согласно замыслу, мечтают о дополнении законов указанием на выбор правительства из состава Госуд[арственной] думы, но с увольнением министров только с согласия Думы. Введение этого порядка предлагается фактически, нахрапом, сперва по совету, а потом установить как «незыблемое правило». Этим и объясняются те слухи о назначении октябриста Гучкова, националиста Балашова[1] и маргаринового союзника Маркова 2[-го] в состав правительства, когда Столыпину приходилось туго и в Государственной думе мечтали о неодобрении западного земства целиком. К этому предположению пристал и Пуришкевич, внезапно напавший на Столыпина – своего золотого благодетеля. Столыпину был поставлен ультиматум: согласиться на пополнение состава правительства из представителей трех партий, составляющих большинство в Государственной думе, или скандальным отвержением уже введенного в действие западного земства заставить его самого перестать быть «главою» правительства. В это время даже Пуришкевич мечтал о портфеле министра народного просвещения, а Марков 2[-й] – внутренних дел; Гучкову отдавались финансы; его друг, генерал N, становился военным министром, и даже

[1] Балашев Петр Николаевич (2.11.1871 – после 1927) – политический и общественный деятель, камергер Высочайшего Двора, один из организаторов и лидеров Всероссийского Национального Союза. Депутат III и IV Государственных дум от Подольской губернии. Председатель фракции умеренно-правых и русской национальной в III Государственной думе и фракции националистов и умеренно-правых в IV Государственной думе. Сторонник и проводник в Думе политики П. А. Столыпина. После октября 1917 г. в эмиграции, жил в Париже.

партии кадеков[1] давали место в лице «премилого» Маклакова с портфелем министра юстиции. Можно себе представить, к чему привел бы такой состав! В Петербурге, где в Таврическом дворце допущена масонская ложа, повторились бы стамбуловские или португальские события.

Соумышленники

Смерть Столыпина всему этому, однако, помешала. Нынешний «глава»[2] хотя тоже не прочь потянуть в левую руку, но уже не столь энергичен, и в России в смысле революции сверху стало спокойнее. Зато революции снизу – конституционалисты не мешают не то по сочувствию, не то по непониманию тех государственных задач, которые ныне предстали. А скорее всего потому, что заботы о личном благе поглощают у них государственные интересы. Личное самолюбие настолько сильно, что министры готовы помириться скорее с радикальным течением, нежели со свободною оценкою их действий со стороны преданных Царю лиц, которых они прямо так-таки в глаза называют «революционерами» справа за их порицание действий министров. Все три столыпинские партии: земско-соборная из маргариновых монархистов, националистическая и октябристская – сперва после убийства Столыпина опешили, и в общем горе сразу свою природу обнаружили: все три на могиле Столыпина сошлись вместе, поплакали и… решили продолжать идти вместе по указанному Столыпиным пути фактического ограничения Государевой Власти, но только

1 Имеются в виду конституционные демократы, кадеты, лидером которых был П. Н. Милюков.

2 Имеется в виду Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943). В. Н. Коковцов служил в Министерстве юстиции (1873–1890) и Государственной канцелярии (1890–1896); товарищ министра финансов (1896–1902); государственный секретарь (1902–1904); министр финансов (1904–1914); председатель Совета министров (11 сентября 1911 – 30 января 1914); член (1905), председатель II Департамента Государственного совета (1915); с 1918 г. в эмиграции.

землевладельческими классами – бюрократией и буржуазией, но не народом, как проектировал граф Витте. Они ссорятся между собою из-за деталей, из-за первенства, но общая цель у них едина, и весенний съезд представителей «монархических» организаций в Петербурге блестяще это подтвердил. План действительно ловко придуман. Октябристы – уже известно, на чем стоят: только на почве Манифеста 17 октября[1], по их мнению, лишившего Русского Царя Самодержавия. Кто смеет назвать их за это врагами Государя, когда они соблюдают – внешне, правда, – Его Волю? Ведь утверждает же один генерал-адъютант, что Манифест 17 октября все могут толковать, как им это только нравится, и что преступления против Царской Власти в этом будто бы нет, как это было бы до 17 октября 1905 г., даже для генералов и администраторов.

Если же гг. октябристы не нравятся своим хамством и наглостью, то заменить их можно, – смекают политиканы, – более мягкими и, пожалуй, джентльменами – националистами, которые Самодержавие согласны даже оставить, но лишь на случай, когда им, националистам, Оно понадобится, если их станут затирать социал-демократы. Буде же и националисты ненадежны, то чего же лучше – Марков 2[-й], или Пуришкевич, которые вопят о Самодержавии и хотят Его даже укрепить придачею «земско-соборного народного представительства» для «соучастия народа в правлении». Земско-соборники не только по законодательству желают давать советы, но даже и по Верховному Управлению. Они ли не партия? Каких еще людей искать?

И вот мы видим, как под сладостным лепетом бюрократии в Петербурге объявили между собою союз когда-то оплоты монархии: Русское собрание и Союз Русского Наро-

[1] 17 октября 1905 г. был опубликован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», разработанный С. Ю. Витте, вводивший в стране демократические свободы, а также законодательный орган – Государственную думу.

да в лице маргариновой части своей: земско-соборников – с националистами, а в тайном заседании и с октябристами. О последних они боялись громко говорить, потому что сразу заметят предательство. Но простоватый Вязигин, председатель правой фракции «народных представителей», их выдал своими хвалебными октябристам статьями. По собственному почину он, пожалуй, и не сделал бы этого, но его доняли в «Русском знамени» и «Грозе» сильными нападками, чтобы проверить, действительно ли заключен блок с октябристами, на которых для отвода глаз нападает «Земщина», притворяясь врагом их, и он, не догадавшись, начал защищать октябристов и во время полемики, промахнувшись, выдал в «Харьковских губернских ведомостях» блок с октябристами бывших «союзников» – бывших потому, что Всероссийский Съезд Союза Русского Народа в ноябре 1911 г., под председательством вождя Союза, А. И. Дубровина, торжественно постановил считать Маркова, Соколова и всю их земско-соборную предательскую партию за неверноподданнические замыслы и поступки недостойными оставаться в Союзе Русского Народа, задача которого умереть, защищая Царское не ограниченное ничем, даже и земским собором, Самодержавие, но отнюдь не входит с врагами Царя в какое-либо соглашение.

Выводы

Вся главная часть предвыборного воззвания разобрана – стремление Пуришкевича, Скворцова и Восторгова к ограничению Царской Власти, к захвату нахрапом неприсвоенных прав в виде участия не только в законодательной палате, но и правления – иначе сказать, к объявлению конституции – установлено. Русский народ теперь может разобраться, что за люди та темная компания, которая скрывается в Союзе Михаила Архангела, и какие цели они

преследуют. Каждый может теперь поступить, как долг верноподданнический ему повелевает. В наступающие дни избирательной кампании выборщикам «освещена их государственная задача». Желают они смещения России с исторических устоев – пусть поддерживают Пуришкевича. Если же им дорога единая и неделимая Русская Земля, им надлежит или воздержаться от соучастия с политическими обманщиками, выдающими себя за преданных Царю людей, или решительно пойти против них.

Выборный и представитель

Предвыборное воззвание земско-соборников заключает также в себе ряд и других неверных положений, явившихся следствием потери их вожаками духа Союза Русского Народа. Коснемся для полноты критики и этих сторон их деятельности, намеченной ими в подробной программе.

«Учреждение Государственной думы не впервые устанавливает на Руси способы доведения через выборных людей до уха Царева свидетельства о нуждах народных» – так утверждает воззвание и тут же поясняет, какого же сорта эти «выборные» должны быть, каким качествам отвечать. Царские грамоты указывают, чтобы выборные были: «люди добрые и разумные, с которыми Царю разговаривать можно». Вот какого рода состав должен быть находиться в земском соборе: не дураки и не мошенники, и только, – но не представители народа, которые имели бы право передавать желания своих избирателей. В этом вся и разница. Государь Император повелел избрать лучших людей – с коими можно было бы посоветоваться. Народ избрал людей, которые, однако, не стали ожидать спроса своих советов, но заявили, что они не довольствуются такою простою ролью, но желают говорить от имени народа, излагать требования своих избирателей, быть их представителями. И так поступили

не левые, может быть, не понявшие Царского призыва, но вожаки правых, по предварительном обсуждении сего между собою, – Пуришкевич и Марков 2[-й]. Они же отлично знают разницу между «лучшими» людьми, т.е. «добрыми и разумными, с которыми Царю разговаривать можно» для совещания и «народными представителями», которые предъявляют лишь требования избирателей. Потому-то эта ссылка на древних «выборных», намеренная выдача «учреждения Государственной думы» за «земские соборы, в которых участвовали люди от всех сословий», есть со стороны Пуришкевича, Скворцова, Восторгова – подлый, низкий обман русского народа в расчете, что он не разберется в двусмысленных понятиях.

Инородчество

«В глазах правых сынами России признаются русские люди всех сословий, православно верующие, преданные Царю и Отечеству, а также лица других вероисповеданий, кроме иудейского; но с тем непременным условием, чтобы свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, они отнюдь не противополагали, а подчиняли и сливали с общими интересами Российского государства». Вряд ли эта программа отношений коренной Руси – русских людей, будет правильною, соответствует истинному взгляду русского народа. Так, например, мордвин – православный и верующий, преданный Царю и Отечеству, разве не будет также сыном России? А между тем он, как не русский родом, не включен Пуришкевичем в этот разряд. Вместе с тем для инородцев и иноверцев недостаточно «не противополагать, а подчинять и сливать свои племенные и вероисповедные интересы».

Инородец должен «не сливать» свою веру с Православною Верою, но принять Православие целиком, если не

сам, то потомки его. Равным образом он должен не сливать свой язык, свои обычаи, как требует Пуришкевич, с русским языком и русскими обычаями, но усваивать русский язык и русские обычаи целиком.

Его не заставляют забывать свой язык и свои обычаи, но он должен стремиться говорить по-русски и следовать только русским законам. Союз Русского Народа так именно и глядит на инородцев, но пуришкевичевцы и клерикалы смотрят иначе, видимо, желая смягчить тем свои отношения к инородцам, подладиться к ним, заручиться их голосами. Тогда как же смеют они говорить от лица «правых»? Они уклоняются от прямизны, от правоты и потому могут говорить только от себя, а не обманывать инородцев относительно правых, чтобы потом не возбудить их против русских людей, когда они увидят обещания неисполненными. Если инородцы ограничатся тем, что не будут только противоставлять вероисповедания и языки свои русской вере и языку, раз они уже исполнят все, оставаясь навсегда от русских обособленными. Такой взгляд проводят националисты, с которыми сошлись Пуришкевич, Восторгов, Скворцов.

А русские люди говорят иначе: инородцы должны стремиться к слиянию с русскими людьми, дабы исчезло всякое различие, и тогда только они будут называться «сынами России». Задача же государственных людей заключается в том, чтобы это слияние происходило стихийно, безболезненно, втягивающим образом и без обидного насилия над инородцами.

Православная Церковь

Православная Церковь, по словам воззвания, «обуреваема многочисленными врагами» и потому «желателен скорейший созыв Поместного Собора и восстановление

исторической власти Всероссийского Патриарха». В этих словах проглядывает совершенное непонимание задачи церковного собора и обнаруживается та язва, которая именуется клерикализмом. Поместный собор желателен затем, чтобы придать Церкви Православной каноническое устройство, благодаря отсутствию которого настала в самой Церкви величайшая разруха, отшатывающая от нее даже коренной русский народ и приостановившая распространение Православной Веры среди иноверцев. Ныне многие священники стали неверующими и смотрят на священство как на ремесло и средство для наживы или для игры в политику, и отсюда Вера Православная стала теряться в народе. Но народ русский всегда искал Бога и, не видя удовлетворения своим духовным нуждам в государственной Церкви, стал податлив на сектантство. Ранее, при каноническом устройстве Церкви, Церковь состояла не только из священника, но и из мирян, объединявшихся около приходского храма. А ныне Церковь есть только священник при храме, а народ в отчуждении от Церкви, почему легко отпадает в сектантство. Задача Поместного собора – восстановить древне-каноническое устройство церкви-прихода и каноническое также управление Церковью. Церковь ныне управляется чиновником, а у епископов от его голоса только «коленки дрожат». Чиновники бывают масонами, еретиками, и это тотчас отзывается на Церкви. Во избежание этого необходимо уничтожить засилье чиновника в Церкви образованием собора епископов, на котором единственно почиет благодать Духа Святого. Что же касается Патриарха, то в Апостольской Церкви его не было и Патриаршество есть результат влияния светской власти на Церковь, отличения светскою властью кого-либо из епископов. Поэтому восстановление Патриаршества вряд ли нужно, но созыв церковного собора необходим. Собор, однако, важен не саблеровского духа, но свободный собор епископов и мирян,

причем, конечно, сами миряне должны быть выбраны от приходов, но не назначены от синодальной канцелярии. Если Собор будет подобен нынешнему Предсоборному совещанию, никого он не удовлетворит и Церковь останется в прежней разрухе, а миряне подпадут еще сильнее влиянию врагов Церкви. Нельзя себе и представить, чтобы знаменитая тройка: Пуришкевич – Скворцов – Восторгов этого не понимали. Они отлично обмозговали свое предвыборное воззвание, и, наверное, синодальный бюрократ сам проредактировал церковные строки так, чтобы побольше напустить тумана.

Самодержавие

Еще хитрее обходят эти темные силы вопросы о Самодержавии. О нем, о Русском Царе-Самодержце, написано в воззвании, что он есть «Верховный Вождь вооруженных сил государства, сухопутных и морских, и Верховный Руководитель внешних сношений с другими государствами». В развитие прав Верховной Власти темная компания благосклонно предоставляет Царю «право объявления войны и заключения мира», но с оговоркою для первого – только «когда того потребует достоинство государства» и для второго – только «на достойных условиях». Таким образом, если Пуришкану (Так в тексте источника! – *Д. С.*) придет в голову, как это уже было в деле стройки флота, что начата война или заключен мир не при «достойных» условиях, то он считает себя вправе протестовать! Воззвание указывает и еще прерогативу Царя – «Он есть единственный представитель Русского Народа и охранитель его достоинств» и… и… и только? А управление государством – спросит удивленный народ – разве не принадлежит Царю? По мнению Пуришкевича, Маркова и Скворцова – не принадлежит потому, что они разумеют «соучастие народа в управлении» в

виде Гос[ударственной] думы. Итак, главное, что требуется в конституциях: «Царь царствует, но не управляет», – проводится хитрыми предателями путем совершенного умолчания о Царском Верховном управлении государством через министров, но… с усиленною отметкою участия Гос[ударственной] думы в Царском управлении. Во всех, однако, парламентарных странах монарху принадлежит право объявления войны и заключения мира, и он же начальник армии и флота. Единственное, что отличает Самодержца от конституционного монарха, это – законодательство и управление по Своей воле. Но этих-то прав Самодержца Пуришкевич, Восторгов, Скворцов признавать за Русским Царем, как видно из воззвания, не желают, навязывая Ему в качестве соучастников в законодательстве и управлении страною «народных представителей» из Государственной думы. Каких же еще искать доказательств предательства Пуришкевичем, Скворцовым и Восторговым русского дела и продажи ими Самодержавия конституционалистам?

Народу же они отводят право заботиться о «должной высоте армии и флота» и отпуске на то средств. Следовательно, вопросы о размере флота и его составе относят они к области народного представительства. Иначе сказать, они вмешиваются также в дело Верховного управления армией и флотом, несмотря на то что эта область оставлена Царем в Своем Личном ведении по Основным Законам. Недаром Пуришкевич кричал в Гос[ударственной] думе: «Ни копейки на флот», пока не сделают того-то и того-то. Верноподданный же русский человек рассуждает иначе. Он изложил бы это отношение народа так: «Народ отыскивает средства, потребованные Царем на поддержание армии и флота». Вот как рассуждают настоящие правые, а не те фальшивые маргариновые, от имени которых действуют Скворцов, Пуришкевич, Восторгов и др. в темной и предательской компании.

Следуя принятому уже решению захватным порядком присвоить себе политические права народного представительства, иудоискариотская шайка ведет настойчиво свою линию нарушения законов. Отлично зная, что Государь во избежание обращения народных избранников в народных представителей воспретил народным избранникам давать отчет своим избирателям и возлагать на избранников какие-нибудь обязанности, Пуришкевич, Восторгов, Скворцов все-таки пишут: «Избранники в Государственную думу от правых союзов обязаны будут всеми силами добиваться нижеследующих насущных потребностей». Правые союзы, однако, должны прежде всего оказывать послушание Государю, а раз Он запретил возлагать на лучших людей какие-либо поручения, характеризующие представительство взглядов и интересов, то каждый верноподданный обязан Царскую Волю исполнять беспрекословно. Тем же, кто зовет нарушить Государево повеление, народ должен бросить в глаза одно слово: «Подлецы»!

Служение мамоне

Далее в воззвании изложено то, к чему Пуришкевич, Восторгов и Скворцов считают нужным обязать избранников. Заслуживает и эта часть обсуждения, как показывающая тот сумбур, который царит в головах этих людей, беспринципность их, крайнее легкомыслие и циничность в священнейших вопросах.

На первом месте они ставят Православную Церковь, постановку ее на соборном начале, но понимают это устроение в виде ссудных касс и взаимного кредита. Что может быть общего между Церковью и мамоною? Если Пуришкевич допустил это смешение по своему светскому воспитанию, то Восторгов, как митрофорный протоиерей, мог бы пояснить ему и известному цинику в церковных

вопросах – Скворцову, что ссудных касс при церквах не открывают. Это так нелепо, что не требует даже пояснения, и только пронизанием мозгов этих людей темными деньгами, отбивавшими у них всякое понятие о чести, благородстве, честности, преданности долгу и даже о вере в Бога, надо объяснить их постоянное смешение Церкви с деньгами. И эти-то свои темноденежные вожделения они осмеливаются навязывать будущим избранникам, которыми могут быть только и только лучшие люди, с презрением относящиеся к продажным людишкам! Чуяло сердце Царево опасность предоставления избирателям требовать отчет от избираемых – если даже два штатских генерала и одно высокопреподобие способны и готовы этим доставить государству столько зла. Хотелось бы ограничиться одною критикою этого места, но, пожалуй, народ не поверит. Поэтому приведем полностью «церковную платформу темноденежных»: «добиваться: 1) Благоустроения Православной Церкви и церковно-общественной жизни на соборном начале, при условии правильного устроения живого православного прихода с приходским попечительством, ссудосберегательными кассами и взаимным кредитом».

Вертуны

В таком же духе пересыпки духовного с материальным, сваливания в одну кучу личной выгоды с государственною, обильного сдабривания идеалов с земною грязью идет все воззвание. Темная тройка стремится при этом угнаться за требованиями всех партий, чтобы каждой из них угодить, не исключая и самоновейших. Во избежание же укоров в воззвании помещено много общих фраз, которые можно толковать как угодно и потому во всякое время можно подладиться под любую программу. «Добиваться: 2) Направления народного образования в русло патриоти-

ческое, на пользу народа, а не на духовное и политическое его развращение». В высших школах «основательные знания, воспитание, а не одни дипломы». Такой программы держатся почти все партии. Понятия о народной пользе и политическом и духовном развращении, однако, очень растяжимые. Так, Союз Русского Народа дубровинской закваски находит, что народное представительство развращает народ, а вот Пуришкевич думает иначе: он стоит за народное представительство и в программы школ включил преподавание о благодетельном-де значении народного представительства, в своеобразном, конечно, освещении – представительства ставленников бюрократии.

Народное просвещение

Подлаживаясь под левых, темная компания кричит о необходимости всеобщего обучения. Подделываясь под клерикалов, они требуют «дабы юношество воспитывалось в духе церковности». России нужно, однако, религиозное воспитание, но не клерикальное – не обращение всего народа в причетников. Это ведь политиканствующее попье домогается захвата и законодательства в свои руки, и управления страною, и народного воспитания, но церковность еще не есть религиозность, так же как церковник не есть еще священник. Церковник – это служитель при церкви, и церковность обозначает в словах Скворцова с Восторговым чисто внешнюю принадлежность: заведование школами, церквами, т.е. причтом. Попье хочет стать правящим всем государственным классом; оно хочет переделать Православную Церковь в римскую папскую, чтобы в руках попья сосредоточилась и светская, и духовная власть… но не это идеал русского народа! Русский человек уважает хорошего попа, обращается при необходимости и к плохому – для совершения

треб, русский человек слушает наставления выдающихся святителей и священников, но никогда по-скворцовски своей политической жизни не слагал и вряд ли пожелает слагать. Он живет христианскою жизнью, а не клерикальною; понимают ли это различие Восторгов и Скворцов? Первый из них, например, церковник, но не православный христианин, и отдать своих детей на воспитание, особенно девочек, этому «церковнику» вряд ли кто из знающих Восторгова захочет.

Насколько далеки все они от народа, показывает понимание ими его лишь в лице городского класса, а той народной массы, которая пополняет своим избытком, или, скорее, отбросами, города, они не знают, да и знать не хотят. «Нужны, – взывают они, – ремесленные учительские школы». Это пишут они в отделе «народных школ». О земледельческих же школах ни звука, как будто Россия – ремесленная страна, а не земледельческая, как будто отсутствие элементарнейших познаний по сельскому хозяйству не служит главной причиной всех бедствий России, вынужденной ежегодно кормить по 15–20 неурожайных губерний на государственный счет. Казалось бы, уж не близки ли Скворцов и Восторгов к сельскому духовенству и должны бы знать нужды земледельческой России, но для них села русские и батюшки сельские – это пушечное мясо, которое они бросают в жертву клерикализму. С того времени, как в села стали попадать священники-академики и матушки-епархиалки с модными шляпками, священники перестали интересоваться сельским хозяйством. Они зато увлеклись столь усиленно ныне культивируемым клерикализмом, и те, кто политиканствует, восхваляя в «Колоколе» добродетели «Василия Михайловича», те пользуются движением по службе, добиваясь высшей награды – занять место «народного представителя» с 4500-рублевым окладом в год для соучастия в светском управлении страною.

Для средних школ темноденежная компания уже боится кричать о «церковности». Это только для мужика припасли они ее. Но клерикалы жадны и уступить не хотели: интеллигенцию русскую им необходимо держать в своих руках. Поэтому пришлось вскользь коснуться и этого вопроса: «Нужно единение средней школы с Церковью не менее тесное, чем в школе народной». Таким образом, по их программе, мужик сплошь должен стать церковником-причетником, а Пуришкевич, Скворцов и Восторгов могут от этой церковности и подальше! Церковность только для мужика: она не годится для детей даже и митрофорного протоиерея. А для высших школ церковности, по мнению Пуришкевича, уже вовсе не надо, и с этим согласились Восторгов и Скворцов, почему для студентов церковность в программе маргариновых монархистов не устанавливается.

Жиды

Даже в жидовском вопросе темная компания не понимает народных требований. Русский народ жаждет изгнания жидов из России, очищения себя от поганого племени, но это не входит в расчеты Пуришкевича, Восторгова и Скворцова. Не надо забывать, что жид Михаил Семенов – друг и сотрудник Скворцова и не кем иным, как им, протащен в священство и архимандриты! И этот жид вполне усвоил скворцовскую науку: если в «Колоколе» рекомендовались монахам и монахиням возбуждающие похоть средства, то архимандрит написал целые книги сальностей. А эта порнография столь любезна воспевающему ее в стихах Пуришкевичу. Восторгов ли отстанет от нее? Как же могут они расстаться с жидом? Откуда черпать им вдохновения, и они не только не способствуют очищению народа от иудина племени, но укрепляют положение жидов. Пуришке-

вич объявил для выборов в Госуд[арственную] думу даже союз с жидами, лишь бы побороть личных соперников на выборах – националистов, соглашается на избрание, вместо националистов, даже жидов. Они не ставят в программе изгнание жидов из России, но дают им право на пользование всеми правами, даже учебными, но лишь в некотором процентном отношении. Так, если привилась в местности чумная эпидемия, то, по их мнению, не надо истреблять совершенно заразные начала, но оставлять несколько для разводки: на случай необходимости.

Лиходеи

Для приобретения мужичьих симпатий – темная компания требует суровой кары «поджигателям, ворам» – особливо «*коно*крадам». А вот на счет «*казно*крадов» (выделено в тексте источника. – *Д. С.*) ни слова; также не упоминают и о взяточниках, лихоимцах, чиновниках и сановниках, допускающих произвол и напрасные преследования, все это – все эти взяточники и насильники – друзья этой темной компании, плоть от плоти этих продажных людей.

Так зачем же станут они разрушать сами себя? Такова политика этих бюрократических пиявок. А по-народному, вора, укравшего вещь из нужды, простить еще можно: он – «несчастненький». А вот занимавшего видный пост сановника, обратившего Царское доверие в наживу с населения или осмеливающегося содействовать неправосудию, казнокрада или взяточника – того карать нужно. Но это мнение – народное, которого темная банда не разделяет. На всякий случай они, впрочем, пишут: «И иными злыми обидчиками народными».

А для народа не столь большой обидчик конокрад, сколько тот, кто, пользуясь своею властью, доставляет ему «сухую беду», выматывая взятки.

Крестьянство

Столыпинской идее *насильственного* (здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*) землеустройства эти люди желают «продолжения и развития». Мало порезали мужики друг друга косами из-за насильственных отрубов, мало сидит их по арестантским ротам: хочется темной шайке побольше. А еще они обещают бороться с «обидчиками народными», когда сами являются своим *насилием* в землеустройстве самыми злейшими «обидчиками народными».

Торговля

Особый подход объявили клерикало-маргариновые монархисты русскому купечеству. Хлебные торговцы для них ненавистны, и Калашниковская биржа в столице[1] должна будет закрыться под «просвещенным» управлением темной компании. Они учреждают государственную монополию по хлебному вывозу за границу, а для внутренней торговли хлебом, очевидно, устроят городскую, или земскую, или партийную монополию. Скупщиков же хлеба они предполагают «устранить» навсегда. Можно же договориться до такого идиотизма! Скупщики хлеба обижают крестьян, когда взысканием податей заставляют исправники повсеместно сразу продавать хлеб. Но для этого надлежит не

[1] Калашниковская хлебная биржа в Петербурге (улица Харьковская, 9) – специализированный торговый центр по продаже зерна, муки и пр., существовавший в предреволюционное время. В 1892 г. был разработан проект об устройстве биржи на Калашниковской (ныне Синопской) набережной (в месте сосредоточения хлебной торговли) и была образована учредительная комиссия из хлеботорговцев (предводитель И. Ф. Мухин). В 1895 г. правительством утвержден устав биржи. Она управлялась биржевым обществом, его исполнительным органом был биржевой Комитет. На бирже заключались главным образом незначительные торговые сделки, осуществлялась розничная торговля. Оптовая и экспортная хлебная торговля попрежнему была сосредоточена на Санкт-Петербургской бирже.

скупщиков уничтожать, но установить лишь правильные, зимние сроки для взноса сборов, и крестьян никто обижать не станет. Что же касается землевладельцев, то они сами, как и Пуришкевич, предпочитают иметь дело со скупщиками и благоволят жидам, угождающим разными авансами. Препятствовать каждому устраиваться по желанию вряд ли может составлять государственную задачу. Не дело государства заниматься куплей-продажей, и государственная хлебная монополия сильно пахнет чесночным запахом библейского советника египетского фараона[1].

Финансы

Относительно денежной системы воззвание приняло формулы Г. В. Бутми. Не возможностью ли для г. Бутми

[1] Имеется в виду библейский патриарх Иосиф (*досл.:* «Он (Бог) прибавит» (*древнеевр.*)) – одиннадцатый сын патриарха библейского Иакова и его любимой жены Рахили. Иосиф, будучи любимцем отца, своей заносчивостью возбудил ненависть братьев, которые продали его проезжим купцам. Те отвезли Иосифа в Египет и продали в рабство царскому вельможе Потифару, сделавшему его со временем своим первым помощником. Жена вельможи, пораженная красотой Иосифа, старалась соблазнить его, но он категорически отказывался уступить ее домогательствам, полагая это большим грехом перед Богом. Разъяренная таким поведением хозяйка оклеветала Иосифа, и он был заключен в тюрьму. Там Иосиф точно разгадал сны двух опальных вельмож фараона, а когда самому фараону приснились непонятные картины, Иосиф был доставлен во дворец. На основании содержания снов фараона Иосиф предсказал, что Египту предстоят семь лет изобилия, а затем семь лет неурожая, и дал совет, как избежать народных бедствий в будущем. Выслушав Иосифа, фараон назначает его своим главным визирем, дает ему египетское имя и женит на дочери одного из главных египетских жрецов. Пророчества Иосифа полностью исполняются, но благодаря предпринятым мерам Египет избежал голода в неурожайные годы. Тем временем голодные времена наступили в соседних странах, и Иаков послал своих сыновей купить хлеба в Египте. Их приводят к Иосифу, которого они не узнают. Иосиф же подвергает братьев многим испытаниям и в конце концов открывает им свою тайну. Затем при поддержке фараона он приглашает Иакова и братьев с семьями переселиться в Египет и предоставляет в их распоряжение землю Гесем в дельте Нила. Скончался Иосиф в Египте в возрасте 110 лет и был похоронен по египетскому обряду. Согласно иудейскому преданию, при исходе из Египта прах Иосифа был перенесен в Святую землю и там похоронен в Сихеме.

ввести свою идею фикс в какую-либо политическую программу и надлежит объяснить его соучастие в этой темной компании? Во всяком случае, ставить весьма спорную проблему во главу угла финансового переустройства России – не слишком ли самонадеянно? Ведь не г. Бутми ответит за разорение Отечества, если принять его систему?! Вероятно, серьезные причины не допускают основаться на кредитных только билетах, но требуют золотого фонда. Быть может, система г. Бутми и хороша, но для нее необходима предварительная долгая подготовка всего государственного хозяйства и, главное, безмятежное состояние страны. А когда необходимо вооружиться возможно скорее и сильнее, когда Милюковы подрывают за границею государственный кредит, тут не до реформы всей денежной валюты. Поставив финансовую реформу г. Бутми в свою ближайшую программу, политическая партия берет тем на себя обязанность провести ее в жизнь, а для этого до́лжно объяснить всем и каждому ее смысл. Интересно бы, однако, порасспросить каждого из подписавших воззвание, отдают ли они себе отчет в рекомендуемом переходе «к самостоятельной денежной системе», понимают ли ее сущность? Больше того, неужели только они одни понимают необходимость увеличения денежных знаков до 30 руб. на душу и эта задача непонятна ни Министерству финансов, ни Государственному совету? Не надо забывать, что сокращение денежных знаков совершается при всякой возможности, и если бы оно отзывалось на населении, то неужели никто бы, кроме Пуришкевича да Скворцова с Восторговым, этого не в состоянии был бы понять? Государственная денежная система вырабатывается знатоками финансового хозяйства в зависимости от различнейших политико-экономических причин, и смешно подумать, что пресловутая тройка Скворцов, Восторгов, Пуришкевич может стать носителем лучшей финансовой системы России:

тоже ведь со св[иным] [рылом] в калашный ряд полезли. Нынешний век породил манию самомнения и самовозвеличения: заражены ею и пуришкевичевцы.

Каждый знает, как спасать Россию, и не только знает, но имеет наглость при случае и силою гнуть всех людей по своим самодурствующим соображениям. Нельзя, впрочем, выдавать себя за государственного политического деятеля и не придумать в то же время что-нибудь свое собственное по части финансов. Подвернулась им отсебятина Г. В. Бутми, и они с радостью за нее ухватились, прибавили своей отсебятины, и вышла визгливая кликушеская теория финансового гения.

Лицемеры

«Избиратели, верные сыны России!» – патетически слезливо и кощунственно заканчивает свое предвыборное воззвание продувная пуришкевичевская шайка. «*Осенив* (?) себя крестным знамением, испросив у Всевышнего (?) благословения и вразумления, подавайте голоса за людей христолюбивых, добронравных, честных, готовых без страха и колебаний, *в духе сего воззвания*, России быть щитом, всем сословиям русского народа твердою опорою. *Царю* служить нелицемерно советом и свято блюсти полноту *Неограниченной* Самодержавной *Его* Власти, в которой залог единства, славы и величия России!» Подумаешь – манифест написан, и идут люди на невесть какое великое дело – послать в Государственную думу кого-либо из этих подписавшихся великих «законодателей» нашего времени: Пуришкевича, Баранова, Бутми, Восторгова, Жданова[1],

[1] Жданов М. И. – черносотенец, один из руководителей Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА), член его Главной палаты (ноябрь 1910 г., апрель 1913 г.). В январе 1913 г. Главная палата РНСМА избрала специальную депутацию для представления Государю по случаю 300-летия династии в составе: В. М. Пуришкевич, М. И. Жданов и Г. В. Бутми.

Карцева[1], Облеухова, Оборина, Прокофьева, Рошфора, Скворцова, Сурина, Чекалова, Шечкова и Покровского![2]

[1] Карцев (Карцов) Юрий Сергеевич (1857–1931, Ницца, Франция) – русский дипломат и публицист. Доводился племянником дипломату Андрею Николаевичу Карцову. На основе заметок и материалов последнего издал очерк «За кулисами дипломатии» (1908). Отец духовной писательницы Елены Юрьевны Концевич. На дипломатической службе на Ближнем Востоке с 1879 по 1886 год: служил вице-консулом в Мосуле, консулом в Палестине; был дипломатическим агентом в Сербии. В 1893 году стал консулом в Ньюкасле-на-Тайне в Англии. Был хорошо знаком с философом Константином Леонтьевым. Печатался в газете «Новое время» в 1887–1890 годах, а также в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и в журнале РНСМА «Прямой путь». В 1895 году оставил Министерство иностранных дел и поступил на службу в Министерство финансов. Являлся коммерческим агентом в Брюсселе и ганзейских портах. Позже жил в собственном имении в Сувалках. В 1911 году переселился в Петербург. После революции эмигрировал, скончался в Ницце в 1931 году. Придерживался монархических взглядов, состоял в Главной палате РНСМА. В своих произведениях он критиковал современную внешнюю политику за излишнюю компромиссность, стремился доказать необходимость самобытности России и независимости ее от Европы. См. также интересные архивные неопубликованные воспоминания Ю. С. Карцева – Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (ДРЗ). Ф. 2. Оп. М. Д. 76. В них он, в частности, дает такую весьма красноречивую характеристику В. М. Пуришкевича, которого знал лично: «Касательно Пуришкевича […] осталось подвести итог и произнести окончательное суждение. Богато одаренный, не расцвел он, не принес плода, и воспоминание о нем неразрывно у меня связано с чувством глубокого разочарования. […] Стойкостью убеждений он не отличался и гнулся на обе стороны: перед властью и перед общественным мнением. Деятельность его была шутлива, поверхностна и бесплодна. России он не спас, а, наоборот, толкнул ее в пропасть» (ДРЗ. Ф. 2. Оп. М. Д. 76. Л. 313).

[2] Покровский Николай Павлович (? – не ранее 1912) – инженер Путиловского завода, общественный деятель, член-учредитель и член Главного совета Союза Русского Народа (СРН). В 1906 г. Симбирским чрезвычайным губернским земским собранием был избран членом Государственного совета от земства. Последовательно являлся членом правой группы и группы правого центра (с 1911 г.). В Государственном Совете состоял членом комиссий финансовой и законодательных предположений. Видный общественный деятель, участник дворянского движения, один из основателей «Всероссийского союза земельных собственников». Уполномоченный на съездах Объединенного дворянства, член его Постоянного совета и комиссий. Член Русского Собрания, в декабре 1906 г. был одним из инициаторов создания Симбирского отдела Союза Русского Народа. Член-учредитель Всероссийского Национального Клуба (1909), член организованного В. М. Пуришкевичем Всероссийского Филаретовского общества народного образования (1914).

Вдумайтесь в это обращение, сколько в нем иезуитизма, недоговоренного, лживого, обманного и мошеннического. *Царь* повелел избирать лучших людей страны. Эти выскочки «лучших» именно и боятся более всего. Под словом «лучшие» народ понимает людей скромных и умных настолько, чтобы жить своим умом, а не чужим, мыслить и делать не так, как захотят этого какие-нибудь политиканствующие проходимцы вроде Пуришкевича, Скворцова и Восторгова, но как Бог дал разум и соблюдая свою совесть. А совесть лучшего русского человека не позволит ему говорить одно, а замышлять и делать другое. Темная компания обещает «соблюсти полноту неограниченной Самодержавной Власти, славы и величия России» и в то же время требует «подавать голоса за людей, готовых без страха и колебаний, в *духе сего воззвания* служить Царю». А дух этого воззвания заключается «в соучастии народа в правлении», т.е. в ограничении неограниченной Воли Царя – похотью пресмыкающихся перед бюрократами гадин: Пуришкевича, Восторгова, Скворцова и прочих, к ним с сочувствием или по глупости примкнувших. Захватчикам власти из именующих себя правыми, а на первом месте предателю Пуришкевичу, достаточно пришлось выслушать упреков в нарушении долга верноподданного самовольным обращением себя из народных избранников в народные представители, и потому хитрый и злой Пуришкан, как он назван в одном стихотворений[1],

[1] Автор этого стихотворения и сам его текст пока не установлены. Однако, судя по всему, прозвище «Пуришкан» и производные от него широко использовались в среде, близкой к А. И. Дубровину и Н. Н. Жеденову. Так, к примеру, в дневнике одного из лидеров Дубровинского Союза Русского Народа Б. В. Никольского (запись от 29 июня 1912 года (пятница)) читаем: «Меня все берет сомнение, верно ли я рассчитал, выступив с моим докладом 18-го ноября (имеется в виду доклад Никольского 18 ноября 1911 г. в Русском Собрании. На нем Никольский дал пощечину Н. Е. Маркову 2-му в ответ на оскорбление в его адрес), или дал жестокий промах. Мне кажется, что, в конце концов, верно и то, и другое, потому что предвидеть происшедшего скандала я не мог, а этот скандал не дал мне докончить доклада.

уже не решается открыто отстаивать «народное представительство», как он это делал в Гос[ударственной] думе, и тщательно избегает этих слов в своем воззвании, но проводит конституцию под иным соусом: «соучастия народа в правлении». Народ призван участвовать в обсуждении законопроектов, и это уже одно дало повод к крикам о законодательных функциях, о переложении будто бы Законодателем Своих прерогатив на народ, о конституции, а что теперь будут говорить про соучастие народа в правлении? Именно эта область – исполнительная и охранена Основными Законами от всякого касательства народа, именно это обстоятельство и составляет признак наличности Самодержавия в России, когда *Царь* Сам представляет Собой правительство, приглашая министров лишь для механического беспрекословного исполнения Своей Неограниченной Воли.

А предатели Пуришкевич, Восторгов, Скворцов и собранная ими темная шайка на эту именно неприкосновенную область Царской Власти и посягнули, и зовут народ помочь им в сем преступном святотатственном воровском деле. Они иначе не понимают «людей христолюбивых, добронравных, честных», как в качестве предателей государства – только в духе их подлого, мерзкого, преступного, мошеннического воровского воззвания! Хорошо же намереваются они «соблюсти полноту неограниченной Самодержавной Власти», если посягают не только на законодательство Царское, но и на правление Его! В чем же тогда заключаться будут признаки Самодержавия, если Оно лишено будет силы издавать законы помимо пуришкевичевского «народного представительства» и править народом, армией и флотом без соучастия наглых паяцев,

И может быть это к лучшему: Бог весть, что бы еще было, если бы я договорил до конца и объявил ультиматум Коковцову. Это могло бы сплотить его окончательно с Пуришканщиками» (РГИА. Ф. 1006. Д. 4б (по новой нумерации – Д. 1). Л. 253–253 об.).

мошенников-миссионеров и развратников-попов, которые с присущею им наглостью будут требовать от Самодержавной Власти отчета в расходовании денег, если народная казна пойдет на нужды армии и флота, а не в их широкие карманы.

Да, «Предвыборное воззвание к русскому народу Русского Народного Союза имени Михаила Архангела» составлено в чисто конституционном духе рекомендуемого бюрократией постепенного фактического осуществления в России народоправства. В каждой стране совершаются государственные перевороты своеобразно. В Турции исполнили это предатели с помощью инородцев в армии, в Персии – помогла иностранная дипломатия, в Португалии сочинили при содействии военных моряков, в Китае – это сделали при руководстве высших сановников[1], а в России

[1] Имеются в виду следующие революционные события, произошедшие примерно в одно и то же время в разных странах мира:

1) Младотурецкая революция – революция 1908 года в Османской империи, целью которой было свержение султана Абдул-Хамида II и восстановление конституции. Революцию возглавила младотурецкая организация «Единение и прогресс». 3 июля 1908 г. в македонском городе Ресен произошло восстание под руководством майора Ахмеда Ниязи-бея. 6 июля восстание поднял Энвер-паша, а в последующие несколько дней восстало большинство турецких военных частей в Македонии. Их поддержали местные албанцы и македонцы. 23 июля восставшие вошли в Салоники и Битолу. В этих городах были собраны митинги, на которых революционеры в одностороннем порядке провозгласили восстановление конституции 1876 года. В итоге Абдул-Хамид II согласился восстановить конституцию на официальном уровне и созвать парламент. В 1909 году сторонники султана подняли мятеж, восстановив на короткое время его абсолютную власть. Но мятеж был подавлен прибывшими из Македонии воинскими частями. После этого случая парламент низложил Абдул-Хамида и избрал новым султаном Мехмеда V. Однако младотурецкое движение со временем теряло свою популярность, а после государственного переворота Энвер-паши 1913 года конституция утратила свое значение.

2) Конституционная революция 1905–1911 гг. в Иране. В ходе революции, инспирированной буржуазными кругами, иранский монарх Мозафереддин-шах был вынужден пойти на временные уступки, и в 1906 г. был создан меджлис (парламент), принята конституция. Позже новый шах Мухаммед Али неоднократно (на протяжении 1907 г.) пытался распустить меджлис и отменить конституцию. Отметим, что воспитателем, а в будущем советни-

ком Мухаммеда Али был российский агент Сергей Маркович (Серая Мордехаевич) Шапшал (Хаджи Серая Гахан Шапшал; 1873–1961) – караимский филолог, ориенталист, доктор филологических наук, профессор, уллу газзан (старший священнослужитель караимов), позднее гахам – верховный иерарх, глава караимских религиозных общин. Именно о нем идет речь в примечании А. И. Дубровина, которое содержится в тексте фельетона.

Позже шаху удалось реализовать свои планы по подавлению революции. 22 июня 1908 г. в столице Ирана было введено военное положение, мечеть Сепехсалара с находящимися внутри федаями (участниками вооруженных мятежных отрядов) подверглась артиллерийскому обстрелу, после чего многие конституционалисты были арестованы. На следующий день некоторые издатели левых газет были повешены, а меджлис и энджумены (выборные революционные органы) объявлялись временно разогнанными. Однако затем в стране началась гражданская война. В 1909 г. Мухаммед Али был свергнут с престола. Конец гражданской войне был положен иностранной интервенцией 1911 г. – военным вмешательством Российской империи во время гражданской войны в Персии между сторонниками и противниками свергнутого Мохаммед Али-Шаха с целью защиты русских подданных, проживающих в Персии, и русской торговли с Персией.

29 октября (11 ноября) 1911 г. в Тегеране посол России вручил правительству Персии ультиматум с требованиями восстановления порядка в Персии и обеспечения защиты экономических интересов России. После истечения срока ультиматума от 11 ноября 1911 г. войска России перешли русско-персидскую границу и заняли город Казвин. 10 (23) ноября в Тегеране, после оккупации войсками России северной Персии, персидское правительство согласилось удовлетворить все требования России.

3) Португальская революция 1910 года – буржуазная революция, упразднившая монархию и установившая республиканскую форму правления. В результате революции монархия была упразднена. Королевство Португалия перестало существовать. Возникла Первая Португальская республика (5 октября 1910 – 28 мая 1926).

С конца XIX века в стране начался рост республиканских настроений, короля обвиняли в неспособности защищать интересы Португалии в международных вопросах. Произошло португальское цареубийство 1 февраля 1908 года. Террористы-республиканцы, недовольные политикой короля и общей обстановкой в стране, обстреляли кортеж португальской королевской семьи на площади Лиссабона. В результате инцидента погибли сам король Карлуш I (1863–1908) и его старший сын Луиш Филипе, герцог Браганса (1887–1908). Новым королем был провозглашен спасенный Мануэл II, однако он предпочитал политике и армии музыку и искусство. Республиканцы воспользовались ситуацией и решили захватить власть в свои руки.

1 октября 1910 г. в Лиссабоне во время визита президента Бразилии начались массовые демонстрации республиканцев. В самой Бразилии в это время в полном разгаре была крестьянская война за землю и против засилья иностранного капитала. В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. группа ре-

хотят устроить с помощью назвавших себя правыми политических сообществ. Постепенность предательских шагов Пуришкевича только дурак не видит: сперва он признал народное представительство, затем назвал Государственную думу законодательною, а теперь хочет проникнуть в царский дворец «соучаствовать» в царском «правлении». В Третьей Государственной думе он кричал Верховной

спубликанцев подняла восстание, поддержанное народными массами и военными. 5 октября правительственные войска капитулировали, а Португалия была провозглашена республикой. Было создано временное правительство, возглавленное Теофилу Брага, которое приняло ряд декретов: об отделении Церкви от государства, об отмене дворянских титулов и др. Король Мануэл II бежал в Великобританию. 19 июня 1911 года было созвано Учредительное собрание. 21 августа Учредительное собрание приняло республиканскую конституцию, вступившую в силу с 11 сентября 1911 года. Конституция предусматривала создание двухпалатного (палата депутатов и сенат) парламента, которому принадлежала законодательная власть. Исполнительная власть передавалась президенту, который избирался парламентом, и Совету министров, назначавшемуся президентом. Были провозглашены свобода печати и совести, право рабочих на забастовку, 8-часовой рабочий день для промышленных рабочих.

4) Синьхайская революция – революция в Китае. Началась Уханьским восстанием 1911 года (в год «синьхай» по старому китайскому календарю). В результате была свергнута Маньчжурская династия, разрушена империя Цин и провозглашена республика. Началом Синьхайской революции явилось восстание войск 10 октября 1911 г. в городе Учан. К концу ноября 1911 г. в 15 провинциях Южного, Центрального и Северного Китая было свергнуто господство Маньчжурской монархии. Оказавшись в трудном положении, маньчжурский двор призвал к власти создателя бэйянской (северной) армии – генерала Юань Шикая, назначив его 2 ноября 1911 г. премьер-министром и главкомом действующей армии. Юань Шикай стал проводить политику лавирования между Цинской династией и революционерами. Руководители республиканского лагеря пошли на переговоры с правительством Юань Шикая (официально начались в Шанхае 18 декабря 1911 г.). 26 декабря 1911 г. из эмиграции на родину вернулся главный руководитель революционной организации Тунмэнхой Сунь Ятсен. 29 декабря собрание делегатов от восставших провинций (в Нанкине) избрало его временным президентом Китайской республики (вступил в должность 1 января 1912 г.). 12 февраля 1912 г. маньчжурский император отрекся от престола, а 13 февраля 1912 г. Сунь Ятсен под давлением внешней и внутренней контрреволюции вынужден был заявить о своей отставке (ушел с поста 1 апреля 1912 г.). 15 февраля 1912 г. Нанкинское собрание делегатов избрало Юань Шикая временным президентом. Постепенно в стране установилась военная диктатура Юань Шикая.

Власти: «Ни копейки на флот» – и отказывал в кредите на военно-морское могущество России, а в Четвертой собирается требовать отчета в расходовании его, пуришкевичевской, «копейки». Исполнилась русская пословица: «Посади свинью за стол, она и ноги на стол».

Будем надеяться, что русский народ поймет затеи темной компании и скажет: ни скоморохов, ни попье, ни духовных, ни клерикалов лучшими людьми я еще не считал и теперь признавать за лучших не намерен.

МАТЕРИАЛЫ ГАЗЕТЫ «ГРОЗА»

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 31 января 1914 г.]

В одном из недавних заседаний Общество заслушало следующие доклады.

1) *Обсуждали* (здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*)*:* Помещенную в «Новом времени» в новогоднем обзоре 1913 г. статью «О религиозных волнениях», указывающую на нахождение христианского богословия под частью библейского иудаизма, следующего содержания: «Совершенно неподготовленною оказалась наша богословская мысль к ответу на другой вопрос, высказаться по которому потребовала жизнь: о значении *иудейства* как религии. На последнем сионистском конгрессе в минувшем году еврейские руководители с особою дерзостью говорили о том, что евреи родили великие религии и дали Европе возвышенную мораль, – поэтому они аристократы среди народов. Из ученого богословского мира, к сожалению, не нашлось человека, который бы указал, что это верно только относительно Христа и апостолов[1]. Но от этого великого наследия, как от чужого и ненавистного, упорно отрекаются евреи. Исключите из Библии Христианство и все, что осве-

[1] Не совсем точно, так как Христос как житель Галилеи был родом аморей, а среди апостолов был только один иудей – Иуда Искариотский. – *Примечание редакции газеты «Гроза».*

щено его светом, и вы увидите руины. Только позолоченный христианскою мыслью Ветхий Завет представляется величавым и высоким: без этой позолоты пред нами окажется грубо-чувственный и жестокий народ, понимающий благочестие как исполнение многочисленных обрядовых постановлений, питающий кровавые мечты от избиения непокорных ему народов: эта ли высокая мораль лежит в основании культурной религии? Во время киевского процесса богословие нашей Церкви оказалось столь же бессильным представить в подлинном свете нравственную атмосферу *иудейства*, какою она представляется по вероучительным книгам. Евреи сочли себя оскорбленными и глубоко униженными одним только предположением о возможности в их среде ритуальных убийств. Но как же должен чувствовать себя в отношении к еврейству весь цивилизованный мир, зная, что еврей, если, разумеется, он правоверный последователь Талмуда и других священных писаний, полагает, что только один еврейский народ заслуживает названия народа, ради него создан и самый мир, а остальные народы *«подобны слюне»*, как написано об этом в Третьей книге Ездры (6, 56). Христианский богослов не может не знать, что еврейский народ ждет *кровавого* истребления остальных народов (см. у Иезекииля, 39 гл., и др. пророков того времени), когда «погибнут и истребятся народы и царства, которые не захотят *служить евреям*» (Исайя, 60 гл., 12 ст.), а евреи будут насыщаться молоком народов и груди царские сосать (Там же, 16 ст.). Как должен смотреть цивилизованный мир на еврейство, раз он знает, что Талмуд, исходя из представлений, что все народы только достояние еврейства, разрешает в отношении [к] нееврею несправедливость и обиду? Пусть эта выпуклая картина не имела бы прямого отношения к киевскому процессу, но она во всяком случае выяснила бы обществу, что среда нереформированного талмудизма представляет такую духовную пустыню, в которой

легко может развиться всевозможная нечисть, она заставила бы еврейство хорошенько оглянуться на себя. Такое бессилие нашего богословия – результат светобоязни и застоя, который царит в нем. Темные стороны иудейства известны нашим богословам, но как сказать о них – ведь и Ветхий Завет Божие откровение? Как бы не впасть в ошибку? И никто не вспомнит слов апостола Павла о том, что даже апостолы видят истину только «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13, 12); а что же сказать о древних еврейских священных писателях? Если Ветхий Завет был способен к восприятию и истины, и благодати Святого Духа, то зачем же было Христу идти на Голгофу? Как совершенно ясно раскрылось в минувший год, наше христианское богословие находится *под гнетом библейского иудаизма*, пытается примирить непримиримое и потому в своих исследованиях не может сдвинуться с места. Роковой недуг боязни живого нового слова давно уже составляет типичную черту русской богословской мысли; в последние же годы засилья в области богословия малограмотных крикунов, имеющих тем не менее большое влияние на синодальных членов, богословская мысль как бы совсем остановилась в своей работе. Только более безопасная по самому своему характеру область церковной истории привлекает исследователей, за жизненные же вопросы богословия боятся браться – и здесь «пустыня внемлет Богу».

Решили. Приветствуя эти светлые строки о значении библейского иудаизма как гнета Христианства, Общество находит в них подтверждение необходимости коренного пересмотра взглядов на Библию как основу Христианства. Этот библейский иудаизм ставит Христианство в какую-то преемственную от себя зависимость, тогда как ясно само по себе, что Новый Завет и так называемый Ветхий ничего общего между собою не могут иметь ни по существу, ни по преданию.

2) *Опубликованный* в «Речи» 5 января 1914 г. за № 4 циркуляр министерства внутренних дел 23 декабря 1913 г. о разрешении выдачи торговых документов на 1914 г. жидам аптекарям, фельдшерам, зубодерам и повивальным бабкам, уже выбиравшим документы в 1913 г.

Решением Правительствующего Сената дано разъяснение, не дающее никаких сомнений в том, что жиды аптекари, повивальные бабки, фельдшера и зубодеры торговлей заниматься не могут, так как документы дают им право на занятие вне черты оседлости лишь в пределах своих специальностей. Ни распространительному, ни какому бы то ни было иному толкованию этот взгляд Сената ни в каком случае не подлежит. Если же, как видно из циркуляра, дано разрешение на торговлю жидам, уже выбиравшим свидетельства в 1913 году, то такое распоряжение как имеющее характер нового закона, могло последовать только в законодательном порядке, как новое законоположение. Так как закон обратной силы не имеет, то жиды, торговавшие в минувшие годы, совершили нарушение закона, разъясненного ныне Сенатом; циркуляр же расширяет права жидов, идет в то же время вразрез с разъяснением Сената, поощряя нарушителей закона и парализуя отчасти силу сенатского разъяснения.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 15 февраля 1914 г.]

В одном из своих заседаний члены Общества обсуждали и решили:

1) О *резке* (здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*) скота жидами и тех законах и правилах, на которых они основывают свои обычаи при резке.

Источники: *«Кодашим»*, трактат *«Хуллин»*, перевод Переферковича[1], Талмуд, Т. V.

Признать, что в Пятикнижии нет совершенно указаний на способ резки животных, но правила для нее установлены лишь Талмудом. Раввины основывались, при составлении правил, словами во Второзаконии, XII, 21, *«как Я повелел тебе».* Эти слова целиком относятся, по мнению жидов, к словам их бога, хотя и переданных Моисеем. Поэтому составленное в Талмуде разъяснение этих слов «как Я повелел тебе» является исполнением воли иудейского божества, то есть священнодействием, чем представляется в их глазах и резка животных. Составляя после вавилонского пленения разные правила для укрепления в народе жидовском его веры, талмудисты собрали устные предания о резке и изложили их в трактате «Кодашим»[2], что означает «святыня». «Кодашим» входит как в «Мишну», так и «Тосифту» (дополнение) и заключает в себе обрядности при служении в храме и указания на способ резки животных, приносимых в жертву. В этой «святыне», по жидовскому понятию, отдельный трактат «Хуллин» – «заклание светское», поучает резке животных и для постоянного потребления. При исходе из Египта резка совершалась перед скинией, а по завоевании Палестины разрешено было резать и не пред нею; но самая святость резки осталась в

---

[1] Переферкович Наум (Нехемия) Абрамович (1871, Ставрополь – 1940, Рига) – российский и латвийский лингвист, гебраист, переводчик и лексикограф в области русского языка и идиша (как лексикограф выступал под псевдонимом Н. Абрамов).

[2] Кодашим («святыни» (*ивр.*)) – пятый из шести разделов Мишны (часть Талмуда, которая является первым письменным текстом, содержащим в себе религиозные предписания ортодоксального иудаизма). Состоит из 11 трактатов, посвященных служению в храме. Особое место занимает трактат Хулин, посвященный законам кашрута (термин в иудаизме, означающий дозволенность или пригодность чего-либо). В Вавилонском Талмуде есть комментарий на почти все трактаты из раздела Кодашим, кроме двух последних, Мидот и Киним, в Иерусалимском Талмуде весь раздел Кодашим не сохранился.

понятии жидовства по-прежнему и до сего дня. Пред храмом же резали только жертвенных животных. Поэтому резка сама по себе, резка именно живого тела, считается жидовской религиею святостью, догматом, и все наставления для резки являются догматами. Резка животных даже для употребления в пищу является составною и неотделимою частью жидовской религии, что придает ей характер кровавый, свирепый, сатанинский. По религии жидовской догматом ее является понятие о крови. Кровь, составляющая съедобную часть тела, по учению жидовства, является священною, принадлежащею божеству, и есть душа живого существа, а не составная часть тела, подлежащая едению, – понятие, единственно встречающееся у жидовства, противонаучное и противорелигиозное. Только одни жиды признают кровь за душу животного – Второзак[оние] 12; 23 и Левит 17; 14. Догмат о крови составлен Моисеем и развит до чрезвычайных пределов в Талмуде, который отвергает всякую кровь, как вещь несъедобную, за исключением крови христианина.

По Талмуду, резка животного есть священный догмат, почему по ст. 1 гл. 1 «Хуллина» мясо животного, убитого язычником, хотя бы по всем правилам жидовского ритуала, считается *падалью.*

Догматичность самого процесса резки живого тела составляет основу жидовской религии, и т.к. религия эта состоит из ряда мельчайших правил, то ими унизан весь Талмуд. Среди них обращают на себя внимание делаемые исключения. По ст. 2 гл. 1 «Хуллина» дозволяется резать живое существо даже камнем, тростником или ногтем, каковые орудия резки должны причинять сильнейшие и очень продолжительные мучения живому существу, вызывая медленную агонию убиваемого животного, так как при этом надо выпускать всю кровь – всю душу животного. Это подтверждает то значение священнодействия, которое

имеет для жидовства резка животных, вовсе не являющаяся простым убиванием животного для пищи. Вместе с тем оно показывает всю жестокость жидовства, выдающиеся наставники которого в религии позволяют резать даже вырванным у живого животного зубом или оторванным ногтем; мало того, водить даже шею животного по режущему предмету, что особенно замедляет процесс резки, делая ее варварски мучительною (Хуллин, 1, 2 (1, 5, М.)).

Наставления и разъяснения о способах резки крайне бестолково изложены, мелочны, противоречивы у различных толкователей и обличают мелочную до ничтожества разработку основного догмата по ритуалу убоя скота. Насколько логично следует изложение ритуалов, показывают следующие выдержки из ст. 6, гл. 1 «Хуллина»: «Когда полагается трубление, нет хавдалы[1], а когда полагается хавдала, нет трубления; если праздник пришелся на пятницу, трубят, но не читают хавдалы, а если праздник пришелся на после субботы, то читают хавдалу, но не трубят», или «годное у рыжей телицы (пара) негодно у телицы, убиваемой с затылка (эгла)[2], а годное у последней негодно у первой. Годное у священников негодно у левита, а годное у левитов негодно у священников».

При чтении Талмуда все резче и резче обнаруживается вся потребность жидовства в жестокости. Для призна-

[1] Трубление в шофар (еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного). Согласно Галахе (традиционное иудейское право), в шофар трубят во время синагогального богослужения на Рош Ха-Шана (еврейский Новый год) и Йом-Кипур (Судный день, или День искупления). Позднее возник обычай трубить в шофар ежедневно в течение всего месяца, предшествующего Новому году. В преддверии Рош Ха-Шана и Йом-Кипур в шофар трубят не только в синагоге, но и в местах скоплениях иудеев, например, в еврейских школах. Хавдала (дословно «разделение») – церемония завершения священного для иудеев дня, субботы, и праздничных дней. Хавдала совершается главным образом дома.

[2] Эгла (*древнеевр.*) – теленок, телица. Кроме того, в Ветхом Завете так именуется жена царя Давида, от которой родился в Хевроне шестой сын – Иефераам (2 Цар. 3, 5).

ния годным в пищу мяса необходима продолжительность мучения убиваемого животного. Так, с. 3 гл. 2 «Хуллина» говорит: «Некто отсек голову сразу (одним ударом): шехита негодна». Для годности требуется продолжительность сознания боли у животного, продолжительность его жизни, даже помимо обескровления, так как при отрезании головы вся кровь вытечет из тела. При этом жадность по поводу неправильно убитого животного заставляет жидовство придумывать разные фокусы, чтобы не терпеть ущерба. Придуман такой обход: «Некто, зарезывая, зарезал сразу; если в длине ножа имеется еще одна толщина шеи, шехита годна», то есть, если, сделав движение ножом, резник не весь провел его по телу, а часть пока осталась не шероховатою, то при величине ее, равной толщине шеи, резка (шехита) считается годною. Жиды не интересуются, чтобы животное было вообще зарезано, но главный интерес их в том, чтобы зарезано было в точности согласно ритуалу, – чтобы совершено было священнодействие. Ритуал требует, чтобы нож сделал два движения – вперед и назад. Поэтому, считая это важнее всего, Талмуд разрешает: «Если он вел туда и назад, то шехита годна», «если же нож упал и при падении зарезал, хотя бы он резал как следует, шехита негодна», ибо сказано (Второзак[ониe] 12, 21): «Закалай и ешь», то, что *ты закалал*, то можешь есть. А так как не воля человека совершила резку, а сама по себе она совершилась и механическим путем, то мясо негодно для употребления в пищу. Разве это не признак священнодействия при резке животных?

Отличающийся своею еврейскою кровожадностью Маймонид[1] развивает свое наслаждение мучением живот-

[1] Рамбам (*иврит*: Рабби Моше бен Маймон; *араб.* Абу Имран Муса Ибн Маймун), или Маймонид (1138, Кордова – 1204, Каир), – иудейский философ, раввин, врач, кодификатор законов Торы (Моисеева Пятикнижия). Авторитет в среде религиозного еврейства как своего поколения, так и последующих веков.

ных до садизма: «(2, 3) Некто, – наставляет он жидов, – зарезывая, отрезал голову сразу; если он это сделал *преднамеренно*, его шехита негодна, а если нет, то его шехита годна». Таким образом, если нечаянно уменьшены страдания животного, то это еще допустимо; но если эти страдания уменьшены преднамеренно, то это преступление: его шехита есть труп, оскверняющий при несении.

При таковом взгляде на резку как не развиваться у жидов чувству тончайшей кровожадности, делающей их ненавистным для человечества племенем.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 16 марта 1914 г.]

Обсуждали и решили:

1) Об установлении премий за сочинения по ритуальным убийствам с судебно-медицинской точки зрения для обеспечения ориентировки полицейских и судебных чинов при находке трупов.

Признать (Здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*) желательным учреждение премий для выдачи авторам лучших сочинений по описанию признаков ритуальных убийств с судебно-медицинской точки зрения ввиду того, что отсутствие должных руководств затрудняет быстрое преследование преступников-ритуалистов, в особенности когда убийства совершаются жидами, изловчившимися в сокрытии следов преступлений. Об учреждении премий войти в сношение с выдающимися знатоками ритуальных убийств.

2) *Стих 3*, главы IV «Хуллина» о качестве умершего во чреве плода при жизни матери.

Сравнение в этом стихе, в понятии о нечисти, умершего плода животного с женщиною указывает на взгляд

жидовства на женщину как на равную скоту, а также, что всякий плод живого существа есть предмет жертвоприношения. Родит женщина – ее ребенок также может служить для жертвоприношения богу. Доказательства – Исаак, приносившийся в жертву[1], и обрезание как символ жертвоприношения и выкупа у жидовского бога его принадлежности, вещи.

3) *Стих 4* главы IV «Хуллина» о связи зародыша с телом матери относительно съедобности и значении шехиты для животных, воспрещенных к еде.

Священнодейственность шехиты подтверждается указанием, как в трактате Хуллин, так и в толкованиях на него Маймонида, что шехита над нечистым животным произведена быть не может. Как бы шехита правильно ни была совершена над нечистым животным, она не делает нечистого животного съедобным, так как священнодействие осквернилось бы от руки животного нечистого, как не годного для жертвоприношения богу Ягве.

4) *Ст. 5* главы IV «Хуллина» о том, что зародыш в зарезанной шехитой (священным способом) скотине годен к употреблению.

Разъяснения Маймонида подтверждают, что шехита матери освящает чистоту ее плода до рождения. А Мейр выразился еще определеннее: «Шехита имеет большие силы спасти вещь, не представляющую тело (зарезанной скотины), нежели вещь, представляющую ее тело, или за-

[1] Исаак (*иврит*: Ицхак, букв. «будет смеяться») – библейский патриарх, сын Авраама и Сарры, названный так вследствие особых обстоятельств его рождения (Быт. 17, 17–19; 18, 12; 21, 6). Когда у Сарры миновал детородный возраст (Быт. 18, 11), Бог сказал Аврааму и Сарре, что она сможет родить, Сарра внутренне рассмеялась (Быт. 18 ,10–12). Когда родившийся сын стал юношей, Авраам получил повеление принести его в жертву, и Исаак с кротостью повиновался своему отцу: занесенный уже было жертвенный нож был отклонен ангелом. Согласно Посланию апостола Павла к евреям, 11, 19, избавление Исаака от принесения в жертву рассматривается как прообраз воскресения Иисуса Христа, а готовность Исаака быть принесенным в жертву – как прообраз жертвенной смерти Спасителя.

родыш, вырезанный из чрева матери, дозволен в пищу». Таким образом, все разъяснения духовных ученых жидов удостоверяют, что «шехита» – резка животных указанным способом – есть священнодейственный акт, освящающий предмет резки как жертву их богу.

5) О *ритуальном* убийстве в местечке Фастове, Киевск[ой] губ[ернии], мальчика Тараневича, выданного за жиденка Иоселя Пашкова.

По выясняющимся новым обстоятельствам преступление в Фастове имеет весь характер ритуального убийства. С полным удовлетворением надлежит констатировать, что от соучастия в расследовании отстранены сыскные агенты, могущие продать дело жидовскому кагалу. Нужно также надеяться, что жандармский подполковник Иванов исполнит свою обязанность по розыску с особенным уменьем, умудренным процессом Ющинского[1], и будет более осторожен к своим агентам и добудет более веские и не вызывающие сомнения улики против жидов. Вместе с тем тайна, которая окружает производство расследования, вселяет уверенность, что сотрудники «Киевской мысли» и «Киевлянина» не будут помогать в интересах правосудия раскрытию истины.

6) *Текущие* сведения по борьбе с жидовством: 1) польского населения, вытесняющего жидов из кредитных учреждений г. Варшавы; 2) правительства, уменьшающего нормы для жидов в учебных заведениях и др.

С удовлетворением отметить, что христианское население пробуждается понемногу от жидовского гипноза и стараниями правительства вред от жидовства будет уменьшен, при самодеятельности, однако, самих христиан.

---

[1] О деле иудея Менделя Бейлиса, обвинявшегося в убийстве христианского мальчика А. Ющинского, см. примечание 2 к статье «Жидовский подвох».

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 19 марта 1914 г.]

Обсуждали и решили:

Заключение Министерства финансов по законопроекту о прекращении ритуального убоя скота жидами и отмена коробочного сбора – будто бы таковой не может быть отменен вследствие содержания на этот сбор многочисленных жидовских заведений обществ призрения, которые тогда придется отнести будто бы на общегосударственные средства.

Общество (здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*) в ряду своих занятий приступило к решению важнейшего вопроса, что такое ритуальный убой скота. Из данных, заключающихся в Пятикнижии и Талмуде, выясняется, что ритуальный убой скота есть у жидов особое и весьма важное, одно из главнейших священнодействий, имеющее своей целью непрерывно поддерживать основную идею жидовской религии – принесение кровавой жертвы жидовскому богу. Со времени уничтожения Титом храма Соломона жиды должны были отказаться от принесения кровавых жертв за отсутствием жертвенника, но идею этих жертвоприношений они упорно сохраняют в виде: 1) выкупа при обрезании и 2) ритуального убоя скота, ибо убой скота не есть выработанный случайно в древности способ резать скот для еды, но строго обставленный кровавый ритуал священного жертвоприношения, в иной лишь наружной форме совершаемого. Общество, изучая по источникам ритуал этот, не могло не прийти к выводу, что жиды, добившись узаконения правительством убоя скота, получили правительственную охрану законом своего ритуала, прикрываясь общественными своими нуждами, как обособленной автономной общины государства. При этом

коробочный сбор играет важнейшую роль для прикрытия характера убоя скота. Газетными статьями и своими объяснениями жиды стараются убедить как христианское общество, так и правительство, особенно Министерство финансов, будто бы сущность коробочного сбора заключается только в его финансовой стороне; будто бы коробочный сбор возлагается исключительно за убой скота и на этом лишь убое содержатся жидовские полезные для них учреждения. Чтобы уразуметь всю фальшивость такого толкования жидами значения и сущности коробочного сбора, достаточно прочесть в Положении о коробочном сборе примеч[ание] к ст. 816 т. IX Св[ода] Зак[онов]. Статья 5, которая гласит: «Коробочный сбор по предметам и способам внимания разделяется на два рода: к первому принадлежит сбор общий или повсеместный, к другому сбор частный или вспомогательный», и ст. 9: «Вспомогательному сбору подлежат: 1) Известный процент с дохода от сдачи в наем принадлежащих евреям долгов, лавок и амбаров; 2) Известный процент с промышленности евреев, как то, с продажи вина в корчмах, содержимых евреями в бывших помещичьих селениях. б) С содержателей стеклянных заводов (гуть), г) с содержателей заводов для выделки разных изделий из меди и железа (гомарней), д) с содержателей, занимающихся сидкою смолы, гонкою дегтя (майданов), е) с содержателей салотопленных заводов, ж) с хозяев гуртов рогатого скота и овец, з) известный процент с денежных капиталов, остающихся после умерших евреев; 4) Пени и штрафы с евреев за нарушение правил по сему сбору, которые к оному и причисляются. Примечание. 2. Сбор коробочный с еврейских бань (мыквис) отменен, но вместо того взимается самая умеренная плата, токмо за содержание общественных бань необходимая». Эти статьи уясняют, что сумма коробочного сбора не составляется с одной резки скота, и, таким образом, потребные для содержания

своих заведений суммы жиды могут получить от вспомогательного сбора, увеличив его на сумму сбора, ныне взимаемого за ритуальный убой. Таким образом, опубликованное Осведомительным бюро сообщение Министерства финансов о том, что упразднение коробочного сбора, на средства которого содержатся разного рода общеполезные учреждения и заведения и удовлетворяются другие нужды еврейской общины, повлекло бы за собою и упразднение этих учреждений, если взамен коробочного сбора не будет дан какой-либо другой источник получения денежных средств, не имеет под собою почвы, так как с отменою ритуального убоя скота может не уменьшиться сбор с жидов, необходимый для содержания их учреждений. Министерство финансов напрасно беспокоится, что с уничтожением ритуального убоя скота могут упраздниться различные жидовские учреждения. Ввиду всего этого Общество не может не прийти к заключению, что Министерство финансов упустило из вида эти соображения, могущие осветить вопрос о коробочном сборе, если взглянуло на него исключительно с финансовой точки зрения.

Что же касается переложения на христиан коробочного сбора, то таковое может иметь место лишь там, где жиды забили своею конкуренциею христиан; при этом иные высказывают мнение, что этим вопрос о ритуале совершенно не разрешается, так как переложение на христиан является общим явлением по всей торговле, а не только мясной.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 6 апреля 1914 г.]

Обсуждали и решили:

1) О российских законах, связанных с дозволением жидам ритуального убоя скота.

Законы (здесь и далее выделено в тексте источника. – *Д. С.*), касающиеся ритуального убоя скота жидами, исключительно, впрочем, с финансовой стороны, изложены в т. IX Свода Законов Российской империи, в законах о состояниях, в Приложении к ст. 816. Статья 816 озаглавлена «О сборах с евреев» и устанавливает, сверх общих сборов с жидов, как городских и сельских обывателей, еще особенные сборы, под названиями: свечной и коробочный. Свечной сбор, заключающийся в сборе со свечей, употребляемых жидами при богослужениях, назначен исключительно на устройство жидовских училищ, взимается на основании особых правил и поступает в ведение Министерства народного просвещения. Таким образом, просветительная часть жидовского быта по устройству училищ вполне удовлетворяется свечным сбором, повышая каковой жиды получают возможность удовлетворять необходимую потребность в просвещении в полной степени, не обременяя христианские школы, в которые они вносят разврат своими талмудическими взглядами. Свечной сбор никакого отношения к ритуальному убою скота не имеет, и Министерство финансов из государственной казны на жидовское освещение тратить не обязано ни одной копейки русских народных денег. Поэтому достойно удивления то беспокойство насчет государственной казны, которое выказало Министерство финансов по поводу прекращения ритуального убоя скота, ибо Министерство народного просвещения от финансового ведомства ни одной копейки на просвещение в жидовском духе не требует.

Положение же о коробочном сборе составляет особый цельный свод правил, связанных с ритуальным убоем, почему заслуживает всестороннего обсуждения ввиду споров, возбуждаемых требованием его отмены.

2) О решении съезда раввинов в Киеве ходатайствовать перед правительством, со ссылкою на веротерпимость, о сохранении ритуального убоя скота.

Ритуальный убой скота выдавался жидовским раввином Мазе[1] на киевском процессе Ющинского за бытовой лишь способ убоя скота для пищи, отнюдь не религиозный. Ныне же сами раввины жидовские признали, что резка скота для употребления в пищу есть у жидов важный религиозный обряд, запрещение которого равносильно воспрещению пребывания жидов в еврействе и грозит жидам якобы голодною смертью ввиду того, что мясо от скота, зарезанного неевреем, они употреблять в пищу не могут.

3) О разгроме христианами в Лодзи лавки и квартиры жида Штейнмана по подозрению в намерении совершить ритуальное убийство над схваченным мальчиком.

Признать, что, ввиду затруднительности для властей устанавливать наблюдение за несовершением жидами ритуальных убийств, массовое требование народом возвращения ребенка есть единственное средство заставить жидов отказаться от ритуальных человеческих убийств.

4) О приговоре Покровского сельского общества Саратовск[ой] губ[ернии] выселить жидов ввиду уличения раввина Солоновича в составлении шайки поджигателей.

Приговорами крестьян о выселении жидов устанавливается, что движение против жидов ввиду слабости принимаемых правительством мер против нарушителей закона о черте оседлости начинается снизу, в самом народе, что представляется весьма характерным и отрадным явлением.

5) Книгу «Библия и нравственность» П. И. Ковалевского[2] и критику ее Павлом Смоляром, проживающим в м[естечке] Рожице Волынской губ[ернии].

[1] Мазе Яков Исаевич (1859–1924) – крупный общественный деятель еврейства России, главный раввин Москвы с 27 октября 1893 года по 20 декабря 1924 года. Выступал как эксперт по иудаизму на деле Бейлиса. О деле Бейлиса см. примечание 2 к статье «Жидовский подвох».

[2] Ковалевский Павел Иванович (1849 (или 1850) –1931) – психолог, религиозный деятель, эмигрант. Родился в Харькове в семье священника. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию и медицинский факультет Харьковского университета. Профессор психиатрии (1884–1894). Ректор Варшавского уни-

В книге «Библия и нравственность» подвергнуто строгому анализу описание в Пятикнижии Моисея событий и жизни народа еврейского с точки зрения человеческой нравственности и сделаны выводы, что в Пятикнижии встречается описание сплошной безнравственности; вследствие этого Пятикнижие надлежит признать вредным для чтения юношеству, ввиду особенно тенденции книги описывать безнравственные действия в качестве чего-то доблестного.

Такой взгляд на Библию как на книгу, заключающую в себе безнравственные описания и восхваления даже пороков людских и потому являющуюся вредною для чтения, находит себе опровержение во мнениях многих лиц. Они находят, что описанные в Библии безнравственные действия не казались таковыми в те времена, когда жил еврейский народ, и потому надо глядеть на Библию глазами современных той жизни народов, когда многое ныне запрещаемое дозволялось. По мнению сторонников Библии, она есть книга Боговдохновенная и написана Духом Святым.

Члены Общества во взгляде на Библию разделились: одни решительно отвергают в Библии какое-либо Боговдохновение, находя, что Библия есть простое описание жизни еврейского народа, хотя и с вкрапленными в нем истинами о Боге, заимствованными от чужих народов, значительно ранее живших до появления на мировую сцену евреев, с их религиозными воззрениями.

верситета (1894). Заслуженный профессор. Был старшиной Всероссийского национального клуба и членом совета Всероссийского национального союза. Накануне революции в течение двух лет читал курс судебной психологии на юридическом факультете Петроградского университета. После революции был мобилизован в Красную армию главным врачом военного отряда, затем до 1924 г. работал главным врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде. В декабре 1924 г. получил разрешение на выезд за границу. В эмиграции в Бельгии (ок. 1925). В 1925 г. обращался к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) с предложением прочитать курс психологии в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, однако преподавать в институте П. И. Ковалевскому, по-видимому, не пришлось. Скончался в 1930 г. в г. Льеж (Бельгия).

По обсуждении сих крайне противоречивых мнений относительно Библии Общество, положив за правило разуметь под Библиею только книги так называемого Ветхого Завета, признало возможным разрешить этот вопрос предложением сторонам выработать тезисы, которые уже и подвергнуть деятельной разработке, и установить, какие именно книги Библии признаются Боговдохновенными. На осуждение были предложены следующие тезисы:

1) «Библия есть история еврейского народа, ведомого под влиянием Провидения».

2) «Библия есть история еврейского народа, с вкрапленными в эту историю очень высокими истинами, очевидно, заимствованными от других народов, духовно более развитых, чем евреи».

3) «Библия содержит в себе Богооткровение людям в самой чистой и истинной его форме и представляет, кроме того, историю еврейского народа, руководимого и направляемого Особым Промыслом Божиим, как народа, не только необычайно порочного, но и сконцентрировавшего в себе самую злую и порочную часть человеческой природы».

4) «Библия не есть Боговдохновенная история еврейского народа, но заимствованное у разных народов и в разные времена описание событий и истин, извращенных в своем духе иудеями».

5) «Библия есть собрание легенд и сказаний, в большинстве своем заимствованных евреями у других народов».

Откладывая обсуждение каждого тезиса на другое заседание, Общество согласилось на следующем общем мнении: «Нельзя отказать, что в истории библейского народа имеются записанными великие истины, но эти истины не принадлежат еврейскому племени и значатся там в качестве заимствованных лишь у других народов и никогда ими не исполнявшихся, но, наоборот, извращенных ими по-своему».

«Святая Русь»

«Святая Русь» – так называется союз, учрежденный в Петрограде с целью: 1) поддерживать в государстве ***главенство*** (выделено в тексте источника. – *Д. С.*) хозяина Русской Земли – народа русского, состоящего из великороссов, малороссов и белорусов; 2) восстановить Православие до силы прежних времен и противодействовать попыткам умаления в государстве первенствующего положения Православной Церкви; 3) сохранить Россию единою и неделимою Державою в пределах не меньших, чем до войны.

Временный адрес Совета для письменных сообщений: Петроград, Старорусская ул., д. № 16, квартира 32.

Петроград, 15 августа 1917 года

В первом же после бунта[1] выпуске «Грозы» мы заявили, что остаемся преданными историческим началам российской государственности. При этом, на основании знания русского народа, сделаны были выводы о предстоящем строе: русский народ исправит ошибки управления и наделит основу России – крестьянина – бесплатною землею, а постоянных рабочих заводами и фабриками. Для охраны же этого переустройства сам решит, какой надежнее строй, и если он остановится на Царе, то никакая сила не в состоянии тому воспрепятствовать. Всякие же попытки отдельных лиц к предвосхищению народной воли считаем безумными. «Против мира не пойдешь», и мы подчинимся всякому решению народа, лишь бы оно не подвергало игу сатанинско-

[1] Имеется в виду Февральская революция 1917 года, после которой «Гроза» на некоторое время была закрыта. Первый после переворота номер издания вышел только 26 марта 1917 года (№ 892 (4)).

му. Об этих наших взглядах было поставлено в известность и революционное правительство. В дальнейшем всякие действия и учреждения союза «Святая Русь» были строго согласованы с издававшимися правилами о свободах печати, слова и союзов и объявленными их ограничениями. Во избежание нареканий в восстановлении народа мы избегали указывать на расцветшее казнокрадство и взяточничество и весьма выдержанно отличали еврейские выступления: простое даже изложение требования американских евреев к правительству продолжать войну для укрепления положения евреев в России так испугало евреев, что они подняли в газетах неистовый гвалт, обвиняя «Грозу» в натравливании на них народов. Поэтому мы воздерживались и от прежних обличений жидовства в захвате власти, торговли, промышленности и капиталов в России в свои руки. За это малодушие мы ныне и наказаны: жидовский кагал вообразил нас испугавшимися его когтей и с каждым днем вел себя по отношению к нам все наглее. Учреждение же союза «Святой Руси» для объединения русского народа в целях национального самоопределения, подобно уже состоявшемуся объединению инородцев, и особенно евреев, учредивших в лице кагалов в Российском государстве особое *еврейское* (выделено в тексте источника. – *Д. С.*) государство, так всполошило кагал, что он обратился к своим обычным приемам мести противникам жидовского засилья. Из печатаемого ниже «Жидовского подвоха» видно, как ловко кагал через повинившегося перед ним еврейчика Стембо причинил неприятность, и притом руками гоев же, напакостив духовным борцам за освобождение России от когтей всемирных хищников. Нас это не удивляет. Но мы – русские люди, и все русское нам дорого. Хотя наши политические мысли и не сходятся с воззрениями русских революционных деятелей, но все же они наши по крови, а в глубине души своей многие и по вере. Поэтому, хладнокровно отнесясь к

жидовскому выпаду, мы досадуем лишь на то, что кагалу удалось нагло обмануть и низко использовать в своей цели мести русским людям русский суд и русских военных властей (контрразведка при Генеральном штабе), державших нас в тюрьме 18 дней без какой-либо с нашей стороны вины перед революционным правительством. Приемлем это как наказание от Бога, попустившего демонам повредить нам за проявленное малодушие в борьбе с ними страха ради иудейска. Нас одно лишь утешает, что русский дух не пожелал все же быть игрушкою в руках кагала и, усмотрев из дознания контрразведки отсутствие состава преступления в действиях гг. Бадмаева, Глинки, Жеденова и Злотникова[1], немедленно освободил их из-под стражи. Еврейская печать набросилась за это на русский суд с пеною у рта, особенно подчеркивая освобождение борцов с засильем жидовства – Жеденова и Злотникова, как будто в России уже установилась жидовская власть! Мы глубоко уверены, что русское правительство и русский суд всегда останутся русскими – ни преклонять выи своей под иго жидовское, ни в угоду жидам топтать правосудие не станут.

Жидовский подвох

В ночь на 15 июля к издателю «Грозы» Н. Н. Жеденову явились вооруженные молодые юнкера под коман-

[1] Бадмаев Петр Александрович (1851–1920) – тибетский врач, крестник Императора Александра III, предприниматель, общественный и политический деятель, организатор одного из крупнейших правомонархических кружков Петрограда. Был близок к Г. Е. Распутину; Глинка-Янчевский Станислав Казимирович (1844–1921) – русский предприниматель, публицист и общественный деятель. Член Русского Собрания (с 1902) и Союза Русского Народа (с 1910), редактор газеты «Земщина» (1914–1917). Убит большевиками; Злотников Лука Тимофеевич (10.10.1878–20.08[2.09].1918) – художник, сотрудник газет «Земщина», «Вече», «Виттова пляска» и журнала «Плювиум», издатель журнала «Паук», кандидат в члены Главной палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА). Расстрелян большевиками.

дованием поручика, содействуя чиновнику контрразведки г. Данилову произвести арест и обыск по разрешению прокурора Судебной палаты без указания, однако, обвинения. По вскрытии письменного стола просмотрены были письма и документы, опечатаны адреса подписчиков и номера «Грозы» и отосланы прокурору, а издатель через комиссариат в тюрьму «Кресты». Там встретился он с художником Л. Т. Злотниковым, издателем открыток жидовских ритуальных убийств, редактором «Земщины» С. К. Глинкой-Янчевским и врачом тибетской медицины П. А. Бадмаевым. Обыски и аресты их произведены были одновременно, а также в Русской книжной лавке, причем обыскивали юнкера, требуя сожжения книг, обличающих евреев. На требование предъявления обвинений контрразведка отозвалась незнанием, со ссылкою на исполнение лишь распоряжения прокурора, а прокурор отозвался, что арестованные числятся за контрразведкою. Только из напечатанной в «Деле народа»[1] 19 июля статьи узнали наконец узники причину ареста. Во время дела еврея Бейлиса, обвинявшегося в источении крови из живого мальчика Андрюши Ющинского[2], крестившийся еврей студент Николай Стембо напечатал в «Земщине» подтверждение ритуальных убийств со слов отца своего раввина. Жидовский суд решил ему за это отомстить, и Стембо десять дней скрывался от евреев у Злотникова. Призванный на службу после революции, Стембо произведен был в пра-

[1] «Дело народа» – газета, орган Центрального комитета Партии социалистов-революционеров. Публикация, в которой рассказывается о деле вокруг редакции газеты «Гроза» и о которой идет речь в настоящей заметке, носит характерный для левой печати заголовок «Черносотенный заговор» (Дело народа. 1917. 19 июля. № 104. С. 3).

[2] В 1912–1913 гг. осуществлялись расследование обстоятельств убийства в Киеве христианского мальчика Андрея Ющинского и процесс по обвинению еврея Менделя Бейлиса в организации этого ритуального убийства (дело Бейлиса). Суд присяжных признал ритуальный характер убийства Ющинского, однако оправдал Бейлиса за недостаточностью улик.

порщики и вернулся в Петроград. Здесь поднявший голову кагал потребовал от Стембо искупления вины перед жидовством выдачею его кровавой тайны. Ему приказано было причинить зло христианам, разоблачавшим кровавое жидовское преступление. Стембо зашел к Злотникову, увидел у него «Грозу», прочитал в ней об учрежденном обществе «Святая Русь» и, видимо, посоветовавшись с евреями-газетчиками, решил использовать тревожное время для примирения с кагалом ценою хотя бы обмана. Он купил в Русской книжной лавке 25 номеров «Грозы», разослал их сам по знакомым на Румынском фронте, откуда он прибыл, узнал, когда выйдет следующий номер газеты, и состряпал ложный донос, использовав незнание чинами контрразведки Петрограда. Он донес об образовавшемся тайном обществе с контрреволюционными монархическими целями, издающем тайную газету «Грозу», рассылаемую тысячами по армии и особенно по Румынскому фронту и печатаемую в подпольной типографии; замеченная же в книжной лавке книга Бадмаева дала Стембе повод указать как на соучастника и его, а вспомнив происходивший при нем в редакции «Земщины» четыре года назад разговор о полезности издания газеты «Социалист» в христианском духе, отнес в доносе затею к текущему моменту, для большего впечатления прибавил, что особо опасный номер газеты выйдет в ночь на 15 июля, ко времени похорон убитых казаков[1]. Поверив, контрразведка сыграла на руку лжедоносчику и провокатору. По ознакомлении же с документами она убедилась в совершенной законности существования и действий га-

[1] Имеются в виду жертвы кровавых июльских событий 1917 года, когда в Петрограде произошли столкновения между революционными рабочими и органами правопорядка. Беспорядки 3–4 июля 1917 года вылились в итоге в кровавое столкновение (около 600 человек было ранено, 56 – убито), результатами которого стали разгром Временным правительством редакции большевистской газеты «Правда» и штаб-квартиры большевиков, а также временный уход большевиков в подполье.

зеты, типографии и общества «Святая Русь», объединяющего в себе русских людей самых разных политических взглядов в целях сохранения России единою и неделимою в пределах до войны, и что все это было отлично известно прапорщику еврею Стембо, но он умышленно ввел военные власти в заблуждение. 28 июля дознание направлено было к прокурору, который за отсутствием состава преступления дело прекратил, и 1 августа все четверо были освобождены. Газета пояснила: «Главным деятелем по раскрытию этой контрреволюционной организации явился прапорщик Стембо, в свое время поместивший в "Земщине" письмо по делу Бейлиса, от которого немедленно отрекся, заявив, что написал его в припадке болезни, но с тех пор считал себя в долгу перед еврейским народом, почему и приложил все силы, чтобы разоблачить до конца натравливающих на евреев черносотенцев».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

[Письмо Н. Н. Жеденова министру Императорского Двора барону В. Б. Фредериксу]

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь,
барон Владимир Борисович!

Всемилостивейшими Манифестом, рескриптом и указом 18 февраля 1905 года ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было призвать всех любящих Отечество подданных сплотиться вокруг Престола Царского и дружно содействовать Государю в Царственных заботах его по устроению Государства. Вещественным выражением возвещенного Государем единения Его с народом является созываемая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ Государственная дума, будущее законоподготовительное собрание, по духу древних земских соборов.

Призыв Государя нашел живейший отклик во всех сердцах преданного и любящего Царя своего русского народа, и каждый из верных его подданных озабочен мыслью, чтобы это единение получило реальное осуществление в тех именно формах, которые могут единению способствовать. Великий ужас поселяет среди

людей земли возможность, при неправильно поставленном способе посылки народом своих избранников, проникнуть среди членов Государственной думы людям, не выражающим духа и мысли народа. Большое несчастье постигнет русский народ и глубокую печаль произведет в заботливой душе Царя, если между Ним, Хозяином земли Русской, и его подданными вырастет стена чуждых Руси людей, людей ума хотя и большого, но отвлеченного, людей, проникнутых не желанием пользы России, но намерением захватить в свои руки кормило правления. И такой результат может свободно получиться только от неправильной постановки избрания людей в Государственную думу.

На примерах земских учреждений и городских мы видим всю тягость от захвата органов самоуправления в руки людей, интересующихся не хозяйством, а политическим руководством данной местности. При этом чем не крупнее город, тем таких политиков является больше. А в земских собраниях голос их силен только на губернских собраниях и потому, что избрание в гласные губернского земства совершается в уездных. Уездные собрания имеют в составе своем и дворян-помещиков, и мужиков-землевладельцев, и купцов-промышленников. Избирая губернских гласных, они останавливаются на таком типе людей, которые не имеют резко выраженных определенных взглядов и даже определенных занятий и потому могут как будто представлять интересы и мужика, и барина, и купца. Такое представительство возможно лишь на отвлеченных понятиях. И мужик, и барин, и купец подадут голос за того, например, кто стоит за образование. Но не в этом суть дела, а в том, какое дать образование: барину нужны среднеучебные заведения, купцу-промышленнику коммерческие и технические классы, мужику-рабочему – сельскохозяйственно-ремесленные.

Чтобы угодить им всем, подобранные по отвлеченности губернские земские гласные принимают среднюю систему низших образовательных школ, отвергая профессиональное образование. И результат сего печальный: земля страдает от отсутствия знаний по хозяйству, торговле и ремеслам, беднеет с каждым годом, а головы растущих поколений забиваются отвлеченными теориями, образуя полчища умственного пролетариата. Не приученная к труду, но умственно чрезвычайно развитая, с высоким о себе мнением молодежь стремится в культурные центры, развращается там окончательно и возвращается в деревню уже в качестве апостолов-реформаторов, проповедующих разрушительную анархию и ненависть к собственности.

Роковая непоправимая ошибка грозит Родине нашей, если и в Государственную думу проникнут отвлеченные элементы. Первые шаги к этому уже сделаны в виде принятой во многих крупных городах и губернских земствах прямой, всеобщей, равной и тайной подачи голосов. При такой системе выборов в Государственную думу проникнут, на ужас любящих Россию людей, только политические интриганы.

Решительный отпор этой системе вызвал провести то же стремление в иной форме – в виде несколькостепенной постановки выборов от земских и городских общественных учреждений, когда цельный тип русского человека также фильтруется в отвлеченного теоретика, мнящего не о подаче своего мнения при составлении законов, но о переустройстве управления страною на свой образец.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было открыть верным подданным сокровищницу государственных устроений. Имея обширный опыт, счел и я долгом своим внести свою лепту в эту сокровищницу. Разработав по всем пунктам Всемилостивейший рескрипт

18 февраля[1], в представляемом печатном труде я стремлюсь доказать, в каких формах должен вылиться созыв Государственной думы для наилучшего осуществления заветной цели Государя: объединения его с народом.

Ваше Высокопревосходительство, не откажите в высоком благосклонном внимании своем к удовлетворению моей почтеннейшей просьбы – повергнуть к стопам ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА сочинение мое: «Государственная дума. Будущее законоподготовительное собрание», и буде признаете возможным доложить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ о тех мотивах, которые побуждают меня к исходатайствованию о милостивейшем снисхождении возлюбленного Царя к Его верному подданному, со всею семьею преданному ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ до самозабвения.

[Далее приписано рукой Н. Н. Жеденова:]

Прошу Ваше Высокопревосходительство сделать мне честь принятием от меня 1 экземпляра труда моего, чем премного обяжете Вашего Высокопревосходительства покорнейшего слугу Николая Жеденова.

1905 г. 18 июня
г. Уфа
адрес: г. Уфа
Николаю Николаевичу Жеденову
(потомственный дворянин, помещик Пензенской губернии)

[1] 18 февраля 1905 г. был опубликован Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором Император Николай II заявлял о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Рескриптом учреждалось Особое совещание под председательством министра внутренних дел для выработки избирательного закона.

* * *

Л. 347: Высочайше повелено передать брошюру в Совет министров.

Генерал-Адъютант барон Фредерикс
2 июля 1905 г.

Дворянин Пензенской губернии Н. Н. Жеденов ходатайствует о счастии повергнуть к стопам ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА свое сочинение: «Государственная дума. Будущее законоподготовительное собрание», в котором он проводит взгляд, что при системе прямой, всеобщей, равной и тайной подачи голосов и при многостепенных выборах в Государственную думу попадут в качестве представителей народа люди, интересующиеся не хозяйством, а политическим руководством в данной местности, не имеющие определенных взглядов на местные нужды, а подчас и определенных занятий, почему и не в состоянии будут выражать истинные нужды и дух народа и достигнуть возвещенного с высоты Престола единения ЦАРЯ с народом.

[Письмо Н. Жеденова П. А. Столыпину по поводу ареста детей приверженцев Иоанна Кронштадтского]

Его Высокопревосходительству
П. А. Столыпину.

14 августа была подана записка о допущенной «ошибке» по отношению к детям почитателей отца Иоанна. Несмотря на то, что в течение 9 дней можно было убедиться в неточности донесений полиции, дети продолжают находиться под стражею в тюремном приюте еврейки Михельсон. Дальнейшее противозаконное лишение их свободы

побудило обратиться вновь с представлением о нарушении родительских прав, причиняющих страдания младенцам. К сожалению, вот уже неделя, как дети по-прежнему находятся под стражей, не видя своих родных. Вероятно, нижеприводимое письмо не дошло по своему назначению.

* * *

Милостивый Государь,
Петр Аркадьевич.

14 сего августа подал я записку тайному советнику Крыжановскому[1] о том, что у родных матерей и отцов в доме № 4 на Теряевой ул. в С.-Петербурге 2 июля сего года насильственно отобраны были их малолетние дети, а у г. Большакова из его квартиры на Средней Подьяческой ул., д. 11, были также силою увезены две его родные племянницы, причем девушки были оскорблены в полицейских участках насильственным осмотром, в присутствии мужчин, их половых органов. Дети до сего времени не возвращены их родным, и детские слезы от разлуки по-прежнему льются рекою.

Не хочу верить, чтобы Вашему Высокопревосходительству доставляло удовольствие причинять страдания 7-летним детям. О прекрасных качествах души Вашей мне лично говорил покойный Николай Евгеньевич Богданович[2]. Очевидно, Вашим именем воспользовались лица, желающие

[1] Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) – русский государственный деятель, юрист. Тайный советник (1907), статс-секретарь Его Императорского Величества (1916). Автор и разработчик ряда важнейших государственных актов, в том числе избирательных законов 1905 и 1907 годов. Государственный секретарь в 1911–1917 годах. Редактор «Русской летописи».

[2] Богданович Николай Евгеньевич (6.12.1870–17.12.1905) – государственный и общественный деятель, член Тамбовского Союза Русских Людей (ТСРЛ). Сын организатора крупнейшего правого салона Петербурга генерала Е. В. Богдановича. Н. Е. Богданович последовательно занимал посты сначала тургайского, потом уфимского и, наконец, тамбовского вице-губернатора. Статский советник. Убит террористом.

выместить свою злобу на почитателей отца Иоанна Кронштадтского, и, ссылаясь на Ваше какое-либо распоряжение, совершили жестокость. А быть может, эта жестокость допущена намеренно, чтобы подвести Вас и выдать Петра Аркадьевича Столыпина за дикого зверя?

Согласитесь сами: у матери полицейские схватили семилетнюю дочь и утаскивают ее. Девочка в ужасе кричит: «Мама, мама!..» Мать бросается к дочери, а пристав-католик фон Кек отталкивает ее ногой. Ребенок кричит раздирающим душу голосом… У матери хлынула кровь горлом, и она грохнулась об пол. Дочь увозят в полицейский участок, а оттуда в тюрьму под надзор еврейки Михельсон, а мать в больницу. Вот уже 7 недель, как несчастная женщина лежит неподвижно на больничной койке, и ей, страдалице, даже перед близкою уже смертью, ссылаясь на Ваше приказание, отказывают в возврате ребенка. Ее болезнь от тоски по дочери ухудшается, и она быстрыми шагами идет к могиле, проклиная и Вас лично, и детей Ваших, и внуков. Имя этой женщины Дарья Сковородина, а дочери ее Анастасия; лежала страдалица сперва в Обуховской больнице, а теперь в Выборгской.

Если не верите моим словам, приезжайте к ней и убедитесь лично.

И она не одна. Более 70 родителей насильственно разлучены с детьми. Родители на свободе, а дети под арестом. Ведь если родители совершили какое-либо преступление, то их надлежит лишить свободы, а не детей. А семилетние дети, если они даже виновны в каком-либо преступлении, по нашим законам не ответственны.

На требования возврата детей градоначальник отсылает к каким-то частным лицам – членам общества защиты детей от жестокого обращения. Из них присяжный поверенный Миронов издевается над родителями: «Возьмите песочку с могилы вашего Иоанна или маслица из лампадки. Авось, по-

может он детей получить, а я не отдам». Только кротостью почитателей отца Иоанна можно объяснить, что до сих пор никто из родителей не дал пощечины такому наглецу.

Глубоко убежден, что Ваше Высокопревосходительство не знаете этих подробностей, и потому только пишу Вам.

Я совершенно не касаюсь убеждений почитателей отца Иоанна. Они сами докажут Вам, что их только жиды и злодеи намеренно смешивают с сектантами. Меня понуждают обратиться к Вам с настоящим письмом те реки детских слез, которых я был свидетелем.

Рыдающих племянниц г. Большакова я утешил тем, что поеду к первому сановнику государства и расскажу ему об их горе, о пережитых и переносимых ими страданиях. Вас не было 14 августа в столице, и записку подал я С. Е. Крыжановскому.

Сегодня исполняю данное девочкам (14 и 15 лет) обещание похлопотать за них, считая это своим священным долгом, и притом с единственною целью посодействовать скорейшему возвращению детям их родителей.

Помните, что каждая минута насильственной разлуки причиняет детям страдания. У Вас у самого есть малолетние дети. Представьте себе хоть на минуту, что у Вас их насильственно отняли и бросили в тюрьму к ненавистным людям. – Что тогда почувствовали бы Вы и Ваша супруга?

Прошу Ваше Высокопревосходительство верить совершенному к Вам уважению и преданности Вашего покорного слуги.

Н. Жеденов

1909 г., 23 августа

С.-Петербург. Лиговка, 29

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Доклад Н. Н. Жеденова в Собрании Первого Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества, 27 января 1894 г. [СПб., 1894].

Сельские пожарные команды. Руководство к организации их без особых денежных затрат. СПб., 1896.

Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. СПб., 1896.

Казенная, общественная и частная продажа вина, их экономическое и нравственное значение. СПб., 1896.

Дети работники. Рассказ-ценз. СПб., 1896.

Крестьянские деловые и частные бумаги. СПб., 1897.

Благотворители и дети // Вестник благотворительности. 1897. № 2. С. 34–40.

Сельские детские колонии // Вестник благотворительности. 1897. № 3. С. 8–12.

Краткие сведения по огородничеству. Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. СПб., 1898.

Огурцы, как они растут и как их сажать. Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. СПб., 1898.

Кому и как помогать? СПб., 1898.

Несколько слов по вопросу о сельскохозяйственных сиротских приютах // Вестник благотворительности. 1898. № 1. С. 39–44.

Сельскохозяйственные приюты самопомощи для детей воинов-земледельцев. М., 1904.

Прошение... Николая Николаевича Жеденова министру внутренних дел [по поводу незаконного увольнения со службы]. [СПб., 1908].

Возражение на ответ г. Маркова. [СПб., 1910].

Гавриил Николаевич Луженовский. Биография. СПб., 1910.

Беседа Дворцового коменданта генерал-майора Дедюлина с правым деятелем, делопроизводителем канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника потомственным дворянином Николаем Николаевичем Жеденовым в связи с его Всеподданнейшим письмом о грозящей Николаю II опасности / Публ. Ю. И. Кирьянова // Отечественный архив. 2000. № 1.

Еще отповедь // Спутник союзника. СПб., 1911. С. 44–51.

Непрошеные советчики // Там же. С. 51–62.

Открытое письмо Н. Е. Маркову // Там же. С. 66–70.

Маргариновые монархисты. Предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела». [Критический разбор]. [СПб., 1912].

Тайна крови. Историческая повесть. СПб., 1914 (Библиотека Общества изучения иудейского племени. № 2).

Убой скота жидами. Труды Общества изучения иудейского племени. СПб., 1914.

Еврей, Израиль, иудей, жид. (Происхождение слова «жид»). СПб., 1914 (Библиотека Общества изучения иудейского племени. № 3).

КОММЕНТАРИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Доклад Н. Н. Жеденова в Собрании Первого Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества, 27 января 1894 г.

Текст печатается по изданию: Жеденов Н. Н. Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Доклад Н. Н. Жеденова в Собрании Первого Отделения Императорского Вольно-Экономического Общества, 27 января 1894 г. [СПб., 1894].

Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь.

Печатается по: Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. С 5-ю рисунками и с 5-ю планами. СПб.: книжный магазин Н. Фену и К^{о}, 1896. 212 с.

СОЧИНЕНИЯ Н. Н. ЖЕДЕНОВА ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ВЕДЕНИЮ ХОЗЯЙСТВА

Огурцы, как они растут и как их сажать

Текст печатается по изданию: Жеденов Н. Н. Огурцы, как они растут и как их сажать. Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. С 13-ю рисунками. Издана по постановлению комиссии, заведующей сельским приютом «Затишье», Московско-Нарвского отдела, состоящего под покровительством Ея Императорского высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикиевны Санкт-Петербургского общества попечения о бедных и больных детях. СПб., 1898.

Казенная, общественная и частная продажа вина

Текст печатается по изданию: Жеденов Н. Н. Казенная, общественная и частная продажа вина. СПб., 1896.

ДЕЛО Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Красноярский «бунт» (Письмо из Красного Яра Камышинского уезда)

Впервые опубликовано: Неделя. 1896. № 10. Колонка 325.

Дело Жеденова по обвинению в покушении на убийство г. Меньшикова, рассматривавшееся в III отделении Санкт-Петербургского окружного суда, с участием присяжных заседателей. Председательствовал председатель суда г. Чагин, обвинял прокурор А. Н. Познанский. Защищал присяжный поверенный П. Г. Миронов.

Публикуется в сокращении. Впервые опубликовано: Неделя. 1896. № 24. Колонки 763–859.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

Министру внутренних дел проживающего в С.-Петербурге, Лиговка, 29, дворянина Николая Николаевича Жеденова прошение

Текст печатается по изданию: Министру внутренних дел проживающего в С.-Петербурге, Лиговка, 29, дворянина Николая Николаевича Жеденова прошение. [СПб., 1908].

Открытое письмо Н. Е. Маркову

Воспроизводится по изданию: Жеденов Н. Открытое письмо Н. Е. Маркову // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 66–70.

Возражение на ответ г. Маркова

Текст печатается по изданию: Спутник союзника. СПб., 1911. С. 32–44.

Возражение на ответ г. Маркова (полный вариант)

Текст печатается по изданию: Жеденов Н. Н. Возражение на ответ г. Маркова. СПб.: Отечественная типография, б.г.

Еще отповедь

Текст печатается по изданию: Спутник союзника. СПб., 1911. С. 44–51.

Непрошеные советчики

Текст печатается по изданию: Непрошеные советчики // Спутник союзника. СПб., 1911. С. 51–62.

Маргариновые монархисты. Предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела»

Текст печатается по изданию: Жеденов Н. Н. Маргариновые монархисты. Предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела». [Критический разбор]. [СПб., 1912].

МАТЕРИАЛЫ ГАЗЕТЫ «ГРОЗА»

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 31 января 1914 г.]

Печатается по изданию: Гроза. 1914. 31 января. № 610 (5). С. 2–3.

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 15 февраля 1914 г.]

Печатается по изданию: Гроза. 1914. 15 февраля. № 614 (9). С. 2–3.

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 16 марта 1914 г.]

Печатается по изданию: Общество изучения иудейского племени. [Публикация от 16 марта 1914 г.] // Гроза. 1914. 16 марта. № 619 (14). С. 2–3.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 19 марта 1914 г.]

Печатается по изданию: Гроза. 1914. 19 марта. № 620 (15). С. 2–3.

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

Общество изучения иудейского племени
[Публикация от 6 апреля 1914 г.]

Печатается по изданию: Гроза. 1914. 6 апреля. № 623 (18). С. 4–5.

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

«Святая Русь»

Печатается по изданию: Гроза. 1917. 18 июня. № 901 (13). С. 2 (рубрика «За день»).

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

Петроград, 15 августа 1917 года

Печатается по изданию: Гроза. 1917. 15 августа. С. 1 –2.

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

Жидовский подвох

Печатается по изданию: Гроза. 1917. 15 августа. С. 2 .

Авторство заметки в газете «Гроза» не указано.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. Н. ЖЕДЕНОВА

[Письмо Н. Н. Жеденова министру Императорского двора барону В. Б. Фредериксу]

Впервые опубликовано: http://zt1.narod.ru/jedenov1.htm. Первоисточник: Российский государственный исторический архив (РГИА). [1905 г.] Ф. 472. Канцелярия Министерства Императорского Двора. Оп. 43 (493/2718). Д. 8. Л. 345–351. 1905 год. О передаче на рассмотрение Совета министров записки Жеденова «Государственная Дума».

[Письмо Н. Жеденова П. А. Столыпину по поводу ареста детей приверженцев Иоанна Кронштадтского]

Впервые опубликовано: http://zt1.narod.ru/jedenov1.htm. Первоисточник: РГИА. [1909 г.] Ф. 954. Кауфманы, фон и Кауфманы. Оп. 1. Д. 334. Письмо Н. Жеденова П. А. Столыпину по поводу ареста детей приверженцев Иоанна Кронштадтского.

СОДЕРЖАНИЕ

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 80 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 25.10.2012 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 30,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.

Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.